

Архивное агентство Иркутской области
Государственный архив новейшей истории
Иркутской области

**Воспоминания участников
Гражданской войны
в Восточной Сибири 1918–1920 годов
(по материалам ГАНИИО)**

*Составитель
Е. А. Серебряков*

Иркутск
Отгиск
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
В 77

Составитель:

начальник отдела информации, публикации и научного
использования документов ОГКУ «ГАНИИО»

Е. А. Серебряков

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор

В. Н. Казарин (научный редактор),

кандидат политических наук, доцент Р. Ю. Зуляр

Ответственный за выпуск:

директор ОГКУ «ГАНИИО» И. К. Рудакова

Научный рецензент:

доктор исторических наук, профессор П. А. Новиков

Археографическая обработка,

компьютерный набор и подготовка фотоматериалов:

ведущий архивист ОГКУ «ГАНИИО» Н. Г. Русак

архивист I категории ОГКУ «ГАНИИО» Д. А. Чайко

**В 77 Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной
Сибири 1918–1920 годов (по материалам ГАНИИО) / сост.
Е. А. Серебряков. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2019. – 648 с. илл.**

Настоящим сборником Государственный архив новейшей истории Иркутской области продолжает публикацию документов, связанных с политической историей Восточной Сибири XX века.

В книге собраны воспоминания участников Гражданской войны – партизан, красногвардейцев, командиров отрядов, очевидцев героических и трагических событий 1920-х годов, хранящиеся в фондах ГАНИИО.

Сборник предназначен для широкого круга исследователей и, прежде всего, историков, политологов, краеведов, журналистов, преподавателей, студентов, учащихся и всех тех, кто интересуется историей Гражданской войны в Сибири.

ISBN 978-5-6044091-5-2

© ГАНИИО, 2019

© Е. А. Серебряков, 2019

Содержание

По пути осмысления	12
От составителей	16
Из воспоминаний Карла Карловича Некундэ-Байкалова	
«Из опыта партизанской войны в Сибири»	18
Неуловимость партизанских отрядов.	18
Предпосылки неуловимости партизанских отрядов.	19
Отношения к населению	19
Возникновение, состав и руководство красных отрядов	20
Снабжение партизан	21
Связь между отрядами и городом	21
Вооружение отрядов	22
Численность отрядов	22
Задачи партизанских отрядов	23
Тактика партизанских действий	24
Засады и ловушки	24
Набеги и налеты	27
Меры против преследования	28
Выход из блокады и окружения	29
Действия объединенными силами	
и мелкими частями	30
Наступление и оборона	31
Разведка, агентура и связь между частями.	32
Меры охранения и предосторожности	32
Скрытие и запутывание следов	36
Прятанье захваченных грузов	38
Пленные	38
Новая обстановка партизанской войны в будущем	39
Необходимые мероприятия	41
Иркутск	43
Из стенограммы совещания с участниками Декабрьских	
1917 г. событий в городе Иркутске	43
Тов. Шестерников Иван Алексеевич, село Лиственичное.	43
Тов. Карганов Василий Григорьевич, иркутянин	44
Тов. Чебонтягин Степан Селиванович, бывший курьер	
управления службы тяги Заб. ж/д.	46

Воспоминания Г. Антипина о подавлении восстания юнкеров в декабре 1917 г. в Иркутске	49
Из воспоминаний В. К. Волкова о Декабрьских событиях 1917 года в городе Иркутске	54
Из воспоминаний Фурмана С. Б. о борьбе большевиков и эсеров в Декабрьских событиях 1917 года в городе Иркутске	62
Биография Фурмана Саула Баруховича	67
Воспоминания Журавлева о событиях в Иркутске с прибытием чехов в 1917–1918 годах.	68
Выдержка из воспоминаний И. Брилева о жизни и партизанской борьбе в Сибири	73
Воспоминания из прошлого красного партизана П. Г. Шужгаева	81
Воспоминания Ремешевского об организации боевой дружины в г. Иркутске и ее первом боевом крещении в 1918 году	84
Воспоминания Я. А. Кутузова об Александровском центре в период колчаковщины 1918–1919 гг.	102
Письма руководителей Политцентра друзьям о событиях 1919 года в Сибири	106
Воспоминания председателя земской управы Иркутской губернии о поведении земцев в период борьбы с чехами [в] 1918–1919 гг.	106
Рукопись Комолькова «О возникновении и деятельности Иннокентьевской подпольной организации» за 1919–1920 годы.	130
Воспоминания М. Багаева о пребывании в Иркутской тюрьме	144
Автобиография Помазкина, участника борьбы в отряде Каландаришвили в 1920 году.	150
Воспоминания Телегина о боевых действиях 1-ой железнодорожной рабочей дружины, принимавшей активное участие по свержению колчаковской власти, аресте Колчака и задержке золота на ст. Иркутск в 1919–1920 гг.	152
Автобиографические сведения члена РКП(б), партбилет № 228499 Николая Ефимовича Иванова . . .	162

Памяти борца за рабочее дело, погибшего от рук белобандитов 19 мая 1922 года Константина Танаисова.	165
Черемховский район	170
Стенограмма доклада т. Попова на заседании землячества при Музее РККА о действиях партизанских отрядов Черемховского района и отряда Каландаришвили	170
Воспоминания Данилы Захаровича Бабича о борьбе черемховских рабочих против юнкеров и чехов в 1917–1918 гг.	209
Воспоминания с 1917 г. Жизнь рабочего Черемховского района на Касьяновских копях – Василий Васильевич Новиков	212
Воспоминания Г. Барковского о борьбе черемховцев с чехами в 1918–1919 гг.	216
Воспоминания А. А. Артемьева о революционных событиях в 1917–1920 годах в районе поселка Мишелевка	219
Воспоминания начальника 1-го партизанского отряда Евгения Ивановича Куприна о черемховцах	223
Воспоминания о борьбе с белобандитами	224
Зиминский район	234
Воспоминания Е. Дубининой о прошлой подпольной работе в г. Зиме.	234
Воспоминания 1918 года красногвардейца Долгих о событиях в п. Тыреть	236
Копия протокола опроса Никиты Никитича Красикова	243
Балаганский район	247
Воспоминание Иваненко о падении Советской власти в Балаганском уезде в 1918 году	247
Воспоминания для Истпарта от Крутелева	254
Очерк партизана Георгия Семеновича Чиркова о борьбе с остатками белогвардейских банд в 1920–1921 годах	257
Воспоминания М. Митрофанова о зверствах колчаковской армии в Балаганском уезде «О впечатлениях, пережитых в Сибирской действительности»	266

Тулунский район	274
Сведения о восстании против Колчака.	274
История одного из партизанских отрядов под командованием тов. Шляпы в Тулунском районе в 1919 году	276
Братский район	278
Громов Иван Александрович о партизанском движении 1917–1920 гг.	278
Автобиография партизана Гарани Дюлла Имровича, принимавшего участие в отряде Бурлова в 1919 году	301
Илимский район	305
Илимские партизаны. Мои воспоминания из времен Гражданской войны. Реакция 1918–19 годов	305
Выдержки из рукописи С. Я. Романова «Илимские партизаны».	308
Воспоминания крестьян и партизан о революционном движении в Нижнеилимске в 1918–1919 годах, записанные В. Холкиным	318
Выдержки из воспоминаний Чебышева о революционной работе в Сибири /Хабаровске и Иркутской губернии – Ангаро-Илимский край/ с 1917 по 1922 год	320
Верхотенский район	334
Доклад Киселева Д. Д. об организации Советской власти в Верхотенске	334
Стенограмма вечера воспоминаний Иркутского землячества от 18-го ноября 1932 г.	334
Жигаловский район	345
Воспоминания И. А. Дулова о борьбе с колчаковщиной в Верхотенском и Жигаловском уездах.	345
Воспоминания А. А. Аксаментова о партизанском движении в Жигаловском уезде в 1919 году	353
Усть-Кутский район	359
Воспоминания Н. В. Дворянова о борьбе партизан против белогвардейцев под командованием Зверева в 1918–1919 гг.	359

Заметки о партизанском движении 1918–1920 годов красного партизана, бывшего члена военно- революционного совета Северо-Восточного края Сибири Макарова Фёдора Степановича	363
Выдержки из рукописи Василия Ивановича Перфильева «Илимские партизаны» за 1917–1919 год.	371
Воспоминания Н. А. Касьянова о переходе 2-го батальона 53 Сибирского стрелкового полка армии Колчака на сторону красных партизан и боевых действиях отряда Зверева в 1919–1920 годах	373
Воспоминания в Истпарт	374
Киренский район	384
Воспоминания Тетерина о борьбе партизан за освобождение Киренска, Якутска, Бодайбо и других городов, о пребывании в тюрьме и побеге из нее в 1918–1919 гг.	384
Неполная рукопись В. Г. Никольского о борьбе партизан за Советскую власть в Киренском уезде в 1918–1920 годах	409
Бодайбинский район	442
Воспоминания Николая Марковича Юдина о революционных событиях в 1917 году в Бодайбинском районе.	442
Воспоминания К. П. Мясникова об участии в революционной работе в Бодайбо и партизанской борьбе в отряде Зверева	457
Тасеево-Шиткинский район	462
Выдержки из воспоминаний неизвестного автора о партизанах деревни Денисовки Тасеевского района в 1917–1918 гг.	462
Против власти помещика и генерала. Воспоминания И. Ф. Дощика	464
Автобиография и воспоминание И. Е. Горемыкина, участника партизанской борьбы в 1918–1919 годах . . .	471

Воспоминание Ивана Нефедовича Данилова о знакомстве с политикой и борьбе партизан против белых в Тасеево в 1918–1919 годах.	475
Воспоминания Михаила Захаровича Лупянникова	493
Воспоминания Василия Михайловича Данилова.	506
Воспоминания и рассказы о борьбе партизан и зверствах белобандитов в Борках, Тасеево и Шеломках Борки и Бакчет	509
С капиталистической каторги в партизанский отряд (рассказ Анисима Маркеловича Борисова)	511
За революционную работу мужа (рассказ Евдокии Алексеевны Астаховой)	515
Штыком и плетью (рассказ Дмитрия Васильевича Машукова)	518
Рассказ Андрея Захаровича Плеханова «Семнадцать против полка».	521
Неполный протокол заседания фельдшеро-лазарета Шиткинского фронта 15 ноября 1919 года.	523
Воспоминания Яковлева о борьбе партизан Тасеевского фронта	527
Воспоминания С. Л. Карасева о боевых действиях партизанского отряда «Кравченко и Щетинкина»	532
Рассказ партизана Кучеровского отряда Северо-Канского фронта Сергеевича Ильи Иннокентьевича «В засаде».	535
Воспоминания И. В. Вирченко об организации и деятельности Шиткинского фронта.	539
Воспоминание Л. А. Ядвинского о наступлении чешских войск на ст. Ключвенную и связи коммунистического отряда с Бурловым	551
Революционные воспоминания 1918–1922 года	551
Выдержки из заявления бывшего члена Реввоенсовета и заместителя командующего партизанским отрядом Шиткинского фронта Прокопия Дмитриевича Кривоуццкого	556
Учетная карточка на члена ВКП(б) образца 1935 г.	558
Рассказ неизвестного автора «По следам отступления партизан».	559

Забайкалье	567
Биография о революционном движении гражданки Дарьи Андреевны Апонович	567
Краткая рукопись М. И. Савватеева «В тылу революции», рассказывающая о событиях в с. Гаур в 1917 году	569
Воспоминания партизана Морозова для Истпарта	573
Воспоминания А. Телечкиной о Бланковых	574
Справка, выданная тов. Бланкову, отцу убитых его детей Александра и Зинаиды.	575
Воспоминания Зинкевича для Истпарта	575
Из воспоминаний бывшего красногвардейца партизана Богомолова Петра Ивановича	578
Воспоминания Д. Журавлёва о расстреле 36 коммунаров на Забайкальской железной дороге в 1918 году	581
Памяти 36 коммунаров	581
Воспоминания М. Л. Калинина о побеге к красным частям в 1918 году	582
Воспоминание бывшего красногвардейца Байкальского отряда Дмитриева Александра Григорьевича о борьбе с контрреволюцией в Сибири в 1918–1919 гг.	586
Выдержки из воспоминаний Иннокентия Романовича Пляскина о зверствах оголтелой белогвардейщины атамана Семенова.	588
Воспоминания бывшего начальника красногвардейских отрядов С. А. Русина-Рыбникова «Сибирь в огне»	595
Воспоминания Ивана Корнева, Михалины Рябцовской, Анны Рябцовской и Викентия Рябцовского о борьбе Красной Армии против банд Колчака в 1918–1919 годах	599
События 1918 г. Воспоминания	602
Как я стал борцом за идеи коммунизма	604
Воспоминания Н. Ф. Комиссарова о разгроме белых отрядов в Бичуре и партизанском съезде в 1918–1919 годах	605
Воспоминание красногвардейца Байкальского отряда Красной гвардии Куприянова Митрофана Федосеевича о борьбе с контрреволюцией в Сибири в 1918 году	608

Воспоминание А. Воремен о зверстве белобандитов над арестованными в 1919 году. Племянник и дяди – предатели и жертвы	611
Воспоминания П. И. Белоглазова об организации Красной гвардии на ст. Слюдянка и её действиях в 1918–1920 годах	614
Выдержки из воспоминаний участников Гражданской войны о борьбе с контрреволюцией в Сибири и Забайкалье . .	617
Светлой памяти моих товарищей по отряду (Воспоминания Авдеева-Байкальского)	617
Выдержки из воспоминаний Яничек Б. С. о героических боях в Красной гвардии и партизанах. . . .	619
В годы Гражданской войны	623
Воспоминание Зинаиды Ивановой-Збик	623
Выдержка из воспоминания Родионова Германа Михайловича	631
Воспоминания Белякушкина Дмитрия Матвеевича о борьбе с чехословаками на Байкале в 1918 году	632
Стихи о событиях Гражданской войны.	634
Расстрел Иргейской деревни	634
Колчак (автор неизвестен)	637
В память расстрела Красных партизан	639
Воспоминания партизана	641
Террор Колчака в сибирской деревне	643
Список сокращений.	647

Фотографии

По пути осмысления

Задача распространения исторических знаний ответственна и почетна. Глубокое знание прошлого позволяет уверенно ориентироваться в настоящем и строить осмысленное будущее. Хранилищем богатейшего жизненного опыта является история нашей страны, обращение к которой помогало и будет помогать благу людей. Многие поколения предков сформировали неразрывную ткань национальной преемственности, огромную и крепкую, как сама родная земля. Ответственна и почетна задача распространения достоверных знаний. Интерпретация минувших событий очень важна для аргументированного обоснования общественных и личных планов.

Гражданская война в России навсегда определила судьбу нашей страны, ярко запечатлев в себе и зарождение всепроникающей коммунистической власти, и начальное сопротивление различных групп этому процессу. Лишь разгромив организованных и вооруженных противников, большевики смогли в полной мере приступить к осуществлению социальных преобразований. Опыт политического, военного и хозяйственного строительства, накопленный красными и белыми в экстремальных условиях Гражданской войны, заслуживает научного и общественного осмысления, скрупулезной реконструкции общего контекста (исторического фона) и непредвзятых оценок ряда альтернатив.

История нашей страны в XX веке неотделима от деятельности коммунистов – членов партии, правившей страной с 1917 по 1991 годы, инициаторов и разработчиков, руководителей и исполнителей всемирного Коммунистического (Красного) проекта. Всесоюзная Коммунистическая партия являлась основой политической системы, созданной большевиками после взятия власти в октябре 1917 года. Партия доминировала в политической иерархии, возложив сама на себя практически неограниченный спектр полномочий. Уже к середине 1920-х годов основные управ-

ленческие функции страной перешли к партийному аппарату. В дальнейшем именно партия выступала главным инициатором и руководителем всех политических и идеологических кампаний, экономических и культурных проектов в СССР. Юридически не имея права вторгаться в деятельность Советов депутатов, хозяйственных организаций и профсоюзных структур, в реальности именно партия стояла за подавляющим большинством решений этих органов, полностью определяя развитие страны в целом и отдельных регионов в частности. Партийный аппарат прошел длительный путь, испытал многочисленные «пробы и ошибки», закалил дисциплину в ходе череды кампаний, пережил ряд радикальных смен общего политического курса. Зачастую властные решения принимались на базе идеологических воззрений, а не практических потребностей.

В советской научной и художественной литературе сложилась стройная система канонизации и героизации действий большевиков, сформировался набор догм и стереотипов. Официальная пропаганда бесцеремонно и потребительски обращалась с военными героями – потенциальными авторитетами и образцами для подражания масс, периодически быстро переходя от похвалы к вычеркиванию из памяти тех или иных персоналий. Быстро перестало быть правилом «Мертвые сраму не имут», а действия одних оказались приписаны другим. Декларировался приоритет материального над духовным, безраздельно доминировали интересы сиюминутной политической конъюнктуры. Усиление партийного контроля в сфере идеологии сопровождалось архивными и макулатурными чистками, развитием секретного делопроизводства. Немногие участники оставили воспоминания, а из написавших – лишь единицы их опубликовали. С точки зрения государства, аналитический дар мемуариста мог нанести вред, ибо убедительная реконструкция автором причин тех событий могла вооружить знанием не только друзей, но и врагов. Однако, пробиваясь сквозь преграды пропаганды, народная память сохранялась.

Допущенные советскими историками обширные умолчания были использованы западными, а затем и частью постсоветских российских авторов, как повод для развернутой критики или огульного опровержения советских трактовок. Распад СССР разрушил многие стереотипы, низверг ценностные ориентиры, обе-

спечил плюрализм мнений и породил острую дискуссионность в оценках прошлого. Исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным материалам. В то же время реальностью стали попытки подбором негативных фактов из советского прошлого и его предвзятых интерпретаций найти и задействовать рычаги политического и идеологического воздействия на современную Россию.

Сегодня встает ответственная задача непредвзято и уважительно проанализировать события XX века, их краткосрочные и долгосрочные последствия. Засвидетельствованное разрушение прежних догм и стереотипов лишь подчеркивает значимость подлинного национального опыта. Его детальное изучение необходимо для сохранения исторической памяти и извлечения уроков. Именно на региональном уровне особенно отчетливо проявились основные черты и закономерности.

В этой связи исключительную ценность представляет любой вводимый в широкий оборот документ, свидетельство, высказывание, рассказ. В центре каждого из публикуемых воспоминаний находятся события Гражданской войны. Нераздельным фоном выступает панорама людских судеб, где-то яркая и образная, где-то краткая, словно скупая.

Сборник «предоставляет слово» рядовым бойцам, красногвардейцам, партизанам. Их дела и мысли, суждения и поступки – отражение динамичных общественных процессов. Нелитературность стиля, частая нелогичность, отдельные неточности не могут перечеркнуть главного достоинства – искренности, непосредственности, эмоциональности. Перед нами прямой и откровенный рассказ о политических перипетиях, боевых событиях, трудовых буднях сотен людей. Тексты пронизывают читателя «духом эпохи», не предвешая выводов, позволяя делать самостоятельные умозаключения. Дорого стоит право самому расставить ключевые акценты, выделить самое главное в череде наглядных частных случаев, осознать драматизм прошлого, воспринять яркость описания.

Публикуемые материалы отражают четыре взаимосвязанных, но и вполне самостоятельных аспекта, каждый из которых заслуживает предметного научного и общественного внимания. Во-первых, воспоминания содержат детальные свидетельства о

Гражданской войне на территории Восточной Сибири. Во-вторых, они являются уникальным результатом личного запоминания и последующего осмысления событий междоусобного противоборства, так как записывались они много позже. В-третьих, стиль, содержание, внутренняя логика, акценты выступают четким отражением личности авторов – людей героической эпохи. В-четвертых, весь массив свидетельств личного происхождения собран под руководством и контролем Коммунистической партии, что предопределило и само содержание текстов, и осторожную выборочность их публикации в советский период. Взаимосвязь перечисленных аспектов и обусловила общую идею настоящего сборника, отбор единиц хранения из одного архива – Государственного архива новейшей истории Иркутского области.

Выверенная и логичная структура с емкими заголовками и соблюдение в целом хронологической последовательности облегчает восприятие. Выделение географических границ помогает «погружению» в минувшую эпоху, увеличивает детальность рассмотрения, обеспечивает гармоничный баланс между показом общего исторического контекста и выявлением местной специфики. Созданы все условия, чтобы выявить причинно-следственные связи и полнее осмыслить национальный опыт.

Остается искренне поблагодарить коллектив составителей во главе с Е. А. Серебряковым и пожелать читателям внимательного чтения.

*П. А. Новиков,
заведующий кафедрой истории и философии
ИрНИТУ, доктор исторических наук*

От составителей

Российское историческое сообщество и научная общественность в 2020 году отметят 100-летие событий Гражданской войны в Сибири.

Государственный архив новейшей истории Иркутской области, в прошлом партийный архив, приурочил к этой памятной дате очередной сборник архивных документов.

Ранее не публиковавшиеся воспоминания участников и свидетелей судьбоносных событий периода 1917-1920 гг. в Восточной Сибири хранятся в старейшем фонде архива - Отделе по сборанию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции при Иркутском обкоме ВКП(б) (Истпартотдел).

В сентябре 1920 г. решением Совнаркома РСФСР была учреждена Комиссия для собирания и изучения материалов по истории РКП(б) и Октябрьской революции, на местах создавались Истпартбюро, подчинявшиеся отделам народного образования, но вскоре переданные в ведение партийных комитетов. В дальнейшем Истпартбюро были преобразованы в Истпартотделы.

Истпартотдел Иркутского губернского комитета ВКП(б) был создан в 1925 г., продолжал свою деятельность при Иркутском окружном, Восточно-Сибирском краевом комитетах ВКП(б), с сентября 1937 г. – Истпартотдел Иркутского областного комитета ВКП(б). Ликвидирован в 1939 г., и его функции переданы партийному архиву.

За годы деятельности Истпартотдела были накоплены богатейшие документальные материалы по истории революционного движения, в том числе воспоминания участников событий Гражданской войны.

Публикуемые воспоминания - это рукописные или машинописные тексты, на бумажных носителях, находящиеся в настоящее время в ветхом состоянии, с затухающим текстом, что созда-

вало дополнительные трудности при археографической обработке документов.

Во многих воспоминаниях не указаны конкретные даты их создания. Можно лишь по косвенным признакам установить примерное время написания воспоминаний, но все они были созданы в период с 1922 по 1939 годы.

Составителям сборника не удалось по документам архива определить авторство ряда воспоминаний, персональные данные и биографические сведения некоторых авторов.

В текстах документов сохранены стилистические и языковые особенности авторов. Орфографические ошибки и явные опечатки в тексте устранены без оговорок.

В сборнике мы не пытаемся дать никаких политических оценок происходящим событиям. Через подлинные документы мы стремимся показать противоборствующие стороны, все своеобразие революционных перипетий, происходивших в Сибири, а также причины и последствия Гражданской войны.

Надеемся, что собранные в книге воспоминания помогут расширить документальную базу тех событий и значительно обогатить тематику научных исследований.

*Е. А. Серебряков,
начальник отдела информации,
публикации и научного использования
документов ОГКУ «ГАНИИО»*

Из воспоминаний Карла Карловича Некундэ-Байкалова «Из опыта партизанской войны в Сибири»

Родился в 1886 г. в Латвии. Советский военачальник, участник Гражданской войны, командир партизанского отряда. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Воевал в Монголии и Якутии, работал в военном трибунале 5-й Красной Армии. В 1937 г. осужден на 10 лет по 58-й статье. Скончался в августе 1950 г., похоронен в Якутии.

Неуловимость партизанских отрядов

Если взять огромное большинство красных партизанских отрядов в Сибири и на Дальнем Востоке, то они просуществовали в тылу Колчака, Семенова и других белогвардейцев с начала и до конца их власти. Изловить и уничтожить их не могли никакими силами и средствами. Погибли лишь отдельные отряды из дезертиров, великие уголовные бандиты и крестьянские отряды, не имевшие надлежащее твердое руководство, твердой дисциплины, необходимых мер предосторожности и охранения. Только отдельные хорошие отряды погибли не вынужденные общей обстановкой, а благодаря случайности, непростительной беспечности, излишней доверчивости и предательству. К частностям. Эти частности объясняются главным образом малоопытностью и некультурностью руководителей отрядов. То же видим у белогвардейских отрядов при Советской власти в период колебания на их сторону середняцких слоев крестьянства. Донской, Кайгородов, Артемьев и другие бандиты партизанили несколько лет подряд. За ними тщетно гонялась иногда цельная дивизия. Они погибли тогда, когда от них отшатнулось большинство крестьянства, т.е. общая обстановка изменилась не в их пользу. Продолжительное время держались басмачи (по-моему,

благодаря неумелым методам ликвидации басмачества), махновцы и другие. Чрезвычайно характерна упорная партизанская война туземных народностей Сибири и Кавказа против русских завоевателей, длившаяся десятками лет.

Предпосылки неуловимости партизанских отрядов

Неуловимость партизанских отрядов обеспечивается, как показывает история всех партизанских воинов, достаточной площадью с редкими населенными пунктами, бездорожьем, плохой связью и пересеченностью местности (горы, леса, тайга и болота). Главное же, без чего почти немислимо более или менее продолжительное существование партизанских отрядов – сочувствующее к движению большинство местного населения. Этим и объясняется быстрая ликвидация всяких бандотрядов в настоящее время. Кроме того, партизанские отряды обычно формируются из местного населения, прекрасно знающего местность, имеющего кругом родство и знакомство, умеющего пользоваться природными условиями и приспосабливаться к природным невзгодам погоды.

Отношения к населению

Знакомство, классовое и семейное родство обеспечивают сочувствие к красным партизанским отрядам со стороны большинства местного населения. Это, в свою очередь, определяет отношение партизан к последнему. При всяком удобном случае отряды вели массовую политработу, не допускали никаких реквизиций и насилия, а главное, расстрелов предателей и «шпионов» по обычным подозрениям отдельных партизан. Отряды избегали, по возможности, не подводить ни под какие репрессии белогвардейцев, сочувствующие им деревни. С другой стороны, красные отряды беспощадным образом расправлялись со всеми активными кулаками, действительными провокаторами, шпионами и предателями. Отряды, которые не умели руководствоваться этими принципами, погибли. Что касается белогвардейских отрядов, то они опирались на кулачество и часть середняков, беспощадно расправлялись с приверженцами Советской власти.

Возникновение, состав и руководство красных отрядов

Большинство отрядов в Сибири возникало стихийно из вынужденных скрываться, в первую очередь из бывших советских работников. Огромное же большинство, в том числе и старые подпольщики, после чешского переворота и разгрома наших частей в Сибири, предпочитали проживать «в подполье», как известно, большинство из них провалились и без всякой пользы погибли. К скрывавшимся начали присоединяться все преследуемые и недовольные колчаковской властью, в том числе и дезертиры, а очень часто и уголовные. Борьба за существование сразу же толкала эти скрывавшиеся группы на реквизиции и грабежи, их начали преследовать. Шаг за шагом они втянулись в борьбу с преследующими их частями, начали приобретать опыт и самоуверенность в действиях. Росло недовольство колчаковщиной у большинства крестьянства, а вместе с этим росли отряды и части преследующих. В отдельных отрядах с крайне слабой прослойкой партийцев (иногда одиночки) и просто политически выдержанных рабочих и революционеров, стал быстро распространяться и теряться в мелкобуржуазной среде. Мелкобуржуазная стихия взяла верх. Во-первых, она выразилась в выборах начальников. На место политически выдержанного, твердого, требовательного и активного начальника выбирались очень часто «свои» аполитичные, бесхарактерные крестьяне. «Демократия» простиралась и дальше, захватила и область всех оперативных действий. Все стали решать «голосованием». Очень часто подвергались обсуждению и голосованию всякие не понравившиеся распоряжения начальника. Дисциплина в таких отрядах пала до крайности, на пост, особенно зимой, идти никто не желал и не считал нужным, а если ходили, то спали. Из операций соглашались только на реквизиции, иногда «пакости» – сваливали телеграфные столбы и разбирали ж\д пути и т.п. После реквизиций у «буржуев» началась дележка добычи, кончавшаяся иногда потасовкой. Брали и делили иногда вещи, такие как самовары, постельные принадлежности и др. Все это увозилось по домам. Постоянные отлучки домой отрядников вели к провалам и, конечно, полному признанию вины провалившегося с последующими репрессиями. В общем, такие отряды, потеряв боеспособность, сидели пассивно поблизости к

своим деревням и женам. В большинстве случаев такие отряды превращались в уголовные банды, были легко уничтожены колчаковцами или же, разложившись, распадались. В последнем случае все здоровые ушли в другие здоровые отряды, а остальные в одиночку или группами стали добычей колчаковцев. Обычно же революционно выдержанная часть отрядов преследовала мелкобуржуазную стихию. Начальник, даже если он не партиец, опирался на партийную группу, организовал вокруг себя крепкий костяк, брал отряд в руки, в боевых операциях осуществлял единоначалие, вел строгую военную дисциплину и вел активные действия против белогвардейцев. Разумеется, что эта твердая линия имела успех лишь при правильном сочетании с безусловным политически-этическим и боевым авторитетом как начальника, так и партийной группы и всего костяка.

Снабжение партизан

Само собой разумеется, что снабжение отрядов производилось за счет реквизиции у кулаков, частных торговцев, коопераций и различных правительственных учреждений. Особенно практиковались реквизиции грузов в пути (на больших трактах, ж/д, водных путях и др.). В исключительных случаях по снабжению продфуражом пользовались общей разверсткой за наличный расчет по средней рыночной цене. Также деньги конфисковали у кулаков (контрибуцию), торговцев, кооперации, земства, почты-телеграфа, винных лавок и других правительственных учреждений. Реквизированное продовольствие направлялось на хранение в надежные деревни, либо вглубь тайги в специальные склады. В построенных при складах (в различных пунктах) пекарнях непрерывно пекся хлеб и сушились сухари. Местонахождение складов и пекарен знала только надежная группа товарищей.

Связь между отрядами и городом

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что связь между отрядами и городом была чрезвычайно слаба. Мелкие отряды находились друг от друга, действовали разрозненно. Только в конце колча-

ковщины отряды объединились для совместных действий. Также связь с городом и парторганизацией у большинства отрядов была крайне слаба. Отряды не получали поэтому политического руководства и нужной информации о действительном общем положении.

Вооружение отрядов

Быстрый рост отрядов и их активность крайне тормозили отсутствие оружия и, в особенности, патронов. За винтовки брали дикие цены и ездили за много десятков километров. На сотню человек в первой и средней стадии колчаковщины было не более 15–20 трехлинеек с проржавелыми запалами (при 15–20 патронах). Для остальных – несколько нарезных бердан¹ и различные дробовики и пики. Было еще несколько гранат различных систем. Конечно, при таком вооружении отряды не могли довести до конца много прекрасно начатых ночных набегов и засад. Ограничились лишь короткими ударами. Они вынуждены были охотиться на мелкие группы белогвардейцев, производить налеты на села с целью лишь обезоружить милицию и других правительственных агентов.

Численность отрядов

Численность отрядов обуславливалась многими обстоятельствами. В первое время после чешского переворота, когда середняк и часть бедноты колебнулась в сторону «демократической» контрреволюции, численность отрядов не могла быть сколько-нибудь значительной – 3–5–10 человек. Потом отряды увеличивались в зависимости от партизанских задач и целей, действовали совместно или распадались. Иногда распыление требовалось соображениями снабжения продфуражом, невозможностью найти в пути следования достаточного количества лошадей, или же моменты занятия (блокады) всего района превосходящими калачевскими отрядами. Самые подходящие для сибирских условий

¹ Общее название двух различных систем однозарядных винтовок под унитарный патрон центрального воспламенения с металлической гильзой и дымным порохом, состоявших на вооружении в Российской империи во второй половине XIX века.

отряды состояли из не более 100 человек. Отряды же в несколько сот или тысяч человек, как Петинина, Мамонтова, Стасевича, Каландаришвили (перед занятием Иркутска), не могли быть уже отнесены к партизанским отрядам, это были повстанческие части с их особой структурой и тактикой действий.

Задачи партизанских отрядов

В отличие от фронтовых войск, партизанские отряды не могли поставить себе основной задачей уничтожение живой силы противника, т.к. на стороне последнего была огромная численность и технический перевес. Кроме того, за отсутствием медпомощи и тыла, большинство серьезно реальных партизан в большинстве случаев были обречены на гибель. Отряды, ставившие основной задачей отвлечение своими действиями на себя с фронта как можно больше войск неприятеля. У меня нет данных, но можно быть уверенным, что роль «громоотвода» отряды выполнили превосходно, отвлекая на себя огромные силы колчаковцев и силы интервентов.

Вторая задача – дезорганизация тыла неприятеля. Она заключалась приблизительно в следующем: А) Прекращение дорожного и водного движения. Б) Приостановление почтовой и телеграфной связи. В) Уничтожение правительственных и земских органов власти. Г) Реквизиция всяких денежных сумм и грузов, раздавали их трудящемуся населению в случае избытков. Д) Прекращение всяких разъездов агентов правительства. Е) Недопущение никаких мобилизаций (людей, лошадей и др.), а также сбора всяких налогов. Ж) Прекращение всяких правительственных, а иногда и земских работ. З) Освобождение из тюрем арестованных, по мере необходимости и целесообразности, поджоги и взрывы мостов, складов, водокачек и различных промышленных предприятий и т. д. С этой задачей отряды справились удовлетворительно, а иногда даже пересаливая.

Третья важная задача – организация восстаний в тылу неприятеля и руководство вспыхнувшими восстаниями. Почти во всех районах действиями отрядов после колебания середняков на сторону Советской власти, «прелестей демократии» и атамановщины

партизаны подготовили обширное восстание крестьян и приняли над ними руководство. В некоторых местах за отсутствием связи восстания крестьян не были увязаны с восстанием рабочих в городах. В отдельных районах повстанческие части, как более громоздкие (обремененные семействами), слабо вооруженные и дисциплинированные, были разгромлены колчаковцами. Однако партизанские отряды повстанцев оказались мало уловимыми и ускользали, продолжая свои партизанские действия. С этой задачей отряды справились отлично.

Четвертая задача – сохранение живой силы революции в тылу неприятеля. Если иные пассивные отряды слабо выполнили предыдущие задачи, то последнюю они выполнили все же хорошо. Многие скрытые и нелегальные, преследуемые партийцы, очень часто старые подпольщики, спасали партизанские отряды и сохраняли для дальнейшей работы и борьбы.

Тактика партизанских действий

Тактика партизанских действий дает много нового и интересного, она чрезвычайно богата и многогранна, ее нельзя ни в какой мере исчерпать на опыте одного человека, ограничивается следующими разделами: А) Засады. Б) Набеги и налеты. В) Меры против преследования. Г) Выход из блокады. Д) Действия объединенными силами и мелкими частями. Е) Наступление и оборона. Ж) Разведка, агентура и связь между частями. З) Меры охранения и предосторожности. И) Скрытие запутанных следов. К) Прятать захваченный груз. Л) Пленные.

Засады и ловушки

Я уверен, что не ошибусь, если скажу, что засады – это основной тактический прием борьбы сибирских партизан против белогвардейцев. Больше этого, этот способ борьбы был основным в истории всех партизанских воин. На партизанские засады сильная сторона всегда несла совершенно невероятные жертвы и потери. На партизанских засадах также и колчаковцы, чехи и прочие

потеряли ни одну тысячу человек. Но и мы несли потери на засадах белогвардейской партизанщины.

Если отбросить пустое бахвальство и смазывание вопроса о фиктивных донесениях, то надо прямо признаться, что благодаря неизучению вопроса о засадах и неопытности командиров полевых войск, на засадах мы потеряли десятки тысяч бойцов. Я являюсь свидетелем, что одни Якутские партизаны Довекой и Кайгородов на засадах убили несколько тысяч красноармейцев, но официальные учебники тактики и программы наших школ дают нам лишь самые общие понятия о засадах. Нарваться на хорошо организованную и своевременно неоткрытую засаду – это значит подвергнуться полному уничтожению в течение нескольких десятков минут. Многократный численный и технический перевес ворвавшейся стороны, не успевающие перестроить свои походные порядки и лишённые всяких позиций, естественных прикрытий (такие именно места выбираются засадой). Устроившие засаду, залегши за надёжными прикрытиями и замаскировавшиеся, остаются совершенно невредимыми. Борьба с засадой в сибирских условиях чрезвычайно трудна. По крайней мере, засада лишает более сильную численно и технически наступающую сторону преимуществ. Вскрывать засаду своевременно, а это значит уже не нарваться на нее, требует массу усилий разведки и в первую очередь глубоких боковых дозоров. Опытные партизаны никогда не устраивают засады, просто сходя с дороги, и не занимают одну или обе стороны ее навстречу движущемуся противнику. Там их немедленно обнаружат по следам (в особенности зимой) головные дозоры разведки противника, движущиеся далеко впереди главных сил. Опытные партизаны заблаговременно определяли или угадывали направления противника и занимали место засады (одну или обе стороны дороги) глубоким обходом со стороны, совершенно не касаясь самой дороги. Не обнаруживая себя ни малейшим движением, ни шорохом, партизаны спокойно пропускали головные дозоры и разведку противника, когда в сфере убийственного флангового и косога огня ложились на главные силы и обоз противника, они брали его в оборот. Кто сам попадался в засады, или сам участвовал в них, тот знает ошеломляющее действие первых залпов, массы убитых и кричащих раненых. Это моральное потрясение, осознание полной своей незащитности и

уязвимости почти всегда ведет к быстрой сдаче нарвавшихся. Но тут мне скажут, что дураки нарвавшиеся, которые двигались без боковой рекогносцировки (без боковых дозоров), которые должны были и могли своевременно обнаружить засады и предупредить катастрофу. Конечно, подлежащая боковая рекогносцировка всегда может открыть засаду, но при этом не надо забыть сибирских условий: страшны глубокие снега, колючие кустарники, бурелом, горы, валежники, зыбкие топи, болота, глубокие ущелья, поперечные горные реки, тысячи крутых оврагов и непреступных скал. Все это требует, во-первых, смену быстро выбивающихся из сил лошадей и людей, а во-вторых, до крайности замедляет продвижение (иногда 10 км в день – большое достижение). А когда нужно приделывать отряд или отрезать ему путь или окружить его, разве тогда будет оправдано такое черепашьё движение?

А вот гибель старого партизанского волка «дедушки» Каландаришвили и его штаба. Разве он не мог открыть засаду, если бы он пустил боковые дозоры, как на этом настаивали его штабники. Он просто не хотел на пороге города Якутска тащиться еще 20 часов с боковыми дозорами, вместо 2–3 часов без таковых. Я видел место засады на «деда». Вся придорожная полоса покрыта невероятно густым кустарником при глубоком снеге. Имея оперативное задание, очень часто за несколько сотен километров, тем более нельзя проходить всю дорогу с боковыми дозорами, т.к. потеря времени для военных операций была бы чрезмерно велика, а партизанам выкинуть сотню-другую километров навстречу продвигающемуся противнику ничего не стоит. Есть места, где военные боковые дозоры ни в коем мере не смогут спрятать себя. Это ущелья глубоких горных рек, как, например, Чуя, приток Оки, много рек в Монголии и другие, тысячу великих теснин, места овражистые и такие крутые высокие берега, как у реки Лены за Киренском. Поэтому как более надежную меру против засад партизан сильная сторона иногда избирала ночные передвижения. Засады возможны и ночью, за исключением светлых ночей и в особенности полярных ночей, но все же ночные засады очень большого ущерба причинить не могут. При маршах на большие расстояния, во избежание засад партизан, сильная сторона всегда избирала частые перемены направления движения или движение производила целесообразно. При сибирском бездорожье очень часто

никакого выбора другого направления не было. В сильно пересеченных, неподдающихся боковой рекогносцировке местах применялось эшелонирование главных сил, продвижение их отдельными частями на расстоянии 1 км эшелон от эшелона. В случае обстрела засадой одного эшелона, другой бросался в обход засады и сбивал ее. Однако и эта мера не может считаться сколь угодно надежной. Засада обычно берет в переплет первый эшелон, и пока разворачиваются движущиеся в обход следующие за первым эшелонам, головной эшелон оказывается уже уничтоженным. А очень часто и отобранными (обезоруженными) попытки сбить заблаговременно обнаруженные засады лобовым наступлением оканчивались почти всегда тяжелым поражением для наступающего. Имея маломальский опыт по борьбе с засадами, немедленно разворачиваясь производить обходное движение засад, которые партизаны не долавливают, что почти всегда без возражений уходят к своим оставленным у себя в тылу коням. Вообще принцип партизан – бить наверняка, когда при незначительных потерях можно достигнуть большой результат. В случаях сомнительных, а тем более рискованных, они предпочитали «дать тягу» или «смазывать лыжи», на что они имеют и должны иметь особый опыт.

Набеги и налеты

Набеги и налеты – второй основной тактический прием отрядов, как с наименьшей кровью достигнуть наисильнейшего поражения превосходящего противника. Набеги и налеты основаны также на внезапном ошеломляющем ударе по противнику, но только не на марше, а на привале или ночлеге. Для более надежного обеспечения внезапности удара, а также в случае неустойки незаметного отступления, набеги и налеты обычно производились только ночью, да еще при непогоде (проливной дождь, буря, туман и др.). Еще с вечера через своих разведчиков, а главным образом через крестьян старались устанавливать, где именно установлены посты, чтобы их снять (это производилось реже) или обойти. Очень часто, чтобы измотать противника и усилить его внимание (приручить), его предварительно несколько ночей подряд тревожили, шуровали, не давая ему спать и заставляя разворачивать-

ся против мнимого наступления. «Шурованием» занимались не более десятка партизан. Набеги производились обычно так: спешившиеся партизаны, зная подходы к занятой противником деревне и место их расположения, подходили к ней как можно ближе и потом, разбившись на несколько групп, верхами на весь мах заскакивали в деревню, окружив намеченные дома, забрасывали их гранатами или обстреливали их, ворвавшись вовнутрь, и безоруживали или убивали (при сопротивлении) ошеломленных от неожиданности белогвардейцев. Чаще же это все проделывалось налетом, т.е. в пешем порядке (оставляя лошадей в деревне) с той разницей, что к занятым белогвардейцами домам, подкрадывались незаметно. Очень часто благодаря растянутости деревень и темной ночи партизаны не смогли произвести набег или налет на намеченные дома достаточно одновременно, и тогда белогвардейцы, выскочив из не окруженных еще домов, начинали отстреливаться, партизаны перепутывались и стреляли иногда в друг друга и бежали. Почему чаще всего набеги практиковались и налеты на одну какую-нибудь часть деревни всем отрядом вместе, что почти всегда давало хорошие результаты. Обычно целью таких результатов и налетов было отбить у противника обоз, лошадей, пленных командиров и т. д. При преждевременном обнаружении набегов и налетов противником, отряды почти всегда после небольшой перестрелки во избежание больших потерь отступали.

Меры против преследования

Самое действенное средство против преследования – это беспрерывные засады. Сначала делают засады мелкими частями отряда, заставляя противника разворачиваться, делать отходное движение, терять напрасно время и измотаться. Потом, когда главные силы отряда уже оторвались от противника на достаточное расстояние, отряд сворачивает с дороги и вдоль нее глубиной 2–3 метра отправляется обратно в сторону противника. Сделав вдоль дороги км 3–5 навстречу противнику, отряд выбирает место для настоящей засады, обычно головные дозоры идут впереди главных сил по дороге противника километрах в 2–3-х, не в состоянии поэтому обнаружить следы поворота отряда в сторону противни-

ка и предупредить об этом свои главные силы. Боковые же дозоры производят рекогносцировку редко глубиной 1–1,5 км (обычно они берут глубину около 1 км). Поэтому обычно засада бывает не обнаруженной боковыми дозорами. Очень часто, чтобы увеличить действенность своего огня, засада пропускает головные дозоры противника приблизиться к дороге на более близкое расстояние. Чтобы совсем оторваться и уйти от преследующего отряда, практиковали угон всех лошадей в пути преследования.

Сибирские деревни крайне разбросаны и расположены цепочками (по дорогам, боком вдоль гор и т. д.). При крайне трудной работе лошадей, она быстро изнуряет и выводит из строя. Не имея в пути смены лошадей, преследующие уже на второй-третий день не имеют возможности продвижения на продолжительное время. Иногда партизаны угоняли всех лошадей противника с пастбища, оставляя его прямо-таки в дурацком положении. И еще последнее средство уйти от преследования – запутать следы и скрыться в дебрях сибирской тайги или в сопках. Лазить туда противник не решится и посчитает бесполезным.

Выход из блокады и окружения

Блокада целого района противником и занятие всех населенных пунктов – опасное положение для отрядов, которые не могут осуществлять связь с населением (продфураж, свежие лошади и др.). Обычно отряды уходили заблаговременно при намечавшейся блокаде, но так как в чужих районах благодаря незнакомству с местностью и населением отрядам приходилось преодолевать большие неудобства, то они очень часто держались у себя до последней возможности. Выйти из блокады летом не так уж трудно. Сделав некоторое расстояние на конях, которые позже могут продержаться на подножном корму, отряды прятали седла и уздечки и отпускали лошадей, уходили пешедралом. Другое дело зимой. Пробиваясь целиной, через одни сутки кони уже выходили из строя, и отряды, если у них не было заготовленных лыж, гибли в глубоких снегах от изнурения, лютого холода и голода, по пятам преследуемые врагом. Большинство же отрядов в таком положении вынуждены были производить налеты на занятые противни-

ком деревни и с огромными жертвами отчаянной схватки с превосходящими силами противника, добыть себе продовольствие и свежих лошадей, чтобы потом уйти. Окружение отрядов превосходящими силами противника зимой почти всегда кончалось полным уничтожением их. Если и удавались с большими потерями прорывы, то и тогда все пешие были истреблены преследованием конного противника. Летом единственный выход из окружения – прорыв посредством энергичного и дружного ночного удара в сторону окружения, и окруженные уходили с небольшими потерями. Вообще партизаны никогда не допускали окружения, а если это случилось, то по оплошности охранения.

Действия объединенными силами и мелкими частями

Для выполнения большинства поставленных перед собой задач, само собой разумеется, не требовалось объединенных сил всего отряда. Для этих операций штаб отряда рассылал мелкие части, пятерки, десятки, двадцатки и т. д. Действие этих мелких частей противник всегда принимал за действия «всей банды», да и сами эти мелкие части выдавали себя населению за целый отряд, утверждая, что они только разведчики, а главные силы стоят тут же поблизости. Предложили населению при появлении противника заверить, что они видели своими глазами весь «большущий отряд». С удивительной добросовестностью население, в том числе и кулаки, насмерть напуганные, исполняли эти поручения, вводили противника в заблуждение и сбивали со всякого толка. Как не терять голову?! Сегодня «банда» появится в одно место, противник бросается туда и теряет след, а через день он узнает, что эта же «банда» напакостила что-нибудь в км 50–60 от места первого набега. Он опять поспешно бросается туда и в пути узнает, что «банда» уже за несколько десятков километров на противоположной стороне и т. д. В этих-то бросках из стороны в сторону главные силы отряда и ловят противника за засаду. Вблизи своих складов и мест отдыха отряды себя никогда не проявляли и никаких пакостей там не устраивали. Эти места (районы) власти считали благонадежными, там свободно и без опасения приезжали

милиционеры и всякие правительственные агенты. Расположение главных сил и штаба во время операций мелких частей эти последние не знали. Это делалось с целью предупреждения провалов на основе указаний своих же партизан, которые, попадая в плен и подвергаясь страшным пыткам, иногда выдавали все, что им известно. Уходящим на операции мелким отрядам для возвращения в отряд указывали определенный пункт и давали определенное время, к которому они должны явиться. А потом их уже растаскивала агентура отряда или высланные партизаны. Распыляясь, отряды [оседали] также в чрезвычайно слабозаселенных районах с мелкими населенными пунктами, где трудно пропитаться и получить лошадей. При крайне изнуряющих преследованиях в суровые многоснежные зимы отряды также на время распылялись и попрятались в землянках в дебрях тайги.

Наступление и оборона

Из опыта партизанской войны в Сибири можно сделать твердый вывод, что крестьянские партизанские отряды, как белые, так и красные, чрезвычайно слабы в наступлении против обороняющегося за укрытием противника. Огромное большинство таких наступлений, которых я знаю, невзирая на несравненно более слабые силы обороняющегося, окончились отступлением со значительными, а иногда очень большими потерями. Совершенно неспособны к наступлению туземные народности Сибири – тунгусы, буряты, киргизы, теленгиты, якуты и др. Надо сказать, что даже в ночных набегах и налетах у партизан не было сколько-нибудь достаточной решительности, зато в обороне, в особенности за надежным прикрытием, партизаны как туземцы показали прямо-таки поразительную стойкость, со спокойной и в высшей степени целевой стрельбой. Я знаю лишь отдельные случаи, когда противнику удавалось сбить засаду лобовым наступлением или взять укрепленный пункт фронтальной атакой. В огромном большинстве случаев, невзирая на многократный перевес в силах и средствах, даже при [наполовину] офицерском составе наступающих, наступление были отбиты и почти всегда с большими потерями. Поэтому партизан всегда брали обходами и окружени-

ями, чего они страшно не любят и никогда не допускают. Однако обходы и попытки окружения не дают никаких результатов – партизаны уходят, и их живая сила остается целой.

Разведка, агентура и связь между частями

Все передвижения отрядов или отдельных его частей производились почти исключительно ночью. Только в исключительных случаях ввиду спешности или вынужденности передвижения, оно производилось днем. Это создавало большую скрытность и большую безопасность, так как колчаковцы (так же как и наши отряды при Советской власти) редко пускались на ночные операции. Далеко впереди (за 5–6 часов до выступления) отрядами посылалась агентура из местных надежных крестьян, которые, собрав в попутных деревнях необходимые сведения, вернулись обратно, навстречу отрядам, и передали им добытые данные.

Для отдельных групп деревень отряды имели своих резидентов, которые, снабженные достаточно денежными суммами и товарными фондами, регулярно рассыпали свою агентуру собирать сведения крестьян. Разведка обычно посылалась глубокая – 4–5 километров впереди отряда. Разведка обычно высылала одни лишь головные дозоры – 3 человека впереди себя на 300–500 метров. Метрах в 100–150 позади в резерве следовал «подозорный», который должен был предупредить разведку в случае внезапного захвата дозоров до подхода главных сил. Связи с отрядом даже тогда, когда он находился на отдыхе, отдельные его части, находящиеся в операциях, не имели, они должны были явиться в определенное время на определенное место и ждать связчика отряда. Очень часто, если отряд находился в движении, связчик не имел с ним непосредственной связи и должен был явиться на отрядный явочный пункт (обычно недалеко от места расположения отряда).

Меры охраны и предосторожности

Меры охраны на марше уже указали в предыдущем разделе. Стоянки в деревнях охранялись на всех дорогах конными дозорами и часовыми в самой деревне. Во время стоянки из деревни

никого не выпускали, а если через деревню пролегли дороги, всех приезжих задерживали. Если кто-либо вызывал подозрение, то его отправляли к дежурному по кварталу, обыскивали и устанавливали личность. Отряды располагались обычно в нескольких смежных домах, никоим образом не допуская распыления по всей деревне, а также хождения в части к знакомым (требовалось разрешение дежурного на караул). Дежурная часть или караульная часть в зависимости от обстановки, [составляла] примерно 20–25% отряда при одном дневальном и часовом у дверей, спали не раздеваясь и в полном снаряжении. Дежурный по караулу также не спал. В полночь обычно дежурная часть получала смену. Так же и во всех других помещениях бодрствовали дневальный и часовой у дверей. Разувались и раздевались для сушки по очереди отдельными частями (десятками). Спали в зависимости от обстановки, иногда снимая лишь шинели или шубы, а иногда и сапоги, и изредка в одном белье. На одежде спали, а оружие, патроны, гранаты и пр. всегда держали под боком. Стоянки в деревнях летом устраивали очень редко т.к. этим раскрывались численность и оружие отряда, его личный состав и др. Кроме того, почти за каждую стоянку партизан деревни расплачивались репрессиями вплоть до сжигания и расстрелов. Зимой в силу необходимости приходилось устраивать стоянки в деревнях. Останавливались обычно у кулаков, у них больше дома и меньше поджигали, расстреливали и пороли за прием партизан, переселяли всех в один дом (в целях конспирации) и не допускали к партизанам никого из крестьян вообще (это соблюдали не все отряды).

На видном месте иногда выставлялись прикрытые ложные пулеметы и даже пушки. Стоянки летом в тайге или сопках охранялись также конными дозорами около прилегающих поблизости дорог и пешими около стоянки. Чрезвычайную осторожность приходилось соблюдать с кострами, которые своим дымом выдавали отряд с высоких сопки на десятки километров. Был, например, случай, когда тунгус-охотник вдруг явился к нам в глубокую тайгу и в густом кедряке передал мне пакет от резидента. «Как же ты нашел нас», – спрашиваем его с удивлением. – «Ну да я утром рано ходи вот эта гора (показывает сопку километрах в 25 от нашей стоянки), большой дым смотри, ну потом сразу сюда ходи», – объясняет ломаным языком мне тунгус. Обнаружить место

расположения отрядов в тайге, зная лишь приблизительно район расположения отрядов по дыму костров, даже без бинокля дело очень нетрудное. Надо лишь выбрать тихую погоду и забраться на высокую сопку. Лучше всего до восхода или после захода солнца. Многие отряды, которые не знали этого предательства своих лучших и близких друзей (костров) или обращались с ними неосторожно, вместо сухих дров пользовались выделяющими большой дым гнилушками, сырыми дровами и даже хвоем, вдруг неожиданно-негаданно попадали в окружение и погибли.

На зимних стоянках в тайге опасность представляют также костры, близко прилегающие к дороге, а главное – оставленный за собой отрядами след. На этих дорогах и на следу далеко позади стоянки ставились конные дозоры, а около стоянки – несколько пеших. Чтобы сократить число живых дозоров, партизаны очень часто пользовались самострелами – обрезам винтовок, которые они ставили на подходах (тропах, проселках лесовозных дорогах, оврагах, речках и т. д.) к своему расположению. Для этого они перетягивали эти подходы белой (зимой) или черной (летом) ниткой длиной в 10–15 метров, один конец нитки прикреплялся к длинному спусковому рычагу обреза, а другой конец – к дереву. Никто не мог пройти по такому подходу, чтоб не задеть ногой натянутую и совершенно незаметную даже днем нитку. А задетая нитка сразу спускала курок самострела, и тревога среди партизан. Причем должен сказать, что с самострелами бывает много курьезов. Очень часто нитку задевают сороки и вороны и главным образом зайцы. Иногда же на нитку упадет ком снега или сорванная ветром ветка или сучок. И вот получается выстрел и тревога. Отряд мигом хватается за оружие, развертывается в боевой порядок и посылает разведку узнать, в чем дело. Потом уже выясняется, что самострел на месте дозорной службы сыграл роль предателя, своим выстрелом выдавая стоянку отряда.

Очень часто на стоянках отрядов на их дозоры нечаянно выходили охотники, в особенности туземцы. В большинстве случаев тогда приходилось сниматься и переходить на другое место, так как противник очень часто прибегал к услугам местных охотников. Установить шпионскую роль таких охотников, а очень часто и их личность, не представлялось возможным, а расстреливать их лишь на основе предположений, конечно, было нельзя. Кроме

того, другие охотники, в особенности сородичи туземцев, жестко бы отомстили отрядам за расстрел невинного их товарища. Отряды всегда дружили с охотниками и только кулаков и отдельных подозрительных субъектов предупреждали под страхом расстрела (в тайгу на охоту не выходить). Правильный подход к туземцам малых народностей Севера принес огромную пользу отрядам, но разведка, связи, доставка оружия и т.д. Ставя высшим принципом предосторожности скрытность отряда при передвижении им через свою разведку, задерживала всех встречаемых и уводила в тайгу, пока отряд не прошел мимо их. Подозрительных опрашивали и обыскивали. опередить себя никому не давали. Обычно далеко позади себя движущийся отряд оставлял человек пять партизан, которые вернулись обратно всех нагоняющих отряд, иначе была бы оставлена возможность опередить отряд боковыми дорогами и предупредить противника. В случае продолжительного отдыха летом, отряды, попрятав седла лошадей, угоняли на 30–50 километров от выбранного места стоянки и там сдавали деревенским властям для возвращения хозяевам. Во всех деревнях, где отряды имели свою агентуру, или где проживали их резиденты или же родственники партизан, на видном месте становился какой-нибудь с виду невинный условный знак – прислоненная жердь, вывешенная тряпка, надетая на столб лоханка и т.д., говорящий: «Опасности нет». В случае же прибытия противника эти знаки сейчас же снимались, что означало: «Есть опасность». В случае занятия резидентских деревень противником и невозможности попасть резиденту, последний обязан был доставить в заранее об условленное место письменную информацию.

Отлучки домой на побывку, на страду, на свадьбу, похороны и т. д. были большим злом для отрядов, так как родным много разглашалось отрядных тайн, и главное, отпускники очень часто проваливались – под шомполами или под угрозой расстрела выдавали все, что им известно (конечно, самым лютым образом приканчивали и выдающих тайны), поэтому многие отряды отпуска сокращали по минимуму. А если отпускали, то только летом, без права захода в деревню, конечно, за исключением одного случая, чтобы предупредить о своем приходе. Невыполнение этого условия каралось иногда расстрелом. Зимой отпуска не давали совсем,

некоторые отряды организовали лишь почтовую связь через своих резидентов и агентуру.

Скрытие и запутывание следов

Чтобы поймать партизан, надо быть в первую очередь хорошим следопытом, а чтоб не быть пойманным, надо уметь хорошо запутать, «заметать» следы и скрывать свои следы. Когда нужно было скрыть свои следы на проселочных дорогах, конные отряды, как зимой, так и летом, ездили гуськом по самой середине тележной или санной дороги (колени), где следов иногда так много, что обнаружить проезд отряда почти невозможно. Если нужно было сворачивать с дороги и уйти в тайгу верхами, след скрывался различными способами. Зимой сворачивали по сеновозным или лесовозным дорогам обязательно гуськом. Потом, чтоб замести след, обратно пустили подводу с волокушами по земле сеном, жердями или бревном. Самым лучшим способом сворачивания целиной считалась импровизация лесовозной дороги. Отряд сворачивал целиной и гуськом направлялся в чащу (конечно, недалеко от деревни), следом за отрядом шли сани. Выбрав в густой чаще потолще дерево (обычно ель), отряд, не останавливаясь, проезжал мимо него, оставив у него лишь сани с лошастью и двух партизан, которые сваливали дерево прямо на след ушедшего отряда. Отпилив комель, один партизан вез его волоком по старому следу отряда и бросал где-то под деревней, потом, угнав лошадь с санями на несколько десятков километров, партизан бросал ее у какой-то деревни и вернулся обратно пешком. Как первый помогавший пилить дерево партизан, так и второй, вернувшись, перешли на след отряда по длинной, еще оставшейся вершине сваленного дерева. Завороты также производились гуськом в густые ельники, прилегающие близко к дороге. Остающаяся тропа от дороги до ельника маскировалась двумя-тремя ветвистыми елками. Само собой разумеется, что отрядам нужно было скрывать свороты с дорог, а дальше они обычно ездили такими гиблыми местами (буреломы, валежники, горы, чащи и т. д.), где не ходили даже туземцы-охотники. Однако конные отряды скрываться в тайге могут не больше 1–2 дней ввиду отсутствия фуража. Для этого и

более продолжительного отдыха отряды обычно выбирали отдаленные луга, с заготовленным крестьянами сеном, заворачивали по сеновозным дорогам, заматавая след волочившимся по земле сеном. Вследствие непрерывных преследований отрядов зимой и как результат крайней изнуренности, партизанские отряды время от времени разбивались на части. Спрятав седла, уходили в свои землянки, построенные обычно еще летом, если землянок нет, то ставили палатки с железными печками, в которых даже при якутских морозах можно жить прекрасно.

Уход в землянки и палатки требовал особенно тщательного сокрытия следов. Спиливали у дороги с прилегающей чащей большое дерево, распиливали его на части, как будто бы для вывозки, а потом по этому дереву переходят в чащу. Или зацепляясь при помощи веревки с крюком за сук вблизи дороги стоящего дерева, и потом большим прыжком один за другим перепрыгивают в чащу. Или же просто делают большой прыжок в густой ельник в один след и у дороги затыкают его елками. Самым же благоприятным моментом, который выбирался отрядами для ухода в тайгу на отдых (это партизанский праздник) – буран, пурга, метель.

Скрытие следов летом гораздо легче. Конные отряды сворачивали с дороги также гуськом на скалистой почве по щебню или речкам. Незначительные остатки следов легко поддавалась маскировке. Обычно место сворота с дороги часть отряда проезжала на несколько километров, потом на каменистой почве или на мосту [делали] оборот, и возвращались к месту сворота. Также пешие отряды, пройдя несколько километров место сворота, возвращались обратно и уходили по твердой почве, не оставляющей следов, или же ходили некоторое расстояние дороги по речке, пересекающей дорогу. Я знал несколько случаев погони за отрядами летом при помощи ищеек. Раза два они были достигнуты, но своевременно обнаружили погоню и, отстреливаясь, благополучно ушли. После этого отряды начали стрихнина-пыльные заграждения (едва ли собаки могут устоять против соблазна хорошей пилули), делали врассыпную различные петли и потом уходили на некоторое расстояние бродом по речкам. Этих мер вполне было достаточно, чтобы избавиться от ищеек.

Прятанье захваченных грузов

Захваченные груза всегда развозились самими партизанами. Если захвачен был гужевой обоз, то возчики уводились в тайгу, придерживались там около суток. Груза временно разгружались в пути следования в различных направлениях и нескольких местах, обычно в вершинах, чащах, оврагах, в валежниках и буреломах. Подводы угонялись недалеко от места разгрузки. Потом на новых подводах партизаны постепенно перевозили груза поблизости к хлебопекарне, складам резидентам и к своим зимним землянкам (каждая группа – для своих земляков). Дальше груза к себе перевозили сами пекаря и кладовщики, обычно всякие скрывавшиеся индивиды, старик и члены семейства партизан, а также резиденты. Перевозки грузов отнимали у отрядов очень много времени. Были отряды, у которых скрывавшихся членов семейств было больше, чем самих партизан, что сводило почти на нет значение этих отрядов.

Пленные

Были отряды, озлобленные зверствами и расстрелами белогвардейцев, [которые] всех захваченных и сдавшихся пленных убивали тут же на месте, допускали даже «художества» и издевательства над трупами. Само собой разумеется, что это было на руках не только белогвардейцев. Зная, что расстрела и даже «художеств» не миновать в случае совершенно даже безвыходных переплетов, белогвардейские части сопротивлялись с крайним упорством и отчаянием. Однако большинство отрядов делали строгий классовый и вообще дифференцированный подход к пленным, расстреливали лишь офицеров, некоторых цензоров и добровольцев, не допуская при этом никаких жестокостей и безобразий. Большинство пленных, обезоружив и переменяясь с ними обмундированием, отпускали на все четыре стороны, зачисляя в отряд надежных ребят из мобилизованных. Многими примерами можно доказать, что такие более выдержанные отряды имели большие успехи, т.к. сопротивление противника, в особенности мобилизованных солдат, было гораздо слабее.

Новая обстановка партизанской войны в будущем

Будущим нашим возможным противником могут быть только иностранные интервенты, использующие все остатки белоэмигрантских сил и мобилизующие все остатки притаившейся внутренней контрреволюции и кулачества. Наряду с восстановлением контрреволюционной и, вероятно, самой реакционной политической власти, противник будет производить коренную ломку нашего социалистического хозяйства и восстановление частнокапиталистического хозяйства. Крупные промышленные предприятия будут захвачены интервентами как компенсация за «спасение» России и избавление ее от варваров. Нет сомнения, что противник будет стараться примирить население с интервенцией и контрреволюцией посредством наводнения захваченных районов завалывшимися у империалистов товарами, отпуская их сначала по дешевым ценам и даже в кредит. Интервенты вынуждены будут пойти на христианские или буддийские «жертвы» по восстановлению финансовой системы и «крепкого» рубля также с немедленной компенсацией или надежной гарантией. Смогут ли примириться с буржуазными порядками, капиталистической эксплуатацией, поповскими мракобесами, самым свирепым террором выродившихся белоэмигрантов и озверелых кулаков трудящиеся Советского Союза?

Ясно, что за 15 лет существования Советской власти трудящиеся совершенно переродились и прозрели, а трудящаяся молодежь воспиталась и выросла в совершенно новых условиях. Совершенно очевидно, что все попытки к «примирению» будут обречены на немедленный провал и с самого начала. Разумеется, что «строптивость», «непокорность» и «коммунистическая развратность» трудящихся неизбежно приведет к все более широкому применению и усилению чисто «физических» средств воздействия, а это «воздействие», в свою очередь, вызовет противодействие трудящихся, которые из всех библейских «премудростей» усвоили, пожалуй, лишь одно: «око за око, зуб за зуб». В результате – господство неприкрытого террора и истребление трудящихся, в противовес этому погодные восстания трудящихся в захваченных районах. Такова схематическая, но железная логика контрреволюционной авантюры и интервентов.

В деревне, нет сомнения, что озлобленное и вооруженное кулачье будет беспощадно мстить «грабителям»-колхозникам, отобравшим у них средства эксплуатации. Понятие «колхозник» станет синонимом понятию «коммунист». Неизбежная ликвидация колхозника как класс, из этого выводы.

С первого дня захвата районов интервентами и белогвардейцами масса трудящихся как деревни, так и города вынуждена будет либо безусловно и беспомощно погибнуть, либо «уйти в сопки», организовать в партизанские отряды, чтобы героической борьб[ой] отвлечь силы противника и облегчить этим положение красных армий на фронтах, чтоб организовать трудящихся под знамя поголовных восстаний и руководить этими восстаниями, чтоб вообще ускорить неизбежный, логический конец контрреволюционной авантюры и интервентов. Нет сомнения, что партизанская война в новых условиях будет несравненно труднее, чем при гнилой колчаковщине. Интервенты начнут свою авантюру с учетом всех обстоятельств и с обеспечением ее достаточными силами и средствами. В первую очередь захваченные районы, по крайней мере, в основных их центрах будут оккупированы второстепенными войсками. Вполне допустима полная блокада районов, охваченных партизанским движением. Несомненно, что кулачество и все контрреволюционные элементы в деревне будут вооружены с ног до головы. Кулачье, конечно, будет сопротивляться и наступать с остервенением, прекрасно понимая, что это их последняя ставка. Для обнаружения и преследования партизанских отрядов широко будет применяться авиация, ищейки, радиотелеграф и др. Рассчитывать на получение оружия и огнеприпасов у населения не придется, т. к. привезенное с империалистической бойни оружие и огнеприпасы уже ликвидированы или пришли в полную негодность.

Маленькая связь с партизанскими отрядами, снабжение продуктами, дача лошадей и помещений, хотя и под вынужденным, повлечет за собой, очевидно, уничтожение целых деревень, массовые расстрелы и избиения. Но партизанский бог слишком милостив, Сибирь слишком обширна, трупы ее тайги слишком глубоки и темны, а сами партизаны слишком живучи и далеко еще не исчерпали своих изобретательских способностей. Они еще основательно прощупают зарвавшегося империалистическо-

го гада, а всяким мелким белогвардейским, кулацким и демократическим гадюкам не привыкать быть лупленными сибирскими партизанами.

Необходимые мероприятия

Ввиду неполного учета изменившейся обстановки и отсутствия сколько-нибудь исчерпывающего изучения и обобщения опыта партизанской войны в прошлом, я могу здесь высказать лишь свои собственные соображения, основанные на собственном учете обстановки и собственном опыте, приобретенном в партизанской войне, также вопросы о задачах партизанских отрядов и тактике действий партизанских отрядов с учетом приобретенного опыта в прошлом. Потом эти же вопросы перенести на печать. Я думаю, что это создаст большой интерес и вызовет большое оживление в «тихом болоте» партизанских объединений. Кстати, должен отметить, что многие лучшие начальники партизанских отрядов с огромным боевым опытом и стажем, попав в полевые части Красной Армии, не смогли там ужиться ввиду постоянных и глубоких расхождений во взглядах с командованиями по тактическим вопросам во время операции.

Мне кажется, что в Красной Армии не изжито еще старое, несколько подозрительное отношение к «нашей партизанщине». Все это говорит о необходимости участия в проработке указанных вопросов и командиров Красной Армии. Партизан, очевидно, нужно будет перевоспитать в духе более активных наступательных и ночных действий. Придется их (в особенности начсостав) подготовить также к организации восстаний, вождению крупными повстанческими частями и тактике действий крупных повстанческих частей. Это их слабая сторона, впоследствии придется выработать особый «устав партизанских действий», или еще шире – «устав партизанских отрядов». Положение партизанских объединений, если о таковых еще можно говорить, в настоящее время неопределенно. Партизаны не знают, что с ними будет впереди: не то они будут партизанить, не то их мобилизуют в полевые части, к службе в которых большинство из них не подготовлены.

Вопрос также, по-моему, нужно проработать. Я стою на той точке зрения, что партизан надо организовать в отряды по территориальному принципу и исключительно для действий в тылу противника. Всегда во главе отрядов сейчас поставить начальников (командиров). Отряды вооружить. В мирное время по мере надобности использовать отряды для борьбы с бандитизмом. Начальников отрядов, я считал бы, содержать за счет казны. Начальники должны до мельчайших подробностей изучить район действий своего отряда, изучить также население и познакомиться с ним.

Было бы непростительной ошибкой, если в будущем партизанское движение в тылу противника было бы опять предоставлено самотеку. Поэтому вопросы связи, снабжения оружием, огнеприпасами, подрывными средствами, газами (очень важно), радио и т. д. – все эти вопросы требуют проработки и разрешения до того, как «грянет гром».

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 616. Л. 1–12. Машинопись

Иркутск

Из стенограммы совещания с участниками Декабрьских 1917 г. событий в городе Иркутске

Вопросы участникам совещания задает Моисей Андреевич Гудошников (1894–1956), к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории СССР Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. Автор книги «Декабрьские бои в Иркутске», Иркутск, 1932 г.

Тов. Шестерников Иван Алексеевич, село Лиственичное

Тов. Шестерников: Когда было выступление юнкеров, когда рабочий класс Иркутска узнал, здесь все было скрытно, конечно, когда узнали, что случился переворот, то пришлось рабочим выступать, и было так, что говорили, попросили помочь. Байкальская переправа раньше была, и пришлось организоваться и ехать сюда. Мы остановили завод и приехали сюда. Сначала мы остановились в Глазково, там были казармы и там нам выдали винтовки. Около понтона² был штаб, оттуда потом шли на Дегтевскую улицу, недалеко от берега, где был штаб. Это был не главный штаб, а главный штаб находился в бывшей гимназии Гайдук, а это был штаб, где сейчас управление речного флота. Приехали днем, пробыли до вечера, вечером винтовки оказались не смазаны, переменить решили, они могли замерзнуть. Командир у нас рыжий был, строгий такой. Мы были разбиты по десяткам, у нас тов. Забело, черемховский рабочий, командиром был. Ночью мы караул занимали, а утром, часов в 9, пошли наступать на «Белый дом». Это сразу с Дегтевской улицы на берег, там еще была, и вот там орудия стояли. На берегу был вал, и пошли вот от берега, да в наступление. Юнкера нас заметили и начали обстреливать и ранили нашего Забело, он умер потом. Стрельба все время продолжалась

² Временное сооружение, служащее преимущественно для переправы через реки.

потом и днем, и так, что как будто никого нет, а стреляют. Были также такие случаи, что заберется человек на вышку и жарит оттуда. Снимали мы таких. После этого пришлось по отдельным улицам наступать. Одно время вроде перемирие было. Черемховские ребята действительно были хорошие и приезжали помогать, защищать, но были и такие ребята, которые приезжали воровать. Одного нам пришлось развернуть, а у него оказалось шелк кругом намотан. Были также случаи, когда обнаруживали кражу серебряной посуды и т. д. Когда это обнаружили, то заставляли отдавать. В плену я не был. Из Лиственичного был убит только один парень.

Тов. Гудошников: А вы знаете, как черемховцы через понтон перебрались?

Тов. Шестерников: Нет, не знаю. Когда мы приехали, то совершенно свободно перешли в город. Потом, правда, сожгли понтон, и больше случаев боев там совершенно не было. Вы говорили, что есть слухи, будто бы жгли дома, так это совершенно не верно. Было прямо даже запрещено поджигать. Правда, на почве этого могли жечь и провокаторы, которые могли делать это с такой целью, чтобы создавать соответствующее настроение в городе, но, вообще-то, это, по-моему, не верно. Медпомощь скорая была организована, она разъезжала и была совершенно нейтральной, одинаково подбирала и тех, и других. Был у нас и такой момент, что когда мы собрались ехать в Иркутск, то не все рабочие нашего села сначала хотели поехать, ну тогда мы так сказали, что кто едет, пусть направо, а кто не едет – налево, а кто действительно по-рабочему, так я говорю, что должен ехать. Правда, все ребята поехали, но не все, конечно, хорошо участвовали в этом деле. Некоторые наши ребята точно так же и в плену были.

Тов. Карганов Василий Григорьевич, иркутянин

Участник второй роты 718-й Астраханской дружины, стоящей там, где сейчас находится Слюдорезка.

Участвовал в боях я приблизительно четверо суток. Два раза был в патруле на Набережной улице, один раз участвовал в бою на Трапезниковской улице по направлению к «Белому дому». В 4-й раз меня назначили на Блиновскую улицу, где мне разбили ногу,

и был я направлен в Кузнецовскую больницу, где были больные тяжелее меня, и потому я как мог был дежурным по госпиталю. Пробыл там до пяти суток и затем через три дня выздоровления я был командирован по сбору убитых и раненых. Мы объездами [патрулировали] участки сквера после перемирия. Там собрали человек до 8 армейцев, в военной типографии человека 4 нашли, по Набережной улице, ул. Дегтевской и Набережной в сквере нашли 2 юнкера и одного военнопленного австрийца. В типографии нашли трех юнкеров. Больше всего собрали убитых там, где стояла вторая рота. Много было убитых разных и просто жителей. Нагрузили тогда полных два воза убитых и повезли в Кузнецовскую больницу. Вот такое мое участие во время переворота. О черемховских рабочих можно сказать только то, что точно сказать трудно, где стоял их отряд. Там участвовали два моих брата, и один из них говорил, что в большинстве они были на левом берегу Ангары и вели наступление посредством перестрелки. Штаб их был в детской больнице, где сейчас находится институт Штамова. О батареях я знал – одна стояла на горе, там, где я проезжал по сбору убитых и раненых, а вторая стояла за госпиталем на горе.

Тов. Гудошников: Какие орудия были?

– Трехдюймовки.

Голос: Да, и шестидюймовки.

Тов. Гудошников: Чем вы объясняете наличие трупов военнопленных?

– Про тот труп военнопленного, который был поднят на Набережной, надо думать, что он является участником юнкерской стороны. Если бы это были наши, то их было бы больше. Австриец был больше снегом занесен, чем другие, и он, значит, раньше был убит.

Тов. Гудошников: Не известно ли вам, что военнопленные участвовали в этих событиях на стороне красных?

– Я даже знаю из примеров, что, когда зашел к своим знакомым потом по Арсенальной ул. № 35, бывшей Портной, так там и были австрийцы военнопленные, они были в одном из отрядов, а в каком, не помню. Когда я вылезлся, то здешние отряды ушли в Забайкалье, и австрийцы с ними ушли в Забайкалье, а вернулись ли, не знаю.

Тов. Гудошников: А какой они национальности?

– Австрийцы и все, а больше я не знаю о них ничего.

Голос: Больше из них мадьяров.

Тов. Гудошников: Где вы лежали в госпитале, и какой это был госпиталь?

– В военном госпитале. Меня туда направили, когда мне ногу разбили, но так как там было больных более серьезных, чем я, очень много, то я отказался от койки и меня назначали на кухню.

**Тов. Чебонтягин Степан Селиванович,
бывший курьер управления службы тяги Заб. ж/д.**

Прежде всего, надо обрисовать план наших Декабрьских событий. У нас было две стороны. Я как раз являлся постоянным членом Совета рабочих и солдатских депутатов. Прежде всего, я участвовал во Всесибирском съезде здесь, и все время находился при штабе. Таким образом, когда с военных действий вернулись запасные, с Германской войны, у нас к этому времени назревали уже события по разоружению юнкеров. Прежде всего, нашей коммунистической частью было предложено юнкерам разоружиться мирным путем, но поскольку вопрос встал очень серьезно, они не хотели никак разоружаться, а мы их упрашивали несколько раз, но они никак не соглашались, и вот к этому времени начались уже предпосылки к тому, что обнаружилось волнения среди мирного населения, а особенно среди военных наших солдат. Рабочая часть тоже в некоторой части своей подготавливалась через профсоюзы, которые тогда были только узкопрофессиональными, для того, чтобы взять выдержку для поддержания юнкеров в случае их сопротивления. Тогда в штабе были Боград, Долицин, Сухомлин, Шумяцкие Борис и Яков, оба были в штабе.

К последнему моменту у нас был штаб на Власовском переулке, угол 5-й Красноармейской улицы, бывшая ремесленная управа. Там был штаб красногвардейцев. Здесь происходили заседания для того, чтобы как-то договориться, но никак договориться не могли. Я был как раз в «Белом доме». В то время там были меньшевики Константинов, Тананаенко и один старый унтер-офицер³ нашего красногвардейского отряда. Когда я вышел оттуда, дошел

³ Звание младшего командного состава из солдат в дореволюционной русской армии.

до большой улицы, уже началась стрельба на Троицкой улице. Это там, где стояли юнкера против наших солдат, здесь получился первый выстрел. Не успел я дойти до Амурской улицы, как полетели снаряды с Петрушиной горы. Мне все-таки удалось добраться до Амурской, где меня задержал пост. Здесь угол Большой и Амурской был баррикадой юнкеров. Это как раз там, где сейчас Дворец Труда. Я только добрался до юнкеров, как меня забрали в плен. Это было часа два, и таким образом я просидел дотемна, а когда стемнело, то мы с Донским, который тоже попал вместе со мной в плен, пошли по задам и сумели попасть в этот отряд, где командовал Янсон. Это угол Шалашниковской и Большой, а Борис там уже был ранен. Его увезли на Петрушину гору. В этот отряд мы влились и часа четыре продержались. Здоровый был бой в этом месте. Убитых было трудно сосчитать. На нас наступали с трех сторон. С одной стороны, часть казаков с Шалашниковской улицы, оттуда наши, а отсюда перебежки. Словом, отовсюду была стрельба, и откуда что делается, трудно было разобрать. Это угол Шалашниковской и Большой. Рабочие шли с Ушаковки, а с другой – шли казаки. Когда бой прекратился, то нас вывели сделать обход казаков. Нас под командой черемховского рабочего Минина было 16 чел. Мы пошли через Ушаковку, а потом пошли обходить казаков. Мы везли с собой бомбомет, было много винтовок и немного гранат. Вышли мы на 3-ю Советскую. Бомбомет поставили. Это происходило уже утром, часов в 7. Поставили мы бомбомет на 3-й Советской улице и стали перекидывать снаряды в детскую больницу, где тогда уже детей не было, а были только одни казаки. Наша батарея была оттуда – со Знаменского, а мы здесь работали с бомбометом. Часть казаков была сосредоточена в семинарии, но большая часть находилась в детбольнице, и их оттуда было очень трудно выбить. Они просто сидели, как в крепости, все там каменное, и бить их было почти невозможно ниоткуда. Часть их отбилась, когда мы бомбометом стали перекидывать, и вечером, когда пришлось белый платок на винтовки одевать. На 3-й Советской мы столкнулись. Их было 5 человек, а нас 8. Это было между Мало-Ланинской и Казачьей. Здесь был конвой, и мы на их пост напоззли. Пост как раз стоял на углу Ланинской и 3-й Советской. Когда мы их угнали, то так было, что двоих ранили и одного штыком Донской заколол. Тогда они отступили и засели на 2-й Со-

ветской, в училище. Здесь целую ночь наступали 16 человек. Но выбить их все же не могли. Их было 7 человек, и на вторую ночь мы их все-таки выбили. В других боях, которые тогда там были, мне участвовать не пришлось. Я тогда был в том месте, где сейчас крайком – на углу 5-й Красноармейской и Большой. Здесь так получилось, что красноармейцы 12-го полка, которые патрулировали по городу по 4–5 человек, были ранены. Мы пошли узнать, откуда же их ранят. Мы залезли на чердак, там, где сейчас крайком, и тут увидели, что с угла 5-й Красноармейской, тоже с чердака, это противоположный крайкому дом, стреляют: мы оттуда пять человек сняли.

Тов. Гудошников: С чьего чердака стреляли?

– Это там, где сейчас находится торгсин, стреляли винтовками, мы их сняли и передали взводному 12-го полка, он их и забрал. Какое участие принимали черемховские рабочие и как, здесь на этот вопрос я точно не отвечу. Я только слышал, что часть их уже переправилась на эту сторону, а юнкера били из первой школы и заняли Тихвинскую церковь, и часть их была на Набережной, от Собора. Здесь у них получился бой. Михаила Оленеченко, товарища моего, ранили в калено, как раз он был черемховский рабочий. Тогда они на эту сторону перебрались как раз через понтон. Убитых было немного, когда они перебрались через понтон, а раненых было много. Черемховские рабочие отбили юнкеров, прошли до Трапезниковской, до магазина бывшего пассажи Второва. Вот в этом пассаже мы частично их «освободили» от тех товаров, которые многие из них для себя набрали. Было также много пьяных.

Тов. Шестерников: Я приехал под командой тов. Лунева из Лиственичного.

Тов. Чеботнягин: Да, забыл еще сказать, что в Декабрьские события был убит Патлых⁴, он был правый эсер. Кроль, Погребецкий, Алексеев, правый эсер Чечинадзе, Переверенко.

Тов. Гудошников: Когда разгорелся бой на углу Шалашниковской и Большой?

– Вечером, на второй день. Здесь всю ночь была перестрелка.

Тов. Гудошников: И юнкера по Большой свободно циркулировали?

⁴ Патлых Николай Павлович, меньшевик.

– Нет, не свободно. Они нашу батарею сбили со второй Солдатской.

Тов. Гудошников: Как сбили, чем?

– Пулеметами скосили нашу прислугу, и наше оружие осталось, но ночью мы его убрали. Это орудие осталось как раз на 2-й Красноармейской, и ночью мы сумели его убрать. Вообще, наш штаб был летучим. На Слюдфабрике был главный штаб. Настоящей формальной связи не было, и фактически многие были оторваны. Когда бой шел на горе, то мы оказались, например, оторванными.

Тов. Гудошников: Как шло питание, откуда вы его получали?

– Питание нам подвозили из главного штаба и часто из казарм.

Тов. Шестерников: Мы получили горячие обеды от Гайдука. Словом, где придется, то и получали. Дня два у нас были и горячие обеды, как я и сказал. Я пришел однажды в Штаб, это где была гимназия Гайдука, оттуда меня командировали в Глазково, чтобы достал свечей. Мы имели пропуск на это. Я свечей достал и передал в штаб к Гайдуку. Огня тогда в городе не было.

Тов. Чеботнягин: Часто австрийских военнопленных, мадьяр подбирали, они участвовали в рабочих дружинах, я не помню и сказать не могу.

Тов. Гудошников: Можете сказать, коммунисты это были или нет?

– Тогда коммунистов было всего только 64 человека. У меня был билет № 224. Тогда были сочувствующие, но они билетов не имели. Я и сам 11 декабря, после декабрьских событий, вступил в партию.

Тов. Шестерников: У нас билетов не было, были просто бумажки такие и все.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 411. Л. 3–7. Машинопись.

Воспоминания Г. Антипина о подавлении восстания юнкеров в декабре 1917 г. в Иркутске

В то время как я находился в Черемхово, на копиях раздались по всем шахтам тревожные свистки. Это было первое сообщение из Иркутска – телеграмма черемховским рабочим о просьбе Ир-

кутских рабочих помощи для подавления юнкерского восстания. 9 часов 30 мин. К зданию исполкома бежали все шахтеры из всех шахт. В толпе рабочих раздавался, был слышан голос тов. Бунского, который приказывал к взятию оружия и подавлению юнкерского восстания в Иркутске. Рабочие начали получать винтовки, по получении винтовок были разбиты в отряды, и первый отряд, в котором находился я, в 10 часов вечера экстренно был погружен в теплушки, и поезд в 10 часов вечера был отправлен на Иркутск. По пути на дороге мы остановились на разъезде Гришева, где также были подготовлены рабочие, которые погрузились с нами. Вторую остановку сделали на раз. Косьяновка, где также были погружены рабочие, после чего мы тронулись до Иннокентьевской, куда прибыли в 2 часа ночи. Из Иннокентьевской было слышно, что в Иркутске были редкие оружейные выстрелы. Простояв в Иннокентьевской несколько минут, мы получили распоряжение тронуться в Иркутск.

Не доезжая Иркутского моста, наш эшелон остановился, здесь выгрузились и пошли в казармы, где стоял 9-й полк. В Глазково по прибытии в 9-й полк в 5 часов утра мы получили от главнокомандующего Красной Армии приказ: выступить на эту сторону города. На меня, как на фронтовика, бывшего унтер-офицера, возложили обязанность командовать отрядом для занятия понтона. Когда мы пошли через понтон, то на этой стороне города, напротив, в бывшем здании женской гимназии в окнах стояли пулеметы, и когда мы пошли в наступление, по нам до середины понтона сразу посыпался оружейный и пулеметный огонь. Но все же при первой попытке переход через понтон нам не удался, пришлось отступить. И когда мы подошли к берегу, то получили еще подкрепление остальной части черемховских рабочих и пошли снова в наступление. Здесь, при ураганном пулеметном огне, мы начали наступать на город. При помощи сильного духа, нажима рабочих мы стали продвигаться к этой стороне. Юнкера, видя, что сделать им ничего не удастся, решили поджечь с этой стороны понтон. Как только стал загораться понтон, мы бросились в атаку и заняли иркутскую сторону Ангары. Выбили юнкеров из женской гимназии, захватив пулеметы и часть раненых. Здесь мы остановились для того, чтобы собрать свои силы и выявить наши жерт-

вы. Оказалось, что при переходе у нас было потеряно 17 человек и несколько товарищей ранено. Здесь мы разбились на 3 отряда.

Один отряд пошел по направлению к Белому дому, другой – прямо по Троицкой и третий отряд – по набережной Ангары к таможене, в котором находился я. Когда подходили к таможене, здесь из угла каменного забора встретили по нам оружейные выстрелы, где был убит один тов. Гусев. Мы, разбив их, пошли по городу и заняли ряд домов, где решили обогреться, т.к. рабочие были почти раздеты. И по высадке из вагонов из-за отдельных товарищей, это было при сильных морозах, мы вынуждены остановиться, затем обогреться. После этого мы заняли еще несколько участков и до самого перемирия делали наступления. Когда сделали перемирия, то по распоряжению главного штаба 10 декабря 1917 года мы вернулись обратно в Черемхово и стали работать как будто в мирной обстановке по своим местам. И в марте 1918 года вспыхнуло кулацкое восстание [на] Троицко-Вознесенском заводе. В это время начал формироваться отряд из черемховских рабочих для подавления этого восстания. Я, как бывший фронтовик, не мог не поехать на подавление восстания, и под командованием тов. Кузнецова отряд двинулся, где пребывал до апреля месяца. После чего вернулся обратно. И до 1918 года июня месяца [я] работал в мирной обстановке, а в июне месяце вдруг начали чехи вести наступление. По первому призыву Советской власти я стою снова в рядах Красной гвардии и с черемховскими рабочими еду на Нижнеудинский фронт.

По прибытии на Нижнеудинский фронт меня назначили командиром конной разведки. В Нижнеудинске, укрепивши свои позиции, с боями мы простояли 3 недели. При большом наступлении чехов и недостаточностью с нашей стороны сил мы вынуждены были отступить. Отступив до ст. Тулун, здесь стали накапливать новые силы. Когда подтянулись наши силы и сконцентрировались в Тулуне, мы снова двинулись по распоряжению командующего тов. Лаврова к Нижнеудинску. На ст. Шаборта и ст. Шуба у нас были большие бои. Мы образовали эшелоны и двинулись дальше в наступление, но по распоряжению нашего командования должны были отступить снова к Тулуну. По прибытии наших частей в Тулун к нам присоединили тяжелые гаубичные батареи.

По недостатке артиллеристов меня, как артиллериста, перебросили в эту батарею.

Таким образом, пробыв несколько в Тулуне, мы без боя начали отступать до ст. Тыреть. В Тырети мы начали укреплять свои позиции. Простояв немного времени, по распоряжению командования решили отступать дальше по полотну железной дороги с боями до ст. Мальта. На реке Белой, укрепив свои позиции, окопы, простояв несколько времени при натиске чехов и белых, т.к. их силы были гораздо больше наших, нам пришлось отступать по полотну железной дороги до разъезда Батарейной. От Батарейной мы стали отступать дальше, г. Иркутск решили сдать без боя.

Таким образом, отступали до ст. Байкал. На ст. Байкал у нас был большой бой с чехами, где необходимо отметить героические подвиги тов. Михеева, машиниста с бронепоезда, и пулеметчика Гончарова, шахтера Черемхова, которые из бронепоезда не вылезли до тех пор, пока их не убили. И когда только у тов. Михеева оторвало руку, он выскочил и бросился в Байкал, дабы не попасть в руки белых. А пулеметчика Гончарова убили в бронепоезде гранатой, когда чехи начали бросать с горы гранаты в бронепоезд, сорвав крышу вагона, [так] был убит Гончаров. И так отсюда мы начали отступать до ст. Култук, где укрепили свои позиции. Укрепив позиции и прождав несколько времени, мы снова начали отступать вглубь Забайкалья, до ст. Мурино.

Находясь в горах, мы дошли до разъезда Ангасолки, где оказались 2 наши роты в кольце белых. Часть из них была ранена, часть убили в тайге, а часть попала в плен. После неудачного наступления командир 2-го полка тов. Хлебников на мосту застрелился. Отсюда мы начали отступать по направлению Танхой, закрепляли позиции у разъезда Кедрова, простояв неделю, начали отступать дальше. На ст. Танхой по распоряжению командира тов. Ямпольского меня с одним орудием заставили погрузиться на ледокол для обстрела берегов и бронепоезда, движущегося по полотну железной дороги. При отступлении пехоты на ст. Мысовая нам также пришлось отступать, и придя на Мысовую, мы стали в пристань. Рано утром 13 августа 1918 г. мы увидели, что по направлению к Мысовой от Верхнеудинска движется пароход. Мы сообщили командующему флотилией тов. Власову, который сказал, что этот пароход наш. Ожидая, что этот пароход наш, мы

не выходили с пристани и не развернули своего парохода. Когда был открыт огонь с парохода, мы узнали, что этот пароход не наш, и что мы ошиблись. С парохода открыли артиллерийский огонь по ледоколу. Подожгли ледокол, который начал гореть. Невозможно под огнем неприятеля развернуть ледокол [и] защищаться, так как орудия были на носу. Нам пришлось высаживаться на берег. Наша пехота стала отступать дальше и между ст. Посольск и разездом Боярским был высажен десант белых и чехов, которые отрезали путь. К 14 августа после последнего боя в панике наши войска стали отступать – которые ушли в тайгу, которые попали в плен. Так как мы оказались в кольце, я пошел с небольшим отрядом через горы и тайгу на Монголию. 14 суток без хлеба, без всего мы блудили по тайге, питаюсь черемшой и ягодами. Выйдя на жилое место бурят, часть обессиленных товарищей осталась, а часть пошла на Троицкосавск. Мы, несколько товарищей, пошли на Читу, считая, что Чита еще не занята.

Дошли до села Красный Яр, где были сформированы дружины прапорщиком Анциферовым для выловки красногвардейцев. Около деревни в лесу была засада, в которую мы и попали, где нас обезоружили, раздели и посадили в холодном амбаре, где каждый день приходили и избивали до полусмерти. Часть товарищей умерли, а остальных отправили в Петровский завод, из Петровского завода – в Верхнеудинскую тюрьму. Из Верхнеудинской тюрьмы – в Иркутскую, и наконец, в январе 1919 года отправили в Нижнеудинскую тюрьму на работу. До 23 марта я находился в тюрьме. 23 марта мы убежали из тюрьмы, и я пошел на Тасеевский фронт в партизаны. Пробыв на Тасеевском фронте до конца апреля, я заболел тифом и был оставлен в одной из деревень. Пролежал 2 недели в бане у крестьянина дер. Столбы, после чего я по полотну железной дороги стал пробираться в Черемхово. В конце мая я пришел в Черемхово, а так как мне жить в Черемхово нельзя было, я жил на заимках, окружающих Черемхово. Скрываясь до августа месяца, я связался с нелегальной организацией, в частности, с тов. Персиковым, руководителем нелегальной организации. По его распоряжению я начал работу по формированию отряда в Тайге из черемховских рабочих. Вооружение мы получили из Черемхово через тов. Персикова, а часть добывали сами путем разоружения милиции и бурят. В середине ноября месяца наш отряд

насчитывал до 200 человек и по распоряжению нелегальной организации, т. е. руководителей, я получил [приказ] обезоружить милицию и карательный отряд Волхова, а также черемховский гарнизон. Обезоружив отряд и милицию, через некоторый промежуток [времени] я оперировал около Черемховского района, по занятию Черемхова стали прибывать партизанские отряды, первым прибыл отряд тов. Дворянова и Бурлова.

После проведенного большого митинга рабочих Черемхова совместно с партизанскими отрядами мы объявили протест и бойкот чехам, предложили очистить ст. Черемхово и уехать восвояси. После этого я с отрядом отправился на Зиминский фронт, где мы простояли до наступления каппелевцев. По тракту после боев мы начали отступать до Каменки, где связались с партизанским отрядом Мясникова, Дворянова и Бурлова. В то время каппелевцы двигались по всем шоссейным дорогам. По распоряжению Табакова и Персикова мне было предложено занять Александровский централ, который я и занял. При проходе каппелевцев мы были вынуждены отступить на Якутский тракт, по которому я пошел в Иркутск. По тракту около Иркутска встретились с отрядом Каландаришвили и уже вместе пошли на занятие г. Иркутска. После ожесточенных боев Иркутск был взят красными партизанами. После занятия Иркутска всех шахтеров решили отправить по своим местам. Я остался в отряде Каландаришвили, с которым пошел на Дальний Восток.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 429. Л. 1–4. Машинопись.

Из воспоминаний В. К. Волкова о Декабрьских событиях 1917 года в городе Иркутске

В 1917 году в декабре месяце я нахожусь на военной службе и состою в качестве командира 5-го взвода /взвод раненых и больных, эвакуированных с фронта /6-й роты 9-го Сибирского стрелкового запасного полка, который был расположен в то время в городе Иркутске /Глазковском предместье – в деревянных бараках/. Ко времени моего прибытия в полк среди солдат н/полка сильно была распространена агитация анархистов, и под влиянием этой агитации я, будучи политически неразвитым, стал посещать со-

брания анархистов, на которых я особенно увлекался пением гимна «Черное знамя». Наряду с этим, благодаря моему знакомству с некоторыми из членов РСДРП(б), я также посещал и собрания членов РСДРП(б), которые мне исключительно нравились своей простотой постановки вопросов и ясностью их решений.

Откровенно говоря, что у меня твердого мнения, к какой из этих двух организаций примкнуть, не было, но, бесспорно, было то, что к одной из них я, безусловно, должен немедленно примкнуть и включиться в ее работу. После того как я познакомился с т. Шевцовым, одним из активных работников в то время в Иркутской парторганизации, я стал посещать лекции-диспуты, организованные РСДРП(б) во 2-м Народном доме, которые читал т. Янсон о В. И. Ленине. Я окончательно и бесповоротно примкнул к РСДРП(б), в которую я вступил 5 декабря 1917 года, находясь в ней и по сей день – без малейших когда-то ни было колебаний от генеральной линии нашей партии. Вот в это время, когда я был в 9-м Сибирском стрелковом запасном полку, я был избран в состав Совета рабочих и солдатских депутатов, проводя активную работу за дело Ленина, конечно, в пределах своего в то время как общего, так и политического уровня развития.

Помню очень хорошо, что на заседании Совета рабочих и солдат-депутатов 5 декабря 1917 года делал какой-то политический доклад т. Шумяцкий Борис; на этом заседании присутствовали и меньшевики, такие как Патлых и Гноев, присутствовали и анархисты – такие как Пережега, возник крупный скандал: меньшевики во главе с Патлых подняли шум, не давали работать, атмосфера настолько накалилась, что все в зале встали со своих мест и готовы были схватиться врукопашную, но дело кончилось тем, что Патлых заявил, что мы оставляем заседание, считаем его незаконным. Был устроен перерыв, хорошенько поспорили еще в кулуарах, и меньшевики оставили заседание, а мы остались его продолжать.

Характерно еще то, что при входе в зал заседания на стульях от центрального прохода к сцене были прибиты указатели с надписями: «Правые направо», «Левые налево». Когда мы закончили работу заседания и разошлись по домам, а я в казарму, мне передают солдаты, что юнкера и казаки во главе с меньшевиками устанавливают на стратегических пунктах пулеметы и бомбометы. Я

об этом немедленно сообщил председателю полкового комитета нашего полка т. Попову.

Через один день, т. е. 7 декабря 1917 г., прибегает ко мне в казарму т. Попов и говорит, что звонили из штаба /не помню, что это был за [день]/, юнкера и казаки выступают, что мы должны немедленно явиться, т. е. выступить к Белому дому /штаб был в Белом доме/. Когда мы попытались организовать выступление нашей роты, то оказалось, что наших офицеров уже нет ни одного. Тогда я, как член Совета депутатов, беру организацию выступления на себя, предлагаю Попову выдать полушубки и валенки солдатам, но, к сожалению, это мое распоряжение было выполнено неточно, и полушубки всем выданы не были – или по причине их отсутствия, или по какой другой, не помню. Вышел я с небольшой группой солдат, человек 100–120, дошел до понтонного моста. Последовало распоряжение, не помню от кого, что выступать не нужно, вернуться в казарму – мы вернулись. На следующий день, 8 декабря, последовало от этого же т. Попова заявление, что звонили из штаба и требовали немедленно выступить на подавление восстания юнкеров. Я снова собрал народ и предложил одеть по 2 подсумка полные с патронами и зарядить винтовки по пяти патронов, и вот с этими запасами я повел свой небольшой отряд на защиту Октябрьской Пролетарской Революции.

Не прошли мы и с полкилометра, как нас догнали два человека в форме прапорщиков, которые обратились ко мне с просьбой принять их в мой отряд – они хотят с нами вместе драться с юнкерами и казаками за Советскую власть. Я им предложил следовать с нами. Перейдя понтонный мост в город, я свой отряд построил цепочкой и в таком строе двинулись по набережной р. Ангары по направлению к Белому дому. Когда голова цепочки дошла до Белого дома, я цепь остановил и предложил всем лечь на берегу Ангары, а сам отправился в Белый дом, доложил о своем прибытии. Явился я и доложил т. Шумяцкому Якову, который одобрил мои действия и предложил не открывать стрельбы до условного сигнала, т. е. до тех пор, пока не будет дано 3 выстрела из орудия, так я и сделал. Двух офицеров, которых привел с собой, я представил т. Шумяцкому. По истечении некоторого времени из Юнкерского переулка по направлению к нам бежит человек – военный, по которому открыта со стороны юнкеров сильная ружейная стрельба.

Я с этим человеком встречаюсь, оказывается, это был т. Базаркин – артиллерист, кажется, член РСДРП(б). Тов. Базаркин в Юнкерском переулке бросил свою лошадь и прибежал в Белый дом. До тех пор, пока был дан сигнал, разрешающий нам стрелять по восставшим юнкерам, мы в своих рядах уже имели несколько человек раненых. Но наконец, приблизительно часа в 3, после обеда, последовали три орудийных выстрела – один за другим, и сражение началось.

Наше несчастье заключалось в том, что, во-первых, мы оказались в плохой одежде, т.е. были в шинелях и ботинках, а мороз достигал до 40, при этом над р. Ангарой стоял сильный туман, т.к. река еще была не замерзшая, поэтому сильное испарение. Это положение создавало исключительно трудные для нас условия, а наш противник сидел в домах, прилегающих к Белому дому, и беспощадно брал нас на мушку.

Стемнело, положение с нами, слабо одетыми, стало исключительно тяжелое. Часть наших бойцов стала выбывать из строя с обмороженными ногами, часть ранеными, а часть была нам бесполезной из-за того, что расстреляла свои патроны.

Ввиду создавшегося положения я получил задание: во что бы то ни стало пройти под берегом Ангары и соединиться с 10-м полком, который находился в это время на одной с нами линии вверх по Ангаре и совсем не на далеком расстоянии от нас – только за садом. Группа в несколько человек бойцов во главе со мной отправилась на выполнение порученной нам боевой задачи, но пройдя приблизительно полсада /сад тянется по берегу Ангары, мы находились в нижней его части по течению, а 10-й полк – в верхней части/, встречаемся с вооруженной группой, одежду которой мы не могли определить из-за сильного тумана и темноты, которая на наш окрик: «Кто?», отвечает: «Свои!» Аналогичный вопрос был задан нам, мы отвечаем: «Свои», на что последовало несколько ружейных выстрелов, и мы вынуждены были вернуться, имея в своей группе одного раненого в живот. Впоследствии оказалось, что мы встретились воочию с противником, таким образом, нам связаться с 10-м полком не удалось.

Положение создалось для нас чрезвычайно неблагоприятное, мы оказались в тесном кольце: с одной стороны – Ангара, а с остальных трех сторон окружены противником. Кроме того, от-

сутствие патронов и адский холод. Видя такое положение, из штаба было получено распоряжение: всех бойцов, находящихся около Белого дома, ввести в помещение Белого дома, оставив лишь пост у парадного подъезда, но вскоре пришлось отказаться и от этого поста, так как выставленных нами на пост товарищей противник, находящийся на очень близком расстоянии, снимал с одного выстрела.

Когда мы были введены в помещение Белого дома, тут мы встретились с несколькими человеками красногвардейцами, и я встретился с теми офицерами, которых я привел в Белый дом. Оказалось, что это два прапорщика – Алексей Зотов и второй, кажется, Малиновский или Малинтович, что-то в этом роде, действительно, с нами и, кажется, на второй или на третий день Алексей Зотов уже оперативно руководил нами по защите Белого дома. Алексей Зотов, очевидно боясь, что ему потом, в случае проигрыша нами этого сражения или же по каким-нибудь другим, для меня неизвестным соображениям, объявил себя Виктором Морозовым, и под этой кличкой он остался до вывоза его из Белого дома под видом раненого, кажется, в день или накануне заключенного перемирия. Наше положение в этом каменном мешке – Белом доме – не улучшилось, а становилось все тяжелее и тяжелее.

Патронов нет, холод тоже не меньше, нежели на дворе, т.к. не осталось ни одного стекла в рамах окон от пуль противника и взрывов их же бомбометаний и ручных гранат. На второй или третий день жрать стало нечего, т. к. тот запас продуктов, который был обнаружен в этом доме т. Шевцовым, был съеден за один присест. Нужно заметить, что та каша, которой нас угощал т. Шевцов, им же лично наваренная, настолько была вкусной, что частенько теперь о ней подумываешь, «как бы попробовать такой вкусной каши», но она такой не выходит.

Тов. Шевцов сваренную им кашу раздавал нам из котла деревянной лопаточкой в поднятую нами полу шинели. После того как каша была съедена, мы стали «промышлять» за продуктами. К нашему счастью, во дворе несколько лошадей, которые гранатами бомбометов противника были убиты, и вот мы, как только настанет ночь, выползаем из дома во двор, подползаем к убитой лошади, и заостенелое от сильного мороза мясо служило нам

пищей, которое мы пекли в голландских печах Белого дома наподобие шашлыка и этим поддерживали свои физические силы, ну а насчет моральных – у нас дело обстояло исключительно благополучно, если не считать единственного случая, когда один из красноармейцев учинил самострел в руку.

Как только стали появляться раненые, в доме, в одной из комнат, выходящих окнами на Большую улицу, имевшими железные внутренние ставни, был организован госпиталь, в котором появились и врачи, и сестры, но вскоре нам пришлось от этого помещения под госпиталь отказаться, т.к. раненых противник начал добывать из винтовок, после чего госпиталь был переведен в подвал под полом, что служило довольно неплохим убежищем для раненых. День проходил, можно сказать, неплохо, правда, было нехорошо, что мы не могли, как говорится, и носа высунуть, но зато ночь – это был буквально какой-то ад: как только темнеет, юнкерская цепь поднимается, слышится команда: «Цепь, вперед!», и цепь двигается к дому, и в это время по второму и третьему этажам работают пулеметы, а первый этаж обстреливают с ружей, подходят вплотную к Белому дому, в простенки окон первого этажа, а потом начинают нас уговаривать, дополнительно заявляя следующее: «Товарищи, сдавайтесь! Что вы делаете, зачем вы братскую кровь проливаете? Все ваши уже сдались». На одно из таких заявлений стоящий рядом со мной в соседнем простенке окон внизу т. Зотов Алексей /Виктор Морозов/ заявляет: «Мы сдадимся тогда, когда вы возьмете нашу батарею, которая громит вас с Глазковского предместья и из-за Ушаковки». В ответ на это последовала команда: «Приготовить гранаты», и последующая: «Гранаты», и в нашем помещении образовался ад от сильного треска, взрывов гранат, неистовых криков от боли наших раненых товарищей. Но все это не сломило защитников Белого дома, они не сдались до перемирия.

Днем тоже было не совсем легко. Мы были окружены со всех сторон. Напротив через улицу /Большая/ находилось здание Зоологического музея, которое было занято юнкерами, неподалеку – городской театр, в котором установлены пулеметы, жерла которых были направлены на наши окна второго и третьего этажей. На Троицкой улице в доме № 1 или же 3 находилось юнкерское училище, из которого также обстреливали Белый дом, а с третьей

стороны обстреливали тоже из здания прогимназии, которая находилась по ул. Набережной. Мы же, в свою очередь, особенно стрелять не могли, так как зря выпущенный патрон ставил нас в еще тяжелейшее положение, поэтому мы стреляли только в цель.

Однажды днем мы хотели посмотреть в окно здания музея, занятого юнкерами, но сделать это было невозможно, т.к. грозило верной смертью храбрецу. Тогда мы взяли от стен большое зеркало, поставили его лицом /зеркальной стороной/ к окну, а сами лежали под окном на полу и наблюдали, что делается у окон занятого здания противником. Нужно сказать, что наша хитрость была настолько удачна, что мы даже пытались, выбросив винтовку на окно, наводить на цель и стрелять, заставляя этим самым прекращать бешеный огонь противника в наши окна, от рикошета пуль которого мы немало имели жертв.

Или вот, например, такой случай. После сильного обстрела противником нашего дома с бомбометов мы вдвоем с товарищем – командиром 4-го взвода 6-й роты 9-го Сибирского стрелкового запасного полка Гришей /фамилию забыл/, отправились ползком по лестнице на чердак, чтобы проверить последствия обстрела. Только поднялись на чердак, стали на ноги – в это время мой друг Гриша падает – и нет одного движения. Был убит «шальной» пулей сразу наповал. Взяв труп убитого к себе на спину, я на четвереньках притащил его на 3-й этаж, откуда он был доставлен в подвал.

В одну из ожесточенных атак я был, как всегда, на самом ответственном участке – на первом этаже. И вот во время взрыва гранаты неподалеку от меня я был оглушен и в бессознательном состоянии доставлен в «госпиталь», т. е. в подвал, откуда на следующий день отправлен в военный госпиталь, который находился за р. Ушаковкой, где и было констатировано оглушение с повреждением левой части головы, благодаря чему был уволен в отпуск на 3 месяца. Когда нас везли в госпиталь, то только отвезли от Белого дома и провезли Большую улицу, нас встретила юнкерская застава, которая, несмотря на все мольбы сопровождающих сестер и врачей, предложила снять с нас бинты. И вот при сорокаградусном морозе человек раненый, и даже в полубессознательном состоянии, разбинтовывается, тут же юнкер убеждается, что да, он попал метко, что как только был снят бинт, струйка яркой крови потекла из левого уха. Так было со мной, так было и с дру-

гими, которые проходили заставы юнкеров, которые попадают в госпиталь.

Но это еще не все. Проехали первую заставу. Рядом идущие сестры кричат посменно: «Не стреляйте, товарищи, Красный Крест санитарного отряда», а подлые обнаглевшие юнкера, выпустив нас на Конюшенную улицу, открыли по беззащитным бешеный огонь, в результате которого некоторые из наших товарищей остались на улице, не дойдя до госпиталя. На второй или третий день после своего прихода в госпиталь ко мне подошли главный врач госпиталя, фельдфебель⁵ госпиталя и т. Шумяцкий Федор, который был ранен в левое плечо. Тов. Шумяцкий мне многое рассказал, что делается на фронте борьбы за Советскую власть и, в частности, сообщил, что меньшевик Патлых убит.

После того как я вышел из госпиталя, я домой не поехал, несмотря на то, что мне было это предложено врачами в категорической форме, а приступил к работе. Это было к концу декабря, поэтому моя кандидатура дебатировалась на одну из выбранных командных должностей в 9-м Сибирском стрелковом запасном полку, но потом было учтено мое состояние здоровья и меня от этого дела освободили. Все же, невзирая на мое плохое здоровье, меня от 9-го Сибирского стрелкового запасного полка избрали делегатом на заседание Восточного военного совета, которое должно было состояться 1 января 1918 г. На это заседание я явился, где впервые встретился с прапорщиком Лазо, с которым немного побеседовал, и он мне сказал, что сегодня заседание не состоится, и с этим ушел. После этого меня на одном из заседаний советов избирают в состав созданной Советом рабочих и солдатских депутатов комиссии по учету оружия и обмундирования в иркутском гарнизоне, предназначенного для жандармов.

Конечно, в то время для меня, энтузиаста борьбы с классовым врагом, политический смысл этого дела понятен не был, поэтому я порол большую глупость, имеющую суть политическое значение. Вот вкратце, как обстояло дело, хорошо известное мне как непосредственному участнику иркутских событий декабря 1917 года.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 437. Л. 1–7. Машинопись.

⁵ Воинское звание и должность унтер-офицерского состава в армиях России.

**Из воспоминаний Фурмана С. Б.
о борьбе большевиков и эсеров в Декабрьских событиях
1917 года в городе Иркутске**

Я приехал в Иркутск в самую горячую пору борьбы между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами – с другой.

Борьба была ожесточенная, особенно со стороны эсеров, которые не брезговали никакими приемами, вплоть до публичного обвинения тов. Ленина и Троцкого тайными агентами и шпионами германского кайзера. Подобными аргументами орудовали в толпе такие «герои», как Чичинадзе и Тимофеев. В общем, слово «большевик» в устах эсеров и меньшевиков было обидным. Минувя кампанию по выбору в гордому в 1917 г., остановлюсь несколько на выборах в Учредительное собрание и на окончательном расколе обеих фракций РСДРП.

При выборах в Учредительное собрание обе фракции вздумали блокироваться, причем каждая фракция настаивала на своем кандидате в первом месте: большевики вначале настаивали на кандидатуре тов. Янсона, а меньшевики настаивали, кажется, на М. Константинове. При наличии тех условий и той напряженности, которая тогда существовала, это несогласие являлось каплей, переполнившей стакан, и разрыв стал фактом. Помню, как полчаса спустя, как меньшевики покинули зал, в гордому, где находилось наше собрание, прибежал тов. Янсон и заявил следующее: «Ввиду того что я являюсь противником раскола, а раскол произошел, моя кандидатура не будет фигурировать ни на том, ни на этом списке». В следующее заседание мы решили ради популяризации нашего списка выставить кандидатуру тов. Троцкого. Вторым был выставлен Николай Гаврилов, Янсон, Постышев и т.д. Вслед за этим с помощью приехавших из Красноярска тов. Шумяцкого Б., Бограда Я., Окулова, Яковлева и др. борьба за идею власти советов разгорелась с новой силой. Тем сильнее она разгорелась в г. Иркутске тогда, когда получили сведения о том, что в Петрограде Власть Советов – свершившийся факт.

Яркий был момент, когда Б. Шумяцкий на объединенном заседании советов рабочих, солдатских и офицерских депутатов

заявил: от имени Революционного комитета, от имени рабочих и крестьян объявляю нынешний состав совета распущенным.

К этому времени мы уже имели за собой значительную часть солдатской массы, но руководители офицерства думали воспротивиться этому роспуску, так что пришлось арестовать несколько человек, в числе которых, кажется, был полковник Скипетров, а также редактор тогдашней «Сибири» И. Гольдберг, которые были выпущены тогда еще существовавшим прокурором Старынкевичем. В это время в Иркутске существовало две власти: Ревком, опиравшийся на рабочую и солдатскую массы, возглавляемые большевиками и левыми эсерами, и комитет общественных организаций, опиравшийся на офицеров, юнкеров и казаков, возглавляемых эсерами, меньшевиками и кадетами. Видно было, что необходимо положить конец этому ненормальному явлению. Тогда был назначен командующим войсками Иркутского военного округа тов. Б. Шумяцкий, который предложил юнкерам разоружиться и расходиться по домам. Юнкера, конечно, под давлением перспективы офицерских погон, также своих идеологов, эсеров Дистлера, Гольдберга, Кругликова и др., отказались выполнять это требование. Начались переговоры, которые окончились декабрьским боем.

Памятно для меня само начало боевых действий, это 8 декабря 1918 г. У нас было условлено, что после сигнала о вводе пушечного выстрела вся красная гвардия стекается к Белому дому. Переговоры пока велись, и была как будто надежда на то, что все кончится миром, и вдруг приблизительно в 3 часа пополудни раздался пушечный выстрел. Хотя к этому было приготовлено все население города, но он подействовал на всех именно как «пушечный выстрел». Меня он захватил на Мотрешенской улице, угол Б. Блиновой. Оттуда я направился к Белому дому. Оружия, кроме браунинга, я при себе не имел. По всей дороге до угла Амурской и Большой везде стояли кучки людей, оживленно обсуждавших текущие события. Дальше мне идти не пришлось, так как на углу Амурской и Большой я был остановлен юнкером из числа тех, которые заперудили всю Амурскую улицу в этом районе. «Стой, товарищ! Куда идешь?» – задал он мне вопрос, но так как в надетом на шинель полушубке я не узнал юнкера, то довольно наивно ответил: «Как куда? В Белый дом». «Вернись, товарищ, – сказал он мне. – Туда нельзя, иначе тебя

арестуют». Я тогда узнал, с кем имею дело, немедленно вернулся, направляясь в штаб войск, который тогда находился в помещении 2-го Общественного собрания. Придя туда, я записался, чтобы получить винтовку с патронами. Как сама запись, так и выдача винтовок были крайне беспорядочны: было заметно, что получить винтовку, и даже несколько, мог кто угодно. Эта беспорядочность и неорганизованность – большой минус в организации декабрьских событий. В этот же самый вечер юнкера, засевшие в доме напротив, по Большой улице, стали обстреливать наше помещение, откуда мы были вынуждены перенести штаб на угол Б-Трапезниковой и Молочного базара, оставляя во 2-м Общественном собрании, в задней его части, лазарет и небольшой караул. Оттуда, т. е. с Б-Трапезниковой улицы, Дмитриевский, т.е. начальник военных сил, стал руководить разрозненными, почти партизанскими отдельными отрядами, что, конечно, трудно удавалось, вернее, совсем не удавалось. Эта разрозненность, эта децентрализация стоила, конечно, много десятков рабочих жизней. Помню, юнкера в третью, кажется, ночь боя вывели пулеметы на молочный базар и стали обстреливать на расстоянии ста пятидесяти шагов здание, занимаемое нами. Организованного отпора им дано не было, каждый по своей воле хватал винтовку и выбегал сражаться против юнкеров, оставшихся в помещении никто не заставлял /да и, кажется, заставить бы не мог/ выйти сражаться. Положение наше уже ухудшилось тем, что проходящие отдельно красногвардейцы, а также наши редкие посты, уничтожались выстрелами поклонников юнкеров и офицерства из окон чердаков, из-за заборов и т. д. К этому времени продовольственные запасы в частях совершенно истекли, также у населения хлеба не стало. И вот Ревком назначил комиссаром по продовольствию войск и населения тов. Шварца, но ввиду его отказа от этой работы Ревком назначил меня.

Узнав, что в адрес городского продовольственного комитета прибыл[и] на ст. Иркутск 30.000 пудов пшеничного зерна, я разыскал сотрудника и члена горпродкома тов. Фоминых для получения от него дубликата на это зерно для перевозки его на мельницы Белицкого к перемолу. Первоначально мы вели переговоры с Фризером и Белицким насчет перемола, а также с гражданином Швец по поводу перевозки зерна на пароходе, ввиду того, что понтон не действовал. Переговоры увенчались успехом, и вот мы с

тов. Фоминых /между прочим, антихрист по убеждению/ отправились на лодке в Глазково на товарную станцию, где после больших трудов и долгих разговоров, во время которых приходилось и просить, и угрожать, удалось получить это зерно, которое я тут же стал переправлять теплоходом на Иркутский берег, а оттуда на мельницу Белицкого. Получив значительное количество муки, мне, как будущему в то время председателю союза пицевиков, не трудно было пустить нужные нам пекарни в ход, и хлеб для частей был обеспечен. Осталось обеспечить мясо или замещающий его продукт. И вот, зная, что в горпродкоме имеется свежая рыба, в присутствии того же тов. Фоминых и с его помощью стал брать нужное количество рыбы. Таким образом, продовольствие частей было сравнительно благоприятное. Эту работу мне так уж и пришлось продолжать до конца боя, который продолжался до 16 декабря. Пожалуй, бои, если бы в них участвовали только наши местные силы, окончились бы нашим полным поражением. Во-первых, по причинам, указанным мною выше, т.е. за отсутствием единого плана работ, дисциплины и организованности, во-вторых, за отсутствием у нас пулеметов, которых было более чем достаточно у наших противников, которые более подходили к условиям боя, чем 3-дюймовые орудия, которые у нас имелись, так как к орудиям прибегать мы долго не решались ввиду того вреда, который они бы причинили мирному населению. Пулемет же действовал и на психику наших бойцов. Строча с какого-нибудь чердака с быстротой 450–500 выстрелов в минуту, он наводил жуть, к тому же, а может быть, именно потому, что трудно было по сухому его треску определить, откуда он бьет.

Эхо темной городской ночи в пустых городских улицах обманывало слух, и создавалось впечатление, что он бьет то с одной стороны, то с другой. Объясняется же наша победа тем, что стали стекаться на помощь не только рабочие и крестьяне Иркутских окрестностей, но также прибыла помощь из Канска и Красноярска во главе с тов. Лазо. Был сначала заключен мир довольно компромиссный, но по настоянию состоящих в наших рядах и тов. Лазо мир этот был ничтожен и заменен другими условиями, более соответствовавшими настроению масс. Характерно то обстоятельство, что не один из участников юнкерского восстания не только не был задержан и наказан, но, наоборот, некоторые

более активные, боясь гнева рабоче-крестьянской массы, вызванного их гуманной деятельностью, попросили дать им охрану, которая бы их охраняла во время выезда из города, и они эту охрану получили. Многие юнкера, а также офицера, воспользовавшись своей привилегированной свободой, отправились на восток, где они впоследствии примкнули к отряду Семенова. Вот таким образом наша гуманность, наше применение рыцарских правил по отношению к не совсем рыцарским врагам стоили нам впоследствии многих тысяч рабочих и крестьянских жизней. Но все же наружный мир оставался таким до 13 июня 1918 года, когда кучка белогвардейцев подняла восстание с помощью лиц, работавших к Советской власти, вроде офицера Телятникова, который украл для них массу оружия, но с одним возом винтовок был задержан на ул. Благовещенской и Арсенальной.

Помню, часа в 3 ночи, когда уж стало светать, я, работая в пекарне на ул. Преображенской и М-Блиновской, услышал выстрелы. Выбежав на улицу, я увидел проходящий мимо отряд милиционеров 3-го городского района. Спросив у них, в чем дело, я получил ответ, что восстанием белогвардейцев захвачены понтонный мост, обозная мастерская и район Ланинской горы. Через полчаса, окончив работу, я побежал домой и, схватив винтовку, отправился на берег Ушаковки, где в это время шла перестрелка. Пролежав в цепи часа 2, мы с помощью броневых автомобилей прошли через Ушаковку в атаку и выбили белогвардейский отряд к кладбищу, откуда они рассеялись. Приблизительно к 12 часам дня все восстание было ликвидировано. Было арестовано много лиц, все они впоследствии были выпущены, наказание же понесли только 4 человека во главе с Телятьевым, активность которых приблизительно равнялась его. Восстание это главным образом опиралось на выступление чехов по Сибирской магистрали.

Цель этого восстания, по-видимому, была – создание крепкой базы для них, для чехов. И вскоре после этого ЦентрОСибири все же стало ясно – это падение Иркутска неминуемо, и оно решило в первую очередь эвакуировать золотой запас, сопровождал который я. Вместе с отрядом, состоявшим преимущественно из булочников, выехал из Иркутска.

Тов. Фурман 7/02/23 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 478. Л. 1–3. Машинопись.

Биография Фурмана Саула Баруховича

Фурман Саул Барухович родился в 1893 году в Варшаве, в семье торговца каменным углем. Вскоре отец разорился и попал на должность синагогального слуги, где проработал до своей смерти в 1903 году.

В 1902 году поступает в «Манилым Хедурим», прогрессивную школу, однако после смерти отца старший брат отказывается платить за него из-за разногласия в мировоззрениях (старший брат был ортодоксом и считал, что подобное не нужно для карьеры раввина, которую желал брату), и Фурман оказывается отчислен.

Вскоре после этого с помощью двоюродного брата устраивается в шляпную мастерскую, где работает и двоюродный брат (который и помог в принятии решения о поступлении в школу).

В 1909 году за участие в забастовке был уволен «за своеволие и за то, что тянул за большими». Вскоре после этого устраивается в пекарню мальчиком за 50 коп. в неделю. Благодаря грамотности занимает высокое положение (в это время почти все булочники были безграмотными).

Работу в подполье начинает в 1905 году благодаря своему двоюродному брату, члену организации «Пролетариат». Через него Фурман знакомится с членами «Бунда», еврейской социалистической партии, и начинает выполнять для них первые свои поручения: распространяет среди пекарей листовки к 1 Мая, прячет литературу и оружие. В 1906 году вступает в «Бунд» и начинает выполнять обычную для партийца работу.

В 1909 году его арестовывают, в тюрьме Фурман находится до 1911 года, вскоре после освобождения он вновь арестовывается за участие в забастовке и по обвинению в экономическом терроре приговаривается к каторге, часть которой отбывает в Шлиссельбургской крепости, откуда отправляется в ссылку в Верховенский уезд, куда прибывает в январе 1917 года.

После революции переезжает в Иркутск, где начинает работу в профессиональной области – в союзе булочников, кондитеров и макаронщиков (занимает должность председателя). Одновременно с этим является членом Совдепа и выполняет партийные поручения.

ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 320. Л. 11. Машинопись.

Воспоминания Журавлева о событиях в Иркутске с прибытием чехов в 1917–1918 годах

Революция 1917 года в феврале месяце меня застала в лазарете Мариинской общины сестер милосердия Красного Креста в г. Иркутске. Вдруг утром получаем частное сообщение, что царь отрекся от престола, и мы как-то сразу встали в тупик от этого известия /нас больных солдат находилось 12 человек/. Я был рад этому, но другие не верили и решили купить газету /собрали денег, кто три, кто пять, и послали сиделку за газетой/. Потом собрались все больные ко мне в палату, я стал читать, а они слушали. Вдруг заходит врач, заведующая лазаретом Макарова и, увидев сборище всех больных в одной палате /а палат было три/, спросила, что это значит, видя всех в возбужденном настроении. Мы ответили, что читаем газету, где написано, что царь отрекся от престола, и начинается революция, тогда врач Макарова спросила меня, как ты думаешь, это к лучшему или к худшему, я ответил, не задумываясь, что хотя положение может быть тяжелым, но все же к лучшему, и хотел что-то еще сказать, но она вздернула губами и быстро вышла из палаты, а потом прислала сиделку и сказала, чтобы расходились по своим палатам, видимо, ей мой ответ не понравился.

Но 15 апреля 1917 г. я выписался и на комиссии был освобожден в отпуск на три месяца, в это время только начали организовываться профсоюзы. Приходя к товарищам, служащим в сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой, ребята стали звать меня поступать к ним в истопники, хотя я еще был хромым, но они за меня обещали все делать, пока я не поправлюсь, а главное, у них из числа свыше 50 человек прислуги не было никого мало-мало грамотного и некого было выбрать представителем от рабочих. Для защиты прав рабочих и наблюдения за порядком и улаживания конфликтов с администрацией, а администрация там была сильна: попечители банка Медведниковой Черных Иннокентий Николаевич, Белоголовый Андрей Анатольевич, начальница Писарева Алевтина Андреевна старого барского закала и другие. По поступлении моем в сиропитательный дом я сразу же предложил всей прислуге и рабочим записаться в только что организованный союз курьеров /частных и правительственных учреждений г. Иркутска/, в организации союза главное участие со мной прини-

мали тов. Алексеевич Иван Дмитриевич /ныне служит в Губсоюзе/, Андреев Иван Лаврентьевич /ныне служит в Губфинотделе/ и Анишкин Алексей Павлович /ранее служил механиком в Соборе, ныне неизвестно где/.

На мой призыв записаться в союз, где мы идем защищать свои интересы, товарищи откликнулись сознательно, и потом я был избран председателем местного Рабочего комитета. На первых порах было трудно грамотному и то [не]мало мне приходилось сбивать спесь начальницы Писаревой, которая никак не хотела примириться с положением, но все же пришлось урезать ее алчный аппетит, обделять сирот, воспитанниц, а их было около 250 чел., но все мелочи не опишешь, хотя и за них приходится бороться, скажу, что там я установил 8-часовой рабочий день, улучшил положение всех служащих, увеличил штат прислуги и оплату жалования, а также пришлось наблюдать и отчасти руководить. Чтобы достаточно были сыты дети, ибо раньше самые лучшие куски мяса, молоко, сливки и битая птица шли на прожор начальницы, ее гостей и любимой ее надзирательницы, все это лакомство пришлось отменить и пустить в общий котел воспитанниц.

Перед осенью 17-го года я избрался в члены городского совета, во время декабрьских событий к нам хотели поместить воспитанников кадетского корпуса, я запротестовал, и их не пустили, но батарея, стоявшая в рабочей слободе, была чьей-то провокацией введена в заблуждение, и нам было послано в здание около 400 снарядов. Были приняты меры – всех детей перевести из верхних этажей в четвертый, подвальный этаж, ввиду сохранения жизни детей. Потом мне пришлось бежать под перекрестным огнем казаков в рабочую слободу к комиссару батареи и приостановить стрельбу из орудия по зданию, что мне и удалось сделать.

В 1918 году я дополнительно ко всем обязанностям был избран от союза председателем народного суда. На пленарных заседаниях городского совета буржуазные прихвостни партии беспокойных /так мы называли эсеров и меньшевиков/, старались всегда срывать заседания, но это им не удавалось, так как нас, рабочих, присутствовавших большевиков было большинство. То они, видя, что ничего не могут сделать, поднимаются и демонстративно покидают зал заседания. Мне помнится, незадолго до прихода буржуазных освободителей и рабочих поработителей чехов на одном

заседании тов. Постышев сказал буржуазным лакеям эсерам и меньшевикам, что они играют в дудку кадетов, но погодите, если вы своей помощью свернете власть рабочих, то через некоторое время сами [будете] стоять и выдерживать стойку, как командная собачка на задних лапках. Слова тов. Постышева сбылись, и впоследствии к концу колчаковщины некоторые из наших противников начали примыкать к нам, но не знаю, с чистой ли совестью или из-за положения, что некуда было сунуться. Я знаю некоторых, которые в 1918 году старалась свергнуть власть рабочих и крестьян, теперь же в наших РКП(б) я не буду указывать на имена, но пусть они сами расскажут в своих поступках, ибо Российский рабочий не мстительный, но явно я немного уклонился от главного.

В начале 1918 года прибыл к начальнице сиропитательного дома Писаревой сын, казачий офицер Иннокентий Писарев, который вскоре поступил в добровольную пожарную дружину и вплоть до прихода чехов околачивался около матери /которая в данное время проживает у второго сына Виктора Писарева, который живет в Тулуне, агронома опытного поля/, и лебезя передо мной, как представителем от рабочих, но я не обращал на него особого внимания, ибо он считался в виде шалопая, но как только пришли чехи, он сразу же одел форму офицера и ушел в штаб чехов на Шалашниковской улице в доме Радионова, и оттуда привел человек около 25 чехов и белогвардейцев в сиропитательный дом для ареста меня с товарищами /я скрываться не мог, потому что в отсутствие меня могли погибнуть некоторые молодые товарищи, которые впоследствии были хорошими партизанами/ по первому их зову я явился, т. е. вышел во двор к ним, и только что подошел, как Иннокентий Писарев, указывая на меня, говорил: «активный большевик», и сразу же я почувствовал удар сзади по голове от чеха, потом второй и третий раз, один чех хотел меня ударить по лицу, я его руку оттолкнул и сказал, чем издеваться, я в ваших руках, нажмите курки и весь разговор, в это время на меня направлено было несколько дул револьверов, дети, гуляющие по двору, видели и слышали все, что со мной делают, в один голос закричали со слезами на глазах: «Ой, дядю нашего хотят убивать». Это, видимо, на них немного подействовало, и один из белогвардейцев в студенческой тужурке предложил остановить расправу и допро-

силь, где и у кого оружие, а также сделать обыск. Вошли в помещение, произвели обыск, но ничего не нашли, тогда офицер Писарев, указывая еще на двух молодых ребят 17 и 18 лет, [сказал], что они тоже красногвардейцы, и их тоже со мной вместе арестовали и отправили в тюрьму, но не доходя немного тюремного моста, нас остановили, и я стал говорить Писареву, какая ему будет польза в лишении меня и товарищей свободы или, может быть, жизни. Тогда он отошел в сторону, переговорил с чехами и сказал мне: «Ну, тебя отпускаю на свое поручение, если только не убежишь», я сказал ему, что буду так же тверд, как и он, но попросил в свою очередь отпустить моих товарищей под мое поручительство – отпустили. Возвращаясь обратно, я сразу же товарищам предложил по-тихому убираться домой, одному на ст. Шеборта Томской ж/д, второму – в с. Долгий мост Канского уезда Енисейской губернии. Я решил перетерпеть один за всех и в расчете не ошибся – через неделю, т. е. числа 20 июля, был снова арестован. Но вернусь пока назад, когда меня первый раз освободили, то Писарев сказал мне, что рабочий комитет распущен, но в тот же день вечером призывает меня сама начальница Писарева Алевтина и, свысока давая мне приказ, чтобы утром уволить неугодных, по ее мнению, признаваемых как большевиков, некоторых из прислуги, и чтобы не считать никаких 8 часов работы, а чтобы опять работали с утра и до ночи, тогда я ответил, называя ее по имени-отчеству, что я уже не являюсь председателем от рабочих, ибо комитет распущен, и я не имею права теперь распоряжаться, тогда она чуть ли [не] с пеной у рта закричала на меня, называя не по имени, а барыней, я тебе не экономка какая, и не смей отговариваться. Иначе будет с тобой то, что сейчас освободители делают за стеной тюрьмы. Я сразу понял, в чем дело, ибо слышны были все время выстрелы в ограде тюрьмы, больше ей ничего не сказал и ушел, с того времени они ожили, и при появлении у нее в квартире с сыном чеха, то и не знали, как и рассыпаться перед ними, но вот и пришел указанный выше день моего ареста.

Сначала меня привели в комендантское управление /в помещение бывшего Русско-Азиатского банка/, оттуда повели нас часов около 10 вечера в тюрьму, нас было человек 15. Конвоировали нас все молокососы кадеты и гимназисты, когда вели по Большой улице города Иркутска, то гуляющая торжествующая буржуазия,

видя нас, ругая всячески, плевала в красногвардейцев, кровопийцы и т.п. А пьяное офицерство говорило, зачем ведете, возьмите сразу и переколите их оружием.

Но вот уморительный случай, доходим до Благовещенской церкви, идет старушка, видя нас, обращается к конвою: «Дайте-ка сюда одного большевика, да подержите, я ему глаз выколую». При приходе в тюрьму нас разместили по камерам, и я там наутро узнал, что много наших товарищей не попало сюда, и ночи не проходило, чтобы не уводили на «Звездочку» на расстрел, услышал рассказ арестованных в первый день прихода чехов, что сначала сгоняли в тюремные бараки, а потом выводили, и пьяные чехи, глядят в глаза арестованного, говор[или]: «А сокромента большевица расстрелять». Но предварительно, у кого была добрая одежда, раздевали дочиста и много в то время легло товарищей, но через некоторое время вечером слышим, что привезли тт. Постоловского и Сташевского, и к утру тов. Постоловского не стало. После этого меня перевели в одиночный корпус кочегаром, где я встретился с тов. Бокиновским, Никифоровым, Мухачкеевым, Новиковым /казначей союза курьеров, потом был вторично при Колчаке арестован/ и Соболевым Иваном /погиб в числе 31 на Байкале/, семья его находится в рабочей слободе, угол Напольной и Институтской улиц. Но просидели полтора месяца, обвинительных всяких улик не смогли найти, выпустили, и в первое время после освобождения долго не мог найти службы, ибо везде просили удостоверение об осуждении, но, в конце концов, поступил в одно торговое предприятие, где и прослужил вплоть до свержения Колчака, но и тут все же не забыл своего, приходилось покупать из-под крупчатки кули и отдавать шить рубахи и штаны, передавать в концентрационный лагерь военнопленных красноармейцев.

Рабочий Журавлев

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 444. Л. 6–7. Машинопись.

Выдержка из воспоминаний И. Брилева о жизни и партизанской борьбе в Сибири

Иркутск, 1918 год

Начал организовываться 1-й Иркутский партизанский отряд (конный). Начальником отряда был тов. Фурман. Первое время главком тов. Голиков. Мы стояли на Амурской улице, бывшая 2-я школа прапорщиков. По распоряжению главкома тов. Голикова ночью мы погрузились в эшелоны и направились в Култук. К нам съехались Черемховские отряды, с которыми я в Слюдянке снят на фотокарточке. Здесь были у нас поставлены части по направлению к Монголии и разбивали тоннель Култука из орудий. Присоединились отряд Слюдянский и ряд других, здесь помешал многому наш бронепоезд под командованием Орлова, который дал повод паники флангам, после чего начал расстраивать фронт. Орлова я с тов. Голиковым возвратил обратно [на] бронепоезд.

Мешало нам многое то положение, [что] отряд был наполовину с разного рода женщинами, чему я был против, и начались негодования в отряде, и отсутствовала совершенно дисциплина. После чего главком назначил меня начальником отряда. Здесь после боев до Верхне-Удинска к нам присоединился Метелица, назывался отец Аргуни с казаками и числился начальником штаба. Лазо все время был с нами, также у меня было человек 300 китайцев, в то время, когда появился аэроплан, китайцы сразу бросили оружие.

Отряд тов. Каландаришвили ушел на Троицкосавск из В-Удинска. Главком хотел задержать, но надо было тогда сделать фронт между собой, то решили – пускай идет с золотом в Монголию, было, помню, намерение через Баргузин ударить в тыл к белым. Кроме того, банды готовились против нас. За В-Удинском деревня Белая церковь скупила винтовки и оружие, чтобы вступить против нас. Придя на станцию, сам взял дрезину ж/д и начал гнать вслед за нашим броневиком, который на расстоянии километра шел впереди, но сил не хватало на подъем, бросил дрезину, пошел в поле, зарыл патронташи и винтовку, кобур от нагана, наган под пояс спрятал пиджака и на станции Илька остался, пошел против вокзала в дом к одной полной женщине, весом пудиков на 6-7, и попросил лошадь, говоря, если имеется, уплачу, ехать по направ-

лению к отступающим, она ответила, а почему не к Иркутску, я понял, что ненависть к отступающим, и ушел, спрятался в сено стога, ожидая, что будет дальше. Смотрю из сена, эшелон за эшелонам начали вслед отступающим. Иркутские фронтовики, 2-я Гаубичная артиллерия. За В-Удинском мост через Селенгу охранялся исключительно белогвардейскими офицерами и жандармами, что было мною открыто через девиц, и молочная ферма, тоже у моста белогвардейский заговор, в отрядах у нас тоже цельная измена, женщинами больше занимались, чем фронтом и защитой его.

В 1918 году отступление было не вполне нормальное, а паническое. Китайцы-красногвардейцы бросили оружие и разошлись. Начальник штаба тов. Метелица уехал на автомобиле. Главком тов. Голиков неправильно повел отступление, т. к. части брошены на произвол судьбы, лишь бы самому со штабом уйти. И вот пришлось последний пулемет снять с окна тюрьмы, нагнать штаб и передать его, лошадь не сумел погрузить свою, так и ехал вслед за штабом, и вдруг, не доезжая ст. Илька, лошадь моя отказалась идти, я ее оставил у будочника, сняв седло, повесил на заборике.

После чего еще приходит эшелон, я решил подойти узнать, мне ответили – 3-й Томский полк. Я начал проситься разрешить нагнать их якобы свой эшелон Иркутских фронтовиков как оставший от него. Мне сказали, идите к начальнику эшелона, я зашел объяснить ему, что отстал от поезда, разрешите вашим эшелонам нагнать, он ответил, идите к дежурному по эшелону прапорщику Севастьянову. Впоследствии я нашел его, и он мне разрешил, впоследствии я узнал, что это 3-й Томский офицерский под командой генерала Уке. И так, сел в задний вагон и видел перед собой одних поручиков, подпоручиков, штабс-капитанов, прапорщиков, рядовых было человека 3, добровольцев. Вот где на каждом шагу начались расстрелы красных, выводят из вагонов, ожидал этой участи и я, но решил – раз есть наган, до последнего не сдаваться, но к моему, возможно, счастью стоит платформа с автомобилем грузовым марки «Пикард». Подошли к беспризорной машине, офицер и говорит: «Прицепите к нашему эшелону, пускай едет машина, видно новая, пригодится».

Я подошел как знакомый с машинами, завел, она заработала, они начали спрашивать: «Вы шофер этой машины?» Я им говорю,

что нагоняю свой эшелон. Они ответили: «Оставайтесь у нас, вам все равно, там или здесь, а если надо, мы дадим отношения о том, что оставили у себя, как нужен шофер». Выхода нет иначе, как дать согласие и продолжить путь дальше. И вот слышу от них, что на петле дадут красным бой, где ожидал встретиться и перейти. Вылезли из эшелонов, за ними и я, дали шинель, винтовку, патроны, говорят идем. Все получил, прошли немного, а потом опять погрузились в эшелоны и поехали до Оловянной, в то время мост был взорван с обеих сторон, внизу проведена была около моста железная дорога. В с. Оловян[ной] меня послали за горячим в Читу, зашел в штаб для оформления документов, где мне 40 ведер дали чистого спирта, влили туда формалина для того, чтобы не пить. Здесь я белогвардейский штаб встретил, в открытую ходит с блестящей ножною один из комиссаров из отряда Каландаришвили, фамилии не помню (кажется, Караваев или Каратаев), ребята должны знать, мне напомним, точно не могу сказать, но знаю – видел последнее время в В-Удинске. Получил спирт и уехал из Читы прямо в Томск, где 3-й Томский полк переименовали на 7-й Кузнецкий, помню, командовал генерал Уке. 4-й ротой командовал капитан Циганков, 3-й ротой – Иван Качалов. Спирт у меня пили всюду, несмотря на то, что отравлен был формалином. Зав. оружием поручик Густамесов из Барнаула. В боях не приходилось быть с ними, под Кыном разобрал звено во время отступления их 7-го Кузнецкого и Барабинского, пал бронепоезд с рельс, но наши войска не успели подойти, потом зажег эшелон ихний с сеном и продуктами, тоже расцепили. Помню, уличили одну в канцелярии барышню в большевистской связи и нашли у ней Маузер.

Находясь при штабе, дошел до Омска и там узнал, что пробка ж.д. сделана специально со стороны предательства коменданта края войск в пользу белых, и вот решил все-таки пробираться на Амур, куда наши пошли при отступлении. Достал документы. Да, шел все время не под своей фамилией, а как Быковский Иван Иванович. Когда приехал в Читу, меня на станции Даурия арестовали. Кто-то из ж.д. доложил, что я партизан, начальник отряда, но фамилии не знали моей, что я ношу Быковского, и когда начали меня допрашивать, помню, капитан Лафренцев, комендант поселка Даурия. Когда я начал грубо отвечать, то меня избил при-

кладами китайцы и буряты и посадили на гауптвахту⁶ до получения справок из полка о том, что действительно ли мне выдал 7-й Кузнецкий полк документ. Я заявил, что спец по авто, и меня под конвоем водили в гараж работать. Я за это время познакомился с начальником почты ст. Даурия тов. Лебедевым, который, видно было, напитан духом большевизма.

За это время в Даурии расстрелы шли вовсю. Красных снимали с поездов и расстреливали. Видел самого Семенова генерала, а Унгерна не видел. Был, почему-то мне думается, ничего, подходящим человеком полковник Усачевский. Помню на гауптвахте одного товарища, хорошо одетого, пинками убили в коридоре, он все кричал, что у меня жена врач-акушерка, сняли «с мясом» кольцо с пальца, одежду и каракулевую шапку, напали китайцы, как звери, здесь же расстреляли своего поручика 4-й степени кавалера Кузнецова за растрату 4 или 6 тыс. рублей, одного из своих секли розгами по 25 штук в день целую неделю за то, что во время пьянки сорвал погоны у своего товарища. Здесь же стояли и Японские части. Получил командировку за частями в Маньчжурию и удрал во Владивосток, где устроился в Сибирском флотском экипаже преподавателем моторного класса под фамилией Быковский Иван Иванович. Начальник школы капитан Гребзе, очень хороший человек, бывало, часто плачет, когда напьется, говорит мне Иван Иванович. Чувствую, если что-то будет, расскажи, быть может, ты знаешь, тебе доступно слушать от народа. Но я уже в это время связался с подпольной организацией на Корейской слободке № 22, где обсуждали и решали вопрос о восстании. Были в подпольном заговоре все нации, кроме японцев. Чехи обещали первыми выступить, этим говорили, что загладим свою вину, искупим. На бухте Ольга и Сучанах партизаны действовали вовсю. В это время в Благовещенске в саду был расстрелян тов. Мухин, его товарищи сидели на гауптвахте во Владивостоке. Мне пришлось им помочь в побеге, передать путевку через радиста Сосунова Василия, который был, попал на гауптвахту и после меня освобожден, я вместе с передачей Василию Сосунову брюк передал №... для товарищей, которых фамилии не знаю, но они ко мне обратились как к моряку. Прибыл я после побега от генерала Семенова на Чуркин мыс. Во Владивостоке, где жил у рабочего и решил поступить во фло-

⁶ Помещение для содержания военных под арестом.

тилию ... под чужой фамилией Иван Иванович Быковский старшим преподавателем мотористов.

Но здесь встретил недействительных матросов, а маменькиных сынков, пудренных, мазаных, да среди этой семьи было малое количество из рабочих и направления большевистского, например, Ремизов Иван – моторист, сам владивостокский. Почему-то я отдал бы доверие капитану Гребзе, начальнику классов в порту, с ним часто приходилось выпивать и вести разговор на разные темы, но был там агентурный белый штаб, который ярко выделялся для человека, интересующегося течением работы и политики, этой агентурой ведал прапорщик Дек, свирепый парень. Помню, этот Дек делал отбор из матросов, выстроил экипаж и сам выбирал на усмотрение партизан на Ольгу, при всем моем желании попасть туда мне не пришлось, не умел заручиться в среде их доверием, поехали мамины сынки, харбинские и читинские, помню одну из фамилий двух братьев – Лебединские, у которых, они рассказывали, свои шкуны были по Амуру и рыбалки. Вообще, я попал в два лагеря, были мамины сынки, и был пролетариат, одни другим не доверяли и боялись один другого.

Началась присяга через попа, целовать крест на площадке Сиб. Флот. экипажа, здесь же стояли Американский красный крест. Надоело это, решил, чтобы меня арестовали и посадили туда, где могу встретиться с товарищами и поделиться мнениями, идя в рядах целовать крест, и евангелию все целовали. Я решил не делать эту глупость и ждал ареста, надоела такая воля среди такой атмосферы чужих людей и других мнений. Но почему-то за этот выпад мне никто ни слова не сказал. Вся интервенция во Владивостоке, здесь же броненосец японский «Микасо», и началось наступление кругом партизан. Здесь на Ольге, Сучанах на Амуре и по России белогвардейские шайки, интеллигенция кругом. Я встретил из Ленинграда инженера Мин. пут. сообщ. Лаврентьева Аркадия Дмитриевича, который был не в среде рабочих. У этого инженера я еще в царское время ездил у него шофером. У него было своих 7 машин легковых такси под маркой, кличка гаража Фортуна. Машины стояли на Гончарной, 27 и Казачьей 1-ой. Помню, интересовался более чтением это инженер новым временем, и брат его в Ленинграде имеет свой дом, как инженер он видно большую роль играл и в 1931 г. ехал с приисков через большой Невер, я его опять встретил в Невере,

проследил его, он, кажется, под другой какой-то немецкой фамилией работал в автобазе Союзтранса, в это время был тов. Йоткин директором, и когда началось наступление во всех районах, красные начали с Владивостока отсылать радиостанции, помню т. Ремизов и как моториста к Омску отправили меня в Порт-Аян совместно с мотористом Виктором Голиковым, радистами т. Митечкин Николай и Корейка Александр, др. Кудрявцев Семен, Назаров. Как попали туда – это готовилась белогвардейская организация, во главе ее был инженер Молодых. Который на пароходе Ниж-Новгород отослал под видом экспедиций 2 радиостанции. Позывная пароль была Порт-Аяна, А.Н.Т. Охотска Р.О.Т. Керби К.Р.В. друг забыл Н-Николаевска, Анадыря, Камчатки, Сахалина.

Главой этой экспедиции и был инженер Потехин (белогвардеец), завхоз Байздренко, читинец, где-то у вокзала 2-й Читы имеет свой дом. Этот человек наживы, трус. Здесь инженер Кочетов (белогвардеец), много разных техников. Соколовский (куда ветер веет, техник Баллад с женой Эммой, человек заслуживший доверие в среде рабочих), Василий Сосунов сыграл в этот период роль героя-белобандита, он сейчас на радио, чуть ли не в Томске большой пост занимает, он бывший сын нарсудьи в Черемхово.

Его роль – он был, как хороший радист, отослан в Охотск с полковником Хороших, с карательным отрядом, в то время когда партизаны на Амуре хотели отбить пароход, сняли с мостика, то он, Сосунов, взял руководство парохода на себя и этим спас пароход, но шхуну отбили партизаны, в то время мы уже были в Порт-Аяне, в то время пришла какая-то шхуна и передала радисту Корейше Александру (в секрете), который был в Якутске, на прииске Незаметном, в который писал, что я сделался героем времени, спас теплоход в то время, когда напали партизаны и представлен к высшей награде. Эту записку и более познакомиться с положением всего дела вскрыл при попойке, сделал в той квартире аппарат самогонный, выгнал самогон и спойл всех. Телеграммы по радио принимали все время шифровки и передавались инженеру Потехину. Вот здесь во время попойки т. Корейша и начал рассказывать о записке, полученной известной шхуной – о Сосунове, о нападении партизан и т. д. Я – не телеграфист, а моторист, начал просить их меня более знакомить с приемом телеграмм, что было удалено мне и моей просьбе. Ознакомившись с положением кру-

гом фронтов и учитывая, что наступает гроза со стороны японских судов, как броненосца Микаса, а это было, определялись по примеру радио, когда он приближался к берегам Сахалина.

Здесь вместе приехал поручик Урлапов с экспедицией. Эта экспедиция привезла много оружия, патрон, продуктов. У нашего штата радистов было у всех оружие, и в один прекрасный вечер я решил не оттягивать долго, собрать собрание и объявить, что я не Быковский И. И., а Брилев, начальник красных партизанского отряда, здесь кругом мы находимся партизаны и на сегодня необходимо организовать отряд, взять все оружие от администрации, сделать выбор Месткома, и повести работу по-большевистски. На это инженер Потехин не согласился и ряд других администраторов и некоторых рабочих, но чувствуя подъем духа массы рабочих, здесь сразу поставили вопрос о выборе месткома. Горячее участие приняли все радисты, но моторист Вениамин Голиков не симпатизировал этому, он тоже считал себя техперсоналом.

Председателем месткома избрали меня, секретарем т. Лапкина, рабочего и т. Митечкина – лучший тов. по организационной линии. И здесь я сорганизовал сразу отряд, постановили, что все средства и распоряжения переходят не инженерному составу, а начальнику отряда. Так началась красная нить вдали гор Порт-Аяна, начались тайные инженерные собрания, кого-то ждали спасти их от того, что проделано, сразу среди инородцев, тоже здесь же создали местком их, и пошла совместная работа. Иногородцы тоже вступили в отряд, которому дал звание 1-й Порт-Аянский партизанский отряд.

Здесь более всего был хозяином купец Филиппов из Нелькана, купец Галибиров с устья рек Алданы-Ман. Для того, чтобы не отдавать заброшенного богатства в руки белогвардейцам, я издал приказ военный, что все средства перевозочные должны быть поставлены в Порт-Аян, кто нарушит, будет расстрелян на месте и разослал нарочных по лесу о доставке в порт и всех средств передвижения, за что будет оплачено натурой, продуктами и другими товарами. Здесь сразу начал инженерный состав тормозить, а также купец Галибиров, которого арестовал и отправил в Якутск с материалом, но там, видно, были свои люди, назначили его более разводить банду уполномочен[ного] по заготовке сена. Т. Кирилюк отослали с пакетом в Якутск, просил дать пулеметов и оружия, припасов, а я останусь с отрядом, но не получил, то начал

из порта эвакуировать все богатства, чтобы не попали на судно белых, а лучше останутся в Якутской тайге, что рано или поздно придется дать народу их.

Все описав в копиях, которые сам привез в Якутск, сдал в лесах под ответственность инородческого комитета Порт-Аяна, народ эвакуировал организованным путем до Нелькана, отряд способствовал всей работе. На собрании я задал вопрос персонально инженерам, признают они Советскую власть, нехотя ответили – «да», но характерно ответила их машинистка Любовь Михайловна, окончившая Восточный институт, сейчас жена радиста Корейши: «Я, говорит, не признаю, а также и они все, но боятся сознаться». Она мне говорила в беседе, что меня взорвало, все белые, а говорят, что они красные, и думала, что будет на ее давление с моей стороны, но говорит, были все удивлены, когда ничего за эти слова не было. Дорогой в Нелькан она пошла к попу и вышла замуж за радиста Корейшу и сейчас живут, захватив с собой приемник, которым пробовали принимать в Нелькане радиопередачу. Одну станцию отослали на промежуток между Охотском мы с ИККАКИТ для того, чтобы она служила передаточной станцией, но ее успели использовать т. к. близко были, подходили белогвардейские судна к Аяну, но уже был[и] эвакуированы все ценности. Остался в порту инженер Кочетов. Имел слухи, что хорошо встретили белобандитов и японцев. Якутам, тунгусам оплатил за работу, чему остались довольны, говоря, что мы тоже большевики и признаем власть Советов. Нам говорили, что большевики – люди те, кто грабит и убивает, нам говорили попы и наши купцы, но совсем мы не то видим. Начали мне в знак дружбы давать подарки [из] своих изделий, просили заезжать к ним, как буду.

Помню хорошего товарища в Нелькане – якута, учителя т. Михайлова, члена месткома, сразу мы избрали дорогой т. Вожкова на Усть-Мае, в Петропавловском т. Рудых, матроса, здесь, в Нелькане, с прибытием своим, встретил эсера бандита Куликовского, больно[го] старца с большим мандатом советской печати. Уполномоченный по снабжению и все власти должны содействовать его работе и распоряжениям, все переходит в его распоряжение, все склады и имущества в них. Я сразу его заподозрил и дал ему несколько дней походить, подействовать, а потом заметил, что дело с попом и купцами имеет и повел не по-советски, я его арестовал в Нелькане, но ночью он удрал на березнятке лодочке неизвестно

куда. Оплошали мои ребята караулить, они поняли, что я ошибся арестом его. Человек, ведь, из центра. Пришел пароход в Нелькан и двинулись на Лену по Мае, здесь дорогой пришлось более агитационную работу вести и рассылать воззвания к рабочим тайги.

Прибыл я в Якутск, о прибытии парохода никто не знал, потому что якутские власти не вышли встречать ревком. Там был т. Гладунов, секретарь Слепцов здесь расформировал отряд и следующий шел из Охотска за мной, где наш Сосунов радист, с женой полковника Широки, которого расстреляли, а жену он взял сохранить потомство. В то время я хотел встретить Сосунова и застрелить, но был занят провожением отряда своего на Польский фронт до Иркутска, а потом возвратился обратно в Якутск, где работать стал в ЧК и был завполитбюро Олекмы и начальником отряда по ликвидации банд Вилуйска во время восстания с 5-го по 6-е февраля 1921 года. Радио в Якутске и Якутии, привезенное нами есть, что писать о власти мнение, что представляло тогда, но нет время, во время работы пишу в будке сторожа.

Иван Строд неправильно много не охватил, описывает, [что] знают меня в ЦК Якутии. Петр Кочнев, Максим Амосов, Васильев Степан, Браташ, Бердеровский, Исай Карпель – он был тогда военкомом. Когда я расформировал отряд т. Стаипус. Допрос вел Байдалетов, который должен был быть расстрелян, штабс-капитан, был военрук и заговорщик белобандитской шайки, он сейчас в В-Удинске, в коллегии защитников. Я из г. Вильно, шофер двора, ездил у генерала Бадмаева на машине Лаурет Клемент, отвозил на вокзал Илиодора.

Рабочий В. С. края А.Р.С. Брилев, Котельниковская, № 2/40.
20/XII-34 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 435. Л. 2–5. Машинопись.

Воспоминания из прошлого красного партизана

П. Г. Шужгаева

До января 1918 г. я не знал, что такое «Красная Гвардия», из кого она состоит и для чего она создана. Когда на фронте в 1917 г. мы услышали, что в Петрограде свергнуто Временное правительство красногвардейцами-большевиками и большевики взяли власть в свои руки, тогда между нас, солдат, пошли разные толки.

Солдаты говорили, что большевики самая наша власть, а офицеры говорили: «эти большевики и красногвардейцы собрались все головорезы и грабители», но солдаты этому не все верили, а когда Советская власть заключила мир с Германией, то солдаты сразу поняли, к чему стремятся большевики.

В декабре месяце, когда сделалась демобилизация старой армии, мы на полковом собрании заявили, что по приезде по домам, все пойдем на службу к Совету Народных Комиссаров, а сами не знали, куда нас поведут эти Советы. 1-го января я приехал в Иркутск и поступил на Кожевенный завод, где при первых разговорах, я узнал, кто говорит: «Вот я – красногвардеец». Он говорит: «Сегодня у нас собрание членов Красной гвардии, пойдем с нами, и ты вступишь в гвардию и получишь винтовку». Вечером мы пошли на собрание членов Красной гвардии, где я окончательно убедился, какие цели красногвардейцев и за что они идут. Когда я подошел к начальнику гвардии и спросил, можно ли будет записаться в бойцы, он меня спросил: «А кто тебя знает?» Я показал на брата. Тогда меня приняли и с того времени, [с] июня 1918 г., мы день работали на заводе, а на ночь шли дежурить в штаб. Таким образом, мы мирно охраняли г. Иркутск.

С 13 на 14 июня я слышу стрельбу и тревожный гудок в военном городке. Я выбежал на улицу и посмотрел кругом, думал, что пожар, но пожара не видать. Тогда я пошел на квартиру и стал одеваться. В это время ко мне вскакивают два товарища и говорят: «Идем скорее, белые заняли монополь и обозную мастерскую». Мы побежали на завод. Я позвонил в штаб, где мне ответили, что действительно, кучка офицерства выступила под видом Союза фронтовиков. Мы побежали в штаб, где уже много собралось рабочих, тогда мы разбились на десятки и пошли в наступление и к вечеру банду ликвидировали. После этого наступил тревожный период, эсеры действовали всюю. Но немного спустя надвинулась на Иркутск новая гроза – приехало два эшелона чехов. Союз профсоюзов сообщает по заводам, что все сознательные рабочие должны собраться к Союзу, где и собралась масса рабочих, вооружилась и пошла разоружать чехов, которые заявили, что они едут на родину. Продолжалась несколько перестрелка. На второй день все-таки удалось разоружить чехов, оказалось, что у чехов полны вагоны боевых припасов. Эшелоны пропустили на восток, немно-

го спустя, в конце июня, нахлынула новая волна чехов. Мы, рабочие, сформировались в рабочую красную дружину и отступили до станции Байкал, где и произошел первый бой с белыми. Я в то время был в заставе против деревни Б. Когда усилилась стрельба на станции, снял я заставу и пошел к станции, где один броневик был спущен с рельс. Тогда я с заставой забрался на другой броневик, и поехали в туннели. В это время на станции раздался взрыв вагона динамиту, от которого много погибло нашей дружины славных бойцов. Тогда мы отступили к Култуку, где был опять бой. Так мы продолжали отдавать станцию за станцией. Причина – не было дисциплины. Но все-таки держались мы стойко, в особенности на станциях Выдрино и Посольская, где много наших бойцов погибло. В конце концов, мы были разбиты и вынуждены были податься в Сопки, где шли семь суток без куска хлеба. Питались мы лишь кониной. Когда мы вышли из сопок к реке Селенге, тогда мы все рассосались в разные стороны.

Я остался скрываться в деревне Кибрикой у Сидорова Сергея, где мне пришлось скрываться полтора месяца и перенести немало горя, так как белые почти каждый день заезжали в деревню и на пристани расстреляли двух красногвардейцев и двух женщин. Белые тогда расстреливали не только красногвардейцев, но даже бежавших с нами. Крестьяне в первое время к нам относились враждебно, некоторых наказывали, некоторые расстреливали сами. Я все полтора месяца ожидал с минуты на минуту быть пойманным, но хозяева, где я скрывался, были хорошие, [но] также приходилось делать, что им нравилось, в особенности, это молиться богу. Приходилось за каждым позевком креститься, хотя и левой рукой.

Когда я приехал после сопок в Иркутск, то обратно поступил на завод, где хозяин К. первым долгом упрекнул, что отвоевался: «Ну ладно, иди, работай, но прежде чем тебя принять, иди в заводской комитет. Хотя власть и наша, но подчиняюсь вашей, а если тебя арестуют, то я тебя выручу – нам теперь верят. Ты мне вреда, говорит, не делал. Ведь этой власти все равно не устоять, может быть, мне при перевороте придется быть арестованным, то меня выручишь». Хозяин все время к нам относился хорошо. Нас было три байкальца. Только один раз он меня упрекнул, когда я был в заводском комитете. В заводе дымили печи, я ему говорю,

что нужно исправить их, а в то все глаза выедало, а он говорит: «В сопках не ело?»

В конце 1919 г. нас всех трех красногвардейцев рассчитали, но деваться было некуда, как раз была мобилизация городского населения. Тогда я подался в Черемхово и поступил на копи. Когда стал поступать, то пришел к технику К. Он меня спрашивает: «А ты в Красной гвардии не был?» Я говорю: «нет». «То-то, а то мы красногвардейцев не берем». Когда в 1920 г. вступил в РКП(б), то он меня даже стал обходить. [В] 1921–22 г. я участвовал по ликвидации банд Чернова и Донского, которую описывать не буду.

1.03.1925 г. П. Г. Шужгаев

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 488. Л 5–6. Машинопись.

Воспоминания Ремешевского об организации боевой дружины в г. Иркутске и ее первом боевом крещении в 1918 году

I. Организация и первое боевое крещение рабочей дружины

После Октябрьского переворота в Иркутске часть Красной гвардии пошла за Байкал до Читы для ликвидации восставшего Семенова, а в Иркутске организовался отряд при Центросибири количеством человек в 300 с лишком под командованием Киселёва. Кроме этого, был отряд мадяров под начальством Лаврова. После получения известий о том, что чехи совместно с белым офицерством и прочими врагами Советов перешли Урал и по пути продвижения в Сибирь захватывают власть, в Иркутске были организованы дружины из рабочих, членов профсоюзов Дмитр[и]ева, Воронкова, Рыковского, меня и других. В дружину принимались члены союзов по рекомендации правлений их, и по их же рекомендации они получали и вооружение, которое я выдавал коллективно заводским и фабричным комитетам.

Сорганизовавшимся в это время Верховным командованием Сибири в Иркутске, в которое входили товарищи Постышев, Трилиссер, Яковлев и др. (которых не помню), я был назначен начальником этой дружины. Первоначально дружина не находилась ещё на казарменном положении, а была разбита на районы, как-то: Цен-

тральный, Знаменский, Горный, Рабочедомский, Глазковский. Во главе каждого района был один из товарищей, ответственный за неё, подчиняющийся распоряжениям Центрального штаба под моим руководством; я же подчинялся штабу Верховного нашего командования, как сказано выше. Вооружение мы получили из того количества [оружия], отобранного от чехов при разоружении первых четырёх эшелонов, подошедших к Иркутску с целью пройти за Байкал. В июне 1918 года белыми было организовано восстание и побег содержащихся офицеров из Иркутской роты, во время которого был убит комиссар тюрьмы, большевик тов. Агул, и нападение на Иркутскую обозную мастерскую, где белыми были взяты имеющиеся у них в завкоме винтовки и попорчен телефон. В это время все имеющиеся воинские части, за исключением нашей дружины, уже дрались с наступающими на Нижнеудинск чехами и белыми, а мы оставались в Иркутске как гарнизон для охраны города и советских учреждений, так что ликвидация этого восстания выпала на нашу долю.

Главный наш Штаб дружины находился в здании союзов на Тихвинской улице, в комнате союза металлистов, как главных застрельщиков ее организации. Быстрым распоряжением Знаменскому району и Центральному восстание было на третий день ликвидировано, и в городе был восстановлен порядок. Наши разбили белых, часть их ушла лесом через Рабочедомское предместье, лесом в верховья реки Ушаковки, где в дальнейшем стали вновь группироваться в лесу, устраивая нападения на нашу почту по Верхоленскому тракту, грабя и убивая почтальонов.

После июньского восстания командованием было дано распоряжение мне перевести дружину на казарменное положение со снятием всех дружинников с заводов и фабрик. Это распоряжение было проведено в жизнь, и под казармы был занят дом на Большой улице, бывшее кадетское училище. Дружина, перейдя на казарменное положение, была разбита на взводы, командирами которых были товарищи из бывших солдат царской армии, знающие военное дело. Помощником мне был дан вполне честный товарищ из бывших казачьих офицеров Хлебников. Количественно дружина ко дню отступления из Иркутска насчитывала 500 с лишним человек, в этом числе был взвод разведки и пулеметчиков. Мы охраняли банк, телеграф, Совет и тюрьму, количество постов требовало большого расхода людей и оружия, в казарме города всегда оста-

валось не более 50 человек, из которых срочные вызовы на ловлю мародеров и прочие случаи, уменьшали это количество до 35.

Не помню, которого числа разведка донесла, что в верховьях реки Ушаковки сгруппировался отряд белых из бежавших из тюрьмы и части казаков ближней деревни под руководством иркутского поверенного монархиста Лазебникова на его даче, что у них имеется много винтовок, лошадей и прочей амуниции. Мною было доложено об этом нач. гарнизона тов. Шевцову, после чего было решено послать туда из дружины отряд человек в 35 для ликвидации. На другой день, утром рано, я и мой помощник Хлебников с 35 дружинниками и двумя пулеметами (один Кольт, второй Льюис) отправились вверх по Ушаковке. Отойдя от города версты три, мы стали встречать подозрительных типов, которых задерживали и обыскивали, как пеших, так и едущих на телегах. Таким путем нами было задержано человек десять. Помню, обыскивая одного штатского гражданина в шляпе, едущего на двуколке, мы убедились, что дело имеем с офицером, у которого под сидением нашли мундир с погонами капитана и банку с мазью для смазки оружия. Этот гражданин был наскоро допрошен и направлен под конвоем совместно с прочими в Иркутск.

Мы продолжали путь дальше. Пройдя еще версты три, мы дошли до казачьих дач, не доходя горы, с правой стороны у которой находилась дача Лазебникова. Здесь произведенным обыском было найдено до 100 штук винтовок, много патронов и несколько наганов. Затем гора, у которой находилась дача, была по самой вершине охвачена цепью, а часть дружинников стала обхватывать дачу с нижних трех сторон. В это время на горе раздался случайный выстрел одного из дружинников, после чего из дачи выбежал в шинели с карабином в руках казачий атаман, обстреливая наших, убегая, направился в гору; одним из выстрелов нашего дружинника был убит на месте. После этого мы вошли в дачу и застали там еще одного казачьего офицера и Лазебникова с женой, больше никого не было. Стали производить обыск, нашли в подполье винтовки, в большом сарае стояло лошадей 15 штук с седлами. Полагая, что больше никого здесь нет, и что бандиты находятся дальше в других дачах, мы погрузили оружие на телеги и собирались на этот раз вернуться в город. Я сделал распоряжение цепи спуститься вниз, и когда цепь спустилась с горы, по нам

открыли огонь из винтовок. Неожиданно, стоя все кучками, мы потеряли пулеметчика Кольца тов. Шелестова, кузнеца обозной мастерской и четырех раненых, один тяжело в грудь, навывлет, и трех в руки и пальцы. Убитый пулеметчик был заменен вторым номером, и мы открыли по горе огонь с обоих пулеметов, под прикрытием которых вновь цепь заняла гору. Белые скрылись в лесу, а мы погрузили наших раненых и оружие найденное, вернулись обратно в город. Во время обстрела нас с горы, получилась некоторая паника, и многие из дружинников стали разбегаться.

Некоторые перешли реку и по ту ее сторону направились в город, донеся в городе, что нас разбили, что совершенно не соответствовало действительности. К вечеру мы вернулись в город с винтовками и нашими ранеными, оставив по дороге дозоры недалеко от места дачи для того, чтобы не дать возможности бандитам связаться с городом. После возвращения мною было доложено командованию о результатах операции и о том, что в лесу по Ушакровке действительно должно быть порядочно белых, т. к. об этом говорилось найденное у них оружие. На второй день был послан туда отряд кавалерии и пехоты при одном орудии 3-дюймовки, и остатки белых были ликвидированы. В это время чехи и белые наступали уже на Тулун и ближе подходили к Иркутску, наши отступали. Чехи с белыми стали обходить Иркутск по Култукскому старому тракту на Култук и этим хотели зайти нам в тыл, замкнув нас, таким образом, в городе, не дав пройти за Байкал. Нашими в Култук производились укрепления для того, чтобы там дать им генеральный бой. Сгруппировавшиеся в Иркутске отступавшие части, стали грузиться и отходить на Байкал, т. е. на Култук. По распоряжению командующего войсками тов. Голикова, рабочая дружина оставляет город последняя, после всех частей, охрану тюрьмы передает милиции, переходит сперва на Троицкую, сменяя мадьярский отряд в бывшем военном училище, а затем утром переходит понтон и грузится на станции с остановкой и занятием позиции на ст. Байкал.

II. Отступление из Иркутска. Бои за Иркутск

10 июля мы оставили Иркутск, погрузились и думали уже двигаться, как случайно нам повезло: к счастью, на станции остался санитарный поезд, в котором мы очень нуждались, т. к. при дружине не имели никакого санитарного отряда. В поезде этом, вер-

нувшемся из-под Нижнеудинска, как раз работали жена моя, племянница Тоня Кабичева, Рая Глокман. Они, увидев наш эшелон, [попросили] прицепить их к нам. Чему мы, конечно, были рады. Я зашел к командиру станции тов. Толстому и просил прицепить их к нам и отправить до ст. Байкал. Вечером мы прибыли на Байкал. На Байкале уже находились главный железнодорожный штаб и Читинская же дорожная дружина под командой тов. Орлова и дружина лиственничных рабочих под командой тов. Вавилова. Отряды Блюменфельда и Каландаришвили отступали как кавалерия по ту сторону Ангары на село Лиственничное, а оттуда переправились на баржах в Танхой и на Култук, через Слюдянку. Прибыв на Байкал, мы заняли посты на сопках, выставили дозоры, заставы и ждали дальнейших распоряжений командования. Положение было непонятное, потому что главное внимание было обращено на Култук, и защищать Байкал было совершенно бесцельно. Но, будучи дисциплинированными, мы не пускались в рассуждения, а выполняли распоряжение, не выгружаясь с вагонов. Через два дня получилось новое распоряжение: чтобы подготовиться к наступлению на Иркутск, к ночи чтобы все было готово, впереди пойдут два бронепоезда и с ними мы. Объявив об этом дружинникам, я убедился, что ребята с желанием согласны идти. И когда все было готово, и мы ожидали отправки, получилось второе распоряжение: наступление на Иркутск отставить, а двинуться на станцию Маритуй по железной дороге и оттуда, через Маритуйскую падь, наступать к Култукскому тракту во фланг чехам. Когда почти и эти приготовления были готовы, получилось еще новое распоряжение, которое говорило следующее: дружина грузится на пароход «Байкал» и на нем плывет до ст. Танхой, там пересаживается по железной дороге и прибывает в Слюдянку, в распоряжение Штаба армии. Мною было сделано распоряжение снять все посты и срочно грузиться на пароход, а сам я ушел в гарнизонный штаб доложить, что мы скоро отправляемся в Танхой, а оттуда в Слюдянку.

Когда дружина почти уже погрузилась, в мое отсутствие членом железнодорожного штаба Костоблацким было дано распоряжение о том, чтобы вновь занять посты, что дружинники и сделали. Хотя и не полностью, посадка опять была обставлена постами совершенно зря, т. к. белые были уже недалеко от Байкала и здесь

боя давать мы не должны, а отступить без боя. Два бронепоезда должны были покинуть Байкал последними, прикрывая отступление отходящих эшелонов по линии ж. дороги. Этим распоряжением тов. Костоблацкого было нарушено нормальное положение, уже решенное, и мы невольно приняли бой, во время которого понесли небольшие потери: несколько раненых и один убитый. Белые стали обстреливать пароход пулеметным огнем из самой высокой сопки. Из нашего санитарного отряда две наши сестры ушли от нас к ребятам на броневики, говорят, что встретят нас в Танхое. Здесь получилось серьезное недоразумение. Дружинники, застигнутые белыми на сопке, стали быстро бежать вниз к пароходу. На выстрелы с сопки без команды стали выбегать с парохода товарищи, думая вступить в бой, а в это время, когда я командовал: «Обратно на пароход!», комиссар парохода, фамилии его не вспомню, дал распоряжение, не согласовав со мною, о том, чтобы отрубить канаты и уходить пароходу в море, и получилось так, что товарищей наших осталось человек 18. Из них многие, догнав последний эшелон отходящий, добрались до Танхоя, а из 18 двое братьев Шафрановских были белыми убиты. Наши броневики открыли огонь по белым, завязался бой, во время которого испортили белые стрелку линии, и отходящие броневики, сошли с рельс. Восстановить положение им во время боя было невозможно, и пришлось замки орудий и пулеметов бросать в Байкал, а самим спастись.

В это время подрывным нашим отрядом на станции были оставлены два вагона динамита, который взорвался от случайной пули, получился огромный взрыв. Станция Байкал, т. е. здание, было разрушено, ближайшие дома и постройки тоже, изрешечена была и пристань, где было много раненых. Наши обе сестры санитарного поезда, Таня Бабич и Рая Гликман, остались, ввиду порчи броневиков, на ст. Байкал. Из них Таня была ранена от взрыва в подбородок и плечо. Им удалось благополучно вернуться в Иркутск, выдавая себя за случайных посетителей, проведавших своих родных, проживающих на ст. Байкал. Они добрались до Иркутска и там скрылись в квартире знакомых (это из рассказа Тони, при встрече после выхода моего из тюрьмы). Во время взрыва мы были на пароходе «Байкал» в верстах более 10 от берега, и, услышав сильный взрыв, мы почувствовали, что наш пароход,

несмотря на его громоздкость, сразу остановился, весь дрогнув чувствительно, остановился на время на месте. Получилось такое впечатление, что мы попали на мину, но вскоре двинулись в дальнейший путь. Во время путешествия было в трюме первого класса устроено заседание так называемого военного совета, на котором присутствовали все члены главного железнодорожного штаба, где обсуждался вопрос, о том, что в связи с параллелизмом в распоряжениях пароходом, я, как начальник дружины, оставил на Байкале на верную смерть 18 человек дружинников из-за того, что комиссар парохода дал распоряжение рубить канаты и уходить в море. Было решено, что пароход переходит целиком в мое распоряжение и кроме меня капитан никому не подчиняется. Но это было сделано после того, когда мы уже получили урок от путаницы многих и разных распоряжений. При отходе от ст. Байкал, помимо оставленных товарищей из-за сумбурного распоряжения комиссара парохода, у меня один тяжелораненый, который вскоре умер (ранен разрывной пулей), фамилии не помню, и один легко в нос. В тот же день, к вечеру, мы прибыли к пристани в Танхой, здесь выгрузились на берег.

Сделав распоряжение выстроить дружину повзводно и установить, как и сколько у нас не хватает, я пошел к командиру потребовать состав для того, чтобы отправиться в Слюдянку. Вернувшись, я узнал, что нехватка у нас 23 человека, кроме раненых двоих, которые с нами. Что постигло оставшихся, мы не знали, но полагали, что белые и чехи перебили их всех, так как в отношении пленных в это время как с нашей, так и их стороны применялась одна система уничтожения. По прибытии в Слюдянку мы со своим эшелоном стали на запасной путь в ожидании дальнейших распоряжений главного штаба, который находился тут же. Вскоре из оставшихся на Байкале вернулось <...> человек, успевших вскочить на последний отходящий поезд, с той частью дружинников, которые задержали наступление чехов по ту сторону моста, прикрывая отступление эшелонов, отходящих по железной дороге. Тут мы узнали, что двое братьев Шафрановых, рабочих обозной мастерской, убиты; что с Тоней и Раей, они не знали, но полагали, что чехи побросали их в Байкал. Ребята вернулись крайне возмущенные, злые, считая нас умышленно виновными в оставлении их на Байкале, требуя суда надомного над командиром.

После разъяснения им, что все это произошло по вине комиссара парохода, они успокоились и извинились передо мною, просили продолжать руководство дружиной. Нужно отметить, что большое количество распоряжений и большое количество штабов вносили дезорганизацию и хаос в общий порядок и руководство. Вдобавок большой процент дружинников совершенно не понимали, т. е. не знали военного дела, и многие лишь второй раз, а то и первый, держали винтовки в руках и даже не были знакомы с самим порядком подчинения. Дружина возникла в момент самого горячего времени, где на обучение совершенно не было времени, т. к. со дня ее организации она уже принимала активное участие в разных схватках и вопросы действий решались быстро, без всякого плана. Я, как командир, конечно, не соответствовал этому с точки зрения военной, но как коммунист, рабочий от станка, пользовался среди них уважением и популярностью. Мой помощник, тов. Хлебников, будучи военспецом, среди них был непопулярен, и к нему относились с недоверием, как к бывшему офицеру, несмотря на мои частые неоднократные заверения, что этот товарищ честный и преданный Советам. При такой постановке, конечно, было очень трудно вести планомерно и деловито работу. Но дух и вера в свое правое дело здесь играли главную роль, и временами ребята проявляли чудеса храбрости, выполняли задания и распоряжения добросовестно. Должен сказать, что в отношении дисциплины в дружине мы стояли на высоте своего положения до тех пор, пока дружина не заразилась влиянием прочих отрядов, деморализованных уже после отступления из Танхоя.

По прибытии в Слюдянку я доложил начальнику штаба тов. Трилиссеру о нашем происшествии на Байкале и спросил дальнейших указаний. Получив распоряжение занять участок в 2 верстах от ст. Култук, на бугре, и выставить посты для охраны депо и дорог, ведущих в горы, а также наблюдательные посты по Собке, по указанию начальника гарнизона т. Рютина в подкрепление мы получили батарею, состоящую из двух 6-дюймовых и двух 3-дюймовых. У нас на участке имелось 2 пулемета и 250 штыков. Участок, занимаемый нами, сравнительно небольшой. Он от берега Байкала тянулся версты 1,5, и в одной части его перерезала линия железной дороги. Бугор сравнительно небольшой высоты, но с него видно было село Култук и Култукский тоннель, т. е. его выход

в нашу сторону и полукруг Байкала за тоннелем. Обстрел с него был очень удобен, весь он был покрыт небольшими кустами, и мы, заняв его, хорошо замаскировались. От села Култук с 1 версту в гору были сооружены наши укрепления: окопы, заграждения и т. д. Здесь должен быть решительный бой, оттуда наши части должны были двинуть чехов обратно, и это было вполне возможно, если бы не упадок дисциплины и провокации об обходе наших с левого фланга. На нашем фланге еще все было спокойно, и мы занимались приготовлением нашей артиллерии: 3-дюймовки были втащены на бугор и замаскированы весьма хорошо, а 6-ти дюймовки были поставлены за бугром у самого берега Байкала так, что неприятелю их видеть и наступать было очень трудно. Эти два дня все готовились к решительному бою.

Не помню, какого числа, после обеда, начались первые выстрелы разведчиков винтовочные, которые все усиливались, через некоторое время началось сражение, слышались выстрелы пачками, заговорили Максимы и Кольты. Култукская гора и на ней лес дрожали, превращаясь в стон. Эхо выстрелов далеко раздавалось по Байкалу, наши не дрогнули, мы били из 6-ти дюймовых в гору через лес, по тракту, по которому наступали чехи, офицеры с прочей сволочью. Чувствовалась уверенность, что чехи дрогнут и пойдут наутёк. И вдруг предательство на левом фланге, где красовались мадьярские отряды, слышались крики: «Товарищи, нас обошли!». Весть разнеслась по окопам, наши дрогнули, началось паническое бегство, паника охватила все части. Мы продолжали обстрел с артиллерии по старому тракту через лес. Наши бегут мимо нашего участка, никакие уговоры, что это провокация, что нас не обошли, не помогают. Лавина вооруженных товарищей прут мимо нас, вижу, уходят, уносят с собой пулеметы, на мои предложения оставаться с нами, никто не обращает внимания; выскакиваю на дорогу, со мной часть дружинников, вынимаю наган и кричу: «Кто не хочет с нами оставаться, отдавай пулеметы!», отбираем насильно штук до 10. Часть товарищей присоединяется к нам. Затишье. Все ушли, видно нам, что чехи спускаются в Култук, а из тоннеля вылезает их бронепоезд. Показав рыло, вернулся в тоннель обратно. Даю распоряжение артиллерии бить по дороге, где чехи спускаются в село, бьют затем по селу, по церкви в первую очередь, т. к. на колокольне наблюдательный пункт, бьют,

село горит. Дружинники поговаривают, что, мол, все убежали, мы остаемся на верную гибель. Уговариваю, слушают, будем драться до конца, пока будет возможно. Группа добровольно изъявляет желание пробраться лесом, подойти ближе к селу и с фланга вступить в бой, внести панику среди чехов, ладно, вопрос согласован. Ребята ушли, из тоннеля выходит бронепоезд, потихоньку ползет ближе к нам, даю распоряжение подпустить ближе и 3-дюймовым орудием обстрелять по команде, когда будет. Есть. Командую, по броневика раздаются выстрелы, у броневика сшибаем трубу, он кренился на бок, но становится вновь на рельсы, второй, третий выстрелы мимо, белые выскакивают из броневика в лес, мы бьем по полотну из 6-ти дюймовых, чтобы повредить путь и дать ему возможности укрыться в тоннеле, неудачно, броневик уходит и прячется в тоннель. Наши ребята, обходя лесом, накрывают выскочивших из броневика чехов, из 9 человек 8 расстреливают, одного с распоротым животом волокут в штаб. Возвращаясь на наш участок, тянут лошадей 6 штук кавалерийских. К вечеру чехи начинают нас крыть шрапнелью, наши части спешно погружаются в вагоны и уходят по линии к Танхою. Мы на своем участке еще всю ночь и день держали натиск чехов.

Утром нас сменяет 1-ый Советский полк под командой тов. Пржимбека. Отходили к станции мы под обстрелом ружей, шрапнели рвутся, есть раненые, санитарные отряды работают, увозя раненых в летучках дальше. Все ушли, остается комендант Рыковский, выгоняет остальные паровозы из депо и начальник гаража Рютин. 1-ый Советский полк отступает. Мы выгружаемся и отступать будем пешком. Даю распоряжение, к нам присоединяется несколько товарищей из отряда Киселева Центросибири. Выходим на дорогу, по горе будем отступать с боем, проходим через сопку, встречаем последний эшелон, туда приказываю садиться тем, у кого ноги подбиты и сильно устали, остальные со мной пешие. Обоз наш растянулся, дорога скверная, гористая, лесом, вечереет. Начинается дождь, командую привал. Выставляли посты, заставы; при появлении чехов открываем с горы по ним огонь, снимаемся, идем дальше, к утру доходим до реки, переправляемся через лес и вскоре, к вечеру, доходим до станции Утулик. Здесь некоторое время спорят, кому грузиться, руководит посадкой Рютин. Захожу в станцию, он сидит, взволнован и го-

ворит: «Каландаришвили разоружили меня, потому что я их как кавалерию не погрузил». Я говорю, что это безобразие, что если они не подчинятся, мы по ним откроем огонь. В это время заходит сам Каландаришвили, я ему говорю, необходимо вернуть Рютину револьвер и соблюдать порядок, ведь мы отступали пешком и ждем очереди, не волным. Он согласился отступить своей кавалерией, не погружаясь в вагоны, и вернул револьвер тов. Рютину. Мы погрузились и доехали до Танхоя. В Танхое уже скопилось много разных отрядов, вблизи Танхоя строились окопы и проволочное заграждение. Наша дружина расположилась в бывшей таможне и часть в вагонах. Остальные все помещались в своих эшелонах на колесах. Вообще, чего-то не хватало: не было твердого руководства в командовании, все решалось без плана и подготовки, на авось. Группа работников негодовала по этому вопросу, и нытье стало разрастаться и по рядам бойцов. Многие вносили предложения, чтобы бросить этот фронт по линии железной дороги и пойти в лес, организовать партизанскую систему. Многие бросили фронт и уехали в Верхнеудинск, там сидели, сложа руки, обсуждали положение, но ничем конкретным не помогая нам на фронте. В Танхое был бронирован нами большой пароход «Ангара», на нем поместили артиллерию, пулеметы, и он должен был служить сторожевым судном, командовал отрядом «Ангары» тов. Шевцов. Из дружины я ему выделил 30 человек отборных ребят, которые хорошо справлялись с возложенными на них заданиями.

Не помню какого числа «Ангара» ночью подошла к селу Голоустное, и там высадила свой десант. Это село было по ту сторону Байкала, первый раз им это удалось, и из Голоустного они погнали белых, забрав много трофеев. Вскоре был организован второй такой же способ высадки, но этот окончился неудачно: подплывающая шлюпка к берегу от «Ангары» с бойцами была замечена заставой белых, которые открыли по ним сильный пулеметный огонь. В результате был убит тов. Власов, рабочий дружинник, по профессии кожевник, а много ребят легко и несколько тяжело [ранены], в том числе тяжело матрос Горбинченко, который вскоре умер. Поскольку «Ангара» делала налет на тот берег, занятый белыми, и обстреливала их эшелоны, у нас пехота готовилась так же. Был устроен очень хороший бронепоезд в Чите и прибыл к нам с ним. Началось вновь наступление, в результате белых ото-

гнали за станцию Утулик, взяв трофеи и нанеся им серьезное поражение. Взят был их штаб и документы, из которых было видно, что ими по пути объявлялась мобилизация, и что их полк разгромлен нашими частями.

Вдруг у станции Мурино положение изменилось. Наш броневик попал в окружение белых, сзади ему разобрали путь, и он не мог маневрировать. За спасение его бой длился целые сутки, в результате чего наши, понеся потери ранеными и убитыми, отступили в полнейшем беспорядке; в этом бою мы потеряли многих пленными, в том числе обе сестры Мосины из санитарного отряда, которые работали на передовых позициях, был убит Изаксон, Бланков, и в результате этого неожиданного поражения мой помощник тов. Хлебников застрелился, так как он командовал этим участком, и ранена была Таня Лушникова в руку. Убитых товарищей похоронили в Муриной, раненые были увезены в тыл, в Верхнеудинск, в главный госпиталь, заведующим которого был тов. Родионов. После этого поражения в рядах бойцов еще больше упал дух, так как отступление пошло вплоть до Мысовой.

III. Наши поражения

В Мысовой уже намечено было организовать все отряды в дивизию под командой тов. Сенотрусова. Началось переформирование, шла подготовка, а у белых тоже не спали, и, не смотря на наше сторожевое судно «Ангару», высадили нам в тыл у ст. Посольская десант, который попортил нам связь и путь к отступлению по железной дороге, разобрав рельсы. Все наши отряды пехоты, кавалерии, артиллерия сгруппировались, здесь была ужасная непонятная сутолока, ничего нельзя было разобрать, в чем дело. Штаб наш отправился ночью первым, а мы остались в окружении: белые, высадив десант, подошли на трех пароходах, стали нас крыть с артиллерии, сперва зажгли керосиновые баки на станции, затем 4 снаряда попало в пароход «Байкал», на котором находилось много патронов и артиллерийских снарядов. Начались взрывы, и «Байкал» на третьи сутки сгорел совершенно. Здесь, в этой панике, все поезда бросились вперед, не зная, что впереди испорчен путь и сожжены мосты. Первым в руки белых попал поезд с продовольствием и обмундированием, за ним санитарный, прислуга которого попала в плен, из сестер Равишевская, Феодорова, Иванова и другие, два повара-ма-

дьяра, один поляк, один чех и двое тов. Коля и Шура, фельдшерские ученики. Во время беспорядочного отступления всех эшелонов по одной линии, т. е. по обоим путям получилось что-то невероятное: пути совершенно загромождены и броневик наш, оказавшийся в середине, не мог пробить дороги, идя впереди для других эшелонов, получилась пробка, белые и чехи подожгли мост и укрепились по ту сторону небольшой горной речки у Посольска, обстреливая наши части, подходившие к ней. В конце пробки шел бой. Белые обстреливали наш хвост пулеметным огнем, у нас артиллерия была погружена на платформы, ее быстро сняли и стали обстреливать Посольский полуостров, куда белые на катере высадили подкрепление к десанту. Впереди под обстрелом, под руководством тов. Сенотрусова, наши переводили линию и выводили броневик вперед, чтобы под его прикрытием прорваться нашей пехоте за речку и дальше, но так как мост был сожженным, он не мог выполнить этого. Артиллерия удачно обстреляла катер белых, и они вывернулись в воду с порядочным числом раненых.

Наши, видя неустойку и одну дорогу лишь вперед, стали драться как львы, из вагонов все были выведены и строились в цепи, идя вперед одна за другой. Бой был упорный, смешались наши и белые, дело до того перепуталось, что полковник Ушаков, командир десанта белых, оказавшись среди наших, принял их за белых, и закричал: «Братцы, барнаульцы, не стреляйте, я Ушаков». Тут он был взят нашими и вскоре расстрелян у стога сена. Мы продолжали дальше упорное сопротивление и стремились к прорыву. К вечеру с остатков наших частей многие, уставши, стали расходиться группами и в одиночку в лес, спасаться, кто куда сможет, к ночи наши эшелоны подверглись сильному обстрелу сзади.

IV. Расправа белых

Спереди и с флангов руководства уже никакого не было, как кто спасался, не знаю, так как будучи раненым, я очутился в хате у железнодорожного сторожа, имея на голове шапку с железнодорожным значком, так что походил на железнодорожного рабочего. У сторожа я пробыл дня два, он очень хороший товарищ, подсказал мне, чтобы я назвался проводником какого-либо вагона, и что во время обстрела убежал от большевиков и спрятался у нашего железнодорожного сторожа. Все это было приемлемо, но беспо-

койство за то, что меня обязательно узнает кто-нибудь из белых как активного работника в Иркутске и как командира дружины, была определенной, и, продумывая всевозможные способы, чтобы забраться куда-либо подальше от фронта, [я] ничего все же не успел придумать. Белые, торжествуя победу ради нашего разгрома, были довольно в хорошем настроении, заходили к сторожу, покупали молоко, хлеб и рассказывали о своих победах. И о том, что остатки красных, человек в 200 и больше, будучи окружены, сдались, что действительно и было. Сколько и кто был убит, ранен из дружины, невозможно было установить, но жертв с нашей стороны было много. На второй день сторож мне рассказал, что белые очень озверели и собираются расстрелять всех пленных за убийство их полковника Ушакова, что они в действительности и сделали. Из окна будки сторожа было видно мне, как вытаскивали наших из вагонов, отводили на полянку у леса и стреляли. Так они перестреляли больше 200 товарищей, чехи в особенности издевались над мадьярами, так что из них редко кто уцелел. Ужасные переживания мои неопишутся, видя, как товарищей выводят и стреляют, через окно из будки, я закрывал глаза, метался с одного угла в другой, не понимая, что делаю, и сердце, сжимающееся от боли и перебоев, казалось, выпрыгнет через рот. Чувствуя свою беспомощность, я от злости невольно заплакал и решил ожидать дальнейшей своей участи на авось: а вдруг да мне удастся уцелеть, и тогда я сумею отомстить за зверства над безоружными сдавшимися товарищами, и с этой клятвой и передался я воле судьбы. Думал, а что с Рютиным, Ноздриным, Воронковым, Рычковским и другими активными нашими товарищами, их уже нет, наверное, белые их не пожалели и расстреляли, а я еще жду, чем кончится моя судьба. Уйти в лес безнадежно раненый, обессиленный, сам набреду на них и крышка, решил ждать дальше, что будет, пусть будет.

Окромя меня в бараках недалеко от будки сторожа действительно скрывалась группа железнодорожных рабочих: тут были и кочегары, слесаря из парохода «Байкал», которых вывели оттуда, с тем, чтобы их отправить в Мысовую к коменданту, к ним пристроился и я. Нас погрузили на открытую платформу, на которой лежало 4 человека наших, голые, все исколотые штыками. Это были знакомые товарищи из мадьярского отряда, взятые в плен и замученные чехами. Нас довели до Мысовой и сдали комен-

данту. Там нас поместили в арестное помещение при станции, где кое-кого освободили, остальных погрузили в подошедший с передовой линии эшелон, где наших были набиты полные вагоны. Втиснув нашу группу в один из вагонов и поставив часового, старший чехов нам заявил, что если кто-либо убежит, весь вагон будет расстрелян. В дороге я мог бежать на ходу поезда, но из-за меня погибнут все остальные, а всех нас в вагоне было человек 65, мы стояли стоя, так как сесть было негде. При посадке в вагон составляли список наших фамилий, в котором моя значилась Бутейкин Парфений Артемьевич, проводник вагона № 1467. Фамилию эту я указал, потому что она принадлежала брату жены, а он находился в России по ту сторону фронта, и справку получить им, если меня не узнает никто в Иркутске, достать невозможно.

Утром рано, часов в 5, мы прибыли в Иркутск, стали выгружать и строить в ряды для отправки в тюрьму. При выгрузке я увидел многих моих дружинников, и они меня, видя, что я переименован как железнодорожник, ребята смекнули, в чем дело и не разговаривали со мной, будто меня не знают. Наши все ребята были поголовно босиком, без шапок и в одном белье, у нас голова у кого была завязана полотенцем или какой-либо тряпкой. В этом эшелоне увидел обеих сестер Мосиных, Нину и Зою. Одни обе были ранены, среди наших было много легкораненых тоже, но многие это скрывали, в том числе и я. Проходя по городу, нас провожала любопытная публика, среди которых было много спекулянтов [и] им подобных мерзавцев. Ругая нас всякими словами, некоторые бросали камнями, кричали: «Убивать их, грабителей, насильников надо!» и т. д. Среди публики были и знакомые или родственники дружинников, присматривались, нет ли сына или мужа, брата и т. д. Иркутская встреча говорила сама за себя, что теперь наше дело советское, а главное мое, если узнают – прикончат, а не узнают – это лишь просто счастливая случайность.

В тюрьме нас поместили в бараки на дворе, где ранее находились пересыльные, тогда наших было не так много, в противоположном бараке находились женщины, среди которых были мать и жена брата Трилиссера, Нина и Зоя Мосины и другие, которых фамилии не помню. Во время женской прогулки я сообщил матери Трилиссера, что он жив, что они со штабом прорвались и ушли от белых. Нас на прогулку пока не выпускали. В тюрьме народу было очень много,

все активные работники Совета и члены его, все профработники, оставшиеся в городе, не отступившие с нами, находились тут. Здесь и встретил Сковронка, Фальковского и ряд других. Затем с каждым днем наши бараки пополнялись, прибывала партия за партией наших ребят, многие из которых были уцелевшие мои дружинники. Через неделю нам стали давать прогулку, мы сидели месяц, никаких допросов с нами не было, и вдруг нас посетил эсер Яковлев, губернатор при белых, и его заместитель эсер Клячко, которых мы спросили, долго ли нас думают держать, и за что нас держат. Они нам обещали, что скоро нас допросят, и кого нужно, оставят, а прочих освободят.

Через две недели приступили к допросу. Допрос производился на улице, перед целым десятком сразу, как у окна, где я помещался и откуда мне были слышны вопросы, которые они задают допрашиваемым. Вопросы были автоматические: фамилия, сколько лет, где работал, сколько времени служил в Красной гвардии, есть ли кто из родственников в Иркутске и где проживает, затем на поле листа делались отметки: подлежит освобождению или задержан в тюрьме. В первую очередь допрашивались железнодорожные рабочие, в том числе значился и я, в третьем десятке на допрос попал я. Обыкновенные, те же вопросы, ребята сгруппировались у окна, внимательно следили за тем, что сделают со мною и что я буду отвечать на вопрос, сколько я служил в Красной гвардии, я ответил, что не служил совсем, а на фронт попал как проводник вагона с одним из комиссаров, назвав какую-то фамилию. На этом мой допрос окончился. Таким способом были допрошены все. В тот же день привели новую партию, среди которой был начальник Лиственичной рабочей дружины тов. Вавилов, у него было избито все лицо, он был босиком, в одном белье нижнем, без шапки, его сразу поместили в одиночку. В одиночках тогда сидели наши: тов. Сташевский, член полевого суда, Родзинский, командир экспедиционного отряда на Якутск и комиссар польской Иркутской роты Зверев, нач. броневое отряда и другие. Вообще, тюрьма была битком набита нашими товарищами и нам сочувствующими.

V. Неожиданное счастье

Недели через две после нашего допроса, утром часов в 10, числа не помню, подошел к окошку надзиратель со списком, выкликая человек 30, в числе которых был и я. Перекликнув всех, сказал:

«Выходи на свободу». Затрепетало сердце, в глазах сделалось темно на мгновение от неожиданности. Заработала быстро мысль, куда идти, все разгромлено, накроют, не удастся, а может, левый маневр белых – выведут отсюда, а там в расход. Окинув глазами остальных товарищей, незаметным кивком головы я с ними попрощался и вышел во двор, встал в середину вышедших, осматривал окошки остальных бараков, откуда с удивлением на меня смотрело множество глаз знакомых товарищей, радостно провожая мое спасение. Я же, не помня себя, считал минуты, скорее за ворота, а тогда меня больше не поймать. Во все время происходивших формальностей при освобождении дрожали руки, ноги, опасность угрожала мне та, что кто-либо из несознательности из дружинников скажет: «Начальника освобождают, а нас держат», и тогда конец, а спасение вот-вот близко, о, если бы уйти. Провели в контору, обыскали, становились в очередь и затем, когда все встали, каждому выдали на руки маленькую записку, вроде удостоверения, что он такого-то числа освобожден из тюрьмы.

Когда все это было готово, подвели к воротам и помощник начальника тюрьмы сам отсчитал по порядку, мы очутились за воротами. В проходе стояло много женщин, пришедших на свидание, или с передачей к товарищам. Я, просматривая их, проходил быстрым шагом, и вдруг раздался окрик: «А вы куда?», я посмотрел – Казя, работница красильни, ничего, не ответив, прошел скорее, думая, вот глупая, орет. Выйдя на улицу, я прибавил шагу, не оглядываясь назад. Моросил дождик, недалеко стоял извозчик с поднятым дорнесом, прыгнул к нему и направился, чтобы скорее уехать. Вдруг слышу, кто-то догоняет и сзади кладет руку на плечо. Так и есть, мелькнуло, готов, смотрю, жена лепечет:

– Шура, Шура, это ты?

– Да, я, молчи, идем скорее к извозчику.

Дошли, сели.

– Ты где находишься?

– У М. Михайловича, едем к нему.

– Но он ведь эсер.

– Ничего, он хороший человек, он тебя не выдаст.

Поехали: Кузнецкий, 7. Доехали, жена расплатилась с извозчиком, мы вошли в ворота и по черному ходу поднялись на второй этаж. Неожиданная радость у всех, усадили за стол, угощают,

ничего не могу кушать, волнуюсь. Дали рюмку коньяку. Рассказывают, что тот расстрелян, что Постолювский, председатель ЧК, повешен и т. д. Я сижу, как столб, в голове шумит, ничего не соображаю. Думаю, что в это время показать меня врачу, он бы, не сомневаясь, определил бы меня сумасшедшим. А душа болит за ребят, за зверства белых над ними, и злоба неограниченная все возрастает. Хочется мстить, работать, что-то делать для тех, которые остались там, и самому нельзя никуда показаться. Нет денег, нет документов, кто жив, кто где, пока ничего не знаю. И так сижу неделю у М. М. Холодковского, наконец, жена находит Вино-Камин, фамилия одного из партийных товарищей, приводит. Говорим. Договариваемся о том, что он мне достанет паспорт, и я из Иркутска уеду. В Иркутске реакция, аресты, расстрелы продолжают.

Вернусь немного назад к моменту освобождения. На другой день тряхнулись, что меня упустили, облавы. Знают, что его в городе, но тщетно, я сижу, не вылажу. Обыск у сестры жены Бабицевской, ищут меня, арестовывают ее и среднюю дочь, допрашивают, младшая прибегает, сообщает: «Маму арестовали, спрашивают дядю». Вечером Марию освободили, и Нюту тоже. Я сижу, паспорта нет. Вдруг заболеваю параличом: правый глаз и правая сторона головы атрофированы, ноги отнялись, ходить не могу. Переводит меня жена на квартиру к одному мяснику, за город, на 7-ую Иерусалимскую. Тут лечусь у местного врача, он требует денег, только серебром. Жена находит. Поправляюсь немного, еду в деревню Тулун, к знакомому инвалиду безрукому, потерявшему руки на приисках, Петрову, у него живу месяц. Отращиваю бороду и усы, изменяю наружный вид, и возвращаюсь в Иркутск.

Через некоторое время узнаю, что из наших живой Янсон, Трилиссер, Постышев, что Янсон скоро приедет в Иркутск, а оттуда мы уедем на Урал. Через некоторое время Жигульский достает мне польский паспорт на фамилию Мозлана с женой Розой Яковлевой, и мы вместе с эсером Каминским едем в Златоуст. Каминский свои документы, как представитель Златоустовского продовольственного комитета отдает Нине Мосиной для Янсона, и они через два дня выезжают после нас. С Каминским мы благополучно доехали до Златоуста, там встречаемся с его братом большевиком Леоном и устраиваемся на квартире у Лашниковой семьи, зять

которой скрывается в лесу от белых, как большевик. Мы живем на правах поляков. Начинаем шупать связи, их нету. Организация Златоустовская провалена, Челябинская тоже. Ждем Янсона с Ниной и Лушниковой. Никаких сведений нет. Через недели две приезжает Косина Нина, информирует, что она была задержана в тайге, е[ё] освободили, а Янсона и Лушникову арестовали в Н. Николаевске.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 663. Л. 1–33. Машинопись.

Воспоминания Я. А. Кутузова об Александровском централье в период колчаковщины 1918–1919 гг.

Около реки Ангары, в лесных горах таился белокаменный Александровский централ, и в нем за железными решеткам, раздетые и полуголодные, сотни людей томились и под ударами палачей стонали. И вот приблизился сентябрь месяц, но колчаковская грозная культура и любовь к человечеству тоже близилась через порку, расстрелы, насилие женщин и грабежей вплоть до столовой вилки. Читатели, для подлинного факта я вам укажу вот на подлинно проводимые колчаковскими палачами кровавой культуры и сытной пищи для истомивших и замученных людей в застенках Александровской тюрьмы.

Общим заговором тюремная стража вместе с чехословаками придумали самое гнусное дело и так его совершили над измученными в неволе, над подпольщиками-большевиками, пленными красногвардейцами и красноармейцами.

В сентябре месяце, числа 8, не помню, из села Усолье чехословаки в 6 утра чуть не галопом двинули на горы около Александровской тюрьмы, и уже 8 утра и до 5 вечера из 2 трехдюймовых орудий истомленным воинам подавали колчаковскую сытную пищу, то и после жаркого обеда, кто еще был жив из заключенных, то тюремная стража на второе блюдо живых кололи штыком, но уже в 7 вечера из камер тюрьмы от сытного обеда и любви к народу никто не выглядывал, а лишь на полах грудями лежали куски человеческого мяса и сплошная лужа запекшейся человеческой крови, и вот таковую колчаковскую священную культуру проводили

культурные чехи и тюремные палачи. Ну, товарищи читатели, для более ясности я еще вам укажу на факты другой формы.

В этом же районе, на берегу реки Белая, ширилось село Тайтурка как волостной центр, и владыкой волостного трона был торгош и кулак, местный житель Горбовский и друг его, господний слуга поп. И вот они слышали, что неподалеку, в лесах, есть партизанские отряды дедушки Каландаришвили и Бурлова тоже. По божьему повелению заподозрили участие бедняков с Тайтурки, якобы это они партизанам помогают продуктами и за это Горбовский и его друг, тайтурский поп, донесли колчаковским палачам, и вскоре же земской волостной управы владыка – поп и кулак Горбовский вместе с приехавшими палачами, мирных и бедных старика и его сына, но их этого старика к желобу крыши привязали петли и задавили, что и старик около 1 суток висит на желобе, и вот так колчаковское культурное, и как священное правительство процветает своей культурой. Попутно и меня хотели изловить как красногвардейца, но я уже был в лесу местности около с. Тельма, но и в Тельме тоже управлял автофабрикой светлопогонник, палач полковник Колосовский, и по приказу верховного Колчака, проводил мобилизацию молодежи и тех, которые не успели явиться на сборный пункт, Колосовский ложил на пол и шомполами задира до полусмерти. Вот они братья Каваченновы, Филипп и Иннокентий, в селе Тельма были так и стороны, то Филипп был не в состоянии ходить, и невольно взял револьвер и сам себя застрелил, и остальные с помощью крестьян бежали в отряд партизан Бурлова. Однако для читателя вполне понятно: вот как соглашатели-меньшевики и троцкисты, вместе с кровожадными генералами, с кровожадным генералом Колчаком и другими, Юденичем, Петлюрой и восточником Семеновым, железным кольцом охватили не только Сибирь, но и Украину, Восток и хотели удушить ленинскую партию (большевиков), а рабочий класс задавить буржуазным гнетом.

Но вот и наша матушка-Сибирь лесная зашумела. Красно-партизанские отряды и под руководством большевиков, умели партизаны совершать налеты на вооруженных с ног до головы белогвардейцев. И тесно спаянные боевой большевистской дисциплиной партизаны, более и более обезоруживают колчаковскую армию.

Вот настал ноябрь, а партизанские отряды росли по лесам и селам Сибири, как снопы на поле, и в декабре уже от Красноярска и до Иркутска теребили колчаковскую Белую армию. И вот в селе Усолье богачи генерала Каппеля поймали 47 человек партизан и по 7 человек в связку живыми связывали и бросали в кирпичный сарай, а часть топили в прорубях реки Ангары. И после этого мы в дружинах слабы были, и как только ночью объединились в отряд т. Зверева-Бурлова и несмотря на многочисленную армию Каппеля, Колчака и других. Мы уже не только умели отвоевывать обозы, но и умели охранять народное достояние от грабителей и насильников колчаковской армии, а также мы, партизаны, сумели прогнать чехов, а также каппелевских и колчаковских прихвостней, и как за власть Советов под руководством коммунистов, мы были всегда готовы драться за завоеванный большевистский Октябрь. И вот не только мы были партизанами, но и с нами были и женщины, и старики.

Я вот как факт действительности, укажу на фотокарточку, где сняты два старика. Это 1-ый Грибин – за интересы рабочих боролся с начальником фабрики той заводчиком. В Тельме к Белоголовым, и после партизанщины вновь открыл снова фабрику. И сейчас – строитель Усольского моста через протоку. Вместе со своим сыном Леонидом наравне ходил в перестрелки против каппелевцев, а также был хорошим разведчиком. Сейчас, благодаря потере здоровья, нигде не работает, проживает у жительницы с. Хилки – также помогала там добывать патроны и доставлять донесения, и в декабре мы имели в рабоче-крестьянской дружине немного оружия, около 20-ти разных калибров, а потом я добровольно пошел отыскивать оружие, и еще со мной тоже фронтовик Ситников Александр поехал в Иркутск, и мы два дня, как угорелые, метались, где найти оружие, и случайно наткнулись на ст. Иннокентьевская, и сейчас я не помню, кого обманул, но сумел достать 70 трехлинейных винтовок и 5000 патронов. Там же и сумели уговорить дежурного по станции, и он нам дал паровоз и вагон-теплушку, до 12 человек охраны солдат, и таким путем доставили оружие и вооружили еще наш партизанский отряд. Четвертым отрядом же руководил т. Левщенко. Сейчас он начальник Томской железной дороги. Анурьев Василий, учитель, сейчас умерший, и Кутузов Яков, это я, что вот ныне нахожусь во 2-ом Иркутске, где

мы имели свой штаб. Сначала по станции Тельма у нас был пост, где проверяли документы, и при проверке мы часто обнаруживали колчаковских офицеров и их арестовывали и посылали часть в Иркутск, а часть офицеров в Усолье, где в числе арестованных задержали жену генерала министра Пепеляева – и ее отправили в Иркутск.

И вот [в] канун декабря мы взяли 90 винтовок на 106 человек, из этого числа около 30 человек безоружны, которые ходили в разведки, а также и налетами брали в плен каппельских офицеров и солдат. Были в перестрелках против каппелевцев около с. Усолье и около с. Биликтуй и ряд одиночных перестрелок. И вот на отдыхе всегда слышался говор не только молодежи, но и стариков, а их в отряде было 8 человек. И говорили старики о ликвидации белой колчаковщины и введении Советской власти, отделение от власти. Старик Руданов Сергей всегда говорил так: «Ну, ребяташки, теперь будет власть наша, рабочая, а не белых сволочей, и вот я, ребяташки, в 1905 году тоже был в России участником забастовки, дак мне там наподдавали, сволочи жандармы, я и сейчас, как ровно помню, был больной почти целый год. А теперь вот вишь, как Владимир Ильич Ленин и дело поставил, его коммунисты слушают, или как Красная Армия гонит генералов белых, они и очнуться не успевают, да мы, партизаны, еще по Сибири жару поддаем тем же Каппелю, Колчаку. Вон как они, бандиты, отступают, прямо врассыпную бегут не только по дороге и прямо по сторонам через лес и горы, как славно им коммунисты трепку задали, ребяташки, смотрите, пули стерегите».

И вот тревоги скорее по Усолью, и мы мигом пошли по Усолью, но уже там наших партизан около 50 человек брали в плен и перевязали провокаторов по 4 и по 7 человек, и часть бросили в кирпичные сараи, а часть утопили в прорубях р. Ангары.

И вот тут потеря наших партизан для нас был большой гнев, и что характерно, вот стороны у домов и другие заметили каппельский разъезд по Усолью. Скоро старики скрылись в снег оного переулка и тут сумели из разъезда 4 убить каппелевцев, то этим самым создали большую панику в каппельской, некоторые бросились врозь и на стороны от нас отступать. И по Сибири, [друг]им окрестностям мы сейчас же жили 15 лет без генералов, одни рабочие и крестьянство, и не слышали, как лес шумит от орудийных

снарядов и никто не стонет раненный, зато мы сейчас по матушке нашей Сибири под руководством ленинской партии и неизменного рабочего класса. Мы идем от победы к победе, и вот, читатели, наша Сибирь сейчас вместо тюрем создала школы, вместо расправы над рабочими мы сейчас сами руководим государством, вместо церкви мы имеем совхозы и нархозы, и коммуны, и свои фабрики, заводы, вместо кулаков и торгашей мы имеем государственную торговлю и т. д. Вот теперь мы 15 лет тому назад избавились от колчаковщины в Сибири и сами себе сейчас хозяева завоеванной нами Советской власти. И партизаны, красногвардейцы, рабочие, колхозники смогли сплотиться вокруг коммунистической партии и ничуть не теряя классового чутья, классовый враг еще среди нас, притаившись, ждет, и вот, товарищи, за утрату вожака партии и ленинского рулевого Кирова, мы, партизаны, готовы в любую минуту выступить на тех гадов. Да здравствует индустриальная Сибирь, освобожденная от ига колчаковщины.

Б/красногвардеец и б/партизан

Кутузов А. Я.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 648. Л. 1–17. Рукопись.

Письма руководителей Политцентра друзьям о событиях 1919 года в Сибири

**Воспоминания председателя земской управы Иркутской
губернии о поведении земцев в период борьбы с чехами
[в] 1918–1919 гг.**

г. Красноярск
22 января
1920 г.

Дорогие товарищи.

Пользуясь случаем, [хочу] сообщить Вам в самых общих чертах о наших восточных делах. Краевой комитет партии эсеров в настоящий момент лишен возможности сделать подробный и полный доклад центральному комитету, и эти сообщения посылаю за своей личной ответственностью.

Сделать обзор тем политических сил, которые фигурировали в Сибири на истекший год, не имею времени, да это в значительной мере вам известно. Своей задачей ставлю возможно ясное освещение позиции партии в последних событиях и того перелома, который назрел к осени 1919 г.

Решения, принятые на Сибирско-Уральской конференции в апреле 1919 г., диктовались наличностью полного разгрома демократии вообще и в частности нашей партии на территории Сибири. Позиция двух фронтов тогда могла быть только позицией пессимизма, отказа от борьбы вообще.

Деятельность партийных организаций за последнее время, иркутские события являют собой полную противоположность этой позиции. Моей задачей и будет освещение этого перелома.

Пять моментов должны быть отмечены как обобщающие в смысле влияния на позиции партии.

1. С осени еще 1918 г. по Сибири разлилось крестьянское движение, в большинстве случаев стихийное, без ясных лозунгов, вызванное разгулом реакции. К осени 1919 г. оно достигло максимального развития. Образовалось до двух десятков внутренних фронтов, на подавление которых требовались уже регулярные войска, на западе на войну с крестьянами втягивались чехи, на востоке охотно и корыстно роль подавителей выполнили японцы. На Алтае и в некоторых частях соседней Сибири эти движения имели земско-народнический фактор, в редких случаях были чисто большевистскими. Эти движения накаляли общественную атмосферу, неизбежно в них втягивались силы деревни, даже деревенской кооперации, гонимой колчаковским правительством.

Как пример размеров восстаний могу указать на Минусинское крестьянское движение, где под командой капитана Щетинкина оперировала крестьянская армия, насчитывающая 12 тысяч бойцов, правда, слабо вооруженных.

Регулярные войска, шедшие на усмирение, часто просто переходили к повстанцам.

Среди пестрых и неясных лозунгов крестьянского движения можно было выделить один лозунг, как общий – мир с Советской Россией.

Рабочее движение, разбитое совершенно осенью 1918-го г., к осени 1919 г. тоже оживилось. Центральный исполнительный

комитет Совета профессиональных союзов Сибири, где, кстати сказать, было значительное влияние рабочей партии, пытался объединить организационные силы, и не без успеха, на начало всеобщей стачки. Были созданы стачечные комитеты, и угроза стачки конкретно повисла над Сибирью. Настроение рабочих в громадном проценте было советское.

2. Летом 1919 г. генерал Гайда, организовав вокруг себя молодое фронтовое офицерство, повел довольно широкую политическую кампанию против адмирала. У него была военная сила, но не хватало общественной поддержки, которую они и пытались искать в самых разнообразных слоях общественности (вплоть до переговоров с некоторыми из членов старого правительства). Поддержку он нашел в части земств и, особенно, на Дальнем Востоке в группе Якушева.

Социалистическая партия и, в частности, партия эсеров отмежевалась от этого движения (что, по моему мнению, раскололо земство). Причиной отмежевания служили коалиционные устремления направо, отказ от категорического проведения принципа однородно-социалистического правительства и их отношение к интервенции.

Это движение, рассосавшись в центре, закончилось разрастанием в Дальнем Востоке 18-го ноября 1919 г. подавлением японцами.

Наряду с самостоятельно возникшими низовыми земскими брожениями [и] Колчаком, к широкому земскому движению был и заговор Гайды. Кроме того, они имели и некоторое международное значение, дискредитировав Колчака в глазах иностранцев.

Земское движение как таковое оформилось приблизительно в октябре месяце, когда по инициативе иркутского земства в г. Иркутске созвано было нелегальное земское совещание (16 земств областных и уездных), на котором было избрано Земское Политическое Бюро. Оно, не имея самостоятельной реальной силы, но окончательно определившись, как резко оппозиционное, естественно, искало союзников по борьбе и нащупывало почву среди левых течений общественности. Наряду с идеей Земского Собора, Земское Политическое Бюро выдвинуло лозунг мирных переговоров с Советской Россией.

3. Партия эсеров, разбитая омским переворотом, долгое время переживала в Сибири острый кризис. Вследствие идейного развала произошли отколы, о которых краевым комитетом будут сделаны подробные сообщения. Но летом 1919 г., сначала без ведома краевого центра, но по почину ответственных партийных работников, были сделаны попытки создать беспартийные крестьянские организации, например, так называемое «Объединение Трудового Крестьянства Иркутской Губернии». Они объединили разрозненные партийные силы, дав практический выход активистическим настроениям. Почти одновременно с иркутским краевым комитетом возник Военно-Социалистический Союз защиты народовластия. Он быстро и успешно развернул работу по Сибири и во всех городах от Читы до Омска были его руководящие группы и организации. Хотя Союз был и беспартийный, но его центральный орган был чисто эсеровский, то же и на местах, средства на его организацию отпускались краевым комитетом. Эта организация впитала в себя все активные силы партии, к ней примкнули и многие диссиденты.

Но чистая позиция двух фронтов здесь, в практической работе среди армии, потерпела значительные изменения. Выдвинута была идея развития и накопления сил народовластия для осуществления реального мира с Советской Россией.

В связи с общим нарастанием общественной энергии и в силу особых условий работы в армии и деревни Сибири, эти организации, впитавшие активные силы партии, не могли строить свои расчеты на дальний срок. Развивавшаяся инерция затрагивала другие силы и ускорила развязку. Одновременно с развитием этих беспартийных организаций осуществлялось собирание партийных сил и устанавливалась партийная позиция. Кстати, отмечу, что Военно-Социалистический Союз сыграл большую роль в ряде восстаний по магистрали, в Черемхово и, главным образом, в Иркутске.

4. После ряда поражений на Западном фронте, имея постоянную угрозу в тылу со стороны партизанских, крестьянских отрядов, правительство адмирала Колчака пыталось создать видимость улучшения первоначального курса. Рекламиривалась Комиссия по выборам в Национальное Собрание (которая не

работала) и возведено было о созыве Земского Сопещания (без законодательных функций).

Но крайняя опасность создавала агонию реакционных сил, легальная демократия, кооперация, земство, профессиональные организации стояли под непосредственным ударом теряющей почву и изолированной реакции. Разгром и физическое уничтожение демократии казались неизбежными.

5. Успехи красных армий на Уральском фронте, занятие ими почти всей Западной Сибири к октябрю 1919 г. делало вероятным и возможным непосредственное столкновение Советской России с Японией. Если и можно было рассчитывать на противоречия американской и японской политики на Востоке, хотя американский флот и расположился под парами у Филиппин, то все же советская опасность неизбежно должна была объединить союзников, которые и выдали бы себя на Дальнем Востоке, в руки которых неизбежно должны были попасть чехи, заманенные на Восток обещаниями японского тоннажа. Активное выступление Японии означало бы для России потерю навсегда Забайкалья и Дальнего Востока и всего русского национального имущества, сдвинутого на Восток правительственной эвакуацией из западных областей и чехами. Расслоить союзников и связать руки Японии могла бы только демократическая власть, хотя бы и с ориентацией на Советскую Россию.

Учитывая все перечисленные выше моменты, Всесибирский краевой комитет, измененный несколько в октябре месяце в своем личном составе, встал на точку зрения неизбежности вооруженной борьбы с Колчаком теперь же, не откладывая и возглавляя совместно с другими родственными политическими группами эту борьбу. По инициативе Сибирского краевого комитета и была создана та повстанческая организация, которая впоследствии названа Политическим Центром. В основу переговоров с другими группами были положены следующие положения:

1. Создание в Сибири демократической буферной государственности с одноодно-социалистическим правительством.

2. Полный отказ от союзнической и вообще иностранной интервенции.

3. Мирные договорные отношения с Советской Россией и ликвидация Западно-Сибирского фронта.

4. Созыв Сибирского Народного Собрания.

В Политическом Центре объединились следующие организации: краевой комитет ПСР, бюро Сибирских организаций РСДРП, ЦИК объединений трудового крестьянства Сибири и Земское политическое бюро.

Как нами, так и Политическим Центром много раз делались попытки сговориться и с местной центральной организацией партии коммунистов. Сначала они согласились войти в блок, потом отказались и примкнули активно лишь в момент восстания. ЦИК Советов профессиональных союзов Сибири представителя не дал, но декларировал полную поддержку.

Первую декларацию Политического Центра, выпущенную еще до переворота, в копии прилагаю.

В ночь на 21 декабря это восстание в Черемхово, причем весь гарнизон, подготовленный Военно-Социалистическим Союзом, перешел на сторону новой власти. 27 началось восстание в Иркутске, и после 10-ти дневного боя, часть генералов с юнкерами бежали, и Иркутск был занят войсками Политического Центра.

12 января Политический Центр сдал свои полномочия Временному Совету народного управления, в который входят: все члены Политического Центра, 6 представителей Иркутского губернского земства, 3 представителя Иркутской городской думы, 3 представителя ЦИКа профес. союзов, 3 представителя Объединения трудового крестьянства и 3 от кооперации.

Совет народного управления санкционировал программу Политического Центра и посылку мирной делегации для переговоров с представителями Московского правительства.

В составе Совета народного управления только один не социалист. Во главе 5-ти ведомств – социал-демократы и во главе 6-ти – эсеры.

Нужно отметить, что Политическим Центром во время боев под Иркутском была проделана большая дипломатическая работа, в результате которой были приостановлены японские эшелоны, двигавшиеся к Иркутску на подавление восстания. Чехи остались нейтральными.

Мирная делегация Политического Центра встретила с Сибревкомом и Реввоенсоветом 5-ой армии в г. Томске 19 января.

Состоялось совместное совещание, материалы которого прилагаю.

Нами был поставлен вопрос о необходимости буферного государства в силу следующей аргументации:

Провозглашение Советской власти на Востоке в данный момент означало бы потерю для России всего Забайкалья и Востока, ибо развязывало бы руки Японии, причем союзники в этом случае приняли бы молча японскую интервенцию, а чехи тем самым отбрасывались в объятия той же империалистической Японии.

Существование буферной государственности, наоборот, расслаивает союзников, связывает руки Японии, открывает путь чехам через Запад и тем самым обеспечивает сохранение Восточной Сибири за революционной Россией.

Как предварительные, условия приняты следующее:

Существование буфера признается необходимым, Политический Центр обязуется укрепить Прибайкальский район. Чехам предоставляется возможность проехать на родину через Советскую Россию, не разоружаясь. С подробностями Вы ознакомитесь по прилагаемым материалам.

Заканчивая свои сообщения, я коснусь общей обстановки нашей работы в Иркутске. Местные коммунисты хотя и понимают невозможность выкидывания советского флага на восточной магистрали и боятся Японии, но к идее буферной государственности относятся, безусловно, отрицательно. Кроме того, по окраинам, на Юг и Север много партизанских отрядов или настроенных центробежно, или грозно махающих советским флагом. С ними придется считаться и Советской власти, а нашу работу они осложняют тем более. Терний немало.

Восток на данный момент представляет из себя весьма любопытную страничку истории нашей революции, ибо там завязывается сложный узел международной политики. Наша задача ясна – сохранить Восток за Россией, разорвать блокаду, сохранив подлинное лицо русской революционной демократии. Наш мир может быть Брестский мир, но он в условиях Сибири необходим, целесообразен и неизбежен.

Если успею, напишу подробнее об иркутских событиях 24 декабря – 4 января особым приложением.

Привет всем.

Красноярск, 23.01.1920 г.

Дорогие друзья. Попытаюсь в этих по необходимости кратких и схематических словах осветить события в Восточной Сибири.

О платформе Бюро сибирских организаций РСДРП, которую я и Борис Иванович рассматривали как естественное продолжение в сибирской обстановке линии ЦК, вы знаете как из доклада Бориса Ивановича, так равно и из документов, которые Вам мною неоднократно посылались. В последний раз мне удалось направить Вам письмо через тов. Ванновского с описанием авантюристических проектов ген. Гайды и председателя Сибирской областной думы Якушева с объяснением причин нашего резко отрицательного к ним отношения. Тов. Ванновский, по имеющимся у меня сведениям, благополучно перешел фронт. Надо думать, что написанное мною дошло до Вас.

Три основных идеи были положены Бюро сибирских организаций партии с самого начала его существования (февр. 1919 г.) во главу политической деятельности: 1) Мир с Советской Россией; 2) Борьба с интервенцией и 3) Осуществление первых двух заданий, как равно и вообще всех политико-экономических заданий на основе последовательной ликвидации идей коалиции социалистической демократии с цензовыми элементами.

В практической работе по созданию единого революционного фронта эта последняя идея формулировалась в качестве категорического требования отказа от блокировки с цензовыми элементами, предъявлявшегося всякой группе, входившей в состав революционного фронта.

Избирательная кампания в городские самоуправления весной и летом 1919 г. прошла под знаком этих трех идей и объединила наши организации, организации эсеров и профессиональные союзы. В крупных, по сибирскому масштабу, промышленных пунктах, где удалось преодолеть пассивно-бойкотистское настроение рабочих масс, эта кампания завершилась укреплением городских самоуправлений за социалистической демократией. Так было в Иркутске, Благовещенске и Барнауле. Во Владивостоке и других центрах, где в рабочей среде восторжествовали идеи бойкотизма, выборы закончились победой домовладельческих групп, групп

вполне реакционных, ориентирующихся на японское военное вмешательство.

В основе авантюры генерала Гайды и Гайды-Якушева лежали идеи: 1) союзнической, главным образом американской интервенции и 2) коалиции социалистической демократии с цензовыми элементами, отображавшей стремления союзников, стоявших перед фактом банкротства режима Колчака, через Земский Собор (состав Земского Собора по проектировавшейся Гайдой и Якушевым платформе должен был стать неизбежно обеспечивающим коалиц. сущность власти) обеспечить за собой сохранение тех преимуществ на сибирской территории, которые оказались необеспеченными колчаковщиной, все более и более вырождающейся в прикрытие японских оккупационных планов. Идея Земского Собора, пропагандировавшаяся Гайдой и Якушевым, была нами политически опорочена, во-первых, как идея возвращения к коалиции социалистической демократии с цензовыми элементами, во-вторых, как идея, прикрывающая интервенционную сущность замышлявшегося мнимо-революционного переворота, и, в-третьих, идея, имевшая в своей основе продолжение состояния войны с Советской Россией через временное перемирие с ней.

Мы имеем все основания утверждать, что отрицательное отношение к двум следовавшим одна за другой авантюрами (Гайды и Гайды-Якушева) было не только в наших партийных организациях, но и в организациях партии эсеров, что ни наши, ни с-ровские организации не имели решительно никакого отношения к Владивостокскому восстанию Гайды-Якушева.

После поражения Гайдо-Якушевского восстания во Владивостоке, часть земской демократии, шедшей за Гайдой-Якушевым, убедившись в невозможности «соединить несоединимое», отходит влево, фактически капитулирует перед нашей постановкой вопроса. Она соглашается: 1) на необходимость искреннего мира с Советской Россией, 2) на необходимость объединения революционно-государственных образований, возникших на российской территории в целях общей самозащиты против империалистических посягательств и 3) на необходимости однородно-социалистической власти. В период падения Омска завязываются переговоры между нами, краевым комитетом партии эсеров, Земским политическим бюро, Объединением трудового крестьянства

в Сибири, ЦИКом профессиональных союзов Сибири и большевиками. Переговоры увенчались созданием политического центра в составе представителей эсеров, социал-демократов, объединенного трудового крестьянства и Земского политического бюро. Большевики и ЦИК профсоюзов, не входя в Политцентр, обеспечивают ему контакт в деле реальной борьбы с реакцией. Этого контакта фактически не было до развязывания исключительно силами Политического Центра вооруженной борьбы с реакцией. Красноярск и железнодорожная линия от Нижнеудинска до ст. Михалёво (30 в. на восток от Иркутска) были заняты войсками 1-ой народной революционной армии Восточной Сибири, началась уже вооруженная борьба за обладание Иркутском, когда сибирский центр коммунистов решил соединить и свои силы с силами Политического Центра. Обстановка борьбы за Иркутск была такова, что и большевики считали невозможным выбрасывание советских лозунгов как лозунгов, подлежащих немедленному организационному воплощению. Японские войска шли на выручку иркутскому правительству Колчака с предписанием подавить повстанческое движение. Чехи, окруженные сетями эвакуации через Японию, которой не доверяют, держали нейтралитет, на первых порах нам сильно мешавший. В результате ряда дипломатических шагов, предпринятых Политическим Центром перед союзными и чехословацкими дипломатическими представителями, удалось временно обеспечить вынужденный нейтралитет Японии и дружественный нейтралитет чехословаков. Последний в промежутке между 5 и 11 января выразился в разоружении семеновских войсковых частей по линии ст. Михалёво–Верхнеудинск и полуофициальным согласием на заполнение этих районов войсками народно-революционной армии. Я вплотную подошел к основному вопросу нашего бытия – к вопросу о международных отношениях в Восточной Сибири.

С определенной отчетливостью вырисовываются две перспективы: 1) Антисоветская активность Японии при нейтралитете союзников и Америки, в частности. Япония получает свободу действий на Восточно-Сибирской территории до реки Белой и Ангары. Союзники, американцы, в частности, в этой перспективе будут стремиться ослабить Японию: а) ввязыванием ее в вооруженную борьбу с Советской Россией и б) своим выходом из этой

борьбы на Дальнем Востоке и усилением активности антияпонской политики в Китае и Корее.

Чехословаки в этой перспективе оказываются в наибольшей зависимости от Японии.

2) Вынужденный нейтралитет Японии при попытках социалистической демократии организовать временное буферное Восточно-Сибирское государство. Политика союзников и, главным образом, Америки, в этом случае приобретает наиболее активный антияпонский характер не только в Корее, но и в Маньчжурии и на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, насыщенной 180–200 тысячами японского войска.

Видя основную двуединую задачу, во-первых, в обеспечении возможности воссоединения Восточной Сибири с революционной Россией, и, во-вторых, в снятии с последней петли блокады – мы полагаем, что вторая перспектива представляет из двух зол меньшее. Но для того, чтобы вторую перспективу можно было использовать в только что обрисованных мною основных целях, абсолютно необходимым представляется обеспечить: 1) признание Советской Россией Восточно-Сибирского буфера и установление прочных мирных взаимоотношений с ним и 2) изменение политики Советской России по отношению к эвакуации сибирских чехословаков (необходимо гарантированное возвращение с оружием в руках через Советскую Россию).

Проектируемое нами новое направление эвакуации чехословацкой армии имеет двоякое значение: 1) обеспечить возможность отрыва чехословацкой армии от союзнической политики в Восточной Сибири, которой определено тяготятся не только солдатские низы, но и значительная часть командного состава и дипломатического представительства; 2) максимально обеспечивает революционизирующую роль сибирских чехословаков внутри Чехословацкой республики в случае возвращения их на родину этим путем. Общее представление о характере движения, развязанного Политическим Центром и о преследуемых им задачах, Вы можете получить из прилагаемых материалов.

Позволю себе кратко резюмировать.

Движение, возглавляемое Политическим Центром, представляет из себя попытку в сложной сети международных взаимоотношений Дальнего Востока наметить самостоятельную револю-

ционную политику социалистической демократии, во-первых, расценивающей переживаемую эпоху как эпоху перехода к социализму и потому намечающей ряд соответствующих народно-хозяйских заданий, во-вторых, учитывающей непосредственную опасность японской оккупации не только для себя, но и для всей перспективы революционного развития и потому стремящейся, не оставаясь изолированной в борьбе с японской оккупацией, свое главнейшее внимание обращать на создание союза революционных государств, фактора, способного усилить антагонизм между империалистическими державами, ослабить шансы наиболее агрессивных из них.

Краткая история вооруженной борьбы Политического Центра с колчаковщиной рисуется в следующем виде: 21 декабря распропагандированными Политическим Центром войсками занимается г. Черемхово (см. прил. доклад о Черемховских событиях, написанный тов. эсером, стоявшим во главе переворота по поручению Полит. Центра).

Черемхово – каменноугольный бассейн, питающий часть Томской, всю Забайкальскую и часть Восточно-Китайской железной дороги. Тотчас после занятия Черемхово ставится вооружение рабочих и крестьян. Правительство адмирала Колчака, стоя перед необходимостью подавить Черемховское восстание, оказывается вне возможности вывезти из Иркутска хотя бы одну воинскую часть, опасаясь внутреннего восстания. Заместитель председателя Совета Министров правительства Колчака А. А. Червен-Водали и командующий иркутским гарнизоном генерал Сычев ведут оживленные переговоры с атаманом Семеновым в Чите и Японией о присылке подкреплений для борьбы с повстанческим движением. 24 декабря по приказу Политического Центра войска народно-революционной армии под руководством штабс-капитана Калашникова (при двух политических уполномоченных при нем, из которых один эсер, один – наш) занимают ст. Иркутск, Иннокентьевскую и Военный городок. 25 декабря железнодорожная линия от ст. Михалёво (30 в. к востоку от Иркутска) до ст. Батарейной (12 в. на запад от Иркутска) захвачена народно-революционной армией. В Батарейной взят склад всякого рода оружия. Ставится широкая организационная работа по формированию рабочих и крестьянских отрядов. По приказу Политического

Центра командующий армией штабс-капитан Калашников и наш политуполномоченный при нем шлют телеграмму Иркутск – Совет Министров с требованием немедленной передачи власти Полит. Центру. Правительство пытается отколоть земские группы от Полит. Центра, открывает переговоры с земцами о безболезненном переходе власти от Колчака земским самоуправлениям. Земцы, связанные в Полит. Центре, соглашаются принять власть лишь при условии немедленной ее передачи Политическому Центру. В 3 часа дня 27 декабря должно было состояться подписание акта отречения Совета Министров в пользу земских самоуправлений, акта об отрешении от всех должностей атамана Семенова и об отречении Колчака от верховной власти. Червен-Водали, убедившись в невозможности отколоть земскую группу от социалистических партий, рассчитывая на скорый приход семеновских и японских подкреплений, рвет переговоры с земцами. В 5 часов того же дня начинается восстание в Иркутском гарнизоне, после боя в городе занимает Знаменское предместье. С этого дня ведется непрерывная вооруженная борьба за обладание городом, в кварталах которого укрепились колчаковцы. В течение 11 дней идет бой, в котором повстанцы, непрерывно наступая, несут большие потери. Одновременно с этим ведется бой с наступающими по железнодорожной линии семеновскими частями. Дипломатическая работа Политцентра перед коллегией высоких комиссаров союзных стран и дипломатическими представителями Чехо-Славии увенчивается вынуждением Японии соблюдать нейтралитет в борьбе Политического Центра с Колчаком и Семеновым. В сущности говоря, этому последнему обстоятельству, мы, быть может, в большей степени, чем военным успехам, обязаны за успех взятия Иркутска.

В ночь с 4 на 5 января наши войска заняли г. Иркутск, члены правительства Колчака частью бежали, частью заключены в тюрьму, среди заключенных глава правительства – Червен-Водали.

После занятия Иркутска чехословаки занимают позицию более ярко выраженного дружественного нейтралитета. Ими разоружаются семеновские части между ст. Михалёво и Верхнеудинском. Наши войсковые части занимают очищенные районы. В семеновском тылу между Читой и Манн[ь]чжурией развязывается

вооруженное восстание. Восстанием же охвачены окрестности Благовещенска.

Управление областью Восточной Сибири, очищенной от реакции, с 5 января в руках Политического Центра. Ведомства распределены следующим образом: 5 в руках социал-демократов (иностранных дел – Ахматов, продовольствия – Домостроев, государственного контроля – Войлошников, торговли и промышленности – Пятидесятников и народного образования – Гончаров), 6 в руках эсеров. С 12 января власть передана Временному Сибирскому Совету Народного Управления. Последний состоит из Политического Центра, 6 представителей иркутского губернского земства, 3 представителей иркутской городской думы, 3 представителей профсоюзов, 3 представителей кооперации, 3 представителя трудового крестьянства.

Совет Сибирского Народного Управления полностью подтверждает политическую платформу Полит. Центра, в частности, единогласно одобряет его стремления установить мирные взаимоотношения с Советской Россией.

Состав Временного Сибирского Совета Народного Управления, за исключением одного н.-с. областника – сплошь социалистический.

В результате предварительных мирных переговоров мирной делегации с Сибревкомом и Реввоенсоветом 5 армии признано необходимым 1) образование Восточно-Сибирской буферной государственности с границей на запад по рекам Ока и Ангара и 2) гарантировать чехословацкой армии возможность эвакуироваться через Советскую Россию с оружием в руках. Эти два пункта единственно, которые Вы можете опубликовать, не рискуя помешать нашей работе на Дальнем Востоке. Остальные пункты Томского Брест-Литовска сибирской социалистической демократии вы найдете в тексте переговоров.

IX. Факты вместо заключения

В период мирной делегации П.Ц. от Иркутска в Томск имел место следующий случай. Нижнеудинский (Иркутск. губ.) ревком, состоящий из местных коммунистов, обратился к делегации с просьбой помочь выбраться из колчаковского плена, в котором они оказались, благодаря переходу власти в Нижнеудинске от

Политич. Бюро (Полит. Центра) ревкому (коммунистам). Представители Нижнеудинского ревкома нам заявили: «Сегодня (дело происходило в январе) в Нижнеудинск явился вооруженный отряд Токарева, в котором мы подозреваем авангард остатков отступающих тайгой колчаковских войск генералов Сахарова и Каппеля, арестовал охрану складов оружия, вооружил оставшиеся разоруженными отряды егерей из эшелонов Колчака, в свое время не желавших перейти на сторону народно-революционной армии, обезоружил части надежных революционных войск, объявил власть Политического Центра низложенной, провозгласил власть Советов и после этого отправился разыскивать местную коммунистическую организацию, предложил ей выделить Ревком. По словам членов Ревкома, им не оставалось другого выхода, как принять власть и на ее основе уже пытаться устранить подозреваемую им опасность. Приезд мирной делегации застал нижнеудинских коммунистов, «хозяев положения», в состоянии ищущих выхода. В результате обмена мнениями мирная делегация и нижнеудинский Ревком решили: 1) Именем командующего Восточно-Сибирской народно-революционной армии будет часть егерей срочно вызвана в Иркутск на подкрепление антисеменовского фронта, причем вызываемая часть, в интересах сохранения максимального количества штыков в Нижнеудинске, следует в Иркутск, где имеются достаточные запасы оружия, фактически без оружия (при 30 штыках и 1 пулемете для охраны эшелона) и 2) сдаваемым нижнеудинскими егерями оружием немедленно вооружаются местные рабочие.

Только тогда, когда нашим вмешательством было обеспечено осуществление этих двух мер, местные «хозяева положения» вздохнули свободно. Необходимо отметить, что во время наших переговоров с чешским командованием по вопросу о внеочередной отправке эшелона от егерей в Иркутск председатель Нижнеудинского ревкома просит чехов «помочь делу разоружения егерей и принять на себя охрану порядка в городе».

В Канске эвакуировавшиеся части чешских войск, не имевшие абсолютно никакого намерения вступать в военные столкновения с Красной Армией, были обстреляны из броневиков, обстреляны наступающими советскими частями. Поезд мирной делегации как раз к этому времени подошел к Канску. Тотчас нами была

выслана через фронт особая делегация, в составе представителей областного сибирского комитета партии коммунистов, местного армейского совета и нашей делегации – с задачей приостановить военные действия против чехов, отбрасывающие последних в орбиту японского влияния и обеспечивающие возможность японского вмешательства.

Делегация успеха не имела. По истечении ночи, прошедшей в поспешной эвакуации чехословаков Канска, Канск был занят советскими войсками. Железнодорожный мост, лежащий восточнее Канского вокзала, не был взорван чехами под честное слово местного армейского совета, что он не допустит использования его для нападения на чехословаков.

Случилось иначе. Вопреки настоянию Канского Совета, действующими советскими войсками были переброшены через мост броневики, которыми и обстреливались отходившие чешские эшелоны. Небольшие результаты этого инцидента сказались в том, что при отступлении следующие за Канском на восток железнодорожные мосты чехами взрывались.

Но оба эти факта и аналогичные им могут иметь гораздо более тяжелые последствия – развязывание военной активности Японии и замену доброжелательного чешского нейтралитета на нейтралитет с моментами враждебного к нам отношения. Судя по результатам наших переговоров с Сибревкомом и Реввоенсоветом 5 армии, представители советской власти как будто бы учли важность временного отказа от попыток насаждения чистокровного советского режима на территории Иркутской, Якутской, Забайкальской, Амурской и Приморской областей и, во-вторых, необходимость изменения политики в отношении к чехословакам. Надолго ли?

Вот по существу единственный вопрос, который нас беспокоит. Поскольку политика центр. советской власти по этим двум вопросам осталась бы в рамках, намеченных томскими переговорами решений, мы рассчитываем на успех наших революционно-российских заданий на Д. Востоке.

Друзья, опасность – опасность быть проглоченными союзниками, нам кажется менее вероятной. С мирным существованием Советской России и Восточной Сибири они, видимо, примирились на более или менее продолжительное время. А укрепляя

наши добрососедские отношения с Советской Россией, мы сами рассчитываем достаточно окрепнуть.

Жму руку. Привет Юлию Осиповичу, Федору Ильичу, Еве Львовне, Борис Исааковичу, Югову, Тулякам, Берковичу, Брумштейну, Когану и Николаю.

* * *

Тени прошлого...

Самара. Уфа. Омск. Томск. Роковой Иркутск.
Учрежденийка. Директория. Сибоблдума. Административный Совет.

Колчак. Атаманщина. Самоуничтожение Сибоблдумы.

«Через автономную Сибирь к возрождению России».

А через месяц – «Через Сибирскую Областную Думу в Томскую Губернскую Тюрьму».

«Дружными усилиями демократии и народов Сибири, при помощи союзных нам чехословаков, сброшено давившее Сибирь ярмо самодержавной большевистской власти...»

А в это же время представители «народов», томские рабочие, говорили: «Вместо Областной Думы мы должны восстановить власть Совета рабочих и крестьянских депутатов».

А в самой Областной Думе крестьянство, например, Тобольской губернии представлял... Исаак Гольдберг.

Подлинная же демократия, трудовое крестьянство без кавычек, сибирские рабочие в это время ушли в подполье и таежные дебри, где и организовали партизанские отряды под руководством «самодержавной большевистской власти».

«Демократия» в лице партии эсеров и социал-демократов меньшевиков, ослепленная безмерной враждой к большевикам, проглядела, что является жалкой игрушкой в руках империалистов всех стран и их русских прихлебателей. Даже знаменитый Омский съезд торгово-промышленников не раскрыл глаза им на истинное положение вещей. В медовый месяц власти поднявшая голову военщина открыто заявила: «Сначала перевешаем большевиков, а потом примемся за эту сволочь».

«Эта сволочь» – вчерашние союзники по борьбе с большевиками – социалисты всех мастей и оттенков.

И принялись.

Убийство «министра» Новоселова было первым цветочком: ягодки появились потом, когда были зверски убиты Нил Фомин, Брудерф, Моисеенко, Девятов и др., когда выжигались целые деревни, села и волости по приказу «Верховного Правителя», а жители – и стар, и мал – нещадно поролось, насилывались женщины, грабилось имущество...

Я не буду останавливаться на этих кошмарных страницах сибирской истории: они у всех в памяти и донныне, и продолжают их освещать более чем подробно и ярко не затихшие до сих пор еще судебные процессы над теми или иными карателями – сподвижником сухопутного адмирала и его кровожадной клики.

Мне хочется рассказать об одном малоизвестном факте: о возникновении и работе «Земского Политического Бюро».

Диктатура, рожденная 18 ноября 1918 года, успела изжить себя изнутри довольно рано. Через какие-нибудь пять-шесть месяцев произошел разрыв между Колчаком и Гайдой, скороспелым генералом русской службы. Еще совсем недавно Гайда похвалялся, что везет с собой в поезде «диктатора всей России» – и сам пал одной из первых жертв этой самой диктатуры. В ставке началась министерская чехарда.

«Правитель дел» Георгий Гинс, фактический глава министерства, распорядился самовластно, мечтая пока возглавить «Совет пяти», чтобы лишить созданный им же по своему выбору Совет министров законодательных функций.

Гайда, вооруженный до зубов, покинул ставку с толпой своих приверженцев и отправился во Владивосток. По пути через посредство своих приближенных, молодых эсерствовавших офицеров из русских, главным образом, через Николая Калашникова, зондировал почву у представителей политических партий, земств, городов, коопераций. Довольно откровенно говорилось о необходимости свержения Колчака, но с тем, чтобы продолжать неустанную борьбу с большевиками. Не менее откровенно намекал Гайда и на то, что он не прочь возглавить намечающееся движение.

Не обошел своим вниманием Гайда и Иркутск. Здесь ему была устроена помпезная встреча, тем более, что в его поезде каким-то образом оказался известный сибирский эсер Евгений Евгеньевич Колосов.

Роли были поделены довольно умело: Гайда и Колосов взялись за обработку иркутской общественности, а Калашников – партийных социалистов. Думцы отделались ничего не значащим обещанием поддержки; социалисты – и хочется, и колется, и маменька не велит. Большевики откровенничали в своей среде: «Рабочие не пойдут за нами». Скажут: «Месяц тому назад он нас и порол, и вешал, и расстреливал, а мы пойдем сейчас с ним переворот устраивать».

Земцы, представленные за отъездом председателя Я. Н. Ходукина Петелиным И. Х. и Данбиновым П. Н., заявили, что они не прочь покумиться снова с храбрым генералом, но если он обещает бороться за Учредительное собрание.

С такими полуобещаниями Гайда отправился во Владивосток. События, между тем, развертывались шире и шире. Партизанское движение, возглавленное большевиками, ширилось и росло, захватывая всю Сибирь. Рабочие, руководимые теми же большевиками, ждали момента, чтобы выступить с оружием в руках против насильников.

Колчаковский фронт под давлением Красной Армии, партизан и хорошо поставленной большевиками в армии адмирала пропаганде, разваливался. Разваливался еще раньше тыл.

Вернувшийся из служебной поездки председатель Иркутской губернской земской управы, Ходукин, поставил перед земской управой вопрос о необходимости определенно вывить свое отношение к совершающимся событиям. Земство, один раз уже запятнавшее себя союзом с самой разнузданной контрреволюцией, должно сказать, где оно будет в момент, когда от пресловутых завоеваний революции, которыми оно прикрывалось, как фиговым листком, не осталось ни следа.

Было решено обратиться к Сибземгору (Союз земств и городов в Сибири) с указанием на необходимость немедленного созыва всесибирского съезда земств и городов. Сибземгор, возглавляемый Сидоровым, Ульяновым, Тарасовым и др., даже не считал нужным ответить на обращение иркутян. Вскоре выяснилось, что

сам глава Сибземгора, Сидоров, поехал во Владивосток организовывать издательскую и иную снабженческого характера работу. Еще два раза иркутские земцы делали попытку заставить Сибземгор созвать съезд. И безрезультатно.

Тогда было решено созвать съезд городов от имени иркутского губернского земства. Было выработано обращение соответствующего характера и разослано по всем земствам и городам, кому с какой оказией, кому с специальными курьерами. Была твердая уверенность, что съезд Колчаком разрешен не будет, а потому было решено устроить его нелегально. Каким-то образом слухи об этом нелегальном съезде дошли до Гайды. И вот за месяц до открытия к председателю Ходукину является полномочный представитель Гайды, Негрескул. Предъявив соответствующие мандаты, он просил его выслушать. Ходукин, узнав цель его приезда, заявил, что выслушивать его один он не желает, а предлагает ему, Негрескулу, сообщить все, что он имеет представителям земства, города, кооперации и социалистических партий. Негрескул согласился, заявив, что он, в свою очередь, желает, чтобы на это заседание был приглашен Г. Б. Патушинский. Совещание состоялось в кабинете председателя губернской и земской управы. На нем присутствовали: земцы – Ходукин, Петелин, Скаличев, Данбинов; горожане-думцы – Константинов М. М., Гончаров А. Я. и городской глава Зицерман П. В.; кооператоры – Погребецкий А. Я., Анисимов; эсеры: Файнберг С., Фельдман М. и Лев Герштейн, представителей меньшевиков – не помню, и по личному приглашению – Г. Б. Патушинский.

Совещание открылось докладом Негрескула о цели его приезда. В двухчасовом докладе Негрескул развил мысль о необходимости свержения Колчака, о продолжении борьбы с врагами человечества и культуры – большевиками, о передаче всей власти Учредительному Собранию, а главным образом, о необычайной доблести генерала Гайды и его тоже необычайной любви к русскому народу и народовластию.

Доклад был на редкость бездарен и тускл, чтобы придать больше убедительности своим доводам Негрескул то и дело повторял, что он, Негрескул, внук самого Петра Лавровича Лаврова (а это к чему-нибудь обязывает), а пошел необинуясь за этим великим че-

ловеком, и не только пошел сам, но и зовет безоговорочно пойти за Гайдой и других.

С половины начались выходы, перешептывания, переписки, а под конец, когда по рукам пошло написанное, хотя и неуклюжими виршами, стихотворение, начался еле сдерживаемый хохот.

Вот это стихотворение:

Гайда – тройка

Снег пушистый
И дорожка – что каток,
Земли Чешской –
Сын рысистый –
«Захватил» Владивосток.
С ним Николка
И Негрескул,
Петра Лавровича внук.
Но нисколько не боится
Сашка с Гошкой дутых штук.

* * *

Гай обжётся молочишком
И на воду начал дуть.
Хочет биться с Колчачишком,
Бонапарта ищет путь.
Вот рабочий развернётся
Да по шее звезданёт.
Сашка с Гошкой, Гайда с «внуком» –
Без следа – один помёт.

На заданные после доклада вопросы об участии в задуманном на востоке предприятии рабочих и крестьян Негрескул дал путанные ответы, сводившиеся к тому, что «представители рабочих и крестьян осведомлены и сочувствуют». С апломбом посланец Гайды повторял несколько раз, что «одна из великих держав обезврежена: разочаровавшись в Колчаке, она сохранит благожелательный нейтралитет».

Вскоре выступление неумного кандидата в Бонапарты во Владивостоке показало, как был осведомлен Гайда и его посланник о настроении этой благожелательной державы...

По докладу выступали почти все участники совещания. Особенно горячую отповедь дали Зицерман П. В. и Константинов М. М. Последний свою яркую речь закончил резкостью – предложением Негрескулу немедленно отправиться туда, откуда приехал и советом не брать на себя недостойных поручений.

Негрескул, хотя и был обескуражен таким приемом, по-видимому, не терял надежды на успех: недавние соратники Гайды, эсеры, хотя и голосовали за отказ от участия в намечавшейся генеральской аванюре, все же открыто их представитель не выступил. Это, вероятно, подвигнуло Негрескула обратиться к земцам с просьбой, передать имеющему состояться всесибирскому съезду земств и городов личное письмо Гайды в день открытия съезда. Обещание было дано.

После этого Негрескул вскоре исчез с иркутского горизонта.

Тем временем иркутяне готовились к предстоящему съезду. Готовились и колчаковцы, каким-то путем осведомленные о нем: за земцами и партийными работниками была установлена полковником-охранником Смирновым слежка. «Всесибирского» съезда организовать так и не удалось: большинство земств и городов не прислало почему-то своих представителей. Наличное число участников постановило считать себя «совещанием» и приступило к работе. Были представлены: Новониколаевск, Чита (не помню фамилии представителей), Красноярск (Е. Е. Колосов), Владивосток (Б. А. Косминский), Благовещенск (А. Н. Алексеевский), Якутск (по телеграфу представительство дано было иркутскому земцу П. Н. Данбинову). Кроме того, участвовали в работе беженцы-земцы из Европейской России – Данилов и Николаев. Иркутское земство и городская дума участвовали почти полным составом управ. Были, конечно, и представители партийных организаций – эсеры и меньшевики. На одно из заседаний неожиданно явились представители «Сибирских эсеров» Павел Михайлов и Борис Марков и потребовали себе представительства. Истинные демократы, хозяева съезда, отказали им в этом представительстве. Надо сказать, что между эсерами-центровиками и «Сибирскими» шла непозволительная грязня: не было той грязи, которую вчерашние друзья

не вылили бы друг на друга, вплоть до обвинения в узурпаторстве и краже партийных денег. Все же Марков и Михайлов добились того, чтобы съезд выслушал их «декларацию». В декларации съезд призывался под знамя сибирских эсеров, с целью немедленно прекратить борьбу с большевиками и объединенными силами броситься на борьбу с восточной реакцией и интервентами. Декларацию заслушали, а декларантов попросили удалиться.

Работа съезда шла торопливо: ежеминутно висела угроза ареста. Днем заседания происходили в отдельных комнатах земской управы, где в коридорах стояла эсеровская молодежь и не пропускала к залу заседаний посторонних, а по вечерам в здании земельного отдела (глухой конец Арсенальской улицы, ныне улица Троцкого). По открытии заседания было зачитано письмо Гайды. Бравый генерал приветствовал борцов за народовластие и отдавал себя в распоряжение съезда. Письмо было... принято к сведению.

Основным вопросом на съезде был вопрос текущего момента. Информация с мест развернула картину произвола и насилия, царившего вокруг. Особенно сильное впечатление произвел доклад новониколаевского земца, очевидца вакханалий польских легионов и румынских отрядов. Культурные паны и румынские бояре в своей жестокости далеко оставили позади себя даже знаменитых атаманов и гусаров смерти. Из огромного количества ужасающих фактов, рассказанных им, в памяти всегда всплывает такой. Седой, как лунь, крестьянин истязаниями и пыткой был буквально изувечен до неузнаваемости. Палачи требовали сознаться, что он большевик и указать, где его товарищи. Не добившись ничего, вывели на палубу парохода и объявили, что если сию минуту не скажет, будет зарублен шашкой. Подобие улыбки мелькнуло на избитом лице старика, подвинулся ближе к борту и сказал: «Это ладно. Довелось, значит, и мне на старости лет пострадать за Советскую власть». Старик был зарублен шашкой и сброшен в воду...

После доклада о текущем моменте было решено немедленно поднять восстание против Колчака. Реальные силы были обещаны эсерами, у которых, по их словам, таковые имелись. Съезд поверил этому бахвальству, и лишь много времени спустя пришлось убедиться, что силы эти были до смешного мизерны; что войска

шли бороться за власть Советов, а не за лозунг Политического Центра.

Припоминается характерный случай из времени уже восстания.

Генерал Скипетров, ставленник атамана Семенова, подошел с броневиками к Иркутску на помощь сычевцам. «Народно-Революционная армия» Политического Центра одной из своих частей, расположенных в Глазкове (ныне Свердлово), отбивает нападение. Подошли резервы. Встреча двух товарищей и разговор.

– Ну, что, как у Вас тут?

– Да ничего, бьем помаленьку. Только вот одно плохо: мы за Советы, а тут, оказывается, эсеры путаются...

Путались они и на съезде, обещая армию, и не только «свою», но прозрачно намекали и на то, что генерал Пепеляев тоже на стороне народолюбцев. Это шатание и привело, в конце концов, к созданию незаконнорожденного детища – Политического Центра, с его запоздалым лозунгом: «Долой гражданскую войну». Даже и здесь, выкинув такой лозунг, политцентровцы старались сесть между стульев и выдвинули пресловутый буфер.

Как бы то ни было, но съезд принял решение немедленно приступить к организации борьбы с Колчаком. Для проведения в жизнь постановлений съезда было избрано «Земское Политическое Бюро» в составе трех лиц: Ходукина Я. Н., Колосова Е. Е. и находившегося в то время в Монголии И. И. Майского. За отсутствием последнего, до приезда, должен был работать Б. А. Косьминский. Два представителя Земского Политического Бюро впоследствии вошли в состав Политического Центра – Ходукин и Косьминский (Майский так и не появился), и «Земское Политическое Бюро» бесславно растворилось в эсеровщине (состав Политического Центра был следующий: два представителя ПСР Федорович Ф. Ф. и Фельдман М., два представителя Крестьянского союза – Иваницкий-Василенко А. В. и Коногов В. М. – эсеры, два представителя «Земского Политического Бюро» – Ходукин Я. М. и Косьминский Б. А. – эсеры; два представителя РСДРП меньшевиков – Ахматов И. И. и Гольдман Л. И. Всего восемь человек. Председателем был избран Федорович).

Вся дальнейшая работа проходила уже под флагом Политического Центра, которому, в свое время, тот же виршеплёт посвятил эпитафию:

«Прожив всего семнадцать дней
И изменив святым заветам,
Здесь в вечность отошёл Злодей,
Отдавший поздно власть Советам».

Еще несколько слов о Гайде. Он не успокоился после доклада Негрескула об афронте, полученном в Иркутске. Должно быть, решил, что Негрескул «не сумел подойти». Генерал прислал Калашникова Н. С. снова с теми же предложениям, уже после съезда. Калашников был направлен в Политцентр, который и предложил думе стать «командующим Народно-Революционной армией».

Калашников забыл о своем патроне и остался в Иркутске, где и ведет борьбу с колчаковцами.

Автор: Яков Николаевич Ходукин, бывший председатель Иркутской губернской земской управы и член Политцентра.

Начато в январе 1935 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 704. Л. 1–23. Рукопись.

Рукопись Комолькова «О возникновении и деятельности Иннокентьевской подпольной организации» за 1919–1920 годы

Я буду говорить об Иннокентьевской подпольной организации, с кем она была связана, какую работу она производила.

С приходом полковника Ушакова водворилась Колчаковская власть. Ушаков стал гладить рабочих по головке, никого не трогал, не обижал, вылавливая видных большевиков, а потом и вешал. Дело дошло до того, [что] даже сочувствующих большевикам, стали выхватывать все[х], кто сочувствовал Советам.

Был такой случай, когда один бывший красногвардеец, имевший 6 человек детей, был приговорен к расстрелу. Один из наших иннокентьевских купцов, Хаим Нетунский, искал его и нашел в стоге сена, где он укрылся. Его схватили и бросили в тюрьму, а потом расстреляли. Это говорит о том, что они сначала брали видных большевиков, а затем добрались до низов, чтобы до осно-

вания выкорчевать большевиков. Большевики ушли в подполье. Приходил Ушаков, одновременно пришли два товарища – Первущин, настоящая его фамилия Плющ и Землянский, они были токарями второй руки. Они поступили в Иннокентьевское депо. Землянский был из Таганрога, а Плющ из Ленинграда.

Сначала они себя держали осторожно. Рабочие им не доверяли, полагая, что ушаковская и колчаковская организации прислали их как шпионов. В дальнейшем установили, что оба товарища были нашими людьми, большевиками. Они предложили организовать комитет, в который вошли: Плющ, Савельев Василий, Ворошнин В. К. и Землянский. После ареста тов. Вершино был создан новый комитет. В комитет вошел в качестве секретаря Плющ, председателем Ворошнин и Землянская Елена взяла на себя Красный Крест. Связь с Иркутском была установлена в 1918 году, в ноябре месяце мы были связаны. Потом дали Матвея Петрова с Еленой. Он был официально прислан к нам из Иркутской организации для постоянной работы. Мы спросили у него, какую он имеет квалификацию. Он заявил – давайте сажайте меня в кооперацию. Мы его устроили в нашей кооперативной лавочке приказчиком. У нас комитет состоял из 5 человек. Явочная квартира, где мы собирались, была у Ворошнина. Печать комитета нам сделал свой товарищ Савельев Василий и Спирин. Наша работа, может быть, я буду пересказывать через отдельные факты, но в основном всё же намечу. Наша работа заключалась в том, что мы получаем все указания по работе, как по организационной работе и по агитации, например, мы получали листовки от Иркутской организации и расклеивали их. По военной работе у нас была связь с белыми частями, и мы через одного фельдфебеля получили два пулемета, несколько винтовок и патроны.

(С места: Через тов. Адлера).

Не знаю. У нас функции были строго разграничены. Мы знали отдельных товарищей, но всей работы мы не знали. Может быть, и слышал, но время очень много прошло, много пришлось пережить, так что она могла вылететь у меня из головы.

Мы через машинистов Ворош[н]ина, Савельева Василия, Шитова, Землянского Ивана и Воротникова Тимофея перевозили пулеметы к Каландаришвили. Мы установили связь с батареей, и

как представлялась возможность перевезти оружие, мы его переправляли.

Еще у нас была работа по паспортам. Много красноармейцев, бежавших от Колчака <...> ко мне, где они снабжались паспортом и всем необходимым. Потом они направлялись, куда хотели. Если мы видели, что у них упадочное настроение, то мы направляли таких людей поближе к Уралу, или устраивали на службу, а многих мы направляли в отряд Каландаришвили. Паспорта брались у старух, умерших людей, и там, где было возможно. Следующая работа – это снабжение Каландаришвили отдельными бойцами. Мы вербовали бойцов из этих же пленных красноармейцев, которые бежали из городка. В военном городке был полковник Максимов, сын Бодолива, он окончил военное училище, он не давал никому пощады, нам говорили красноармейцы, что он закрывал ангарскую воду и давал пить воду из болота, после чего у них пухли животы. В декабрьские морозы к нам приехали красноармейцы с обмороженными бедрами. Им не во что было одеться. Мы имели связь с Каландаришвили. У нас был специальный человек, т. Землянский, который вел переговоры и носил ему деньги.

Кроме того, мы организовали печатание колчаковских денег.

Печатание колчаковских денег было легко сделать, потому что особой бумаги не нужно было, и наши товарищи, которые приехали из Сов. Союза, это дело организовали. Кто этим делом занимался – я не знаю. Я знаю, что Землянский и Первушин доставили специальную краску, и штамповали эти деньги. И мы их распространяли для того, чтобы крен финансовому состоянию Колчака.

Связь с армией у нас также была в батарейном военном городке, отдельные части. Была связь с чехами через одного чешского коммуниста, через которого мы узнали все сводки, идущие с фронта. Проводилась работа по фронтовым сводкам, которые мы получили от чехов, для распространения сидел ночами и писал через 3–5 копирок. Этим делом [я] занимался. И прокламации, которые печатались в Иркутской организации, и сводки, мы получали редко.

Вот основные вехи.

Теперь коснусь провокатора Юрия. Мы знали, что он информатор, нам об этом было сказано. Он был друг Матвея Петрова. Наши товарищи по организации говорили и делали добавление

к тому факту, что у него в комнате при разговорах и, что кроме этого, при беседе с товарищами, он уронил свой документ из охранки. Об этом наш комитет знал, были выделены тов. Александр Первушин и мадьяр по фамилии Савельев. Он имел связь с военнопленными австрийцами, стоявшими за Батарейной.

Кроме того, пригласили помочь Матвея и пошли за часовню, там, где была больница и покойницкая. Из покойницкой вышли в лес, в этот момент Александр его стукнул. Матвей растерялся и убежал. В результате в организации не показывался целую неделю. Мы думали, что он пропал, но он явился. Мы посмеялись над ним.

У нас был поднят вопрос относительно освобождения пересылочной тюрьмы. Мы получили задание из Иркутска, чтобы освободить эту тюрьму, где имелось 400 заключенных красноармейцев. Нам было поручено, чтобы мы связались с Каландаришвили. После убийства Юрия к нам в организацию пришел какой-то эсер, который хотел с нами разговаривать (об этом нам передал Матвей). Мы спросили, что Иркутская организация будет о нас говорить с ним, или нет? Он ответил: «Да». Я сказал, что нужно выделить одного человека из пяти и вести переговоры. Здесь было шпиков видимо-невидимо. За нами следили, и если к эсеру пойти, то возможен провал. В результате было решено пойти. Пошли: я, Землянский, Парву[ши]нин и Матвей Петров. Фамилию этого эсера я не знаю, но помню, что он был в черных очках, в накидке (прорезиненная), он вел разговор относительно освобождения Александровского централа. Мы собрались в доме тайно и потом разошлись по домам. Через некоторый промежуток времени, примерно на второй или третий день, мы сделали сбор в лавочке и мастерской Крючкова. В лавочке торговал грузин, куда приезжал Каландаришвили, грузин был наш человек и имел непосредственную связь с Каландаришвили. В лавочку приходил человек из отряда Каландаришвили и собирал все сведения, которые были нужны. Мы шли по переулку. Я заметил, что за нами следят и сказал товарищам, что нужно расходиться. Мы пошли в разные стороны, я пошел на кладбище, а товарищи разошлись по другим улицам, и мы думали, что все кончено. В три часа дня мы собрались, в отряд был послан человек, и мы должны были идти в Усолье. Посыльный из отряда Каландаришвили приехал туда. У

меня в то время открылась рана, и я сказал, что дело плохо, ходить я не могу. Всё-таки мне пришлось идти с палкой. Мы разошлись в 11 часов.

В 12 часов я услышал невероятный грохот в дверь. Мать побежала открывать. Врываются к нам: «Открывайте». Открывать было нечего. От сильного стука дверь с крючков сорвалась. Вошли вооруженные чехи в количестве 5 человек. Я лежал на кровати. Мне приставили дуло к виску:

– Вы Кузьма Петрович?

Хотел повернуться – не дают. Я понял, в чём дело. Они начали перебирать все документы, но найти ничего не могли. Дома у меня никаких документов не было, всё было скрыто. Я своевременно всё припрятал. Держал в определенном месте.

Они установили факт, что я Комольков, работаю в депо.

– Знаешь ты тов. Первушина?

– Знаю.

– Знаешь Матвея?

– Не знаю.

– Как не знаешь? А почему ты знаешь Первушина?

– Я с ним вместе работаю.

В результате меня потащили под усиленным конвоем: двое сбоку, один сзади и офицер шел впереди. Он мне заявил: «Если задумаешь бежать, застрелю как собаку». Как я побегу, когда у меня открытая рана? Притащили, бросили в вагон. Через некоторый промежуток времени ведут Первушина со связанными руками и сестру Землянского.

Чешский офицер заявляет:

– Ну вот, есть секретарь, председателя привели, Красный Крест также присутствует, открывайте собрание, митингуйте, бумаги мы вам принесём.

И смеётся. Мы переглянулись. Как это могло получиться? Как они могли узнать всё это?

Через 30 минут ведут двух братьев Ломакиных – Павла и старшего брата. У одного из них была явочная квартира.

После этого начали натаскивать и привели всего человек 40. Был арестован весь комитет.

Один Землянский, как выяснилось впоследствии, убежал. Удалось ему убежать следующим образом: подходит Землянский

к своей квартире, а парень он был юрковатый и недоверчивый. Видит, стоит вооруженный человек, и, недолго думая, Землянский побежал. Чех дал выстрел, но так как было темно, не попал. Землянский бросился бежать. Прибежал в дом А. и рассказал, в чем дело. Она была очень добрая женщина и оставила его до утра. Часа в 3 утра он убежал через огород и ушел в тайгу.

Нас арестовали. Начался допрос. Я и Первушин сидели в одном купе. Всю нашу схему работ, все мелочи они знали. Как будто бы они находились на наших собраниях. Все то, что мы говорили, какие были прения, все буквально до мелочей нам было предъявлено. Мы, конечно, категорически отрицали все это, говорили, что это неправда, что это не могло быть.

– Вы Матвея знаете?

– Конечно, знаем. Мы в кооператив ходили, он продавал табак.

– Нет, он был в вашем комитете.

– В комитете он не работал, никакого комитета мы не имели. Были рабочие, и мы, как рабочие, только собирались для простых собеседований и больше ничего.

– Вы являетесь подпольной организацией.

И начинают такие вещи говорить. За все время допроса я буквально все отрицал. Первушин тоже. Савельеву, мадьяру, доставалось порядочно, его буквально порядочно избивали. Первушина били по щекам. Я несколько оплеух также получил. Они хотели, чтобы мы признались во всем и расписались. Я не мог признаться и не стал расписываться.

Они настаивали на своем. Они сыграли с нами такую шутку: Первушина, меня и Савельева вывели на очную ставку с Матвеем. Присутствовал чешский офицер. Обращается ко мне:

– Ты секретарь комитета?

– Нет.

Тогда обращается к Матвею и говорит:

– Что же ты врешь?

Матвей обращается к нам и заявляет:

– Как вам не стыдно врать: ты, Первушин, председатель, ты – секретарь.

И начинает буквально называть всех людей по именам. Мы в присутствии офицера заявили:

– Дорогой Матвей, мы тебя не знаем, знаем только по одной лавочке, где мы покупали у тебя товар, больше не знаем. Мы не знаем, что ты в нашем комитете был.

В результате Матвей стал говорить и стал нас совестить:

– Вы – большевики, а заявляете, что не большевики.

Вот так обстояло дело.

Когда мы пришли в камеру, мы решили, что Матвея нужно убраться, не наш человек. Дали задание своим товарищам, но они его не выполнили, потому что у нас закралось сомнение: почему Матвея здорово бьют? Мы могли ошибиться, и убраться своего человека.

Через две недели нас переправили в Иркутск. Опять посадили вместе. Сидели: я, Первушин, мадьяр Савельев и Матвей. У нас разговоров особенных не было, но мы просто удивлялись – зачем он рассказал всё это. Говорил, что здорово били.

У меня рана не закрывалась. Я довольно сильно простудился и был вынужден ходить в лазарет на перевязку. Когда я шёл туда, то читал сводки. Смотришь, газету потеряли, и её прочитывал, и в результате мы знали новости с фронта.

Мы решили сделать побег.

Скоро можно было уйти. Там стоял один часовой, забрать его было легко. Я сказал ребятам, давайте что-то предпринимать. После разговора меня перебросили в военный госпиталь, потому что мое состояние было чрезвычайно тяжелое, я терял сознание от боли. Когда меня перебросили в госпиталь, то ко мне приставили двух часовых и не велели им разговаривать. Со мной пытались разговаривать белогвардейцы, но когда я стал отвечать, то мне было приказано замолчать. Была консультация, и меня назначили на просвечивание, а потом на операцию. Меня готовили три дня и хотели сделать операцию ноги. В последний день врач сказал, что операция отменена. Я поинтересовался, почему отменили операцию. На это врач мне ответил, что вы – неблагонадежный элемент, и с вами хотят расчитаться. Я понимаю, что мне грозит расстрел. Через 10 дней или полмесяца нас освободили. Под усиленным надзором я был отправлен домой. Четыре раза в сутки ко мне приходил охранник и справлялся о моем здоровье. Первушин подался в тайгу.

Он говорил: «Надо удирать», а я сказал, что не могу идти и остаюсь тем, чем я был. Они ушли, а я остался под той опекой, под которой я и был. Я получил сведения, что Александров был арестован, и весь Иркутский комитет тоже был арестован. Мы тогда растерялись, мы не знали, кто это мог сделать. Меня спрашивали про Александра, называли Елену и никого других имен [не] называли. Я отказывался расписываться и говорил, что их не знаю, я говорил, что не знаю, где они.

Я еще лежал в постели, когда ко мне пришли товарищи и сказали: «Бери винтовку и пойдём». Я спросил, в чем же дело? В то время рана у меня еще не зажила, но я пошел в депо, где было собрание. Мы выступали за организацию боевых дружин. В это время организовали Политический Центр, который дал нам возможность организовать дружины и т. п. Мы сразу организовались, и у нас большевистская армия вступила в строй. Наша первая организация заключалась в том, что мы не имели оружия. В буквальном смысле слова, мы день и ночь обучались в кузнице приемам, винтовкам, зарядкой, пулеметам, строю.

Люди, которые не умели взять оружия, научились владеть им. Меня выбрали командиром, потому что я был на германской войне на фронте, и приемы винтовки превосходно знал. Стал выхватывать унтер-офицеров, фельдфебелей, распределять их по заводам, по отделам, по ротам. Кузница депо превратилась в военно-учебный лагерь. Мы там пропадали днем и ночью.

Савельев и братья Ленекины остановили вагон и моментально направились в свое депо. Когда они предъявили требование о том, что они вагон возьмут и приведут вооруженную силу – вооруженной силой был один генерал, солдат не было, то на это мы заявили: «Приходите, а мы вас арестуем». Вагон с оружием мы не отдавали, а раздавали рабочим на руки винтовки.

Запаса оружия у нас не было. Савельев в 1905 г. участвовал, тщательно составил список. Достали винтовки, гранаты. Воровать научились очень хорошо. Пошли дальше, на Батарейную.

Было собрание в штабе и было постановлено, что нам нужно приготовиться на всякий случай к уходу в тайгу, потому что так нас не оставят. Если будут проходить разбитые части чехов и белых, они, во всяком случае, нас не оставят в покое. И мы подго-

товлялись для того, чтобы, если понадобится, сразу сесть и уехать в тайгу для партизанской войны против белых.

В это время мы получили извещение о том, что атаман Семенов наступает в Глазково. Народу у нас было достаточное количество. Я взял около 200 человек ленских рабочих и пошел туда. Нам загородил дорогу чешский эшелон, который стоял в Военном городке.

Семенов наступал со стороны Глазкова, а я стал подходить к Военному городку. Подходим. Патруль.

– Куда идёшь?

– Я иду туда.

– Ты не смеешь драться. Если хочешь идти, иди по этой горе.

Я начал говорить, что Семенов наступает, что нам нужно скорей пройти туда.

– Ты не разговаривай, если хочешь пройти.

Я вижу, силу неравные. У них были пулеметы, винтовки и гранаты. Я решил идти обходным путем, правда, я не пошел Каю, взял ближе. Подошли к Иркутному мосту, и сделал дело, его прогнали. Здесь чехи нам сильно помешали.

Мы возвратились обратно и получили, кажется, от тов. Флюкова распоряжение, что нам нужно осматривать Батарейную и встретить Войцеховского и Кап[пея], которые идут по нашему направлению. Я поехал туда, все осмотрел. Стали рыть окопы (у нас была предварительная наметка от штаба) и вдруг мы получаем распоряжение немедленно сняться и отправиться для охраны г. Иркутска. Нам пришлось идти, т. к. мы знали, если потеряем центр, то будет потеряна вся Сибирь. Я собрал товарищей и заявил, что нам нужно немедленно идти. Тогда были возражения, но потом все улеглось, и мы пошли на защиту г. Иркутска. Я не помню эти даты, но для этого момента мы получили распоряжение от Флюкова, что мы должны идти на «Звездочку». Мы пришли к циклодрому 25 декабря 1919 г. В это время шел японский эшелон. Мы получили задание 25 декабря и стояли на опушке леса (мы там простояли два дня). Тов. Флюков сказал: «Выполняй все приказания постольку, поскольку они не будут противоречить нашей большевистской линии». В это время надвигались японские эшелоны. Мы произвели обыск и нашли одного русского офицера. Капитан т. Калашников пришел ко мне на «Звездочку» и предло-

жил мне валенки. После этого мы ушли на Иннокентьевскую и получили распоряжение охранять Батарейную. Потом было распоряжение идти на Знаменское предместье. Все пошли на защиту Иркутска. На защиту Иркутска пошли даже люди, которые не имели понятия о винтовке. Они были приведены мною на стрельбище, взяли винтовки и пошли защищать г. Иркутск, побросав свои семьи.

Я опять перескочил. Когда мы пришли со «Звездочки», мы остановились в Иннокентьеве. В это время следовал эшелон Колчака с золотым запасом. Мы получили извещение, что Колчак идет и его сопровождает авиационный отряд. Извещение, [что] идет Колчак, примите меры, чтобы его не пропустить, чехи хотят его пропустить. По получении телеграммы, мы приняли все меры к задержанию Колчака и золотого запаса. Факт тот, что как только он отступил на запасной путь, сразу был послан отряд в качестве караула. Чехи категорически отказывались допускать караул. Я взял отряд и сам пошел к эшелону. Чешские командиры со мной разговаривать не захотели. Я заявил им: «Если не будете разговаривать и нашу охрану не поставите к Колчаку и золотому запасу, то мы вас не выпустим, и вы не уедете от нас».

Это, очевидно, на них подействовало, и они решили нас допустить в караульное помещение и поставить караул. Наши рабочие следовали с Колчаком до Иркутска и отвели его в тюрьму. Как распределялась охрана в Иркутске, я не знаю. Знаю только, что они связались с иркутскими рабочими и действовали совместно. Какого это было числа, совершенно не помню. У меня были документы, но они все уничтожены.

Еще интересный момент. Я явился в штаб в Знаменском предместье. Штаб был весь пьян. Я был поражен. Я привел около 3000 человек, а весь штаб пьян, на столе стояли бутылки. Я заявил: «Товарищи, что вы делаете? Войцеховский наступает, а вы такие вещи устраиваете». Поскандалил, стали разговаривать.

После этого мы два или три дня были на Ушаковке, меня перебросили с отрядом на Петрушину гору.

Оказывается, Войцеховский изменил свой путь. Он хотел идти на Знаменку, а пошел через Иннокентьевское. Я в соответствии с этим был перебросен, и на мое место были поставлены интер-

национальные части. Этих частей я не видел. Я видел нескольких товарищей с винтовками и больше ничего.

Один интересный момент. Приходит ко мне Сукеников – меньшевик, и заявляет: «Комольков, почему вы боретесь за Иркутск, отдайте его белым, за каким чертом будете кровь проливать?» Я говорю: «Как тебе ушей своих не видеть, так и белым не видеть Иркутска. Если угодно нашу точку зрения знать – моя точка зрения такова». А он был с нами от центральных властей меньшевиков.

Иркутск – культурный центр, и мы должны были во что бы ты ни стало укрепиться, чтобы все, что там есть, захватить. Мы понимали, что ни в коем случае Иркутска отдавать нельзя. Мы знали, что силы, которые имеются у белых, не могут взять Иркутска. Во время разведки в деревне Марковой на обратном пути мы увидели мигание огней в окнах (это была сигнализация). Я сказал, что это, наверное, Каппелю подают сигналы и предложил по приходу на Петрушину гору, сделать облаву. Со мною в разведке было пять человек: я, Крючков и другие, облава была сделана и установлено, что сигналы подавались под видом показа детям картин – волшебным фонарем.

При обыске нами было обнаружено оружие и офицерские погоны. С ними беспощадно расправились. Капитан Калашников не приказал нам стрелять по Каппелю без его приказа. А Каппель сосредоточивался у Маркова, так донесла разведка и видно было с горы. Я узнал, что тов. Калашников хочет меня арестовать. На приказ явиться в штаб, я категорически отказался. У нас тогда было несколько пушек и несколько снарядов. По ходу дела мы должны были создать панику у Каппеля. Я приказал открыть огонь по Каппелю, нарушив приказ центропула. Мы пустили один снаряд, который попал удачно.

Когда я был в разведке, нам удалось поймать двух офицеров, не тифозных. Они были с ног до головы вооружены. Это были молодые офицеры, и когда мы их разоружили, то они на коленях просили нас и плакали, чтобы мы их не убивали. Мы сказали, что вы будете переведены в тюрьму для расследования дела. Они были удивлены, так как слышали, что большевики всех убивают. Перед этим десять человек убежало, может быть, там были и тифозные

больные, но нельзя было сомневаться в том, что у них не были боевые отряды.

После того, как нами была организована Коммунистическая рота и послана вдогонку за ними, она имела с ними схватку.

Вот какое было положение.

Когда мы окончательно захватили власть в свои руки, наша подпольная организация забрала всё, под руководством тов. Флюкова были собраны все командиры, в том числе и Каландаришвили, имевший свою сепаратную линию. Тов. Флюков дал определенную установку всем партизанским командирам и, в частности, в отношении тов. Каландаришвили сказал, что зарождавшийся анархизм не нужен, есть определенная установка Советской власти и потрудитесь ей подчиняться.

На всех этих совещаниях была выявлена основная партийная линия, направляющая все партизанское движение. Вы, товарищи, не партизаны, а вы основные кадры, основные создатели нашей Советской власти.

После этого, через несколько дней мы были сняты с Петрушиной горы и вернулись к себе в Иннокентьевку и приступили к разоружению. Разоружаться особенно не приходилось. Мы знали, с кем мы имеем дело, но все-таки мы, несмотря на приказ, оружия не отдавали по той причине, что мы имели горький опыт прежних лет.

Мы у себя в подвале держали около 3 тыс. винтовок. Сделали специальный подвал. Решили: до тех пор, пока не пришла регулярная Красная Армия, мы там держали оружие, а когда Красная Армия придет, мы оружие сдадим.

Мы осматривали буквально все чешские поезда. Ни одного поезда не пропускали. Что мы там находили, все описывали и сдавали своему казначею.

Мы взяли, например, осановские вещи: большое количество серебра, бриллиантов. Чехи, узнав об этом, протестовали, потому что купец Осанов выдал свою дочь за чешского генерала, и хотели драгоценности отобрать, но мы не отдали.

В результате чешский генерал заговорил. Мы сказали, что отдадим то, что может его жена носить, а остальное – это достояние Советской власти. Была сорганизована Александровская рота из Александровского центра, и мы думали принять бой, если они

придут на выручку этих ценностей, которые мы у них отняли. Они видели нашу организованность и это прошло. Мы захватили документы генерала Алмазова, которые были сданы Чудновскому. Было сдано много биноклей, много ценностей, все это было передано тов. Чудновскому по акту.

Я не помню такого момента, о котором товарищ говорит, что пришлось нашему отряду действовать по линии ОРГ ЧК. Я был начальником штаба и начальник ОРГ ЧК, пока наши ребята не подошли. Они говорили, что захватили генерала, но я этого факта не помню. Они как будто его арестовали, а потом отдали чешскому командованию.

Деревни проявили себя: Малая Клонина, Хомутово, Урик, Усть-Куда. Они приезжали с гармошками и говорили: «Берите нас всех». Потом они сказали: «Как же будет, если все уйдут? Кто же останется в деревне?» Они спрашивали, кто мы: большевики или эсеры. Они говорили: «Если вы большевики – это хорошо, а к эсе-рам мы служить не пойдем», и еще кое-что дополняли. Я вынужден был делать приказ о мобилизации четырех годов: 1897, 1896, 1895, 1894.

Эти четыре года были нам даны на Иннокентьевской. Тогда почти все казармы на воинском пункте были заняты чехами и белогвардейцами. Я пошел к чешскому командованию, чтобы мне дали несколько казарм разместить воинские части, и сказал: «Если мне этого не дадут, то я вынужден буду прибегнуть к силе». После угроз дали две казармы, а потом мы захватили у них все казармы.

В депо Иннокентьевском комендантом был чех Пепко, который вел провокационную работу и старался вызвать на всевозможные провокации рабочих. Однажды он толкнул одного рабочего Гренкевича. Гренкевич потерял равновесие и упал, и в результате разбил себе руки.

Это был для нас случай сбросить Пепку. Я пошел в чешский штаб и категорически заявил: «Если Пепку не уберете, перевозов не получите».

В штабе сидел генерал Жанен. Он ухмыльнулся. Я заявил: «Имейте в виду, мы сейчас все вооружены, мы находимся в своей стороне, и если вы не пойдете на уступки и требования рабочих,

то вы перевозов не получите. Вы были приняты как гости, а теперь разговоры окончены. Мы хозяева, мы вооружены».

Через два дня Пепку сменили. Мне много приходилось напираться. Откровенно говоря, я сначала очень вежливо подошел, но когда они меня вывели из терпения, я вынужден был им грозить и очень серьезно. Вы понимаете, они были хорошо одеты, а на мне была простая барнаулка и кепка, под барнаулкой наган, в карманах гранаты.

Мной был организован 8-ой полк. В это время является капитан, фамилию его позабыл, и заявляет, что он наш. В это же время мной была организована рота из заключенных Александровского центра. Товарищи из роты заявили, что этот капитан провокатор и расстреливал в Александровском центре политических заключенных.

Мы его без всяких разговоров арестовали, допрос был короткий, и он был отправлен.

Нашей разведкой были обнаружены двое людей по дороге в Иннокентьевскую. Спросили их, они ничего не ответили. Их взяли и привели с собой в Знаменское предместье. Оказывается, один был штабс-капитан, другой – полковник. Когда наше командование предложило этим людям работать с нами, потому что силы наши были малы, они сначала отказались, а потом заявили: «Вы нам не будете доверять». Мы сказали: «Если вы будете вести правильно нашу линию, тогда все будет хорошо, а в противном случае, мы будем разговаривать с вами по-другому». Этот капитан собрал много сведений и убежал в Монголию. Уже из Иркутска после того, как мы вернулись в Иннокентьевскую, он приходил ко мне в штаб и просил карты, но я ему в этом отказал. В то время Советская власть водворялась, а он прослужил у нас некоторое время и потом удрал в Монголию.

Вот все, что я могу вам рассказать.

Председатель: «Все то, что здесь говорил тов. Комольков, относится к 1919 году, с июня месяца по январь месяц 1920 года. Он взял вот этот промежуток времени».

23.04.1933 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 745. Л. 1–21. Рукопись.

Воспоминания М. Багаева о пребывании в Иркутской тюрьме

Наступил декабрь 1919 г. Колчаковская реакция, рожденная и воспитанная эсеровско-меньшевистской авантюрой, доживала свои последние дни. Красная Армия – краса и гордость Советской власти – неудержимым потоком двигалась по необъятным просторам Сибири и гнала перед собой разрозненные, жалкие, полуголодные белогвардейские банды, удиравшие по направлению на восток. Иркутск после падения Омска, сделался главным административным центром, местом свалки беженцев и последней надеждой отечественной и мировой буржуазии, попавшей в водоворот народного гнева. Правительство черного адмирала, убежав из Омска в Иркутск, чувствовало, что попало из огня да в полымя. Кругом кишели партизанские отряды. Иркутск оказался как бы на необитаемом острове. Страх и отчаяние охватил этими жалкими трусишками – бегунами. Желая оградить себя, они пустили в ход все средства защиты. Город охранялся усиленными воинскими нарядами. Тайная и явная полиция терроризировала мирных жителей. Нельзя было ни молчать, ни говорить, ни плакать, ни смеяться – все вызывало подозрение и за все тащили «за Ушаковку». Тюрьма была переполнена. Началась голодовка. Колчаковское правительство, желая облегчить участь заключенных, пустило в полный ход аппарат военно-полевого суда, усиливая его при нужде действием произвола командующего Иркутским военным округом генерала Артемьева. Началась кровавая вакханалия. Тюрьма застонала, как тяжело раненый человек.

В несколько дней из нашей красной семьи выбил ряд дорогих товарищей. Вот расстреляли группу «каландаришвильцев» в 27 человек, среди них: И. И. Чигилечка, Соколова и Краснова. Все они еще несколько дней тому назад, выходя на прогулку, беседовали с ними, высказывали надежду на близкий переворот и горели желанием, выйдя на волю, поработать на благо трудящихся. Не пришлось. Вот повесили несколько красноармейцев, совсем еще молодых юношей, задушили двух женщин, одна из которых была в интересном положении, отправили партию бывших комиссаров в Читу на съедение Семенову. Ужас смерти охватил всех заключенных. Даже тюремная администрация, далеко не склонная со-

чувствовать большевикам, не в силах была, по-видимому, молча выносить все эти злодейства, вздыхала и сквозь зубы урчала: «да, что же это такое, будет ли когда-нибудь этому конец».

Колчаковское правительство, как бы предчувствуя свою гибель, потеряло разум, не доверяло самому себе и делало одну за другой глупость, вызывая недоумение всех окружающих. Тюрьма ночью и днем окружалась тремя цепями часовых. Каждые сутки в караул назначались самые лучшие и надежные воинские части из интервентских войск. По ночам дежурили броневики. Всякие сведения и передачи с воли были запрещены. Ежедневно по камерам производились обыски. Надзиратели не позволяли громко разговаривать. Пятнадцатиминутные прогулки прекратились. Заключение были в недоумении. Сведений не откуда не получалось. Свет погас. Печи топить перестали. Наступила зловещая тишина, порой нарушаемая лязганьем цепей, мелодичным звонком жандармских шпор, грубыми окриками и душераздирающими возгласами смертников: «Прощайте товарищи!» Тьма, холод и голод воцарилась. Так продолжалась до 28 декабря. В этот день около 12 часов неожиданно, как первый весенний гром, нарушил эту кладбищенскую тишину раздавшийся пушечный выстрел и разрыв снаряда, упавшего возле здания одиночного корпуса. За ним последовал другой, третий и скоро воздух наполнился звуками какой-то непонятной музыки. Заключение, хотя и не знали причины ее, восторжествовали, насторожились и превратились во внимание, а стрельба становилась все сильнее и слышнее; затрещали пулеметы, замелькали пули об стены тюремного здания, несколько из них через окна ворвались в коридор и со свистом и воем пронесли по нему, ударили о противоположную стену, отбили штукатурку на ней, расплющились в лепешку и с шумом упали на пол. Надзиратели перепугались и, как крысы, попрятались к стенам и еще плетущимся языком машинально повторяли: «О господи! Что же это такое?»

Как будто спрыснутая живой водой, тюрьма ожила и зашевелилась. Заработали беспроволочные телефоны, захлопали форточки, в какой-то камере, по-видимому, при помощи самодельного ключа отворили дверь, послышался говор и беготня. Надзиратели не препятствовали и даже больше – 29 декабря сами отворили камеры и позволили смотреть в окна. Вскоре для всех

стало ясно, что в городе вспыхнуло долгожданное восстание. Но кем оно было произведено, в чьих мы находимся руках – мы не знали. Только под вечер было получено тюремное «радио» о выступлении в Глазкова 53-го полка и о занятии Знаменского предместья отрядом особого назначения. Весь день 30-го декабря мы не отрывались от окон и наблюдали картину развернувшегося боя. Вот солдаты отряда особого назначения повели наступление стройными рядами на город, вот они быстро захватили кадетский корпус, интендантский склад и скрылись. Провели кучку пленных белогвардейцев. Красный Крест приехал за ранеными. Привезли патроны и амуницию, и другие боеприпасы. Вблизи тюремного здания лежало несколько человек убитыми. И радость, и горе охватили нас. Все горело желанием поскорее вырваться из каменного мешка и броситься в бой с врагами. Однако, как выяснилось потом, с. р., руководившие вначале восстанием, остались верными своим нерешительным, половинчатым действиям. Выступив против правительства Колчака, опиравшегося на штыки чехов, они не решались обеспокоить этих благодетелей и заключили с ними, если не договор, то соглашение: не выпускать из тюрьмы большевиков до окончания переворота. Потребовалось немало усилий со стороны наших товарищей, находящихся на воле, чтобы разубедить этих крепколобых чудиков в неправильности их действий. Тюрьма, узнав об этом, волновалась. Терпение у всех истощалось. Более смелые и решительные товарищи стали предлагать один другому чудовищнее планы самоосвобождения. Надо было употребить всю силу воли, чтобы сдерживать этот порыв, готовый вылиться в стихийное явление. После долгих увещаний удалось это сделать. Согласились сидеть и ждать.

О сне никто и не думал. За стенами тюрьмы слышались одиночные ружейные выстрелы, как бы зовущие на помощь. 12 часов. Вдруг послышался стук в тюремные двери, звон ключей, скрип шагов и говор. Мы замерли. Скоро стали ясно отчетливо слышны шаги нескольких человек, которые из нижнего этажа поднялись в верхний. К ним навстречу вышел коридорный надзиратель. Они о чем-то между собой переговаривали, надзиратель сказал как попугай заученное слово «слушаю[сь]», подошел к камерам, в которых сидели политические, и быстро начал отворять одну за другой двери, приглашая выйти и уж не грубым окриком,

а каким-то ласковым и заискивающим голосом. Через несколько минут мы были на улице. Свежий холодный воздух нам пахнул в лицо. Многие им захлебнулись и закашлялись. Некоторые от слабости не могли идти. Им помогали более сильные товарищи. В главном тюремном корпусе, в который нас ввели, стояла непроходимая тьма. В коридорах слышался шум, говор – это политических выпускали из камер. Скоро всех нас вывели в тюремную ограду, приказали построиться в 2 шеренги, сосчитали, предупредили, что разговаривать нельзя, окружили конвоем, который состоял уже не из колчаковских верных служак, а из нашего брата, чумазных рабочих, и через боковые тюремные ворота, где меньше всего свистели белогвардейские пули, направляли в Знаменское предместье. Скоро мы были в штабе рабоче-крестьянских дружин. Начальником штаба был т. Котов, с которым мне вместе пришлось работать нелегально, живя в Александровском. Он увидел нас, очень обрадовался. Мы попросили его посвятить нас в подробности восстания. Товарищ Котов охотно исполнил нашу просьбу. Из его рассказа выяснилось, что Знаменской группой командует капитан Решетин, начальник отряда особого назначения, что сил у него далеко недостаточно, чтобы с успехом было можно отбиваться от сычевцев, засевших в городе и делающих все время попытки наступать на Знаменское предместье, что рабочие еще пока не сведены в боевые части и что им необходимо сейчас же к этому приступить.

Для всех было ясно, что медлить нельзя ни минуты. Решили тут же устроить совещание, на котором избрали новый состав штаба. Начальником его, по желанию всех товарищей, был назначен т. Букатый, как старый испытанный революционер-боец, который и в подпольной работе с большим успехом выполнял эту роль. Да это и вполне понятно, ибо, когда Знаменской организации большевиков, вышедшей из подполья и соединившейся с товарищами, вышедшими из тюрьмы, нужно было решить, кому же следуетверить общее руководство борьбой рабоче-крестьянских дружин в такой серьезный и ответственный момент, кто мог взять в свои руки ведение этого сложного и ответственного дела, как не он, имеющий за плечами богатое прошлое и всем хорошо знакомый в тюрьме и на воле. Началась лихорадочная работа. Надо было из ничего создавать все. И к чести будет сказано товарищей,

это к утру же было все сделано. Приходится прямо таки удивляться теперь, откуда что бралось, да еще с такой молниеносной быстротой. Об этой героической работе вряд ли кто мог сейчас рассказать. Это, мне кажется, скорее, могут только чувствовать старые революционеры, прошедшие долгую подпольную школу. Из бесформенной, разутой, раздетой, полуголодной, забитой массы к 8-ми часам утра перед зданием штаба, как в сказке по щучьему веленью, стояла выстроенной первая грозная рабоче-крестьянская красная дружина из молодцов один к другому на подбор и ждала смотря своего любимого начальника штаба. Гордый, независимый вид дружинников, одетое в новенькое с ног до головы обмундирование, прекрасно вооруженные и снаряженные, громкие и энергичные команды, подаваемые командным составом – все это вызвало восторг и изумление у окружающих и вселяло глубокую уверенность, что победа, несомненно, будет за нами. В довершении этой картины над головами, шумя пропеллером, показался, как огромная птица, аэроплан, вылетевший из Иннокентьевского для осмотра белогвардейского лагеря, укрывшегося за стенами городских построек.

В половине девятого т. Букатый, сопровождаемый дежурным офицером, пошел к дружинникам. Раздалась команда: «Слушай! На караул!» Товарищ Букатый поздоровался, быстро прошел по фронту, окинув всех орлиным взглядом, остановился на середине, сказал краткую зажигательную речь, покрытую громовым «Ура». И дружина, состоявшая из 250 штыков, стройными рядами двинулась на позиции. За этот же промежуток времени установлена была тесная связь штаба нашей дружины с штабом командующего Знаменской группой. В самом же штабе рабоче-крестьянских дружин уже все приняло военный вид. Везде стояли часовые, которые впускали входивших только по пропускам. Работали телефоны, писаря, машинистки, отдавались приказания, делались распоряжения, словом, работа кипела. Тут же наскоро создан был мобилизационный отдел, интендантство, питательный пункт и Красный Крест.

И все это за одни сутки. Утром 2-го января в штабе получилось первое тревожное известие: наши части повели наступление на город, но неудачно, пришлось вернуться в исходное положение, понеся большие потери. Это на минуту заставило всех за-

думаться над серьезностью положения. Ожидали, что сычевцы, ободренные нашими неудачами, поведут наступление на Знаменское предместье. Тов. Букатый экстренно вызван был в штаб командующего Знаменской группой на совещание. На этом, я бы сказал, генеральном совете, многие, обсудив боевую обстановку, высказали положение: повторить ночью же наступление на город и этим расстроить план сычевцев. Но тов. Букатый и пришедшие вместе с ним из штаба рабоче-крестьянской дружины категорически высказывались против, мотивируя это тем, что наши части недостаточно подготовлены и не получили должной спайки между собой, а потому малопригодны для ночного боя, что сегодняшняя неудача, постигшая нас, вредно может действовать на настроение солдат, следовательно, лучше всего подождать подкрепления, которое ожидается с часу на час.

Приведенные доводы были настолько сильные, что против них возражать никто не решался. Постановлено было стоять и ждать событий. Между тем в штабе рабоче-крестьянской дружины шло большое дело: мобилизационный отдел, только что развернувшийся, запружен был добровольцами – рабочими, которых не успевали взять на учет.

К вечеру ими сформирована была вторая дружина, отправлена на позицию и преступлено было к формированию третьей. Часов в 14 стало известно, что через Ангару, [в] наше Знаменское предместье переправляется Черемховский батальон. И действительно, часа через 2 по улицам Знаменского предместья в походном порядке потянулись одна за другой воинские части, за ними следовали пулеметы, обоз и т. п. Это сразу подбодрило всех, слышались возгласы: «Ну, теперь держись, сычевцы!» Поздно ночью переправился к нам Глазковский рабочий жд батальон со своим штабом. При виде такой силы, радости не было конца. Этой же ночью у командующего Знаменской группой созвано было большое объединенное заседание всех командиров частей. На этом заседании произведена была перегруппировка частей командного состава: штаб Глазковского батальона в полном составе влился в штаб командующего Знаменской группой, выработан был подробный план штурма города. Однако привести в исполнение этот план не удалось, сычевцы, зная, что им не [совладать] с нарастающим революционным движением, выслали парламентаров

и просили заключить перемирие. Не желая нести лишние жертвы, штаб командующего Глазковской группой, во главе которого стоял капитан Калашников, согласился заключить предложенное перемирие. Воспользовавшись этим, золотопогонники в ночь с 3-го на 4-е января позорно удрали за Байкал, в царство Соловья-разбойника Семенова, бросив на произвол судьбы юнкеров, кадет и некоторых обманутых ими малосознательных солдат. Когда это стало известно в штабе командующего Знаменской группой, отдан был приказ: немедленно в боевом порядке вступить в город. Так славно закончился первый этап переворота.

1\1-1921 г.

Иркутск

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 772. Л. 1-7. Машинопись.

Автобиография Помазкина, участника борьбы в отряде Каландаришвили в 1920 году

Я – крестьянин Енисейской губернии, Ачинского уезда, Шарыповской волости, того же села. Родился в 1900 году, в 12 лет окончил сельско-приходскую школу и поступил работать на конфектную фабрику, находившуюся на Большой Блиновской улице в г. Иркутске, работал в ней до 1918 года. В 1918 г., когда в Сибири появились первые большевики и отвоевали от капиталистов рабоче-крестьянскую власть, я понял, что нужно вставать в ряды рабочих и защищать свое право.

Нисколько не медля, я поступил в партизанский отряд имени дедушки Каландаришвили, как сформировался отряд, мы поехали на Семеновский фронт, на восток и почти ликвидировали банду Семенова, потом мы были переброшены на Иркутский фронт, так как на Иркутск наступали продажные чехи.

Здесь нам не пришлось ликвидировать чешские белогвардейские банды, так как их силы превышали наши. Нам пришлось отступить за Байкал под с. Лиственичное, где при разведке, меня легко ранило в левую ногу. В госпиталь я не пошел, а только перевязал ногу и остался в строю, потому что жалко было расставаться с оружием и с конем.

Прибыв утром в Култук на пароходах и баржах, высадились на берег и сразу же были посланы в Култукские горы, так как там шел ожесточенный бой с белогвардейцами и чехами. Бой длился шесть дней, на седьмой день нам, т. е. всему фронту, пришлось отступить за Слюдянку. Наш отряд почему-то на фронте не остался, а от командующего фронтом поступило распоряжение, чтоб наш отряд направлялся в Кяхту. В Кяхте на нас почти со всех сторон стали наступать. Мы подались в Монголию, оставив разбитый броневик на дороге, с собой не было возможности взять его, потому что мы шли тропинкой, тайгой, тропинкой, слякотью. Этой тропинкой шли мы три месяца, оставляя много убитого народа монгольцами по дороге, ели одну конину без соли и без хлеба.

После трехмесячного скитания мы вышли в д. Ангу Черемховского уезда, [там] усталых и голодных нас забрали в плен. Началась расправа. Били, кто чем мог: нагайками, прикладами, обухами шашек, кулаками и гнали нас 90 верст не кормя. Которые не могли идти, их рубили и оставляли на дороге. Пройдя эти 90 верст, на дороге осталось лежать человек 20. Когда нас пригнали в Голуметь, то там стояли чехи. Они стали спрашивать: «Есть ли среди вас мадьяры?» Мы молчали.

Тогда они начали спрашивать каждого по отдельности, по разговору узнавали мадьяр. Вывели шесть человек и тут же расстреляли. После чего нас до нательного белья раздели и погнали в Черемхово. За все время, дав нам полфунта хлеба. Когда мы прибыли в Черемхово, то там нас снабдили немного хлебом черемховские рабочие.

Здесь мы ожили немного. В 12 часов ночи нас загнали в холодные теплушки-вагоны, стоял холод, и мы были [до] основания раздеты. И вот наконец нас прислали в Иркутск.

Здесь нас встретили иркутские казаки и стали нас бить нагайками, так как мы их в 18 году били, как сидоровых коз. И вот они над нами стали отыгрываться. Наконец нас посадили в тюремные бараки. Здесь мы переносили холод и голод, и грязь, и вшей, в бараке было холодно, хлеба давали 3/4 фунта, голод переносили ужасный. Тифом болели много. В обед давали только сварную капусту – только этим наполняли желудки. Да как понесешь нечистоты, так напротив нашего барака был мусорный ящик, в этом мусорном ящике были капустные листья, вот еще ими питались,

да бывало в драку пустишься из-за них. И вот просидев полтора месяца, благодаря ходатайствам отца, я был выпущен на свободу.

Как только я вышел на свободу, вошел сразу в Иннокентьевскую подпольную организацию. Но вот мой год призывает Колчак в армию. Меня организация командирует на призыв, чтобы я попал в какую-нибудь местную часть, чтобы в отряд передавать винтовки и патроны, что я с успехом выполнял, служа в армии Колчака, но так как меня преследовала контрразведка, то мне пришлось уехать с одной из колчаковских частей в город Омск, где я тоже работал в подпольной организации. В начале 20 года я вместе с Красной Армией прибыл в Иркутск и сейчас же я нашел отряд Каландаришвили, опять вступил в него, уехал в Забайкальский фронт и там оперировал по конец 20 года против атаманов-палачей, где я простыл, заболел и получил инвалидность.

2 июля 1925 г. Иркутск

Помазкин

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 927. Л. 1. Рукопись.

**Воспоминания Телегина о боевых действиях 1-ой
железнодорожной рабочей дружины, принимавшей
активное участие по свержению
колчаковской власти, аресте Колчака
и задержке золота на ст. Иркутск в 1919–1920 гг.**

Начало формирования 1-й Глазковской ж\д рабочей дружины относится к маю 1919 года, когда подпольной Иркутской организацией РКП(б) Глазковской группой товарищей преступлено к подпольному формированию и вооружению боевых десятков. Формирование каждого десятка шло самостоятельно, принимались в эти десятки проверенные и устойчивые товарищи, при этом люди одного десятка не знали людей другого десятка. Кроме того и в своем десятке не все знали друг друга. Возглавляли эти десятки старшие десятки, на каковом этом товарище лежала обязанность знать хорошо своих людей, давать задания своим людям и проверять их разрешения Глазковской руководящей группы товарищей, каковые в большинстве и являлись старшими десятка.

Вооружение доставали через товарищей путем хищений из воинских колчаковских частей и милицейских участков. Таким путем были похищены из оружейного цейхгауза Егерского батальона: пачка гранат, из 5-го милицейского участка систематически похищались револьверы и гранаты.

В основном подпольная организация была вооружена револьверами, гранатами, частично берданами и карабинами. Таким путем шло формирование и вооружение подпольной организации РКП(б) в Глазково. Одновременно с этим велась разлагающая работа среди колчаковской армии, распространялись листовки, и велась подготовка среди рабочих к вооруженному восстанию.

В руководящем составе Глазковской группы были следующие товарищи: Безгачов Александр, Сибиряков Николай, Монахов Иван, Расказов Василий, Касперович, Телегин Алексей и другие товарищи, фамилий коих не помню.

Связь с Иркутским комитетом поддерживали через «Павла», потом «Маленького Ванюшку» (клички), а также через женщину, фамилию и кличку которой не помню, а последнее время – через Половинкина. Встречались на квартире у Расказова Ивана и у меня, когда же было установлено, что за квартирой Расказова и моей установлена слежка, встречаться стали в других условленных местах, в теплушке солдат ж\д роты, стоявшей у Иркутского моста, в Переселенческом пункте, в больнице у жены Замятина, каковая служила там сестрой и имела при больнице квартиру.

15 декабря 1919 года с Иркутского комитета передано быть готовыми к выступлению, дата выступления будет сообщена дополнительно. У нас был подготовлен детальный план выступления. Этой даты от комитета мы ожидали каждый день, но так и не дождались, так как мы были совершенно отрезаны от города, по Ангаре шла сильная шуга, изредка ходил один маленький теплоход, который находился в ведении чехов.

24 декабря ночью мы узнали, что сделано свержение колчаковской власти в предместье Глазково без единого выстрела.

Это свержение выразилось в том, что отстранен был от командования командир 53 колчаковского полка, и что при новом командире был политический комиссар, и что на сцену вылезли меньшевики, эсеры, как, например, Попов, Меркульев и другие.

Командование было возложено на эсера Калашникова, который объявил себя главнокомандующим Народно-революционной армии. Все остальное оставалось по-старому. Все офицеры 53 полка за исключением командира полка, как я уже выше сказал, остались на своих местах, даже начальник милиции и тот остался нетронутым.

Увидев такую обстановку, было немедленно созвано экстренное совещание руководящего состава Глазковской подпольной организации РКП(б). Совещание происходило у меня в квартире, на котором присутствовал Сибиряков Николай, Безгачев Александр, Монахов Иван, Касперович, я, Рас[с]казов, Якубицкий, где было постановлено примерно следующее:

1. Немедленно провести, т. е. утром же митинг[и] в паровозном депо и в вагонном сарае среди рабочих, на которых поставить вопрос по борьбе с колчаковщиной и вербовке рабочих в дружину.
2. Немедленно поставить вопрос перед Калашниковым о довооружении рабочей дружины.
3. Распределение обязанностей командования дружины возложить на меня.
4. Занять помещение ж\д школы под штаб дружины и под дружину.

После совещания быстро разошлись для выполнения поставленных задач, загудели тревожные гудки, зашевелились рабочие и быстро стали скапливаться в токарном цехе ж\д депо. Здесь же появились и меньшевики. Митинг открыл меньшевик Меркурьев, призывая к порядку, доказывал, что колчаковская власть свергнута и т. д. Здесь же один за другим стали выступать наши товарищи, предпочитавшие вливаться в ж\д рабочую дружину и здесь же пошла запись желающих вступить в таковую и с других служб, вереницами потянулись к рабочей дружине. В тот день было проведено 3 крупных митинга: 1-й в депо, второй в клубе 53 пехотного полка и вечером в Ломоносовской школе, при этом везде успевали быть эсеры и меньшевики. На митинге в Ломоносовской школе, где присутствовало рабочих около 600 человек, когда выступили меньшевики Поповы и др., то их буквально рабочие осмеяли, освистали и совершенно не давали им говорить.

В 2 дня из маленькой в 50 человек рабочей дружины выросла большая в 400-450 человек. С этой силой стал считаться командующий Калашников, который, как не увиливал, но вынужден был согласиться вооружить нашу дружину винтовками и пулеметами «Максим».

Обнаружены были полушубки в материальной службе, откуда изъяли и обмундировали дружинников. Была организована своя кухня, дружину разбили по подразделениям. В общем, в 2 дня она была приведена в полный боевой порядок.

26 декабря получили сведения, что в городе тоже произошло восстание и что оно не вполне удачно, что повстанцев оттеснили в Маратовское предместье, а поэтому стоял вопрос о немедленной помощи. Созвали срочное совещание руководящего состава, где присутствовали: Сибиряков, Безгачев, Монахов, Касперович и я, в присутствии Калашникова было решено перебросить на помощь маратовским повстанческим частям 1 батальона 53 полка и часть дружинников. Перевозку через Ангару организовать на лодках против деревни Жилкиной, что было выполнено, а впоследствии было еще переброшено несколько рот 53 полка. Таким образом, в Глазково на 29 декабря осталась дружина, одна рота и конная команда связи 53 полка.

28 декабря стали поступать сведения, что с запада движется Колчак и везет отдельный поезд золота. Колчак с золотом ожидался в Иркутске в ближайшие дни. Перед нами встал вопрос, пропустить ли Колчака и золото на восток или задержать его в Иркутске? Этот вопрос был поставлен на совещании руководящего состава, где присутствовали следующие товарищи: Сибиряков, Безгачев, Монахов, Касперович, я и представитель от Иркутской подпольной организации, комендант Иркутской станции, фамилий не помню.

Этот вопрос чрезвычайно долго обсуждался, и наконец решили предъявить ультиматум генералу Жанену, поезд которого в это время стоял на ст. Иркутск. Ультиматум был составлен и передан генералу Жанену, каковой в основном сводился к следующему, что по приходе поезда с Колчаком и золота на ст. Иркутск последние должны быть выданы нам, в ином случае мы вынуждены будем взять его силой и приостановить дальнейшее движение чехов на восток путем взрывов мостов, тоннелей и порчи ж\д.

Этот вопрос был поставлен на обсуждение всей дружины, где полностью было подтверждено наше первое решение. Ответа на это мы не получили.

29 декабря стали получаться тревожные сведения с ж\д телеграфа, где у нас были свои дружинники – Воробьев и Макаров, о том, что с востока движется семеновская дикая дивизия с бронепоездом под командой генерала Скипетрова для подавления восстания в Глазково и Маратове, каковая уже проследовала Байкал. Мы хотели взорвать несколько мостов, чтобы не подпускать семеновцев к Глазково, и когда мы об этом плане сообщили чехам, то они нас заверили, что семеновцев ближе Михалевой не подпустят и не разрешат вести бой по полотну ж\д. Мы поэтому поверили и ожидали семеновцев на 30, а не раньше 31 декабря и не по ж\д, а по Михалевской дороге, поэтому лучшие бойцы рабочей дружины были выставлены в сторожевые охранения по Михалевской дороге, а по ж\д дороге выставлено сторожевое охранение от 1-й роты 53 полка.

30 декабря на рассвете семеновский один паровоз подошел к семафору, затем продвинулся к стрелочной будке. Семеновцы убили в будке стрелочника и быстро опять отошли обратно.

Это был первый сигнал надвигающейся черной реакции под Глазково. Через несколько минут завязалась перестрелка с нашей сторожевой заставой. Конная разведка донесла, что за восточной частью Кузьмихи по полотну ж\д подошли семеновские броневики и эшелоны пехоты, каковые произвели высадку и наступают на наше сторожевое охранение. Семеновцы, под прикрытием сильного артиллерийского огня, несколькими цепями повели энергичное наступление на наши части. Не выдержав этого напора, рота 53 полка и бросилась бежать во главе с прапорщиком Отож, тем самым оголив левый фланг нашей дружины, откуда нас стали обходить семеновцы.

Высланный заслон из рабочей дружины не мог удержать в несколько раз превосходящих сил противника. Дрогнули рабочие ряды и медленно стали отступать. Семеновцы, упоенные этой победой и при моральной поддержке Сычевцев, которые в это время с городской стороны кричали «ура», бросали вверх шапки и два оркестра играли музыки. Положение дружины было тяжелое, бойцам помощи ждать было не от кого, в то же время каж-

дый рабочий сознавал, что оставить Глазково это значит с одной стороны, дать возможность семеновцам соединиться с сычевцами и этим самым подставить под удар маратовскую группу, и со второй, что занятие Глазково (рабочего поселка) дикой дивизией обозначало бы превращение его в пепел и уничтожение многих семейств рабочих, так как большинство членов этих семейств состояло из дружинников, и репрессий семеновцев долго ждать не пришлось. Рабочие дружины, не успевшие отступить, были схвачены семеновцами на углу Мало-Александровской улицы и 1-й линии и зверски убиты.

Нужно было принимать самые срочные меры, и эти меры были найдены в несколько минут. Обменявшись мнениями с тов. Сибиряковым, решили, что он останется в цепи и примет все меры к задержанию семеновцев, я же собираю все резервы и наношу удар справа по семеновским цепям. Сибиряковым был немедленно организован паровоз и пущен со станции Иркутск против семеновских бронепоездов, каковой вышел за семафор, врезался в броневик Семенова и тем самым загромоздил путь дальнейшего движения броневиков Семенова к станции Иркутск. В то же время с другими товарищами принимал все меры к сдерживанию натиска дикой дивизии.

Я же собрал весь резерв [в] 120 человек, зашел [в] штаб 53 полка и в его расположении с целью забрать все, что у них было живое, но, к нашему сожалению, там не осталось ни одного живого существа – все убежали в Иннокентьевский поселок (что в семи километрах к западу от Иркутска). И мне пришлось с группой 120 человек дружинников заходить во фланг семеновцам. В момент обхода ко мне присоединились еще 30 человек бывшей конвойной команды с Военного городка, посланных Калашниковым в мое распоряжение. С этой группой, пройдя лесом по Кайской горе, рассыпав цепь около Кругобайкальского тракта, залег и совершенно запретил открывать стрельбу, [чтобы] подпустить [на] близкую дистанцию и сразу же броситься в атаку.

В это время 1 и 2 семеновские цепи занимали Иркутский вокзал и подходили к Оглоблинской улице. А как только показался левый фланг семеновской цепи, подпустил его к себе на близкую дистанцию, и у самого носа семеновцев выросла мощная стена рабочих дружинников, каковые, взяв винтовки наперевес, бро-

сились на семеновцев с криком «ура», эхо которого отозвалось в тылу у семеновцев. Это так было для них неожиданно, что они растерялись и подняли руки вверх, побросав винтовки, а офицеры, бросившиеся к пулеметам, не успев открыть огонь, были немедленно приколоты около пулеметов.

Эта победа, давшая нам пленных 150–200 человек, несколько пулеметов решила исход боя, так как рабочие и прибывшая команда, увлеченная первым успехом, еще с большой силой и настойчивостью стали теснить семеновцев к Ангаре. Семеновцы, боясь быть отрезанными, бросились в беспорядке отступать. Это дало возможность отступившим нашим частям с левого фланга перейти в наступление и в это же время к нам влилась прибывшая из Черемхово пулеметная команда, которая сразу же открыла огонь по отступившим семеновцам.

Ударная группа все больше и больше жала семеновцев к Ангаре. Семеновцы выбросили против ударной группы около 4-х станковых пулеметов, открывших ураганный огонь одновременно с Звездинской рощи, Глушаковского переулка и Жарниковской улицы. Таким образом, вся старая базарная площадь была взята под перекрестный огонь и один станковый пулемет «Максим» установленный семеновцами в роще в беседке, открыл огонь по частям рабочих дружинников, которые в это время находились на углу Пушкинской и Кругобайкальской улицы.

Это мероприятие семеновцев приостановило на несколько минут движение ударной группы. Не теряя времени, ударная группа была разбита на две группы, одна часть пошла вправо базарной площади, стала обходить с рощи, а вторая стала двигаться не по Пушкинской улице, а через забор, обойдя пулемет в роще, который нами был взят, как трофей, а люди, обслуживающие его, были перебиты (дорого достался дружине этот пулемет, из коего семеновцы убили 5 человек рабочих и многих ранили). Сбив этот пулемет и остальным зайдя в тыл, этим окончательно парализовали именовцев, которые бросились в паническое бегство.

Когда Глазково было совершенно очищено от дикой дивизии, то на правом берегу все еще стояли сычевцы, но уже не кричали «ура» и не бросали шапки вверх, а также не играли в оркестры. С нашей стороны – несколько залпов по сычевцам, и оркестр на правом берегу замолчал.

Дорого досталось семеновцам подавить восстание. Много он потерял убитыми, ранеными, пленными, пулеметов, пулеметных двуколок, винтовок и лошадей. После этого урока Семенов уже не мечтал о новом наступлении и ночью же смотался на ст. Михалево и на Байкал. Так была отбита черная туча, надвигающаяся с востока.

Сычевцы в это время занимали Иркутск.

Насколько упорно защищали рабочие дружинники Глазково, можно судить по следующим данным, что наступление семеновцев от деревни Кузьмиха до Оглоблинской улицы с 7 часов утра до 15 часов дня, т. е. 8 часов. Обрато мы этот путь проделали в течение 2,5 часов.

Но не успела дружина разделаться с семеновцами, как получили телеграфные сведения, что на Иркутск двигается 7 эшелонов японцев под предлогом защиты своих граждан. Перед нами был поставлен вопрос, пускать ли в Иркутск японцев или нет. Этот вопрос был поставлен на совещании руководящего состава, где присутствовали следующие: Сибиряков, Безгачев, Монахов и другие. Решили пропустить на ст. Иркутск и в то же время следить за их действиями. Японцы прибыли на ст. Иркутск 31 января, сразу же попросили у нас помещение. Мы им отвели Владимирское училище. Японцы, не успев разместиться, начали производить тактические занятия, причем стали занимать все стратегические пункты. Эти занятия были чрезвычайно подозрительны, при этом они производились и днем, и ночью. Мы все время внимательно следили за действиями японцев и были в полной боевой готовности. Силы наши в этот день значительно увеличились, так как к нам прибыла 31 декабря утром 1 рота жд рабочих из д. Смоленщина, небольшой отряд под командой Уварова.

О каждом движении группировки мне доносил начальник конной разведки дружины. Кроме того было дано распоряжение резать телефонную связь у японцев, на что японцы приходили жаловаться ко мне в дружину. Я же говорил, что мне неизвестно, кто режет провода, и что со своей стороны таких указаний не давал.

31 декабря перед нами Калашников поставил вопрос о помощи Знаменской группе, так как последняя должна предпринять решительные меры по взятию Иркутска. Решили послать нашу дружину.

Дружина в это время насчитывала 450–500 человек хорошо обмундированных и вооруженных бойцов. Все бойцы были в полушубках и валенках и вооружены 3-линейками с достаточным количеством патронов. 4 пулемета «Максим». Дружина переправилась на лодках против Жилкино ночью 1-го января 1920 года. По прибытии в Знаменское, дружина была поставлена на отдых в здание пимокатной фабрики и подготавливалась для штурма на город.

С прибытием нашей дружины в Знаменское предместье моральное состояние рабочих дружины Знаменского предместья значительно было повышено. Слух, что прибыла на помощь дружина, которая разбила дикую дивизию, быстро распространился.

3-го января было предложено Сычеву сдаться, на ответ было дано 24 часа. После указанного срока Сычев попросил отсрочки 12 часов, а сам ночью забрал золото из банка, с 4 на 5-е, с несколькими человеками политических арестованных, сбежал по Тальцинской дороге на Байкал.

5 утром г. Иркутск был занят нашими частями без боя. Наша дружина после торжественного входа в город уже на пароходе переехала на глазковскую сторону, вновь расположились в ж\д школе, где стояли раньше.

10–15 января 1920 года нами получились сведения телеграфом, что приближается Колчак с золотом к ст. Иркутск. Нами немедленно была выслана разведка в Иннокентьевское, чтобы последняя немедленно донесла, когда Колчак и золото будут отправлены в Иркутск. Разведка донесла, что поезд Колчака стоит на ст. Иннокентьевской и Колчак охраняется чехами. Кроме того, за ним все время ведет наблюдение 7 человек черемховских рабочих. Золото в Иннокентьевское еще не прибыло.

Нами был немедленно вновь предъявлен ультиматум генералу Жанен о немедленной выдаче нам Колчака и золота, в противном случае будет отдано немедленное распоряжение рвать мосты и тоннели, и будет применено оружие для захвата Колчака и золота. На ответ дали 24 часа, и как только с Иннокентьевской вышел поезд, мною немедленно была выслана команда в 40 человек, хорошо вооруженная винтовками и гранатами, с задачей не выпускать Колчака со ст. Иркутск. Команда была подчинена тов. Ершову Владимиру. Как только прибыл поезд с Колчаком, команда немед-

ленно окружила поезд Колчака. Одновременно с этим дружина была приведена в боевой порядок и было сообщено в соседние части, чтобы последние были готовы для боя. Связи же с городом, кроме телефона, никакой не было, так как шла сильная шуга на Ангаре.

24 часа охраняли колчаковский поезд двойной охраной: чехи охраняли около дверей и близ самого вагона, а второй цепью стояла охрана нашей дружины. Через 24 часа, было утро, чехи сняли свой караул, и отдали Колчака в наше распоряжение. Для обезоруживания Колчака и его свиты и ареста были посланы следующие товарищи: Якубицкий Антон, Закаблуковский Максим и еще один товарищ, фамилии которого не помню.

Так был взят Колчак с министром Пепеляевым и со свитой в 15 человек, а всего было 17 человек. При обезоруживании Колчака были взяты шашки, усеянные драгоценными камнями, подарок Микадо.

По прибытии эшелона с золотом чехи уже не сопротивлялись и сразу же выдали нашему караулу. При этом нами были приняты следующие меры: с обеих сторон эшелона у крайних вагонов был разобран путь. Как только стала Ангара, Колчак был немедленно препровожден в город и сдан коменданту города тов. Бурсаку.

15–20 января я получил приказ от штаба рабочих дружин передать дружину в распоряжение командира 7-го коммунистического пехотного полка, а мне явиться в штаб рабочих дружин для формирования 1-го кавалерийского коммунистического полка. На основании этого предписывания дружина влилась в полк и была 1-м батальоном 7-го коммунистического пехотного полка.

Бывшие дружинники 1-й ж\д рабочей дружины в составе 7 ком. пех. полка в феврале 5–10 числа участвовали в бою в Урике, Усть-Куде, Хомутово и Зуевке против каппелевцев, а с проходом каппелевцев мимо Иркутска, 7-й полк был направлен на восток для борьбы с остатками каппелевцев и Семенова. Часть же дорожных рабочих дружинников, более квалифицированных, были возвращены обратно на транспорт для налаживания его.

Вот все, что можно припомнить по прошествии 15 лет о 1-й ж\д рабочей дружине 1919–1920 гг.

При этом нужно заметить, что после выхода дружины из подполья, связь с городским комитетом РКП(б) поддерживались че-

рез тов. Сноскарева и Таежного, которые неоднократно были у нас в Глазково и присутствовали на некоторых наших совещаниях.

В результате боев дружины с дикой дивизией Семенова в Глазково дружина потеряла убитыми 13 человек, братская могила находится у клуба в Глазково.

Бывший командир 1-й железнодорожной
рабочей дружины Телегин.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 821. 1–4. Машинопись.

Автобиографические сведения члена РКП(б), партилет № 228499 Николая Ефимовича Иванова

Родился в 1877 году в семье рабочего. Отец малограмотный, по ремеслу масловар и вальцовщик (изготовление типографских и литографических шлифов и типографской вальцевой массы), мать неграмотная, была работницей в типографии (переплетчица).

Незадолго до смерти отца, окончив 5 классов училища, я в 1893 году поступил в типографию, изучая наборное и печатное дело. Впоследствии остановившись в машинном печатном отделении, работал накладчиком и печатником все время до 1910 г. В 1910 г. бежал в Америку, где и был по 1917 г. в городах: Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, Тампе (Флорида), Балтиморе; в этот период приходилось работать кровельщиком, молотобойцем, конопатчиком, плотником в типографии, печатником. По возвращении из Америки в 1917 г. жил в Сибири, с марта 1923 г. – в г. Москве.

В 1903 г. в гор. Томске вступил членом в парторганизацию и начал работать в нелегальных рабочих кружках РСДРП, до 1910 г. активно работал в кружках среди рабочих-типографщиков под кличкой «Канительщик». Первый раз был арестован в г. Томске в 1904 г. (обыск и арест) после 3-х месяцев отсидки, освобожден. В начале 1905 г. опять административно изъят – забастовка типографщиков в связи с выпуском томскими профессорами черносотенной газеты «Двуглавый орел», просидел несколько месяцев в тюрьме, был освобожден.

Октябрьские события 1905 г. в г. Томске провожу в выступлениях боевой дружины, после знаменитого Октябрьского погрома и разгрома организации, в ноябре и декабре 1905 г. принимаю ак-

тивную работу по восстановлению Томской организации, вхожу членом Томского комитета, создаю нелегальную типографию, выпускаем газетку «Социал-Демократ», создаю запасных на случай провала две типографии. В январе 1906 г. в одной из типографий проваливаюсь (как после выяснилось – была провокация В. Александровым, вскоре застрелившимся). В августе 1906 г. выездная сессия Омского военно-окружного суда дает мне ссылку на поселение. Сентябрь и октябрь нахожусь на пересылке в Красноярской тюрьме, из Красноярска попадаю в ссылку в Пинчугскую волость (при Ангаре).

Пробыв недолго в ссылке, бегу на Енисейск–Красноярск–Иркутск. В Иркутске с декабря 1906 г. под фамилией Лобов, работаю в парткружках, а также веду профессиональную работу среди типографщиков. В 1907 г. под фамилией Лобедин командуюсь Иркутским комитетом в Питер с поручениями в Думскую фракцию. Возвратившись обратно в Иркутск, продолжаю работать до дня ареста августа 1908 г. (было арестовано партийное собрание в связи [с открытием] памятника Александру III в Иркутске).

С августа 1908 г. по май 1909 г. – Иркутская тюрьма, май–октябрь – Александровский централ, октябрь–февраль 1910 г. – Иркутская тюрьма. В феврале 1910 г. судился Иркутской судебной палатой (побег и нелегальщина). В марте этап на Красноярск обратно в ссылку, с дороги бегу в Читу. В Чите долго засиживаться не пришлось, ввиду массовых арестов, скрываюсь в Харбин, где после 3-х месяцев работы, я был вынужден оставить и этот район, пришлось поспешно скрыться, так как меня местные власти имели уже ввиду, рискуя быть арестованным, я решил перебраться за границу через Дайрен в Шанхай. Добравшись до Шанхая, я имел там связь с партийной группой через служащего в отделе русского почтамта (фамилии не помню). В Шанхае устроился, не удалось, пришлось поступить работать кочегаром на пароход «Монголия», который должен был отправиться в Копенгаген.

Планы мои на тот момент были следующие: доехать до Сингапура, удрать с парохода и стараться поступить работать на пароход, который имел бы курс на Австралию, в г. Мельбурн или Сидней, куда у меня были явки. Намерение свое в Сингапуре осуществить не удалось и пришлось гнать теплоход в Копенгаген. Получив расчет в Копенгагене, всю команду отправили в г. Либ-

ву. Здесь я скоро поступил на пароход «Литуния», совершавший рейсы между Либавой и Нью-Йорком; в конце 1910 г. при стоянии парохода в Бруклине (Америка), я благополучно удрал и поселился жить в Нью-Йорке. Живя и работая в Нью-Йорке, в 1910–1912 гг. принимаю активное участие в работе русских моряков и организации тогда Союза индустриальных рабочих мира. С 1913 – по 1917 гг. работал в г. Бостоне, Филадельфии, Тампе (Флорида), Балтиморе; так как мне приходилось все больше работать среди русских, вел агит. пропагандистскую работу индивидуально и удавалось создавать маленькие группки, вел распространение и выписку «Нового мира» и партлитературы, имея постоянную связь с русской группой партии и редакции «Нового мира», в Америке меня знали под фамилией Белозерский Костя.

Февральская революция застала меня в Балтиморе, она с первого же момента вызвала спешные сборы в Россию, я в первые партии, отправляющиеся из Нью-Йорка не попал, и только в начале мая с г. Филадельфии выехала партия на Ванкувер (Канада), Мокогам–Цируга–Владикавказ, куда прибыл в конце июня. С июля работаю в Иркутске печатником. Председатель рабочего комитета, член правления Союза печатников, секретарь Союза и казначей. В период колчаковщины работаю заведующим типографией Забайкальской ж\д (поставлен рабочим), имею все время связь с подпольем, снабжаю подполье наборами прокламаций и шрифтом, а также и распространением листовок, был трижды арестован, спас от захвата чехами весь латинский шрифт, какой был в типографиях Иркутска, этим лишил последних на продолжительное время возможности печатания чешской литературы и газет, а для Иркутска сохранил ценный шрифт, которого до последнего времени в Сибири достать было невозможно, так как весь вывезен чехами.

В 1920 г. при наступлении Каппеля на Иркутск нахожусь в боевой дружине. С начала 1920 г. по март 1923 г. работал в коллегии полиграфического отдела, провожу в губернии концентрацию полиграфической промышленности, заведую учетом и реквизицией типографского имущества, веду контроль и распределение всех работ полиграфической промышленности, заведовал технической частью разведотдела 5-й армии в Восточно-Сибирском военном округе до момента расформирования 5-й армии, т. е. 1922 г.

Постановлением Губкома от 3\1-22 г. назначался членом президиума Иркутского губсовнархоза.

По распределению отделов И.Г.С.Н.Х. между членами президиума, заведовал отделом планового снабжения, Губкустпромом, Комгосором. Председатель губкомиссии по договорам, с мая заместитель Продсовнархоза арбитражной комиссии. Заведовал банковым отделом, был председателем арбитражной комиссии. С ноября 1922 г. постановлением Сибревкома назначался уполномоченным Сибгосспирта. За период 1920–1923 гг. не порываю связи с Союзом печатников, избирался в члены правления Союза, работаю в ячейке союза. В 1920–1921 гг. был мобилизован Губкомом в качестве уполномоченного по Черемховскому району на продразверстку. В 1920–1923 гг. состою членом горсовета. 31\3-1923 г. постановлением президиума ВСНХ избирался помощником начальника Госспиртотдела – должность, которую по настоящее время и исполняю.

12 мая 1924 года

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 693. Л. 12–13. Машинопись.

**Памяти борца за рабочее дело, погибшего
от рук белобандитов 19 мая 1922 года
Константина Танаисова**

Товарищ Танаисов Константин Дмитриевич, сын бедняка-крестьянина, родился в 1900 году в г. Камышин, Саратовской губернии. 14-летним мальчиком он лишился своих родителей и идет жить к своему дяде, работая в качестве простого чернорабочего в садах этого же дяди.

Революция 1917 г. затягивает его в свои ряды, и уже в 1918 году, покинув не признающего Советскую власть дядю, Константин Танаисов добровольцем уходит в ряды Красной гвардии. Участвует в боях на Волге продвигаясь с армией в Сибирь, достигает г. Красноярска, уходит в особое отделение, дальше переходит в особый отдел, здесь работает в различных должностях. Заведует техническим столом, становится помощником начальника оперативной части, затем начальником оперативной части, после начальником агентуры Иркутского Губчека, затем уполномоченным Иркутско-

го Губчека в районе Александровского централа по борьбе с белобандитами и наконец, уполномоченным Иркутского Чeka при частях особого назначения по ликвидации бандитизма в Иркутской губернии.

С Волги в далекую Сибирь пришел Константин Танаисов вместе с 5-й армией, отвоевывая у Колчака деревни, села, города, губернии и области. Шел не чувствуя усталости, шел зная, зачем он идет и куда. В лагерь рабов пошел он в тяжелую минуту, дабы и радость, и горе делить с ними. Стон своих братьев рабов услышал он. Их крики о месте, о борьбе с врагами призвали Константина Танаисова в ряды Коммунистической партии, в ряды Красной гвардии. Бодрый дух он вносил в ряды пролетарских колонн.

Но работа т. Танаисова в органах ЧК не менее ценна и красива.

Каждый Иркутский чекист, кто работал вместе с Костей, вспомнив его, вспоминал и его работу. В сердцах своих со смертью Кости Танаисова они твердой рукой начертали: «Кто из сотрудников Губотдела не знал имя т. Танаисова, которого звали не иначе как Костя! Кто не знал полного сил и энергии беспредельно преданного и неустрашимого работника-оратора, который, как искусный врач, удалял злокачественные нарывы на теле молодой и в тоже время самой старой в мире Советской республики – Константин Танаисов.

Кто с полным сознанием в правоте своего дела с высоко поднятой головой смело шел на самые трудные операции – Константин Танаисов.

Кто шел в глухую тайгу, подчас нетронутую раньше человеческой пятой, с гордостью таких же храбрецов отыскивая белобандитов – Костя Танаисов.

Сердце болезненно сжимается при мысли, что тебя нет среди нас...

В душе неудержимым ключом кипит злоба... Твоя геройская смерть вызывает не одну только нашу печаль. Есть те, кто слишkom хорошо знает тебя и при известии о твоей смерти, их лица расплываются в сплошную улыбку: «Еще меньше одним коммунистом-чекистом», – на их устах.

Но пусть спрячут они улыбку свою. Рано и вовсе напрасно. Жива Коммунистическая партия, живы работники ГПУ, а с ними живет, и будет жить тов. Танаисов.

Еще хватит сил и энергии, и новых борцов за будущее трудящихся!

Спи спокойно, наш славный товарищ-герой!

Тебя мы не забудем!

Такова светлая память, оставшаяся в умах Иркутских чекистов о Константине Танаисове.

О героической смерти его расскажет нам один из шоферов Иркутских гаражей:

«Из Иркутска я выехал один с бензином и запчастями для трехтонной машины, застрявшей не доезжая 7 верст до Усть-Орды. Была теплая погода, дул весенний ветерок. Я ехал, пересекая долины, горы, лишь изредка останавливаясь для заправки машины. Часто закипал радиатор, что не давало мне возможность быстрее добраться и помочь моим застрявшим товарищам.

В селе Оёке я догнал вспомогательную трехтонную машину, долил масла и отправился вперед. Подъезжая к концу селения Оёка, у машины закипел радиатор, что вынудило меня снова остановиться и налить воды. Оставшаяся позади меня вспомогательная трехтонная машина, поравнявшись со мной, остановилась. На ней я увидел незнакомого мне ранее человека, хорошо вооруженного, в серой красноармейской шинели, одетой поверх другой такой же шинели, в фуражке, с продолговатым энергичным лицом и сверкающими быстрыми глазами. Шофер трехтонки обратился ко мне с просьбой, взять на свою машину, как на более пластичную на ходу, этого молодого человека. Вооруженный боец согласился, я сел за руль, и мы поехали, держа направление на Усть-Орду...

Мы проехали деревню Жердовку. Вдали показалась гора длиной версты в 3. На половине горы я снова остановил машину – закипел радиатор. Нужно было переждать, пока не остынет. Мы сели на зеленоющий лужок, пассажир угостил меня табаком. Курили. И только здесь из разговоров моего спутника я узнал, что он Константин Танаисов, сотрудник ЧК, борец с белобандитами. Тов. Танаисов рассказывал, как он ездил на ликвидацию банд к Александровскому централу, о боях, стычках с ними, о их трусости при виде красных и о других боевых историях из его жизни, из его борьбы. Он показал мне наган, который отвоевал в схватке с бандитами в районе Александровского централа...

Радиатор остыл. Константин торопился как можно быстрее доехать до места. Машина, двигаясь, еле забралась на гору. Подвигаясь все ближе к вершине горы, я издали увидел трехтонную машину автосекции, которая сопровождала груз в с. Качуг и подле нее группу лиц. Не доехав до этой машины саженей 20, я заметил, что по направлению к нам бросились бежать около 10 вооруженных людей. Каждый из них размахивал руками, очевидно желая приказать остановить машину. Я их знаков не понимал и продолжал ехать дальше, выше, желая достигнуть трехтонку... Раздались частые выстрелы, ... пули свистели, пролетая мимо наших голов, ... я выскочил из-за руля, бросив машину на скорости, и она вскоре заглохла, ибо снова стал кипеть радиатор. Где был в это время Костя, я не помню. Меня окружили 5 вооруженных людей. Один из них, преподнеся близко к моему лицу наган, остался без движения, давая знать, что каждое мое движение принесет с собой смерть. Другие, тесно сжавшись в кольцо, держали винтовки наперевес. Меня обыскали. Ничего не нашли. «Ты кто, русский или жид?» Я ответил: «Русский». – «А в коммуне состоишь, партийный?» – «Нет», – отвечал я. Меня оставили временно в покое, предварительно оставив охрану из двух лиц. Остальные бросились бежать туда, где был окружен 15 бандитами тов. Танаисов.

До меня частично доносились его вопросы: «Вы какой части?» ... – «Сдайте, товарищ, свое оружие, и тогда мы скажем, кто мы», – отвечали бандиты. Костя оружие не сдал, ... с быстротой молнии сжалось кольцо вооруженных бандитов, и уже разоруженный Костя оказался пленником. У него сняли одну шинельку, фуражку...

«Кто ты?» – «Вот кто я», – вытащил партийный билет, гордо показал Костя. Свернули назад руки, туго перетянули их веревкой и, перейдя по другую сторону дороги, вооруженной гурьбой двинулись в лес...

«Отдайте мне мою шинель и фуражку, иначе я не пойду», – твердо настаивал тов. Танаисов. Ему одели на плечи шинель, накинули на голову фуражку. ... «Пойдем», – хриплым загробным голосом сказал один из бандитов. Повели безмолвно, твердо шагал тов. Танаисов, зная, куда он идет и зачем. Раздался один выстрел, за ним другой, все на мгновение смолкли. «Погиб» – молниеносно мелькнула в голове мысль. Ты прав, рабочий! Погиб! Погиб геройски, твердо зная, за кого и за что. Кто смеет сказать, что

Костя погиб бесславно и безвестно? Ни одного слова о пощаде. Партийный билет Коммунистической партии показал он перед лицом смерти. Жгучая ненависть и борьба с врагами пролетарских идеалов беспрестанно кипела в его уме и сердце. Он торопился к славным битвам с бандитами, борьбе. Открытой борьбе с ними, за лучшее будущее пролетариев. Во имя этой борьбы он покинул выехавших вместе с ним из Иркутска на лошадях товарищей, во имя этой борьбы он пересел на более быструю машину, и во имя этой же борьбы погиб.

Много погибло наших борцов. Погибали в открытых боях, погибали, оказавшись пленниками, погибали замученными, с разmozженным топором черепом, подобно тому, как погиб Костя Танаисов.

Много погибло, но еще больше живет. И оставшиеся жить, воздвигнут памятники героям, еще увереннее, энергичнее продолжают строить жизнь, так, как хотят этого сами.

Жизнь и силы свои для дела Рабочих тов. Танаисов не жалел, тому сотни примеров. Но жаль одного, скажем мы за него, жаль, что врагов своих ты принял за друзей.

Борис Берман

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 693. Л. 30–35. Машинопись.

Черемховский район

Стенограмма доклада т. Попова на заседании землячества при Музее РККА о действиях партизанских отрядов Черемховского района и отряда Каландаришвили

Стенограмма заседания Иркутского землячества при Музее РККА от 29 мая 1934 года.

Тов. Попов: 1917 год в Черемхово характеризуется следующими моментами. Первое: среди рабочих /а это общее для Сибири/ было большое эсеровское влияние. Почва для этого влияния была, так как многие рабочие Черемхово связаны с сельским хозяйством, имеют свои земли и многие имеют собственные дома, лошадей, которые работают на шахтах. А вся эта вместе взятая собственность частная создавала почву для эсеровского влияния.

Революция 1917 года захватила рабочих в обстановке мирной, в Черемхово было как-то спокойно. Очень быстро в шахтах организовались фабрично-заводские комитеты, которые повели атаку на предпринимателей. Я помню, уже в апреле месяце мы на копиях Маркевича предъявили ультиматум управляющему о повышении зарплаты, либо колебания дня, прибавка прошла.

В июне месяце – вторичную прибавку провели не только на шахте Маркевича, но и на остальных, потому что они тесно между собой связаны. В момент голосования в Учредительное собрание – здесь вели 3 основных группы: это большевистская группа, группа эсеров, группа анархистов. Причем, группа анархистов была незначительной, малочисленной, но влияние на рабочих имелось. Имела большое влияние группа эсеров, однако голосование показало, что рабочие все же на стороне большевиков, потому что большевистский список получил абсолютное большинство. Выделенные от рабочих ходили по домам, в частности, ходил и я. Мой

район – это ул. Шахтера и часть Большой улицы. В нескольких домах мы встретились с эсерами, которые тоже ходили со своими списками и в этих домах, где приходилось встречаться, все же проходил список большевиков, а не эсеровский. Когда пришла прибавка, крестьяне еще больше потянулись на шахты.

Как прошел самый Октябрь? Октябрь прошел точно также в Черемхово – мирным порядком. Я не помню ни одного случая, чтобы было какое-нибудь вооруженное столкновение, таких столкновений не было, дело прошло мирным порядком, все штейгеры остались на местах, как были. Только управляющий куда-то сбежал, а все остальные остались на местах, причем эти штейгеры очень крепко злорадничали, говорили с усмешкой: «Чего нам теперь бояться, нас никто не тронет, потому что у нас имеется Красная гвардия /Красная гвардия была создана раньше октября, еще до октября произошло вооружение пролетариата и в момент Октября Красная гвардия сразу была центральной фигурой, отсюда и злорадство этих старых специалистов, чиновников/.

После октября было несколько попыток такого провокационного порядка – вызвать эту Красную гвардию из Черемхова. В частности, в Голумети говорили, что восстание крестьянства /действительно такое восстание было значительно позднее/, но никакого восстания там не было.

Начинает развиваться бандитизм, вырезают целые семьи, целые заимки. Вот Солдатская, например, там вырезали несколько семей. Туда сразу же выезжала Красная гвардия и принимала соответствующие меры. Также на спиртоводочном Троицком заводе пытались вырезать, там была Красная гвардия, правда, очень незначительная, потому, что в Троицком заводе еще больше был крестьянский состав, нежели рабочих, поскольку он находился вокруг сел, по всему же Красная гвардия, как таковая, сразу же показала себя как вооруженная сила пролетариата и сразу начинала бороться, хотя и слабо, с бандитизмом, который в этот момент развивался.

Декабрьские события, которые происходили в Иркутске – рабочие откликнулись на помощь Иркутску единодушно. Утром /я как раз работал в утренней смене, первые сирены начинаются на копиях Рассушина, Маркевича, через пару минут Черемхово покрывается исключительно звуками сирены. К этому моменту уже

привыкли бросать работу, значит, митинг будет. Поэтому рабочие бросают работу, выходят на улицу, работающие в шахтах поднимаются на поверхность и сразу идут к рудничному комитету, где было объявлено собираться. Там был проведен митинг о том, что в Иркутске засели юнкера, которые выступают против Советской власти, Иркутск сам сделать ничего не сможет с ними, от рабочих требуется живая помощь. Митинг заканчивается призывом – кто хочет записаться, подходи записываться.

Почти что каждая шахта дала свой отряд /хоть и небольшой/. Была произведена запись, и к вечеру мы пошли на станцию для погрузки. Этим делом у нас руководил Таубе, он был членом Совета, инженер-иммигрант из Америки. На станции появился новый человек – Медвяцкий. Говорили, что Медвяцкий был делегирован из Иркутска. Но о нем ничего не знали. Он был на вокзале. Здесь был короткий митинг, где этот Медвяцкий подробно объясняет положение в Иркутске, причем им была подана команда: «Кто из фронтовиков, пять шагов вперед». Для чего это было сделано, я понимаю, нужно было все же знать, кто есть из военных, которым можно было бы поручить небольшую группу людей. Вышло небольшое количество. Абсолютное большинство были лица не фронтовики.

Вторым разъяснением было то, что оружия сейчас нам не дадут, мы должны получить в Иркутске, но бояться надо самого главного и серьезного оружия противника – это пулемета. Каким образом можно спастись от пулемета? Я хорошо помню его слова, что от пулемета можно спастись исключительно тем, что ложиться, никакой паники, как только пулемет заработал, нужно ложиться: «Если я подам команду «ложись», вы ложитесь все. Давайте мы это проделаем». Подал нам команду, мы упали на снег, и вот вся наша военная выучка, с которой мы поехали в Иркутск защищать диктатуру пролетариата [закончилась], другой выучки у нас не было. Приехали в Глазково, там была казарма 11-го и 12-го полка. Приехали сразу в казармы, пробыли мы там примерно около суток. Оружия еще не было. Но от нас сразу же брали и посылали отдельные группы в разведку, нужно было искать ряд путей, по которым можно было бы пойти, т. к. через понтонный мост идти было нельзя, потому что в «Белом доме» /это губерна-

торский дом/, были юнкера и пройти через этот мост было нельзя/.

Наши разведчики захватили первую группу юнкеров, которые в Глазково были посланы в качестве разведки. Эта группа состояла из 3-х человек. После допроса, офицеры были расстреляны при всех черемховцах, а ночью был приказ выступить, причем разбились на три группы – одна группа выехала в Михайлово и там переправлялась, вторая и третья – через понтонный мост. Группа, которая шла через Михайлово, переправилась особенно благополучно, а которая шла через понтонный мост, я был в этой группе, крепко пострадала. Люди с оружием обращаться не умели, а оружие нам дали разнокалиберное, тут и 3-линейки, и берданы, и итальянские винтовки, с которой нужно обращаться исключительно умело, а из-за неумелого обращения с этой винтовкой, когда зашли на мост, примерно дошли до середины, получился выстрел. Трудно, правда, сказать, кто и почему выстрелил. Вполне возможно, что выстрел был провокационный, с какой целью он был сделан и кем, установить не удалось. Поскольку получился выстрел на этой стороне, на правом берегу юнкера пришли в боевую готовность и по понтонному мосту открыли пулеметный огонь. Бежать от пулеметного огня, особенно по понтонному мосту, было бы большой глупостью. Единственный был выход, как и обучали нас в Черемхово – ложиться. Много тогда из этого отряда было побито и поранено.

Черемхово участвовало /группа, с которой я прибыл/ в боях на Троицкой улице, на гр. Кутайсовской и около бани Курбатова, причем самое большое оружие – на 3 человека одну винтовку, а, как правило, у нас было на 5 человек давалась одна винтовка. Поэтому идет группа, один стреляет, а другие или просто лежат около него, или стоят /лежать долго не было возможности, был очень крепкий мороз, а это для Иркутска характерно в декабре месяце/.

Часть черемховцев попали в плен к белым, которые потом сидели в «Белом доме» в качестве заложников. После окончания Декабрьских событий Черемхово выделяет еще один отряд /это было примерно в январе месяце/. Выделяет один отряд в распоряжение Иркутска. Отряд был организован не с одной шахты, а из всего Черемхово, сюда вошли и с копей Маркевича, Рассушина, Гришево и небольшая группа с Касьяновки.

Тогда мы отправились в Иркутск на окончательное сколачивание, приехали до ст. Ангара, получали телеграмму о том, что Черемхово занят белыми. Получив такое извещение, запросили сейчас же /и не помню, кто/ еще раз Черемхово, оттуда отвечают, что ничего подобного. Подъезжаем к Иннокентьевской, снова телеграмма: «Черемхово занят белыми». Телеграфист начинает проверять, подтверждают[ся] белые в Черемхово. Решили, что нужно ехать не в Иркутск, несмотря на то, что мы были всего в 10–12 верстах от него, а ехать в Черемхово и помогать освобождению.

Сейчас для меня картина ясна, что мы тогда все равно ничего бы не сделали, оружия у нас почти не было. Все же мы повернули обратно и быстро поехали в Черемхово. Доехали до семафора, вылезли, рассыпались в цепь, занимаем станцию. Оказывается, ничего подобного нет, никто Черемхово не занимал, а это была очередная белогвардейская контрреволюционная утрa. Кто дал эту телеграмму, так нам установить и не удалось, дело это было передано Совету, а нам нужно было ехать дальше. В Черемхово ехали настолько быстро, что разгорелись буксы и у вагонов, и у паровоза, обратно ехать они уже не могли. Мы посидели полсутки, пока нам дали другой состав, и поехали в Иркутск. В военном городке наш отряд был обмундирован, вооружен и было предложено: срочно поехать в Троицкосавск /с 1934 года – город Кяхта/ для восстановления Советской власти. В руководство отрядом входили: Шевцов, командир отряда, комиссар отряда был дан из Иркутска – Кошкин, и вот сейчас я затрудняюсь утверждать, кажется, в руководстве был и Третьяков.

Вот это было наше руководство. Доехали до Мысовой. Здесь получили сведения о том, что в Мысовой находятся белые и контрабандисты. Ну, в Мысовой никаких контрабандистов вообще быть не могло, насколько я теперь знаю Мысовую, это тоже было кем-то сделано, видимо, среди нас были люди, которые были слабы нервами и поддались на какую-нибудь сенсацию контрреволюционной агитации. Рассыпались в цепь на Мысовой. Там была пулеметная и ружейная стрельба, причем было одно ранение в ногу, а поскольку было ранение – это нас убедило в том, что белые есть. Мы тогда не видели, как его ранили, потом оказалось, что ранило его сзади, вероятно, свои. Здесь мы пробыли часа три, выясняется, что никаких белых нет. Поехали до Вересовки, там в ка-

зачьих казармах была небольшая группа казаков, а остальные поразбежались. Среди них оказалось несколько человек офицеров.

Было предложено немедленно передать весь конский состав нашему отряду. Конский состав был передан нашему отряду, и из Вересовки до Троицкосавска [можно было] ехать на лошадях. Когда отряд прибыл в Троицкосавск, оказывается, там никакой Советской власти нет, люди живут по-старому, существует еще купеческое собрание, вывески, которые были раньше, они так и остались, но что-то такое было, какое-то самоуправление города, однако в этом самоуправлении были люди свои для купечества. Первым нашим мероприятием было то, что мы снимали эти вывески, ликвидировали купеческое собрание. Вторым мероприятием было – это реквизиция, потому что Троицкосавск, а рядом с ним и Кяхта, которая стоит на границе [с] Монголией, оба эти города являются городами купеческими исключительно, поэтому здесь произвели очень крепкую реквизицию. Серьезных боев не было в Троицкосавске, были отдельные стычки с группами белогвардейцев, которые находились в Маймачене, часть была семеновцев и таким образом не принадлежали к определенной организации, а просто казачество и другие белогвардейцы из Маймачена. С этим городом у нас были дружеские отношения, мы свободно переходили границу, никто нас не трогал, но также свободно там ходили белогвардейцы.

Даты я точно не помню, в один из дней у нас командир отряда застрелился, причем разговор был такой, что Кошкин и Третьяков сговорились с белыми и решили изменить отряду, поэтому якобы на этой почве Шевцов и застрелился, оставив у себя записку, которая находится у Третьякова и Кошкина. Они были арестованы и посажены в казармы, однако у них ничего не было обнаружено, Кошкин и Третьяков были освобождены, в командование отделом вступил Третьяков, комиссаром оказался Кошкин. После решения в апреле месяце наш отряд был отозван из Троицкосавска, на смену выехал отряд из Красноярска.

Доехав до Иркутска /а Иркутск имел сведения, что наш отряд занимается мародерством/, около семафора нам было предложено сдать оружие. Наше командование выполнило волю отряда и это вполне понятно в то время – простое голосование и никаких гвоздей, [и] не согласилось на разоружение. Потом, когда пригро-

зили, что стоят орудия, пулеметы, что одно из двух – или держать бой, или сдать, решили разоружаться. Часть оружия сдали, часть попрятали в вагонах, но наш отряд фактически был разоружен, и Кошкин с Третьяковым /сейчас точно не помню/ остались в Иркутске. Кошкин сразу был арестован, Третьяков – не знаю, был ли арестован, но впоследствии он тоже был под арестом. Мы уехали в Черемхово одни. Через некоторое время в Черемхово приехал Третьяков.

Здесь с конца апреля месяца у нас был такой мирный период, передышка, но эта передышка сопровождалась частыми тревогами. К этому моменту чехи приезжали на Дальний Восток. Был получен приказ о том, чтобы в Черемхово разоружать, не пропускать их с оружием на Восток. Попытки наши, конечно, были тщетны, мы не имели соответствующей выучки, во-вторых, во главе нас стояли товарищи, [которые] также не имели достаточно военного образования. Представьте себе, останавливаем мы эшелон, рассыпались в цепь, на тех возвышенностях, которые есть около Черемхово и предлагаем сдавать оружие. Чехи заявляют, что они оружие не сдадут, они имеют распоряжение из Москвы, едут они из центра, там их нигде не разоружили, и сейчас они не будут его сдавать, они мирные люди, едут к себе на родину, домой. Когда заходит разговор дальше и становится более крутым, то обыкновенно дело доходило до того, что чехи выкатывали пулеметы, выходили с винтовками из эшелонов, превосходство сил, конечно, на стороне чехов, их на станциях пропускали, и они двигались дальше. Поэтому мы ни одного эшелона не разоружили.

Наконец получаем извещение о том, что под Н-Удинском образуется фронт, что чехи уже восстали, и в России, и в Красноярске уже были большие бои, и фронт начинается у Н-Удинска. Фронт этот ведут с чехами Н-Удинские рабочие и часть красноярских рабочих, которые отступили из Красноярска. Таким образом, от нас требовалось дать реальную помощь Н-Удинскому фронту.

Было очень быстро сформировано два отряда: т. н. 1-й Черемховский и 2-й Черемховский отряды. 2-й отряд отправился первым на Н-Удинский фронт, но до Н-Удинска мы доехать не успели, он уже был взят чехами. Фронт укрепился на станции Тыреть. Эта местность очень подходящая, здесь большие высоты, эти высоты командуют над остальной местностью, а поскольку они занимают

командное положение в отношении остальной местности, стало быть здесь целесообразнее всего расположиться на оборону.

1-й отряд прибыл сюда же, прибыли и части из Иркутска, и в Тырети образовался постоянный крепкий фронт и здесь, под Тыретью, мы держались сравнительно долго. Чехи взяли нас исключительно своей военной тактикой. Что именно они сделали? Они устраивали маневры перед фронтом. Маневрирование показывало, что они стоят здесь, однако одновременно они сделали глубокий обход с нашего левого фланга, фронт дрогнул, стали отступать. В Тырети появился вроде командующий фронтом Лавров с мадьярами /здесь же был и мадьярский отряд/. От Тырети мы больше нигде серьезно укрепиться не могли до самой реки Белой. Здесь были небольшие столкновения, была попытка удержаться в Заларях – не удержались, в Зиме – так же, буряты уже активно помогали белым.

А население Заларей – элемент бандитский, если нельзя сказать, что поголовно конокрады там живут, то 99,9% поскольку они занимались конокрадством, то тут неотъемлемой частью является и бандитизм, раз воруют лошадь, он должен иметь у себя оружие, чтобы отбиваться на случай задержки и т. д. Как только появились наши красногвардейцы в Заларях, откуда-то были произведены выстрелы по красногвардейцам внутри деревни, одного убили, ранили. Когда обыскали деревню, оказалось 3-4 старика и женщины, мужчин нет. Мы вынуждены были отступить, причем в Заларях мы даже моста не взорвали, в Зиме так же. Проехали дальше к Черемхово, там есть Головинская казачья станица, головинские казаки так же полностью перешли на сторону белых. Впереди мы имели чрезвычайно слабый фронт, в тылу у нас ничего не было.

Наш бронепоезд не поспевал, несмотря на то, что перед ним была поставлена задача взорвать в Заларях и в Зиме мосты, взорвать он не успел. В Зиме получилась такая обстановка. Я как раз в то время был на бронепоезде. Наша группа была послана на разведку. Когда мы возвратились к Зиме, оказывается, наших нет, нас всего 12 человек, увидели, стоит наш бронепоезд, мы забрались в него, прибегает железнодорожник, говорит: «Товарищи, утекайте, иначе мост будет взорван белыми, они около моста». Мы быстро проскочили мост, отъехали верст 15 от Заларей, нагнали свои ча-

сти, остановили бронепоезд, нас спрашивают: «А вы с моста сняли около Зимы?» – «Нет, не сняли» – оказывается, это было наше охранение, а не белые.

Черемхово было сдано без боя, была очень редкая незначительная перестрелка с разведывательными частями, никто не сопротивлялся, потому что очень большое количество рабочих пошли в Красную гвардию, а в начале я говорил, что многие рабочие там были связаны с сельским хозяйством, потому одни ушли восояси к себе на заимки и там стали жить. Часть была в Красной гвардии, а имевшиеся там домовладельцы, решили сидеть около своих домов – меня не трогают, и я не трогаю никого. Была небольшая группа оставшихся с оружием. Мы с бронепоездом приехали, отбирали у них винтовки. Это были люди не из организованного отряда, а оставшиеся от отряда, не хотели дальше идти, а остаться в Черемхово и на какой-то пожарный случай оставить у себя винтовку. Таким образом, мы Черемхово покинули без боя. Серьезный бой и даже очень серьезный, был под рекой Белой /от Тырети до Белой серьезного фронта не было/.

Здесь нам благоприятствовало то положение, что все же река Белая сравнительно широкая, быстрая, а это способствовало вести оборону. Причем оборона была довольно сильной с нашей стороны, у нас была артиллерия, которая неплохо работала, прежде всего лишила неприятеля наблюдательных пунктов, а такими являлись два села на правом берегу Белой. Эти села, в частности, колокольни в них были разрушены, где могли укрепиться неприятельские наблюдательные пункты. 3-м пунктом была возвышенность, которую артиллерия держала под обстрелом. И здесь фронт был создан благодаря тому, что у нас не хватало достаточно сил вести оборону на широком фронте. Белые и слева и справа прошли нам во фланг, с р. Белой мы отступили и не будет преувеличением, если я скажу, что до самой ст. Байкал серьезных боев не было. Иркутск был сдан тоже без боя, потому что нельзя считать боем отдельные небольшие перестрелки.

Что способствовало сдаче Иркутска без боя? Я считаю, положение было таково, что здесь уже и забайкальские казаки очень крепко помогали белым, как там буряты, потому что с иркутского тракта и к Глазково уже выходили белогвардейские отряды, в частности, конный отряд. Было произведено несколько выстре-

лов. Броневи́к отошел на Михалево. Там я присоединился к отряду, и мы поехали до Култук. Первая оборона была на ст. Байкал.

Вторая линия – на Култукских высотах, потому что не иметь первой линии сопротивления на Байкале, нельзя укрепиться на Култук. Белые двигались очень быстро, несмотря на то, что мы на поезде, они на лошадях, они шли быстрее нас. У них уже были свои белогвардейские отряды, которые били нам во фланг, идя быстрее нашего поезда.

На первой линии сопротивление продержалось недолгое время. Эта первая линия отступила с боем. Серьезный бой был под Лиственничной и до Култук. В Култук было оказано серьезное сопротивление, мало того, что был образован крепкий фронт в этих горах с применением окопов, одновременно наши отряды высылались и по Култукскому тракту, и в другие окрестные села, как заградительные отряды, как кордон, который с одной стороны, вылавливал вооруженных и отнимал оружие у казаков, с другой стороны, являлись заслоны, сдерживающие боковой удар.

Здесь было единственно впервые правильно сделано за все время борьбы, фронтальной борьбы с белыми от Н-Удинска, впервые было правильно сделано с точки зрения военной – это выслать боковые заслоны, они сдерживали фланговый удар, и поэтому Култук долго продержался.

Здесь опять командовал Лавров.

Там я опустил один момент такого порядка. Когда в Тырети был прорван фронт, то Лавров с мадьярами ушел первым в Черемхово, где он был задержан и арестован. Его скоро выпустили, так как мадьяры хотели оказать вооруженное сопротивление. Еще этого не хватало. Мы боремся с чехами, и еще с этими образовывать бой. Это значит иметь верный провал. Поэтому решили отпустить Лаврова, отдать его мадьярам. Он с ними уехал, и в Култук он командовал.

Расположение там было следующего порядка. Почему я хочу коснуться этого, я хочу рельефно выпятить роль рабочего класса /там были и крестьяне/, рабочие ставились в наиболее трудные места, в наиболее уязвимые. Что у нас было уязвимым местом в Култук – это правый фланг. Почему, а потому, что здесь проходит, во-первых, полотно ж/д, его нужно сохранить, с одной стороны – это путь сообщения с тылом по части снабжения и второе

– путь снабжения боеприпасами, путь движения бронепоездов, а во-вторых, нужно было воспрепятствовать продвижению неприятельских бронепоездов. Это было сделано и выполнено, я считаю, вполне удачно, ибо, имея в наличии бронепоезд, неприятель мог стрелять только лишь в сторону Байкала, по Слюдянке /это 7 верст от Култукка/. Бронепоезд мог стрелять 7 верст в тыл, но не бить непосредственно по передовым позициям. Левее нас был отряд Каландаришвили, а еще левее – отряд мадьяр. Левый фланг тоже был ответственным. Там были мадьяры и китайский отряд очень стойких ребят. Этот китайский отряд я сравниваю с мадьярами, они были настолько преданны, что пользовались большей популярностью, чем мадьяры. Это были действительно преданные ребята.

Итак, крепко потрепали нас под Лиственичной. Мы бы в Култукке, держались очень долго, все данные говорили за то, что перевес на нашей стороне. Потребовались бы чрезвычайно большие силы со стороны белых для того, чтобы нас сбить. Ведь в горных условиях война имеет свою специфичность, и если мы находимся на командной высоте, нужно было под каким-то градусом подняться вверх, а сверху стрелять гораздо лучше, нежели снизу вверх. С другой стороны, нам могли оказать здесь помощь из В-Удинска и Читы рабочие. Лавровцы к этому моменту начинают чувствовать, что победа все же будет на стороне чехов, а мадьяры и чехи – эти заклятые враги еще в бытность /из истории я это знал/ у себя на родине, а здесь они тем более являются врагами. Вы ведь знаете, что мадьяры не брали чехов в плен, а чехи мадьяр. Они, видя такое положение, что компания все же проигрывается, что нужно каким-то образом спасти себя, мадьяры удаляются в пьянство и пьют очень крепко. Спирт мадьярам выдавался все время. Это распространяется и на красногвардейцев и очень крепко они ставили вопрос прямо: почему мадьярам дают спирт, а нам нет. Начинаю давать и красногвардейцам. Здесь белые идут на одну очень тонкую хитрость, и я бы сказал удачную: они применяют впервые разрывные пули. А разрывные пули в условиях лесного боя создают соответствующий эффект. Лежит боец в окопе, стреляет в лес, одновременно получает щелчки в тылу – разрыв, пули бьют об ветки, получается разрыв. Психологически это действует на бойца, который лежит здесь, а тем более

абсолютное большинство военному делу не обучены, панически настроены, это паническое настроение приходилось быстро ликвидировать. Не помню точно числа, ночью мадьяры снимаются с фронта и уходят. Таким образом, левый фланг остается голым. А утром мы слышим известные ружейные выстрелы у себя в тылу. Но здесь, поскольку был поднят дух у красногвардейцев, что это хитрость, пущенная белыми, что это рвутся разрывные пули. Отличить разрывную пулю от обыкновенных выстрелов можно, но когда имеешь опыт боевого действия. В то время многие не могли различить. Но все же решили пустить разведку. Оказывается, левый фланг голый. Во-первых, отступили, ушли мадьяры, за ними отходит отряд Каландаришвили, остается небольшой китайский отряд и 2-й Черемховский отряд.

Здесь нам ничего не оставалось, как быстро отступить от Култука. Поднялась паника. Отступали мы в панике, причем это отступление было настолько неожиданно, что боеприпасы, которые находились в Култуке, в селе, они не были забраны, склады с патронами, гранатами были оставлены в Култуке. Но оставлять врагу – это преступление. Решили: несмотря на серьезное положение, все же их поджечь, и вот эти боеприпасы были подожжены. Под разрывы этих гранат, под взрывы, в огне боевых припасов и стрельбы чехословаков, как пулеметов, так и с бронепоезда, мы отступили, правда, версты 1 $\frac{1}{2}$ –2 не доходя до Слюдянки, нас встречают грубые крики и ощетиываются на нас винтовки – это оказались мадьяры. Лавров в центре их, лупит плетью красногвардейцев. В чем дело? А дело в следующем: когда отступали мадьяры, они расположились на оборону около Слюдянки. Причем было очень неудачное низкое место, а потому Лавров решил восстановить фронт благодаря нагайке, и всех отступающих красногвардейцев он избивал плетью, ему помогали человек 5–6 мадьяр, которые лупили самым настоящим образом красногвардейцев. Он приказывал немедленно остановиться, занять оборону, а сами, говорит, мы устали, пойдем в тыл.

Этот номер им, конечно, не удался. Что они хотели сделать? Положить опять здесь красногвардейцев, а самому со своим отрядом уйти. Впоследствии оказывается, в Слюдянке нет ни одного состава, все эшелоны ушли в тыл, так вот, видимо учтя это положение, Лавров видит, пешком идти ничего не выйдет, нужно вре-

менно задержать здесь фронт и, пока остальные будут драться, он все же [задумал] податься на некоторое расстояние позади – или лошадей найти, или состав, и уйти. Кое-кто из красногвардейцев ложились, стреляли, правда, безалаберно. Броневи́к противника настолько распоясался, что они стали бить по Слюдянке, по депо. Мы шли под разрывом шрапнелей, отступали от Слюдянки, восстановить здесь фронт не удалось. Он был восстановлен в Танхое. Это крепкая линия, передавая. Вспомогательная линия была около ст. Мурино. Здесь было сделано по типу Култук–Байкал. Лавров был отстранен от командования.

Под ст. Танхой был крепкий фронт, долгое время держались. Этому способствовало, во-первых, затруднительное продвижение бронепоезда противника, т. к. одна тоннель была взорвана и с другой стороны, солидные командные высоты были в наших руках, путь все же расчистили в этом тоннели и белогвардейцами был пущен бронепоезд /может быть, она была мало взорвана, или еще по каким путям/.

Для того, чтобы ему воспрепятствовать, не дать возможности работать, на бронепоезд с нашей стороны был выпущен паровоз с двумя пустыми вагонами и одним вагоном с динамитом. Правда, динамита было очень мало, на ст. Байкал у нас тогда взорвался. Шнур Бикфордов не рассчитан, был очень маленьким. Когда машинист выскочил, дал полный ход паровозу, паровоз не дошел до бронепоезда, получился взрыв, но взрыв произошел впустую. Неприятельский поезд просто соскочил с рельсов, и то только 2 платформы, а сам бронепоезд остался на месте. И эта подвижная батарея противника была по нас очень крепко. Передовая линия у нас была открытая местность, ровная такая, а вторая позиция была в сопках. Мы не имели права отдавать эту равнину, потому что, если бы мы ее освободили, белые успели бы переправиться через реку, и нам пришлось бы снова тикать из Танхоя.

Все же из Танхоя нам пришлось отступить и отступление было там своеобразное, такое безалаберное в том отношении, что белые около Балаганска взяли пароход «Бурят» (параходишко старый) у одного нашего красногвардейского отряда, который не пошел в общей массе отступать за Байкал, а хотел что-то сделать на этом параходишке на реке, и вот этот «Бурят» попался к белым.

Они его превратили в «крейсер», «плавучий броневик», как он держал на себе оружие, не знаю. Они поставили орудие на баржу и буксировали ее за собой. Я как раз был ранен, находился на ст. Мысовой, наш пароход «Ангара» находился в Мысовой и утром рано вышел на разведку. Через некоторое время появляется пароход, имеет у себя красный флаг. Помню это очень хорошо, как бы сегодня утром происходил этот разговор. Когда задается вопрос коменданту: «Тов. комендант, что это за пароход, ни белых ли?» – «Это наш пароход «Ангара», я в бинокль ясно вижу», – сказал комендант. А нужно сказать, что это был серьезный фронт. Что у нас здесь было? Первое – штаб, абсолютно все учреждения, санитарные поезда, летучки, госпиталь, здесь стоит пароход «Байкал», все резервные части, которые находились на отдыхе – все было в Мысовой. И вот этот «свой» пароход подходит ближе и оказывается пароходом неприятельским. Первым долгом бьет из артиллерии по поселку. Это первый снаряд. Второй – по станции, третий снаряд бьет /вы знаете, там такие ларьки около станции/, видят в бинокль большое скопище людей, а вполне понятно, что если дать сюда один снаряд, то это создаст невообразимую панику – и вот этот снаряд бьет по этим ларькам пристанционным, 4-й снаряд бьет по нашему ледоколу «Байкал». Этот старый теплоход, и снаряды, и все остальные боеприпасы. Получается взрыв. Пароход «Байкал» загорелся. Бьют по станционным путям, получается всеобщая паника. Поезда двигаются без разбора. Машинисты за скакивают на паровоз, прицеплен эшелон – гонят в тыл, не прицеплен – с одним паровозом идут.

Некоторые бросаются на помощь «Байкалу». Первая группа, которая кинулась к «Байкалу», была увлечена Абабкиным – наш, черемховец. Мы бросаемся с этой группой. Кто-то кричит – давай спасать «Байкал». «Байкал» спасти в полном смысле этого слова все равно было невозможно, потому что загорелись боеприпасы, но «Байкал» мог бы отойти от берега, развернуться и открыть стрельбу по «Буряту», если бы он его не утопил, но все же он заставил бы его уйти. Но этого не было сделано. «Байкал» не открыл огонь. Раз машина не пущена, ясно, он пойти не может. Таким образом, получается, что наша плавучая база гибнет. Неимоверная паника и к этому моменту приурочено наступление на Шанхай. Танхойский фронт прорывается, и что получится потом? Во-пер-

вых, в Мысовой паника, поезда лезут один на другой, гонят, кто куда, сам черт не разберет, по тракту отступали в большом беспорядке, за исключением – нужно сказать, отряда Каландаришвилевского. А почему этот отряд отступил в порядке – они на конях, и, видимо, или раньше снялись, или еще что, но отступали они в порядке, поддерживали настроение.

Завернули в Мысовую – люди бегут пешие и на лошадях, заскакивают на крыши поездов. Наша группа заскочила в санитарный поезд, и мы на санитарном поезде поехали в сторону В-Удинска. Отъехали определенное количество верст – остановка. Поезд остановился. Стрельба невероятная. Люди какие-то бегают в лесу, что за люди, неизвестно, стреляют, причем стреляют исключительно из револьверов. Рассыпаемся в цепь, хватаем двух человек. Один из них рекомендует себя железнодорожником. Они, оказывается, пропустили несколько эшелонов вперед, а потом думают, больше эшелонов не будет, берут ручную дрезину и едут в сторону Мысовой, разведать, что там делается. Оказалось, это белые. И вот наш поезд остановился, чтобы было крушение, они дрезину бросили на путях. Мы их захватили. Один, который выдавал себя за железнодорожника, говорит, что он поехал проверить путь.

– А это кто?

– Это мой брат, недавно пришел с фронта.

Ну, рабочий рабочего все-таки умеет различать, а здесь холерные руки, брюхо у этого железнодорожника здоровое и подозрительная шляпа. Ребята догадываются, что что-то не то. Снимают шляпу – вываливается куча волос – поп оказался. Но здесь как угодно, пусть судят теперь, тактично это было или нетактично, но его основательно излупили. А этот второй оказывается адъютант полковника Ушакова. Оказывается, этот пароход «Бурят» не прямо шел на Мысовую, а пришел к селу Посольскому, расположенному на берегу и высадили там десант. Таким образом, у нас в тылу был высажен белогвардейский десант, смешанный с чехами, боеспособный. Сожгли нам массу мостов, это уже препятствие, нашим поездам двигаться нельзя, пробка. Взяли мы к себе эту пару, там мы их не убили. Отъехали недалеко – опять остановка, стоят впереди поезда, путь загружен очень сильно. Стрельба и пулеметы, и винтовки. Выходим, что делать? Идет бой с десантом. Стали допрашивать этого попа и адъютанта, оказывается

впереди нас бронепоезд, который пошел в наступление на белых. Наступление это оказалось безуспешным. Что представляет из себя бронепоезд тогда – обыкновенная углярка американская, там были наложены мешки с песком, заделан кошмой и больше ничего. Десант был очень крепкий, крепость его характеризуется тем, что они очень забрасывали гранатами наш броневик, а как бы он ни был плох, он был все-таки вооружен и артиллерией, и пулеметами, но у них было настолько смелости, они подходили вплотную и забрасывали наш броневик гранатами.

Броневик откатывался назад, сминал команду за командой. Я помню по крайней мере пять смен команды. Уносить убитых, раненых, другие ребята сдать. Идут и опять откатываются назад. Пехота ведет наступление также безуспешно, потому что к селу Посольскому большое болото /я там, между прочим, был в 20 году/, и вот это болото служило препятствием, нельзя же было по нему двигаться. Справа лес, сопки. Как бы не двигался – безуспешно. Правда, выход можно было бы найти, если бы было хорошее командование, можно бы обойти правым флангом, но в то время мы этого не сделали. Наконец подходят три броневика – автомобиля. Откуда они взялись, я так и не скажу, но факт тот, что пришли машины. Мы их без заведенного мотора прокатывали как можно дальше к позиции, а там заводился мотор, и они бросались в бой. Из первого боя один броневик не вернулся, были подбиты шины, там так и остался. Из второго не вернулась еще одна машина, которая впоследствии прорвалась и шла на соединение в В-Удинск. В результате дневного и ночного боя у нас абсолютное большинство из тех, кто там был, было перебито, поранено, поезд был переполнен ранеными. Шли в бой и те раненые, которые могли еще идти, что где-то недалеко должны быть свои. Фронта здесь не могло быть, тем более, чем более, что от допрошенных пленных мы знали, что это только десант.

Нужно найти лазейку и прорваться, и мы будем спасены. Но все наши попытки были тщетны. В результате нас раненые только об одном просили – не оставляйте нас, добейте. В конце концов мы все разбежались. Кто в плен попал, кто в тайгу ушел. Разделились на группы, если можно так выразиться, образовались землячества, знакомые пошли вместе. С собой мы успели захватить сахар /тогда давали такой китайский постный сахар/, хлеба было

очень мало, все тогда осталось в Мысовой. И вот с этим запасом мы пошли в тайгу. На одной из сопок нас собралось примерно человек 500. И вот здесь, а вы знаете, что если нет вожака, так дело пропащее, а с хорошим вожаком 10–20 человек великие дела вершат, с плохим вожаком и тысяча будет плоха – каждый внесет свое предложение. Мы с этой сопки ясно видим ж. д. линию, какую-то станцию, а кто там – не знаем, белые, красные – неизвестно. Тем более, абсолютно никакого движения по дороге нет.

Раз нет движения по дороге – это еще больше вкладывало нам в сознание то, что здесь или незанятая зона, или же здесь белые. Каждый вносит свое предложение. Один говорит одно, другие – другое. Находится хороший крестьянин, что он знает по дереву, куда идти на север, куда на юг, тут В-Удинск, тут Мысовая. Одни говорят влево, другие вправо. И вот нас группа человек 80 отделяется в самостоятельную группу и идет. Вожаком у нас Павел Чернышев, Пашка Мараказ /его звали/, со мной вместе попал в плен, некто Ватурин Васька, крестьянин из В-Удинска, охотник хороший, он считал, что очень хорошо ориентируется в лесу. И вот он нас повел. В результате мы пришли в Мысовую. Когда пришли на сопку, смотрим, перед нами Мысовая, нельзя же туда идти, мы заворачиваем обратно, правда, тут пробрали Пашку здорово, некоторые ребята даже побили его за знания, и он уже без знаний с нами пошел, больше не указывал. Пошли. Абсолютно не знали куда идем. Дело дошло до того, что мы весь сахар поели, лес, тайга забайкальская, хотя она и богата и обильна зверьем, но в тот момент ни один зверь нам не попался. У нас становится есть нечего, за исключением двух собак, которые с нами были и которых мы убили и съели. Больше у нас ничего не было. Пытались стрелять по кедровкам, но из этого ничего не вышло. Начинаем питаться ягодами. Заходим в большой, хороший кедровник и решили сделать здесь дневку, бить орехи. Но к этому моменту большинство у нас настолько обессилили, что лезть на кедровник не могут, это уже на девятые сутки, как мы уже ушли из Посольской /это примерно 17-го июля/. Некоторые ребята начинают бросать винтовки, потому что с ними тяжело идти. Патронов тогда очень много побросали. Начинаем двигаться так примерно в день 6–7 верст. Многие отстают, просят их пристрелить или взять с собой, а по-

том просто пристреливали, раз отстал, все равно и так и так погибать.

В одном месте, вы, может быть, помните т. н. швейцарские гранаты ударные – вставляется капсуль, ударишь обо что-нибудь и получается взрыв – вот такие гранаты ребята оставляли на пеньках и уходили. Вечером слышим взрыв гранаты. Это на нас навело здоровую панику, мы не знаем, куда деваться, значит, белые нас преследуют. Но решили, вот как раз этот Чернышев, сделать разведку, и тут наш знаток лесов идет в разведку, правда, в лесу он хорошо ориентировался. Берет с собой два человека. Ходят ночь – не возвращаются. Нет их. Значит, попали к белым. Тревога усиливается все больше и больше. К рассвету они приходят с несколькими кусками мяса. Каким-то образом на эту гранату наткнулся медведь. У них с собой были спички, они пожарили там мясо, подкрепились и принесли по куску мяса. Кто идти был в силах, пошли туда подкрепляться, остальные закусили здесь...

Начинаем двигаться. Оказывается, мы очень недалеко находимся от своих. Примерно на следующие сутки мы выходим в деревню на покос. У крестьян спрашиваем хлеба, нам дают. Заходим в деревню, спрашиваем: «Были белые?» – «Нет». – «Были красные?» – «Были, ушли, некоторые на лошадях, некоторые пешком». – «Куда ушли?» – «В Селенгинск». Ребята крепко набрасываются на овощи – огурцы, репу, горох – здесь у нас порядочное количество ребят гибнет от этих овощей. Мы решили в этой деревне ночевать, но как только мы расположились, нам говорят, недалеко разведка белых. Опять решили уходить. Идем к хорошему шоссе, не спавши, но уже сытые, спим на ходу. Попадают навстречу подводы, отпущенные кем-то впереди, идущим неизвестным нам отрядом. Мы эти подводы забираем, более слабых сажаем на подводы, а потом подъезжают еще и еще, усаживаемся все на подводы и подгоняем. Приезжаем в Селенгинску. Спрашиваем: «Красные есть?» – «Нет». – «Белые есть?» – «Нет». – «А где красные?» – «Да вот только что отъехали на пароходе, не знаем, кто такие, много нерусских, есть много черкесов, один с большой бородой». Там по всем рассказам должен быть отряд Каландаришвили. Заезжаем в самый Селенгинск. Спрашиваем: «Где, кто?» – «На той стороне, на правом берегу Селенгинска». Подъезжаем к берегу, на самом деле, пароходы стоят на правом берегу. Мы подаем сигнал. Видят,

пришли вооруженные, белые пришли. Но все же впоследствии к нам оттуда навстречу выехали. Тут мы договорились, что свои, увидели, что оборванные. Не знаю названия, небольшой пароходик приходит за ним и нас забирает. Первое мероприятие, которое нам оказали в отряде Каландаришвили, вернее, содействие, то, что нас накормили, дали полную возможность отдохнуть и двинулись в путь на Кяхту.

Лавров со своим отрядом идет пешим порядком, идут на подводах на правом берегу Селенги, тоже на Троицкосавск. Каким-то образом проникают к нам на баржу, и вырывают у орудий замки. И нам сразу предъявляют ультиматум: или отдайте пароход, или мы вас потопим, вы идите на наше место, а мы на ваше. Нужно было держаться дипломатии. У них есть артиллерия, будут бить по нас, они нас потопят. Эта дипломатия шла долгое время, в конце концов мы доехали до устья Кяхты на пароходе. Лавров считает, что нужно было пойти в Монголию, через Маймачи. Многие товарищи этому делу поверили и пошли на Троицко-Савск, и я пошел. Приезжаем в Троицко-Савск, и там разыгрывается трагедия. Магьяры во главе с Лавровым начинают ловить красногвардейцев и расстреливать. Там получается полная катавасия. Мы вынуждены были оттуда бежать. Каландаришвили сам не поехал в Троицко-Савск, а от него поехали делегаты, а он выехал позднее, но с первой партией, возможно, что и его бы расстреляли. Мы бежали на Троицко-Савск как попало. Прибегаем в Кяхту, здесь собрался митинг, на котором заклеили Лаврова с его пытками, предательством и изменой и решили отсюда двигаться восвояси.

Не знаю, я сейчас об этом не скажу, относительно того момента, как произошло соединение с Третьяковым. Тов. Третьяков об этом дополнит. Я Третьякова увидел уже потом, вторично с ним встретился. Первый раз – это в период Троицко-Савска. Переехали мы на ту сторону беленги, у нас было много шевра, сахара, все это было погружено на броневики, и вот эти два объединенных отряда двинулись по направлению к Монголии, но не через Маймач, а другие села, в частности, Тарек, Тункинский тракт и т. д.

Лавров по дороге, видимо, обделал магьяров, позабрал с собой ценности, которые там были, и тоже двигались на Монголию и тоже нашим путем. Лавров был задержан отрядом Каландаришвили и без суда расстрелян.

Отряд имел стычки с белыми, и такими характерными стычками я считаю две. Первая стычка это под селом Тарей; когда мы приехали в Тарей, здесь очень большие силы остановились на отдых, была устроена дневка, нужно было запастись продуктами. Из Тареи мы тогда предполагали [на] север – путь дальний и тяжелый путь по Монголии. Об этом я уже говорил с товарищами и здесь не могу умолчать. Должен сказать об одном товарище, присутствующим здесь среди нас. Этот тов. Третьякова. Не то, что я хочу ее здесь как-то выпятить, но вот этот бой для меня очень характерен и памятен и он как раз связан и с т. Третьяковой. Самого Третьякова я имел возможность наблюдать два раза. Все же считаю, что характер у Третьякова неуравновешенный, и вот благодаря этой неуравновешенности у него зачастую создавалась некоторая растерянность. Третьяков был начальником конной разведки. Мы были все на конях, так что у нас пешей разведки вообще быть не могло. Мы двигались с Кяхты, большая часть пешком и незначительная часть – раненые – на лошадях. По дороге решили, что нам нужно садиться на лошадей, пешком мы далеко не уйдем. Командование решает, что так дальше все же двигаться нельзя, нужно непременно сесть на коней верхом и уехать. Было такое мероприятие проведено, нужно было произвести реквизицию лошадей и устроено это было очень интересно. Подходим к бурятам, спрашиваем:

– Сколько конь стоит?

– Я не продаю.

– Не важно, продашь или не продашь, сколько стоит? Мы у тебя его не покупаем.

Бурят говорит цену. Писалась расписка в Селенгинский банк – уплатить за такую-то взятую лошадь такому-то столько-то рублей и подпись, кто взял лошадь.

Я в первую же партию получил себе коня, также и с продовольствием. Таким образом, все мы сели на коней, у нас уже образовалась кавалерия, т. Третьякова у нас был начальником конной разведки. Утром на окраине деревни появились казаки. От нас трое ребят при въезде в село отделились. Село разделилось на три части: большая часть села, потом небольшой промежуток, потом маленькая часть села. Вот там, на окраине, они нашли себе вдовушек и там остались ночевать. Когда казаки ехали в Тарей, им ска-

зали, что здесь есть красные. А вот из этих наших ребят двое были убиты, а третий прибежал. Этот третий и был уважаемый Абакин. Прибежал, поднял тревогу, что там белые бьют наших и т. д.

На коней! Вперед выскочила конная разведка во главе с Третьяковым и Третьяковой, я был в пулеметной команде с Кольгом. Мой пулемет был выдвинут вперед, я находился с ним с правого фланга. Третьяковы находились недалеко друг от друга. Вот тут и получилось какое-то замешательство. Я повторю: у Третьякова был неуравновешенный характер, он растерялся. Нам было сказано приготовиться, может быть, придется отступить. Пулемет мой огня еще не открыл, потому что я видел только головы белогвардейцев, они находились в ложине, а я на горе. С другой стороны, мне мешало командование двоих Третьяковых. И третий момент – мне не было приказано открыть огонь. Какой тогда был разговор у Третьякова с его женой, я не слышал, а потому не могу сказать. Но т. Третьякова /она/ на чем-то настаивает и очень крепко настаивает. Впоследствии у них получается очень крупный разговор, вплоть до того, что т. Третьякова выхватывает шашку. После этого командование переходит не к нему, а к ней. Я с ней в частной беседе об этом говорил, она говорит, что этого случая не помнит. Вчера я говорил еще с одним товарищем, тот его помнит хорошо. И я считаю, что благодаря этому вмешательству т. Третьяковой, мы казаков отбили.

Когда она выбралась вперед, я имел возможность открыть огонь из пулемета, белые стали отступать, часть по косогору, часть по ложине, мы их преследовали, но недолго, далеко мы вырваться не могли, так как у нас тут оставались другие отряды. Я там получил незначительные ранения в палец, но остался в строю.

Поехали дальше. Серьезных боев у нас больше не было вплоть до того, когда мы вышли на Тункинский край. Там для нас была устроена засада казаками, но она была неудачной, правда, с нашей стороны было двое ранено. Синицын со мной потом сидел вместе в центре и Чернышев, на Тункинском тракте наши связисты включились в телефонную сеть и подслушали, что есть где-то здесь недалеко группа чиновников, среди них были и офицеры, которые занимались заготовкой мяса для поставки в армию, и что ожидается белый отряд. Решено было пойти к этим чинушам. Двигались мы быстро. Тут у нас была маленькая паника. Сини-

цын прибежал и говорит, что впереди неимоверная тьма белых / это у него, видимо, из-за ранения казалось все в больших размерах/. Приходим мы в эту самую деревню /название сейчас не помню/, перед Белогорьем последняя деревня, взяли чиновников, забрали все что у них было. Впоследствии мы их перевезли к себе в горы. Обстановка была такова, что-то нужно было делать, нужно было двигаться вперед. Двигались через Белогорье на Монголию, забрали и этих чиновников с собой в горы. Первое серьезное препятствие мы встретили на Белогорье. Заехали на гору, леса нет, а мелкий кустарник, по-местному называется «ирник». Кормить лошадей нечем, есть озеро, но оказалось насквозь промерзло, там вечные льды. Воды достать негде. Лед растопить было нечем. Если не ошибаюсь, спустились тогда в долину, встретили там табун лошадей – плохих, которые были у нас, заменили. И вот наш специалист-охотник Ватутин оказался специалистом и по ловле лошадей. Броневика с ними тут уже не было. Я не коснулся момента, когда мы бросили броневики и почему бросили. Дальше двигаться с ними уже было невозможно, они нас только связывали.

Двигались мы по степям Монголии, мы совершенно не встречались с противником, там его не было. Помню, я дежурил при штабе с пулеметом, был захвачен один монгол, он сказал, что тут недалеко есть князь, что князь приглашает нас в гости. Были посланы послы для переговоров с нами. В общем, этот монгольский князь устроил нам соответствующую встречу в кумирне. Одновременно был разговор о том, что где-то недалеко идет отряд Таубэ, который двигается по Монголии на Туркестан. Поиски его не увенчались успехом. Нам говорили, что он идет слева, но там никого не оказалось. Пронёсся слух о том, что наша разведка с кем-то встречается, вступает с кем-то в соприкосновение, но отряд целый, как таковой в бой не вступал. Пулеметы вести было очень трудно, двуколки побросали. Нужно было иметь перевозочные средства – это верблюды, и вот мы достали пару верблюдов, нагрузили в них как на верблюдов и пулеметы, и пулеметные коробки. Одним таким верблюдом управлял я сам, и он от меня сбежал тогда вместе с пулеметом. Мы переправлялись через одну реку, но когда отряд идет и такая дисциплина, что все улюлюкают, свистят, он испугался, вырвался и удрал вместе с Кольтом. Там было

несколько коробок с пулеметными лентами. Пулеметные ленты возвратили только тогда, когда застрелили верблюда.

По Монголии мы двигались мирным путем. С жратвой дело обстояло не совсем благополучно, все хорошее мясо было съедено, резали лошадей. Кончается Монголия, и начинаются Сайоты. Это частица нынешней Тувы – Тувинской республики. Вот тут, в Сайотах, у нас, в частности в пулеметной команде и в эскадроне Кожана, обнаруживается, что наши товарищи ведут себя в Монголии нехорошо, оказывается занимаются мародёрством, которое выражается в том, что видят юрту, подъезжают туда как будто бы напиться, а одновременно и золотом промышляли и др. вещами. Это дело обнаружилось. Если т. Третьякова помнит, у нас там был по этому большой митинг, судили несколько товарищей за мародёрство. Причем я знаю 4-х человек, которых хотели выгнать из отряда, они клялись, чем угодно, только оставьте нас, больше никогда не будем.

Из Сайот после продолжительного совещания в штабе отряда /а я как раз был дежурным при штабе с пулеметом, когда проходило совещание/ по поводу, что нужно делать и куда идти /сведений о Красной Армии и Советской власти не было никаких, не было даже старой газеты, из которой можно было бы почерпнуть/, было два важных предложения. Одно предложение – Соколова, Кожана и Третьякова. Это идти на Черемхово и выслать делегацию к рабочим. Второе – не входить в Черемхово, а сделать глубокую разведку. И лучше всего остановиться в лесу и развивать партизанское движение. Это было мнение тов. Каландаришвили. На совещании присутствовали: наш актив, в частности, штабные работники, командиры эскадронов. Командир пулеметной команды Соколов и его помощник Краснов и все те, кто дежурил при штабе, присутствовали на совещании... Не помню точно, к какому пришли к выводу, но надо полагать, что пришли к единственному выводу.

Из Саэт двинулись на Черемхово. Движение было в следующем порядке: вперед шла конная разведка во главе с т. Третьяковым, за конной разведкой шли другие части, в частности, пулеметная команда. Путь из Саэт был очень труден. Всем памятен этот Монгольский путь. Есть сейчас целый ряд людей, которые не представляют себе, что на высоких горах может быть болото. На самом деле это имеет место быть в Монголии. Мы на жизненном

опыте испытали всю тяжесть такого пути. Мы убедились, что на горах Монголии имеется много болот, трясин, трупоб в которых мы оставляли своих лошадей. Нам приходилось своих лошадей пристреливать и заменять их монгольскими лошадьми – более выносливыми. Повторяю, путь из Саега был нелегкий: была осень, никто из нашего отряда не ходил по этой дороге, и действовать приходилась исключительно по карте. Но руководители отряда, несмотря на то, что не имели никакого военного образования, прекрасно ориентировались по карте и вели туда, куда действительно надо было идти. Я помню, что в лесу мы встретили трех охотников, их окружили и первый наш вопрос был, что в Черемхово, есть ли там Советская власть. Здесь мы узнали, что никакой Советской власти в Черемхово нет. Один из охотников дал нам обрывок газеты, причем как раз то место, где сообщались вести с фронта. По этому отрывку газеты мы узнали, что бой с Красной Армией где-то около Казани. Нам стало ясно, что в Сибири нет Советской власти, что в Сибири белогвардейцы, а отсюда перед нами стоит боевая задача – борьба с белогвардейцами.

Отряд, который был впереди, не давал никаких о себе сведений, мы не знали, что с ним, хорошо или плохо. А лишь в последнее время /я не помню точно, из каких источников поступали эти сведения/ мы узнали о том, что Третьяков сам сдался белым. Было сделано некоторое предупреждение. Отряд вперед высылались небольшими частями, правда, нельзя сказать, что эти части были небольшие, они были довольно солидными. Одна группа впереди нас пошла численностью в двадцать–пятнадцать человек. За этой группой шла наша пулеметная команда. За ними шел эскадрон Кожина или Чаплиса. Та группа, которая была впереди нас выслана, первоначально давала нам сведения, что все спокойно, нет никого. Дошли до деревни Чернушки или Грязнушки, которая из них первая, не помню. Пришли мы в Чернушку, переночевали /ходили в баню, все было спокойно/. Из Чернушки шли с разведкой и охранением. Не доезжая до Грязнушки верст 4–5, большая балка. Едим по балке, лесочек слева и справа. Едим, разговариваем между собою, поскольку нет никакого донесения о нашей разведке. Вдруг несколько выстрелов и команда «руки вверх» и слева и справа и впереди нас выскакивают вооруженные люди, которые оказываются белогвардейцами, вооруженные

пулеметами. Некоторые из них подняли гранаты. Мы не успели оказать абсолютно никакого вооруженного сопротивления, мы не успели его организовать, так как запустили нас в мешок, и в этом мешке мы были взяты. Чрезвычайно характерно то /я никак не могу не остановиться на этом/, что первым вопросом белых было, есть ли у нас деньги. У нашей конной разведки белые взяли солидное количество денег. Так что первым вопросом был вопрос не об оружии, а о деньгах. Начинается обыск, отбирают деньги, которые были, лошадей отбирают и пешком гонят нас под усиленным конвоем в село Голуметь. Причем офицер в чине капитана спрашивает:

– А где же ваш карандаш?

Оказывается, Каландаришвили и белые, и крестьяне в Голумети называли карандашом.

В Голуметь нас привели под вечер, солнце уже закатилось. ... И вот здесь начинается разгул белогвардейцев. Прежде всего, начался этот разгул с того, что нас раздевают. Лично я был оставлен в одной рубашке и босиком, несмотря на то, что имел хорошие унты. Вторым моментом разгула является избиение. Здесь пошли в ход приклады, рукояти револьверов и казацкие плети, так как там была часть голуметьевских казаков и др. После раздевания и предварительного избиения /я говорю «предварительного», потому что оно, действительно, было предварительным/, мы были выстроены перед волостным управлением в Голумети, и раздалась команда: «Комиссары, жидаы и мадыяры – три шага вперед». Конечно, никто из нашей группы не вышел вперед, но белогвардейцам показались подозрительными некоторые лица, с которыми они начали говорить. Эти товарищи были действительно нерусскими. Белогвардейцы настаивали на том, чтобы эти товарищи сознались, что они мадыяры. Но они говорили, что они румыны, так как они знали, что с мадыярами одна расправа – расстрел. Озлобило их еще сильнее то, что ни один жид, и ни один мадыяр не вышел по их команде вперед из строя, и их злость вылилась в том, что была команда: «налево» и нас стали вводить в помещение волости. Но прежде чем ввести в помещение, мы были пропущены сквозь строй. Что это значит? Это значит то, что и по правую, и по левую сторону стояли казаки и солдаты, которые били нас нагайками и прикладами, когда мы шли в помещение.

В самом помещении нас разместили, кого куда. Тт. Шилов и Третьякова, вы имеете представление о той конурочке, коморке, куда сажают арестованных в волости. В маленькой коморке нормально может поместиться человек десять. В эту самую волостную каталажку нас было посажено человек около семидесяти. Переночевали ночь. Утром нас выпустили частично из каталажки в коридор или, вернее, большую комнату. Появляются крестьяне, здесь характерно к нам отношение кулачества – плевки в глаза, тычки в зубы. Тот день, который мы находились в Голумети, был сплошным удовольствием для кулачества и белогвардейщины. Было двое кулаков, которое особенно рьяно избивали наших товарищей. Такой эпизод: приходят они с хлебом, дают товарищам хлеб, и когда товарищи протягивают руки за хлебом, то кулаки начинают их бить. Другому дают откусить кусок, а в это время то кулаком или пинком в лицо били. Двое особо рьяно себя проявили. Один из них пожилой, лет сорока.

Ночью вызвали по фамилии, а нас зарегистрировали предвзвительно, вызывая как бы получить кормовые. Мы знали, что нас погонят в Черемхово и потому так легкомысленно относились к этому, думали, что нам действительно будут давать кормовые. Что же это были за кормовые? Вызывали в одну из комнат. Кто туда входил, то обязательно не являлся. Когда несколько человек не явились, то у товарищей стало тревожное настроение. Видимо, расстреливают, иначе и быть не может, потому что обратно не возвращают. Дошла очередь до меня. Пошел и я за кормовыми. Зашел в комнату, там оказывается человек 10 белогвардейцев. Стоит широкая скамья, лежит несколько ремней. Кормовые выражались в том, что клали на эту скамью, привязывали ноги ремнями и давали несколько плетей. Особенно несколько товарищей подверглись избиению. Я отношу это к исключительному зверству белогвардейцев, когда к нам попал тов. Синицын, раненый на Тункинском тракте. Он также не избег этого, подвергся избиению плетьюми. После избиения выходили во двор. Когда закончилось избиение, нас этапным порядком погнали в Черемхово. Руководил этой группой прапорщик Сурба, которого я в 1920 году около Н-Удинска опознал. Он был арестован и отправлен в тыл.

Я был с голыми ногами. Один артиллерист дал мне полотенце, я его одел на одну ногу, а на другую – тонкую портянку. Я шел 70

верст с завернутыми одним полотенцем ногами. Сурба начинает распоясываться с самой Голумети. Мы подвергались избиению, особенно отставшие. А отставших товарищей было немало, так как многие были сильно избиты или ранены и не могли идти быстро. Я помню, когда мы пришли в бурятский улус «Хойта», то там были расстреляны отставшие товарищи. Их было 6 человек. Идти дальше они не могли.

В Черемхово нас привели ночью и сразу мы были водворены в черемховскую тюрьму. В Черемхово начинаются расстрелы, преимущественно ночью. Расстрелы начались через дня 2–3. Здесь идут и на другие мероприятия: к нам подсаживают провокаторов. Тип одного провокатора запоминается особенно хорошо. Это – провокатор чехословак. Фамилии его я не знаю. К нам посадили человека психически больного, но на самом же деле, это был провокатор чехословак. Надо сказать, что эта сволочь так искусно сыграла свою роль психически больного человека, что ни один артист, пожалуй, так не сумел бы сыграть этой роли. Он действительно вел себя, как настоящий психический больной: у него были систематические припадки, крики, бросался он на дверь, а иногда грыз пол. Ему надо было выявить среди нас мадьяр. И вот однажды неосторожный разговор наших двух товарищей помог нам выявить, что это был провокатор. У нас мадьяры говорили на румынском языке, но в разговоре они обменялись несколькими фразами на родном языке, этот провокатор проговорился. Он сразу у них что-то спросил. Они догадались, что это провокатор, прекратили быстро разговоры на родном языке. Но интересно, что все было очень хорошо замаскировано. Когда один раз вывели этого психически больного человека, то обратно его просто не ввели, а втокнули и он получил сильный удар. Так было все инсценировано...

Проходят 8 человек офицеров и спрашивают: «Кто здесь мадьяры, выходи». Никто не встает. Как так? Вы только сейчас разговаривали по-мадьярски. Товарищи заявляют, что они румыны. Откуда-то привели одного румына, тот начинает с ними разговаривать по-румынски. Они отвечают, но двое из них не могли говорить по-румынски, заявляя, что они немцы, но, несмотря на это, они в эту же ночь были расстреляны. В Черемхово мы встретились с красногвардейцами, которые также были арестованы.

Первое время записки, которые они передавали, перестукивание через стенку сперва принималось за провокацию, но потом как-то группу в 13–14 человек выпустили на прогулку. Замеш[к]ались наших двое и попали в камеру бодайбинцев, а в свою очередь двое бодайбинцев, попали к нам. Когда они сказали, что они бодайбинцы, мы им не поверили, но потом, когда была проверка, обнаружилось, что двое наших тоже находятся у бодайбинцев. Этих четверых крепко избили и водворили на место.

Из Черемхово нас отправляют в Александровский централ. В Черемхово самая большая улица называлась не то Каменская, не то Знаменская. Во время декабрьских событий в Иркутске черемховцев было много убито, некоторые умерли от ран, их привезли в Черемхово, было устроено братское кладбище на Знаменской улице, там их и похоронили. Из Черемхово нас опять отправляют ночью, опять нас сопровождает прапорщик Сурба. Когда мы дошли до братских могил, этот прапорщик Сурба выкидывает хулиганский номер. Заключается он в следующем: садится и опирается на братской могиле, причем приказывает привести 3 красногвардейцев, которые должны его охранять. Он говорит: «Вы должны меня охранять, потому что меня может кто-нибудь схватить за зад». Потом нас приводят на станцию, сажают в товарные вагоны, вагоны закрываются на закидку, люки тоже закрываются плотно. Поднимается кругом шум, мы не знаем, что это такое. Потом говорят, что пришли рабочие, узнали, что мы здесь. После этого шума и крика раздаются несколько залпов. Оказалось, что стреляли по вагонам, и в каждом вагоне было по 1–2 человека раненых. Доехали до реки Белой. Через Белую нас повезли сквозь строй, так как мост через р. Белую при отступлении нами был взорван. За то, что был красными взорван мост, мы были пропущены сквозь строй.

... Со ст. Ангара в селе Усолье мы были переправлены через реку на плашкоуте на левый берег Ангары. Потом нас повели в Александровский централ через Бархотовские копи. Рабочие нас встречали с хлебом, т. е. женщины и ребята бросали нам хлеб. Некоторые буханки хлеба мы успели схватить и ели, а некоторые нам не удалось ловить, так как конвоир наносил удар. Хлебу мы были очень рады. Для того, чтобы попасть в Александровский централ, можно идти двумя дорогами: верхней /через Бархотовские копи/

и нижней. Которая из них называется верхней и которая нижней – я не знаю. Оказывается, навстречу нам из Александровского централа было выслано 100 казаков. Командир этой казацкой 100 имел целью не допустить нас в Александровский централ и погубить по пути. Но благодаря тому, что нас повели совершенно по другой дороге, мы добрались до централа благополучно. По какой именно дороги нас вели – по верхней или нижней, я не знаю, но факт тот, что казаки поехали нас встречать не по той, которой нас вели.

Еще очень характерный момент прапорщика Сурба к нам. Когда нас вели по дороге, то встречавшиеся подводы заставляли нас мерить глубокий снег, так как не они нам отворачивали, а мы им – нас просто сгоняли в глубокий снег. Из Черемхово я шел в одних портянках и только на Бархотовских копиях какая-то женщина бросила мне галоши, которые я сейчас же одел. Ноги, конечно, были уже обморожены. Когда мы вошли в село Александровское и были недалеко от самого централа, то казаки, которые не дождались нас и возвращались обратно, увидели, что мы находимся недалеко, и с гиком бросились на нас... До централа было близко. Мы побежали в централ. Несколько ударов было нанесено товарищам, отделались благополучно, мы успешно проскочили в централ, казаки же остались бесноваться. В центреле произвели приемку, все то, что было у нас, поснимали. Мы думали, что нас осмотрят и нам манатки вернут обратно. Однако нам выдали бушлаты, тюремные брюки и белье, а все пожитки наши остались у них. Опытные товарищи, которые уже сживали в тюрьмах, они были ученые, сумели пронести несколько денег, а у остальных было все отобрано. Мы были посажены во 2-ой корпус. Я сидел во 2-ом корпусе 7 камере. Со мной сидели тов. Батурин, Чернов, Синицын, Шепелев, Степанов, два командира.

Я забыл: в Голумети особенно сильно был избит начальник нашей пулеметной команды т. Соколов. Сильно избитым он был отправлен под усиленным конвоем по направлению Черемхово. Мы не знали, где Соколов. Помню в 1920 году, когда я встретился с Каландаришвили на станции Мысовой, он спросил меня, где Соколов. Оказывается, что Соколов был расстрелян. Это сказала мне здесь тов. Третьякова.

Охранялась тюрьма чехами, румынами и белогвардейцами. Помимо нас в Александровском центральном была очень большая группа самарцев, которые сидели не в самом корпусе централа, а на пересыльной. Кто такие были самарцы? Это товарищи, которые попали в плен под Самарой. Эти товарищи сидели во многих местах Сибири, они были посажены в вагоны запломбированные, их совершенно не кормили. Некоторые доехали до Иркутска, некоторые до Читы, совершенно не кормленные. Они вымирали в вагонах и живые ели мертвых. В Александровском центральном мы встретились с ними. Что это были за люди! Каждый из них не походил на человека, а представлял только копию. Все страшно бледные и больные. Здесь и тиф, и все, что угодно.

... Люди совершенно не могли держаться на ногах, и мы им из корпуса приносили пищу. Обыкновенно наливалась в ушаты та бурда, которую готовили для нас, и мы им ее таскали. Они были настолько плохи, что не в состоянии были сходить себе за обедом, за хлебом. Я помню, что когда мы им приносили пищу, они набрасывались на нее, а потом некоторые быстро умирали, так как многие болели брюшным тифом и как только принимали пищу, то умирали от разрыва кишок. Несколько десятков самарцев умерло.

Интересно вообще, как хоронили красноармейцев в то время. Похороны были просты: сколачивался гроб из горбыля, это был не гроб, а ящик, этот ящик ставился на сани, в которые впрягались 5–6 красноармейцев, и везли его «на Сахалин» /так прозвали арестанты гору с большим оврагом/. Когда привозили на гору ящик с покойником, то этот ящик выворачивался над оврагом и мертвое тело летело вниз, а ящик тащили обратно за другими мертвецами. Вот такие примитивные были похороны. Среди нас было также много больных: Синицын раненый, много было обмороженных, многие страдали другими болезнями. Как нас лечили? Способ лечения можно также отнести к зверству белогвардейщины. Лекарю, который был тогда при центральном, было приказано лечить так, чтобы скорее люди сдыхали, и действительно, он нас так лечил. Возьмем Синицына: он был давно ранен и самым форменным образом разлагался, гнил. Как же лечили его гниющую рану? Да просто сверху чуть-чуть смазывали йодом. Вообще же лекарства были – касторка и йод. Какая бы болезнь ни была у человека,

ему все равно дают касторку, чтобы пронесло, как следует. Здесь началась эпидемия тифа.

В баню нас водили часто через строй, было желание побить. Эпизод издевательства такой: запрягали по 8–10 человек товарищей вместо лещадей в сани, садятся 2–3 человека в сани конвоиров и надзирателей, а остальные идут пешком по селу Александровскому. Они идут к складам, где находятся овощи, там выкладывают картофель и другие овощи и везут в централ, опять везут люди, запряженные вместо лошадей. Хлеба давали фунт, очень часто хлеб давался с перемолотым кирпичом. Калашников, начальник тюрьмы заявил, что у него в тюрьме демократия, меня могут называть если хотят гражданином, но если у меня будет бунт, то я расправлюсь беспощадно.

Демократия его выражалась в том, что он пропускал людей сквозь строй, хлеб давали с песком. Не обошлось без провокаторов и в центре. В нашу камеру сажают некоего Александрова /черемхолец/. Он рекомендует себя красногвардейцем, говорит, что он был захвачен в плен, его сильно избили и посадили к нам. Это была маскировка и очень неудачная. Вы спросите почему? Да вот потому. Первое – мы сидим и не имеем денег, а он пришёл одетый в пиджак, брюки и т. д., имеет деньги, имеет покупать в тюремной лавочке хлеб и другие продукты. Это выдало его с головой, он старался узнать, кто из какого отряда и т. д. Но на провокацию ему никого не удалось вызвать. Здесь были старые партийцы, которые сидели несколько раз в тюрьмах, знали, как себя вести. Этот провокатор был разоблачен. Раза три мы его избили, потом его от нас убрали. Избрали мы такой способ. Игра была такая – хоронить бабушку Яниху. Один ложится на землю. К нему подходят прощаться, потом берут за шею руками, обвивают руки и ноги и т. д. Потом другая игра в ладошки, когда били не по рукам, а по почкам. Приезд в централ Яковлева /колчаковский губернатор/. Яковлев приезжает к нам и учиняет опрос претензий. Приходит и спрашивает: как вы живете, как вас кормят и т. п. Он, видите ли, не знает, как нас кормят. Мы получаем фунт хлеба, а вместе с тем ходим в помойку и собираем кожуру от картофеля и от бураков, а также капустные листья...

...Далее, спрашивает: «Какие есть жалобы?» Никто, конечно, не жаловался, так как все знали, если пожалуешься, то потом по-

садят в карцер. Один из присутствующих сказал, что у него есть жалоба. Он спросил: «Какая?» Тот отвечает: «Когда меня взяли, то меня избили». Яковлев говорит: «Ну и что же, есть еще какие жалобы?» – «У меня сняли хорошую шапку», – раздался голос. Яковлев отвечает: «Молись богу, что с тебя голову не сняли». Вопросы задавал тот самый провокатор, которого к нам посадили. Вот вам характерные случаи, когда Яковлев приезжает узнать, чем мы недовольны, выслушать наши жалобы, а сам отвечает: «Молись богу, что с тебя голову не сняли».

Допрос. Приезжает полковник и начинает делать допрос. Конечно, начинается по-хорошему, все знают метод белогвардейцев. Сначала скажут: садитесь, закурите и т. п. А потом, когда видят, что им ничего не отвечают, распоясываются и начинают бить. Многие такому избиению подвергались. Были в центре и расстрелы. Помню, как один товарищ артиллерист /фамилию его не помню/ был изрублен на мелкие кусочки и оставлен во дворе. Три, четыре дня при прогулке мы смотрели на это изрубленное тело – это страх на нас нагоняли.

Из Александровского центра нас большую группу эвакуировали в Н-Николаевск, где мы находились в лагере. Там нас заставили физическую работу. Помню [у] нас там была часть самарцев и несколько уголовников. Потом нас эвакуировали на восток. На станции Балай мне удалось бежать. Через ночь я попал утром в Красную Армию, так как подошла 30-я стрелковая дивизия. Я поступил добровольцем в 264-й верхнеуральский полк. Участвовал в разгроме Колчака, добивал Колчака. Был на Врангелевском фронте. Сейчас я работаю в войсках ОГПУ.

ВОПРОС: прежде всего численность общего отряда, какие части были в нем, социальный состав, из кого приблизительно состоял он? Основные задачи отряда, какие цели себе ставил отряд при выходе из Троицкосавска, из Усть-Кяхты, структура отряда, какая организация? Когда будешь говорить о структуре, скажи в каком составе, кто какой частью руководил, какие настроения отряда, каковы их причины? Сделай вывод об этом отряде, что ценного можно взять сейчас для опыта, каковы ошибки нашего отряда, что есть положительного и отрицательного?

Тов. ПОПОВ. – Численность отряда, за точность цифр не отвечаю: много времени прошло. Тов. Шатилов тут подсказал. Я числил

их и писал во многих местах: 3000 человек. Насколько же это точно, не знаю. Во всяком случае, отряд был большой. Какие части составляли этот отряд? Третьяковский отряд, отряд Каландаришвили, влилось большое количество черемховцев, железнодорожники, которые вернулись с семеновского фронта, тоже влились. Все это вместе взятое представляло собой большую цифру. Структурное построение отряда: конная разведка Третьякова, пулеметная команда, которая состояла из красноярцев, в частности, сам Соколов, красноярцы, черемховцы, каландаришвилицы. Эскадроны: первый эскадрон, второй эскадрон. Начальник пулеметной команды был Соколов, помощником т. Краснов, командиром 2 эскадрона – Кожан, третьим т. Чаплис. Три эскадрона, пулеметная команда и разведка. Когда мы сели на коней, то, конечно, пехотой ее нельзя было считать. Мы стали садиться на коней от Тарей и дальше. Очень многие сели на коней. Ты, может быть, помнишь, как мы загоняли табуны и ловили лошадей. Особенно хорошо ловили Карманов и Батулин: сядет на изгородь и спросит: «Которого покажешь?», прыгнет с изгороди, схватит за уши и дело готово. Я не делю подразделения на пехоту, так как многие сидели уже на конях. Конечно, если говорить с точки зрения военного, то у нас кавалерии не было.

– Какой кавалерист был из себя Третьякова?

Т. Третьякова:

– Уж получше, чем из тебя.

– Может быть, ты и хорошо ездил, но кавалерист настоящий из тебя не мог быть.

В отношении социального состава надо сказать, что состав был хороший: большинство рабочих. Еще раз подчеркиваю: красноярцы – рабочие, черемховцы – рабочие, железнодорожники – рабочие, иркутяне – большинство рабочих. Правда, была часть уголовников, я считаю, что мы не найдем ни одного отряда красногвардейцев, в котором не было бы уголовного элемента. Вы знаете, что тогда уголовный элемент шел в отряд для приобретения оружия, которое ему было необходимо для решения своих уголовных задач: легкого обогащения, легкой наживы. В Монголии были мародёрские явления. Судили за это, судили и даже некоторых расстреляли. Одну группу мы просто выгнали. В основном же составе отряд был здоровый.

Основной целью отряда было перейти в Троицко-Савск. Одновременно хотели объединиться с петрозаводскими и пройти через

Монголию на соединение с красной армией. Вот это было основной задачей. У некоторых было такое мнение пойти через Монголию.

Когда отряд Таубе ушел на Ташкент, у нас же было мнение пойти на Ташкент. Каландаришвили вел переговоры о том, чтобы пойти в Монголию через Майшачей и пойти на соединение с Красной Армией. Кто руководители, я по частям руководства сказал. Когда будут говорить о недостатках и положительных сторонах, то повторю.

Настроения и их причины, я считаю, что первоначально настроение было чрезвычайно бодрое, было настроение пойти на соединение. Не было у нас дезертирства, бузотерства, что мы не пойдем и т. д. Вообще, настроение было здоровое, бодрое, пойти во что бы то ни стало вперед. Питались хорошо, всего было достаточно. Когда мы вошли в Монголию, настроение здесь резко изменилось. Во-первых, появилось мародёрство. Это было влияние уголовников, у которых было совершенно обратное настроение, а именно они стремились идти назад, попасть к белым. Это влияние уголовников так же выражалось в недоверии к руководству, были течения уйти из отряда. Что неправильно нас ведут и т. п. Возьмите под арест, можно так выразиться, Третьякова, Третьяков[у], Блюменфельда. Чем это было вызвано? Как было здесь подстроено. Говорили, что Блюменфельд забрал деньги и решил бежать из отряда. Это было в большом русском селе на Тупанинском тракте. Тут были выкрики. Я это хорошо помню. Получилась вольнка в ночь: я был на заставе с пулеметом «Кольт». Появилась группа всадников. Мне говорят, что надо открыть огонь. Я почему-то огонь не открыл, почему – сам не помню. Когда же эта группа всадников подъехала ближе, то оказалось, что это были свои. Они сообщили, что Блюменфельд забрал деньги и хотел бежать. Побежали туда. Там шум, гам, крики – здесь уже появилось желание отобрать деньги и разделить. Некоторым были розданы облигации. На почве этих облигаций и поднялась буза: а николаевские кому, а золото кому? Вот каково было влияние уголовников. В целом же настроение было здоровое. Иначе наш отряд мог бы превратиться в банду и заняться мародёрством. Но этого ведь не было. Правда, особенного подъема не чувствовалось: люди были усталые, не видели перспектив, идти было трудно. Когда пошли из Тарая, то пошли с «боем». Начались разговорчики, что непра-

вильно нас ведут, что мы попадаем в кольцо, я помню, как мы аллюром летели по тракту, когда подслушали по поводу, что идет белогвардейский отряд, здесь мы быстро ушли. Это было до Монголии. Мы быстро бежали...

Отрицательные стороны отряда? Много можно здесь говорить. Нужно говорить не только о нашем отряде. Нужно говорить об ошибках и недостатках, начиная с падения Иркутска. Какая наша основная ошибка? – Отсутствие политической работы, отсутствие воспитательной работы. Эта работа не проводилась. Как нас воспитывали, когда мы дрались под Култуком и т. д.? Нам говорили, что «мы видели – летает аэроплан. Это был советский аэроплан. Мы смотрели в бинокль с большой горы, видели: реет красное знамя». Говорили нам: «Ленин подходит с войсками». Вот и все, чем подчеркивали наше настроение. Другого вида воспитательной работы не было. Это – основная и коренная ошибка, которая заключалась в том, что здесь не было большевистского конкретного руководства работой.

Вторая ошибка та, что был чрезвычайно большой демократизм, не чувствовалось твердой руки, каждый себя считал большим человеком. Давайте будем персонально говорить. Соколову как-то неудобно было считать себя подчинённым, дескать, пулеметная команда – мощь и т. п.

Третья ошибка – не было единого плана действий. Откуда это можно заключить? Когда мы вышли из Саета, получился разрыв. Третьяков пошел вперед – вляпался, другая часть пошла – вляпалась. Каландаришвили уцелел. Правильно он сделал. Правильно!

Четвертая ошибка – не было достаточной связи, а отсюда единства руководства. Третьяков не считал своей обязанностью доносить Каландаришвили. Каландаришвили не считал своей обязанностью посылать дополнительную связь; связь вляпалась, как кур в ощи́п.

Если говорить с военной точки зрения, не было дисциплины, не было режима, правильной глубокой разведки, не было военной тактики, мы знаем, что разведка должна быть постоянной, вне времени и пространства. Эта пятая ошибка. Шестая ошибка: не нужно нам было вылезать на Черемхово. Не нужно было вылезать без глубокой, предварительной разведки. Предварительно надо было связаться с партийной организацией Черемхово и Иркутска, а потом уже действовать. Можно было организовать разведку. Дойти до

Чернушки, посмотреть тот кусочек газеты, в котором говорилось о положении, и мы бы все узнали. Надо было оставаться в тылу у противника, подрывать его мощь, и не идти вперед, как это мы сделали. Вот это я считаю шестой ошибкой отряда. Что можно сказать об отряде с положительной стороны? Были у отряда и положительные стороны, причем очень хорошие. Основной положительной чертой отряда я считаю выдержанность по отношению к населению. Этого нельзя отрицать и забывать. Правда, были у нас грабежи, было мародёрство, но это были единственные случаи, массового характера они не носили. Так прямо и надо сказать, что у нас было правильное отношение к населению. Вторым положительным моментом является то, что правильно было учтено, куда надо идти. Правильно было взять курс на Черемхово, на рабочий центр, а до Ташкента мы бы не дошли. Так что я считаю, что правильный маршрут – вторая положительная сторона действий отряда.

Третья положительная сторона – правильные взаимоотношения с национальными меньшинствами. Надо сказать, что несмотря на слабость руководства, со стороны Каландаришвили была какая-то твердость, которая обеспечивала правильный выход в Саеты и сохранить небольшие группы, из которых только одна и вяпалась. Это надо отнести за счет дальновидности Каландаришвили. Может быть, со мной товарищи не согласятся, но я считаю, что это именно так и практически это подтверждается, так как эта группа Каландаришвили не погибла. Эта группа потом на Лене сыграла большую роль и разрослась в большой мощный отряд. Вот положительные моменты нашего отряда. Общий вывод: есть люди, которые считают отряд Каландаришвили не особенно характерным, ведущим отрядом, что у него было больше отрицательных сторон, чем положительных, что Каландаришвили был анархистом, занимался мародёрством. Ничего подобного. Организованных установок мародёрства не было. С этим делом боролись, были расстрелы и т. д. Давайте говорить о типе анархиста. Это этот человек занимался грабежом, налетом был в Черемхове. Говорят – бандит, грабитель. Если бы Каландаришвили был грабителем, то он был бы уголовником, и тогда он не был бы назначен советским правительством инспектором кавалерии на Дальнем Востоке. Что же, разве бандитов назначает у нас советское пра-

вительство на ответственные посты, на ответственные операции. Это было в глубокой тайге.

Вывод у меня такой. Отряд был вполне здоровым, вел правильную политику национальную, в отношении националов и правильную политику в отношении населения. Отряд был классовым, боеспособным. Большинство в нем было рабочих. Не хватало у него только военной тактики, потому что там было мало военных. Если бы этому отряду дать твердое руководство военного человека, то он был бы один из боеспособных отрядов крупнейшей мощи.

Тов. Попов: По части Тарейского боя. Я прошлый раз говорил и сейчас повторю: мне Тарейский бой ясно представляется потому, что я был с пулеметом выслан на правый фланг, где был Третьяков и Третьякова. Заставы у нас не порубили. Это были не заставы. Тарей разделяется на две части. Одна часть – большая и вторая часть – маленькая. Из Желтуры вернулись и здесь подвыпили. Ребята пошли искать баб. Ушли. Там были солдатки, они у них и ночевали. Когда казаки приехали и узнали, что здесь ночуют красноармейцы, они пошли и порубили некоторых. Коля Абабкин от них спасся. Заставу поставили в промежутке большой и маленькой деревушки. Когда пришел Абабкин и сказал, что там белые порубили их, подняли тревогу, меня выдвинули на правый фланг. Этот инцидент я хорошо помню. Надо мной еще после Тарейского боя смеялись, что меня в пальчик ранили. У Третьякова была нерешительность. То, что ты его подменяла, это не секрет, это было видно для всего отряда. Я не знаю, какие между вами были разговоры, но вообще я приписал в данном случае Третьякову нерешительность, трусость. Ты сегодня говоришь, что тогда ты выхватила шашку, что по твоей команде был открыт огонь. Я открыл огонь тогда первым. Он поехал не потому, чтобы разведку послать, он поехал от третьего знака, когда ты выхватила шашку, он быстро повернулся, а ты скомандовала «огонь», я открыл огонь. Сколько было пулеметов? Когда мы поехали из Троицко-Савска, у нас было много пулеметов. Когда мы выехали в Монголию, станковые пулеметы «Максим» нам пришлось бросить: громоздкая штука. Пулеметов «Максим» мы очень много побросали. Осталось 14 или 15 пулеметов «Кольта», были ручные пулеметы Льюиса и Шоша. Теперь в части того, что Каландаришвили хотел уйти из

отряда и просил принять его в разведку – я этого случая не знаю. Но насколько я представляю, Каландаришвили был тесно связан с отрядом, да и по национальности он был человек принципиальный, так что уход его был мне непонятен. В 1920 году мы с ним разговаривали, и он был об отряде неплохого мнения.

Третьяков – начальник отряда – этого я не помню. Я помню, что Каландаришвили был общим начальником. Говорить так, что ошибкой Третьякова было то, что он раньше не ушел из отряда – совершенно неправильно. Это неправильная установка. По-моему, ошибкой Третьякова надо считать то, что он не имел тесной связи с отрядом и тем распустил разведку. Да и нельзя было частью отрываться. Говорить о том, что отряд был неподвижен в своей массе и двигаться не мог – неправильно. Возьмем такой момент. Шиткинский фронт был организован, Тасейский фронт был организован, а почему мы не могли остановиться и образовать фронт? Ведь могли поднять восстание в Черемхово, а они поддержали бы нас, мы бы могли иметь хорошую армию из черемховских рабочих. Мы могли делать рейды, налеты на Бархатовские копи и на Александровский централ. Могли освободить людей. Но, к сожалению, была рознь. Получилось, что называется «власть за власть». Отрицательной стороной Третьякова было то, что он был нерешительный. Не было единства действий у наших руководителей: один туда, другой – сюда. Получалась басня Крылова – щука, лебедь, рак. Можно было организовать фронт. Саеты были недалеко. Можно было прокормиться, можно было держать скот. Рейды мы могли делать.

Тов. Третьякова: Население нас не поддержало, от нас бежали.

Тов. Попов: Мы с населением не работали, они бежали от нас, как от банды. Идет лавина, масса. С населением мы не работали и поэтому говорить, что оно нас не поддерживало, нет основания. Нам нужно было закрепиться, остановиться, связаться с Черемхово и Иркутском. Мы могли бы с шиткинцами соединиться. Ошибкой нельзя считать, что Третьяков не ушел, Каландаришвили остался с маленьким отрядом в 19 человек. Каландаришвили остался вот почему. Как мы назовем, сейчас я буду говорить на военном языке. У нас шел головной отряд, потом идут главные силы, а за главными силами идет штаб первого эшелона, за штабом первого эшелона идет тыловая застава.

Вы были головным отрядом – вляпались, главные силы и другие – вляпались. Штаб должен подумать, в чем дело. А в Чернушке, когда был Каландаришвили. Бегут и бегут, есть люди, желающие сдаваться. Он тогда многих в Чернушке обезоружил. Отбирал оружие и говорил – хочешь сдаваться иди без оружия.

Так вот, штаб должен сохраниться. Тут и документы, тут и руководство. Поэтому у нас масса товарищей расстреляна, много осталось калек. Живем мы сейчас, а толку мало. Возьмем тебя, Настя, ты большой человек. Все это, нечего и говорить, отозвалось, повлияло на нашей дальнейшей деятельности. А ведь можно было избежать всего этого. Для нас имеется в Сибири два момента – Щетинкин и Лазо. Это были маленькие отряды. Потом образовались полные полки. Щетинкин, как только на Ключевинской дело провалилось, сейчас же организовал партизанский отряд. Так там, что в этой части еще раз подчеркиваем, что такого мнения не должно быть, т. е. что надо было из крупного отряда разбиться на мелкие части. Вывод надо сделать такой, который будет правильным выводом: нам надо было не размельчаться, а надо было создать один мощный отряд под общим руководством /не важно кто был бы начальником, Третьяков или Каландаришвили – существо дела не в этом/. Надо было сохранить живую боеспособную силу и помогать Красной Армии, подрывая тыл противника. Вот тогда бы была другая цена нашему отряду и это должно было бы быть нашей основной задачей. Нас же хватали, как цыплят, которых окатят кипятком, перья повывергивают и стоп – летать нельзя. Надо было организовать фронт, организовать единое руководство и мы не приносили бы столько жертв. Легко мы достались белогвардейцам. Расстреливали нас абсолютно даром. Умирать в бою – это другое дело. Мы шли через Монголию, голодные, измученные и все-таки терпели, а когда пришел момент развернуться, то у нас пороха не хватило, идеологического пороха не хватило, физический у нас был. Не нужно было разделяться нам. Мы бы подправились. А что тут получилось? Мы разбились на маленькие группы и нас маленькими группами брали и брали.

На этом и закончу.

II/VI–34 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 404. Л. 74. Машинопись.

Воспоминания Данилы Захаровича Бабича о борьбе черемховских рабочих против юнкеров и чехов в 1917–1918 гг.

Вдруг неожиданно загудели тревожные гудки – это было сигналом каждого движения рабочих. Быстрее молний собрались к рудничному комитету, спрашиваем, что за тревога. Выходит председатель Владимиров, объясняет: юнкера, кадеты и прапорщики восстали и захватили все учреждения и арестовали в Белом доме на митинге 700 рабочих. По распоряжению в то время нашего вождя т. Буйского отдает приказ выступить в защиту иркутских рабочих. Сказано и сделано. Не прошло и полчаса, как на Забитуйской ветке пыхтел паровоз с пустыми вагонами. Сели стар и млад, и поехали бить юнкеров. По приезду в Иркутск нас направили в Глазково, где стояли наши полки регулярные, там нам выдали винтовки и патроны и направили в город, в главный штаб. Не буду молчать: среди некоторых героев-рабочих, оказались трусы. Все Иркутское событие пролежали на нарах в казармах и наверно имеют партизанские билеты. Не успели прибыть в штаб, где находились т. Шумяцкий и т. Лазо, уже поджидали нашего прибытия. Тут же сразу сформировали добровольный отряд, и пошли на выручку товарищей из Белого дома. Сколько раз наступали, но не тут-то было – юнкера засели везде в главных местах с пулеметами, а мы имели одни винтовки. Последним моим наступлением 8 декабря 10 ч. убит из пулемета 15 лет. мальчик, некий т. Ручев, который и схоронен в Черемхово на братской могиле. День ото дня со всех концов стали прибывать сводные люди, нас сменила с постов конская молодая рота, не успели развести по постам, как они все враспынную, кто успел спастся, а остальные остались там навсегда, каким-то чудом один прибежал в главный штаб. Караул, спасайте, юнкера забрали все наши посты. Не успели мы и покурить, дает т. Шумяцкий распоряжение: во что бы то ни стало занять обратно.

Нас пошло человек 30, подходим к указанному месту, где они нас раньше караулили. Я заметил, что-то, думаю: неладно. Вижу, как окружили юнкера, скомандовали: «Стой». Наши товарищи бросились обратно, тут они дали два залпа и все кончено, осталось нас каким-то чудом двое. Товарищ мой Петро заранее упал в канаву тротуара, а я стал у ворот, меня защитила рама ворот. Ког-

да все кончилось, юнкера пошли проверить, всех ли побили, находят моего т. Петру, потащили, ну, думаю хана и Петри. Я стою, дух затаил, не видят вокруг. Один волк заметил, спрашивает, кто здесь, отвечаю: «Свой». – «Да свой выходи», – взяли, повели куда нужно им было. Идем, откуда ни возьмись пьяная кавалькада казаков из отряда Красильникова. Спрашивает: «Кого ведете?» – Говорят: «Красных». Они стали и требовать свое распоряжение, но юнкера запротестовали, дошло дело до оружия, тем и кончилось, что нас спасли от пьяных казаков.

Но прошло время, коснулось и нас, черемховских рабочих 1918 года. Раздаются везде по шахтам тревожные гудки, все как один опять собрались, тот же т. председатель отдает распоряжение, по приказу Черемхов. Совета раб., крест., солдат депутатов во главе с т. Буйским, тут же сформировали 100 черемховскую роту, погрузились, первые поехали в Зиму. Потом стали прибывать с каждым днем сформированные роты, постояли в Зиме с неделю, прибывал отряд красных пленных мадьяр 1000 ч. во главе с командиром отряда Лавровым. Тот же Лавров принял под свое командование все части черемховских рабочих и повел в наступление на Н-Удинск. Мы почувствовали себя очень хорошо, когда имели храброго командира и 100 ч. красных бойцов мадьяр, у нас совместно оказались сухопутный броневик.

Наша разведка дала сведения, что на Худоеланской стоят три поезда чехов, нужно во что было то ни стало взять. Дело вышло очень хорошо, без потерь. Кавалерия мадьяр и броневик вперед пошли, а мы уехали на своем ж. д. броневике, сделанном из американской углярки. Захватили чехов врасплох, они преспокойно почивали на мягких диванах 2–1 класса, а некоторым [на]ходу фокусы показывал, с этими фокусами и забрали все три поезда. Это не все, поехали на Н-Удинск. Приехали под Н-Удинск, наш храбрый командир Лавров отдал приказ нашим черемховским частям наступать левым флангом, а сам повел наступление правым флангом. Правда, он в этом наступлении показал из себя героя, храброго командира, выбил из окопов чехов и белогвардейцев и сам удрал в Тыреть. А мы на левом фланге вовсю, перешли вброд реку Уду, заняли мост, в очередь за городом, но, увы, нам передают, что мы окружены чехами и белогвардейцами, давай удирайте обратно. Кой как выбрались к своему эшелону, нам передают, что

здесь фронт неудобный, мы должны занять позицию в Тырети. Приехали в Тыреть, тут также приказ нам занять левый фланг, а храброму командиру занять правый и до тех пор не давать ни одного выстрела, пока не грянет Лаврова батарея. Ждем, ожидаем у моря погоды, смотрим, из кустов ползет, как невольник, чеховский броневик. Тут мы и ждали тебя, голубчик. Думаем, погоди Лавров, тебя ожидали, броневик зашел преспокойно на станцию, за ним эшелон, за эшелоном у наших командиров ум расшаршился, что делать, как выйти с этого положения. По телефонам слышен шум и крик на станции и выстрелы, кого там захватили, всем крышка, расстреляли. И что же оказалось – Лавров прямым сообщением удрал в Черемхово.

Тут оказывается нам делать нечего, давай шагать и мы на Залари. Идем по кустам, тащим пулеметы, ящики с лентами и рассуждаем, как теперь быть, если уже заняты Залари. К счастью нашему, Залари ещё были не заняты. Пришли, погрузились на поезд, приехали в Черемхово и оказалось: наш герой Лавров преспокойно почивал на станции Черемхово. Тут наши рабочие давай требовать от Лаврова объяснения, но он преспокойно не стал с нами разговаривать. Наши рабочие хотели его вытащить из вагона и с ним расправиться, но не тут-то было, у него защита была сильна. Мадыяры встали за его как один. Делать было нечего, поехали и дальше нам все говорили, что здесь неудобные позиции, готовятся впереди. Приехали в Мальту и тут никаких окопов нет, тут немного постреляли друг в друга, поехали в Иркутск. Иркутск проехали мимо ходом, из Иркутска поехали за Байкал. Приехали на станцию Култук. И действительно, что говорили фронт и впереди, так вышло – природа веками сооружала для нас непреступный фронт, там можно было без оружия воевать, камнями. А мы, благодаря храброму командиру, и там немного продержались, отступили на станцию Слюдянку, потом в Танхой, там, правда, делов много было. К нам присоединились читинские рабочие, привезли к нам новый железнодорожный броневик, который тоже недолго существовал. Глебников продал его чехам. Лавров под предлогом обмана забрал своих мадыяр, почти все наши части черемховских рабочих и отправился по Тункинскому тракту, там его мадыяры и наши рабочие расстреляли. После всего этого нам недолго пришлось гулять по Забайкалу, приняли несколько боев от чехов и

белогвардейцев, расстреляли белогвардейского генерала, друга Гайды. Потом сколько мы ни бились, руководителей у нас хороших не было. Нас отрезали в Посольске, кого побили, а остальные ушли в тайгу, одним словом, разбрелись, как рудые мыши. Тем и закончу свою партизанскую жизнь.

Красный партизан Данил Захарович Бабич
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 431 Л. 1–10. Машинопись.

Воспоминания с 1917 г. Жизнь рабочего Черемховского района на Касьяновских копях – Василий Васильевич Новиков

В 1917 году произошла забастовка во второй половине января на почве экономического требования. Так что в то время заработной платы не хватало прокормить свое семейство. Но предприниматель копиями Ложников рабочее требование не удовлетворил и потребовал из Усолья пристава и разогнали забастовку. И заставил работать несолона хлебавши и рабочие пошли на работу, не получивши своих требований. Но вскоре случилась Февральская революция. Приходит в шахту № 9 техник и тов. Глотов и говорят: «Поздравляю я вас со свободной слова, и вы свободные граждане». Но рабочие сказали, раз мы свободные граждане, то давайте сделаем собрание. Того же числа сделали собрание и приехал из Черемхово какой-то оратор и стал говорить об организации совет старост, что совет старост будет защищать ваши интересы, и мы приступили к выборам. Выбрали следующих товарищей: И. Ф. Ратушкова, М. Куликова, А. Бекиш, И. Ротко, П. Шапошникова, Я. В. Новикова, от работниц Ф. Кононову, в том числе и я был выбран – В. Новиков – как от горняков. Половина из нас была выбрана совершенно неграмотных.

Мы приступили к выработке годового прожиточного минимума рабочего. По вопросам зарплаты и вообще отношений между предпринимателями и рабочими в Черемхово была организована примирительная камера. Мы стали ездить в эту камеру, думали примирить рабочего и предпринимателя. Но эта камера не могла примирить, потому что в ней были главари – меньшевики. И мы ездили, но ничего не могли выехать. И мы тут узнали, что это

правительство не рабочее, потому что рабочих требований не хочет удовлетворять. Но однажды у нас был митинг, приехал один прапорщик Сухачев. Говорит на собрании: «Война до победного конца». Солдаты большая часть с прапорщиком не соглашались, и говорили: «Если тебе надо, так вой, а нам не надо». Но как мы рабочие видим, что солдаты тоже не соглашались со своим прапорщиком. В то время Коржнев зачитал газету об выступлении большевиков. Когда закрылся митинг, тот стал рассказывать, что большевики – это те, кто борется защищать интересы рабочих и крестьян и против империалистической войны грабительской. Когда готовилось Учредительное собрание, то мы уже в то время были на стороне большевиков и агитировали за них. Голосование было по номерам – у большевиков здесь был в Черемховском районе № 7.

В центре в октябре было свергнуто Временное правительство, а у нас – в декабре. У нас в Черемхово происходили выборы в земство, но рабочие были против и разогнали эти выборы, и стали арестовывать того, кто за земство и против большевиков. И когда разогнали земство, приступили к выборам в Совет рабочих и солдатских депутатов, был избранный председатель Буйский. А Иркутск в то время был захвачен юнкерами и кадетами. Когда крикнул Совет рабочим, что Иркутск занят юнкерами и кадетами, что нужно защищать от буржуазных прохвостов. В то время рабочие были неорганизованны и на всех копиях были даны тревожные гудки. Рабочие собрались по клубам и постановили: идти всем поголовно. Только оставили углевоз, водовозов и кочегаров, камероньщиков. И пошли все на станцию, сели в вагон и поехали в Иркутск. Доехали до станции Батарейной. А в Иннокентьевской велись переговоры с юнкерскими училищем. Когда юнкера Иннокентьевской школы сдались, нас отправили в Глазково, в 9 полк и выдали нам оружие. 10 полк был захвачен большевиками, а часть солдат была на стороне большевиков. Получивши оружие, пошли в наступление. Я был назначен со специалистами [в] бомбометчики с Никоноровым Николаем и Новиковым Иваном, дали нам два бомбомета и бомбов. Когда мы погрузили на две лошади и отправились в Иркутск. Когда переехали понтонный мост, нас направил тов. Шумяцкий в распоряжение к товарищу Лазо, и мы под командой Лазо отправились в наступление по набережной на

бывший губернский дом, в котором заседал Совет и был окружен юнкерами и кадетами. Когда мы захватили один квартал и стали наступать дальше, в это время убили у нас главного бомбомётчика Никонорова. Пробыли в Иркутске 8 дней пока юнкера сдались, нас отправили обратно на копи. Мы, рабочие, стали устанавливать и укреплять власть Советов, но нам не давали установить её меньшевики и эсеры, везде и всюду делали восстания. Но когда на нас, рабочих, накатились грозная туча – реакционные чехословацкие войска, которые подкуплены были буржуями.

В мае 1918 г. чехословацкие реакционные войска стали наступать по линии железной дороги. Но нам, черемховским неорганизованным рабочим, пришлось воевать с хорошо умеющими держать оружие в руках. Хотя мы и сдерживали наступление чехов, потому что у рабочих была героическая бодрость в рабочем классе черемховского пролетариата. Но в то время не было хорошей дисциплины, но реакционные войска были военно-дисциплинированы, погнали нас, неорганизованных рабочих. В то время более революционные рабочие отступали по железной дороге с оружием в руках. А которые заняли Черемховский район чехи, где попадал черемховский рабочий, то ему никакой не было пощады – и садили в тюрьму или просто расстреливали. Но мы, большая часть рабочих, хотя и отступали, но принимали бой с чехами. Думали задержать за Байкалом в Култукке и думали дождаться поддержки от Лазо, который сражался с монархистом Семеновым. Но я был в то время в третьей батарее, мы стояли на отдыхе на станции Мысовой. Командир батареи был тов. Карамлев. Помощник командира – мадьяр Шрот. Я помню однажды говорит нам командир 12 августа 1918 г.: «Что, товарищи, давайте сделаем военную дисциплину, а то без дисциплины мы пропадем». После этих разговоров вскоре нас разбили 15 августа чехи и казаки. По Байкалу на пароходе в устье Селенги, где и высадили свои войска. Обрато пошел пароход и давай обстреливать Мысовую с трехдвоймовой батареей. В это время пошла паника и стали отступать по железные дороге, отступать до станции Посольска, где был белыми сожжен железнодорожный мост. Нам по железной дороге проходить было нельзя, так кинулись в обход Тайги, где и проходили 8 суток. 23 августа мы вышли к реке Селенге, где и узнали, что в В-Удинск занят белыми. Мы кинулись на Троицкосавск,

по р. Селенге был отправлен пароход казаков и чехов и убивали, где поймают большевика. Но мы в это время стали пробираться в Верхнеудинскую тюрьму, где я просидел 4 месяца.

Вышел из тюрьмы в январе 1919 г. и сказал сам себе, что без дисциплины и без организации не завоевать рабоче-крестьянской власти. Когда организовалась подпольная организация на Касьяновских коях во время реакции Колчака, пошел в эту организацию и снабжал существующие в то время партизанские отряды, где пробыл я весь 1919 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 488. Л 1-2. Машинопись.

Новиков Василий Васильевич

Новиков Василий Васильевич родился в августе 1891 года в деревне Кекурки Гомыльской волости Черемховского района Иркутской области в семье рабочего-кузнеца.

С 1901 года работал на Касьяновских шахтах ламповщиком и коногоном, с 1908 года работал там же забойщиком. В 1913 году перебирается в Забайкалье, где работает забойщиком на разных шахтах вплоть до 1917 года, когда вновь возвращается на Касьяновские шахты.

В 1917 году вступает в ряды Красной гвардии. В августе 1918 года был арестован колчаковцами и посажен в Верхнеудинскую тюрьму, вышел из тюрьмы в феврале 1919 года, после чего вновь устроился на Касьяновские шахты.

Проработав до ноября забойщиком, уходит в партизанский отряд Зверева, где служит до 1920 года. С 1920 по 1927 годы работает забойщиком на разных шахтах Иркутской области и Забайкалья.

В 1927 году был выбран секретарём ячейки на шахте № 6 г. Черемхово, на этой должности проработал в течение года, после чего стал горным десятником на шахте № 3.

В 1930 году был выдвинут в Сибуголь (Новосибирск), проработал два года. С 1932 года работал в Черемхово по 1938 год.

В 1938 году избран в Братский районный райисполком, где работал до 1939 года. С 1939 года работал в Братском районе.

ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 11. Д. 1435. Л. 18. Машинопись.

Воспоминания Г. Барковского о борьбе черемховцев с чехами в 1918–1919 гг.

После Февральской революции, когда начали возвращаться с Германского фронта солдаты царской армии, примерно в феврале (конце) – марте месяце приехали с разных фронтов два мои брата, Александр и Владимир, по рассказам которого я узнал в то время, что в центре Москвы и, особенно, на фронте поминают имена Ленина, Троцкого (в то время), что идут разговоры о Временном правительстве, где сидят буржуи, меньшевики и др. И на фронте, и среди рабочих, наоборот, шли разговоры о Советской власти, которую хотят якобы установить в России «какие-то большевики» во главе с тов. Лениным. Мне в то время было ровно 19 лет, и я, работая на копиях б/Щелкунова, совершенно не имел представления о каких бы то ни было партиях и т. д. Только лишь по разговорам рабочих можно было судить о том, что большевики – это действительно люди, старающиеся установить нашу рабочую власть. В результате в 1919 г., после установления как будто Советской власти в Сибири, когда было подавлено восстание юнкеров в Иркутске (декабрь 1918 г.) рабочие шахт приступали к труду. Но борьба оказалась не окончена, по шахтам примерно в мае месяце 1919 г. прокатилась весть, что чехи, вкуче со всеми врагами революции, заняли город за городом в Сибири, в том числе и Нижнеудинск. Тревожные гудки в Черемхово дали знать рабочим, что враг наступает, нужно, не теряя ни минуты, идти в бой для защиты своей власти. Первыми бросаются на фронт рабочие Касьяновки, Гришево. В 20 числа мая (как раз в Троицу) раздаётся гудок механической мастерской, собирающий рабочих. Я прибегаю в контору, там уже идёт запись добровольцев на Нижнеудинский фронт. Уже записались ребята мастерских Романов Афанасий, Поспелов Иван, Григор (слесарь), Михеев и др. И тут же были записаны два указанных выше брата – Александр и Владимир, я решил писаться третьим. Придя домой, объявил матери о своём желании ехать на фронт. В результате беру карабин брата Александра, вместе с Владимиром, кажется, числа 23 мая садимся в теплушки, в том числе с нами едут и все остальные из мастерских и копей. Небезынтересно отметить, что когда мы сели в вагон, то на перроне вокзала стояла группа эсеров и меньшевиков, в

то время машинист Панькин, слесарь Евдокимов, токарь М... (он сейчас здесь), токарь Егоров В. (сейчас в Сибулоне), которые посмеивались и с ехидством говорили: «Поезжайте, де, вам только головы посвернут».

Приехали в Зиму, где получили японские винтовки, но т. к. никто не умел с ними обращаться, то тут же быстро на станции старые фронтовики показали разбор, после чего мы двинулись дальше. Со станции Тулун нужно было сесть на тендер паровоза, для наблюдения по окрестностям во время хода поезда, я с братом Владимиром сажусь туда и двигаемся дальше. Приехав на ст. Шебарту, узнаем, что чехи и казаки [за]шли в тыл, и напали на сонных красногвардейцев. Рабочих Касьяновки много в то время погибло, их, не успевших доехать до фронта. Чувство негодования захватило всех нас, где решили, что пощады быть не должно. После чего надо было на броневике заменить уставшую команду. Мы, т. е. я, брат, Пospelов Иван, Онегин (в то время Шульгин Иван), Романов Афанасий, Михеев, Григор. Алешечкин, П. Молевидкин, Андрей и др. идём туда. И получаем первое боевое крещение около Нжнеудинского моста, где мы поехали в разведку ночью, и когда рассыпались в цепь от линии железной дороги, не доезжая моста, то нас с сопки заметили чехи, произошла перестрелка, и нам пришлось отступить. На броневике нам пришлось ездить 4–5 суток, не спавши, и когда началось отступление, мы в Черемхово приехали последними.

Из учреждений никого уже не было, и охрану города приняла на себя пожарная команда. В 12 часов ночи (в мае месяце) мы выехали на ст. Половина и в 12 часов дня получили известие, что чехи вошли в Черемхово, и их местная буржуазия встретила с почётом, в том числе и указанные выше лица. И сразу же в коммерческом училище началась «вербовка» добровольцев в погоню нам, как, например, Корнаков Н., Сальвин Стас и др. Из Половины мы выезжаем навстречу чешскому броневика, производя обстрел его, подрывная команда взрывает мосты ж. д., и мы едим обратно в Половину, где разрушаем стрелки, телефоны и т. д. И отступаем на р. Белую, где уже была линия окопов. Подрывная команда взрывает одну сторону моста, и на утро появляется чешский броневик, которого наша батарея сшибает. Недалеко был фронт на р. Белой, пришлось отступать дальше. Нас с броневика заменяют и

отправляют во второй совполк, в предместье Глазково, г. Иркутск. Простояв немного, едем в Култук, где и выступаем на позицию, на Култукские сопки. Получаются сведения о том, что чехи и казаки идут в обход на Тункинский тракт, нашу роту (или больше, не помню) с батареей и пулемётами бросают по тракту. Около 70 вёрст мы за ночь в дождь подходим, только расположились, около речки, приходит донесение, что чехи в Култуке прорвали фронт и подходят к Слюдянке. Мы оттуда уходим, придя в Култук, оказывается, что всё спокойно и линия окопов занята нами. Но дальше началось наступление на чехов и в результате измены командира Мадьярского отряда Лаврова, который ещё от Нижнеудинска обещал поквитаться за нанесённую ему обиду, фронт был прорван и нам пришлось в беспорядке отступить к ст. Слюдянка, где опять временно выставили цепь, но недолго, а пришлось отступать к Мурина, где и продолжался фронт около месяца.

Нас где перебросили на ст. Мысовую, откуда почти всех указанных здесь лиц, бросили частью на ледокол «Байкал» и «Ангара» для замены явно контрреволюционно настроенной команды этих ледоколов (некоторых лиц). На ледоколе «Байкал» была батарея, командир тов. Ямпольский, помощник командира тов. Жамбин Василий, где мы и участвуем в рейсе по Байкалу, обстреле позиций чехов и т. д., когда начали предполагать, что придётся отступать. Мы со ст. Танхой перед утром поплыли в Мысовую, и вот в часов 6 утра на горизонте показался пароход с 2 баржами, при осмотре в бинокль некоторые утверждали, что это наш «Товарищ» возвращается из Селенгинска, а другие говорят, что это «Кооператор», оставшийся у чехов. Поверили первому и решили ехать его встречать, и когда развернулись громадным боком ледокола, раздался выстрел из 3-дюймовки, который подсказал, что это враги. После нескольких выстрелов снаряд попал в верхнюю палубу, и ледоколу пришлось возвращаться к берегу, всей команде отступать на станцию, где под шрапнельным огнём противника уже отступали наши части. Первыми пошли санитарные, штаб и другие. Показалось, что чехи высадили десант на сопках около ст. Посольской на речке Селенге, и от ст. Посольской разобрали путь, примерно сажень на 30–40, и первые поезда сошли с рельс, где подверглись обстрелу с берега Байкала, а потом белые начали зверски расправляться с ранеными и больными красноармейца-

ми, вытаскивая их на берег и расстреливая кучами. Но благодаря подоспевшим нашим частям, путь был восстановлен, и началось общее наступление на белых и защита сзади отседающих чехов.

В результате нас решили так же двинуть в тайгу и оттуда продолжать борьбу с белыми. В этот день, прохотив вокруг сопки, утром двинулись дальше, и к вечеру догнали своих около 700 человек, с которыми шли 8 суток по тайге, без хлеба, соли, питаюсь только убитыми лошадьми. Войдя в первую деревню, рассыпались в разные стороны. И мы в числе 5 чел. оказались в 120 верстах от Нижнеудинска в дер. Мухор-Шибир, где у старого фронтовика (фамилию не помню) прожили около 15 дней, скрываясь на сеновале, пашне и т. д. Дальше решили, что скрываться нельзя и двинулись на Нижнеудинск, где были схвачены на мосту реки Уда и брошены в тюрьму, где и просидели 3 с лишним месяца, и в тюрьме нас, черемховцев, было около 120 чел. тулунских, Храмцовых 2-е и др. В результате по требованию черемховцев, когда здесь уже была колчаковская власть, мы из тюрьмы были освобождены. Надо сказать, что если бы в то время черемховцы были твёрдо подчинены хорошему командованию и т. д., то не сломить бы чехам той геройской стойкости, которую проявляли в отдельные моменты горняки Черемхово.

ГАННННО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 615. Л. 1–12. Машинопись.

Воспоминания А. А. Артемьева о революционных событиях в 1917–1920 годах в районе поселка Мишелевка

К началу 1917 года на фабрике, бывшей Метелева, работало рабочих до 700 чел. Основной костяк рабочих был призван в царскую армию на империалистическую войну и до 100 чел. рабочих были освобождены от военной службы для производства работ на оборону страны (выработка фарфорового изолятора). Основной политической группой существовала группа ссыльнополитических, и лишь незначительная часть молодых рабочих была втянута в политгруппу. Доминирующую роль играли в группе т. Белоновский – ныне коммунист, Степанов – коммунист, Гогуадзе – меньшевик, Молоканов – меньшевик, Стенин – ныне политически неопределившийся.

Весть о Февральской революции на фабрике была получена телеграммой 28 февраля. Рабочие все без исключения отнеслись радостно этому событию и устроили манифестацию с пением революционных песен, в которой приняли участие поголовно все и это было впервые за все время существования фабрики. Имеющаяся на фабрике полиция из 4-х чел. не оказала никакого сопротивления, добровольно сдав свое оружие. Для соблюдения порядка и установления нормальной жизни был избран так называемый «Наблюдательный комитет», народная милиция и народный трибунал. В марте месяце т. Белоновского отозвали, и вся политическая роль перешла к группе Молоканова, Гутыдзе, которые вели всю свою деятельность по меньшевистскому пути. Голосование списков проводило с широкой агитацией за список № 2, к которому принадлежали меньшевики и большевистский № 7, остальные списки занимали буквально незначительный удельный вес. Результат голосования был в пользу списка № 2. Октябрьская революция на фабрике прошла спокойно. Фабрика у Метелева национализирована не была, а был установлен рабочий контроль т. е. создан рабочий комитет, руководителем которого был А. Н. Горохов.

Понятие о большевистской партии у рабочих сложилось летом 17 года. Сначала из выступлений т. Степанова, а позднее приезжал на фабрику большевик Парняков, который устроил диспут с меньшевиками – основным докладчиком был Константинов от меньшевиков и от большевиков. Конец собрания был сорван специально эсеркой Морозовой. Отсюда, нужно сказать, было положено начало большевистского влияния на фабрике, которое в значительной степени закрепилось и усугублялось рабочими с фронта (фронтвиками). Большевистское влияние возросло тем более, когда приехали на фабрику от большевиков тов. Рютин, на собрание с меньшевиком Самохиным. Рабочие выслушивали Рютина, а Самохина слушать не стали, а демонстративно с пением революционных песен покинули собрание. Доклад Самохина осталась слушать незначительная часть меньшевиков, человек 20 или 15. В начале 18 года большевиком Степановым была организована политическая школа молодежи, которую посещала молодежь. Результат от школы был незначительный, так как она прервала свои занятия. Июньские события в Иркутске с кадетами

рабочих фабрики не потрясли и лишь только для рабочих становится понятна борьба за существование Советской власти, когда подходила черно-белая армия к Черемхову. Из Черемхово были посланы два человека рабочих для привлечения рабочих на защиту Советской власти. Был собран многолюдный летучий митинг рабочих на базарной площади. Рабочие к приезду отнеслись хорошо, и была организована группа рабочих в Красную гвардию до 35 чел., которые рабочие одобрили, провожали все демонстрацией. Армия чехов в то время подходила к Черемхову – бои были на ст. Тыреть. Часть рабочих, чел. 15, ушли со ст. Половина обратно на фабрику.

Частично нужно сказать послужила трусость ушедших и главная причина то, что на ст. Половина произошел конфликт между русскими красногвардейцами и мадьярами на почве того, что русскими был арестован командующий фронта Орлов, якобы за измену, но мадьярами был освобожден. Мадьяры подготовились для отражения в случае нападения красногвардейцев. Оставшихся в Красной гвардии имена помню не всех, но часть знаю: Вышинский Иван, Ефремов Семен, Костин С., Березков Ал., Куденко С., Каминский Ю., Карпунов Трофим, Грушко Яков, Агладков И., Дубровин А., Якунович А. и я (Артемьев А.). Погибли на фронте: Костин С., Березков Ал., Куденко С., Картунов Тр. Приход чехов на фабрику был принят недоброжелательно – во время переправы чехов через реку Белую были выкрики наиболее смелых рабочих, что де «не перевозите своих врагов», особенно настаивала на этом учительница М. Н. Попова. В конце 1918 года была организована подпольная группа большевиков, в которой состояли (всех не помню): Бальгин В., Каминский Юр., Дубровин А., Зверев М., Грушко Я. и др. Группа направляла свои действия по пути помощи красным партизанам, которые скрывались в округности фабрики. 12 июля 1919 года был совершен налет 7 красных партизан (братья Жилкины 2 чел., Григорьев Николай и др.). Налет на фабрику был совершен с целью снабжения своего отряда деньгами, одеждой и оружием. Нужно считать налет удавшимся, было взято денег до 2000 р., пишущая машинка, несколько лошадей и была обезоружена колчаковская милиция. Рабочие налет одобрили и оказали помощь продуктами и даже трое рабочих сделали попытку уйти с отрядом, но отрядом приняты не были.

В конце 1919 года весть о свержении колчаковского правительства была привезена специальными людьми из Черемхово, которых не знаю. Последние устроили собрание рабочих в клубе и все революционные желания рабочих сумели спуститься на тормозах. Нужно полагать, что эти люди были представители эсеровской партии. Большевик Степанов тоже пошел на эту удочку, т. е. призывал рабочих не учинять никакой расправы с антиреволюционными элементами. Даже не произвели арестов кого нужно, например, не был арестован сельский староста Брыткин Сергей, который играл гнусную роль в период колчаковщины – возил карательный отряд в Тайгу за красными партизанами и приводил карательный отряд на место стоянки красных партизан, где была боевая стычка, в результате которой были мертвые красные. Также нужно было произвести арест управляющего фабрики Златковского, который, подлизываясь своим служебным положением, преследовал красногвардейцев и т. д.

В декабре месяце на фабрику пришли два краснопартизанских отряда Уварова и Смолина. Рабочими были приняты партизаны очень радушно и охотно рабочими были размещены по квартирам. В это же время записалось рабочих в отряд до 200 чел. Отряды вооруженные имели только гладкоствольное оружие и потому командир, объединивший под своим командованием отряд, поставил жестокие условия: кто не служил на военной службе, тот должен отказаться от выступления с отрядом, «мне не нужно баб, а нужны воины, согласные погибнуть при первом боевом выступлении», много других страстей в этом духе. В результате из записавшихся осталось 11 или 13 чел., по фамилии: Вершинин Н., Бобенко Н., Афанасьев А., Зверев И., Булгаков П., Пономарев Б. и я. Отряд был направлен на ж. д. магистраль ст. Половина. Ушедшие в красные партизаны рабочие ни один не покинул рядов до юридического увольнения.

Трудности 1920 года дали возможность поднять голову меньшевикам, так как эта группа, подчеркивая трудности, играя на голодной струнке рабочих, создавала себе авторитет. Не редкими [были] случаи, что кандидаты, выставленные в фабричный совет, проваливались на грани рабочими. Ячейка партии в то время составляла 23 чел. и комсомольской ячейка до 20 чел. В целом нужно указать, что рабочие фабрики с начала Октябрьской революции

сочувствовали большевикам, не были революционны, так как оседлость – свои усадьбы и подсобное хозяйство, заедали их, отсутствовал стимул для выступления и защиты Советской власти.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 430 Л. 1–6. Машинопись.

Воспоминания начальника 1-го партизанского отряда Евгения Ивановича Куприна о черемховцах

Ночью мне разведка доносит, что неподалеку движется какой-то красный отряд из гор. Черемхово. Через некоторое время приезжает один из бойцов черемховской рабочей дружины, где мне сообщил, что он с товарищем ехал вдвоем, вез два воза оружия и боевое снаряжение, но проезжая леском, лошади их устали, оружие осталось среди дороги. Необходимо поехать и возы привести, из бойцов отряда быстро собравшиеся поехали. Через некоторое время привозят два воза винтовок и патронов. Винтовки штук 8 были мексиканские, 11-зарядные, патронов к ним тысячи четыре. Затем винтовки 8-зарядные и 1-зарядные, патронов тоже много. Вот когда я получил эти винтовки, я свободно вздохнул, что отряд у меня теперь оружием будет обеспечен, хотя не полностью, но все же будет хорошо иметь столько новых винтовок. Возрадовались и мои бойцы партизаны, радости не было конца. Особенно в период партизанщины оружие это было все богатство для красного партизана, да ещё патроны. Наш этот товарищ из рабочих Черемхова рассказал, что их много уехало на Вознесенский завод, где и хотят создать боевой штаб для нападения на Капшеля. Утром я с отрядом выступил на соединение с черемховскими партизанами. Но поехал не в Вознесенский завод, а в село Голуметь. Из Голумети тов. Смолина отправили в Вознесенский завод для связи, там же было устроено военное совещание начальников отрядов и помощников. На этом совещании мне быть не пришлось, т. е. я оставался при отряде, а ездил туда мой помощник тов. Ренолин, его оставлять при отряде я боялся, так как он сильно зашибался самогоном бурятского производства, а положение было серьезное и опасное, в любой момент могли надвинуться каппелевцы, и отряд мог пострадать.

29-го января было военное совещание. На военном совещании был избран начальник всех объединяющих партизанских отрядов

и рот тов. Вдовин, начальником штаба т. Москвитин. Правда, Вдовин был офицер колчаковской армии, но пришлось ему доверить командование как спецу, а над нашим назначить политического комиссара тов. Кричанова (или вроде что-то похожая фамилия). Нас всех в то время было всего 8 отрядов, в том числе и рот. По порядку: 1) 1-й рабоче-крестьянский отряд, 2) 1-я рабочая рота, 3) сводная рота 17-го желез. дорож. батальона, стоявшего в Черемхово, 4) отряд коммунистов под командованием был тов. Леонидова, 5-й отряд, 6) 1-й летучий отряд, в котором я находился начальником, 7) учительский отряд, 8) хайтинский отряд. Вот всего было восемь боевых единиц, которые впоследствии и были объединены под одно командование. Я был назначен командиром сводных отрядов, т. е. под мое командование была мне прислана черемховская рота, командиром в которой был тов. Барсов.

* * *

Воспоминания о борьбе с белобандитами

С 8 на 9 февраля, часов в 10 вечера я получаю донесение о том, что значительная белобанда в количестве человек 400, хорошо вооруженная, находящаяся неподалеку от Алят, в деревне Байбачий. Эти белогвардейцы, по всей вероятности, поедут сюда через Б-Петухово. Медлить здесь было нельзя, здесь нужно было принимать какие-то меры, иначе можно было стравить весь отряд. Отряд состоял из 120 человек, а белогвардейцев – 400, да притом хорошо вооружены, открытый бой к ним принять, т. е. в лоб, рискованно, может быть много жертв у меня в отряде. Здесь необходимо нужно было принять какую-нибудь уловку. Подумав своей мужицкой головой, помозговал и решился проделать с отрядом рекогносцировку – вернулся обратно по направлению к улусу Аляты. Но недалеко от деревни Б-Петухово находилась заимка Усова, где я остановился. Заимка Усова стоит в шести верстах от той главной дороги, которая проходит из Бабагая на Б-Петухово. Такой удар будет неожиданным и конечно легко с ними будет справиться, несмотря на их превосходящую численность моего отряда.

Ночь, мороз крепчает, и трещат деревья от сильного холода, стали подыматься в гору. Едем тихо, лошади то и дело останавливают-

ся. В их ноздрях от сильного мороза получают льдинки, лошадям дышать становится трудно. На санях сидеть тоже невозможно, бойцы все время бегут рядом с лошадьми и греются около оглобель. Проехав верст 14, вот гора и оканчивается. Поехали хребтом, как бы равнина, ребята сели на подводы и поехали, разговор прекратился, едут молча. Каждый думает о том, что вот скоро мы доедем до Мотов, где ночуют белые, и понятно, что каждый боец в своей голове рисует картину по-разному. Один видит, т. е. воображает, что вот мы уже подъехали, идет служба. Белые спали в тепле, повыскакивали в одном нижнем белье. Другой воображает, что идет перестрелка, у третьего воображение то, что он уже ранен, из раны идет кровь, и сестра делает ему перевязку. Четвертый вспоминает о доме, о жене, о детях, а если да пуля его сразит, останется его хозяйство – разорится, детям будем плохо, они будут холодны, голодны и раздеты. Но быстро у него мысль изменяется, и он говорит просьбу шепотом: «Колчака свергнут и Советская власть позаботится о его семействе, а он должен этот белогвардейский отряд разбить, не дать ему соединиться с забайкальским царем – атаманом Семеновым. Не дать им, чтобы они вторично совместно с японцами пришли к нам в Иркутскую губернию и вешали беспощадно рабочих и крестьян». Каждый из бойцов думал свои думы, потому что времени становилось мало и скоро будет кровная развязка с теми палачами, которые тысячи верст едут и не хотят добровольно сдаваться Красной Армии, а думают ещё мстить в будущем.

Вот показалась первая подвода, которая ещё до нас не доехала. Перед боем мною было дано по отряду такое распоряжение, чтобы из бойцов ни один не стрелял первым, выстрел произведу я сам лично, потому должна быть выдержка. Я это имел ввиду то, чтобы белые как раз ехали в сферу огня, дабы захватить их больше... И я, повстречавшись с целью [с] левого фланга, произвел выстрел по пассажиру, вслед за мною началась учащенная стрельба. Передние лошади, часть из коих была убита, остальные дальше двигаться не могли, некоторые лошади бросились в сторону от дороги. Разведка белых, услышав стрельбу, она стала с левого фланга нас обстреливать. Но я передал на левый фланг тов. Яковлеву, чтобы он с 10-ю человеками повернул фронт и обстрелял разведку. И это было удачно, из них несколько человек было убито, они обстреливали из автомата ручного пистолета Шоша. Одновременно с

правого нашего фланга часть белых сгруппировалась, а потом в цепь и стали обстреливать наш правый фланг. Но и тут им много не удалось, так что они быстро были сбиты, часть их перебили, двое из них были ранены, а 14 человек взято в плен, в том числе одна женщина. Убитых было человек 20–25, также убитых было 15 лошадей. Лошадей сорок взято живыми и весь ихний обоз.

[В] штабе полка оказалось, что этот отряд состоял исключительно из офицеров. Офицеров было 75, а солдат 14 человек и 4 женщин офицерских жен. А всего 93 человека, вооружены были до зубов: имелось 2 Шоша, у каждого кроме винтовки были револьверы, наганы и браунинги во главе этих остатков начальником был полковник Герасимов, он ехал совместно с женой. Полковник Герасимов Борис Аполлинарьевич был командиром 25-го егерского имени Колчака полка Екатеринбургских горных стрелков. Так именовался этот полк, но почему-то штатами на некоторых бумагах был 8-го Екат. полка им. Колчака. Из расспроса одного пленного, Мулинцева Петра, он бывш. екатеринбургский, рассказывал, что этот полк когда-то состоят исключительно из офицеров. Правда, когда я стал просматривать эти все штабные бумаги, то послужные списки были почти что только офицеров, небольшая часть солдат. Во время боя сам полковник Герасимов был убит, также и его жена, она была когда-то аристократкой в г. Екатеринбурге (ныне Свердловск). Как видно, работала на этом поприще порядочное время и искусство она любила, много было ее стихотворений из разных заметок. Особенно мне помнится, на одной ее фотографической картинке было написано: «Служение искусству – ставка на жизнь». Но ещё такие были заметки, а затем были и в другом смысле, которых теперь не припомню, правда, читая ее разные заметки, приходилось сожалеть о ее преждевременной смерти. Возможно бы, она пригодилась и при существовании Соввласти, но, конечно, революция не считается не только с приверженцами белых, но если потребуется, то и с противцами.

Во время боя из крестьян возчиков ни один серьезно не пострадал. Несмотря на то, что ни одна сотня была выстрелена пуль, крестьяне убитые не были, правда, один из ямщиков, то есть подвозчиков, был ранен в бок и то очень легко, которому тут же была сделана перевязка, и он хорошо себя чувствовал. Из отряда белых кроме убитых, двое тяжело были ранены в спину навывлет. Они

лежали на дороге, когда я подошел к ним, в это время подбежало несколько бойцов, которые хотели их пристрелить, питая к ним большую злобу. Но я им этого не позволил, один из раненых лежал на дороге, фамилия его была Семенов, он просил, чтобы его взяли в деревню. Он говорил, что у него здесь ехала с ним совместно его жена. Кроме того, ещё говорит, что он якобы учитель, я сам лично ещё с другими товарищами обоих раненых положил на сани и отправил в деревню, их завезли в бывшую сельскую управу. Затем сразу же мною туда были отправлены для устройства перевязки. Но через некоторое время ко мне приходят сестры и заявляют, что они их не перевязали, потому что бойцы не дали их перевязывать, говоря: «Пусть сдохнут неперевязанные». Тогда я вторично их послал, и строго наказал, чтобы бойцы не чинили препятствия в смысле перевязки раненых, тогда они пошли и сделали перевязку. Когда пришли ко мне, я их спросил: «Сильно ли тяжелое ранение?» – «Тяжелое, один через несколько часов умер, а второй, возможно, что выздоровеет», – но впоследствии быстро оба умерли.

После одержанной победы, мы взялись за чаепитие. И крестьяне в деревне Моты-Бадары нас приняли хорошо. Бойцов угощали не только мясом и чаем, но была и самогонка. Буйства или каких-то безобразий не наблюдалось. Все было тихо, только можно было слышать между собой их разговоры, как им тяжело пришлось сидеть в снежных окопах. Сильно перемерзли некоторые, поознобили ноги. Тошно было слышать и такие разговоры о том, что он стрелял хорошо, без промаха, от него беляк убежал далеко по льду, но он его со второй пули выцепил и тот упал. Пленные были посажены в одну комнату, к ним приставлена стража. Я стал с ними разговаривать и их спрашивал о том, почему-то они до сих пор не сдались красным, а хотят ещё пробраться к атаману Семенову. Среди пленных был брат полковника Герасимова штабс-капитан Герасимов, он был ещё в погонах, а также ещё у человек трех были погоны, а у остальных не было, как видно, успели сами с себя их снять. Дальше я задавал вопрос, что их отряд последний или ещё позади их едут, то они мне сказали, что за ними движется отряд человек в 400 под командованием монгола, фамилия Инборисова. Возможно, что они это соврали, и этим себе сделали хуже. Я сперва полагал их оставить всех живыми, но когда они сказали,

что сильный отряд Инборисова движется по этой же дороге, то я их решил всех расстрелять.

Отобедали, попили чаю в Мотах, крестьяне все приходили и нам жаловались на белых, что они их грабили, над женщинами и девушками производили изнасилования. Особенно командир эскадрона поручик Озорин много бесчинствовал во время ночи, он много пил самогона и пьяный творил безобразия. Кроме того, крестьяне благодарили за то, что я им их лошадей вернул. Пробыв в Мотах часа три или четыре, после чего выступил из Мотов обратно в деревню Шарагун. Отъехав от Мотов версты три, отдал распоряжение пленным расстрелять, которые были расстреляны в числе 13 человек. Среди них одна была женщина четырнадцатая, которая была привезена в город Черемхово, где и оставлена. Когда отряд выступал из Мотов, то крестьяне пришли ко мне и стали меня просить винтовки, говоря, что в лесу теперь убежали белые, и они теперь придут к ним, будут им мстить за то, что, мол, вы нас подвели. Я просьбу крестьян удовлетворил, выдал им 5 штук винтовок старого образца. После крестьяне мне сообщили, что им были пойманы белые в лесу, которых они тоже расстреляли. Правда, как будто этот поступок был нехорош, пленным расстреляли. Особенно мною лично было ж дано распоряжение, возможно, что история меня в этом будет обвинять. Но в то время каждый бы сделал так. Я полагал, что если отряд Инбарисова в количестве 400 человек с нами повстречается, то эти пленные для нас будут обузой, это с одной стороны, а с другой могут нам многое навредить во время боя. А если хотя бы и этого не случилось, то все равно из них не было бы друзей рабочих и крестьян. А они были бы друзья атамана Семенова или барона Унгерна. А нам они все же были бы враги, и больше бы легло красноармейцев от их рук в Забайкалье или в Монголии и лучше было с ними или от них отделаться. Пусть они не существуют.

Приехали уже поздно в Гымыль, переночевав, отправились в город Черемхово. Проезжая по дороге, везде видно, [что] все опустошено и разорено. Конечно, деревни стоят в целости, но не сена, ни соломы нигде, видно, все съедено. И потом заедешь куда-либо в деревню и зайдешь в дом, на дворе нет сена, а в амбаре нет хлеба. Не только бойцов покормить, но и у некоторых и себе ничего не было поесть. Таковая была картина там, где прошли белые банды,

как куча саранчи уничтожила посевы, такие эти колчаковские защитники. Приехав в город Черемхово, отряд расквартировался по Каменной улице. Лошадей кормить совершенно было нечем, нет сена, нет овса, а также нет и соломы. Положение было скверное, дальше в Черемхово оставаться было нельзя, и я пошел к коменданту города. В то время комендантом был некто Юниус, с которым переговорив, он мне написал, что я из города выехал со всем отрядом в район Залари или Тырети. Из города Черемхово отряд выступил вечером, поехали параллельно с железнодорожной линией, не доезжая разезда в Забитуй, отряд заехал на одну заимку погреться. Я же узнал, что в Забитуе стоят румынские эшелоны, и проезжать отряду мимо их это было рискованно. Тогда я решился вперед отряда уехать в Забитуй, и поставить румынское командование в известность, что будет двигаться красный партизанский отряд.

Тревожное сообщение тов. Москвитина. По приезду в пос. Тыреть тов. Москвитина он пришел ко мне в квартиру, где он мне вкратце сообщил, что его родной брат Сергей был убит белыми. Дальше рассказывал о том, что Шиткинский фронт – это была большая угроза для белогвардейщины, которые и старались его ликвидировать в первую очередь. Немало на этом фронте было честных бойцов за Советскую власть. Продолжает дальше, белогвардейщина нами разбита. Но в будущем, и возможно, не в далеком, нам грозит опасность со стороны беляков (беляками он назвал белогвардейских офицеров, тех, которые влились в ряды Красной Армии около Красноярска и других мест), их в настоящее время полно в рядах Красной Армии, и они занимают высокие командные должности. «Ты сам можешь убедиться, что я был начальником фронта. Приходилось командовать в самых тяжелых условиях, не было ни хлеба, [н]и обмундирования. Партизаны были холодны и голодны, а кроме того с плохим оружием, и мы выдержали весь белогвардейский натиск. Теперь же, когда пришла Красная Армия, то я теперь состою командиром взвода конного эскадрона, а командиром эскадрона – бывший белый офицер, он командует и дает все распоряжения. Это у нас в эскадроне я знаю, но возможно, что и в верхах тоже есть ихние беляки. Пройдет некоторое время, и они могут проделать по-своему, тогда наше дело опять беги в Тайгу, партизанить опять, доставай в бою голыми руками оружие. У наших врагов вот это и может случиться».

Я ему задал вопрос: «Но ведь у нас во главе Коммунистическая партия, она следит за этим». Но тов. Москвитин Константин мне стал возражать, говоря, что если бы партия за этим следила, то белогвардейцев не поставили бы на командные должности.

Для меня это тоже стало подозрительным и тревожным, как пословица говорится: «Горячим обожжешься, и холодного боишься». Так и тут ничему не веришь, только веришь себе да мужику партизану, знаешь, что он уже преданный Советской власти, испытал тайгу, голод, холод – предателем не будет.

Тогда я задаю вопрос тов. Москвитину: «Почему вы все партизаны влились в ряды совместно с белыми?» Он мне отвечает: «Да мы не хотели вливаться в ряды Красной Армии, в которой находились белогвардейцы. Мы хотели быть самостоятельными партизанскими полками, просили, чтобы нам дали политические силы для просвещения в политзнания партизан. Но нам в этом отказали, а предложили нам всем партизанам влиться в Красную Армию. Хотя мы бы и не пожелали, но нам приказывают это сделать, что будет дальше, не знаю. Только боимся, чтобы командный состав из белых нас не подвел в будущем».

Обсудили всесторонне этот вопрос. Я тоже над этим вопросом призадумался, что действительно, не произошла бы опять какая измена со стороны комсостава. Тогда мы с тов. Москвитиним остановились на следующем: немедленно написать письмо тов. Бурлову, Дворянову и Звереву следующего содержания, что пока еще не пришла в Иркутск Красная Армия, которая состоит почти из партизан, поэтому нужно сформировать особый партизанский полк и этот полк ни в коем случае не должен вливаться в ряды Красной Армии, т. е. он будет под командованием Красной Армии, но чтобы его расформировать по частям, на это соглашаться не нужно. На этот полк можно всегда будет надеяться, ибо в нем белых офицеров не будет и, если произойдет измена в Красной Армии, этот полк будет опорой, он обратно может уйти в тайгу и из 10 000 тысяч партизан будут опять десятки и сотни тысяч.

Вот таковые наши были разговоры и суждения с тов. Москвитиним. Конечно, нужно сказать, что мы неправильно это все понимали и такой перед собой фантазировали страх. Но, как говорится, у страха глаза широки, мы боялись, чтобы опять нам не остаться без оружия, по-нашему, как будто бы и было это правильно. Наша

мысль не была контрреволюционная, но нужно сказать, что она была бы вредна и возможно опасна. В чем же выражается опасность? Большой опасности здесь быть не должно, но были бы ненужные жертвы ради своего незнания и политической отсталости.

Написав письмо, я немедленно решил из Тырети уезжать – отряд остался слишком малый, с которым я выступил по направлению в Иркутск через Балаганск. Полагал, что тов. Бурлова я застану в Балаганске по прибытию туда, [но] он уже уехал. Тогда я поторопился поскорее пробраться в город Иркутск, а главное, чтобы вперед Красной Армии, так мне говорил тов. Москвитин, если вперед прибудет в Иркутск Красная Армия, то партизанский полк сформировать уже не удастся, поэтому я и поторопился в Иркутск. Проезжая через села, везде и всюду утвердились следы опустошения каппельцев. Приезжая в Иркутск, в город не поехал, а остановился в селе Жилкинском. Бойцы остановлены были по квартирам, сам в первую очередь нашел штаб тов. Дворянова. Он был уже там, передал ему письмо тов. Москвитина, а также сообщил на словах, о чем мы говорили с тов. Москвитиным, что может быть угроза со стороны белых, поэтому немедленно нужно сформировать один полк из партизан под своим командованием. Тов. Дворянов мне говорит, что у него только остался штаб, а бойцы влились в Иркутскую дивизию Нарревармии, скоро и штаба не будет. Тогда я иду к тов. Звереву, передал ему письмо также и слово, что в будущем нас может ожидать. Тов. Зверев на это согласился быстро, прошла агитация в запасном полку Нарревармии за формирование отдельного партизанского полка из 8000 человек. Партизаны почти единогласно были настроены против комсостава Иркутской дивизии, потому что здесь был и капитан Решетин, это в запасном полку и другие белогвардейцы, а особенно недовольствовавшиеся на командира, который был из генералов. Это был генерал майор Лесков, когда-то якобы при колчаковщине был начальником дивизии в городе Омске.

Таковые были сведения – вот тут партизаны и зашумели, что нам нужно создать свой партизанский полк под командованием своих же партизан. Уговаривать было трудно, особенно ребят из полка тов. Ступина. Но вот тов. Звереву, как бывшему командиру советской армии северо-восточного фронта, партизаны стояли довольные, полк должен состоять из 8000 тысяч человек. Но прошло дня три, срочно последовал приказ о том, чтобы не фор-

мировать партизанского полка. Сколько бойцы ни шумели, так полк сформирован и не был. Я со своими бойцами оставшегося отряда уже находился в Иркутском запасном полку, на должности был начальником полковой пулеметной команды. Все имевшееся запасное оружие и патроны, лошадей я сдал в полк. Сперва командиром полка был тов. Мухачкеев Николай Михайлович, а потом бывший генерал Лесков, военком тов. Нагорный. Но слишком немного пришлось быть на должности комполка Лескову, как только пришла в Иркутск Красная Армия и особое отделение. Я помню, в одно прекрасное утро на дворе шёл дождь, была сильная грязь. К нашему помещению подъехал автомобиль, это приехали чекисты. Они взяли и бывшего генерала Лескова и других генералов, которых уже взял к себе на службу комполка Лесков. Человек 7 было арестовано во главе Лескова, но капитана Решетина в это время не было. Автомобиль ушел, а бывшего капитана Решетина повели под стражей пешком. Тогда только партизаны свободно вздохнули, что белогвардейцы командный состав убрали из полка. А до того среди партизан действительно здесь могло это случиться, а потом смогли бы винить партизан. А ведь они не виноваты были бы в этом, но они ушли бы в тайгу и впоследствии были бы бандитами, они не хотели быть контрреволюционерами, но их бы впоследствии история в этом обвиняла. Как враги революции – так теперь обвиняются историей бывшие известные партизаны Лубнов и Рогов.

Вот наглядный и характерный случай, который я сам лично наблюдал и в своей душе испытывал тревогу за Советскую власть. Пусть история не обвиняет тех старых партизан, которые сделали ошибки, ибо эти ошибки были неумышленные. Они любили Советскую власть, но они впоследствии заблудились по своей малоразвитости, особенно по политчасти. Все ценности, которые мною были взяты во время боя при деревне Моты-Бадары от командира 25 егерского полка горных стрелков имени Колчака – серебряные деньги и вещи были сданы в Государственный банк. Кроме того, при белых имелись послужные списки, которые тоже были взяты и переданные мною в политотдел Иркутской дивизии Нарревармии. Очень характерные были послужные списки офицеров, [в] которых говорится, что такой-то офицер, например, там фигурировал капитан Роджер и другие. Что под

Красноуфимском разбили в большом количестве красную банду, столько-то человек убили, столько-то взяли в плен. Дальше, конечно, пишется благодарность и чины из поручика в штаб капитаны или в капитаны и в таком виде. Затем ещё очень интересный был документ французского представителя, на котором написано по-русски и по-французски, я теперь очень сожалею, что все те ценные бумаги я тогда их передал в политотдел. Возможно, что они затерялись, теперь бы они были ценнее и нужнее, но я полагал, что они тогда будучи нужные особенно для ВЧК. Послужные списки бывших офицеров, интересный дневник жены командира полка полковника Герасимова, где она описывала о том, как они отступали и красные все впереди их, где она говорит, что только те бредут по сугробу отступая (при сем книжка дневника госпожи Герасимовой Инны). Последняя была убита во время перестрелки из засады совместно со своим мужем полковником Герасимовым. Так окончена была карьера командира 25 егерского имени Колчака полка Екатеринбургских горных стрелков полковника Герасимова, а также других его соратников, которым не пришлось пополнять ряды белых банд атамана Семенова. Они остались навсегда в деревне Моты-Бадары, а на Забайкальском фронте меньше было жертв в рядах рабоче-крестьянской Красной Армии, а также Народно-революционной армии. Так прошло 3 года борьбы за власть Советов, с февраля 1917 по февраль 1920 года. За эти три года маленьким простым людям пришлось испытать многое, пришлось проделать ту революционную работу, которая была под силу простому рядовому крестьянину. Желательно было бы сделать больше, но настолько только хватило сил и энергии, прошу историю не судить строго, если сделано мало, больше сделать не смог. Нужно сказать, что много мною забыто, т. к. прошло много уже времени. Каждый отдельный случай позабывается, то, что припомнил, о том написал. На этом заканчиваю.

Бывший начальник 1-го отделения
летучего партизанского отряда
Северо-Восточного фронта Евгений Иванович Куприн.
15\3-1926 г., поселок Тыреть Зиминского уезда
Иркутской губернии.
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 389 Л. 35-51. Машинопись.

ЗИМИНСКИЙ РАЙОН

Воспоминания Е. Дубининой о прошлой подпольной работе в г. Зиме

Начало усиленной подпольной работы в Зиме нужно отнести на сентябрь 1919 г., когда началось движение чехов и бегство колчаковской армии на восток, а также паническая рассеянность местных гарнизонов, [что] дало возможность подпольной организации развернуть свою работу в области и связаться с Черемховской организацией и с партизанскими отрядами, в то время их было два в Зиминском районе.

Собирание средств, оружия и инструментов для разрушения ж/д, если что понадобится. Работать приходилось при следующих обстоятельствах. Штаб-квартира находилась по улице К. Маркса (быв. Телефонная), № 11 в доме Дубининой. Имелся типограф для печатания прокламаций и воззваний к населению, [с целью] дать помощь наступающей Красной Армии, а также и чехам о невмешательстве в организацию и свержение колчаковской власти. Распространения листовок у нас был пункт, клуб бывший домом Бутовича, где был снят буфет для этой цели. Там же находился и склад оружия, собранного для передачи партизанским отрядам. Участие в подпольной организации принимали следующие товарищи: Спиридонов, Клапатовский, Дубина, Коваленко, Сизых, Шаптаров, Максимский, Бабарик, Соколов, Ионов, Дубинина.

О работе каждого находившегося в организации говорить не буду, напишу только о своей работе, что было на меня возложено и мной проделано в то время. Первое: собирание сведений, каково отношения населения к наступающей Красной Армии. Второе: распространение листовок и воззваний. Третье: через меня и знакомых мне крестьян имелась связь с партизанским отрядом. Четвертое: когда был сделан переворот организацией по поручению Черемховской

организации и Иркутского Политического Центра на третий день после свержения колчаковской власти в г. Зима, были арестованы чехами следующие тов.: Березкин, Спиридонов, Сизых, Мальцев, которых лично мне пришлось выручать из-под ареста через посредничество чешского коменданта, которого пришлось просить, как за своего брата одного из арестованных и добиться личного свидания с ним, и поговорить с ними о настроении населения в связи с их арестами. Второе мое свидание повело к освобождению заключенных товарищей. Пятое: с наступлением каппелевцев, от которых нужно было оградить г. Зиму, были стянуты все партизанские отряды и часть войск из Иркутска и Черемхово, из которых 500 чел. пришлось мне кормить, т. к. склад запасов находился у меня. Вмешательством чехов был сорван наш фронт около деревни Уктуй. И сейчас сделали нападения мадьяры, которые арестовали революционный комитет и штаб, находившийся в доме Бутовича. Во время паники многим товарищам пришлось помочь бежать. Оставшись на свободе, мне пришлось усиленно работать, т. к. всё было возложено на меня, поспешить захватить документы, как революционного комитета, а также из штаба военных частей и уничтожить их. После такой паники партизаны разбежались кто куда.

Мне пришлось спасать несколько человек, которые спаслись, но один из партизан попался в руки каппелевским патрулям, и они его под угрозой расстрела заставили выдать, кто его передел и он, по своей молодости, выдал меня. Когда пришли ко мне с обыском на квартиру, то он указал: «Вот эта женщина передела меня». Мне пришлось отказаться, но он уверял, что его одежда осталась у меня (его одежду я заблаговременно уничтожила), хотя при обыске ничего не нашли, но меня арестовали каппелевцы и препроводили для допроса к генералу Сахарову, не дойдя до генерала, мне пришлось столкнуться с комендантом и мотивироваться тем, что у меня ничего не нашли и что мы совсем не ожидали расправы с мирными жителями, указав ещё на то, что у меня двое больных детей, а они действительно были больны в то время. Он выразил: «Это ещё что за бабьи слёзы, на кучу её». В это время его делопроизводитель сказал, что он меня знает и ручается. Что я на это неспособна, что я не принимаю участия у красных. Это поспособствовало моему освобождению из-под ареста (фактически, я этого делопроизводителя совершенно не знала). Выйдя из помещения, то тут же, недалеко,

в огороде, расстреливали партизан, которые были задержаны по улицам. Конечно, очутившись на свободе, я решила скрыться. В мое отсутствие каппелевцы вновь сделали у меня обыск и забрали всё, что им понравилось. При натиске Красной Армии им долго не пришлось хозяйничать, тогда они стали делить ту одежду, которую сняли с расстрелянных партизан, радуясь своей добычей. Я им заметила: «Напрасно радуетесь», тогда один из них ударил меня, сказав: «Мне так хочется тебя убить». Другие его отговаривали, говоря: «Нам нужно скорее ехать».

После их отъезда мне удалось встретить одного из подпольных товарищей, который сообщил мне, что революционный комитет, который был арестован, будут расстреливать. В то время ещё энергичней пришлось спасать товарищей, которые сидели в клубе на жел. дор., где было две двери. На первых дверях стояла охрана чехов, которые менялись через каждые два часа, в этот период приходилось надевать на себя две одежды и добиваться личного свидания, одну одежду приходилось снимать, [в] которую одевался один из товарищей и по чёрному ходу мог бежать, приходилось проделывать такую комбинацию несколько раз. В моей квартире находилась одна девушка, которая работала сестрой на нашем фронте, и она часто помогала мне в этой работе. Много ещё работы было проделано мной для организации, которую за давностью времени упомянуть не представляется возможности.

Только та кошмарная картина, которая проходила на моих глазах, глубоко запечатлелась в моём сердце. Те груды безвинных дорогих товарищей, которыми был усеян весь овраг, с болью в душе приходилось сказать: «Спите, дорогие товарищи, дело, начатое вами, мы довершили до конца».

30 августа 1927 года

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 494. Л. 8–9. Машинопись.

Воспоминания 1918 года красногвардейца Долгих о событиях в п. Тыреть

Прибыл я с Германского фронта 10 марта 1918 г. Председателем волостного Совета депутатов был тов. Шеин Иван Ильич, коммунист, он же первый организатор Совета Тыретской волости и

организатор крестьянской коммуны. И он же с несколькими товарищами – Литвинцевым Сергеем, Щаповым Михаилом и другими разогнали земскую власть, арестовав крестьянского начальника Райнерта Адама Адамовича.

Среди населения было большое недовольство кулачеством и спекулянтами, у последних товар реквизирувался и сдавался в местное П/О. С них же брался в виде налога и реквизирувался рабочий скот с уплатой им нормальной стоимости, последний раздавался бедноте и солдатам-фронтовикам, так же потерявшим хозяйство. Вопрос недовольства к Соввласти особенно раздувался, агитировался эсерами, кулаками и спекулянтами, которых в районе было порядочно. Лидерами их были: вполне идейный эсер, местный фельдшер Двизин, Сергеенко и спекулянт Вантштейн Семён. Этот вопрос дошёл до того, что потребовали созвать волостное собрание, кажется, в апреле месяце, на котором, главным образом, стоял вопрос о переизбрании председателя Совета тов. Шеина. Беднота была организована ещё плохо. На это собрание съезд съехалось, главным образом, кулачество помимо членов Совета. Председатель Совета тов. Шеин выступил с отчётным докладом о деятельности Совета, но доклад не хотело слушать это бурное собрание, а кричали: «Убрать, убить его на месте и т. д.», а главное, обезоружить. Их не интересовала работа Совета, а была задача убрать как личность Шеина. Дошло до того, что один полицейский, некто Раков, подобрался к столу и хотел схватить Шеина, но тут были уже приняты меры, и это виновное собрание особого кулацкого созыва исчезло на несколько минут.

В результате состоялись перевыборы, и новым желанным председателем был избран Безносков Елисей, зажиточный, вполне разделяющий аппетиты кулачества и спекулянтов (теперь отнесён к середнякам), через него и установилась с Иркутским эсерством связь, где уже находился крестьянский начальник Рейнерт и было достаточно оружия для вооружения их группы.

В мае месяце проходили чешские эшелоны под видом их ухода на родину через Владивосток. В связи с проездом, а также участвовавших выпадов среди населения против власти, по распоряжению Центра был создан, помимо Исполкома, ревком, председателем которого был избран тов. Шеин. Последний создал из более сознательных и преданных крестьянский отряд в 65 человек глав-

ным образом для охраны в то время от проходивших эшелонов чехов, дабы не получилось какой-либо провокации со стороны антисоветских элементов, а также и охраны посёлка. Так как часть населения была вооружена достаточно доставленным оружием из Иркутска и частью привезённого и проданного с фронта солдатами подобным элементам, которые начинали уже делать открытые вооружённые выступления против власти. Яркое выступление в Троицком заводе во главе с Обрушниковыми и Замашиковыми, которое, конечно, пришлось ликвидировать. И когда более надвигались угроза, особенно с выступлением чехов в Н-Удинске, были вынуждены приступить к разоружению населения. Частично оружие отдавали добровольно, а в большем приходилось делать обыски и таким образом извлекать, даже возили с собой пулемёт. К разоружению приступали через общие собрания. Приблизительно в последних числах мая чехи сделали восстание в Н-Удинске, якобы им тормозили в проезде, но это было лишь хитростью, чехи дали возможность русской белогвардейщине расправиться там с органами власти и большевиками. С чехами были переговоры, но в результате ни к чему не привели, а лишь дали им возможность ликвидировать имеющиеся там наши части. После этих переговоров созданся Н-Удинский фронт. Во главе белогвардейщины стал полковник Ушаков, который и расправился с сочувствующими Соввласти. Белогвардейщина уже продвинулась до Тулуна. С нашей стороны Иркутска были приняты меры к задержке, пошла организация отрядов в посёлке на фронт, в числе которых пошёл и наш Тыретский крестьянский партизанский отряд (список прилагается особо).

Посылка отряда на фронт. Тыретский отряд был отправлен, хорошо не помню, но кажется, числа 8 июня. Под общим руководством тов. Шеина, комендантом отряда был избран Безносков Назар, но, как командир, оказался не способен. При отряде была пулемётная команда. Отряд прибыл на фронт в распоряжение штаба фронта, командующим был тов. Конторович (теперь неизвестно где). Наш отряд и отряд I-ый международный пролетарский, командиром которого был тов. Лавров (офицер). Эти два отряда пошли в наступление на Н-Удинск по шоссе со ст. Худо-Еланск, а рабочие отряды черемховские – по ж. д. направлению. Не помню точно, какого числа начались бои с чехами на горе «Уда».

С нашей стороны была батарея и несколько пулемётов. Чехи же во время перемирия на горе Уда приготовили окопы и при появлении наших частей, встретили сильным пулемётным огнём. Бой начался часов с 4-х утра и часов до 10–11 ночи. В течение дня отряду Лаврова, в котором было большинство мадьяр, пришлось отбить бесчисленные атаки чехов со стороны, у которых работало большое количество пулемётов. Было ранено мадьяр до 50 человек и несколько убито. В течение этого боя наши части входили в окопы чехов, но благодаря превосходству сил, в результате вынуждены были отступить. Наши бронированные автомобили, за недостатком бензина, не могли подняться на гору и оказать частям реальную помощь. Железнодорожное направление из рабочих отрядов дралось сильно, и оно в первую очередь начало отходить, не выдержав напора чешских войск. Недостатком их служило отсутствие дисциплины, неумение владеть оружием, а также и трусость. Был очевидцем, как бросившие фронт, бежали одиночками босиком, бросив оружие, чем разлагали и остальных. Также лично при мне командир отряда Лавров ловил подобных воинов, обувал, вновь вооружал и отправлял в отряд на фронт. В таком положении продержались не более суток. Чехи сделали обход на ст. Шебарта, там стоял наш отряд человек в 200. Чешская конница напала на отряд, человек 20 убили, а остальные разбежались.

Отряд этот также был не дисциплинирован, насколько выяснилось, в эту ночь играли в карты и т. д., что способствовало обходному отряду чехов подойти вплотную. Для ликвидации обхода была послана мадьярская рота, которая действительно успешно ликвидировала, очистила путь для дальнейшего отступления. После чего фронт сделал основательное отступление до ст. Тыреть, уничтожая за собой часть мелких мостов, сжигая на них балки и шпалы. На станции Тыреть решили создать задержку фронта, т. к. способствовала местность высоты над рекой Унга, но поскольку части приняли панический характер лишь показался чешский броневик, так трудно было удержаться. Дождавшись ночи, вновь отступили, давая местами непродолжительные остановки, как например, на реке Белой держались несколько дней. При остановке на ст. Тыреть был подтянут отряд и дедушки Каландаришвили, который впоследствии был в Иркутске и Слюдянке, но отряд боёв

не принимал, как не принимал впоследствии и отряд Лаврова, а лишь вели охрану тыла железной дороги.

Бои на Байкале. Главные бои были на Байкале. Чехи успешно продвинулись вперёд. Нам немного пришлось задержаться в Слюдянке. Потом оттеснили нас почти до Танхойа, где наши части, сгруппировавшись, пополнились, и было сделано наступление с нашей стороны. Заняли станцию Мурино, где и были самые большие в то время бои в продолжение суток трёх-четырёх, после чего чехи с белогвардейцами отступили. Нашим частям было отдано распоряжение о преследовании отступающих. Командиром боевого участка был Хлебников (прапорщик) так называемого уже Прибайкальского фронта. За отступавшими продвинулись верст на 20. Конная разведка, пробыв там около суток в количестве 5 человек, на смену прибыла Аргунская сотня казаков и уже к этому моменту уже двинулась и вся наша армия, которую чехи встретили оружейным редким огнём, а сами отступали дальше (затягивая за собой нашу армию). Часть нашей конной разведки во главе с командиром отряда тов. Тютюновым направилась в разведку в падь, кажется, Волчью, около Муриной, верстах в пяти, где разведка обнаружила крупную засаду человек 1000, специально отступившую. У них уже был проведён телефон к линии жел. дороги, где так же были наблюдатели и под мостом даже 3-дюймов. орудия. По обнаружении донесли командиру участка, последний назвал даже трусами, говоря, что увидели 5 чел. и испугались и не придал этому значения. Но чехи, видя, что обнаружены, приняли меры наступления. Время склонялось к вечеру. Это было в конце июля и уже под закат солнца эта засада подошла вплотную к жел. дороге. К этому времени подошёл отозванный с фронта броневик (сделанный Ж.Д. мастерской) и 2-й цементовый, только пулемётный. Засадой чехов под мостом был разведён путь, как раз против пади, где и сошёл с рельс броневик, а чехи с гор вели сильный оружейный и пулемётный огонь.

В это время с нашей стороны стреляла одна рота, да конная разведка и подошедшие броневики. Но чехи, пользуясь удобным для них местом, в результате одержали победу, перебив почти всю прислугу на броневиках в отверстия бойниц. Последние оставшиеся, дожидались ночи и бежали. На утро подошёл пароход «Ангара», с которого били из орудий по сопкам, но тоже неудачно.

Зачастую снаряды ложились по своим и таким образом реальной помощи не было. В результате боя оставшиеся отступили, понесши значительные потери бойцов, броневиков и др. припасов. А командир участка Хлебников покончил самоубийством (застрелился).

Дальнейшее отступление. На одной из маленьких станций, кажется, ст. Кедрово, отступавшие оставшиеся части сделали «митинг» – что делать дальше. Выяснилось, что на этом митинге, на котором присутствовал и я, были все части фронта, тут же и выяснилось, что вся армия на лицо, это после Муринского боя, но что-то очень мало, не больше 300–400 человек, которые никак не хотели больше и задерживаться. Пополнений не было. Отступили до Верхнеудинска, где дали передвинуться этим частям, а к этому моменту чехи уже навестили В-Удинск с аэропланом и сбрасывали листовки с предложением сложить оружие добровольно, что те лица не будут наказаны, в таком духе. За это время сгруппировали отряд, который хотел отступить в Монголию, с ним собрались отступить главком фронта т. Голиков, Метелица (казак офицер) и Шеин Иван Ильич (главный интендант фронта). Т. Гитоса, командир конного отряда, но в результате суточного ожидания не могли, выяснилось, что тов. Гитоса занялся уже выпивкой, что видели многие, как ехал по ж. д. Амурской, и таким образом отступил уже на поездах до Читы, где им откровенно сказали, что расходиться, кто куда желает.

По отступлении из Тырети. Как только отступили из Тырети, вступили чехи и белогвардейцы, начались первым делом расправы.

Расстреляно: 1) Глазунов Иван Фил. 2) Маковский Никифор, 3) Агафоновы, отец и сын, 4) Бузинцевы, отец и сын, 5) их родственник Петр, 6) Долгих Никита Антонович, 7) Буценовских Анисим, 8) Привилихин Николай, 9) Бабкин Прокопий, 10) Литвинцев Алексей, 11) Парамонов, 12) Николаев Алексей и 13) Маркин – пред. Ревкома.

Охрана. По уходу красных была создана дружина для охраны из вполне надёжных и преданных лиц шедшей новой власти. Комendanтом охраны посёлка стал как самый передовой местный спекулянт Ванштейн Семён, который и руководил, расставлял посты, раздавал оружие и хранил его.

Отступившие с частями несколько человек: 1) Косых два брата, Иван и Гавриил, 3) Долгих Н. А. 4) Рютин Ив. 5) Лавицкий Дмитрий, 6) Нестеров Георгий и 7) Кочергин Прокопий. Нестеров был чехами ранен в плечо на 6 версте от Тырети около будки, а под Кочергиным убили лошадь, а большинство отряда остались, ограничившись отрядом в сторону, как выехали и все жители посёлка в связи с установлением позиции.

Поимка красных и суд. С приходом белых сразу же были приняты меры к поимке красногвардейцев (большевиков) и сочувствующих Соввласти, которые на первых шагах расстреливались. Указанные выше товарищи (в ст. «Отступление из Тырети») 15 человек. На первых порах кучкой организовавшихся судей, а именно: пристав Крыжановский Павел Кайтанович, 2) Ванштейн Семён (местный спекулянт), 3) Привилихин Спиридон (бежал в Харбин), 4) Сергеенко – местный кулак, 5) Селиванов Иван (казак), 6) Сердюков Емельян, 7) Титилькин – уголовный элемент.

Техника суда была такова: к смертной казни осуждались общим собранием граждан через посредство катания шаров в урну. За такого рода подачей голосов строго следили выше названные кучки судей, даже предлагали обвинять. Гр-не, боясь, чтобы их не примешали к участникам большевикам, закатывали шары на обвинение, а главное, сами судьи вкладывали шары сами на обвинение. И когда достаточно расстреляв, избив, искалечив такой постановкой суда, то впоследствии уже было отдано чешским командованием создать комиссию по ведению подобных дел.

Мародёрство: имущество красногвардейцев отбиралось, как признанное всё награбленным, конечно, по указанию местных судей, хотя весь отряд состоял из местных крестьян, часть середняков.

Местное потреббощество, за исключением мануфактуры, которую погрузили в интендантство, также было всё разграблено ютившимися гражданами в посёлке, очевидно, специально для этой цели. И вот пришлось видеть нам самим последним отступивших Косых, Нестеров, Власенко застали в П/О. Новикова Илью Ивановича, который накладывал разные товары и, очевидно, приезжал уже несколько раз, нам сказал, что он немного для себя взял соли и ещё что-то, а гр-н Галанов вывозил плуги, хлеб и даже куриц из коммуны, в чём сознался позднее. Такие явления

целиком легли на Красную гвардию. Агитировалось и раздувалось среди населения, что разграбили красные. Это привожу как пример, а сколько их осталось незамечено. И они, сколотив своё хозяйство, живут теперь безбедно, да ещё и недовольны Соввластью.

Бывший красногвардеец 1918 г.,
отступивший с армией, Долгих.
24.04.1926 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 494. Л. 5–7. Машинопись.

Копия протокола опроса Никиты Никитича Красикова

Гражданин Красиков Никита Никитич, зимовья Малого Кибирева: 3-го мая приехали ямщики мальшовские и харизовские. Мальшовские – Соколов Алексей, а харизовские – Зайцев Константин, и с ним был член общества потребителей Белых Фёдор, на этих подводах были конвоиры, потом подъехали 18 человек тыретских, ехали на прииски они, т. е. конвоиры. Ночь переночевали в покое, а утром 4-го мая ямщики ходили за лошадьми, один из ямщиков, Соколов, увидел, что едут двое верхом, едут не торопясь, и сказал своим конвоирам ребятам, что проехали по направлению к Большому Кибиреву.

Конвоиры схватили винтовки и побежали следом за бандой, потом вернулись из этого лесу обратно в Маленькое Кибирево и стали вооружаться в то оружие, которое было при них. Когда вооружились, то ударились вторично в погоню, через несколько время мы слышали стрельбу, народ был ещё в Мал. Кибиреве, после окончания перестрелки 18 членов тыретских решили ехать вперед, [в] Жигалово и поехали. Соколов, Зайцев и Белых остались дожидать своих конвоиров. Через несколько времени Белых сказал Соколову и Зайцеву, чтобы запрягать лошадей и поехали к ребятам. Соколов с половины дороги вернулся назад, а Зайцев уехал в Большое Кибирево и через несколько время Зайцев везёт на своей подводе одного убитого шубы, шапки, с ними же идут остальные, сдавшийся в плен Комаров. Теперь подъехал Зайцев к своим лошадям.

Из помещения Малого Кибирева вышел Белых и Соколов навстречу Зайцеву и спрашивают, что там случилось. Один из бандитов, который назвал себя усть-удинским милиционером, сказал, что получилось недоразумение, побили свои своих, притом один из этих бандитов спросил, кто хозяин. Зимовник указал, что хозяин стоит вон там, в стороне, потом подходит ко мне бандит, называемый милиционером, спрашивает сено и овес. Я зимовник сказал есть. Бандит попросил пуд сена и пуд овса, дал я им, что они просили, т. е. сено и овёс. И при этом жалею ребят, потерянных на стороне конвоиров, и с этими разговорами зашли в помещение, спросили у хозяйки яиц и мяса. Сварили им яиц и принесли им холодное, и вся компания села за стол чай пить: Комаров, Зайцев и Белых сели всех позади. Бандит говорит, что не разобравши стали стрелять, мы же вам кричали, что мы Усть-удинская милиция, кто этому виноват, сказал бандит – конвоиры, вы виноваты сами, вы у нас убили лошадь, а мы у вас побили товарищей. Потом Комаров уличает одного бандита своим товарищам, что служили вместе, но фамилию не припомню, и начинает продолжать разговор, как ходили в отрядах за Развозжаевым. Спрашивал Развозжаев Комарова, Комаров ему рассказывал, после этого разговора Развозжаев вышел на двор и за ним двое бандитов, и оттуда со двора пришли, Развозжаев папиросами угощает Комарова, закуривали они, потом Развозжаев и говорит Комарову: «Вот ты, дружище, ходил за Развозжаевым, видел его или нет, и знаешь ли его?» Комаров отвечает: «Нет, не знаю». – «Но вот, теперь посмотри Развозжаева». Комаров испугался и весь почернел.

Развозжаев стал спрашивать, из-за каких интересов Комаров записался в партию. – «Мы, власти, работаем и нас жизнь сама подводит к этому». И при этом Комаров спрашивает Развозжаева: «Из-за каких интересов вы скрываетесь по тайге, делаете набеги и грабежи?» Развозжаев на это ответил: «Под вид банды делают грабежи и налёты сами коммунисты». Теперь спрашивает Комарова: «Какую свободу вы, коммунисты, дали беспартийным? В 20-ом году разверстку гнали, стращали. Это и есть свобода? Вы видели, что у Развозжаега есть 5 коней и также корова и хлеб, который зарабатывал мой отец, по этой убийственной дороге. Вы говорили, что надо взять у него, он – буржуй, но мы этого не могли перенести. Вы согласны были сами выступить против власти в защиту

своего хозяйства, т. е. сделали восстание, а я не из таких как вы, чтобы быть двуличным. Когда вам пришлось туго, то вы пошли на сторону власти, а я задался видно, чтобы не быть трусом, пока живой буду, буду с вами, коммунистами, воевать. Сотню коммунистов я убил, а потом на вторую пойду».

Теперь вызывает Комарова на двор, со двора в помещение заводит уже связанного, а сам уходит обратно, потом из бандитов открывает дверь и кричит: «Кто хозяин? Выходи сюда». Бандит идёт вперёд хозяина, за ним заходят за зимовье, спрашивает: «Чья это лошадь стоит?» Я сказал: «Моя». Он взял одну лошадь, которая куплена 1-ого мая. Взял за повод, повёл, смотрит, какой у неё шаг, но лошадь оказалась хорошей. Бандит махнул рукой и ничего не сказал, пошёл в помещение и я за ним, хозяин. В помещении он говорит Зайцеву: «Пойди, расхомутай эту лошадь» и стал расседловать её. Зайцев ушёл обратно в помещение. Бандит кричит: «Кто хозяин, иди сюда». Я вышел, бандит говорит мне: «Открывай сеновал». Я, хозяин, открыл сеновал, в него заходят двое бандитов, говорят между собою: «Ага, два мешка овса есть, возьмём их обоим». Я, хозяин, стал говорить, что у меня овёс весь тут, а вы хотите его взять. Есть лошадь хромая, чем же я должен кормить её, без овса на ней в деревню не съездишь. Потом один бандит пошёл к своим засёдланным лошадям, посмотрел на седлах что-то и вернулся обратно в сеновал и говорит: «Возьмём один мешок». Взяли, развешали и положили на коня, а меня, хозяина, отправили в помещение. Развозжаев проверял документы, как у Белых, так и у остальных, и говорит Комарову: «Вот человек беспартийный, служит в кооперативе, а ты лез в партию коммунистов и сидишь связанный, Комаров, руками назад».

Потом Развозжаев вышел на двор и у возчиков осмотрел на телегах и вернулся обратно в помещение. Вынимая наган, и вооружился на Зайцева: «Давай своего товарища деньги, двенадцать рублей». Зайцев ему отвечал: «Вы их оставили в тужурке и сами положили её на телегу». Развозжаев говорит: «Не разговаривать, давай». Зайцев так испугался, что, не видя свои черки, одев в испуге хозяева катанки, принёс тужурку и достаёт деньги. Взял их бандит и положил себе в тужурку. У т. Кузнецова были в кармане книги и в ящике. Развозжаев разбросал их по двору, некоторые книги захватил в помещение, когда Зайцев принёс деньги, пере-

дал их бандиту, и в то же время он заставил снять с убитого Кузнецова кожаные брюки, френчик кожаный и сапоги. Зайцев снял и принёс в помещение Развозжаеву, вещи положили на стол, он ещё спрашивает, какие есть у них? Развозжаев схватывает на нарах куль и спрашивает: «Это чей?» Белых говорит: «Это мой куль, а остальные вещи будут солдат». Развозжаев стал вывёртывать из куля, в нём был наган, граната и всё забрал бандит, притом на нарах была шинель и ремень, это всё забрали.

Берёт связанного Комарова, а Развозжаев вернулся в помещение, а остальные бандиты на улице. Открывает дверь, кричит: «Хозяин, выходи на улицу», я, хозяин, вышел. Развозжаев мне говорит: «Кто у тебя есть на вышке?», я ему ответил, что за вышку я не ручаюсь. Развозжаев велел залезть на вышку, а сам стоял с ружьём, теперь выскакивает жена из помещения и сталкивает меня, пусть если убьют, то меня и я полезу. Жена полезла на вышку и кричит: «Нет никого». Но он сначала не верил, но я ему сказал, что я за жену ручаюсь. Развозжаев закричал, чтобы я ушёл в помещение, оставшийся народ в помещении приступил к окну и смотрел, что будет делать с Комаровым. Развозжаев крикнул: «От окна отойти». Все сразу же отступили от окна. В этот момент был выстрел, которым был убит Комаров. Зашёл бандит, сказал, что теперь можете ехать и заявить коммунистам в Ново-Уду: пусть делают засаду и будем ещё воевать.

Красиков Никита

Боец 2-ого отделения 3-его взвода 4-ой роты
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 494. Л. 17–19. *Рукопись.*

БАЛАГАНСКИЙ РАЙОН

Воспоминание Иваненко о падении Советской власти в Балаганском уезде в 1918 году

После разгрома белогвардейского Совдепа в г. Балаганске в мае 1918 года отрядом, прибывшим из Иркутска под командой тов. Рютина Мартемьяна Никитича, я сразу же вступил добровольцем в ряды Красной гвардии в г. Балаганске. Наскоро сколоченный [отряд] Красной гвардии в количестве до 50 человек, в том числе был и я. Отряд был оставлен в г. Балаганске для несения охраны города и вылавливая разбежавшихся белогвардейцев.

Получив сведения, что в 22-х верстах от г. Балаганска в местности «Талькино» скрываются офицеры, мне дается задание: проверить точно, где находится этот отряд и какое его количество. Получив в свое распоряжение 5 красногвардейцев, мы тронулись на разведку. Приехав в бурятский улус Талькин под видом белых (так как буряты усиленно помогали белым), стали спрашивать, где «наши» и сколько их еще осталось. Буряты сначала к нам относились недоверчиво и говорили, что они никого не знают. Пользуясь тем, что я немного могу говорить бурятским языком, мне пришлось их убедить, тогда только они нам рассказали, что они находятся в «Сухой пади» и что их там до 20 человек, там находились офицеры: Понамарев, Золотарёв штабс-капитан, Мельников, братья Сегины, Прохоров – фельдфебель и др.

Посоветовавшись с ребятами, как дальше быть, если ехать обратно – выдадим себя, а наступать, нас мало, решили таким образом: под предлогом быстрее найти «наших», взять с собой бурят и идти цепью. Дело было вечером, мы пригласили несколько бурят, обсудив положение, так, чтобы скорее найти «наших», дабы дать им знать, что делается в г. Балаганске. Решили утром ехать. Мы взяли с собой 10 человек бурят и поехали. Как только ста-

ли приближаться к указанной местности, пошли цепью, причем бурят поставили в середине. Заметив дымок около юрты и одного верхового, мы дали два залпа и сказали: «Рота, вперед! Ура», бросились на белых. Противник, не ожидая такого появления, бросился бежать, оставив на месте три воза, увезенных из Балаганска винтовок «тальянок» и 2 воза обмундирования бывшей местной команды и кое-какое барахло. Мы тут, долго не думая, запрягли брошенных лошадей, и поехали обратно, гордясь своей победой.

Приехали в г. Балаганск с трофеями и с этого момента нам еще не раз приходилось ездить за белыми. Почти такой же случай был в улусе Хореты, но здесь нам помогли сами буряты, т. к. белые стали отбирать у бурят золотые женские украшения и ценные вещи – мех, шубы. Здесь нам пришлось устроить хороший бой, т. к. белые оказали усиленное сопротивление, но, не выдержав, также бросились бежать, оставив 2-х пленных красноармейцев. А также здесь пришлось взять в плен одного белого добровольца – Сытина.

По отряду в Красной гвардии отличались ребята: Виниченко А. Г., Рычков Борис Григорьевич и Горячкин С.

Первое время наша Красная гвардия положила много трудов за поддержание порядка в городе, т. к. мещане города и местная буржуазия Горюновы, Татариновы и Бобровниковы были яркими монархистами и ненавидели красных (большевиков). Кроме того, усилила злобу местной буржуазии – это наложенная контрибуция т. Рютиным в сорок тысяч рублей. Вечерами всегда провоцировали буржуи, устраивали ограбления и стрельбу, а днем разбрасывали прокламации, что скоро будет переворот и красным крышка. Командование наше исполкомом (председатель которого был тов. Шиверский Тимофей) репрессивных мер не принимало – миндальничали. В июне, когда чеки усиленным образом продвигались по линии ж. д. на Иркутск, местная буржуазия начала поднимать голову, а вокруг Балаганска стали появляться белые, часть ребят нашего отряда под различными предлогами стали уходить из отряда и за неделю до переворота нас остались 22 человека под командой Комарова Макара Лукича, при помощнике комиссара т. Мельникове Михаиле Павловиче. Из красногвардейцев, помню, остались: Виниченко, Куренкин, братья Танеевы, Литвинцев С. и 4 мадьяра.

Видя такое положение, мы все же решили держаться до конца. Настроение у всех было бодрое. За два дня до переворота было по-

лучено распоряжение: вывезти при отступлении деньги из казначейства, которых было более полмиллиона. Наша разведка донесла, что по направлению к Балаганску движется отряд белых из Тыврети и что второй отряд движется из Шалоты (бурятский улус). Всего в 2-х отрядах – до 100 человек. Командование наше решило боя не принимать, а отступить, т. к. все равно бесполезно. Два члена исполкома – Самарин, Рубцов и командир поехали в казначейство за деньгами, а отряд стал грузиться на плашкоут. Пока они пересчитали деньги, да составили акт о приеме денег (казначеем в то время был Костин И. А.), чехи с белыми уже въезжали в город. Последняя застава дала тревогу об опасности и стала также отступать к плашкоуту. Не успев захватить денег, два члена исполкома поплыли в лодке вниз по Ангаре, а командир прискакал к плашкоуту. Подписанный акт о приеме денег так и остался, а денег взять не успели (подробно может рассказать тов. Рубцов Иван, ныне находящийся в коммуне «Верный путь» около Новосибирска).

Когда был поднят красный флаг, в рядах у чехов стали кричать и махать руками, что не ездите. Я вскочил и стал отвязывать плашкоут, но тов. Мельников мне запретил, говоря: «Я сейчас пойду к ним на переговоры», но мы его непустили, он же выхватил «браунинг», и хотел выстрелить. В то время раздался залп, и засыпал пулемет.

Мы ответили не более 2-х залпов, больше не смогли. Лошадей всех у нас побило, убило трех рулевых и несколько ранило, один мадьяр, когда его ранило в ногу, бросился в Ангару со словами: «Живой в руки не дамся», – так и утонул.

Перебравшись на другую сторону Ангары, мы за церковью сделали совет, как дальше быть. Командир говорит, что надо всем спрятаться, быть может, из Иркутска придет помощь, а Мельников говорит, что теперь ничего не выйдет, надо пока расходиться в одиночку. Решили остаться на последнем, пошли кто куда. Как только чехи овладели городом, начались «порядки», кого в тюрьму, кого пороть. Моего отца взяли заложником, предварительно избив до потери сознания (отцу было 58 лет), а два моих брата прятались по соседям. Отец, наверное, просидел бы долго, но при мобилизации потребовалось печи в казарме сложить и его выпустили для работ. Зимой брата исключают из городского училища как брата большевика, хотя я в то время был беспартийным.

Придя в деревню Карымскую бывшей Новопавловской волости, меня арестовали. В то время уже был приказ белых: «Красных ловить и на месте расстреливать».

Вечером собрался сход крестьян, куда привели меня, в то время практиковались и самосуды, сельский кулак Рютин настраивает меня расстрелять – большинство согласилось, и меня три деревенских парня провели в закоулок. Я в закоулке сшиб одного, и айда бежать, так и убежал (в 1921 году во время борьбы с бандой Донского и Чернова наш эскадрон случайно проходил мимо этой деревни. Я решил повидать б\к комиссара Рютина, когда его привели в штаб, как только увидел меня, он упал на колени и говорит: «Простите, мы были люди темные», – так его и отпустили).

По дороге из села Братска около Далановой меня поймали чехи, едущие из Николаевского завода, привезли в Даланово и посадили в амбар, к вечеру еще привели 2-х красноармейцев, бежавших с Тыретского фронта. Перед закатом солнца нас вывели, дают по лопате и повели. Приводят нас пять человек чехов к кладбищу, около забора заставили копать яму, предупредив, что если мы копать не будем, то они нас бросят так. Бежать нет никакой возможности, так как чехи были с винтовками на боевом взводе. Только сняли дерно, вдруг выезжает из-за кустов у заплота крестьянин на верховой лошади (очевидно, искал лошадей, т. к. у него через плечо висели узды). Видя такое «зрелище», он повертывает обратно. Чехи закричали: «Стой!», но он поскакал, тогда чехи, подбежав к забору, стали по нему стрелять, очевидно подумав, что это разведка. Мы, пользуясь таким случаем, бросились так же бежать. Не знаю, живы или нет, или убиты по дороге мои товарищи, но я бежал один.

Получив сведение в тайге (скрывался на Тулуновском тракте, Братском тракте), что в Черемхово переворот, я начал пробираться к Иркутску. Прибыл в Иркутск, переворота еще там не было. Боясь, что меня могут узнать «наши» в Балаганске, я решил пойти к жившим в то время в Иркутске по Сарафановскому проезду, д. № 28 Максимовым, где жил мой ровесник Павел, с которым я в Балаганске учился. Отец его в 1910–1912 гг. служил в Балаганске жандармом, думаю, что у них будет безопасно, т. к. колчаковщина у жандармов обыскивать не будет. Он тогда служил в Управлении Забайкальской ж\д, а сын его Павел – в таможне. Придя к ним, я говорю, что только из дому (Балаганска). Вечером, разговаривая с

Павлом, он мне по секрету передал, что сегодня ночью будет переворот. Я думал, что он меня на «удочку» ловит (сын все же жандарма). Я ему говорю, что неверно. Но он говорит, что «вот увидишь».

Вечером я отправился на станцию Иркутск, забился в углу IV класса (чтоб не могли узнать) и жду, что будет. Причем надо отметить: в этот последний день колчаковщины на станции творилось что-то кошмарное. По станции ходили, как дикие звери, «военные», милиция, преимущественно из китайцев, к тому еще на станции была часть китайцев из дикой дивизии Семенова. Никому не было проходу, всех пороли, и пороли потом даже за то, что не уступишь дорогу, когда милиционер или солдат.

Часов в 10–11 вечера на станцию пришли какие-то солдаты с винтовками, заняли все выходные двери, я думаю: ну, теперь крышка, больше не убежишь. Смотрю, всех милиционеров, кто был на станции или офицеров, забирают и уводят. Мне показалось, что то [было] провоцирующим, что хотят выловить красных, так как все эти аресты проходят без шума, никто не сопротивляется.

Часам к двум многие пассажиры стали переговариваться шепотом, что «переворот». Утром уже стали говорить открыто. Смотрим, повесили объявление: «Власть Колчака низвергнута. Командующий народно-революционной армии штабс-капитан Калашников». Я уже тут узнал, что переворот на самом деле, что это восстал 53 колчаковский полк (впоследствии он был переименован в 10-й советский полк).

Ну, я сразу же на другой день записываюсь добровольцем, получаю назначение в 4-ю роту. В это время из д. Максимовщины пришло крестьян добровольцев до 500 человек, которых так же разбили по разным частям.

На Иркутск стали наступать части семеновцев под командой генерала Скипетрова при 2-х броневиках. Разбив наголову семеновцев, которые наступали на Иркутск, НПШ 1-й бригады 10-го советского полка отправляют на ст. Зима против Каппеля.

Причем надо отметить, сколько было восторга, когда выжили японцев из Иркутска и знаменитые «миссии союзников». Картина была боевая. Стоит стрелочник где-нибудь в тупике у передовой стрелки, на левом рукаве у него красная лента и в руках винтовка. Так боролись трудящиеся за свержение Колчака.

Прибыв на станцию Зима наша рота разместилась в конце Почтамтской ныне Коммунистической улицы. Наш взвод был в резерве. Отделение наше стояло у кондуктора ст. Зима тов. Шестакова.

На другой день как мы прибыли, каппелевские части усиленно продвигались к Зиме. Часов с 2-х началась перестрелка в норах (б. улус) отрядом т. Дворянова Н. В. с наступающими каппелевцами. К 3 часам завязался бой в с. Ухтуй, в 9 верстах от станции Зима. Наш взвод был послан в засаду вдоль линии ж\д около хутора Иогансон. Как уже известно, что в Зиме чехи сделали измену. Днем к нам в штаб роты приходил комбат тов. Молжарин и три чеха, которые сообщили, что мы, чехи, вас поддержим. У нас тогда еще больше создалось хорошее настроение.

К нам в засаду прибыл один верховный чех, который передал, что сейчас к нам на помощь прибудет эскадрон чешских гусаров.

Смотрим, у переезда линии ж\д (где проходит Московский тракт) выгружается эшелон кавалерии чешских гусар. Выгрузившись, они направились по направлению к нам, мы же ничего не подозревали, что чехи сделали измену. Комвзвод тов. Жарчинский (из Бодайбо) и говорит: «Ну, держись, каппелевцы, мы Вам сейчас намылим». Как только подъехали гусары, обогнули сразу нас в кольцо, с шашками наголо кричат: «Бросай оружие». Мы оторопели, да и другого выхода не было, пришлось бросить оружие. Комвзвод вскричал: «Сволочи!» Тогда один из чехов выхватил наган и выстрелил в комвзвода и пробил ему ухо.

После нас построили в шеренгу, часть гусар спешились и хотели расстреливать, но на переезде, где выгружались чехи, уже собралась большая толпа народа, стали что-то кричать и махать руками. Нас погнали туда, пригнав на переезд, здесь, очевидно, было командование гусар, так как один из них что-то передал гусарам, конвоировавшим [нас]. Те выстроены, стали строить [в] шеренгу и нас. Собравшаяся часть жителей, кто плачет, кто смеялся. Нас каждого по очереди стали обыскивать и снимать одежду, предварительно избивая кто чем мог, мне досталось, однако, больше остальных товарищей. Очевидно, признав меня за командира, били меня до тех пор, что у меня пошла кровь горлом и из ушей, уже не говорю о носе. Проделав так всю процедуру, нас погнали к кладбищу «рощи», за ними пошла часть и населения, и ж\д рабочих.

На кладбище уже было расстреляно не менее 50–70 человек, из шедшей толпы были слышны возгласы «кровопийцы» по адресу чехов. Не знаю, по каким причинам нас не стали тут расстреливать, а погнали к Ухтую. В Ухтуе еще было стрельба, эта наша последняя цепь задерживала наступление каппелевцев.

Догнав до Ухтуя до мельницы, в нас был сделан чехами залп, поднялся крик, стоны и т. д. Бежать мы до этого не думали, так как были избиты и раздеты, а после залпа не знаем, откуда взялись ноги и бросались под откос в ельник, кто назад в Зиму, в общем, во все концы. Мы с Бакаевым, Макаровым и Кочневым побежали к участку Н. Чиркинский, по дороге мы еще соединились с другими ребятами. Всего пока мы бежали эти 7 верст до уч. Чиркинского нас набралось 18 человек, почти все раздетые. Мне Бакеев М. дал сохранившееся у него кашне, так как я был в одной нижней рубашке.

Идти сразу в село мы не решались, боясь попасть в руки чехов. Выбрали одного и послали, условившись, что в случае никого нет, то он свиснет. В селе никого не оказалось, мы по условному знаку бросились в деревню, разбегаясь по избам.

Я, как только взбежал в избу, сразу сделался без сознания, не знаю, сколько я пролежал, но когда я пришел в себя, то меня полили молоком. Потом дали горячей картошки. Крестьянин, к которому я забежал, оказался Горбуновым Н. Чиркинского участка.

Не успел я оправиться, как на улице шум поднялся, в избу вбегают мальчик и говорит: «Едут солдаты». Дальше бежать я не мог, не было никакой силы, да и был раздет. Я стал упрашивать, чтобы меня спрятали. Меня сажают в подпол и засыпают картошкой. В таком положении я пролежал, два дня. Оказалось, что это ехали белые Воткинской дивизии и Егорьевский батальон. Рассказывать о прелестях белых я не буду, их итак достаточно в истории. Белые говорили, что вы все красные, мы вас всех сождем. Как только выехала Воткинская дивизия, Горбунов спустился в подполье, отгреб меня и говорит: «Дела плохи, т. к. белые собираются весь участок сжечь». Он мне посоветовал бежать на Яхонтовский участок. Я вылез, он мне дал старый пиджачишко и указал дорогу. С дороги я сбился и попал на разъезд. Забежал в будку, где переводят семафор, там был один из рабочих, я ему сказал: «Спасите!» Рабочий заложил меня в будке, а сам побежал, ну, думаю, пропало все, выдаст. Смотрю, подъезжает напряженная лошадь, заходят

двое рабочих, один говорит: «Едем скорее». Привез меня рабочий к Яхонтовскому участку, указал одну избу и говорит: «Стучись, этот мужик надежный», а сам поехал обратно. Я постучал, вышла хозяйка. Я спрашиваю: «Здесь живет Антон Моисеенко?» Она ответила, что «здесь», а сама, очевидно, перепугалась и стала закрывать обратно двери. Я говорю: «Пойдем в избу и там поговорим».

Антон дома не было. Наскоро я ей рассказал, как и что. Стал спрашивать, где Антон, оказалось, что Антон – сторож жд моста на «Хорогане» (выше разъезда Ока 5–6 верст). На этот же участок привезли одного раненого с отмороженными ногами, который бежал с расстрела босиком, его звали Василием из г. Черемхова (фамилию забыл). Пробыл на участке Яхонтовском 7 дней пока не вступила регулярная Красная Армия.

В понедельник меня с Василием повезли в Зиму. Василия сдали в жд приемный покой, а я пошел на старую квартиру, где стояла наше отделение у кондуктора Шестакова. Зайдя в избу, тут были уже красноармейцы, увидев меня, жена Шестакова заплакала, причитая: «Как ты остался живой?» Такой картины я не мог вытерпеть и заплакал сам.

Оказывается, что жена Шестакова видела на переезде, как нас били и как погнали на расстрел в «рощу». Она стала рассказывать все красноармейцам. Красноармейцы дали мне белье и новую шубу.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 634. Л. 1–4. Рукопись.

Воспоминания для Истпарта от Крутелева

Я – член ВКП(б), состою с 1917 года, октября месяца, вступил в гор. Иркутске, когда организационное бюро партии было большевиков, секретарь бюро был тов. Гершевич, каковой чехами замучен был в 1918 году в городе Зиме. И так, находясь всё время в районе Тангинской волости на участке Рудчик, занимаясь крестьянством, мне пришлось видеть всю картину нашей революции, жизни наших тов. большевиков, каковые находились всё время среди крестьян. И вот начал Колчак проводить набор молодых солдат, а мы смотрели, как относится крестьянство. Родители говорили, [что] надо идти служить, а кто не шёл на службу, тот не хотел и сразу искал выход.

Начинал вести разговор с такими как я, которые шли за партию большевиков, и, обменявшись разговором, у нас рисовался план, как сделать, чтоб не идти Колчаку служить, что, ребята, не падай духом, тайга велика, пойдём обмундирование получим, а потом пойдём в тайгу. Итак, был у меня тоже брат Пётр Крутелёв, каковой был призван, а потом бежал, когда их угнали на фронт бить красных, то в наш район прибыло дезертиров членов 30, тут мы начали свою работу, подтачивать колчаковщину в 1919 году по распоряжению главы губернии Яковлева, каковой сделал распоряжение, чтобы сделать добровольный набор [в] карательный отряд из пленных красногвардейцев, которые были забраны под Уфой, и когда набрали, то послали в район Тагны под командованием одного подпоручика Антонова, имя неизвестно. И когда этот отряд пришёл в Тагнинскую волость ловить дезертиров, а в это время дезертиры были объединены вокруг нашей организации, и когда прибыл отряд на участок рудник, то из этого отряда некоторые имели 6-ти месячные документы, и когда они остановились у моего отца Крутелева и я, пройдя домой увидел, что из них есть люди с большевистским взглядом, и вот один, так называемый Кузнецов Иван, он уже имел сведения обо мне, о Крутелеве.

Итак, в 10 часов вечера он, Кузнецов, мне говорит: «Какой у вас отряд? Я, Крутелёв, в недоумении». После нескольких минут я ему предложил сдать мне на хранение его оружие, и он, Кузнецов, сказал: «Товарищ, я свой, и сдал оружие и предъявил своё удостоверение, которое было фиктивно выдано Иркутской организацией и второе действительное удостоверение. И тут Кузнецов мне говорит: «Что, можно у вас прожить?» Ответил, что можно. И вот через несколько дней отряд карательный в числе 18 человек на Покровском. Он же, Билигир, ушёл в тайгу, а потом ко мне, к Крутелеву. После чего мы установили связь по всем участкам, где имелись наши товарищи, и создали отряд в числе 25 человек. Тут и пошла работа подготовительная к свержению Колчака, и тут местные кулаки и торговцы села Тагны начали нас прижимать, зная, что в районе Тагнинской волости есть большевистская база, которую нужно вырвать скорей. И что же, в один прекрасный день на участке Поповки зашёл пообедать к тов. Маркову Ивану. Этот человек проезжает из Ленинграда, путиловец, у него семья состояла из его и его жены. И в этот момент прибыл отряд

из местных кулаков села Тагнинского и как раз заезжает сюда, в эту халупу, а наш отряд уже ушёл недалеко, так сажень трёхсот, и наблюдал, что он будет делать, так как сражаться не под силу было. Тут и началась бойня несчастной женщины путиловца, Макаровой жены, каковую вывели на улицу (дело было к вечеру в сентябре месяце), положили на крыльцо и под командой местного кулака Афанасьева Бориса Никитича, начали избивать невинную жену Макарова. Дали ей тридцать шомполов, подняли и спрашивают: «Скажи, кто у тебя был и кто обедал?» А она говорит: «Никого не было». Её опять спрашивают: «А кто у тебя шестью ложками обедал?». Она говорит: «А вам что за дело?» Тут опять приказ: дать ей понюхать трубку от винной бутылки [и] она скажет, кто был. Дали – и женщина уже при смерти. Опять подняли, и спрашивают: «Вино будешь пить?», а она в ответ: «Лучше выпейте мою кровь, нежели я буду пить водку». И когда сказала такое слово, то тут весь кулацкий штаб взялся её бить, и так закалённая женщина получила 55 ударов, где и была внесена жителями в избу после отъезда кулацкой шайки и пролежала 2-ое суток и на 3-и только что стала приходить в память, о чём и прошу в истории партии поместить данный подвиг крупными буквами, так как эта женщина была крепка на пути Ильича. Имя её я забыл, а она сейчас в Ленинграде.

Далее после чего наш отряд, видя, что уже подходит крах, и мы сделали заседание и решили сделать налёт и побить всех врагов, которые мешали нам вести работу. И так сделали: в сентябре пришли [в] село Тагну и тут порешили сделать расправу, что и выполнили: убили 5 человек, словом штаб контрреволюции при Тагне. А Афанасьев Борис тоже скрылся, и когда мы это сделали, то тогда ещё хуже стало. И так обозлилась эта свора, что и крестьян молодых и старых начали бить. И вот в начале октября эта чёрная реакция убивает 2-х наших товарищей, которые сбежали из Александровского централа и скрывались некоторое время у граждан села Тагны Утикина Трофима, который после состоял в подпольной организации.

Далее наш отряд помещался за Харбутынским участком. И вот, когда население, то, которое знали, начали их позорной смертью убивать, то есть вешать. Как это было на Харбутынском участке: повесили одного старика, каковой представлял им хлеб и тут убили в

тайге 4-х товарищей, которые находились там, ну а остальные были в другом месте. И так, когда убили этих 4-х, то у нас ещё плотней закрепились отряд. И уже стали приобретать оружие, так как у нас было мало, сами стали отливать пули бобитовые и заряжать патроны. Ну все же эта кровожадная свора ещё по инициативе Нестерова, жителя Котроткая, подделала налёт на дом Бритова Иосифа, где самого Бритова не было, а была жена с двумя детьми, да два наших товарища, Кузнецов Иван и один (забыл фамилию), и когда эта шайка начала стрелять, то жена Бритова вышла с грудным ребёнком на руках и говорит, что у меня нет никого и вела за руку 10-годовалого своего сынишку, дабы спасти, но тут Борк и Афанасьев вырвали из рук ребёнка, толкнул его в дверь избы и мальчик зашёл в избу, а в этот момент один ушёл, а Кузнецов хотел сберечь мальчика [и] остался. И тут пошёл бой, и героически два товарища, юный и взрослый были убиты, но они умерли, знали, что это не пройдёт зря ихняя геройская смерть. И вот мальчик Бритова 10-ти годов уже знал, что это враги, и он умер в руках с патронами, когда подносил Кузнецову для стрельбы, и после как убили этих двух героев, которые сражались полную ночь, то их, когда вытащили из халупы, и видя, что в руках мальчика обойма патрон, то эти кровожадные люди ещё мертвого ткнули штыком, говоря: «Зараза большевистская», о чём тоже прошу занести в историю партии крупными буквами.

Итак, что за период одного года и семи месяцев эта свора столько отняла жизни, столько наделала калек и столько надедала могил, что нам, старым работникам, приходится частенько вспоминать наших товарищей.

Член ВКП(б) Крутелев. 27 марта 1926 г.
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 494. Л. 12–14. *Рукопись.*

Очерк партизана Георгия Семеновича Чиркова о борьбе с остатками белогвардейских банд в 1920–1921 годах

Партизанский отряд т. Мясникова К., названный 2-й Боярский полк, родился в глухой тайге Восточной Сибири, в с. Боярском Киренского округа, недалеко от пристани Жигалово на реке Лене.

Во второй половине 1919 г. группа крестьян и рабочих пристани Жигалово, организованные т. Мясниковым, не имея оружия военного образца, захватили обоз небольшого белого карательного отряда, который расположился на ночлег, не предполагая, что в таком глухом углу могут быть «красные».

В результате группа т. Мясникова превратилась в партизанский отряд с собственным обозом, оружием, военным снаряжением и продуктами. Первой деятельностью отряда было превращение с. Жигалово в Советское с восстановлением власти Советов. Крестьяне окрестных сел и деревень, встретили новорожденный партизанский отряд с большим энтузиазмом, причем масса молодежи и даже пожилых крестьян вступила в этот отряд.

Связавшись со штабом Восточно-Сибирских партизанских войск, отряд т. Мясникова получил оперативное задание: двинуться в зону реки Ангары, где свирепствовала власть Колчака с мелкими карательными отрядами, как, например, отряд капитана Белоголового, Яковлева и др. Первое столкновение с белыми на Ангаре было под д. Мирославской: отряд белых, не принимая боя, скрылся, а отряд Мясникова без задержек пошел по направлению г. Балаганска.

В Приангарских селах и деревнях отряд Мясникова со стороны крестьянского населения видел радушный прием, отряд снабжали хлебом и другими продуктами, припрятанными от белых, в селах восстановилась власть Советов, и молодежь массами вступала в отряд. Не хватало оружия, шли со своими дробовиками, конями и пешие, без всякого оружия. Из окрестной тайги стекались дезертиры колчаковской армии и сбежавшие из Александровского центра красногвардейцы.

Враждебный элемент, колчаковская милиция и прочие, в панике бросая имущество, бежали с мест, занятых белыми. Карательные отряды также бежали с нижнего района р. Ангары и таким путем отряд Мясникова, не встречая на своем пути сопротивления со стороны белых, прибыл в большое село Коновалово, находящееся в 30 км от уездного г. Балаганска, занятого белыми.

Для того чтобы выяснить действительные причины большевистского настроения крестьян Приангарья, необходимо вернуться к периоду Февральской революции. Власть меньшевиков и эсеров крестьянскому населению Приангарья совершенно ничего

не дала. Не такой власти желали вернувшиеся с империалистической бойни фронтовики, в силу чего период до Октябрьской революции был сплошной агитационной борьбой против выборов в Совдепы и «Учредилровку» меньшевиков, эсеров и разных сибирских автономистов.

Особенно выделялись в этой борьбе по Балаганскому уезду т. Рютин Мартемьян, Рютин Илуп, Кузнецов Зотик, Самарин Н., Шиверских Т. и прочие. Не приписывая себе особых заслуг, я тоже вел агитационную борьбу в ряде деревень, в особенности в Светлолобовской волости. В результате Октябрьская революция среди подготовленных крестьян прошла безболезненно, меньшевики просто уступили место большевикам, а некоторые приспособились и стали «большевиками».

Советская работа началась. Проявляя волю бедняцкого крестьянства, во всех отраслях хозяйства была заметна перемена к лучшему. Крестьянство чувствовало себя свободно, и хотя беднота деревни осталась прежней, но появился какой-то новый подъем духа, который сгладил все шероховатости недостатков.

Жизнь деревни текла по новому руслу, как вдруг пошли слухи, что в Сибирь двигается какая-то армия Колчака, что последний объявил себя «Верховным правителем» и хочет свергнуть Советскую власть. Эсеры и меньшевики зашевелились, и как-то незаметно в г. Балаганске, параллельно с советским управлением, появилась Земская управа с директивами колчаковской власти и в скором времени эсеры сняли свои маски и открыто выступили против советских работников, которым под выстрелами пришлось бежать из Балаганска.

Первой жертвой колчаковщины был балаганский большевик т. Комаров Макар, расстрелянный по приказу управляющего уездом монархиста Сорокина. Начались преследования большевиков, создались небольшие карательные отряды и в результате порка крестьян шомполами.

Большевики, ушедшие в подполье, не теряли связь с деревней, в частности скажу, что наш Светлолобовский Совет существовал после падения Советов в Балаганске до 9 мая (старый стиль) 1919 года, где я работал секретарем, Советом выполнялись лишь те директивы, которые поступали из подполья и мобилизация молодежи для пополнения колчаковских войск была просто не выпол-

нена, в связи с чем в Светлолобовской Совет неожиданно явился управляющий уездом Сорокин. Увидев вывеску на помещении «Совет Крестьянских Депутатов», Сорокин из себя накричал на меня с обещанием «выпороть и сгноить в тюрьме».

Этот инцидент произошел в присутствии большого собрания крестьян, которые единодушно заявили Сорокину, что они колчаковской власти не признают и своих сыновей в его «войско» не дадут. В результате на другой день прибыл карательный отряд, вызванный Сорокиным, который произвел обыск в Совете и квартире секретаря, т. е. у меня. Выпорол несколько человек крестьян, а я, воспользовавшись оплошностью часового, выпрыгнул в окно и скрылся в тайгу.

За время с 9 мая по 1 октября 1919 года из деревень Светлолобовской волсовета дезертиров колчаковской армии набралось 22 человека, которые тоже скрылись в тайге или на своей пашне, скрылись также в районе Светлолобово и с. Шиверы. Балаганские большевики имели постоянную связь с деревней.

Колчаковцы деятельно принялись за вылавливание дезертиров и большевиков, посылая шпионов из местных кулаков (Аркадьева, Добежена Иннокентия и др.). Посылали большие наряды своей милиции и даже две роты енисейских казаков. Последние никого не выловили, а лишь выпороли нескольких пожилых крестьян и отправили их в Балаганскую тюрьму.

Бурятское население Приангарья тоже симпатизировало власти Советов, укрывая большевиков и дезертиров в своих улусах и снабжая их продуктами. Наступившие холода в конце сентября вынудили скрывшихся искать зимние укромные места, а некоторых залечь в тайге в вырытых землянках. Часть была переловлена и заключена в тюрьму, я тоже был выслежен по первому снегу и посажен в тюрьму.

При объявлении в Сибири власти Политического Центра, белые карательные отряды выбили из г. Балаганска, остались лишь местная караульная команда и две роты Байкальского полка, объявившие нейтралитет. Заключенные большевики, дезертиры и красногвардейцы (задержанные беглые из Александровского централа) были освобождены из тюрьмы и получили обмундирование, оружие и организовали особый отряд для борьбы за восстановление Советской власти. На другой же день наш от-

ряд договорился с караульной командой объявить в Балаганске власть Советов, 2 роты Байкальского полка также вошли в наше соглашение и власть Советов в Балаганске была восстановлена, прижавшие уши меньшевики и эсеры, не успевшие скрыться во главе с управляющим уездом Сорокиным, были арестованы и заключены в тюрьму.

Партизанский отряд Мясникова, прибывший к этому моменту в с. Коновалово, через посланных нашим отрядом делегатов, был осведомлен о восстановлении власти Советов в Балаганске и вскоре последний прибыл в Балаганск, где была организована торжественная встреча. Наш отряд влился в отряд Мясникова, а также и часть Балаганской караульной команды влилась в Мясниковский отряд.

Нейтральные роты были куда-то отозваны, а наш отряд, увеличившийся почти вдвое, получил распоряжение направиться в с. Александровское, где находится известный всем Александровский каторжный централ. Спустя несколько дней, в район Балаганска прибыл партизанский отряд Дворянова, который расположился в с. Малышевке.

До нашего отряда доходили слухи, что «Верховный правитель», теснимый со всех сторон партизанскими отрядами, вышел из Омска и движется вместе с чехами по линии Сибирской ж\д магистрали по направлению Иркутска. Что движется еще какая-то армия генерала Каппея. Слышно было о героических подвигах отряда Щетинкина.

Наши партизаны горели желанием встретиться с врагом, но на пути к с. Александровскому белых отрядов нигде не было, т. к. отряд Каландаришвили, своим удальством навел на них панику и они скрылись в глубокой Якутской тайге.

Между прочим, по пути в с. Александровское я в числе небольшой кучки партизан, был оставлен на охрану большого села Каменки, т. к. там много было кулацкого элемента. В 18 км в Черемхово стоял большой отряд чехов, дня три-четыре мы квартировали в Каменке спокойно, как вдруг прислуга кулака Сысоевского донесла нам, что чехи собираются напасть на Каменку.

Наш командир роты т. Козлов, распорядился немедленно оставить Каменку и засесть в лесу. Козлов говорил, что чехи вооружены до зубов и нам с ними не справиться. Я предложил Козло-

ву устроить маленькую хитрость: послать двух партизан по селу и делать пометки на воротах каждого двора 1, 2, 3, а на вопросы крестьян [говорить], что к ночи прибудет отряд Бурлова в 500 человек, так их нужно расквартировать – у кулака Вантеева красовалась надпись «Штаб отряда Бурлова». В результате в тот же вечер чехи узнали о расквартировке, и, не доходя до Каменки 1 км, повернули обратно в Черемхово, а т. Козлов со своей командой, напрасно мерзли в снегу целую ночь (кстати сказать, что я, надеясь на нашу маленькую «хитрость», спокойно спал в штабе, в доме кулака Сысоевского, который видимо через своих сыновей предупредил белых офицеров об ожидаемом отряде Бурлова).

Отряд Бурлова действительно пришел в Каменку, но уже после нашего ухода в с. Александровское. Из Александровска отряд Мясникова двинулся в с. Усолье, находящееся на левом берегу Ангары, в Усолье мы пробыли не более суток и снова перешли на правую сторону Ангары, двинулись на большое село Урик.

В Урике сделали ночевку, а на другой день утром, через посредства сельсовета собрали массу крестьян, пеших и с лошадьми, выстроили их в длинную цепь в тылу нашего отряда и двинулись по льду реки Ангары к станции Батарейной, занятой чехами.

Непосвященному в эту хитрость казалось, что по дороге р. Ангары движется целая армия. В результате чехи, не желавшие принимать боя, покинули станцию Батарейную, оставив охраняемые ими артиллерийские склады, пленных мадьяр и мотовилихинских рабочих. После занятия ст. Батарейной урикские крестьяне были распущены, а артиллерийские запасы начали перевозить в Иркутск.

На повестке дня заседания Совета стоял вопрос чешского командования, поставленный генералом Гайдой о выводе всех партизанских войск из Иркутска для того, чтобы каппелевские банды могли спокойно отдохнуть в Иркутске и отправиться на Байкал. Сам генерал Каппель в дороге умер от тифа. Второй вопрос о решении участи адмирала Колчака и генерала Пепеляева, сидевших в Иркутской тюрьме. Вопросы, поставленные председательствующим т. Чудиновым, разрешились чисто по-партизански. Чехам вынести ультиматум в течение 2-х часов оставить Иркутск во главе с чешским командованием, а Колчака и Пепеляева постановили расстрелять. Против каппелевцев выставить боевую силу. После

заседания совета чехи толпами бежали в предместье Глазково, Иркутск ошетинился проволочными ограждениями, появились баррикады, затарахтели броневики, на проезжих дорогах р. Ангары были заложены на льду мины. В здании университета были установлены трехдюймовки. Рабочие, прибывшие из Черемхово и Глазково, получили оружие и залегли в засадах, все партизанские части были приведены в боевую готовность.

Около полуночи каппелевцы двинулись на Знаменское предместье и были встречены снарядами, посылаемыми с Петрушкиной горы. Тишина ночи нарушалась пушечными залпами. Стрельба вскоре прекратилась, каппелевцы отступили, направившись в обход Иркутска за Ангару и без остановки двинулись к Байкалу. Часть из них задержалась в одной из деревень Глазково, но утром смелой вылазкой партизан были вытеснены, причем было захвачено до 200 человек каппелевцев.

Иркутск стал полностью советским, наша контрразведка занялась чисткой города от контрреволюционного элемента, а большая часть партизанских отрядов была направлена за Байкал. Отряд Мясникова получил задание очистить остатки каппелевских банд по линии ж\д.

Под городом Зимой отряд Мясникова натолкнулся на большой отряд каппелевцев с чешским командованием, под сильным натиском объединённых сил нашему отряду пришлось отступить за Ангару. Около с. Олонки и под Баяндаем наш отряд встретился с бродячим отрядом каппелевцев, разбил его и отправился в с. Александровское, а оттуда, по распоряжению главного штаба, перебросился в с. Китой, т. к. по оперативным сведениям было видно, что остатки каппелевских войск идут параллельно ж\д в 40 километровом расстоянии по направлению к Байкалу.

Что представляли из себя эти последние каппелевские отряды? Это разный сброд, с отмороженными ногами или руками и больные женщины, вернее проститутки. Среди пленных были и интервенты в английском и французском обмундировании, оказавшиеся впоследствии просто вятскими крестьянами, одетыми в шкуры интервентов и притом в большинстве насильно завербованные.

По приходе 5-й армии партизанские отряды, в том числе и наш 2-й Боярский полк, влились в состав Красной Армии (в Иркутский запасной полк) и частью по возрасту демобилизованы.

Гражданская война в Иркутском округе на этом не кончилась, 1920–1923 годы снова были сплошной борьбой с бандитизмом, особенно упорная борьба была с бандой Донского, имевшего до 500 человек «братцев», эта банда состояла из разного сброда, вплоть до уголовного элемента и зажиточных бурят. Вторая банда была организована балаганским белым офицером Виктором Черновым и третья – его братом Константином, тоже бывшим офицером. Эти банды якобы ставили своей целью борьбу за восстановление прав человека, в действительности же борьба сводилась к учинению грабежа потребительских лавок и погромов Риков и сельсоветов, иногда [к] убийству партийцев и комсомольцев, последнее – в доказательство тому, что банда ведет политическую борьбу. Награбленное банда делила между собой и все это пропивалось на самогоне, доставляемым кулацким элементом.

Главной базой пребывания бандитов была «Шведская тайга» в сотне километров от Иркутска. Посылаемые красноармейские части в течение года не могли истребить бандитов, т. к. эти бандиты имели связь с каким-то крупным Иркутским духовным лицом. Через попов и кулачество заранее предупреждались, и, саморазоружившись, превращались в простых крестьян и бурят. А кучка главарей скрывалась в непроходимой «Шведской чаше». Страх мщения со стороны бандитов заставлял молчать бедняцкую часть населения и участники грабежей и убийств спокойно жили под видом мирных крестьян. В силу этих причин красноармейские части не могли уничтожить банды.

Единственно верным способом борьбы с бандитизмом оказался метод, применяемый бандитами, а именно: группа бывших красных партизан и партийцев в момент появления бандитов быстро вооружалась и делала засады.

Банду Виктора Чернова мы разбили именно таким методом: в половине июня 1922 года Балаганский особый отряд (ЧОН) под командой т. Мельникова М. А., имевший до сотни бойцов, спугнул банду Чернова с насиженных мест в районе Молькинских улусов, и эта банда спустилась вниз по р. Ангаре. Ограбив по пути несколько сел и деревень, она переправилась на левый берег р.

Ангары, где заняла небольшой хутор Серово. Отряд Мельникова совершенно потерял из виду эту банду, разыскивая ее на правом берегу реки. Светлолобовские крестьяне донесли нашей ячейке, что банда переправилась против села Рютино на левый берег. Мы тотчас же организовали небольшой отрядик из усть-удинских и светлолобовских товарищей, мобилизовали три больших лодки и поплыли вниз по Ангаре до с. Рютино. Высадившись незаметно, мы с помощью разведки узнали, что банда находится на Серовском хуторе, разбившись на две группы по 15 бойцов, мы пошли на Серово.

Бандиты, хорошо осведомленные, что отряд Мельникова находится за Ангарой, расположилась на хуторе как дома. Часть их была пьяна, а некоторые мылись в бане, как вдруг наш отряд из 15 бойцов, с криком «Ура» ворвался в хутор и началась стрельба. Били бандитов, выскакивавших из окна, стреляли выбегавших из бани раздетых, из них до 30 человек успели добежать до леса, где у них был пулемет, под градом пуль нам пришлось отступить в лес, причем у нас оказался только один раненый.

В это время банда вернулась на хутор и захватила своих лошадей, оставив награбленное имущество и товар Яндинской потребилочки. Банда удрала в тайгу и из числа бежавших многие были найдены в лесу умершими от пулевых ран. Несколько трупов бандитов были собраны и свалены в смолокуренные ямы.

Банда Виктора Чернова после долгого блуждания в безлюдной тайге почти целиком погибла, а Виктор Чернов был задержан в г. Черемхово и там расстрелян.

Банду Донского уничтожили лишь тогда, когда половину населения Евсейской волости выслали в Нарымский край, а Донского подстрелили в незначительной стычке наши милиционеры.

Константин Чернов бросил свою банду и добровольно явился, в силу чего его банда распалась. Были еще и другие банды в Приангарье, но менее значительные, как например: Замазчикова, Синетрусова и Петьки Развозжаева, имевшие чисто уголовный характер, к 1925 г. все они были ликвидированы. На этом я свои очерки заканчиваю.

Бывший красный партизан Чирков Георгий Семенович. Адрес: Коопхоз «Ударник», ст. Балабаново Зап. жд Московской области.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 901. Л. 15–20. Машинопись.

Воспоминания М. Митрофанова о зверствах колчаковской армии в Балаганском уезде «О впечатлениях, пережитых в Сибирской действительности»

Иркутская губерния, Балаганский уезд,
Хор-Тагнинская волость (бывшая)

Отношение крестьян к Советской власти в 1918 году первое время было очень сочувственное, но агитация меньшевиков, эсеров и духовенства свое дело делала и к наступлению Колчака имела свои плоды. Как то, [что] каждый сделанный поступок, не отвечающий крестьянскую интересу, помогал его истолковывать более обостренно, чем это было в действительности. Это относилось к бывшему члену Знаменской уездной управы Душену и ряду других кулаков-собственников, как по подбору рассаженных на каждом участке села для ведения противосоветской агитации. В первое время нельзя было подозревать, что эти хозяева – кулаки, заводчики, кустари смогут делать такое дело, но подтвердилось это в точности и даже произошло всяческих зверств с их стороны. Это в тот период, когда чувствовали себя сильными и когда явились чехи, то вся эта орда бросилась вдогонку за отступающими красноармейцами, которым не было силы дать сопротивление. В погонях участвовал с отрядами – Душен, Обручниковы, Борискины, Замазчиковы и ряд других. На месте были указчиками, где скрываются и кто скрывает, это были в Тагне Сухаревы, в Хор-Тагне – Василий Филиппов, Кузнецов Обвакум, Бровкин, Мурга Сафон, Богданов Василий и ряд других. Их работа не прошла даром за весь период Колчака. Начинались порки плетьюми укрывателей и пускали в ход приклады и шомпола, в число таких попали местные крестьяне – Прокопий Деменов, Гарелов, Иванов, Бутырин и ряд других товарищей, которые старались быть подсобниками в избавлении от смертей палачей.

Это происходило в конце 1918 года и начале 1919 года. Но враги трудящихся слезку не приостановили. Кто что делает и что делают, это их заставляло быть осторожными, потому что Хор-Тагна была убежищем как остаткам Красной гвардии, так и партизанам – дезертирам из колчаковской армии, которые делились последним куском хлеба с находящимися в непосильной пока борьбе. Так продолжалось до августа 1919 года.

Житель Хор-Тагны новосел Обвакум поступил на службу в милицию Колчака, был верным, дабы не убежали арестованные, которых приходилось ловить, а поймать приходилось только посредством шпионажа, расставленного по участкам, в котором участвовал Карп Кирьянович (Жеребок), который получал сведения посредством женщин и детей, кто был точно еще установлено. Но дело делалось, и отряды стали посещать чаще и стали нападать на красных, на тех, кто способствовал в поддержке партизан и дезертиров. Все товарищи, находящиеся в тайге сообщения имели, что недалек тот час-день-месяц, когда Колчак будет прогнан.

Крестьянство истинно трудовое, которое не намеренно эксплуатировать человека для своих целей, было на стороне партизан-дезертиров. Крестьянам говорили эсеры, что прогоним совдепы и будет Колчак, что будет жить легче, но на деле этого не было. Налоги Колчак брал и без разговоров, подводы под отряды для выловки их сынов дезертиров брали без всякого спроса и загоняли лошадей до могилы и если крестьянин осмелится подойти и спросить, то он получал в ответ награду плети и дальше жаловаться было некому за все это пережитое на опыте, как не говорили, что прогоним совдепы будет легче, но на деле видели другое, как им в глазах очки втирают и видят, как царила взятка милиционеров – Кешки Широкова, которому кто даст больше, на той стороне и власть.

В это время и все подобраны были в учреждениях реакционно настроенных служащих, как председатель земской управы, так и зав. почтовой конторой Печкуляков, все эти лица были причастны активно в вылавливании партизан. В ответ на это получили некоторые за свои действия, как то, например, Сухаревы и Обручников, которые были убиты партизанами в сентябре.

На таежном участке живет кулачок и заводчик Василий Филиппов, который показывал, что, где и как скрываются партизаны, то его предупредили, предупредили сначала экономическим внушением, от него спросили дать хлеба и чирков-ичигов, у которого было достаточно много выработано и сшито на своем заводе для продажи на частный рынок, а партизаны для себя, для прокормления и обуви, то он от этого отказался и предупредил, что он этого не переносит таких требований, то вполне понятно

пришлось с его доводами не согласиться и взять от него силком, что это побуждало делать, то это вот и делалось.

Пришел красногвардеец, фамилию его не помню, но знал, что из Самарской губернии, просит получить кусок хлеба у гражданина Востокова, проживающего на 2-й версте таежного тракта, где получил обед, но когда пообедал, то пошел назад и, как видно, выследили, куда он пошел, то его настигла разведка карательного отряда и привела против его дома, поставили у верстового столба, затем, заставив выкопать яму, тут же застрелили со словами говорит, что хозяин дома, что он его накормил, сыном называл, ты и посмотри на него, как мы с ним расправились и здесь же он и пусть лежит тебе на память. В отместку Востокову была дана взаимная смерть за товарища из Самарской губернии, на вид лет 25 было в то время погибшему товарищу.

Не удовлетворились одной жертвой карательные отряды, как видно предъявили требование к своим шпионам, о которых говорились выше (Жеребковых) и компании ихней, то те, в свою очередь, распустились вместе бедноты, дабы узнать, где, чем, кто дышит, где есть дезертиры и партизаны. Сам Матвеев Карп для того, чтобы узнать точно, кто причастен к содержанию дезертиров-партизан, для этого его единомышленники и фанатики выдвинулись по сбору пожертвований на содержание молитвенного дома, дабы этим самым замаскировать свое грязное дело, которое, естественно, труженику противно. В этом они видели единственное спасение. Это доказывало им то, что как приезжали с отрядами, то заражались большевизмом от двух приезжающих отрядов оставались как бы каратели, но на деле убедились, что они идут против таких же братьев-тружеников и больше того их, как видно, возмущало при поездках на подводах, как начальство с крестьянами расправлялось, которые везли на своих измученных клячах тихо, а за это сзади в спину получали или плети, или приклады.

И вся эта картина происходила в открытую, и это бросалось в глаза крестьянству, которое говорило, что в скором времени придет бог нам красных для изгнания мучителей, которые загоняли нас оброками и подводами и безвинно избитых людей, лишь за то, что крестьянин скажет, что почему лошадь замучили, или он не может везти его шибко, лишь потому, что его лошадь плохая. Вот все это делалось приезжими отрядами, если не считать головки,

т. е. командиров. Помню, что отряд прибыл 36 человек в августе 1919 года, из которых осталось в пределах Хор-Тагны 25 человек, которые рассыпались по тайге и разделились по группам, дабы было лучше укрываться от колчаковских шпионов.

Политическую работу, как я уже говорил, вести открыто нельзя было лишь по тем причинам, что шпионажа было сколько угодно, но приходилось вести, сколько было сил, это через охотников, к числу таких охотников отнести можно как надежного Ерема (новосел) из Витебской губернии, но в связи с сильнейшей реакцией становилось больше и сочувствующей партии с каждой неделей, и уже к сентябрю 1919 года крестьянство стало сочувствовать больше, но на это сочувствие пришлось получить внезапный налет карательного отряда, возглавляемого Тиличниковым совместно с местным начальством, т. е. уездным членом земской управы, которого изодрали сами же крестьяне из этого района Душина, который, как знаток района и начальства, то он скорее найдет скрывшихся и укрывателей и как авторитетному человеку скорей выкажут и захватили себе подобных по духу из Троицкого завода Замазчиковы, Фролова, Борисовых, которые так ревниво приступили к делу. Явились в Хор-Тагне ну как спасатели от Красного призрака и конечно расположились у более надежных лиц, откуда не выйдут наружу их намерения.

Дело происходило в последних числах сентября 1919 года. Разведка сыщиков добилась своей цели, это можно сказать, что сразу напали действительно на те места, где укрывались. В число таких несчастных мучеников попал Бутырин Степан Петрович, 62 лет, со своей старухой и дочерью, у которого на его заимке в тайге захватили оставшихся красногвардейцев, сперва производили издевательство над всеми, а потом выбрали одного и над которым зверски издевались. В это время на реке Тагне удил рыбу крестьянин Худяков, которому пригрозили, чтобы он отошел, что им и было сделано, но и сделано то, что и с него требовалось, т. е. наблюдал за их работой.

Сперва принялись бить и спрашивать, кто вас содержал и с кем имеете связь, товарищей попало к ним в руки 5 человек: Иван из Самарской губернии, на вид лет 28, Козин Василий, 3 человека знаю только по наружности, а точно имена их неизвестны. Все

пять человек были подвергнуты жестокой пытке, дабы сказали, кто возил им хлеб в тайгу и с кем имеют связь.

Взяв одного отдельно, стали издеваться над ним и проделывать одну операцию за другой, все допытываясь, кто содержал, кто носил хлеб и с кем имел связь на участках. 1-я операция – оттянули ухо и отрезая саблей, опять спрашивали, ответа нет и опять; 2-я операция – второе ухо, тоже нет ответа, когда сделали 3-ю операцию, т. е. отрезали нос саблей, для себя не получили удовлетворенного ответа, т. е. товарищ упал, стал просить о том, чтобы его пристрелили. Били прикладом, шомполом и нагайкой и в конце концов натешились, тогда перестреляли, и закопать не дали и оставили на страх.

Вернувшись с экспедиции, принялись опять вечером за семью Бутырина, оставив еле живого. И ночью, дабы не могло быть достаточно народно, то придумали сделать петлю и повесили, что никто не видел и говорят, что виноват, оттого он и задавился, чтобы от него нельзя было выпытать, сам боясь получать от них наказания. Старику Бутырину было тогда 62 года, семейство подверглось ограблению и разорению.

Этим не успокоились, поехали на участок Харагун, населенный мусульманами, там захватили Мумека Садыкова, у которого по доказу шпионов, как будто бы у него мысли красногвардейцы в его плохонькой бане и в доказательство, как банда говорила, нашли ручку от нагана, который был вывезен и расстрелян, а также закопать не дали и дали распоряжение волостной земской управы не закапывать. Вернувшись с экспедиции в Хор-Тагну, где попался зять убитого старика Бутырина, Козин Григорий, который был выведен за огород и расстрелян, так они погубили за одну поездку 8 человек, оставив наказ местным властям, не давать хоронить убитых и власти в точности это выполняли, но тайком были все-таки похоронены. Эта поездка и убийства в царство Колчака были последним и население убедилось, где оно очутилось и в чьих руках, тогда стало еще больше примыкать на сторону дезертиров колчаковской армии, когда сделают перевод под флагом общественных организаций, то все власти земской управы были переизбраны и ни один из сторонников не был проведен. И 30 декабря 1919 года только можно было вздохнуть открыто и доказывать свои коммунистические идеи. В волостной комитет был из-

бран свой товарищ, первым долгом было заботой собрать убитых и раньше закопанных в лесах, перевести вместе, т. е. в братскую могилу, которая находилась в селе Хор-Тагне.

В работе и похоронах приняли участие многие, и кто чем мог, тем и помогал, конечно, не старые шпионы. И отсюда стала вестись открытая политическая работа по всему селу и всей волости. Ячейка села функционировала с 30 декабря 1919 года, но не имела своего оформления, так как создавалась кустарным способом, сначала из двух товарищей – был партиец-учитель и сочувствующей его жена, но ввиду всего пережитого, перенесенных невзгод ячейка стала расти быстро и в течение трех месяцев стало пять человек. И в апреле 1920 года ячейка получила оформление через инструктора политотдела 5-й армии Д. Марюшкина, и к началу 21-го года ячейка выросла до 28 человек исключительно из крестьян и местных служащих. К работе в период военного коммунизма относилась активно, но эта активность постепенно охлаждалась по следующим причинам.

1-я причина та, что ячейка мало имела свободного времени заниматься в домашнем хозяйстве, а по большей мере была занята по ликвидации бандитизма, который тоже нашел себе убежище, так как в районе оперировали и в этом банды, возглавляемые Черновым и Замазчиковым, имелся один из села Хор-Тагны Абвакум, который старался отомстить коммунистам, так как имел связь с родственником, который, нет сомнения, подсказывал, когда можно захватить врасплох, который был пойман два раза и всё-таки убегал и делали налеты. Один из таких налетов был в Хор-Тагну, где захватили начальника почтового отделения Геннадия Ефимовича Ефтифеева, которого увели с собой в лес и зверски убили, несмотря на то, что население просило не трогать. Это послужило для некоторых выходом из партии, имевшим малодушие, конечно, в первую очередь крестьяне-собственники, которые сразу испугались, что смогут лишиться жизни и получить апатию.

2-я причина – это отозвание активных работников на работу в уезд, что тоже отразилось на уходе из партии, так как из среды местных коммунаров не было политически развитых и Уком Балаганский не мог дать работников, а Зиминский горком тоже. Оставшиеся коммунары и варились в собственном соку и в этом была вина работников, не учитывающих обстановку. А знать кре-

стьянина-собственника, как он относится к окружающему моменту и своему хозяйству.

3-я – это налеты банды на участок Толстый Мыс, где бандой убиты были зверски 3 человека, которые погибли и не без участия местного подвода (Константинов и Смирнов – люди лет по 40, а третьего не знаю фамилию, но на вид еще до 45 лет и все семейные бедняки). Этот налет окончательно ячейке положил конец. Помощи от уезда на воспитание не было, а остальные повыхали в другие организации совсем на жительство, а остальные в беспартийной массе разложились, то совсем вышли, то превратились в баптистов, как это было с Григорием Волковым – был монархист, стал коммунист, потом баптист. Мое личное мнение таково, что вина распада ячейки послужило изъятие активных работников и на месте не подготовлено для замены, это вредно отражается на организационной и воспитательной стороне, но население жаловалось, когда приедут в район, говорят, что загоняли их подводами для поимки бандитов, там говорили до тех пор будет вам плохо, пока у вас имеются банды, которых вы поддерживаете, бросите держать связь, и банда от вас отойдет.

И через короткое время в начале 1922 года, в январе был пойман Абвакум, который два раза убегал из домзака, которого можно было поймать лишь [через] содействие своих крестьян. Он был пойман и когда посадили на подводы везти в Зиму, то он бросился бежать вдоль снега, но был убит милиционером, который по дороге скончался. И после уничтожения Абвакума население вздохнуло от освобождения тех тягот, какие они переживали в угоду бывших шпионов Колчака.

Теперь в разговоре можно слышать очень часто про бандитов, как они говорят, что дело ликвидации банды – дело самих крестьян, от которых скрыться банде негде, если крестьяне не захотят держать.

Говорят, была банда тогда, когда был наш бандит, мы его уничтожили и теперь живем спокойно, так говорят теперь крестьяне. Убитый товарищ Евтифеев Геннадий Акимович, за то, что от банды не принял предложение быть в связи, так как он был начальником почтовой конторе, то для банды было бы очень хорошо иметь связь с разными местами, от которого Евтифеев отказался как честный труженик общего дела рабочих и крестьян. И вторая

причина – допрос местного кулака (бывшего) и фанатика Бровкина Павла Ульяновича, который сидел в 1921 и 1922 году за свои грязные дела, а в доме Бровкина сложилось мнение, что виной национализации его дела эта вина местных коммунистов, что и видно из дела, что сегодня прибыл вечером в квартиру и утром нагрянула банда и когда спрашивала, что где начальник почтового отделения, крестьянин говорит, что его дома нет, он в Иркутске, а банда говорит, что врешь, он прибыл домой вечером и когда он прибыл, то говорил с Бровкиным, что его переводят в Тайшет и, как видно, ненависть возымела место над тружеником за дело рабочих и крестьян. И так погиб товарищ за свою скромную работу и за свою честность для дела трудящихся, и он не стал быть шпионом и разведчиком для банды и вообще контрреволюции.

От второго налета погибли товарищи из Толстого Мыса за то, что они были охотниками и частенько примечали, где и когда бывает банда и кто больше способствовал по поддержанию банды, а поддержку банда имела из Толстого Мыса и Кардона. На Толстом Мысу Мурга Сафрон Степанович и Кардон – Нагорный Антон и товарищи погибли за свое активное преследование банды и указанным противникам нужно было отделаться от ненавистных им людей, что они и сделали в одно утро, захватив троих дома в квартирах и погубили, а остальным удалось убежать посредством помощи молодой замужней женщины, которую спрашивали, поставив на нее ноги, говоря «где?» Она знала где, но не сказала и так только благодаря ее стойкости не погибли еще два товарища, которым удалось сбежать – Пановым, мужу и жене.

Повторяю, что причина слабости работы [в] деревне это отсутствие хорошо политически развитых товарищей, которых можно было бы использовать, они были взяты в город.

Так заканчиваю свое воспоминание, прожитое в 1919–1922 гг., так как работать приходится больше в рабочих и центральных местах, то жизнь теперь названной местности неизвестна и какое политическое настроение тоже неизвестно.

Член партии с 12 марта 1917 года официально, партбилет № 226872 Митрофанов. Зима, Иркутская губерния, ул. Советская, дом № 21.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 656. Л. 1–11. Рукопись.

ТУЛУНСКИЙ РАЙОН

Сведения о восстании против Колчака

Я, гражданин с. Икей, Круковский Александр Лукьянович, даю настоящие сведения за 1919 год при власти Колчака и в том, что мы организовали в 1919 году восстание против колчаковской власти и вели подпольную работу десять дней, потом решили выступить на последнем собрании, организовали исполнительный комитет, а потом выбрали военного комиссара товарища Степанова, а потом стали мобилизовать военные силы. У нас уже существовал исполнительный комитет. Потом на 23-е марта 1919 года ночью удалось подъехать в Икей колчаковскому приспешнику Яковлеву, и со своим карательным отрядом, которому удалось разбить наш штаб, где наш был раненый комиссар товарищ Степанов, как бывший наш руководитель. Как он выбыл из наших рядов, то пришлось нам отступать, и в этот же момент они заняли Икей. То карательный отряд Яковлева, который стал в этот же момент, начал арестовывать, захватывать крестьян на месте с. Икей и без всякого разбора стали расстреливать. На первое его занятие с. Икей товарищ Степанов, как был тяжело ранен, не вытерпел своей жизни и даже не мог никуда уйти, то не вытерпел своей большой раны, то он сам себя застрелил. Как они нашли его тело, товарища Степанова, и потом сняли красное знамя и проткнули его мертвое тело прямо в грудь штыком.

Теперь пошли расстрелы проводить крестьян икейцовых Петр Екимцев и его сын Терентий Екимцев и тут же во дворе поставили их к стенке. Защита Яковлева колчаковский приспешник подал команду: «К бою готовсь. Стреляйте сперва в отца, а потом и сына». Как только стреляли в Екимцева самого, так сразу же и свалился на месте, и в этот же момент у Екимцева сына, Терентия, получился разрыв сердца. Потом подошёл Яковлев, сказал: «Хотя

ты и получил разрыв сердца, но всё-таки я тебя буду стрелять» и выстрелил ему в грудь, [в] мертвое тело. Потом поймали следующего гр-на на улице, Григория Баскова, раздели, сняли шубу, сапоги, потом в эту же минуту расстреляли.

Потом на участке Едогон был послан и с пакетом его на дороге встретили и спросили: «Куда едешь?» и [в] эту же минуту стали его казнить, товарища Алекс. Галафтихоновича. Порубили ему руки, уши, нос и т. д., и едва ли его оставили живого на месте, но оставили его немного живым, этот же самый Александр Галафтихонович просился, чтоб его совсем добили от его сильных и страшных ран, но они внимания не обратили казнённому товарищу и сказали: «Мы тебя достреливать не будем, ты и сам померёшь», а кто придёт давать тебе помощь и тот будет рядом с тобой ползать по грязи, как собака.

Теперь следующий товарищ участка Правый Гарьян товарищ Оводнев Филипп был выбран народом председателем исполнительного комитета, который был Икей охвачен карательным отрядом Яковлева. Его палачи, а также солдаты пошли с обыском и у одного крестьянина нашли тов. Оводнева и потом товарища Федорова, и тут же, выводя их из калитки, расстреляли обоих, так и продолжалось дальше.

С участка Ишидай товарищ Захватаев, который был спрятался на больничном дворе под скирдой брёвен, и тут же, как нашли, и тут же порубили его на куски. На это же утро расстрелы продолжают, которых расстрелянных 18 человек, это же утро, как уже палачи колчаковские напилье рабочей крестьянской крови, через несколько времени и потом призвали старосту, потом председателя земства, которые создали приказ, чтобы собрали в один час общее собрание, на котором стоял главный вопрос, которые были руководящие восстания и также другие вопросы. Потом делать назначение убирать трупы несколько человек, который Яковлеву дан приказ запрягать сани, привязать тов. Степанова верёвкой к саням и тащить, как собаку, в ледник. И потом же поехали на участок, приехавши на Бурбук, где были арестованы два товарища и расстреляны и раздеты, сняты сапоги. Только прибыли из Германии из плена, эти товарищи не были в нашей организации, потом уехали на участок Голдун, и то же самое: расстреляли два товарища, тоже один гр-н пришёл с плену, и другой был началь-

ник охраны тов. Квалев. Этого казнили и всё имущество ликвидировали и оставили жену и троих детишек голодом. И также стали продолжать свою работу дальше, за этот период было расстреляно 28 человек, все палачом Яковлевым. И так же многим был товарищам смертный приговор заглазно, но многим товарищам удалось скрыться в тайгу, и я, гр-н Александр Круковский, был приговорен к смерти и моей казни, но мне удалось то же самое скрываться в тайге и в том расписуюсь.

А. Л. Круковский

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 494. Л. 2. Машинопись.

История одного из партизанских отрядов под командованием тов. Шляпы в Тулунском районе в 1919 году

Переход власти от Советов в 1919 г. чехословакам внес недовольство к новой власти не только среди сознательного населения, но недовольство росло среди остальных слоев деревни. Братский тракт, идущий от Тулуна до Братска, ожил, зашевелился. Кучки людей начали группироваться и обсуждать создавшееся положение.

Товарищ Шляпа, откуда и кто он такой пока что неизвестно, использовал этот момент, организовал отряд красных партизан, последний доходил до 200 человек.

Вместе с преданными делу революции в отряд т. Шляпы влились темные личности, которые вели работу подпольно за развал отряда.

На одной из остановок около деревни Гуран Тулунского района был пущен провокационный слух, что начальник отряда Шляпа ведет отряд на растерзание чехословаков в г. Тулун.

Узнав об этом т. Шляпа собирает митинг отряда и во время митинга ружейным выстрелом был убит т. Шляпа, а темные личности воспользовались переполохом, забрав отрядные деньги и скрылись в ночь.

В числе недовольных и большим трусом был Полин из деревни Б. Мальта Тулунского района, последний занял место командира отряда. Когда перешло командование отряда Полину, отряд начал

сомневаться в руководстве и постепенно распался, остались при Полине человек 8–10.

Что осталось делать Полину, потерявшему авторитет и отряд в 200 человек? Полин решил просто вопрос – начал грабить мирное население.

Выжившие отряды из колчаковской армии примкнули к Полину и спустя недолгое время увидели, что хрен редьки не слаще. Стали просить Полина их отпустить. Полин был упрям, да и порядки были у него бандитские, живыми из отряда не уходить, при попытке бежать солдаты были расстреляны отрядом Полина, а их было 15 человек.

Окружающему населению надоело платить дань Полину, а подчас и быть убитыми, решили банду, как они выражались, переловить сами, что и было сделано.

Осенью 1919 года, когда Полин пришел с отрядом в свою деревню Б. Мальту, мужики их всех переловили, а в это время шел отряд белых по Братскому тракту навстречу отряду Бурлова на Ангару.

Отряд белых забрал с собой переловленных из отряда Полина, а сам Полин скрылся.

Бывший начальник Баеровского отряда,
красный партизан Шиткинского фронта Ф. А. Антонов
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 771. Л. 1–2. Машинопись.

БРАТСКИЙ РАЙОН

Громов Иван Александрович о партизанском движении 1917–1920 гг.

Я, член партии ВКП(б) Громов Иван Александрович – сын бедного крестьянина Калужской губернии Масальского уезда деревни Лиханова. В 1917 году находился в городе Иркутске. 25 июля я выехал в Николаевский завод, где поступил плотником. В 1918 году был переведен столяром.

В последних числа ноября 1918 года рабочие Николаевского завода постановили взять завод в свои руки. В то время директором завода компании стал Мажаров. Чтобы помешать рабочим инженер Мажаров произвел сокращение штатов и уволил 400 человек рабочих, в том числе и меня зимой. А у меня дети были маленькие и одежды теплой не было, и я остался в Николаевском заводе на произвол судьбы. Мне предложили идти в лес на дроворуб. Я согласился, так как выхода никакого не было. На дроворубе я проработал 4 месяца и вернулся в Николаевский завод.

27 мая 1919 года пришел в Николаевский завод карательный отряд чехов и арестовал находящихся в заводе большевиков и в том числе хотели арестовать меня, но меня своевременно предупредили и я ушел в Тайгу. Спустя около месяца, когда карательный отряд чехов ушел и оставил только своего коменданта и 2-х чехов, которые остались для охраны, я вернулся в Николаевский завод. В то время инженер Мажаров выехал в Томск и остановил управляющим Глотова Александра Ивановича. Когда я пришел к нему и стал просить его, чтобы он принял меня на работу, то он ответил мне, что не могу взять, потому что ты большевик. «У меня все налажено, ты все дело испортишь», – говорил Гловтов. Мне пришлось целый месяц быть без работы. Но так как не было модельщика, то он был вынужден принять меня на работу.

Спустя 12 дней были выборы в рабочий комитет. Я был избран председателем рабочего комитета. В 1919 году 24 июля прибыл в Николаевский завод 2-й карательный отряд, который в пути своем на завод убили своего командира. Пришли на завод уже красными. К ним присоединился со своим маленьким отрядом товарищ Оседлов и несколько крестьян и рабочих Николаевского завода. Начальник отряда арестовал оставшихся для охраны 2-х чехов и чеховского коменданта и расстрелял. Когда отряд отправился по Братскому тракту на Тулун, командир отряда оставил меня председателем исполкома, и я, как председатель исполнительного комитета, отбирал оружие у тех граждан, которые были против рабоче-крестьянской власти. Выдавал оружие красным партизанам и снабжал всем необходимым, что только понадобится для красных отрядов.

Когда мне сообщили, что 1-й отряд разбит под Тулуном и начальник отряда убит, я отправился в село Шеманово, где находился Смолин со своим штабом. Когда я приехал в Шеманово, к Смолину приехал Яковлев Николай Михайлович и сказал, что отряд Шляпы окружен белыми и сам начальник Шляпа убит. Чехов большой отряд идет с Тулуна по Братскому тракту, которые прошли уже Тангуй. Тогда Смолин испугался и заметался по комнатам во все углы. Я стал его уговаривать, дескать, вперед смерти нечего помирать и попросил у него лошадь, чтоб съездить до базы и узнать, что правда ли, что чехи идут. Со мной поехал Оседлов Яков Михайлович, и когда мы с товарищем Оседловым приехали в коп, то 1-й из бандитских крестьян прибежал в коп и сказал, что белые заняли базу. Мы с товарищем Оседловым вернулись обратно в Шеманово. Я попросил Смолина, чтобы он помог нам организовать из крестьян хотя бы небольшой отряд, который под моей командой должен отправиться навстречу белым для того, чтобы задержать белых. В это время товарищ Смолин должен вызвать с Братска отряд под командой Колбина. Так совместно с товарищем Оседловым организовали небольшой отряд в 35 человек из крестьян села Шеманово и Большой.

Когда и я отправился навстречу белым, прибыл в Булак, то булакские крестьяне сказали, что белые уже прошли реку Эрк, на которой я хотел встретить белых. И в то время у одного товарища из моего отряда произошел нечаянный выстрел. Тогда крестьяне,

ещё никогда не бывши в боях перепугались и бросились в бегство. Я стал их уговаривать и объяснил им, что выстрел был нечаянный из нашего отряда. Пока я их успокаивал, то из 35 человек осталось только 12, а остальные разбежались. Мне пришлось остановиться у Агубинского моста на ключе Агуби. Это было в последних числах августа 1919 года, в 10 часов вечера ко мне приехал с хлебом крестьянин села Шеманово, который сказал мне, что из Братска прибыл отряд красных партизан под командой Колбина и Совиновского. Тогда я просил крестьянина, что он передал Колбину, что у меня осталось только 12 человек, а остальные товарищи, куда-то скрылись. Просил командира Колбина, чтобы он послал мне сколько-нибудь товарищей на подкрепление. Тогда командир Колбин послал ко мне нарочного, который приехал ко мне в 2 часа ночи и передал мне, что командир отряда Колбин приказал отступить в Шеманово. Мне пришлось повиноваться приказанию Колбина, к тому же отряд белых был больше 100 человек и хорошо вооружены, а у меня 12 человек и все с крестьянскими дробовиками и я был вынужден отступить. Утром я прибыл в Шеманово, увидел, что отряд Колбина уже собрался отступить, тогда я стал говорить ему, почему ты отступаешь? Он мне ответил, что с нашим оружием и хорошо вооруженным отрядом бороться не приходилось. У Колбина и Совиновского отряда было 80 человек и часа через 2 обоз потянулся [по] Братскому тракту в Николаевский завод.

Когда наш отряд прибыл на завод, рабочие выступили на улицы, а также вышли из конторы инженеры Глотов Александр Иванович, Грабовский Феликс Артемьевич и другие. Партизаны обступили меня и стали уговаривать, чтобы я не уходил, дескать, тебя не тронут белые, тебя выбрали рабочие, и мы будем защищать. Но я знал, что они думали, и ответил им: «Лицемеры, как вы меня не защищали и защищать вам не придется, но помните, паразиты, я ухожу и другие со мной товарищи, остаются наши семьи, но если кто из вас осмелится обидеть хоть одну из семей красных, когда я вернусь, с корнем повыкорчую». Тем временем пока я с ними разговаривал, отряд уже скрылся за задний двор. Я побежал за отрядом, меня проводил один рабочий и распрощался со мной. Отряд я догнал у речки Кутомары, где отряд остановился ночевать. Утром на 31-ое августа отряд снялся с ночлега и потя-

нулся по Вихоревским дорогам. Дорога была очень плохая, насильно выбрались из Марьенской щели. В час дня 31 августа прибыли в Кузнецово, пообедали и стали собираться на собрание. На собрании мы решили послать разведку на Николаевский завод и на Братск. В 6 часов утра 1 сентября прибыл на Николаевский завод, но белых не было.

Отряд белых проехал, мы сосчитали подводы 80 лошадей кроме кавалерии. После проезда белых мы посоветовались, где лучше встретить белых и решили встретить у поскотины по Братскому тракту, так как там был хороший обстрел. Мы сделали засаду и стали дожидаться выезда белых. Ночью стало холодно, огня разжечь нельзя, мы отошли дальше в лес и разложили маленький костер. Один остался на караул, а двое легли отдохнуть и так прокараулили всю ночь.

Утром 27 сентября мы вышли на дорогу и стали рассматривать следы. Следы были старые, все-таки нам не верилось и мы послали одного в разведку. А сами стали следить за ним, боясь, как бы он ни попал в руки белым. Смотрим, подъезжают пять человек кавалеристов в тот же дом, в который он зашел. Мы думали, что его заметили, ну, думаем, пропал парень. Потом смотрим, он вышел за ограду и притаился к стенке и стоит. Я сказал Семену: «Идем вот так по кустам ближе, и если они погонятся за ним, то мы не дадим его взять». Слышим, что они подъехали под окно, и кричат: «Тетка, кони готовы, подавайте», – значит, они выезжают. Смотрим, бежит и наш товарищ и сказал, что выезжают, вот мы побежали на выбранное нами место.

Вдруг смотрим гонит пастух коров прямо на это же место. Я вышел и машу ему шапкой, чтобы он не гнал, но он не видел меня и белые тоже едут. Мы бросили эту позицию и побежали занимать другую, так как мы могли перестрелять весь табун коров, да и белым было выгодно смешаться с табуном. Отбежали дальше и заняли другую позицию, но уже не так удобно, расстояние было дальше, можно было стрелять только с винтовок. А у меня была охотничья централка и мне пришлось занять позицию у самой дороги, от товарищей около 200 сажень, но все же я своих товарищей видел. Когда белые меня миновали и поднялись на бугорок, я махнул рукой своим товарищам, и они начали стрелять, тогда белые испугались и начали прятаться под телеги. Кавалеристы

бросились назад ближе ко мне, тогда я сделал выстрел в них. Я одного ранил, и он соскочил с коня и пополз в лес, ближе к белым. Остальные кавалеристы бросились от меня. Я успел ещё раз выстрелить вдогонку, но не попал, так что они отъехали далеко и выстрел не хватил их, но товарищи мои продолжали стрелять.

Белые заняли канаву, офицеры заняли пулеметы и направили на меня два пулемета, а остальные два пулемета направили в ту сторону, где сидели мои товарищи. Но белым не видать меня, направили пулеметы выше, обрезали все сучки. Засыпало меня сучьями, так что нельзя было пошевелиться. У меня застряли в централке гильзы, я выскочил на чистое место и стал, вытаскивают гильзы. Тогда офицер увидел меня и крикнул кавалеристам: «Поймать его живым». Но я не тронулся с места и вытаскивал гильзы, тогда 5 человек кавалеристов бросились ко мне. Когда они подъехали ко мне близко, я выстрелил в них, и они повернули от меня обратно. Тогда офицер закричал на них: «Я приказываю поймать его», и они бросились опять ко мне. Но я успел уже зарядить централку, и когда они подъехали на расстояние выстрела, я прицелился и выстрелил. Один свалился, а остальные бросились от меня. Когда кони бросились через канаву, то ещё второй кавалерист полетел вниз головой, я не вытерпел и расхохотался и крикнул им: «Тю, белая банда». Они поднялись и посмотрели на меня и затем побежали к своему отряду.

Тогда офицер видит, что я никуда не бегу, думал, что я их заманиваю и приказал отступать, и все бросились к телегам. Начали отступать, но со стороны моих товарищей не стало слышно ни одного выстрела и я думал, что они уже погибли. Только трещали пулеметы белых, осыпая градом пуль. Они стреляли тоже впустую, не знали сами, в кого они стреляют. Я вышел на дорогу и увидел двух белых офицеров, которые бросились то в одну, то в другую сторону, как сумасшедшие собаки. У меня не было винтовки. Я бы их ссадил, но с централки было далеко, пожалел напрасно тратить пули, так что у меня их было мало. Они поднимали свалившегося в канаву с пулеметом коня и вскоре все затихло.

Я побежал на то место, где остались мои товарищи, но их на том месте уже не было. Я подал свисток в гильзу, но ответку не получил. Пошел ближе к Шеманово, где мы всегда собирались. Наших не нашел. Пошел в Шеманово и зашел в крайний дом. Они

сидят и распивают бутылку самогонки. Я им сказал: «Что, с победой выпиваете?», – они засмеялись. И я им сказал: «Идите скорей, белые отступили и побросали коней». Тогда товарищи мои бросили пить самогонку и побежали со мной на то место, где у нас был бой с белыми. И когда пришли на место битвы, то увидели пасущихся трех коней, которые остались от белых. Кони были оседланы, мы поймали их и сели и поехали осматривать место сражения. И когда объехали кругом, то увидели двух мужиков, которые вели четырех лошадей. Мы подъехали к ним, и они передали нам коней и рассказали нам, как белые бежали от нас. Лошади, отобранные у белых, были оседланы хорошими седлами. К ним были прикреплены сумки, набитые полно награбленным бельем, в котором мы очень нуждались и теперь мы обеспечены бельем. Только не хватает хороших винтовок.

К часам 11 вечера собрались все наши товарищи и ещё приехали к нам четыре товарища с участка Куватки. Нас собралось 16 человек, а коней у нас только 11. Итак, пяти товарищам лошадей не хватает. И вот у нас получилось два отряда: отряд пехоты и отряд кавалерии. Избрали начальником кавалерии товарища Богрянова. И в час ночи открыли кавалерийское совещание.

28 сентября в 10 часов утра выехали в Шеманово. Приехали в Шеманово, арестовали типов и привели в один пустой дом. Посадили и поставили стражу из шемановских крестьян. Мы их арестовали не затем, чтобы убить, как гадов, так как они заслуживали этого. Но мы их предупредили о том, чтобы они недосказывали на тех крестьян, которые нам помогали. В часа 3 дня мы отправились по Братскому тракту к Булаку, так как белые остановили шемановских ямщиков в Булаке. Булакских остановили в Коби, сказали, что если вы без нашего разрешения уедите, то мы, когда вернемся и вас не будет, тогда пожжем ваши деревни. Крестьяне, боясь таких угроз со стороны белых, решили дожидаться их. Поэтому мы сообразили, что белые дожидаются из Тулуна подкрепления, когда получат подкрепление, тогда вернутся обратно. Поэтому мы решили приготовить засады для них. Просидели до вечера – белых нет, и вернулись обратно.

Когда приехали в Шеманово, то услышали, что в Николаевский завод прибыл отряд красных партизан под командованием товарища Бурлова. Тогда поехали в Большую Каду. Приехали уже

поздно вечером, где остановились ночевать. В 2 часа ночи к нам приехал из Николаевского завода из отряда Бурлова товарищ Номеровский Сергей и сообщил нам, что товарищ Бурлов просил выслать с каждого отряда по три человека. Так товарищ Бурлов предполагал, что нас очень много, потому что от нас белые бежали, а поэтому т. Бурлов подумал, что у нас несколько отрядов, поэтому и просил, чтобы с каждого отряда прислали по три человека. Но нас было 16 человек, и мы решили все поехать в завод.

И в ночь на 29 сентября отправились в дорогу и к 10 часам прибыли в Николаевский завод и явились к т. Бурлову, который нас принял в свой отряд. У т. Бурлова было тоже два отряда: небольшой отряд пехоты, численностью 55 человек и отряд кавалерии в 15 лошадей под командованием т. Арзютова. И мы примкнули к т. Арзютову.

На другой день т. Бурлов со своим отрядом отправился в Большекинское, а я отправился с т. Иконниковым в разведку в село Братск. Приехали в Братск к вечеру, где уговорились с т. Иконниковым стать на разные квартиры. Т. Иконников должен заняться своими работами, и что где услышит, должен сообщать обо всем мне, а я должен вести связь с т. Бурловым. В 2 часа ночи на 1 октября отряд Белоголового вернулся с Мамыри в Братск.

Ночью я слышал пушечный выстрел и проснулся. Минут через пять повторился выстрел, затем затрещали пулеметы. Я начал одеваться. В то время хозяева, у которых я остановился, проснулись и в испуге забегали. Хозяйка хотела зажечь огонь, но я не дал. Хозяйка заплакала, я стал унимать ее и сказал, что не бойтесь, я сейчас уеду и они вас не тронут и бросился во двор. Я бросился в заднюю калитку через огород, изгородь была загорожена бревнами в столбы. Сам смог перескочить через изгородь и давай стараться разбирать изгородь. Осталось снять ещё одно бревно и я спасен, но бревно было очень тяжелое. А белые уже ворвались во двор, бегают, ищут меня. Я напряг все силы и все-таки поднял бревно. Бревно вырвалось из рук и грохнулось. Я вскочил на коня и помчался полным галопом. Вслед за мной раздался залп и несколько пуль прожужжали мимо меня. И ни одна не зацепила. И еще несколько было выстрелов со стороны белых, но они стреляли впустую, так как в темноте ничего не видно.

Когда я вернулся в Большеокинск, то отряда т. Бурлова там уже не было. Когда я спросил крестьян села Большеокинского, то они сказали, что отряд т. Бурлова после Шемановского боя отступил на Малую Каду. Я с Большеокинска отправился прямо на Малую Каду. За ней в лесу я нашел отряд т. Бурлова, который держал путь на Кузнецово-Вихорево. Нужно было пройти на Вихоревку верст полтораста непроходимой тайги, загроможденной колодником. На третий день мы вышли на Кузнецово-Вихорево.

Деревня Кузнецово была маленькая, всего 7 домов, а отряд был больше 100 человек. Хлеба у нас не хватило, и у крестьян печеного хлеба не было. Но мы, голодные как волки, выпросили у крестьян муку и заварили в котелках заваруху и наелись.

На другой день, то есть 5-го октября, мы отправились на Анзебу, так как Анзеба была больше деревни Кузнецова – 17 домов. Заготовили в Анзебе хлеба, и мы на другой день отправились дальше по течению Вихорева и к вечеру дошли до Бурминского брода, где пришлось переправляться через реку вплавь. Лошадей у нас было двадцать шесть, а отряд больше ста человек, но все же ухитрился перейти весь отряд. Утром 7-го октября прибыли в деревню, на другой день мы заняли Кobleкова и послали часть отряда на Усть-Вихорево.

Белые заняли Братский тракт. Расположение отрядов белых: один отряд стоял в селе Братске, другой отряд остановился в Николаевском заводе и небольшой 3-й отряд стоял в селе Шеманово. Численность белых была около тысячи штыков. А у нас всего 120 человек и все раздетые, а тут к нашему несчастью поднялись морозы. Положение было очень плохое. Белые кругом везде шныряли. Уже хвастались, что как настанет зима, то мы, дескать, красных всех переловим, как зайцев.

Положение, правда, было незавидное. С наступлением сильных морозов в бой нам выступать не приходилось, так как мы были все раздетыми. Охрану держали только усиленной разведкой и сторожевыми заставами. Простояли в таком положении около месяца и всем товарищам эта сиделка надоела. И вот собрались все товарищи и стали просить т. Бурлова, чтобы он вел нас куда-нибудь в наступление или на Братск, или на Николаевский завод. Товарищ Бурлов стал уговаривать, чтобы немного погодили, так как у нас были посланы несколько товарищей в тыл, где у нас

были мастерские, для того, чтобы они подыскали какой-нибудь одежды. И с пояснениями т. Бурлова все согласились дожидаться приезда товарищей.

Дня через два вернулись с тылу наши товарищи и привезли одежды, но всем все равно не хватило. Но благодаря сознательности черемховских крестьян, собрали нас, какая была у них одежда и одели остальных.

В ноябре месяце приблизительно числа 8-го я отправился с некоторыми товарищами в разведку в село Падун. Когда приехали, нам сказали крестьяне, что разведка белая только что здесь была и вернулась обратно в Братск. Белые сказали, что хотят в эту же ночь занять Падун. Тогда т. Бурлов отделил часть отряда и послал в Падун. Я с разведкой поехал вперед, а отряд пеших шел за нами. В 3-х верстах от Падун отряд остановился, было уже темно, разведка отправилась в Падун. В Падуну белых не было слышно, нам нужно было узнать и мы решили заехать прямо в деревню.

Только что мы заехали в деревню, вдруг из угла раздался голос: «Стой», и сразу получился выстрел. Вслед за выстрелом последовало несколько выстрелов со всех сторон. Заработали пулеметы, стрельба слилась в один сплошной треск. Стреляли все впустую, не видя никого. Мы бросились в проулок, и попали в какую-то ограду. Некуда выбраться. Пришпорили коней и перескакали через ограду. При сильном прыжке через ограду один т. Поясов слетел с коня. Я думал, что т. Поясов ранен и бросился к нему на помощь, но он вскочил на ноги и побежал ко мне навстречу. Я спросил его: «Что, ранен?», но он мне ответил: «Нет». Я поддержал его коня, и он сел в седло, а я с товарищами помчался обратно к своему отряду.

Когда стали мы приближаться к своему отряду, то услышали топот коней. Наши оставшиеся товарищи бросились от нас в разные стороны. Я крикнул своим, они остановились. Подошел к нам ротный командир, мы ему объяснили, что белые в Падуне и спросили его, что будем наступать или нет. Но он несколько помялся и сказал, что не знает. В это время подошли к нам два товарища – Потапов Степан и Михайлов Степан и стали рассуждать, что у нас, дескать, ничего нет с собой – ни бинтов и никаких перевязочных материалов. Так что если кого ранят, то нам нечем и перевязать и он должен сойти кровью, притом же сильнейший мороз,

так что наступать не придется. Эти слова разнеслись по всему отряду, еще не ранили никого, а они уже умирают.

И тогда наш ротный командир решил сделать ротное совещание и все решили отступить, кроме разведки. Я стал просить ротного командира, чтобы он построил роту и вызвал охотников, кто же знает, как идти в наступление. Он это сделал. И когда стали вызывать охотников, то вышло только 10 человек, а остальные стояли неподвижно. Спустя минут 5, я обратился к товарищам и сказал: «Что же, товарищи, больше нет охотников?» Тогда некоторые из стоящих товарищей видимо устыдились и стали подходить. Набралось всего 35 человек. Тогда ротный командир обратился к нам и сказал: «Если я своими пойду наступать на белых, то я уверен, что от вас останется человек 15 не больше, а остальные убегут. Я вас уложу, то меня все равно будут судить, и если не пойду – то же самое. Так не лучше нам отступить, потому что белых было в Падуне не менее 350 человек, а у нас, если бы пошли все эти герои, которых вышло 35 человек, то на каждого хватит по 10 человек. Так что я не беру на себя такую смелость». Ротный командир сказал, [что] лучше отступить.

Мы отступили до деревни Анчеремхово, где находился т. Бурилов с остальным отрядом. На второй день нашу роту судили в закрытом гумне. Ревтрибунал присудил тт. Потапова и Михайлова расстрелять. Мне показалось, что это очень строго. Я попросил слово, и я высказался в защиту осужденных товарищей. Так как товарищ Потапов из крестьян от сохи, а товарищ Михайлов – рабочий из Николаевского завода, тот и другой участвовали в боях мало. Поэтому у них явилась трусость, а потому такие меры наказания как расстрел, по-моему, очень суровы. Я прошу военный Ревтрибунал меры наказания снизить и после моего выступления выступили другие товарищи. И после высказывавшихся товарищей суд отменил свое постановление, и меры наказания заменил административным взысканием.

После закрытия ревсуда общим собранием всего отряда вынесли резолюцию, в которой сказано, что если кто сделает попытку бегства при наступлении, то любой из стоящих вблизи от бежавшего товарища, имеет право убить и отвечать за это не будет. Вторым пунктом стоял вопрос, что если кто из товарищей позволит взять с крестьян без спросу хоть один кусок хлеба, то будет

строго наказан судом. Тогда объявили всем товарищам, что кто чувствует себя, что он не сможет выполнить тех постановлений, которые упомянуты в резолюции, как то насчет трусости и вообще всей дисциплины, то пусть выйдет и сдаст оружие, пусть идет на все четыре стороны, ничего ему не будет. Тогда все товарищи, каждый подписался к постановлению с выработанной дисциплиной. С тех пор наш отряд был образцовым.

После общего собрания т. Бурлов сказал, что если белые узнают, что вы отступили, то я уверен, что белые с сегодняшнего дня будут на нас наступать. А поэтому нам нужно с сегодняшнего [дня] быть осторожными, нужно выставить усиленные заставы. Только стало смеркаться, мы выставили две заставы каждая по 15 человек, а остальные товарищи после уже легли спать. И в час ночи, когда вторая смена заставы пришла на место, заметила, что какие-то темные предметы как будто бы приближаются все ближе и ближе. Это были белые, рассыпавшись цепями, шли в наступление. Наши заставы приготовились, когда подпустив на расстояние выстрела, открыли огонь. Началась стрельба. С обеих сторон нашей заставы выпустили несколько полных бомб и при взрыве бомб, белые бросились в бегство. Наш отряд спал, при взрывах бомб, по раздававшемуся гулу по лесу, отряд проснулся. Пока отряд готовился выступить и готовился к бою, стрельба прекратилась.

Начальник отряда т. Бурлов приказал заставам отойти ближе к отряду и пустил разведку в тыл. Когда посланная разведка отъехала с полверсты, наткнулась на засаду белых. Белые открыли стрельбу и ранили под т. Бакаевым лошадь. Разведка вернулась обратно. Услышав выстрелы, товарищ Бурлов тот час же переменял направление фронта. И когда с тыла разведка приехала и доложила т. Бурлову, что кто-то в тылу стрелял в них и ранил лошадь, т. Бурлов назначил разведку более сильную и отправился сам с нами. Когда подъехали к тому месту, где обстреляли нашу разведку, то увидели зарезанных двух собак. Это зарезали белые своих собак, потому что они могли их выдать и отъехали ещё шагов 50.

Увидели, что какие-то два человека бросились бежать, мы их оцепили и поймали. Это были два крестьянина – один падунский, а другой с деревни Сафорова. Падунский крестьянин, который привел белых к нам в тыл, когда мы стали его спрашивать, почему

он оказался тут, он нам ответил, что он еще с вечера находится здесь. Он не провел белых к нам в тыл. Если бы я не повел, то они бы меня расстреляли. А собаки, порезанные белыми, потому, что они услышали шум во время стрельбы, начали лаять. Когда спросили другого, Сафоровского, то он ответил, что он нес пакет, который должен передать т. Бурлову, но белые у него отобрали и дальше никуда не пустили. Когда мы спросили его, что не спрашивали ли белые у него о нашем расположении имеющихся сил, то он ответил, что белый офицер спросил у него, сколько находится красных в Анчеремховой. Он ему сказал, что красных стоит в Анчеремховой около 400 человек и ещё прибавил, что в Сафоровой тоже стоит отряд красных 250 человек. Тогда он так весь затрясся, и когда мы спросили его, а где же белые, которые тебя остановили, он нам сказал, что не знает, потому что он с товарищем задремали, а белые в то время куда-то скрылись.

Мы поехали по натоптаным следам и решили, что засады белых тоже отступили к Падуну. Вернулись к своему отряду, а пойманных нами крестьян сдали под надзор. Тогда т. Бурлов объявил по цепям, чтобы весь фронт не терял положение цепей, отходил постепенно по направлению к Сафорова, не теряя связи между каждым товарищем. Отряд стал отходить в боевое расположение.

Ночь была темная, но благодаря белому снегу, можно было различить свалившийся колодник, через который приходилось с трудом перебираться на место, по которому приходилось отходить, место было очень захламленное валежником леса. Путь нашего отряда не был дальним. Расстояние между Анчеремховой и Сафорова было всего 8 верст. Наш отряд двигался очень медленно, каждому из товарищей приходилось с трудом перелазить через свалившиеся громадной толщины деревья. Только к рассвету пришли в Сафорова.

Деревня Сафорова была не слишком велика, всего домов 17. А отряд – больше 100 человек, так что многим товарищам не пришлось даже выпить стакан горячего чая, с холодной водой съели по куску хлеба. Ко мне подошел т. Баринов и сказал, чтобы я просил т. Бурлова отпустить нас в разведку. Нам хотелось узнать, где находятся белые, потому что мы думали, что белые заняли Анчеремхово. Я пошел к т. Бурлову просить, чтобы он отпустил нас с т.

Бариновым в разведку. Товарищ Бурлов согласился. Мы отправились, с нами поехали ещё три товарища: Девятов, Бакаев, Паясов.

Пять человек отправились в разведку и не доехали двух верст до Анчеремхово, нас остановил анчеремховский крестьянин, который ехал к нам для того, чтобы просить т. Бурлова, чтобы он вернулся обратно в Анчеремхово, потому что анчеремховский крестьяне не любили белых и не хотели, чтобы они зашли к ним. Мы спросили, где белые, и он нам сказал, что не знает, но в Анчеремхово белых нет. Мы поехали по направлению Падуна. Когда подъехали к мельнице, то увидели Падун и где стояли белые. Отряд белых был очень большой и был растянут около двух верст. Мы поехали по следам белых. Доехали до Бурминской мельницы и вернулись обратно и когда вернулись в Анчеремхово, то т. Бурлов был уже в Анчеремхово и на другой день весь отряд т. Бурлова отправился на Падун.

Белые узнали, что отряд т. Бурлова идет на Падун, они отступили в Братск. Мы заняли Падун, а белые заняли Братск и Николаевский завод. В продолжение нашей стоянки в Падуне начались сильные морозы. А у нас из одежды одни лоскуты – нельзя высушиться из избы. А белые со всех сторон на нас нападают, но благодаря нашей бдительности, им не удавалось. С какой бы стороны они на нас не напали, им всегда приходилось с позором бежать. Видя, что с нами они не могут ничего сделать, тогда стали нам писать письма, чтобы мы сдались без боя и обещали нам, что они ничего с нами не будут делать. Но мы им ответили, что когда река Ангара повернется обратно, тогда только мы подумаем сдать вас без боя, или же когда переступите через наши трупы, тогда возьмете то место, где мы находимся.

В Падуне мы простояли около трех недель, нам надоело. Все стали просить т. Бурлова идти в наступление на Николаевский завод. Тогда т. Бурлов сказал: «Ладно, но только мы должны в первую очередь поехать и обстрелять Братск, а потом пойдем на Николаевский завод, потому что белые подумают, что мы будим наступать на Братск и подтянут силы к Братску, оставят небольшие силы в Ник. заводе и нам будет легче взять завод». Так и сделали. Сперва поехала наша кавалерия под командой т. Бурлова, обстреляли Братск и вернулись обратно в Падун, на другой день к нам в Падун приехал из Кузнецова-Вихорева т. Большелапов

Михаил Петрович, который привез нам пакет, написанный от белых с Николаевского завода. В письме говорилось, что белые, которые стоят в Николаевский заводе желают перейти на сторону красных партизан, они пишут, что нас находится в Николаевском заводе около 200 человек, из которых желают сдать 120 человек, а остальные, 2-й взвод и пулеметная команда, не хотят сдаваться. Но это дело может уладиться, просим вас выслать нам несколько бомб, так как у нас нет.

Товарищ Бурлов собрал всех и сказал, что белые просят у нас, чтобы мы послали им несколько штук бомб, как ваше мнение? Большинство товарищей сказали, что нужно послать. Бурлов сказал: «Хоть на себе, но пошлем». Наложили воз сена, заложили 7 бомб и послали т. Гилюса отвезти сено в Ник. завод, который отвес сено и бомбы. Белые же послали с т. Гилюсом письмо, в котором пишут, что товарищи красные партизаны, мы посылаем разведку на Кузнецово-Вихорева, если же будут назначены те люди, которые желают сдать, то предупредительный выстрел будет на мостовой, мы с вами можем переговорить, что нужно сделать, а если же предупредительного выстрела не будет, то знайте, что это те люди которые не хотят сдать. Вам нужно сделать засады для того, чтобы изловить их.

Бурлов так и сделал. Мы просидели около двух суток и никого не встретили. Тогда т. Бурлов сказал, что сегодняшней ночью к 2 часам ночи мы должны быть в Ник. заводе. И в ночь на 29 ноября мы поехали с Кузнецово-Вихорева. В эту ночь поднялся холодный сильный ветер, но благодаря густому лесу, нам было тепло. Не доезжая двух верст до завода, т. Бурлов остановил отряд. Обошел всех и рассказал, какому взводу что делать и каждому командиру взвода. На выполнение его задачи как раз на Ник. заводе был подан гудок, ночная смена рабочих выходила на работу в два часа ночи. Бурлов приказал, чтобы ехали как можно тише и никто не разговаривал.

Когда подъехали к конному двору, то увидели бежавшего человека прямо по дороге к нам, т. Бурлов остановил отряд и тихо выслал с обоих флангов по два человека для того, чтобы идущий к нам человек, не мог уйти в сторону. Идущий человек, это был белый, который подбежал к нам и сказал: «Скорей, товарищи, пока не поздно, офицеры, узнав наш заговор, арестовали тридцать че-

ловек, посадили в каталажку, хотят расстрелять». Мы бросились галопом. Когда подъехали к конторской горе, то наехали на цепь белых, которые сидели в окопах. Увидев нас, они сдались и стали бросать ружья. Мы загнали их в казармы.

Оставили первый взвод на караул, а остальные три взвода окружили дома, в которых помещались белые офицеры. Всех арестовали кроме одного офицера, который при входе в квартиру схватил со стола наган и хотел защищаться. Его сразу убили, а остальных забрали живым и посадили.

В заводе был отряд [в] 200 человек солдат, которые согласились вместе с нами продолжать дальше. В эту же ночь поставили на посты белых, сами следили за ними, что не будет ли измены. Ночь прошла спокойно и 30 ноября утром в 10 часов сделали совместно с белыми общее собрание, на котором перешедшие к нам поклялись, что ни один из них не пойдет против Советской власти, тогда т. Бурлов передал в их распоряжение белых офицеров, которых они в это же утро покололи, оставили только двоих.

В 11 часов 30 ноября я со своей разведкой отправился в Братск. Когда стали подъезжать к Братску, уже стемнело. Мы проехали лесом и подъехали к самому Братску. Осмотрели расположение постов. Посты были слабые, если бы застать врасплох, то у меня было всего 5 человек, а белых было больше 400. К 12 часам я вернулся к Ник. заводу и доложил т. Бурлову. Отряд начал собираться. Белые, перешедшие к нам на Ник. заводе 200 человек, пошли вместе с нами. Нас стало 260 человек и часть отряда под командой Бердникова стояла в Пьяновой, которому одновременно с выступлением нас на Братск, послана связь в том, чтобы Пьяновский отряд был около Братска по Пьяновской дороге. А наш отряд под командованием т. Бурлова – по Братскому тракту, так что наступление на Братск должно быть одновременно с Пьяновским отрядом с двух сторон.

Наш отряд, не доходя двух верст до Братска, остановился и т. Бурлов послал вторую связь в Пьяновский отряд. Пока сделали связь с отрядом, то уже рассвело. Бурлов поторопился и отдал приказание по фронту начинать наступление на Братск и в то же время предупредил, чтобы никто без разрешения не стрелял. Но из нашего отряда с правого фланга, кто-то сделал выстрел, и белые успели подготовиться.

Наша цепь подошла к Братску совсем близко. Нас белые встретили угрожающим пулеметным огнем, пулеметами, которые были поставлены на церкви. Сразу вышибли из строя т. Бурлова, который был ранен в ногу и ещё несколько товарищей. А Пьяновский отряд опоздал, и т. Бурлов дал распоряжение отступить.

Принял командование отрядом т. Чубаров. Наш отряд отступил, а Пьяновский отряд начал наступление. Отряду удалось поставить пулемет вдоль улицы, и наши вытеснили в Оку, и часть белых бросились в окопы. Наш командир отряда т. Чубаров отдал распоряжение наступать и когда мы перешли в наступление, то у Пьяновского отряда пулемет не стал работать. Белые бросились по всем фронтам на наш отряд, пулеметы, поставленные белыми на церковь, ежеминутно выводили из строя наших товарищей.

Командир т. Чюбанов начал отступать под прикрытием нашей кавалерии. Когда Пьяновский отряд наладил свой пулемет, белые начали отступление. Наш отряд бросился на перехват белых и занял Большеокинск. Погода сдурила, поднялся буран, не видать света. Белые пошли обходом: кавалерия и часть пехоты белых пошла через Большеокинскую гору, и большая часть с пулеметами пошла через Братские луга. Наша разведка в числе 20 человек поехала на Большеокинский порог для того, чтобы белые не прорвались через порог. Когда мы переехали через Оку и [пошли] лесом около берега Оки, на каждой дороге оставляли по одному человеку и таким путем заняли все дороги.

Нас осталось 12 человек, которые поехали вдоль берега к Братским лугам, переехали через мельницу и хотели уже вернуться обратно, так как стрельба началась с Большеокинской горы. Мы думали, что белые прошли через Большеокинскую гору, но услышали запах дыма, который тянул по ветру от Братских лугов, мы поехали дальше. Когда подъехали к Братским лугам, мы увидели расположенные кучи белых, которые стояли около разложенных костров огня. Мы потихоньку слезли с коней и рассыпались. Каждому товарищу было указано, кому в какую кучу стрелять. Согласовались и залпом дернули по всем расположенным кучам белых. Белые бросились во все стороны. Бросили стоявшие у огня пулеметы.

Буран усилился, не видать света, залеплял глаза снегом, не видать, куда стрелять и белым, офицеры воспользовались этим

временным прикрытием бурана, заняли пулеметы, началась пулеметная стрельба. Слилс я гул в одно вместе с бушующим ветром бурана. А на наших товарищах одежда была на рыбьем меху и та изорвана в лоскуты. Руки не работали, не мог никто заложить патрон. Нам пришлось отступить и отойти назад. Но белые были разбиты, частями стали сдаваться, и мы захватили 30 человек пленных и одну лошадь с пулеметом.

Ушли в Большеокинск. Оставили убитым одного из товарищей Воробьева. С Большой Кады приехав в Большеокинск, сдали пленных и снова выехали, хотя белые нас обстреляли, но ни одного из товарищей не убили, так что, хотя и мешающий нам в некоторых случаях буран, немного помогал. Нам удалось ещё взять партию белых в плен около сорока человек и к вечеру мы набрали беляков 150 человек и забрали белую кавалерию целиком – 40 лошадей. Я просил командира Чубарова, чтобы он поставил засады за рекой для того, чтобы остатки беляков не могли прорваться. Но он не согласился и сказал: «Черт с ними, захотят сдаться, то сдадутся или пусть замерзают в лесу».

Но он ошибся, белые хорошо знали дорогу через порог и ночью прорвались. Товарищ Бердников со своей ротой бросился на перехват, но они не успели занять Шеманово и нам пришлось положить под Шеманово самых лучших товарищей 12 человек. Бердников занял Братский тракт и перегородил путь к отступлению. 2 декабря утром т. Бердников нам послал известие, что белые заняли Шеманово и наш отряд выступил к Шеманово. Когда наш отряд подошел к Шеманово, то т. Бердников уже вел перестрелку с белыми, которые подготовились к бою, установили на церкви пулеметы, и когда мы повели наступление, то белые хорошо подготовились – встретили нас пулеметным огнем и убили наповал самых лучших товарищей.

Командир Чубаров отступил и оставил только по Братскому тракту две больших засады, а сам отступил в Большую Каду. Белые воспользовались этим случаем, разведав другой путь, обошли наши засады и выбрались на Братский тракт. 3 декабря наш начальник отряда Чубаров назначил усиленную разведку и послал по Братскому тракту, которая шла впереди, а за ней шел весь отряд. 6 декабря мы заняли Ключи Булак и к вечеру 7 декабря мы за-

няли Коб. В Кобе нам крестьяне сказали, что белые в 12 часов дня проехали, ехали как настеганные, даже не остановились чай пить.

Утром 8 декабря с разведкой отправился на Баду. Приехали в Баду, нам крестьяне сказали, что белые здесь ночевали, утром рано уехали и говорили, что мы красным задали жару и у белых было много раненых и 5 человек убитых офицеров, которых белые везли с собой. Крестьяне им сказали: «Куда же вы везете мяса?» Они им ответили: «В Тулун. Не хотим отдать его красным». Один из крестьян сказал им: «Раз так, значит, вы красным задали жару, а сами везете мяса в Тулун продавать».

9-го декабря мы отправились в Тангуй с утра. Был сильный буран, который слеплял глаза снегом. Продвигались медленно. В Тангуй приехали, уже было темно. Заехали в крайний дом, спросили, нам сказали, что белые вчера проехали, бегут, как сумасшедшие, даже не остановились ночевать. Мы остановились в Тангуй ночевать. Выставили сторожевые посты, ночью приехал наш отряд. Назавтра утром мы отправились. Погода стихла, день был хороший, мы к вечеру приехали в Ирил. В Ирили мы остановились ночевать. Выставили два сторожевых поста и стали ожидать прибытия отряда, но наш отряд не пришел. У нас получилось сомнение, так как отряд наш должен ехать вслед за нами. Утром 11 декабря мы отправили одного товарища навстречу своему отряду, который встретился с отрядом.

Утром 12-го наша разведка отправилась на Буслайку. Уже было темно, в Буслайке остановились ночевать, наш отряд остался в Ирили до тех пор, пока мы не сообщим ему, где находятся белые. На Буслайке мы узнали, что белые прошли в Тулун. На другой день мы послали нарочного к своему отряду в Ирил. А сами отправились на Гуран. 13[-го] ночью мы приехали в Гуран и узнали от гуранских крестьян, что белые прибежали в Тулун, присоединились к чехам. И сказали им, что красные по Братскому тракту. В самом Братске несколько тысяч, которые идут по обоим трактам, по новому и по старому, которые держат направление на Тулун. Чехи перепуганные, но нас было всего 440 человек.

Когда чехи узнали, что красные уже заняли Гуран, тогда от чехов приехали четыре представителя, которые были отправлены в наш военный штаб. Чехи заявили, что они с нами воевать не хотят, что они должны охранять только железную дорогу для того,

чтобы никто не портил железной дороги. А русских белых мы могли вылавливать и что хотим, то с ними делаем. От нас должны были ехать с чехами три избранные нами товарища, которые должны заключить с чехами договор. И 17 декабря 1919 года наши товарищи Груздев, Панфилов отправились на переговоры с чехами, которым был вручен наказ общего собрания. В нем было упомянуто, что если наши товарищи не будут доставлены в Гуран в целости к 19 декабря к 2 часам ночи, то мы красными партизанами выступим в бой с чехами.

19 декабря 1919 года посланные нами товарищи к часу ночи под охраной чеховской кавалерии были доставлены в Гуран. Договор был заключен таковой: мы, чехи и югославаки не должны вмешиваться в гражданское военное дело, мы должны охранять только железную дорогу и не должны отходить и отъезжать от полосы ж/д не более 10 км или русских верст и не более 30-ти сажень со стороны красных партизан, которые дают свое согласие не доезжать до ж/д на расстояние 10 верст и не более 30 сабель. Установленный на станции Тулун красный контроль составил 15 человек, который прибыл поездом, [чтобы] осматривать все вагоны и вылавливать белых офицеров. С 20-го декабря был установлен наш красный контроль, который в течение пяти суток выловил белых офицеров – 75 человек.

К 25 декабря т. Бурлов поправился и принял командование. 27 декабря рабочие Ник. завода послали т. Бурлову прошение, в котором просили, чтоб т. Бурлов отпустил меня на Ник. завод, так как у них не было модельщика. Бурлов удовлетворил их просьбу и 28 декабря я был назначен старшим по сопровождению белых офицеров на Ник. завод. 29 декабря я принял арестованных и отправился в дорогу. Дорога дальняя. Поднялись сильные морозы, и к 7 января я прибыл в Ник. завод, где поступил в модельный цех модельщиком.

22 января 1920 года проводились выборы в Совет рабочих депутатов. Я был избран председателем исполкома. 26 января 1920 г. проходил через Братск морской полк белых, которые шли через Чуну и остановился на Анзебы. Нас известили о прибытии морского полка и все рабочие Ник. завода засуетились. На заводе были оставлены для охраны 10 человек красных партизан, к ним присоединились рабочие, организовали отряд численностью 80

человек. Мы думали, что белые пойдут через завод и боялись, что белые отберут у нас пленных офицеров. Приказали им собираться, отделили для конвоя 12 человек и отправились на Братск.

Нам нужно было узнать численность белых и в каком они состоянии, но никто не соглашался идти к белым в лапы. Я сказал: «Я пойду, напишите мне пропуск от красных, поставьте фамилию мою Носов Иван, а остальное я сам придумаю, как пробраться». Переоделся в одежду крестьянина и отправился. Когда я стал подъезжать к деревне Анзебы и увидел, что стоят кругом деревни посты и нельзя никак их миновать. Я решил ехать прямо, как будто бы ничего не замечаю, и когда подъехал близко к стоящему часовому, который меня остановил. Я как будто ничего не понимаю, зачем меня остановили, спросил его: «А где же можно проехать?» И он мне сказал: «Постой тут» и сам позвал командира белого полка, который остановился, стал меня спрашивать, откуда я. Я ему сказал: «С Николаевского завода», и вытащил пропуск и подал ему. Он начал читать молча. В это время к нам подходил анзебинский крестьянин, который меня хорошо знал и когда полковник меня спросил, как твоя фамилия, я ответил ему нарочно погромче НОСОВ ИВАН! И когда подошел к нам Тероманов, то полковник спросил: «Его ты знаешь, этого человека». Тероманов ответил: «Знаю, с Николаевского завода». Он спросил: «А как его оформили?» Он ответил: «Носов Иван». Командир сказал: «Обратись ко мне, ты не выйдешь отсюда, пока мы уедем» и сказал белым: «Отведите его к солдатам». Они сели со мной на сани и поехали со мной.

Когда мы заехали во двор, я как будто ничего не замечая, спокойно зашел в избу. В избе было полно белых, которые окружили меня и стали расспрашивать, откуда. Я им сказал, что с Николаевского завода, и они спросили меня, сколько там красных? Я им сказал: «400 человек». – «А в Братске не знаешь сколько?» Я им сказал: «Около 500 человек». «А ещё где?» Я им сказал, что по всему Братскому тракту до самого Тулуна в каждом селении стоят отряды. Они стали разговаривать между собой, что, однако, нам не пробиться. Они стали спрашивать меня, как красные обращаются вообще с народом, и я сказал, что обращение красных хорошее, так что крестьяне обожают красных лучше, чем белых. Один спросил меня: «А вы как думаете?» И я им сказал, что для меня все

равно одни и другие, лишь бы нас не обижали. «Мы люди старые и темные, для нас все хорошо», и они не стали больше спрашивать. Белые улеглись на полу отдыхать, а двое сидели.

Когда вышел на улицу, то увидел, что белые возятся с пулеметами, которые не работают и всю ночь их налаживали. Я напоил коня, пришел и лег спать и мне всю ночь не спалось. Утром рано белые стали собираться. Когда все белые вышли из избы, я подошел к окну и увидел, что белый офицер повел нашего т. Жигалова в лес расстреливать, который идет, опустил голову вниз, и я отошел от окна – через несколько минут раздались два выстрела. Ну, думаю, убил, гад. Когда офицер вернулся обратно, я потихоньку вышел на улицу и увидел, что белые направились [в] Пьяново. Я стал запрягать коня, смотрю, прибежал ко мне т. Жигалов, который остался невредимым благодаря тому, что попался хороший офицер, который, сделав два выстрела, отпустил т. Жигалова, сказал ему, чтобы он не являлся в деревню до тех пор, покуда они не уедут. Я запряг коня, вышел на улицу, белых уже не было, посадил т. Жигалова и отправился на Ник. завод. Приехали на завод, выпили по стакану чая и отправились через Долонова на Братск.

Приехал в Долонова, оставил т. Жигалова, а сам отправился в Братск. Когда приехал в Братск, то начальник отряда уже согласился пропустить белых, я стал говорит Кершинбаума, что у белых пулеметы не работают и много солдат обмороженных, так что можно их запугать и разоружать, и он со мной согласился. Когда белые выехали на Бугор недалеко от Братска, мы их остановили. Когда подъехал командир белого полка, то я ему заявил, что вы дальше не поедете, вы должны сложить оружие. То он нам сказал тоже: «Вы, товарищи, своему слову не хозяева, сперва согласились пропустить, а теперь не пущаете». Я ему сказал, что тогда было время, а теперь другое. Он сказал: «Так придется открыть бой с вами». Я ему сказал: «Пожалуйста, можете отведать большевистского духа» и хотел от него уехать, но он стал меня спрашивать: «Кто у вас начальник, можно с ним переговорить». Я сказал, [что] можно, и вызвал т. Кершинбаума. Сперва товарищ не согласился пропустить, а потом, когда белый командир сказал, что будет открывать бой, то т. Кершинбаум струсил и начал топтаться на месте. Тогда полковник видит, что он струсил и стал говорить, если

вы боитесь, то берите по двадцать подвоз и провожайте через Ангару, и т. Кершинбаум согласился.

Я думал, что командир сделает иначе, так как можно было взять двадцать подвоз, завести в Братск, разоружить и отправить через Ангару. Подвозы для того, чтобы белые видели, что обоз идет. Таким путем можно было всех разоружить, но товарищ командир не догадался и пропустил белых. Но когда последние подвозы пошли, то полковник обратился ко мне и сказал, что у нас сзади идет наш госпиталь, то, пожалуйста, пропустите его. Я сказал: «Будьте уверены». И он поехал. У нас как раз стояло орудие, которое мы сами отлили на Николаевском заводе, оно было под чехлом, так как у нас не было подготовленных снарядов. Мы забили его пробкой деревянной и надели на него чехол. Когда полковник увидел, сказал: «Ого, у вас ещё орудие имеется». А с наших орудий-то можно воробьев пугать с крыши.

Когда белый полковник отъехал от нас, мы с т. Кершинбаумом остались двое, я стал говорить ему, что напрасно пропустили белых, так как можно было их разоружить, они были бы в наших руках. Притом же у них было много обмороженных и плохо работали пулеметы. Так что я был в полной уверенности, что можно было вполне их разоружить. Когда я растолмачил командиру, то он со мной согласился и сказал: «А что же мы будем делать?» Я ему сказал, что сейчас ещё не поздно, мы можем их догнать, но прежде нужно послать двух товарищей, которые должны незаметно обогнать и организовать из крестьян дружину, которая должна их настигнуть с тыла и предложить им сложить оружие. А в крайнем случае, если он нам не подчинится, то можно вступить в бой, так как у нас будет впереди помощь. И командир со мной согласился.

Через два часа были отправлены два товарища, которые должны во чтобы то ни стало обогнать и выполнить все, что было им приказано. А мы должны в это время разоружить белый госпиталь, который остался от белых. Я выехал из Братска, уже стемнело. Когда проехал около четырех верст, то совсем стало темно, так что ночь была безлунная и пасмурная – ничего не видеть. По дороге я остановился и услышал шорох саней по дороге. Когда они подъехали близко, я окликнул их и они мне ответили: «Свои». Я ещё спросил: «А кто свои?» Они мне сказали, что с госпиталя морского полка. Спросили: «А ты кто?» Я им сказал, что я красный,

выслан к вам навстречу. Полк ваш мы пропустили, и командир вашего полка просил нас, чтобы мы пропустили вас и попросил, чтобы они выслали ко мне одного человека для переговоров.

Минут через пять ко мне подъехал белый офицер, которому я сказал, что я офицер, послан к вам навстречу для того, чтобы вас провести до Братска, так как у нас стоят посты, которые могут поднять тревогу. Чтобы этого не случилось, я послан к вам навстречу и ещё сказал ему: «Следуйте за мной». Он приказал госпиталю ехать за мной и сам поехал рядом. Когда я завел их в Братск, то наш командир Кершинбаум был подготовлен и сразу их окружили и приказали сдать оружие. Сначала белые офицеры не хотели сдавать оружие, но увидели, что нет никакого выхода – сдались.

Утром 28 января мы отправились с командиром вперед, а за нами ехал отряд. Поднялась сильная пурга, не видать света. Северный ветер так и пронизывал насквозь. Мне пришлось чуть ли не всю дорогу бежать рядом с лошадью. Через день погода стихла, я стал говорить Кершинбауму, чтобы наш отряд выехал с полночи, чтобы обязательно застать белых в Мамыри, и он согласился.

В три часа ночи мы выехали. По пути поднялся сильный ветер, который передул снегом всю дорогу. Кони едва шагали. Так как у нас одежда была плохая, нам пришлось идти почти всю дорогу пешком. В час дня 30 января 1920 год мы доехали до Малой Мамыри. Наша разведка сообщила, что белые остановились ночевать в Большой Мамыри, и мы решили остановиться ночевать здесь. В эту же ночь мы сделали связь со своими товарищами, которых послали вперед для организации отряда крестьянской красной дружины, которых собралось 35 человек.

Утром рано 31 января мы совместно с отрядом крестьянской дружины окружили и предложили белым сложить оружие. Но командир белого полка стал просить, чтобы мы разрешили переговоры по телеграфу с товарищем Зверевым, который находился со своим отрядом в Иркутске и товарищ Зверев сообщил нам по телеграфу, чтобы мы пропустили белых. В это же время т. Зверев, выслав отряд, отправился навстречу белым, который под Балаганском встретил белых и разоружил. Нам пришлось вернуться обратно на Ник. завод.

Так описываю характеристику Гражданской войны. Я малограмотный и поэтому прошу редакцию исправить мои ошибки, которые может быть мною сделаны.

Громов Иван Александрович

10.04.1934 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 554. Л. 18–50. Машинопись.

Автобиография партизана Гарани Дюлла Имровича, принимавшего участие в отряде Бурлова в 1919 году

Родился в 1890 году 1 февраля в местечке Марморощолга в Венгрии. По социальному положению – рабочий, металлист. Работал на производстве с 11-летнего возраста. Ныне заведующий агентством «Союзхлеб». Член ВКП(б) с 1919 года.

5 августа 1919 года в заводоуправление поступило распоряжение от местных властей об аресте шести человек мадьяр, работавших в Николаевском заводе Братского района Иркутского округа. Работая в качестве литейщика на заводе и будучи в числе назначенных к аресту, я получил от заводоуправления расчет, как я, так и остальные товарищи. В одно и то же время была рассчитана и чешская охрана, охранявшая завод, для отправки нас в Иркутск.

В то время в Николаевском заводе были старые, закаленные в борьбе большевики, проводившие подпольную работу на заводе. Осипов Николай Иванович, который на данный момент работает в Тулуне в качестве инспектора охраны труда, Долгошен Николай Семенович, Заводский Кирилл Николаевич. Штаб подпольной организации находился в квартире Осипова Н. И., отсюда мы, молодые большевики, получали все сведения. Арест наш предполагался 9 августа 1919 г. С 8 на 9 августа по распоряжению партийной подпольной организации мы скрылись в тайгу. Ночью на 8 августа красные партизанские отряды вступили в Николаевский завод, и была провозглашена Советская власть.

Штаб остался в Николаевском заводе, а мы все, добровольцы партизанского отряда, направились в Братск арестовать всю милицию и ожидать пароход. Пароход не прибыл и мы под командой Шляпы, сделав все, что полагается в Братске, направились по Братскому тракту на Тулун. В Ключах, не доезжая до Тулуна 37

верст, наш партизанский отряд остановился, чувствовавший перед собой большую силу Колчака.

Сразу же пустили конную разведку под Тулун, где последняя, не доезжая до Тулуна 22 версты, вступила в бой с чехами, потерпела неприятельское поражение и была вся разбита. Чехи шли в наступление на Ключи, где стоял наш отряд. Мы пустили разведку снова, но было уже поздно. Не подготовившись к бою, но, не смотря на это и на силы противника, всё же отряд вступил в бой с чехами и конечно понес большое поражение, после чего по поручению штаба я был командирован на Икейский тракт, собрать всех партизан, которые были разбиты чехами и соединить их с нашим отрядом. Через 8 дней вернулся обратно, набрав 30 человек партизан, нам сообщают, что под Илиром, что чехами занята вся линия, после чего мы сделали свое партизанское заседание и решили ехать на Тайшетский фронт к тов. Бурлову, направившись на Н-Удинск. Не доезжая 22 версты до Н-Удинска, мы расспросили крестьян, как и где нужно пройти, крестьяне объяснили, что[бы] выйти через тайгу на Боярский тракт, нужно не менее 2-х дней. Решили пойти и прошли 4 дня без хлеба и без соли. Питались грибами, рыжиками. Стреляли тетеревов, варили суп без хлеба и соли.

Шли дожди, по воде, кругом мокрые вышли на 5-е сутки вблизи Боярского тракта на заимку, где мы переночевали одну ночь и там нам крестьяне рассказали, что есть село под названием Казачье, <...> где мы на рассвете эту деревню взяли, разоружив казаков, а сами направились дальше пешком до следующей деревни, с этой деревни отправились на лодках, ехали всего 4 суток и наконец, добираемся до Бирюсинского тракта, где сильный партизанский отряд под командованием Бурлова творит чудеса с белой сворой. По распоряжению последнего направляемся в бой с румынами. Бой был славный на Бирюсинском тракте, где наши партизанские бойцы стояли стойко и мы грудью с честью отразили румынский отряд в количестве 500 человек. Много захватили лошадей, патронов, винтовок, обмундирования, убитых с неприятельской стороны было много. С нашей стороны было 2-е тяжелораненых и 5 легко. После чего т. Бурлов уехал соединиться с отрядом т. Зверева, а командовать передал т. Войкову.

Через 3 дня я и тов. Михеев, бывший рабочий Н-завода, после боя были командированы штабом для связи с т. Бурловым и еще с нами 4 армейца.

Проезжая на лошадях по тайге и деревням, встретили еще партизан, разбежавшихся с Братского тракта. Собралось нас 36 человек по пути к Николаевскому заводу.

В Н-заводе было белых 250 человек и в Братске 450 человек, про Бурлова было не слышно, где он и что с ним. Мы проживали в деревне в глуши под названием Усть-Черемхово вниз по Ангаре, делали разведки в Братск и на Н-завод. Нашим отрядом был избран для командировки т. Михеев и по распоряжению последнего я и со мной т. Громов были командированы в разведку на Николаевский завод. Узнав силу и расположение неприятеля в Н-заводе, вернулись обратно, в это время, когда мы были в заводе, была пущена вторая разведка на Братск, там неприятельская разведка в 25 человек, а наших 3 человека, убили одного нашего бойца, а второго захватили живым, которого и повесили на Пьяновских воротах.

По прибытии нас в наш небольшой партизанский отряд, то была небольшая паника, решили отправиться искать т. Бурлова, наша разведка в количестве 2-х человек, приблизившись и узнав своих, сообщила, что это бурловская разведка, и мы сейчас же немедленно соединились с ними и оттуда послали распоряжение о присоединении нашего отряда к отряду Бурлова.

Прибыли в отряд Бурлова и получили от последнего 2-дневный отдых и сразу же были размещены по частям. Я лично был назначен старшим конным разведчиком. В это время стояли в Анчериковой, оттуда мы ездили в разведку и т. Бурлов с нами по Пьяновой не доезжая 10 верст до Братска, три раза ездили, но время за временем шло. Одно время белые вздумали наступать, в первых числах декабря в количестве 250 человек и белые потерпели поражение, ибо т. Бурлов так сумел распределить свой отряд, что белые не одного раза не успели выстрелить. Когда рабочие услышали в Николаевском заводе, что белые потерпели поражение от отряда Бурлова, подпольный штаб еще сильнее начал агитировать среди колчаковских солдат и в действительности оказалось, что все взводные командиры работали вместе со штабом. Через неделю узнали офицеры, что солдаты на стороне партизан.

Задумали арестовать и отправить руководителей в Тулун, но в это время сообщили т. Бурлову и под его личной командой в количестве 52 человек кавалеристов был взят Николаевский завод: с 3 на 4 декабря 1919 г. без боя все солдаты перешли на нашу сторону, а офицеры были арестованы и расстреляны.

С 5-го на 6-е декабря наступали на Братск лично под командованием Бурлова, бой был целые сутки, там был ранен и т. Бурлов, но белые были выбиты из Братска и бежали тайгой на Тулун, где их посланный в погоню отряд партизан пересек под Большеокинском.

Белые снова стали наступать, но заставы партизан крепко держали винтовки в руках, отразили нападение, забрав при этом 30 человек пленных и 3 пулемета.

С Большеокинска я был командирован на Н-завод в литейный цех для литья медных винтовочных пуль, но незадолго до того как т. Бурлов поехал в Тулун со своим отрядом, в это время отступали каппелевцы. Ехали они тайгой и именовались «морским полком», доехали до деревни Пьяново и остановились. В это время рабочие и рота, стоявшая на охране завода, приспособляли себе допотопное оружие, которое было сконструировано инженером немцем Бенч. Я лично лил снаряды, а мастер механического цеха т. Кондрашенко их точил. Пришло время когда «морской полк» начал наступать, но рабочие и крестьяне бодро стояли с винтовкой в руках, кто с берданами, кто с дробовиком за власть Советов, и по достигнутому переговору мы их провожали до Мамыри. В Мамыри было устроено перемирие, где они нам оставили 50 винтовок, а сами отправились в Иркутск сдаваться, но под Балаганском их встретил т. Бурлов и разоружил окончательно.

Гарани Д. И.

18\IX–1929 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 841. Л. 1–2. Машинопись.

ИЛИМСКИЙ РАЙОН

Илимские партизаны. Мои воспоминания из времен Гражданской войны. Реакция 1918–19 годов

Косые лучи восходящего солнца золотили макушки холмов. Поднявшись с земли, белый туман чуть заметными каплями падал на землю. Наигрывая в рожок, пастух гнал в поле стадо. Последнюю песню пели петухи. Чуть поплескивая веслами, бросая по сторонам золотые капли, вниз по речке Илиму двигалась лодка. До 15 колпаковских солдат сидело в лодке, одетые во френчи, с кокардами на фуражках и в погонах. У одного даже блестящие серебрястые погоны. Это поручик Рубцов, под его командой и званием находился весь отряд. Это был первый карательный отряд белых в нашем Н-Илимском крае. Главным помощником Рубцова в его отряде был сын купца Абрашка Перец и чуждые трудящемуся люду элементы. В середине лодки сидел, понунив голову кузнец из соседней деревни. Пьяный поручик подал команду. Лодка причалила к берегу, солдаты выскочили на берег, окружив кузнеца, повели в деревню, подталкивая его прикладами винтовок.

Это была первая жертва колчаковской реакции, производимая карательным отрядом Рубцова. «Ну, сказывай, кто у вас тут еще большевики», – кричали пьяные каратели побледневшему кузнецу. Последний упорно молчал. Тогда поручик Рубцов дал приказ своим солдатам «немедленно всыпать 25 шомполов». Четверо солдат схватили кузнеца, вывели его в ограду, свалили на пол и по подсчету Рубцова дали 25 ударов шомполами. После этого опять допрашивали и держали под конвоем двух солдат. Невозможно было без злобы и раздражения смотреть на эту кровавую расправу над беззащитным, безвинным и безоружным человеком. Его ватные брюки были смочены кровью от производимой порки. Опьяненный отряд бандитов под командой Рубцова бесчинство-

вал. Намеривались еще в дороге, плывя в лодке, по рассказам ямщиков, расстрелять свою жертву, но по уговору ямщиков, оставили живого кузнеца, но избили шомполами. Опьяневший поручик, раскачиваясь, хлопая по голенищу сапог нагайкой, расхаживал перед своим отрядом пьяных бандитов. Только благодаря пьянки бандитов и при помощи местных крестьян активистов-бедняков, кузнец скрылся от отряда, убежав в лес.

Доброволец Перец из отряда Рубцова, как местный Н-Илимский житель, знал всех бедняков-батраков, активистов и доносил Рубцову, что они большевики, а последний со своей шайкой гонялся за крестьянами и производил порку и убийство. Также этот отряд имел связь с купечеством, попами и кулаками, которые мстили бедноте за взятое у них имущество и земли в 1917 году, указывали, что они большевики, много крестьян скрывалась в лесу и по заимкам, боясь мести купечества и порки или расстрела от бандитского отряда Рубцова.

Летом того же года отряд Рубцова расстрелял батрака в д. Макаровой, последний работал на пашне, окапывая пни вновь разработанной земли и приехавшие четверо бандитов расстреляли его прямо в поле и приказали населению, чтобы не хоронить расстрелянного. Труп, окровавленный и обезображенный, несколько дней, пока не стал разлагаться, валялся в поле. Но родственники последнего ночью тайно закопали этот труп около Листвянки, около места расстрела. Однажды мы получили известие, что в д. Бубновой недалеко от Н-Илимска бандитский отряд Рубцова собрал общее собрание граждан, окружил здание и выпускал крестьян по одному, пропуская через строй шомполов и нагаек. Слабые падали в обморок, так как не могли выдержать порки. Население от карательного отряда было терроризировано.

Были также случаи, когда пороли крестьян, каждого десятого, пытаясь большевиков. Возмущение росло. Крестьяне толковали о расправе с этим отрядом бандитов. Вдруг получилась весть, что появился второй отряд под командованием офицера Красильникова. Ну, может этот лучше, говорили крестьяне. Но строго просчитались. Отряд Красильникова был также одинаков, такой же карательный, такой же бандитский, также пороли и издевались над крестьянами, как и отряд Рубцова.

– Ну, ребята, нужно нам обдумать, как нам избавиться от этой сволочи, – говорит собравшейся кучке благонадежных крестьян односельчанин Василий Павлович. – Пока нас всех не перепороли, да не расстреляли, надо браться за оружие, какое у нас есть и шлепать эту гадость. Нам можно их легко уничтожить, вот только взобраться вот на ту горку, – указал он корявым пальцем на рядом с деревней возвышавшейся холм, рядом с которым протекает река Илим. – Только закидать им с того яра в лодку гранату и точка – ни одного в живых не останется.

– Да, а как же ямщик? – возразил сосед его, Иван. Ведь погибнут безвинные люди. Это, во-первых, а во-вторых, придет другой отряд, сожгут наши деревушки и семьи все повырежут.

– Ничего, – вмешался третий. – Я слышал от Степана Романовского, который сейчас от бандитов скрывается, что идет Красная Армия и гонит белых в хвост и гриву. И нам нужно подготовиться и бить эту банду. Нас наберется много и ничего нам бандиты не сделают, а воевать нас учить не нужно, повоевали при царе и умеем стрелять из пулеметов и из винтовок. А оружие мы наберем, есть кое у кого, и винтовки, и бомбы достанем, а также пойдут в ход и дробовики. А провиант у нас есть, притом и у беляков отнимем.

– Верно, – согласились все и решили готовиться к выступлению. Последние лучи заходящего солнца золотили макушки сосняка. Белый туман расстилался по лощинам. Стадо скота спускалось с холма, спеша к водопою и на ночной отдых. Пастух выигрывал трель. Наша группа разошлась по домам, затаив принятое серьезное решение. Через несколько [дней] мы получили сообщение, что идет к нам какой-то отряд «особого назначения». Было странно, что этот отряд не занимается ни поркой, ни расстрелами.

– Да, ребята, это что-то особенное. Отряд белых и плетями не дерут, – удивлялся ранее поротый белыми, скрывавшийся кузнец. – Или это подлог, или есть там свои ребята.

– Ну уж, нашел своих, – огрызнулся один из нашей группы.

– Ничего, – вставил второй, есть старые солдаты, то они пороть не будут и не дадут пороть крестьян. Ведь оружие-то в их руках. Ухлопать офицерню и готово дело.

– Да, согласились все.

«Отряд особого назначения под командованием Мамаева» спустился вниз по Ангаре до д. Едормы Карапчанской волости и в этой деревне произошло восстание: перебив офицеров и генерала Мамаева, организовалось 2 партизанских отряда. Один под командованием Бурлова направился вверх по Ангаре, а второй под командованием Зверева направился вверх по Илимю.

Красный партизан отряда Зверева В. И. Перфильев
8 сентября 1935 г., партийное удостоверение № 10302.
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 392. Л. 50–53. Машинопись.

Выдержки из рукописи С. Я. Романова «Илимские партизаны»

I. Жизнь илимских крестьян до революции

Илимский район: от г. Иркутска 880 километров и от железной дороги 512 километров до ст. Тулун.

Илимские крестьяне занимались и занимаются в большинстве случаев охотой. До революции почти в каждой деревне были политические ссыльные. Принято было в то время называть ссылку «партионными». Население жило спокойно. Ничего не понимали, про какую-нибудь другую власть. Было так крепко внедрено «за батюшку-царя», что никто не думал о какой-нибудь другой власти. Все годы до революции проходили у крестьян в хождении на охоту, пахали пашню, гуляли, молились Богу и восхваляли батюшку-царя. Такое воспитание введено царской властью.

На четыре волости было 18 церквей, а школ было до революции только 12. Население никакой культуры не видело. Знали только одно – запоёт петух утром, и встают, идут на работу, и вечером, когда начинает темнеть, приходят с работы. Также и сельское хозяйство велось самым примитивным способом. Во всех четырёх волостях не было ни одного плуга, ни одной сеялки, ни одной жнейки, а о других машинах и говорить не приходится – пахали на деревянных сохах, боронили на деревянных боронах, веяли на ветру лопатой. Жили далеко от города и не знали городской жизни, а если проезжал по деревне какой-нибудь городской человек и останавливался у какого-нибудь крестьянина, то вся деревня собиралась и смотрела на него, как «баран на новые ворота». А если

кто осмеливался его спрашивать, говоря ему словами: «Ты, паря, откуда, чей?» – И всё. Это за ряд последних лет в большинстве случаев загнанные туда политические ссыльные открывали глаза из году в год Илимскому крестьянину.

II. Откуда узнали илимские крестьяне, что жить так тяжело

За все выступления рабочего класса в России против царских порядков проводилась ссылка в самые глухие уголки. Такой глухой уголок для политических ссыльных был найден – Илимский край, где из году в год прибывали партии политических ссыльных в Илимский край. Особенно много прибывало партий после революции 1905 г.

Я – местный крестьянин села Романово. Хорошо помню, как проживали политические ссыльные в с. Романово. Яковский, который жил у Якова Семеновича Чурых и занимался столярной работой, и пан Пеньковский, который жил у бабушки Евгении и занимался чеботарством. Сначала они были без куска хлеба, никто им не давал есть. Все боялись их. Так было внедрено в крестьянскую голову, что если человек «партионный», с партией пришёл – с ним нельзя было говорить и ничего ему нельзя было давать.

От времени до известного времени, стали крестьяне привыкать к политическим ссыльным, особенно молодёжь, которая часто собиралась в квартиру Яковского и слушала рассказы, которыми обладал Яковский. Когда молодёжь привыкла к Яковскому, то Яковский стал задавать вопросы другого характера. В одно время спрашивает Яковский у ребят: «А скоро к вам приедет урядник? Почему урядник позавчера у Андрея последний самовар увёз? Почему у Петра овцу забрал? За что Пётр трое суток просидел в холодной бане?» Ребята говорят: «Пётр сидел в бане за то, что не хотел отдать последнюю овцу». В общем, таких вопросов Яковский задавал и давал понять крестьянам, что их обируют зря, что это есть насилие. Мало этого, Яковский всем таким обиженным крестьянам писал заявления в волость.

Я хочу сказать, что политические ссыльные в других деревнях так же открывали глаза тёмным крестьянам. Дополнительно к этому открыла глаза большинству крестьян Русско-германская война. Участвовал в Русско-германской войне весь молодой возраст. Нужно сказать, что за три года Германской войны солдаты

много узнали подлости и несправедливости со стороны царской власти, где каждый солдат и рассуждал, за что людей бьют, какая от этого польза. Тогда, когда уже вернулись домой, некоторые приехали по болезни, некоторые бежали, и дома они сознательно стали говорить, что «нас гнали воевать за помещиков» и отвечали: «Более воевать не хотим и никому подчиняться не будем». А стали организовываться в группы для борьбы с существующей властью, в то время Керенского и после Колчака.

III. Как оперировали отряды Колчака на Илим

В 1918 году, летом, приехал в Илим отряд в 10 человек, специально по сбору оружия и военного обмундирования. Многие бывшие фронтовики обмундирование и оружие не сдали. Этим самым показали себя, что не хотят подчиняться власти. Сначала больших репрессий не было со стороны этого отряда, но однако, когда отряд донёс об этом губернатору Яковлеву, что есть сопротивление в этом со стороны илимских крестьян, то губернатор Яковлев командует комиссара Гарина Петра Алексеевича, который выехал в Илим и за ним отряд татар под командой капитана Валуженича. Отряд был в количестве 28 человек, которые начали прощупывать каждого в отдельности, в каждой деревне. Население не верило, что отряд будет кого-то пороть, насильно отбирать охотничье оружие и военное обмундирование. Однако население это увидело. Отряд Валуженича не только отбирал оружие и обмундирование, но и пороли шомполами за то, что крестьяне не хотели сдавать оружия и обмундирования.

На основании этого население стало кое-что соображать. Стали скрываться во время проезда отряда белых в лес, на заимки и прятались по гумнам. Этим самым у населения получилось два лагеря: одни поддерживали белых, а другие, особенно из фронтовиков Германской войны и бедняков, батраков в большинстве случаев укрывались в тайгу. На основе этого получилось ясное лицо классовой борьбы. Почему и вызвало – прислать из Иркутска дополнительно отряд в 46 человек, под командой Кокорина и Вейса, которые, проезжая по деревням, пороли, кого попало, убивали из оружия собак. В общем, на дороге никто им не должен попадаться. Проезжая по Илимю, в низовьях Ангары, вплоть до Кежемского района предупреждают в каждой деревне: «Если они

поедут обратно, окажутся у вас в деревне большевики, то не только будем расстреливать, а будем целиком все деревни сжигать». Этим самым зажиточная часть деревни их поддерживала и торжествовала над другой частью крестьянства, которая никак не могла быть в их лагере и с ними соглашаться.

Все эти репрессии не заглушили революционный дух у активной передовой массы крестьянства, наоборот, с каждым днём революционная масса крестьянства закалялась и уходила в лес, разрешать вопрос.

Вскоре после этого отряда Кокорина явился отряд Крупцова в количестве 18 человек, совершенно озверел. Помимо того, что пороли, кого попало, но даже собирали серебро, обыскивали по сундукам и забирали всё то, что им понравится, производили насилие над женщинами, забирали «прясло», на которых женщины ткнут холст, в общем, делали всё, что им хотелось. Если Рубцов заезжает в деревню и через 15 минут не дали ему лошадей, то разлаживает первым делом старосту – пороть его сколько ему надо. Примерный случай – в селе Романово не было лошадей, но Рубцов ухитрился так: заставил крестьян дать большую лодку и тянуть вверх по реке бичевой, в которой сидел отряд Рубцова.

Рубцов смотрел на часы, и если тихо крестьяне его тянут, то Рубцов берёт винтовку и прицеливается в ямщиков, а сам кричит: «Погоняй рысью, а то буду стрелять», и ямщики вынуждены вверх по Илиму с бичевой бежать рысью.

Всё это так же не помогло белым отрядам. Чем больше было репрессий, тем скорее крестьянство сплачивалось в одно целое и стали готовиться с оружием в руках. Этим самым масса приняла организационный характер и показала лицо перед колчаковским отрядом, им стало немогого. Они приняли меры ещё жёстче: стали производить расстрелы. Расстреляли батрака Трофима Ефоттиевича Перфильева, который находился на паше в лесу, копал по найму копку, т. е. раскалывал пашню. Рубцов искал партизан в лесу, но найти не мог. Проезжая мимо Трофима, спросил: «Где партизаны?», но Трофим не знал, чего ему сказать, потому что он не знал, где партизаны находятся. Рубцов сказал ему: «Рой себе могилу здесь, на месте». Трофим же ответил: «Разрешите моему брату меня похоронить дома, на кладбище». Рубцов же сказал: «Не разговаривай, повернись лицом от нас». Трофим повернулся,

и Рубцов его из нагана застрелил. Послал за братом ординарца, который привёл брата Михаила, говорит: «Загребни его здесь». И при них же Михаил его загрёб на этой пашне.

После этого вскоре из моего отряда Максим Дудченко, политический ссыльный с 1905 года, пошёл домой к жене, переодеть бельё. Отряд Рубцова скараулил Максима, утром на заре захватил его дома, но двери были заложены. Пока жена отлаживала дверь, Дудченко спрятался в печь. Сначала его не нашли. Ушли обратно, но на карауле остался один солдат. Через некоторое время Максим в печке закашлял, солдат вытащил его из печи, вывел на улицу, в это время собрался отряд и посреди улицы Рубцов из нагана Максима застрелил. Это было в 1919 году в селе Нижне-Илимское.

Все эти действия со стороны белых доносились в Иркутск, что эти расстрелы проходили во время боёв, а не так, как на самом деле. Из Иркутска для подавления большевиков на Илеме выслали четвёртый отряд под командой Мамаева, в количестве 118 человек. В июле месяце отряд Мамаева проехал по Илимю в низовья Ангары, никаких репрессий не производил. В этом отряде проезжал тов. Зверев, который впоследствии был командующий войсками сибирских партизан. Когда отряд доехал до Кежемской волости, совершили переворот. Убили офицеров, в том числе и Мамаева, и командиром отряда оказался тов. Зверев. Вскоре после этого из Иркутска на подавление большевиков по Илимю был выслан на двух пароходах батальон солдат под командой Белоголового. Но им пришлось дойти только до Илима и Оглоблиной.

IV. Как готовились илимские крестьяне к выступлению за Советскую власть

В 1918 году в феврале месяце по инициативе Романова Степана Яковлевича был созван волостной съезд фронтовиков Германской войны по вопросу, какая должна быть власть в Нижнее-Илимской волости. Председателем этого съезда был избран Романов С. Я., секретарём был избран Гарин П. А., который за сообщение об этом съезде губернатору Яковлеву получил назначение колчаковским комиссаром Илимского края. Характер этого съезда был таков: какой власти мы должны поддерживаться, Учредительного собрания или Советской власти? На съезде присутствовало 45 человек старых солдат и местных разночинцев 18 человек. Высту-

пленение председателя Романова было прямым: «Никакой власти нам не надо, кроме Советской». Выступление Гарина было подлинными словами, что «до Советской власти нам далеко, мы ещё тёмные, нам нужно поддерживать Учредительное собрание, если большевики говорят за Советскую власть, то нужно посмотреть, что из себя представляют большевики. Большевики – это царство зверей, они продадут Россию германскому правительству. То ли дело Учредительное собрание, за ним вся культура и к тому же здесь уже, по Илиму, мы собрали много пожертвований и всё население соглашается за Учредительное собрание». В это время один из солдат-фронтовиков, Моисеев Павел, взгрёб его за грудь из-за стола и через стол потащил и раз ударил. Но драться им не дали.

Мне сразу же пришлось прекратить разговоры и объявить перерыв на обед. А после обеда пришлось внести предложение на усмотрение каждого: «Кто за какую власть хочет». Иначе было нельзя, потому что группа Гарина во время обеденного перерыва решила председателя арестовать.

Это собрание дало повод Гарину, что нужны здесь отряды по ликвидации большевиков, что и было Гариным сделано. Пришлось активной группе: Романову, Белобородову Егору, Прокопьеву Александру, Перфильеву Тимофею решить вопрос: объехать район, переписать «кто желает выступить с оружием в руках за Советскую власть». Группа возложила эту работу на Романова. К декабрю 1918 г. уже было записано по району с трёх волостей 116 человек старых фронтовиков, быть готовыми к выступлению в любой момент. Запись была произведена так: в с. Романово – 26 чел., дер. Прокопьево – 8 чел., дер. Яра – 5 чел., Корабельниково – 8 чел., Зыряново – 7 чел., Макарово – 8 чел., Большая – 11 чел., Ступина – 5 чел., Корабельщигово – 6 чел., Туба – 11 чел., Сиданова – 13 чел., Пашино – 6 чел. Ядро руководства было сосредоточено в с. Романово. Тогда когда стали появляться отряды белых на Илиме, то отряду во главе Романова С. Я. пришлось назначить место для сборища в лесу у речки Яры, в распадке, где и решали ряд организационных вопросов. Самые главные вопросы стояли и занимали место: когда выступать открыто с отрядом? Сколько потребуется оружия и сколько оружия не достаёт, а также где его доставать? Вскоре после этого, 26 мая, наш сборный пункт был

обнаружен отрядом Валуженича. Нам пришлось назначить сборный пункт в другом месте. Активная группа собиралась на сборный пункт через посредство молодых ребят и жён. В таком же порядке и приходили обратно в село.

Все эти действия в деревне населению были известны. Враждебная группа ни один раз под руководством попа Мурашева на сходке ставила вопрос: что надо белым доложить и имеющихся большевиков у нас в селе расстрелять. Со стороны наших было категорическое предупреждение населению: кто только белым об этом доложит, будет расстрелян в первую очередь. В июне месяце 1919 г. активная группа решила, что мы готовы и надо выступить. Но выступить не пришлось в июне месяце, а пришлось выступить в августе месяце. Какое у нас было оружие: винтовые охотничьи винтовки, дробовики курковые, двустволки, кремнёвки. Выступление собранием было постановлено сделать в селе Романово и произвести запись дополнительно желающих поступить в отряд. Много молодёжи записалось. И эта же молодёжь активно участвовала в прохождении с флагом по селу, т. е. демонстрации. А потом этот флаг повесили на улице над крыльцом старой школы. Командиром отряда был избран Романов С. Я.

V. Боевые действия партизанского отряда

В 1919 г., в августе месяце, 17 числа на последнем собрании партизан в лесу, в присутствии 35 человек, решили выступить с отрядом 28 августа. На этом же собрании было решено, в какой деревне объявить сначала Советскую власть и обосновать фронт против имеющихся колчаковских отрядов на Илеме. Решили объявить в селе Романово. В таком же порядке было решено объявить всем записавшимся в отряд, для чего командировать двух человек. В день выступления отряда на селе была тишина. Колчаковские отряды были в низовьях Ангары, день был ясный. Незаинтересованное население находилось на поле. Жали хлеб, копали картошку. Часа в 3 дня на селе стали появляться вооружённые партизаны с пришитыми красными повязками на рукаве. Собрались партизаны в старую школу, объявили девушкам помочь вышить красный флаг. Одни радостно бегают, посматривают на красный флаг, висящий у крыльца старой школы. Другие даже не выходят на улицу, а смотря только в окно. В селе было заметно – жен-

щины собираются в кружок по три, по четыре человека, что-то толкуют. Одни говорят и подходят группой смотрят на красный флаг, другие стоят на улице в отдалённости, размахивают что-то руками. Полегоньку ругают, что эти большевики разорят, придут белые, сожгут деревню и т. д.

В этот же день мы получили сообщение, что в низовьях Ангары отряд Мамаева сделал переворот. Убили всех офицеров, в том числе и Мамаева. Командиром этого отряда стал Зверев Даниил Евдокимович.

Поскольку мы знали, что отряд Мамаева был хорошо вооружён, мы решили подождать тов. Зверева. И с другой стороны имели ввиду, что нет ли здесь какой опасности, подковырки, не обманывают ли нас сообщениями. Когда Зверев с отрядом подъехал, в разговоре со мной Зверев сказал подождать немножко, [он] пройдет до Илимска, «а потом вы выступите».

Так я со своим отрядом и сделал. Выступили мы немного позднее, не дожидаясь сообщения Зверева. Сели на коней, выехали навстречу белым отрядам. Первый день мы проехали до деревни Игирмы. Во второй день мы выехали до деревни Оглобиной, где переговорили с товарищем Зверевым и решили: Зверев с отрядом пойдёт на Илимск, отряд Романова должен пойти на Илимский тракт, в Косьянку. На следующий день в Косьянке мы встретились с колчаковскими отрядами. Боя большого не было. Были перестрелки между разведчиками. В это время отряд был развёрнут в цепи. Шёл с горы на Касьянку в атаку, где находились белые. Отряды Белоголового немного постреляли в нас и убежали. Это было 7 октября. 10 октября я получил сообщение от рабочих Илимского тракта, что белых в деревне Суворке стоит более 600 человек, из них 12 офицеров, 4 пулемёта, хорошо вооружены. Так же рассказали мне, где их полевые посты и караулы и т. д.

11 октября илимские партизаны под командованием Романова в количестве 135 человек выступили для захвата Суворки. Это было утром рано с тем, чтобы можно было в полдень повести наступление. Отряд подошёл к Суворке на расстоянии 3 вёрст разделся надвое, половине отряда должно пойти в наступление со лбу, а я с половиной отряда пошёл в обход, повести наступление с тылу. Договорились с отрядом во главе тов. Дорожкина, который будет идти в наступление, и первый выстрел должен быть ровно

в 3 часа дня, с таким расчётом, чтоб своевременно можно было сделать обход. Я с половиной отряда зашёл в тыл, подошёл из леса на опушку расстоянием на 30 сажен до бараков, в которых стояли белые. Не было слышно ничего. Было тихо, только таякали собаки и ржали лошади. Я отправил разведку узнать, что делается у деревни. Деревня стояла в лесу, пашни нет, лес до самых домов. Разведка ушла долго, а время уходит. Скоро три часа. Скоро начнётся стрельба, а сообщения нет. Я решил пойти сам в разведку. Взял с собой командира взвода Попова, подползли к шоссеной дороге, где навален лес у самой дороги увидели, идёт по дороге солдат, склавши руки за спину и посвистывает. Рассуждаю я, что тихо, нас никто не знает. Когда стал рассматривать, выглядывая из лесу, то увидел: на одну сажень от меня сидит часовой, у выкорчёванного пня. Я маяком пальцем показал Попову, что сидит солдат. Попов машет рукой: «Давай пойдём обратно».

Когда мы пошли обратно, но чаща была густая, а у меня в мешке был флаг, т. е. наше знамя, мешок задевает за чащу, этот шорох часовой услышал, закричал: «Кто такой?», но мы уже скрылись. После этого время уже вышло, мы услышали со лбу выстрел. В это время я с отрядом подполз к шоссеной дороге и дал приказ по цепи не стрелять до разрыва бомбы, которых у меня было две. Цепь лежала уже у шоссе. Заметив на другой стороне дороги лежащую цепь белых, я вытащил бомбу, которая была без капсюля с фитилём, чиркнул спичку, зажгёт фитиль и бросил к белым. Бомба легла удачно, прямо в цепь. В это время началась стрельба. Никакой команды давать было уже нельзя, потому что было ничего не слышно. Ружья были охотничьи, от пороха застлало дымом, ничего не было видно. Я достал вторую бомбу, в таком же порядке бросил к белым, немного правее и сразу подал команду в атаку. Выскочили из лесу на дорогу и закричали: «Ура!»

Белые, лежащие против нас, все разбежались. Но у белых у барака, на краю по дороге было выставлено два пулемёта, из обоих была открыта стрельба по партизанам. Под пулемётным огнём расстоянием на 50 сажен нам подыматься было нельзя. Было одно спасенье от пулемёта для нас: на дороге был маленький бугор, где пули лежащих партизан не хватало. Тогда белые сообразили поставить пулемёт на телегу и только хотели стрелять, вдёрнули ленту, но стрелять пулемётчику не пришлось, как я при-

целился в него прямо в лоб и стрелять было некому. В это время подсказывает к пулемёту офицер, хотел стрелять, как этого офицера я взял на мушку прямо в грудь и сразу подал команду: «В атаку, ура». И мы с отрядом захватили бараки, где их солдаты не успели отступить, но у нас уже стрелять было нечем, все патроны выстреляли. Просто догоняли и отбирали оружие. Когда уже от нас было стрельбы мало, то белые из леса повели наступление на нас. Но вошедшие в азарт партизаны не перепугались. По команде «в атаку» погнали белых от деревни Суворки. Белые бежали через болото лесом, до Мамыри. Взяты нами трофеи, 48 человек пленных, было убито их солдат 13 человек, ранено 3 человека, с нашей стороны было убито 2 человека и 14 человек ранено, захвачено у них 2 пулемёта, 56 винтовок, 40 комплектов обмундирования, 32 000 патронов, 20 лошадей.

После длительного боя нечем было стрелять. Мне пришлось отвести отряд в Касьянку для того, чтобы отдохнуть. Следующий бой был произведён совместно с товарищем Зверевым в деревне Мамыри и у пристани Заярская. По договорённости с товарищем Зверевым Илимский отряд был уже в 400 человек, где я с ним должен был повести наступление на пристань Заярскую, где стоял пароход с орудием и пулемётом, а тов. Зверев со своим отрядом должен был повести наступление на Большую Мамырь. Бой был нам не особенно удачен, потому что Зверев с отрядом был оторван от моего отряда на 3 километра, а также и связь был потеряна.

Белоголовый бил из орудий с парохода больше в Большую Мамырь, из пулемётов больше стрелял в лес, по моему отряду. Было ранено в моём отряде 6 человек, захвачено их в плен 9 человек, но однако белые успели сняться с якоря и уйти по Ангаре вверх. После этого, как вошли отряды в Большую Мамырь, сразу произвели организационную часть работы: отряды разбили на роты. В то время у нас было уже до 1 000 человек партизан.

Отряды партизан уже за собой имели захваченных пять волостей, в которых надо было иметь и закреплять Советскую власть. Для этого был избран краевой совет Северо-Восточного края Сибири, с резиденцией в селе Нижнеилимске.

Я был избран в краевой совет и находился там членом совета в военном отделе. После этого были бои наших отрядов под Усть-Уусом, Жигалово, Качуг, Янды, Усть-Уда, Зима и Иркутск.

28 февраля я был назначен с отрядом илимских партизан для ликвидации каппелевцев в Илимском крае.

Интересно изложить работу краевого совета. Характерные моменты – разрешение вопроса, что будет дальше? Ряд социалистов, членов Совета, принадлежащих эсеровской партии, хотели повернуть краевой совет в своей работе за Учредительное собрание. Чернявский, Рядковский, Черных Иван, Страус, которые не соглашались с действиями председателя Совета Брумме и Рейса и Романова. Борьба была более двух недель, на последнее дошло до оружия, где пришлось заявить им, что или вы подчинитесь и проводите Советскую власть, или мы вас посадим. И предъявили им в 24 часа оставить село Нижнеилимск, что и было сделано.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 561. Л. 1–15. Машинопись.

Воспоминания крестьян и партизан о революционном движении в Нижнеилимске в 1918–1919 годах, записанные В. Холкиным

Теперь сообщу немного из революционного прошлого 1918–1919 гг. Нижне-Илимского района из бесед с крестьянами и партизанами здешнего края. Во-первых, Нижне-Илимский край в прошлое время, «царское», был насыщен политическими ссыльными всех мастей: социал-демократами, большевиками, меньшевиками и эсерами, которые и всё же воспитывали этот край. И в период Гражданской войны 1918–1919 гг. северный край крепко стоял за Советы, как это подтверждает архивный материал.

При падении Советской власти в Сибири в 1918 г. совдепы к новому правительству, земской управе, и также более революционная часть населения, кои побывали на фронтах России, относились недоверчиво. Образовавшееся новое правительство при поддержке буржуазии чувствовало, что интересы трудящихся не будут защищаться. И совдепы выражали, что интересы трудящихся они будут защищать с оружием в руках при новом правительстве.

В период колчаковщины, как и везде, от тяжёлых налогов, порки население стало возмущаться новому правительству. Для насаждения и укрепления власти от Иркутска до Нижне-Илимска

в конце 1918 г. проезжал генерал-губернатор Яковлев, который умиротворял здесь порядок.

В 1919 г. население, фронтовики, главным образом, и с ними передовое крестьянство, организовались в отряд, который обсудил создавшееся положение и, находясь в районе Братска, повёл жестокую борьбу с новым правительством Колчака. Благодаря действиям Бурлова и военно-революционного краевого совета северо-восточного фронта Нижне-Илимский край знал повседневно и держал крепкую связь, как это всё действовало.

В ноябре 1919 г. в Канской волости, теперь Канского района, организуется из временного революционного комитета постоянный революционный комитет, и вопросы пожелания создайте краевой комитет от Нерчинска до Киренска, тут же и Братск. Завязывается связь с добровольческим приангарским полком, в котором был Бурлов. Нижне-Илимский волостной революционный комитет готовится к созыву на 14 декабря 1919 г. съезда советов. В сентябре – октябре снизу Ангары Енисейской губернии появился наймит Колчака бандит Рубцов с отрядом до 100–150 человек, который преследовал большевиков и грабил население, который при переходе по направлению Иркутск десятки людей убил и десятки перепорол нагайкой.

И ещё больше ополчилось от рубцовщины население, стало организовываться в партизанские отряды в борьбе с Рубцовым. Партизанские отряды достигли Илимска Нижне-Илимского района. Зверев он же был в отряде Бурлова. Зарубин, Серебряков и другие. Этот отряд шёл до Усть-Кута, где и были столкновения с белыми.

В ноябре были столкновения партизанского отряда в Суворке с проходившими бандами с запада Сибири. В общем, за 1919 г. было много революционных событий по Нижне-Илимскому краю, о каждых недостаточно времени, [чтобы] собрать полный материал.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–2. Машинопись.

**Выдержки из воспоминаний Чебышева
о революционной работе в Сибири
/Хабаровске и Иркутской губернии – Ангаро-Илимский край/
с 1917 по 1922 год**

...В уездном центре в г. Нижнеудинске, как будто бы существовала Советская власть, но ее деятельность еще по периферии не распространилась, а посему и здравствовала данная земуправа. Сразу по моему приезду был поставлен вопрос перед земской управой на основании предъявленных мною документов Иркутского губисполкома о немедленном созыве волостного съезда гласных. И 6 марта волостной съезд земских гласных был открыт, всего съехалось человек 70. Мною был поставлен первый вопрос на повестке дня. Это текущий момент и организация Советской власти – это был основной вопрос в решении данного съезда. На этом съезде я имел сильного противника, как уже сказано выше, кулаков, эсеров и меньшевиков, но мое пребывание в селе Большая Мамырь до 6 марта не прошло бесследно, т. к. каждый вечер я проводил общественные собрания из граждан с. Большая Мамырь и прилегающих к нему населенных пунктов. Где я разъяснял значение Советской власти и получал больше сторонников в абсолютном большинстве, каковые активно участвовали и поддерживали меня на данном съезде.

Съезд проходил 6 суток, по вопросу о власти спорили 3-е суток, в результате, когда был поставлен на голосование [вопрос] о признании Советской власти, то съезд абсолютным большинством признал таковую и постановил переименовать себя из съезда земских гласных в волостной съезд Советов, хотя это было организационно и неправильно организовано, но того требовал момент. Был избран исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов в числе 15 человек, затем его президиум в числе 5 человек, я лично был избран председателем исполкома, брат мой волостным народным милиционером. Приняв все дела и имущество Земской Управы, я приступил к проведению соответствующих работ: с одной стороны начал увязываться с уездом, а с другой стороны повел работу по подготовке выборов сельсоветов, организовал 5 районных укрупненных сельсоветов, произвел выбор делегатов на волостной съезд Советов и в апреле месяце

созвал действительный волостной съезд Советов, произвел пере- выборы исполнительного комитета, во главе которого остался я, заменив только некоторых членов. На этом съезде я поставил во- прос о проведении подоходно-прогрессивного налога в волости с деревенской буржуазии (кулаков и торгашей). Мой проект съезд одобрил и предложил провести в жизнь. Таких элементов, т. е. до- мохозяев насчитывалось 30 человек, на коих пало налогу 45 тыс. руб. Данный налог я собрал полностью, он исключительно пошел на нужды волости. Мной была составлена смета расходов, кото- рая пленумом Совета была утверждена. На этом же съезде было поставлено избрание одного делегата на предстоящий губернский съезд Советов в мае месяце, избранным на съезд был я.

Уездный центр, или вернее представители уездной власти, меня лично совершенно не знали, т. к. я с 1903 по 1913 год вклю- чительно находился на работах Ленского золотопромышленного района (Бодайбо), а с начала 1914 по февраль 1918 года на Даль- нем Востоке. В начале мая с первым теплоходом я выехал в Ир- кутск на губернский съезд Советов, съезд открылся числа 28 или 29 мая примерно, точно не помню. Нас от Нижнеудинского уезда на этом съезде присутствовало всего четыре делегата. От Тулу- новской волости из с. Тулуна – Царев Николай, сочувствующий Советской власти, беспартийный крестьянин Дмитриев Семен – эсер ярый, и от Барлуковской волости – кулак крестьянин, быв- ший старшина, фамилии не помню. А остальные 19 волостей, вхо- дивших в состав Н-Удинского уезда делегатов не выслали, т. к. там по существу местной Советской власти не существовало и в это же время по линии ж\д началось активное контрреволюционное движение и чехословацкое.

Съезд работал 5 или 6 дней, в это время движение чехосла- ваков развернулось во всю, во время прохождения работ съезда пал город Н-Удинск, с. Тулун и чехи наступали на Зиму, поэто- му съезд закончил свою работу в спешном порядке, избранный новый исполнительный комитет предложил последнему распу- ститься, оставив полный состав для работ старого комитета. В то время во главе Иркутской губернской организации и Советской власти стояли следующие работники: Янсон Яков Давидович, Рю- тин Мартемьян, Постышев, Постоловский, Лобанов, Гаврилов, Яковлев Ник. Ник., Председатель ЦентрОсибири. Историю уча-

ствия последних я описывать не буду, ибо она итак известна. По закрытию съезда тов. Рютиным, он был в то время зав. мобилиз. отделом, было созвано специальное совещание, главным образом с делегатами съезда из волостей, расположенных по реке Ангаре вплоть до Братской волости из лиц, сочувствующих партии большевиков и Соввласти. На этом совещании было признано, что Советская власть, безусловно, временно падет, а посему представителям волостей предложено немедленно выехать по своим местам, разъяснить крестьянству создавшееся положение и по возможности принять меры, где это удастся организовать партизанские отряды, даже был принят специальный план действий.

После совещания мы немедленно сели на теплоход «Сибиряк» и приехали в свои волости, в село Большая Момырь я прибыл на 3-и сутки. Пароход «Сибиряк» ушел в Братск. На этом пароходе с нами вместе, догнавшая нас в Усолье, ехала чехословацкая делегация из г. Владивостока в числе 3-х человек, для того, чтобы попасть в чехословацкие части на Западе для переговоров о прекращении их движения. Прибыв с село Мамырь, я немедленно созвал подрайонный съезд Советов из представителей ближайших к с. Мамырь сельсоветов, на котором доложил о создавшемся положении, о том, что временно власть советская должна пасть и тут же распустил исполнительный комитет, оставшись один руководить волостными делами, конечно, при соответствующем техническом персонале. Я призывал крестьян к формированию партизанского отряда, но успеха не получил и вполне понятно, что крестьяне в это время воевать не хотели и совершенно не разбирались с начавшимся переворотом. В это время, когда я проводил съезд, Николаевский завод, стоящий от Б-Мамырь в 94 верстах и с. Братск в 66 верстах, находились в руках чехословаков. Там оперировал отряд в 40 человек, и местная контрреволюция участвовала в активном уничтожении Соввласти.

Пароход «Сибиряк», пришедший в с. Братск, на месте у пристани был арестован, с него была снята ехавшая чехословацкая делегация. По имевшимся сведениям, она была расстреляна ими же, а также часть лиц сторонников Советской власти. Об аресте парохода и о всем случившемся в Братске я получил сведения от случайно спасшегося от ареста чехословацкого сопровождающего делегацию тов. Яблочкина (он и сейчас жив, живет в одной из

деревень Усть-Удинского района). Товарищ Яблочкин спасся тем, что он с парохода бросился в воду, его подобрала рыбаки-крестьяне и таким образом он доехал до Б-Мамыри. Из Б-Мамыри я способствовал его дальнейшему передвижению, он рекомендовал мне лично тоже бежать, т. к. чехословаки якобы собирались и в село Б-Мамырь, но я лично решил пока не бегать, а поэтому, предъявив съезду остаток полученных от взыскания налогов с местных кулаков в сумме 36 000 рублей и документы в израсходовании на 9000 руб. Съезд расходы утвердил, а означенные деньги предложил передать на сохранение Б-Мамырскому сельскому обществу, что мною и было сделано, деньги эти были закопаны.

С возрождением Соввласти в 1919 г., когда была очищена Б-Мамырская волость от белогвардейщины, эти деньги были переданы в военно-революционную комиссию при командующем Ангарским фронтом. Ареста чехословаками я избежал по простой случайности, ибо чехословаки, находящиеся в Братске на забранном ими пароходе «Сибиряк», уехали в Иркутске, не останавливаясь в с. Б-Мамырь.

Из Н-Удинска я получил распоряжение уездной земской управы о созыве волостного съезда земских гласных состава 1917 г. Это распоряжение я не проводил в жизнь две недели, наконец, все же на 10-е июля этот съезд был созван. На данный съезд из Н-Удинска приехали члены Н-Удинской уездной земской управы гр. Горохов (прав. эсер) и Авдеев (тоже прав. эсер.). После съезда была создана волостная земская управа, председателем коей был назначен старый председатель 1917 года, Ведерников Иннокентий. Во время съезда гр. Гороховым и Авдеевым не раз ставился вопрос перед последними о моем аресте, но съезд земских гласных абсолютным большинством постановил, что меня арестовывать не за что, так я и остался на свободе. 20-го июля я сдал все имущество и дела волостной Земской Управы [и] был безработным до августа, а потом поступил на службу в качестве простого конторщика в Управление постройки Илимского тракта на первой дистанции с выездом в дер. Каймонову, отстоящ. от с. Б-Мамырь по тракту в 33 верстах. Затем был переведен на третью дистанцию в дер. Суворовка. Всего рабочих, разбросанных по линии первой и второй дистанции на расстояние 60 верст, насчитывалось до 300 человек, среди этих рабочих я пользовался авторитетом.

Главное управление Илим-тракта находилось в г. Иркутске. Узнав о том, кто я такой, повело против меня соответствующее наступление с расчетом производства ареста, т. к. в это время начала формироваться колчаковская милиция на Илим-тракте. Узнав о готовящемся на меня походе, я решил немедленно уйти с работы и в декабре 1918 г. уволился и поступил к Шестаковскому об-ву П-лей на арендуемый ими Сользавод в качестве заведующего последним. На этом заводе рабочих было всего 13 чел., проработал на нем до 10-го октября 1919 г. За это время я вел работу среди рабочих завода в соответствующем для меня направлении и создал группу крестьян в 10 чел. сочувствующих Соввласти. В это время началась и колчаковская реакция: в Илимский край был назначен специальный пост колчаковского начальства в лице так называемого начальника Илимского края – поручика Нарбут.

В январе 1919 г., в последних числах, этот господин изволил посетить Шестаковский завод со своей командой в 6 чел. Основной причиной посещения завода это была моя личность, т. к. господин Нарбут сразу же при посещении завода приступил к производству дознаний, т. е. личного допроса меня. У него на руках было создано уже дело по обвинению меня как сторонника Соввласти, а главным образом, за собранный мною налог с кулачества и торгашей Момырской волости (дело было около 300 листов). Между прочим, Нарбут задал всего 2 основных вопроса. 1-й: «Считаю ли я себя действительно членом большевистской партии?» и 2-й: «какой у меня имеется взгляд на существующий строй и буду ли активно бороться против него?» (Конечно, тут идет вопрос о колчаковщине вообще). На это я ему ответил, что «считаю ли я себя членом партии большевиков? – Пока нет, так как я считаю себя беспартийным, но сторонником Соввласти и считать себя членом большевистской партии не имею никакого права, т. к. не имел членского удостоверения и формально не принят в таковую. Что же касается моих взглядов насчет существующего строя, то они вытекают из того совершенно ясного, что я сказал: я сторонник Соввласти и на последний момент вопроса, буду ли я активно выступать против существующего строя, я ему ответил, что я вам совершенно воздержусь отвечать на этот вопрос». Конечно, результат получился соответствующим – я был им сразу же на месте арестован, т. е. передан под охрану его конвоя.

Но с ним вместе был некто Эберт Карл Карлович в качестве его помощника, последний активно работал за Соввласть в 1918 в Н-Илимске. Вот этот Эберт рекомендовал Нарбуту меня не арестовывать – освободить, оставить на работе, говоря последнему, что с арестом мы еще успеем, если потребуется, а налаженную работу завода по снабжению солью нескольких волостей Илимского и Ангарского края срывать пока не следует, а с арестом Чебышева – это мы сделаем. И предложил оставить меня под надзором местного милиционера, который находился в Шестакове. Нарбут это сделал. Милиционером в Шестакове был некто [из] ссыльных потемковцев Иванов. Иванов был сочувствующий к советскому строю, а поэтому такой надзор для меня был конечно хорошей гарантией для ведения моих работ, как по заводу, так и других. Милиционер Иванов, он ныне покоен. Ежемесячно доносил обо мне начальнику края, что я исключительно занимаюсь делами завода и никаких противозаконных работ существующему строю не веду. Все эти ежемесячные донесения проходили под моим редактированием, таким образом, я, находясь в Шестаковском сользаводе, был совершенно свободен от соответствующего за мной наблюдения.

В июне 1919 года я получил сведение, что через Б-Мамырь на Н-Илимск прошел отряд особого назначения губернского комиссара Яковлева в количестве 120 чел. вооруженных до зубов во главе с Мамаевым. Этот отряд исключительно был сформирован из бывших красногвардейцев, взятых в плен в 1918 году под Самарой, привезенных в Иркутскую губернию в эшелоне смерти. Означенный отряд был направлен на ликвидацию партизанского движения, начавшегося в устье реки Илима и реки Ангары, на границах между Енисейской и Иркутской губернией, перекинувшегося с Тайшетского Тасеевского фронта. Руководителями этого партизанского движения в районе Кежемской волости Енисейской губ. был тов. Боженов Данила и Карапченской волости Иркутской губ. тов. Бурлов Николай. Мамаевский отряд и был выслан на ликвидацию Бурловского отряда, в помощь Мамаевскому отряду был выслан кавалерийский отряд в 20 сабель под командой поручика Рубцова, каковой оперировал по ликвидации всяких большевистских идей в районе Н-Илимской волости. К этому времени я завязал связь с городом Илимск, с товарищами, работающими

на постройке Илимского тракта, сторонниками возрождения Соввласти, а именно: с десятиниками Алексеем Жуйковым, Василием Остащенко и Степаном Потаповым (настоящее место пребывания Жуйкова мне не известно, Остащенко находится где-то на Ленском прииске, Потапов в данное время директор государственного кожзавода в Барнауле).

Мамаевский отряд прошел по реке Илим до д. Пановой, а тов. Бурлов в это время стоял в дер. Седенка на Ангаре. В дер. Пановой в отряде Мамаева был сделан переворот, т. е. командный состав отряда был уничтожен во главе с Мамаевым на месте, за исключением одного офицера, который считался сочувствующим Советской власти. Данный переворот сделали красногвардейцы во главе с тов. Зверевым, Шмелевым, Дворяновым и др. После переворота товарищ Зверев был назначен командиром отряда, который завязал немедленную связь с тов. Бурловым, сделал объединение в общем действии, разделив отряд на две части, т. е. часть своего отряда – в отряд Бурлова, а часть Бурловского отряда – в свой. Отряды избрали тов. Зверева общим командующим отряда, а тов. Бурлова – его помощником. Тов. Бурлов своим отрядом (кажется, в его отряде было чел. 80) взял направление вверх по Ангаре на Братскую волость и Николаевский завод, а тов. Зверев – вверх по Илимму на ликвидацию белогвардейских отрядов, апеллирующих в Н-Илимской волости. И так началось партизанское движение в Илимско-Ангарском крае. Таким образом, в августе тов. Зверевым было занято с. Нижне-Илимское и очищена вся волость от белогвардейщины. Здесь, в Н-Илимске, начался большой поток в отряд тов. Зверева крестьян, как Н-Илимской волости, так и других волостей.

10-го сентября был занят г. Илимск тов. Зверевым. Белогвардейские отряды главным образом отступили на Ангару, к селу Б-Мамырь (отряд капитана Петропавловского). В селе Б-Мамырь был главный штаб белогвардейского отряда, апеллировавший на Ангаре Илимского края по ликвидации красной партизанщины под командой капитана Белоголового. Отдельные части белогвардейских отрядов бежали на р. Лену в сторону Усть-Кута и частично вверх по реке Илим через Шестаково. По реке Илимму со своей стражей бежал начальник Илимского края, бывший в то время уже капитан Валуженич, всей стражи было с ним 6 чел. Капитан

Валуженич вместе со своими людьми при моем активном участии был захвачен в районе Коченской волости и представлен тов. Звереву в Илимске. Последний был осужден военным трибуналом тов. Зверева и расстрелян в октябре. Тов. Жуйков и тов. Асташенко, по занятии тов. Зверевым г. Илимска, вступили в отряд тов. Зверева. Тов. Жуйков был назначен начальником хоз. части при фронтовой полосе, а тов. Осташенко, как бывший фельдфебель, – командиром отдельного отряда, а впоследствии партизанского полка, принимавшего участие по очистке от белогвардейцев Усть-Кутской волости (с. Усть-Кут).

Через тов. Жукова я завязал связь с тов. Зверевым. В последних числах августа в Шестаковский сользавод прибыл отряд поручика Рубцова для производства ареста меня, но я через милиционера Иванова своевременно получил об этом известие, и до прибытия отряда, скрылся в тайге, маскируя свой уход в тайгу якобы официальным выездом в Коченскую волость по заготовке продовольствия для завода. Отряд на заводе находился 3-е суток, после чего он ушел по направлению на Ангару в с. Б-Мамырь, и я вышел из тайги. В конце же августа, особенно в сентябре по Илимю начинали приходить бежавшие товарищи из Александровского централа, которые имели остановку у меня и мной направлялись в Илимск, в отряд тов. Зверева. В числе этих товарищей, которые приходили через остановочный пункт Сользавод, были тов. Хранлюков, бывший омский работник советов и врач Жизнев, каковые занимали при отряде Зверева ответственные посты. В первых числах октября я получил предложение выехать в Илимск в распоряжение коменданта управления и 10 октября сдал заводу управление. В числе 10 рабочих, поехавших со мной добровольцами в отряд, выехал в Илимск. По приезде в Илимск я был назначен помощником начальника хозчасти прифронтовой полосы. При моем участии в Илимске были организованы ружейные мастерские, портновская мастерская, питательный пункт (столовая), тов. Зверев в это время был в с. Б-Мамырь, очистив [его] от белогвардейщины. В это время велась подготовительная работа при комендантском управлении г. Илимска по открытию съезда, так называемого 1-го краевого съезда Советов Северо-Восточного фронта, на котором должны были присутствовать делегаты от всех партизанских от-

рядов, апеллирующих в Ангаро-Илимском крае (Зверева, Бурлова, Баженова и друг.).

Означенный съезд открылся в последних числах октября. Основными вопросами его решений были организация гражданской Советской власти в освобожденном крае от белогвардейцев и дальнейшее продвижение партизанского действия до Иркутска. Съезд избрал исполнительный комитет во главе с председателем тов. Брюм (большевик). Резиденция исполкома была в селе Н-Илимск, тов. Зверев назначен исполкомом командующим войсками Северо-Восточного фронта, помощниками его были Бурлов и Баженов. Тов. Зверев в это время уже был в с. Усть-Кут, которое было очищено также от белогвардейцев. Находясь в Илимске, в комендантское управление поступил ряд общественных приговоров от граждан Б-Мамырской волости о командировании меня в с. Б-Мамырь для работ по организации Советской власти, о чем было доложено тов. Звереву по телефону в Усть-Кут и последний дал свое согласие на мое командирование. И я выехал в с. Б-Мамырь, в распоряжение т. Дворянова, [командовавшего] Ангарским партизанским полком, последним был назначен председателем военно-революционной комиссии при Ангарском фронте, заменяющей волостную гражданскую власть. Вступив в исполнение своих обязанностей одновременно с текущими работами, я повел подготовку к выборам в Советы и созыву волостного съезда Советов.

В декабре были проведены выборы в Советы, оформлено 10 районных Советов и избраны делегаты на волостной съезд, который состоялся в январе 1920 года, который избрал исполнительный комитет рабоче-крестьянских красных депутатов. Председателем которого был избран я с единовременным назначением волостным военным комиссаром. Таким образом, Советская власть была осуществлена отрядом тов. Дворянова, который в это время был в Балаганске. В районе волости официальных партизанских частей уже не было, находились только отдельные комендантские управления (Б-Мамырь, Кежда, Лучихинский завод), последние были ликвидированы и при осуществлении волостного военного комиссариата. В феврале при проходе по линии ж/д каппелевской армии по направлению на Николаевский завод и Братск вышла колчаковская воинская часть, так называемый 1-й учебный мор-

ской полк под командой полковника Коллегова. Полк исключительно состоял из офицеров отрядов Анненкова, Краснова, Волкова и др. При полку было 36 пулеметов и полное другое вооружение. Означенный полк свернул с железной дороги по станции Алзамай, который двинулся на Ангару, шел он верст 200 с лишком исключительно тайгой. В Николаевском заводе тов. Бурловым был оставлен гарнизон в количестве 120 человек под командой тов. Савиновского. Морской учебный полк подошел к Николаевскому заводу, выслал вперед к заводу письменное требование о выдаче содержавшихся в Николаевском заводе 70 военнопленных офицеров колчаковских частей, взятых тов. Бурловым на Окинско-Тулуновском фронте. Савиновский, испугавшись данного требования и местной организации завода, решил эвакуироваться с Николаевского завода, что им и было сделано. Как гарнизон, [так и] военнопленные офицеры и эвакуированное имущество, все это было доставлено в село Б-Мамырь. И [там] Савиновский предполагал эвакуироваться дальше на Илим. Эвакуацию дальнейшую я приостановил, в этом меня поддержала Б-Мамырская комячейка. Военнопленные офицеры были изолированы, имущество сложено в соответствующий склад, отряд Савиновского поступил в мое распоряжение как военкома волости и предисполкома.

Морской учебный полк в Николаевский завод не попал, а вышел на берег Ангары ниже села Братска у с. Падун и каковой двинулся по Ангаре вверх в нашу волость. Приведя в порядок поступивший в мое распоряжение отряд, еще к этому я согласовал местную крестьянскую дружину в количестве 180 чел. Таким образом, был подготовлен к встрече полка. Получив известие, что полк расквартировался на отдых в с. Филиппове по р. Ангаре в 44 верстах ниже Мамыри, я по прямому проводу добился переговоров с тов. Зверевым в Иркутске (он был в то время командармом) и доложил ему о данном полке. Он дал мне распоряжение означенный полк на Илим не пускать, направить его исключительно по р. Ангаре на Усть-Уду, задержать полк на некоторое время в волости, командный состав привести на телеграф для переговоров с Иркутском. Данное распоряжение мною было проведено в исполнение. Прежде всего, было объявлено, что Б-Мамырь является военным гарнизоном. Начальником гарнизона мною был назначен тов. Петухов с военного трибунала отряда тов. Зверева,

застрявшего в это время в с. Б-Мамырь. При полном участии работников военного трибунала было решено немедленно выехать навстречу морскому учебному полку, повести с ним переговоры в рамках данного распоряжения т. Зверева из Иркутска. На встречу [с] морским полком выезжал я и т. Сольц, председатель трибунала. Полк мы встретили в 12 верстах от с. Б-Мамырь и 8 верстах от с. М-Мамырь. Найдя командира полка, мы предъявили ему требования от имени командарма т. Зверева, что полк должен оставаться в с. М-Мамырь и командир полка обязан приехал в с. Б-Мамырь на телеграф для переговоров с г. Иркутском. Вначале командир полка как будто бы предъявленным ему требованиям не хотел подчиняться, но видя, что мы упорно эти требования ему предъявляли, он дал согласие. Расквартировавшись в с. М-Мамырь, командир полка со своим адъютантом приехал вместе с нами в Б-Мамырь на телеграф, и я в срочном порядке по прямому проводу доложил т. Звереву.

Тов. Зверев сообщил, что сейчас приедут представители Губревкома, и мы начнем переговоры. Минут через 20 получил сообщение, что у аппарата находится т. Зверев и т. Косарев и еще один товарищ (фамилии не помню), говорит тов. Зверев. В результате переговоров т. Зверевым было предложено полковнику двигаться дальше по маршруту реки Ангары в Усть-Удинскую волость, сделать остановку в д. В-Суворовой, а самим выехать в Усть-Уду, куда будет командирована комиссия от Губревкома для дальнейших переговоров с полком. Мне же было сделано распоряжение не чинить никакого препятствия в продвижении полку, если последний не нарушит своего мирного движения.

После переговоров через сутки полк ушел по указанному маршруту. В качестве контроля мной был командирован член Волисполкома Кромынин Константин до самой Усть-Уды при упомянутом полке. В конечном результате полк в Усть-Уде сдал свое имущество и оружие прибывшей из Иркутска комиссии Губревкома, а личный состав целиком был направлен в Иркутск. Имущество у полка насчитывалось на миллионы рублей, а главным образом были большие плановые военные материалы. С приездом меня в с. Б-Мамырь из Илимска я одновременно приступил к организации местной коммунистической ячейки, каковая в последствии была в составе 40 чел. и была в январе месяце оформ-

лена и таким образом влилась в общую партийную Тулунскую организацию. В марте 1920 г. исполнительный комитет по распоряжению уездного центра был расформирован и создан волостной революционный комитет, председателем которого был назначен я, а также военком волости и представитель волостной комиссии по борьбе с дезертирством.

В марте я ездил в Иркутск по делам волости, в Губревком к тов. Янсону. Там я встретился с тов. Дворяновым, он в это время числился в резерве военного штаба. Я решил использовать тов. Дворянова на гражданской советской работе, поэтому лично и письменно возбудил ходатайство перед тов. Янсоном об откомандировании т. Дворянова в распоряжение Б-Мамырского Волревкома. Ходатайство мое было удовлетворено, и мы вместе с т. Дворяновым уехали в Б-Мамырь, он был введен в качестве члена Волревкома по должности зав. общим отделом и моим заместителем. И так началась наша работа по укреплению Советской власти и парторганизации. При проведении продовольственной разверстки и других повинностей, возлагаемых на население Б-Мамырской волости, последняя шла в выполнении таковых одной из первых волостей Н-Удинского уезда, где она имела кличку «красной» волости, дважды занесенной на Красную доску.

В конце 1920 г., примерно в октябре, вблизи с. Братска была обнаружена банда в количестве 25 человек под командой колчаковского офицера, поручика Попова Виктора, происходившего из жителей с. Братска. Означенная банда тов. Бурловым была с места зимовки изгнана. Последний в это время работал в Братске в качестве начраймилиции и уполномоченного ГПУ. Банда перекинулась в район Б-Мамырской волости, она полностью состояла из местных крестьян Братской и Б-Мамырской волостей, исключительно из бывших унтер-офицеров и зажиточного крестьянства. Особенно участниками этой банды были гр-не с. Филиппова. В эту банду также ушел бывший председатель земской управы Ведерников Иннокентий, бывший красный партизан Зарековский Михаил. Получив известие о банде по постановлению объединенного заседания Б-Мамырской комячейки и Волревкома, был создан военно-революционный штаб по борьбе с бандитизмом. Начальником штаба избран был я, моими помощниками: Даниил Баженов (он в это время был уже комиссаром на Илим-тракте) и

Василий Остащенко, а тов. Дворянов был назначен командиром оперативного отряда, сформированного из коммунистов ячейки Б-Мамыри и прибывших коммунаров из Н-Илимской волости. Отряд был в количестве 30 человек, который и пошел по розыску данной банды. Часть банды была нами ликвидирована, т. е. забрана при различных обстоятельствах. Скрылась в тайгу основная голова банды в количестве 9 человек. Мною лично совместно с т. Бурловым в с. Филиппове было захвачено в подполье 5 бандитов, в числе коих был офицер Черемисин, последний при попытке к бегству был убит.

Означенная банда существовала и оперировала в районе Братской и Б-Мамырской волости до 1922 года сентября месяца включительно. В Б-Мамырской волости я проработал до июня 1921 года. Затем был переброшен в Братск на партийную работу, на июльской районной партконференции я был избран в районный парткомитет в качестве председателя последнего и в скором времени уездом был назначен начальником районной милиции, какую я и принял от т. Бурлова. В Братске я проработал до августа 1922 г., а потом был переброшен в Тулун на должность начальника уездной милиции, куда и уехал в августе 1922 года. Упомянутая выше банда, так называемая Ведерникова-Зарековского, а организатор этой банды поручик Попов был убит в августе 1921 г. при стычке нашего отряда с бандой. Означенная банда в течение этих лет выхватила местных общественных работников до 50 чел., в том числе и моего брата при налете в 1922 г. на с. Б-Мамырь. Означенная банда в течение этого времени несколько раз менялась в составе, т. е. она доходила до состава 7 чел. и до 20 чел. К моменту ликвидации она насчитывала в своих рядах 18 чел. и плюс контрреволюционные организации в с. Кежда из местных кулаков во главе с местным попом и фельдшером Подгорбунским, каковые на момент ликвидации банды уже были в отряде банды, где и ликвидированы. Ликвидация банды проходила под непосредственным командованием т. Боженова, последний был в это время в Братске в должности заведующего заготовительной конторы Райпродкома, с громадным участием крестьянского населения Б-Мамырской волости. За эту ликвидацию т. Боженов по батальону «ЧОН» был представлен к награде, т. е. [к] получению ордена Красного Знамени, но такового он не получил.

Здесь я заканчиваю свои штрихи о революционной работе. Считаю, что детальную историю рев. движения в выше описанном мною районе дадут работники существующей Братской организации и о дальнейшей своей работе будет, очевидно, взято из моего личного дела.

В Б-Мамырской волости [в] группе сторонников Советской власти активными товарищами с 1918 года были следующие:

1. Кавальчук Прокопий Владимирович – житель с. Б-Мамырь.
2. Кавальчук Иван Владимирович – ныне учится в Ленинграде в вузе.
3. Кормынин Константин Федорович, б/п.
4. Кормынин Дмитрий Федорович, б/п.
5. Усов Александр Иванович – ныне работающий в Братском районе в Союзе с/х лес. рабоч., партиец.

Все упомянутые товарищи жители с. Б-Мамырь.

1. Дьячков Афанасий Григорьевич – ныне умерший, из д. Чама.
2. Рыбкин Василий Филиппович – б/п, житель с. Кежма.
3. Рыбкин Василий Иванович – б/п, житель с. Кежма.
4. Садовников Иван Иванович – житель села Наратай, б/п (бывш. партизан).
5. Потапов Степан Павлович – один из участников в организации Б-Мамырской комячейки, ныне находится в г. Барнауле в качестве директора кожзавода.

В связи с празднованием десятилетия Октябрьской революции, я считаю получения наград за революционную работу, по моему мнению, безусловно, заслуживают бывшие руководители партизанского движения т.т. Зверев, Бурлов, Дворянов, Боженов Данила, Романов Степан и Перфильев Василий Васильевич, но полагаю, что по месту нахождения этих товарищей будет возбуждено соответствующее ходатайство. На этом и заканчиваю мои воспоминания.

Член ВКП(б) Чебышев

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 483. Л. 1–12. Машинопись.

ВЕРХОЛЕНСКИЙ РАЙОН

Доклад Киселева Д. Д. об организации Советской власти в Верхоленске

Стенограмма вечера воспоминаний Иркутского землячества от 18-го ноября 1932 г.

Председатель: Сегодня у нас доклад тов. Киселева Д. Д.

Слово имеет тов. Киселев.

Тов. Киселев: Сегодня я буду говорить о том, как организовалась Советская власть в г. Верхоленске и Верхоленском уезде. Кроме того, я скажу о падении Советской власти в г. Иркутске. Февральская революция застала меня в г. Верхоленске. Это небольшой уездный город Иркутской губернии. Он расположен на р. Лене и находится в 300 верстах от ж/д дороги.

Город Верхоленск и Верхоленский уезд в царское время был местом ссылки политических заключенных. Я заведовал в г. Верхоленске высшим начальным училищем. Сюда я был переведен из г. Балаганска. Я был крестьянином Балаганского уезда Иркутской губернии Тагнинской волости села Тегна. Я женился на местной крестьянке и имел коллективное хозяйство. Сначала я был сельским учителем и одновременно занимался крестьянским трудом. Февральская революция застала меня в г. Верхоленске. Первые сведения о революции были получены 3-го марта 1917 года. Тогда один ссыльный, А. И. Капцан, получил телеграмму из Самары. В этой телеграмме говорилось о том, что в России произошла революция и царское правительство свергнуто. Это было 3-го марта. 4-го марта все собрались на первый революционный митинг в г. Верхоленске. Я, будучи учителем, всегда был близок к ссыльным. Поэтому ссыльные избрали меня председателем первого революционного митинга. Так началась революция в этом месте ссылки.

На другой день, т. е. 5-го марта, уже все ссыльные разъехались. Кто уехал на лошадях, а кто и ушел пешком, почти никого не осталось. Правда, остались только те, которые успели жениться на местных крестьянках и которые успели втянуться в местную работу. Примерно осталось человек 10. Как на зло, все они были меньшевики и эсеры. В то время я формально ни к какой партии не принадлежал. Местная интеллигенция, при участии оставшихся ссыльных начала создавать революционную организацию. В первую голову был создан комитет общественной безопасности. Я туда тоже был выбран. Руководство политической жизнью попало в руки местного общественного деятеля д-ра Малиновского. Под его влиянием была организована революционная власть. Тогда был избран уездный комиссар. На эту должность был избран бывший мелкий полицейский чиновник Донской. Затем был избран комитет общественной безопасности, который возглавлялся д-ром Малиновским, а членами [были] несколько волосных писарей. Так произошла Февральская революция в этом глухом уголке, где следовало бы проявить максимум революционности, так как это было место ссылки.

Мне приходилось выступать на разных собраниях и митингах. В своих выступлениях я разошелся с местной революционной властью. Я оказался большевиком. Эта власть начала со мной бороться. Прежде всего, эта власть потребовала моего выселения из Верховенского уезда, как вредного человека, но я опирался в своей деятельности на широкие круги крестьянства, а также мне была оказана поддержка со стороны ссыльных. Там был один большевик, который остался после разъезда ссыльных, некто Кокнес и его жена Екатерина Пельше. Общими усилиями мы начали вести пропаганду за установление Советской власти, но нам не на кого было опереться в организации Советов. Правда, нам сочувствовало крестьянство, но это сочувствие было малоактивным. Много говорилось, что надо организовать Советы, но когда поднимался вопрос об этом, ничего не выходило.

Осенью 1917 года, когда вернулись с фронта местные крестьяне /солдаты/, то дело приняло совсем другой оборот. В декабре 1917 года мне удалось собрать в Верховенске первое большое собрание, на котором присутствовали главным образом солдаты из местных крестьян, вернувшихся с фронта. У меня сохранилась

выписка, которая может дать картину этого первого собрания. Первое общее собрание солдат г. Верхоленска и Верхоленской волости состоялось 28-го декабря 1917 г. Это заседание открыл я. Председателем собрания избран солдат П. К. Толмачев. Тов. председателя был избран я. Все это были солдаты, вернувшиеся с фронта. Я хочу сказать несколько слов о себе. Почему я, городской человек, собрал солдат и среди них был избран. Я был мобилизован в Германскую войну и три месяца служил рядовым солдатом в 12-ом Сибирском полку. Я воспользовался тем, что имел звание солдата и собрал их. Здесь были намечены следующие лица: тов. Тюменцев, Уваровский, Филин, Толмачев, Большегородский и др.

По предложению председателя собрания был избран я председателем Совдепа. Я прошел большинством голосов. После организации Совдепа, действовать было легче. Следующий митинг был в начале января 1918 года. На этом митинге имели право решающего голоса только те крестьяне, которые занимались земледелием. Они избрали Совет крестьянских депутатов и слили его с Советом солдатских депутатов. После этого были приглашены несколько рабочих /ремесленников-ссылных/ г. Верхоленска. Таким образом, был образован Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Положение Советской власти в г. Верхоленске с каждым днем становилось все крепче и крепче. К этому времени в г. Иркутске тоже были созданы Советы.

Таким образом, организация Советской власти в г. Иркутске и в г. Верхоленске шла параллельно. В дальнейшем Иркутск связался с нами и оказал нам помощь. Уже в феврале месяце Иркутская власть установила с нами тесную связь и оказывала нам помощь, а помощь тогда была нам очень нужна. Прежде всего, вновь созданный Совет должен был позаботиться о том, чтобы созвать съезд для организации первого уездного Совета. Для этого пришлось разослать по всем волостям не только особое извещение, но даже и отправить отдельных представителей для того, чтобы организовать надлежащие выборы на местах для будущего съезда. Затем нам пришлось бороться с противодействием, которое было оказано со стороны местного купечества и кулачества. Когда вновь организованный Совет в полном составе /там был и я/ явился в уездный комитет общественной безопасности и предложил доктору и трем волостным писарям разойтись, то они без всякого со-

противления подчинились этому и разошлись, но в дальнейшем они на каждом шагу оказывали противодействия. Они сейчас же собрали и избрали земскую управу. Совдеп, возглавляемый мною, не решился сразу эту земскую управу разогнать. Это объяснялось тем, что мы предполагали, что эта земская управа будет какую-то хозяйственную работу вести, а нам хотелось как можно меньше вносить разрухи в уездное хозяйство. В дальнейшем мы убедились, что из этого ничего не выходит.

Кто же в эту земскую управу вошел? Туда вошли люди, которых мы разогнали из комитета общественной безопасности. Там был опять тот же доктор Малиновский и те же писари. Они воскресли уже официально, и были не менее сильны, чем раньше. Они сразу же начали с нами борьбу. Они стали печатать воззвания. Они призывали населения не платить налоги, не сдавать деньги в казначейство. Они писали, что до г. Верхоленска докатилась волна всяких беспорядков. Они писали, что здесь организовалась так называемая пресловутая Советская власть. Доведя все это до сведения населения, они приглашали население сдавать деньги в земскую управу, а не в казначейство, которое может истратить деньги не по назначению. На другой день после организации Советской власти мы послали в Иркутск телеграмму с поздравлением и просили принять меры, чтобы казначейство было полностью подчинено Совету. Иначе нам пришлось бы вести борьбу, а мы хотели уладить дело мирным путем. Так и вышло. Уездное казначейство получило бумагу за подписью казенной палаты, где было сказано, что ассигновки оплачиваются, если на них есть подпись Киселева. После такого распоряжения меня стали называть «отец-командир» и больше я никаких протестов не встречал. Только с земской управой мне пришлось много бороться. Когда было заседание в земской управе, я и еще один солдат тов. Жуков зашли туда. Мы застали земцев на месте преступления. Там один человек на машине писал те воззвания, о которых я уже говорил.

Я тут же забрал несколько листовок, прямо с машинки. В это время пришли еще несколько солдат, и мы тут же решили земцев арестовать. Мы взяли с них расписку, что они явятся в Иркутский Ревтрибунал, но оказалось, что они на следующий день убежали в тайгу. Таким образом, была разогнана земская управа, а вся хозяйственная работа легла на плечи Совета. Это был трудный момент.

Тогда с нами интеллигентских сил почти не было. Верховенское учительство проявило себя довольно контрреволюционно. Оно оказывало на каждом шагу противодействие. Тогда крестьянство и солдаты были преданы нам, но в смысле деловом, они мало оказывали нам помощи. Положение у нас было тяжелое. Между тем Совету нужно было развертывать свою работу.

Приблизительно в марте месяце 1918 года удалось созвать первый съезд. Тут положение начинает меняться. Я помню, приехали к нам тогда рабочие из с. Качуга и Жигалова. Там были квалифицированные рабочие и настроены революционно. Был организован Совет с новым составом, где принимали участие и рабочие. Тогда был избран председателем Толмачев П. К. /ныне погибший/. Так организовалась Советская власть в г. Верховенске и Верховенском уезде. Что мы тогда сделали? Мы откомандировали этих земцев-писарей на работу и д-ра Малиновского тоже послали на работу в больницу. Был тогда такой случай, что большой черносотенник Скопин отказался сдать дела комитету. Он стал ругаться, я приказал его арестовать и только. Ко мне прибежали все чиновники и сказали, что они организовали профсоюз, куда вошли служащие учреждения. Они сказали: «Раз вы арестовали председателя, то мы объявляем забастовку». Я сказал, что очень рад. Тогда мне не надо всех выгонять по очереди, а можно сделать сразу. В результате никакой забастовки не было и все остались на своих местах. Еще был такой случай: там было несколько купцов. Мы обложили их конституцией. Они прибежали к нам и принесли все квитанции от податного инспектора. Они сказали, что они заплатили все деньги и что вторично брать незаконно. Один из них мне сказал: «Ваше распоряжение о внесении 2-х тыс. на текущий счет напоминает приказ бандита о том, чтобы принести деньги под камень». Я на эту дерзость никак не реагировал.

Летом в 18-м году мои товарищи в числе 15-ти человек были арестованы. Я в это время был членом Иркутского Губисполкома и работал в г. Иркутске. Они были арестованы сначала местными кулаками. Потом они были расстреляны, из них остался только один, он живет сейчас в Верховенске – это Елисей Хабардин. В то время меня не было в Верховенске, я был в Иркутске. Мои товарищи были расстреляны в то время, когда я уже уехал в Иркутск. Все они были молодые, полные сил. До них дошли слухи, что богатые

мужики собираются их арестовать. Зная это, им надо было предупредить свой арест. Им надо было известных в окрестностях контрреволюционеров арестовать, но это товарищи не сделали. Конечно, если бы я был там, то было бы сделано все, что нужно. И вот я себя считаю виноватым в этом деле. Когда я уехал в Иркутск, то в Верхоленске осталась моя жена с пятью малолетними детьми. Еще там осталась моя родственница – крестьянка. В Иркутске я был членом Иркутского Губисполкома и работал вместе с тов. Гавриловым. Потом я был губкомиссаром, так как Гаврилов эвакуировался в Верхнеудинск. Иркутский Губисполком делегировал меня в качестве члена революционного штаба в тот момент, когда выступили чехи и белые. Я был командирован в Балаганский уезд Иркутской губернии. Туда я отправился с тов. Анашкиным. Еще с нами было несколько женщин, но фамилию я их сейчас не помню. В этой командировке я был несколько недель и вернулся в Иркутск тогда, когда уже июньское восстание юнкеров было подавлено.

В это время был Иркутский губернский крестьянский съезд. Я был вторично избран членом Губисполкома и застал падение Советской власти в Иркутске. Эти дни мне особенно памятливы.

10-го июля 1918 года я проводил на вокзал всех своих товарищей, которые уезжали на Дальний Восток. Мне приказано было остаться в Иркутске и перейти на нелегальное положение и затем пробраться в Москву, чтобы установить связь с товарищами. Это мне удалось. В Иркутске я жил на квартире у Мерцалова / Казарменская, 10/. Этот Мерцалов был подпоручиком. Он окончил юнкерскую школу и был подпоручиком в Германскую войну. Он работал в милиции 1-го участка на Луговой при Соввласти. Этот Мерцалов по моей просьбе заготовил подложные паспорта для целого ряда работников. Мне сейчас припоминаются следующие фамилии: Гаврилов, Янсон, Чужак и другие. Меня он устроил нелегально на своей квартире.

После падения Советской власти в Иркутске, а потом при помощи Мерцалова мне удалось уехать на подводе одного крестьянина, который приехал на базар – на ст. Половина. Со мной была родственница, которая сейчас является моей женой. Мы сели в вагон и уехали в Красноярск. Таким образом, я остался жив. После моего отъезда сейчас же был арестован Мерцалов и посажен в

тюрьму. Я уже говорил, что у меня в Верхоленске осталась семья и пять человек детей, которые были посажены в тюрьму вместе с семьей нашего большого работника Трилиссера М. А. Потом там был арестован целый ряд товарищей, работников из Иркутска, которые направлялись на Лену. Они хотели скрыться от белых и чехов. Там был тов. Бакановский и Никифоров и друг. Семья моя через месяц была выслана в Балаганск. Там она находилась под надзором колчаковской полиции. Моя дочь бежала к партизанам в отряд тов. Дворянова из Балаганска. Она и сейчас является членом партизанского общества в г. Иркутске. Я вместе со своей женой /Киселевой-Ивановой/ бежал в Красноярск. Там я прожил один месяц и получил сведения от Иркутских товарищей. В Иркутске жил большевик Пахомов, он не был комиссаром и поэтому при белых остался там. Он приезжал в Красноярск, и я его случайно встретил на базаре. Он меня информировал о положении дел, а затем я вместе с женой отправился через фронт в Москву. Эта поездка была очень трудная. Нам пришлось пережить массу всевозможных случайностей. При Колчаке мне по поручению ЦК партии пришлось перейти четыре раза фронт Гражданской войны. Мне пришлось объехать все подпольные организации Сибири и Дальнего Востока, а потом я вернулся в Москву и делал доклад тов. Ленину.

Специально для этого меня вызвал Владимир Ильич в Кремль. Сейчас я хочу рассказать о падении Советской власти в городе Иркутске. Я еще раз вернусь к Верхоленску.

Когда пала Советская власть в Иркутской губернии, был арестован целый ряд товарищей. Я вспомнил одного учителя М. П. Черепанова, который сейчас работает около Иркутска на станции Иннокентьевская. Он местный крестьянин Верхоленского уезда. Он окончил учительскую семинарию и институт. Он принимал активное участие в революционном движении. Особенно он принимал активное участие при организации Советской власти в Верхоленске. Он вместе с моей женой Е. А. Киселевой был посажен в тюрьму в г. Верхоленске белыми. Как это ни странно, над ним злобствовало учительство. К числу контрреволюционного учительства относилась одна учительница, А. П. Скопина-Русаква, дочь лесничего. Этот лесничий при Советской власти был арестован. Эта была женщина средних лет, очень энергичная, но в

тоже время и очень злобная. Она была настолько злая, что ее мои товарищи звали не А. П., а Ведьма Павловна. Она вела агитацию среди учителей против Советской власти. К числу моих «грехов» относится разгон учительского съезда. Когда я пришел на этот съезд, чтобы приветствовать его, все были так настроены против меня, что кричали: «Долой, вон его». Тогда я ушел с этого съезда и написал, что съезд распускается. Они разошлись сами, я никаких мер насилия не принимал. Председателем съезда был тогда Петровский. Когда в Иркутске пала Советская власть, то была стрельба. Тогда пули летали, как шмели. Я в тот момент перебежал от квартиры Мерцалова на свою конспиративную квартиру, бежал через площадь. У Амурских ворот, в другом направлении я увидел, [как] перебежал дорогу Петровский /председатель съезда учителей/. Я благополучно перебежал, а он, сраженный пулей, упал. Этот яркий момент мне запомнился.

В Верхоленске я научил свою первую и вторую жену читать и писать. Моя первая жена Е. П. Киселева сейчас работает в колхозе. В Верхоленске при белых мировой судья спрашивал мою жену, сколько платили денег вашему мужу за агитацию в пользу Советской власти. Это говорил интеллигентный человек. Она ответила, что муж получал жалование учителя и больше ему ничего не платили. Когда арестовали моих товарищей по Верхоленску, то потом они были расстреляны. Я тоже заочно был приговорен к смертной казни. Мне товарищи говорили, что их пытали каленым железом, все время добиваясь узнать, где нахожусь я. Мне говорил тов. Бакановский, что кузнец заковал ему руки и жег каленым железом. Еще я вспоминаю такой момент: когда наши уехали 11-го июля из Иркутска, то остался только один Шевцов – комендант. В то время помощником начальника милиции был Доброхотов. Я вместе с Мерцаловым поехал осмотреть штаб, не оставили ли чего наши отступающие части. Мы нашли там пулемет. Я вместе с Мерцаловым отправился через понтонный мост на станцию, чтобы сдать этот пулемет. Мы видим, что из милиции высыпала толпа, и я слышу голос: «Зачем увозят пулемет? Нужно отобрать пулемет». Они могли меня растерзать. Хорошо, что тут был Доброхотов. Благодаря Доброхотову, я имел возможность отвезти и сдать пулемет Шевцову. Вспоминаются мне и те моменты, когда чехи вошли в г. Иркутск. Тогда я был еще полон энергии и сил. Из

своего подполья я пришел на Казарменскую улицу к Мерцалову. У него на квартире было все перерыто, там искали меня, но все сошло благополучно.

Я уже говорил, что в Верхоленске к моменту организации Советской власти /17 г./ была только одна большевистская семья – Коклес и Пельше. Около этой семьи находился я. В то время я был в партиях левых эсеров. Я всю жизнь провел среди крестьянства. Сам я городской человек, но ещё юношей ушел в деревню. Я женился на местной крестьянке и стал сельским учителем. Организация Советской власти проходила при моем активном участии. По моей работе и действиям я был большевик. Тогда Коклес и его жена Пельше нашу большевистскую работу дополняли. Мы по всем вопросам контактировали с этой семьей. Там еще был Михайлов, ссыльный большевик, он уклонялся от участия в работе Советов. Фактически партийную линию возглавлял Коклес.

Вот так обстояло дело в Верхоленске в 17/18 г. Я уже говорил об организации Советской власти. Еще нужно записать одну фамилию – это Винник. Он был солдат, формально принадлежал к организации левых эсеров. Он приезжал на съезд в качестве иркутского делегата от Губисполкома. Вы не смущайтесь, что левый эсер был послан Иркутским Губисполкомом. Я припоминаю фамилии членов Иркутского исполкома. Там был Янсон, Постышев, Гаврилов и другие большевики. Иркутский исполком по своему составу имел 10 большевиков и 15 левых эсеров. Верхоленский уездный Совет организовал продовольственный отдел. Что же он там делал? Там пришлось поступать довольно круто. Совет был вынужден взять хлеб по твердым ценам у зажиточных крестьян. Этим хлебом мы снабжали семьи призванных солдат. Верхоленский Совет не сумел организовать военной силы, которая бы защищала его от местных кулаков. Правда, оружие было у всех, но им не сумели воспользоваться. Каждый член Совета после занятий уходил к себе домой, и ночью восставшие кулаки их арестовали поодиночке.

Теперь по части земельной. В этом отношении кое-что было сделано. В Верхоленском уезде было мало покоса. Большая часть богатых крестьян были собственниками этих покосов. Они скупали покосы у маломощных крестьян. Земельный отдел занялся изъятием этих покосов у зажиточных крестьян. На этой почве, ко-

нечно, были всякого рода недовольства со стороны зажиточного крестьянства. Крестьяне /зжиточные/ организовали восстание в Верхотенском уезде и в г. Верхотенске. Они арестовали всех моих товарищей. В Сибири земли было достаточно, но покосы приходилось расчищать, поэтому они представляли такую ценность. Этими покосами владело в большинстве богатое крестьянство. Совет изъяс излишки и передал их в общее пользование. Эта мера расположила и нам средние и бедные слои крестьянства.

По части милиции. Была организована советская милиция. Ее возглавлял Хабердин, который и сейчас жив. Что касается хоз. работ, то времени для этого еще не было. Главное внимание было уделено на обязательную повинность /гоньба/. Здесь вся тяжесть пала на местное крестьянство. С этим делом было много возни. Приходилось на это дело вкладывать деньги, полученные от контрибуции, чтобы помочь крестьянству. Тогда крупные суммы от контрибуции шли на это дело. Затем мы взяли на себя оказывать помощь семьям солдат, которые были на фронте. Этих семей было очень много, и они бедствовали. Это был бедный уезд. Женщины, которые там остались без мужей, не могли увеличивать своего хозяйства, а только проедали его, так что нам приходилось им помогать. На эту помощь мы получили небольшие деньги от казны. Во время падения Советской власти в Иркутске, мне вспоминается несколько моментов, а именно: когда пала Советская власть, пришли чехи и белые, тогда на улицах задерживали интеллигенцию с советским настроением. Там был один учитель /мой знакомый/, Федор Филипов. Судьба этого учителя очень трагична. Летом 18 года он проявил себя как контрреволюционер. В 1920 году он трагически погиб от рук белых на пароходе «Байкал», в то время был убит 31 человек. Вот и все, что я хотел пока сказать.

Председатель: У кого есть вопросы?

Вопросы и ответы.

В.: Почему начальник милиции /ваш хороший знакомый/ не ушел, когда уходила Советская власть, а остался при белых?

О.: Он не был таким активным работником. Я ушел, потому что был комиссаром. Таких людей как Мерцалов остались тысячи.

В.: Солдаты мобилизованные, которые прибыли с фронта, принимали какое-нибудь участие при падении Советской власти, или из них часть ушла в лес и т. д.?

О.: Более активные из них погибли. В Верхоленске Красной гвардии, как таковой не было. Это небольшой город, где жили главным образом крестьяне и чиновники. До революции там не было городской думы, городской управы, а там было волостное управление. Там, в ссылке был Максимовский Владимир, который являлся работником.

В.: Может быть, есть товарищи, которые могли бы дополнить доклад в разрезе соотношении классовых сил?

Председатель: Кто желает высказаться?

Председатель: Нам необходимо остановиться на соотношении классовых сил и о партийной организации еще нужно кое-что вспомнить.

Тов. Киселев: Я хочу сказать еще об одном моменте. Когда происходили выборы в Учредительное собрание в Верхоленске, то там был вывешен список. Так как я был левым эсером, то агитировал за список № 7 /большевистский/. Мы в это дело вовлекли всю школу. Это я отлично припоминаю. Это, помнится, все мои ученики, тогда школа принимала активное участие в политической жизни. Я был там до конца апреля 1918 года.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 307. Л. 1–17. Машинопись.

ЖИГАЛОВСКИЙ РАЙОН

Воспоминания И. А. Дулова о борьбе с колчаковщиной в Верхоленском и Жигаловском уездах

В Верхоленском уезде Иркутского округа Жигаловского района, в котором я жил и в котором пострадал и перенёс большую борьбу по свержению колчаковской власти, было следующее.

Когда эсеры передали власть в Сибири Колчаку, мы, Верхоленский уезд, власть Колчака не признали. Наш Верхоленский уездный Совет продолжал держать власть в своих руках, так же и в волостях. В 1918 г. [в] июне–июле появились карательные отряды знаменитого кровопийцы офицера Красильникова. Население было избито и испорото казачьими нагайками. Верхоленский уездный Совет расстрелял в числе 13 чел. При расстреле в особенности зверски, самолично убивал совдепоцев колчаковский офицер Булычѳв Константин Николаевич – сын попа. Он раненых обходил и пристреливал. Таким образом карателями была поставлена колчаковская власть и в нашем крае. Во главе везде и всюду по округу были поставлены офицеры. Милиция подобрана из белобандитов. Эта собравшаяся белобандитская власть отбирала у крестьян всё, что попадалось под руку. Эта власть искала большевиков и её главарей. Меня несколько раз обыскивали, искали большевистскую литературу и оружие. Милиция всё время преследовала, тайно и явно, в особенности отличался милиционер Кузнецов. Он всегда был [готов] растерзать меня в клочки, но не находил причин к аресту.

В январе 1919 г. начальник жигаловской районной милиции офицер Голубев, совместно с начальником верхоленской уездной милиции офицером Горшковым и отрядом опричников-милиционеров, произвели истязание и увечье над крестьянами Тыптинского общества. Один из крестьян, Харламов, умер в тюрьме после тяжких побоев. Офицер Голубев в с. Знаменка Верхоленского

уезда с отрядом опричников избил милиционера из крестьян, который на второй день умер. Начальник милиции офицер Голубев зверски издевался над всякой проходящей и встречавшейся с ним женщиной. Он днём, в присутствии народа, насиловал их. Недостаточно насилия над взрослыми, он изнасиловал 15-летнюю девочку, а в это время рядом с комнатой насилия и издевательства посадил в «каталажку» её отца-старика, который всё видел и слышал, её крики о помощи, но сделать не мог ничего.

Знаменитый офицер Голубев не останавливался ни перед чем. В с. Тыптинском Верхоленского уезда на сельском собрании он оскорбил всё собрание, намеревался некоторых крестьян арестовать, но собрание постановило: арестовать начальника районной милиции Голубева и привлечь к ответственности за убийство сельского старосты Харламова, который умер от побоев в тюрьме, и [за] избивание многих крестьян и крестьянок. Арестовали, посадили в «каталажку». Продержали часа 3–4, пока не окончили собрание, а затем освободили. Офицер Голубев со своим милицейским карательным отрядом из Тыпты приехал в село Знаменку Жигаловского района. Ворвался в квартиру крестьянина Баева И. А., арестовал меня, обвиняя как большевика, руководившего арестом его, Голубева в Тыпте, и как агитатора за свержение колчаковской власти. Я стоял около печи, стал возражать, он вынул наган и самолично намеревался расстрелять. В это время неожиданно явился врач Бородавко И. А. и наган вырвал у него из руки, этим спас меня. Я был арестован и арестована моя жена. Через неделю освободили под надзор милиции.

В феврале 1919 г. через Жигалово Верхоленского уезда проезжал казачий карательный отряд под командой офицера Томских, вооружённый кроме ружей и наганов, гранатами и бомбами, который по указаниям офицера Кузнецова совместно с отрядом жигаловской милиции во главе её начальника милиции (бывшего царского пристава Петрова), шёл в наступление на мирную Знаменку Верхоленского уезда для вылавливания большевиков, в случае сопротивления «уничтожить всё село, вместе с живыми и мёртвыми» (подлинное выражение офицеров и казаков). Полностью они своего плана не выполнили, но сделали следующее: арестовали меня, Баева И. А. и двух крестьян. Милиционер Кузнецов, когда отряд вошёл в здание кредитного товарищества, я сидел за столом, занимался, а рядом сидел Баев. Окружили всё здание, я слышу команду: «Руки вверх».

Винтовки, наганы – более двух десятков направлены на меня и Баева. Кровопивец Кузнецов показывает на меня и говорит: «Вот этот Дулов, главарь большевиков в районе, а этот, – указывая на Баева, – его помощник». Обыскали, повели, когда я стал спускаться с лестницы в коридоре, каратель Кузнецов, размахнувшись винтовкой, хотел ударить меня по голове, но я знал приём старых жандармов и полицейских, прыгнул вниз, он промахнулся по пустому пространству, попал в колоду двери. Заскрежетал зубами, сказал: «Ах, сволочь, старый арестант, большевик, знаешь наши приёмы». В это время казаки-каратели окружили нас, и повели в волость, ударив раза два шашками. Помощник начальника карательного отряда офицер Леонов закричал: «Не трогать».

Когда привели в волость, стали опять обыскивать, взяли деньги, передали моей жене, сняли часы <...> с золотой цепочкой. Один из карателей положил себе их в карман. При посадке на лошадь я потребовал возратить часы с цепочкой и передать жене, но вместо возврата меня ещё обвинили за «ложь» на карательный отряд. Решили расстрелять «здесь, на месте». Искали подходящее место, но везде стоял народ, почти всё село и смотрели. Решили увезти за село Знаменку и там «на горе и в лесу, от села Нижнеслободского 4–5 верст», расстрелять. Когда нас повезли, народу было очень много. Все полагали, что расстреляют на пучине всех 4-х, а в особенности Дулова – как главаря ни в коем случае не оставят живым. Двое карателей, сидевших со мной на санях, говорят мне: «Вас расстреляем, наверное, в том лесу», показывая по направлению впереди. «Но, возможно, что офицер Леонов, один без начальника карательного отряда офицера Томских и без допроса вас, отложит до приезда в Жигалово». Действительно, в указанном месте карательный поезд в 24 пары лошадей и до 40 карателей, остановился. Помощник начальника карательного отряда Леонов с отрядом обошли всех. Подходит ко мне и спрашивает: «Вы не замёрзли?» Я ответил: «Нет, мне жарко. Я никогда не мёрзну, когда мне грозит опасность. Я не боюсь смерти». Он взглянул на меня, повернулся по-военному и поехали дальше.

Доехали до Жигалово часов в 12 дня. Собралось много крестьян и рабочих. Начальник карательного отряда офицер Томских встретил нас словами, обращаясь к Леонову: «Зачем ты привёз сюда эту сволочь-большевиков? Я тебе приказал: нужно

было расстрелять на месте». Офицер Леонов докладывает, что на месте расстрелять было нельзя, было очень много крестьян. Когда ехали в дороге, то хотел расстрелять в лесу. Остановился, но решил оставить до вас. Каратель Томских выругался по-матерному и начал бить Новопашенного. Толпа рабочих закричала: «Не смей бить, не смей расстреливать, нужно разобраться в их виновности». Расстрел не состоялся лишь только благодаря случайно состоявшегося в то время верхоленского уездного съезда уполномоченных депутатов, и энергичным мерам, принятым отдельными лицами. Верхоленский уездный съезд, получив сообщение по прямому проводу из Знаменска об аресте меня и других и о намерении расстрелять, в особенности меня, срочно телеграфировали начальнику особого отряда офицеру Томских: «Верхоленский уездный съезд категорически и решительно настаивает: никаких репрессивных мер к Дулову и другим арестованным Знаменского не применять. Срочно выехали два делегата, уполномоченных съездом (подпись собрания)». Иркутский «Кредитсоюз», получив из Знаменки телеграмму от инструктора «Кредитсоюза», телеграфирует: «Жигалово, начальнику отряда Томских. Просим никаких репрессивных мер к арестованным кооператорам Дулову и Баеву не применять. Вопрос передан управляющему губернией (подпись)». Управляющий губернией тоже шлёт телеграмму начальнику особого отряда Томских: «Репрессивных мер Дулову и Баеву не применяйте. Передайте их распоряжение начальника районной милиции (подпись). Управл. губ. Яковлев». В конце февраля или начале марта меня и Баева освободили под надзор милиции. Остальные двое были освобождены ранее.

[В] 1919 г., в марте, после освобождения из тюрьмы, мне товарищи стали говорить, чтобы мне скрыться из Знаменки, ибо гроза висит над тобой более чем у других. А тем более, в то время проходила мобилизация в колчаковскую армию «цензовиков», которой и я подлежал. Мне была дана командировка в Иркутск по делам кредитного товарищества. Запасшись соответствующими документами, вплоть до подложного паспорта, я выехал из Знаменки <...>. Я не поехал Верхоленским трактом, так [как] Верхоленская уездная милиция знала о моей революционной работе, подготовке к свержению колчаковской власти. Я поехал через Берёзовый

хребет, по Шалашниковскому тракту, через Малышевку – Балаганск – Тыреть – Иркутск.

В Иркутске я выполнял разные поручения кредитного товарищества и общества потребления. Одновременно разузнавал о положении Советской власти в центре и о продвижении Красной Армии на Колчака. Прожив месяца полтора, я получил телеграмму от брата: «Выездом воздержись, когда будет возможно сообщим (Елиферий)». В начале июня я получаю телеграмму: «Выезжайте ждём докладом всё благополучно».

В 1919 г., 12–15 июня я вернулся в Знаменку. На заседании правления сделал доклад о проделанной работе и приступил к работе. Через десять дней после приезда из Иркутска я был арестован начальником верхоленской уездной милиции офицером Горшковым (эсер) и управляющим уездом Виноградовым (эсер). Одновременно с моим арестом был арестован и крестьянин Ефимов В. Ф. Из Знаменки увезли в Жигалово, из Жигалово отправили нас под строгим конвоем в верхоленскую тюрьму.

В Верхоленске нас допросили. Мне предъявили обвинение как большевику, агитирующему за свержение колчаковской власти и как председателю Ревтрибунала, присудившему к уничтожению шайку белобандитских разбойников, терроризировавших население района. Это происходило в то время, когда колчаковские опричники устанавливали свою власть, а мы держали временно власть на местах, такое право было дано Советской властью и у нас в Сибири. В конце августа по ходатайству знаменского сельского собрания нас освободили из тюрьмы на поруки крестьян. Находился под судом и на поруках до свержения колчаковской власти. Будучи старым подпольным политическим работником в Читинской военной организации партии эсеров-максималистов в группе террористов, закалённый в террористической активной работе, я решил действовать по свержению колчаковской власти энергичнее. Получил сведения, что где-то по Илимму организовался партизанский отряд под командой тов. Зверева. Одновременно получил сведения, что в низовьях р. Ангары Балаганского уезда, в лесу появился отряд Каландаришвили, что на Урале, на Советском фронте наша Красная Армия партизан одержала большую победу над колчаковской армией. Я начал организовывать в де-

ревнях группы надёжных бывших солдат-фронтовиков, тем более колчаковские опричники обозлили население.

Из Жигалово и Тутуры получил записки, спрашивают: «Что вы намерены предпринять по поводу слухов?» Я с тем же нарочным секретным отвечаю: «В ночь на 28.11.1919 г. мы выступаем, советуем, если есть ядро, то одновременно выступайте и вы. Нужно в первую очередь обезоружить милицию. Взять власть в свои руки и сразу объявить набор добровольцев-партизан. А далее будем видеть, что нужно делать».

В ночь на 28.11.1919 г. неожиданно появился отряд Каландаришвили и наше «восстание» было произведено с его помощью. К утру был организован военно-революционный полевой штаб партизанских отрядов, записалось много добровольцев. Вся полнота власти в районе Илгинской волости Верхоленского уезда перешла военно-революционному штабу. Начальником военно-революционного штаба был избран я (Дулов). Фактически, вся власть была передана мне. Набор добровольцев оказался недостаточным, пришлось объявить мобилизацию молодых годов солдат-фронтовиков. У некоторых оказались и винтовки с патронами, привезённые с Германского фронта. Остальное вооружение собирал от населения. Ружья центрального боя, винтовки шомпольные. Срочно организовал ружейную мастерскую, в которой изготавливались заряды для винтовок и централок. Мастерами этого «производства» были тт. Громов и Морозов. Население шло навстречу революции, всякие обращения к нам выполнялись быстро и аккуратно. Недостатка в продуктах не было. Когда мы укрепились в своём районе и зная, что в Балаганском районе восстаний ещё нет, мы отправились туда. Перебирались через Берёзовый хребет 65 вёрст лесом. Мы своим появлением к сведениям в первой деревне Чичковой подняли и у них «восстание». Так, деревня за деревней, поднимался трудящийся народ. Свергали колчаковскую власть и устанавливали временно «власть на местах». Организовались и в Балаганском уезде партизанские отряды. Зная, что мы двинули революционное движение в Балаганском уезде, и они двигаются на Иркутск. Я со своими отрядами вернулся на Лену. Из Усть-Кута от тов. Зверева я получил телеграмму, что через Ангару прошли колчаковские остатки, бежавшие от преследования нашей доблестной Красной Армии, и держат направление на реку Лену по Илимскому тракту на Усть-Кут.

В конце января 1920 г. в верховьях реки Илги появились и были замечены разведчики колчаковской отступающей армии (генерала Каппеля). Я с отрядом партизан кавалерии бросился в трупобой Берёзового хребта для розыска разведки и отступающего какого-нибудь колчаковского отряда. В самой вершине реки Илги мы взяли в плен команду разведчиков с оружием и одним пулемётом. Из допросов разведчиков, взятых в плен, я выявил, что армия Колчака советской Красной Армией разбита и остатки её частью идут по линии железной дороги, частью по Ангаре в Бурятию на Байкал, и частью ушли на реку Лену, а по её хребтам и длинной малонаселённой реке Лене – за Байкал. Разведчики также объяснили и утверждали, что они были посланы каппелевским командованием в разведку как знающие переход через Берёзовый хребет в Бурятию, а затем через Бурятию, Верхоленский и Иркутский уезды, в верховья реки Илги и Лены за Байкал. Они от своей колчаковской армии сбежали и в лесу не стреляли в нас лишь только потому, что они не хотели дальше идти с каппелевцами за Байкал. Один из них оказался крестьянин с. Орлинги и второй крестьянин Верхоленского уезда. Остальных не помню, откуда они. Отобрав оружие и пулемёт с патронами, я отправил пленных в гор. Верхоленск. Убедившись, что отряды каппелевцев не пошли через верховья реки Илги, я с отрядом вернулся в Знаменку.

С тов. Зверевым, начальником партизанских отрядов Усть-Кутского района, я имел тесную связь телеграфно. Из его сообщений из Усть-Кута Киренского уезда я узнал, что в Киренском уезде колчаковская власть свергнута. В одной из телеграмм тов. Зверев сообщает, что отряды белогвардейцев под командой генерала Сукина подходят к Усть-Куту. «Готовьтесь встретить где-либо в пути [вблизи] Лены». В Усть-Куте тов. Зверев дал бой. Сукинцы понесли большие потери, но зверевский фронт прорвали и пошли вверх по Лене. В это время в экстренном порядке в селе Жигалово Верх. у. было собрано районное военно-революционное совещание представителей партизанских отрядов и волревкомов Илгинской, Тутурской и Конощановской волостей. От Илгинского района присутствовали: Дулов И. А. (я), Ефимов В. Ф и др. (не помню) 5 чел., от Тутурской вол. Завадский, Алехин, Колчанов Ф. Ф., Ефимов М. М., Пономарёв И. Ф. и др., от Конощановской вол. Грузных и др. Собрание единогласно решило: защищаться и

уничтожать всякими партизанскими приёмами проходящих белогвардейцев. Белогвардейцев двигалось по Лене более 2500 чел., главным образом, состоящих из офицеров, оренбургских казаков и одной роты «ижевских добровольцев» под командой генерала Сукина. Хорошо вооружённые, дисциплинированные. Пехотный Барнаульский полк, действовавший, как и казаки, на лошадях.

По постановлению районного военно-революционного совещания с партизанскими отрядами я был назначен командующим сводными добровольческими отрядами, начальником военно-революционного полевого штаба – Ефимов М. М., адъютантом – Колчанов Ф. Ф. [В] Илгинском добровольческом отряде было 82 чел., Тутурском – 155 чел., Коношевском – 47 чел. и рота красноармейцев – 93 чел. Всего – 374 чел. Таким образом, враг превышал нас численностью чуть не в семь раз. Сведения о вооружении и количестве сукинцев я добыл от 2 разведчиков-белогвардейцев, взятых в плен разведкой под командой тов. Неугодникова. Третий разведчик стал удирать обратно к белобандитам, но его пришлось пристрелить. [На] составленное мною с участием начштаба Ефимова М. М. и адъютанта Колчанова Ф. Ф. к сукинскому командованию и солдатам «воззвание» – сдать с гарантией, что ни одного не расстреляем, ответили: «Вы, крестьяне и рабочие, соблазнённые «смутьянами» и вооружённые «пищалками», клюками и ухватами, уйдите с нашего пути. Мы хорошо знаем, чем вы вооружены, а потому уйдите с дороги и не теряйте «крови», для прохода нам за Байкал. Мы вооружены сталью и железом с ног до головы, не нам нужно сдаваться – Вам».

С таким вооружением, какое было у наших партизан, несмотря на энтузиазм и отчаянную смелость партизан и красноармейцев, нельзя было что-либо предпринимать. Но наши партизаны [были] воодушевлены обещанием знакомых всей Лене тов. Бурлова и Мишарина прислать немедленно имеющееся у них в запасе оружие, гранаты и проч., а также обещанием срочно прибыть и самим с отрядами. У Бурлова их было в то время около 1500 чел. и у Мишарина – более 400 чел. Предполагали по прибытии их установить один с нами фронт.

По прямому проводу из Усть-Илги нам было предложено (в виде приказа): «Не отступать от села Грузновки (25 верст от с. Усть-Илги), защищаться и ждать их, бурловцев и мишаринцев». Но, увы, тов. бурловцы мылись в банях села Усть-Илги, играли на гармониках, а Мишарин прособирался. Оружия и патронов не прислали и

сами проспали. Нас в это время с «пищалками» если не уничтожили всех, то досталось тяжело. Посланная тов. Груздевым из Усть-Илги рота красноармейцев в 93 чел. под командованием тов. Харитоновой с двумя пулемётами, своим анархическим выступлением, без согласия моего и штаба только больше испортила дело. Ввиду недисциплинированности красноармейцев в бою, пулемётом «Максим» управлял адъютант Ф. Ф. Колчанов. Знаменский кавалерийский отряд под командой Ефимова В. Ф. постыдным образом бежал со всем своим отрядом с фронта при начале боя. Бой в селе Грузновском продолжался около двух часов. Я видел, что далее держаться на своих позициях и ждать помощь бурловских и мишаринских отрядов нельзя. Я отдал приказ всем отрядам отступить с позиции в лес, в горы. Не отступив, мы были [бы] разбиты и уничтожены все. Наши потери в Грузновском бою: убиты адъютант тов. Колчанов Ф. Ф. у пулемёта во время действия, командир Тутурского отряда Пономарёв П. Ф., начальник разведки тов. Неугодников, 1 возчик и 3 красноармейца. Со стороны сукинцев – 25 чел. Сукинцы, хотя и вооружённые «сталью и железом», в Ледовом походе не прошли Лены до Байкала все целиком. Начиная от Усть-Кута и Грузновского боя, партизаны всевозможными приёмами уничтожили почти всю отъявленную рать врагов-головорезов.

Бывший начальник военно-революционного полевого штаба красных партизанских отрядов и командующий фронтом в Грузновском бою

Иван Дулов. Гор. Киренск, Сибкрая,
Технический участок.

14.09.1929 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 789. Л. 1–4. Машинопись.

Воспоминания А. А. Аксаментова о партизанском движении в Жигаловском уезде в 1919 году

Я решаюсь написать о том, что у меня запечатлелось от времени 1920 годов. Я жалею, что не умею грамотно писать. Мне уже 61 год от роду. В то время, когда мне нужно было учиться, у нас школ не было, а учился я у пастуха, пастух был из ссыльных, грамота

его была хуже моей, как я сейчас знаю, а поэтому прошу исправить моё куцее письмо.

Биографию свою описывать не буду, а только скажу пару слов.

При царизме я служил на флоте 7 лет, и сразу же был мобилизован в Русско-японскую войну и ещё прослужил 2 с лишком года, уволился со службы в 1906 г. и до 1915 г. был пролетарием. В 1919 г. я записался в ком. ячейку и завербовал себе товарищей 12 человек, тогда мы стали приобретать себе оружие, конечно, у некоторых было привезено с фронта. Знаменатель наш был Жигалово, где были ссыльно-политические, а также и отважные рабочие. В 1919 г. начались набег банд, на которые нам часто приходилось выезжать по ликвидации таковых, а в 1920 г. были уже последки таких банд.

В октябре месяце, не припомню которого числа, выехала банда в дер. Заплескину, которая зверски расправлялась с большевиками.

Эта банда направлялась на Жигалово, но их спёрло, узнав о количестве партизан в Жигалово, изменила своё направление, поехала эта банда через хребет по сеновозной дороге в дер. Келора. Перед этим недели за 2 из нашей ячейки был послан тов. Аксаментов Иосиф Иванович учителем в Келорскую школу. При въезде банды в деревню Аксаментов был как раз на улице и горячо приветствовал: «Здравствуйте, товарищи!» Конечно, у него не было сомнения в том, что туда, в глухую деревушку, может явиться банда белых. Школа была с того конца деревни, с которого въезжала банда. Когда узнал, что это [за] «товарищи», бросился бежать с целью спрятаться, но следы по снегу его выдали. Был схвачен бандитами и скручены ему были руки и приведен в их штаб. Банды этой командир был Черепанов вместе со своей женой. Когда привели его в штаб, там раздели, оставили в одной рубашке и подштанниках. Этот штаб был у крестьянина в дому, дом был на две половины. Слышали, как били его нагайками и допрашивали, чтобы он сказал, кто тут есть большевики. Когда Аксаментов потерял сознание, то его затолкали ногами под кровать с затынутыми руками до омертвения, всю ночь умолял развязать ему руки, но мольба его была напрасна. Наутро вновь его били нагайками, а остальная банда делала своё дело: кто резал корову у крестьянина, кто собирал по домам печёный хлеб. Когда всё было

готово, банда тронулась по р. Келора, захватив с собой пленника. Повели его, раздетого и разутого, мороз был градусов 20, отвели его от деревни на расстояние километра и там с ним зверски покончили: изрубили ему шашками обе руки, отрубили детородный член, а на лице ему был сделан крест шашкой, т. е. перекрестили лицо.

За этой бандой преследовал отряд красногвардейцев под командой бывшего офицера Хохлова. Мы выехали из Жигалово в с. Чикан, где слились в одну команду под командой тов. Орлова Николая Алексеевича направилась в д. Келору, но банды мы там уже не захватили. Тов. Орлов сделал распоряжение, чтобы напекли хлеба, получили овса для лошадей и назавтра рано утром тронулись за бандой.

Банда впереди нас шла на 1 сутки, путь наш был медленный, т. к. нам пришлось ехать охотничьей тропой, нам рвало сучьями одежду и лицо, направление наше было на Ковылей, на пастбище тунгусов. Расстояние от д. Келора до Ковылея 50 тунгусских вёрст, до них мы ехали 1,5 суток. На Ковылее мы выкормили лошадей, взяли проводника тунгуса, утром чуть свет тронулись в путь той же тайгой, через хребты ехали день и ночь, лишь один раз останавливаясь покормить лошадей овсом. Приехали на Шивикан, деревня на зимнем Киренском тракте, приехали, уже было темно, спрашиваем крестьян, когда уехал отряд и сами себя выдаём за белых, но только нас нельзя было признать за белых, говорят: «Вы, однако, не белые, не забираете у нас дохи, не бьёте коров и т. д. Тот отряд, который уехал вчера, убили корову и забрали 3 дохи». Ночевали мы и опять чуть свет тронулись в путь, приехали на тунгусье пастбище Тырка, там большое озеро, название его Тырка, в нём изобилие рыбы, сорожняк, только мелкая рыба, тунгусы накормили нас, можно сказать, до отвала, до отказа, мне помнится, что ещё и на дорогу дали. Из Тырки мы выехали на Киренгу в д. Чанонга, тут переночевали, выезд был обычный, оттуда 30 верст Чинанга, посёлок тунгусов, ночевали и тут, как и в д. Ханда.

В Ханде мы узнали официально, в каком расстоянии мы находимся от банды. На Хонде нам сказали, что банда сегодня должна днествовать в с. Караме, проводник нам попал преданный революции, фамилию я уже не упомяну. Не доехав до деревни километров 5, мы разбиваемся на два отряда для того, чтобы один отряд обошёл

деревню и засел в ловком месте. Этот отряд пошёл из красногвардейцев, у отряда красногвардейцев была соша «автомат». Когда отряд наш ушёл, прошло порядочно время, тогда мы посылаем разведку с тем, чтобы узнать коротко. Вернулась разведка, сообщает, что ушли белые рано утром, тогда мы выехали в деревню.

В деревне мы встретили печальную картину. Нам сообщили, что у нас белые убили 12 человек и убили всех обухом. Эта банда шла вниз по Киренге до Шивикана, это речка, выпавшая от Байкальских хребтов. Вот по этой речке банда и держала свой курс с целью пробиться к Байкалу, а затем и за Байкал. Следующая деревня вниз от Карамы Тукалонь, в ней живут тунгусы и часть русских. Въехали мы в Карам, время было часов 8, расстановились по квартирам покормить лошадей, а потом распознать о случившемся. Когда пришли в сельскую, там нам объясняют: когда приехала банда, от предателей узнали, что в Караме имеется ком. ячейка, ком. ячейка состояла из 10 товарищей, призвали одного, приказали ему оповестить своих товарищей, предупредив его, что будем проводить с ними собрание, бандиты выдают себя за красных, собраться приказали в сельскую. Коммунисты, ничуть не подозревая, что эти люди не наши, да и догадываться было очень трудно, зная о том, что к ним в стороне и в глушь никто, кроме коммунистов не приедет. Сельская была в крестьянской избе, называется связь [в] две избы, а между ими холодные сени и в конце сеней был отгорожен чулан. Коммунисты начали по одному собираться, их начали сажать вот в этот чулан, когда собрались все, их начали выводить по одному на допросы, бить нагайками. Когда всех избили до бессознания и заперли в чулан, за них вступилась женщина и, должно быть, оскорбила до мозга костей их главу. Схватили эту женщину, избили нагайками и посадили тоже в чулан. И ещё был один большевик, но не записавшийся в ячейку, он жил не в деревне, а на другой стороне Киренги, расстояние на километр. Он тоже, конечно, был выдан предательски, съездили за ним два бандита и привели его на допрос, также был бит нагайками и толкнут в этот чулан. А чулан был в квадрате 1 сажень, и так их оставили на ночь в холодном чулане, а мороз от 20–25 градусов. Коммунистам пришлось в ужасе переносить от боли и холода последние часы своей жизни, поставлен был караул из крестьян и дежурного бандита.

Рано утром банда вся собралась к сельской, командир приказал выводить заключенных пленников по одному, связывая каждому руки назад. Из банды был выделен палач с топором. Тут же, вблизи, на берегу была баня, проводили к бане и палач бил обухом в затылок всех 12 человек. Пришли мы на это ужасное зрелище, то невольно из нас каждого вздрагивало тело, и волосы становилось дыбом. Когда увидели ужасное зрелище, мы ещё больше закалились в революционном движении, дали твёрдое слово выкорчевать всё нам враждебное.

Ночью тронулись в путь на Тукалонь. Чуть только начало отсвечивать, мы подъезжали к Тукалони. Не доехав километра три, оставили лошадей, уверенные, что банда находится тут. Послали нашу разведку. С одной стороны этой деревни чистого места приблизительно гектар 15. Разведку мы встретили, разведчики сообщают, что банда тут. Не дошли мы с полкилометра, рассыпались в цепь, в связи с местностью цепь наша была прямой линией. Вышли мы на опушку леса, нам видно у банды лошади засёдланные. Расстояние от опушки леса приблизительно, как мне помнится, 150–200 метров. По ту сторону деревни лужайка, а поперёк нашего пути ... стоит гора, возле которой выпадает р. Тукалонь. Часть малая лошадей банды была по эту сторону – лошадей 5–6, а остальные лошади за домами, которых нам не представлялось никакой возможности видеть. Бандиты в это время занимались завтраком.

Командир наш т. Орлов приказал открыть огонь редкий, дабы встревожить бандитов. Да, я забыл сказать, что у нас в отряде, не доходя 2 километра, у одного товарища был сделан ошибочный выстрел, что, должн быть, бандитов предупредило, нам тамошние жители говорили, что они выстрел слышали, но большого значения ему не придавали, ссылаясь на охотников. Когда был открыт огонь, деревня бандитам служила прикрытием для отступления, лошади, которые были по эту сторону построек, то к ним никто не рискнул выбежать. А конь один из этих был как раз командира банды. Когда банда рассеялась в поперёк лежащей горы, то нам было видно, что банда находится в беспорядке, мелькают в лесу то тут, то там человека 2–3. Зашли мы в деревню, наши командиры сделали большую оплошку, не приступили к обыску и

расположились завтракать готовым завтраком, пробыв в домах полчаса времени.

На нас бандиты сделали контратаку, но, судя по выстрелам, в атаке участвовало не более человек 10–15. Нам пришлось отступить под яр берега. Когда мы отступили, бандиты тем временем выручили своего командира, который тут был, где-то спрятавшись. После чего мы сделали вновь атаку и взяли уже неполную трофею, которая была забрана бандой в с. Караме – там они обобрали кооперацию, т. е. общественную лавку, была большая часть мануфактуры, были и другие предметы, которых я теперь уже и не припомню. Теперь с горы нас начали обстреливать одиночными выстрелами, ранили одного красногвардейца свинцовой пулей, рана была тяжёлая и раненый на обратном пути у нас умер. Дело шло к вечеру. Мы ходили на дворе, возле меня был товарищ из партизан Третьяков. Бандиты всё постреливали. Я стоял недалеко от столба. Пуля попала в столб и угадила в щель, когда вылетела из столба, на мне был патронташ поясом, пуля угадала в самую обойму и измяла у меня 5 патрон.

Все подробности описать мне не придётся, первое – не имею бумаги, а второе – времени. Как мы ехали обратно, как хоронили в Караме 12 человек и т. д.

Теперь коротенько напишу о себе. В ком. ячейке я с товарищами состоял около двух годов, партизанского билета не имею, а также товарищи мои нашей ячейки не имеют. Сразу после ликвидации банд, билетов мы почему-то не получили, а после того я был [у] военкома, мне сказали, что напиши заявление и пусть подпишутся, кто имеет книжку, которые с тобой партизанили, но дело вышло иначе – кто со мной партизанил, были из ссыльно-политических и поразъехали на родину, командир умер, а мне желательно было получить партизанский билет. Вот все мои впечатления в отрядах.

Адрес мой: дер. Якимовка Тутурского с/совета
Жигаловского района
09.12.1934 г.

Аксаментов Александр Арефьевич
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 608. Л. 1–12. Рукпись.

УСТЬ-КУТСКИЙ РАЙОН

Воспоминания Н. В. Дворянова о борьбе партизан против белогвардейцев под командованием Зверева в 1918–1919 гг.

Простояли неделю в Никольско-Уссурийске, весь эшелон опять отправили обратно в Иркутск. Из Иркутска направили на ст. Тельма, и вот со ст. Тельмы 18 декабря 1918 г. на подводах отправили в Александровскую тюрьму. Был ясный, морозный день. Одежда на всех плохая, даже некоторые были разуты, раздеты, поморозились, приехали в Александровск – был плач и стоны обмороженных, посадили всех в бараки, бараки были холодные, свирепствовала сильная эпидемия тифа, трупы умерших выносили каждое утро, а о питании и говорить нечего, питание было как не надо хуже. На это тюремной администрации указывалось, но с её стороны нам внимания не обращалось. Наступает 10 мая 1919 г. Из Иркутска приезжает следственная комиссия разбирать наши дела. По указаниям управляющего Иркутской губернией Яковлева комиссией было предложено о добровольном поступлении в белую армию. В бараке № 4, в котором сидел я, этот вопрос поставлен на обсуждение, большая половина пришла к такому заключению, что пойти в армию – единственный выход, прежде всего, мы подкрепим свои силы, нас вооружат, в случае отправки на фронт, там уже можно сделать всё что угодно. Так и было сделано.

Зачислили нас в отряд особого назначения при управляющем Иркутской губернией. Весь отряд состоял из красноармейцев. В Иркутске пробыли 3 мес. и 4 июня вторую роту, в которой был я, направляют вниз по Ангаре на границу Иркутской губернии на усмирение большевиков. Начальником отряда был назначен поручик Мамаев. Прибыли на место назначения, расположились

в деревне Поновой Кежемской волости Енисейской губернии, прожили месяца два, была полнейшая тишина, затем стали доходить сведения от населения, что внизу Ангары появился красный отряд партизан. Преследуя цель присоединения при малейшем удобном случае, в один прекрасный вечер организуем расстрел своего офицерства и вырабатываем план действия на белых. Одновременно с этим направили своих представителей вниз по Ангаре с целью соединиться с отрядом, который есть внизу Ангары.

Отряд был под командованием тов. Бурлова. Соединившись с ними, было сделано слияние отрядов и были произведены выборы начальника. Тов. Бурлов был избран начальником отряда, а тов. Зверев – его заместителем. После чего с одной половиной отряда тов. Зверев пошёл вверх по Илимскому против Колчака (я был у тов. Зверева комвзвода первого), а тов. Бурлов с другой – вверх по Ангаре на Братск. Отряд Зверева продвигался вперёд с большим успехом. В г. Илимске Киренского уезда стоял в 60 человек отряд белых под командой прапорщика Иванова-Сухарева, с ним был принят бой, победа осталась на нашей стороне. Белые из г. Илимска бежали панически, был взят у них пулемёт (Кольт), несколько винтовок, патроны и обоз.

По Илимскому тракту из Большой Мамыри в количестве 300 человек шёл отряд белых под командой капитана Белоголового, с которым пришлось вступить в бой в Касьянке по Илимскому тракту. Здесь победа была тоже на нашей стороне, взяли у белых один пулемёт, 15 японских винтовок с патронами и человек 12 пленных. Таким образом, белые панически бежали до Верхней Мамыри 80 верст. На занимаемой нами территории население Илимского края относилось сочувственно к нашему отряду, и к нам в отряд стали прибывать добровольцы, и так отряд стал увеличиваться. И в д. Суворки Илимской волости разделили отряд на три роты, назначение начальников было по выборам. Меня избирают командиром первой роты. Тов. Зверев утверждает.

Затем занимаем село Большая Мамырь Тулунского уезда, белые садятся на пароход и удирают вверх на Иркутск. В это время неблагоприятно обстояло дело в Усть-Куте, на Лене. С. Усть-Кут было занято белыми и белые намеревались обойти нам в тыл. Тов. Зверев взял половину отряда и направился на Усть-Кут, оставил меня на Ангаре с половиной отряда и назначил командующим Ангарским

фронтом. После занятия тов. Зверевым Усть-Кута, в это время тов. Бурлов занял село Братск и мы открыли действия по трём направлениям. Тов. Зверев вниз и вверх по Лене, я по Ангаре вверх, а тов. Бурлов – по Братскому тракту на Тулун. Здесь уже образовался фронт с наименованием последнего Северо-Западным. В тылу был организован гражданский орган «Красный Совет», который назначил тов. Зверева главнокомандующим Северо-Западным фронтом, а в тылу организовались под руководством Крайсовета волостные и сельские Советы. Во время продвижения вверх по Ангаре в Илимском полку, который был подчинён мне, под с. Усть-Уда Балаганского уезда пришлось принять бой с частями особого назначения и казаками. Белые узнали, что снизу Ангары движется отряд, с которым шёл я, стали отступать. Количество отряда было человек около 700. Занимали отрядом гарнизон Усть-Уду Балаганского уезда. Из Иркутской организации большевиков прибыли два представителя узнать, как у нас идут дела, как действует отряд. Познакомившись с положением отряда, один из них с моим представителем из отряда с нелегальными документами направились в Иркутск с докладом.

Находясь ещё в Усть-Уде, получаю от командира отряда Каландаришвили записку: «Я – Каландаришвили, продвигаю с отрядом через Ново-Уду на Лену». Я немедленно высылаю представителей для связи, но как нам было известно, дедушка Каландаришвили на одном месте никогда не стоял, а посему найти его было трудно. По Жигаловскому тракту на Ново-Уду шёл отряд под командованием тов. Мясникова. Тов. Мясников остановился с отрядом в Жигалово, сам приехал в Усть-Уду узнать, как обстоит дело у меня. Я созвал совещание командного состава для разрешения вопроса по поводу наступления на Балаганск. В Балаганске находилась часть отряда особого назначения и местная команда в 120 чел. На заседании решили: на Балаганск наступать в один день с двух сторон, на Малышевку – тов. Мясникову, а мне – на г. Балаганск. С этим решением двинулся вперёд.

Занимаю гарнизон Коновалово, высылаю разведку к Балаганску, которая доносит, что в Балаганске уже переворот, что части отряда особого назначения отступили в Иркутск, а местная команда в количестве 120 человек перешла на сторону Советской власти. При вступлении в г. Балаганск местная команда устроила торжественную встречу с красным знаменем. В Балаганске сгруппировались

мой отряд и отряд тов. Мясникова, в районе ст. Зима – 5-ый Зиминский кавалерийский отряд сформировался под командой тов. Новокшенова и в районе Бильчир-Бохан – 1-ый Марковский отряд. Все отряды имели между собой тесную связь. Здесь перед всеми командирами встал вопрос о необходимости единого руководства всеми отрядами, на этот счёт было созвано заседание всех командиров отряда, которое решило доложить о положении дела главнокомандующему тов. Звереву. Мною было изложено подробно, что было взято в г. Балаганске и как обстоит дело. В январе месяце 1920 года тов. Зверев прибыл со всем штабом в г. Балаганск, где убедился, что единое руководство для отряда неизбежно. Издаёт приказ по Северо-Восточному фронту о слиянии всех отрядов в одну дивизию, с наименованием «1-ая Балаганская советская добровольческая дивизия». Начальником дивизии приказом от 12 января за № 2 назначает меня. После принятия на себя командования дивизией, все отряды переименовываю в полки, хотя полки численностью и незначительные, но для большего страха белогвардейщины, это делать было необходимо. Полки были следующие: 1) 1-ый Ангарский пехотный полк, 2) 3-ий Илимский пехотный полк, 3) 1-ый Ангарский кавалерийский полк, 4) 3-й Илимский кавалерийский полк, 5) 5-ый Зиминский кавалерийский полк, 6) 2-ой Боярский пехотный полк, 7) 1-ый Марковский пехотный полк. В полках большею частью были крестьяне и рабочие, вооружение было наполовину дробовиками, запаса и продовольствия не было никакого, единственная была надежда это на население. Население жертвовало продукты возами и предоставляло Балаганску огромную поддержку в смысле питания...

Распоряжением тов. Зверева мною был занят гарнизон Зима, Балаганск, Каменка, Александровск, Хомутово, Урик и Черемхово. Сам тов. Зверев стал продвигаться на Иркутск. Выезжая по гарнизону, занятому вверенной мне дивизией, я заехал в Черемхово, как рабочий район, с которым связать связь считал необходимым. В то время там был организован революционный комитет рабочих, посредством которого была связь. Вся организация Черемхово отнеслась к прибытию партизанских полков с большим единодушием.

Любители в г. Черемхово стали для партизанских частей ставить бесплатно спектакли, рабочие заходили в казармы и вели беседу о положении дел в Советской республике. Так как партизаны

были взяты из тайги и сведений никаких не имели, такие сведения были для них интересны.

Посредством революционной власти г. Зимы и Нижнеудинска получаем сведения, что на Нижнеудинск надвигаются остатки колчаковских войск под командой генерала Каппеля. Такие же сведения передаю тов. Звереву и одновременно запрашиваю, как быть? Тов. Зверев отдаёт распоряжение занять всей дивизией г. Зиму и Балаганск до встречи Колчака, что и было сделано. Командующим Западным фронтом был назначен тов. Нестеров. В г. Зиме наши части благодаря жидопродавцам чехам потеряли крах и панически бежали на Балаганск.

Балаганск был укреплен заставами для встречи Каппеля, но части пошли мимо Балаганска, и выйдя на Ново-Серёдкино, пошли вверх по Ангаре. Получив задание тов. Бурлова, командующего западной группой, я со всеми частями отправился через Усть-Осу, Бильчир, Осу и Бохан ударить каппелевцам во фланг, но каппелевские части так быстро шли, что удалось перехватить только часть обоза с обмундированием и продовольствием. Таким образом, части Каппеля проходят Иркутск. Я получаю распоряжение от тов. Зверева занять гарнизон с. Александровское, из Александровска был вызван в Иркутск и получил распоряжение от тов. Зверева все части дивизии сдать в первый запасный Иркутский полк. В феврале 1919 г. фураж, продовольствие и части были сданы.

Н. Дворянов, февраль 1923 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 626. Л. 1–2. Машинопись.

**Заметки о партизанском движении 1918–1920 годов
красного партизана, бывшего члена военно-
революционного совета Северо-Восточного края Сибири
Макарова Фёдора Степановича**

Уже прошло 14 лет, как пролетариат Сибири и активная часть крестьянства с большими жертвами, но благодаря самоотверженности и особому героизму вышли победителями в неравной борьбе с чёрной реакцией – колчаковщиной. Вместо пепла сожжённых деревень построены могучие совхозы и колхозы – база социалистического хозяйства, и в прежних диких медвежьих уг-

лах (Ангара) начинают создаваться великие силовые установки. В этот период, когда по постановлению правительства и центральных организаций особые комиссии приступают к работам по составлению истории Гражданской войны, нельзя не вспомнить о славных днях героической партизанской борьбе на далёком севере, тем более, что он оторван от культурных центров, далеко от железной дороги, сообщение производится летом на лодках бурлацким способом, а зимой на лошадях, телеграфной связи почти нет, а почта работает с большими перебоями; весной, когда Ангара трогается, и осенью, когда она замерзает, всякое сообщение с краем прерывается месяца на два.

С июня месяца 1919 г. здесь начинается организованное партизанское движение (хотя отдельные партизанские группы были немного раньше), которое потом пошло быстро на увеличение, охватив волости, уезды и районы, и впоследствии целый край. И уже в январе месяце, после взятия города Иркутска, когда под давлением партизанских войск пала промежуточная прослойка буржуазной власти – коалиционное правительство – Политический Центр, и вместо него был создан Иркутский Ревком, к этому времени относятся настоящие заметки.

В июне месяце, в деревне Дворец Кежемской волости, на Ангаре появились три небольших партизанских отряда. Первый – под командой Яна Пепел, отряд которого был недисциплинирован и производил дезорганизацию, а сам Пепел потом позорно сбежал и в дальнейшем движении не участвовал. Второй отряд – под командой тов. Бурлова с Шиткинского фронта, и третий отряд – отряд баерцев, который вышел на Ангару после ликвидации Баерского фронта, что по линии железной дороги от города Нижнеудинска до станции Алзамай. Нельзя не отметить, что между этими отрядами имелись некоторые разногласия в части организационных форм и о дисциплине. С большими усилиями тов. Бурлову, Брум, Страус и политическим ссыльным тов. Рядковскому и Дятлову удалось объединить эти отряды. Был создан при отряде военно-революционный совет, а начальником отряда избран тов. Бурлов. Этот отряд пошёл вверх по Ангаре и повёл наступление на отряды белых под командой капитана Рубцова и Мамаева. Отряд Рубцова боя не принимал, а всё время отступал. Первую стычку партизанская разведка имела с отрядом Мамаева в с. Кежма, что

в 80 верстах выше Дворца, причём храбрый партизан Маринский был взят в плен, передан капитану Рубцову, который его расстрелял на одном из островов Ангары. Отряд Мамаева был разбросан по разным деревням. Главные силы находились в с. Пановом, что в 40 верстах от с. Кежмы, а заградительный отряд – в с. Кежма.

Отряд Мамаева назывался отрядом Особого назначения и исполнял чисто карательные функции. Сформирован он был в г. Иркутске из бывших пленных красноармейцев. В августе месяце в с. Пановском и Бадарма солдаты убивают начальника отряда Мамаева и ещё нескольких офицеров и посылают в партизанский отряд парламентёров с целью присоединения к партизанам, но предварительно был послан только один крестьянин с пакетом. Восстанием в отряде Мамаева руководили тов. Зверев и Широков. Конечно, партизаны к сообщению о перевороте относились весьма недоверчиво, да и понятно, ведь тов. Маринский, который попал им в плен, всё же был расстрелян. После долгого обсуждения полученного извещения о перевороте, военно-революционный совет отряда решает послать двух парламентёров. Общее собрание отряда одобряет решение военного совета и избирает двух представителей. Избранными оказались тов. Рядовский и Брум. Миссия, конечно, была тяжёлая, но ребята не подавали виду, даже шутили. Тов. Рядовский предложил тов. Брум оставить свои часы, а то всё равно убьют и часы пропадут зря, а то хоть ребята, которые останутся, будут знать время и вспоминать об отправленных товарищах в белогвардейский стан. И порывшись у себя в кармане, тов. Рядовский продолжал шутку: «О, ребята, у меня в кармане нет ни гроша и белым поживиться нечем будет».

Своё оружие посланные товарищи оставили в отряде, говоря, что оружие всё равно не поможет, если же это ловушка, то всё равно погибнешь, а то хоть оружие останется в отряде. Сели в лодку и направились во вражеский стан. Оказалось, что переворот действительно произошёл, и вскоре произошло объединение в с. Пановом обоих отрядов. Был избран военно-революционный совет из трёх лиц: председателем тов. Бурлов, он же начальник отряда, его помощником тов. Зверев и секретарём тов. Брум. Здесь же военным советом был выдвинут вопрос об организации органов власти – Советов, для какой цели был уполномочен тов. Рядовский, ему в помощь была дана тов. Страус, как обладающая

организационными способностями, и я (Макаров). В с. Кежмы мы организовали организационный отдел. Первой нашей задачей было организовать Сельревком и созвать первый волостной съезд в с. Кежмы. Съезд был созван в сентябре, на котором и избран Волревком. Такую же работу мы должны были провести и в других волостях: в Карабачанской, Больше-Мамырской, Илимской и Качинской.

В с. Пановом отряд разделился на две части. Одна часть под командой тов. Зверева должна была двинуться вверх по Ангаре, а потом на Илим. А вторая часть под командой тов. Бурлова – дальше по Ангаре. Оба отряда должны были потом встретиться в д. Большой Мамыр, на Ангаре. Вскоре тов. Бурлов берёт с. Братское (пристань на Ангаре), захватывает пленных, винтовки, снаряжение и пулемёт. Тов. Зверев в это же время на Илеме одерживает ряд побед, забирает пленных, винтовки и пулемёт. Партизанские отряды быстро увеличиваются за счёт добровольцев, движение расширяется всё больше и больше. Отряды двигаются по четырём направлениям: по Ангаре, Илим, на Большой Мамыр с Илимска через хребет трактом и на Усть-Кут, на Лену. В это время заканчивается организация власти на занятой территории Волрекомов, и в первых числах ноября в г. Илимске созывается первый краевой военно-революционный съезд, на котором участвовали представители от всех партизанских отрядов и представители от всех Волрекомов.

Съезд открыл член военно-революционного совета Братского фронта тов. Брум. На съезде была определена структура власти и основные принципиальные положения. Организованы отделы военный и гражданский с подотделами. В этом отношении оказал большую помощь инструктор Енсоюза тов. Чернявский, который примкнул к нашим партизанским отрядам в с. Кежмы, и тов. Протасов-Жизнев, который перебежал к нам из Александровской каторжной тюрьмы г. Иркутска. Ввиду того, что партизанское движение всё продолжало быстро расти, естественно, что явилась необходимость создать центральный орган военно-революционной власти для твёрдого руководства общим революционным движением согласно требований отрядов. Поэтому на краевом съезде был выбран военно-революционный совет, который назывался военно-революционным советом Северо-Восточного фронта.

Председателем военно-революционного совета был избран один из самых старших партизан, участник многих боёв, тов. Брум.

Военным отделом Центросовета главнокомандующий фронтом был назначен и Центросоветом утверждён, как более знакомый с военным делом, тов. Зверев, его заместителем тов. Бурлов. Я на съезде был избран членом совета и назначен председателем приёмочной комиссии. Тов. Страус и Рядовский, о которых говорилось выше, были также избраны членами совета, причём тов. Страус председателем агитационно-пропагандистского отдела партотдела. Гражданским отделом особое внимание было обращено на организацию всех сторон жизни и особое внимание было обращено на военное снабжение фронта. С этой целью краевой совет после съезда переехал в Нижнеилимск, т. к. здесь находились кожевенный и лосиновый заводы, которые имели большое значение для снабжения. В г. Илимске, где состоялся съезд, военным отделом были срочно организованы новые и расширены старые мастерские по ремонту оружия и заготовке патронов. Так как патронов для винтовок не хватало, то пришлось лить медные, калибровать их и заряжать старые гильзы. Заведующим был назначен бывший политический ссыльный т. Киселёв. В указанных мастерских изготовлялись снаряды из старых железных труб для нашей партизанской пушки, которая была построена из чугунного ствола, взятого в одной из церквей.

Пушка эта сыграла большую роль. Так, при взятии с. Усть-Кут она навела панику на белых, когда из неё было сделано несколько выстрелов. Хотя наши снаряды в большинстве и не рвались, но шума было много, т. к. по стволу не имелось калибровки, и во время полёта он вертелся как ветряная мельница. Во время боя с нашей стороны в разных местах, помимо действительных пулемётов, были расставлены трещотки, что создало у противника впечатление, что у нас много пулемётов и хорошее вооружение, что подтвердили потом пленные. Вот ещё один эпизод с нашей пушкой. Она была переброшена на Ангарский фронт. Имелись сведения, что на с. Братское, [где] находились наши отряды, наступают белые на пароходе с баржей из Иркутска под командой офицера Белоголового. Наши партизанские части через Больше-Мамырский тракт вышли на Ангару, поставили пушку на высокие колёса, и на виду у противника, стали заходить ему в тыл. Увидев это,

белые делают несколько выстрелов из своей трёхдюймовой пушки, но всё же у них получается замешательство, они сразу делают крутой поворот и направляются обратно в Иркутск.

В ноябре месяце в бою был взят Большой Мамырск и захвачены пленные. Вскоре партизанским отрядом Братского фронта был взят Новониколаевский чугунолитейный завод, и меня краевой военно-революционный совет, как председателя приёмочной комиссии, срочно командировал туда для приёма всех ценностей и организации революционной власти на месте, как хотя и небольшом, но рабочем центре. Организовав на заводе Совет рабочих депутатов и выделив из них одного для связи постоянной работы, я с описями всех принятых ценностей отправил его в краевой совет, а сам проводил на месте ряд организационных работ и произвёл фактическую передачу всех ценностей избранному рабочему совету завода, после чего по прямому проводу я был вызван краевым советом в с. Усть-Кут. После занятия с. Усть-Кут на реке Лене одна часть белых отступила вниз по Лене под командой Рубцова и Лаврова. В это время, видя отрезанность от Иркутска, остальные части белых, находящиеся в г. Киренске, сообщают по телеграфу, что они присоединяются к нам и ждут наших распоряжений. Краевой военно-революционный совет командует меня в г. Киренск, сообщает для организации военно-революционного совета.

Здесь оказалось для нас больше работы, т. к. это был уже уездный город, где имелось казначейство и другие учреждения. Ещё до нашего приезда здесь уже подобралась подходящая руководящая группа под руководством тов. Никольского, возражать против которого я ничего не имел. А тов. Никольский мною был отправлен в Центросовет, который уже подготавливался ко второму общереволюционному съезду в крае (первый съезд был в Илимске). Перед вторым съездом имелось ввиду организовать районные советы – один на Ангаре, один на Илеме и один на Лене. Но события чрезвычайно быстро стали разворачиваться так, что вопрос о созыве второго съезда пришлось оставить. В Киренске мы пробыли семь дней. За это время Центросовет получил ряд телеграмм и имел переговоры по прямому проводу с г. Витимом и Бодайбо и др. Вновь присоединяющиеся районы просили указаний и о высылке представителя. Я получил телеграмму от Центросовета

выехать по окончании работ в г. Киренск, Бодайбо (приисковый район). Но ввиду изменившихся обстоятельств я из Киренска выехал обратно в Усть-Кут. В это время получается сообщение о возможности переворота в г. Иркутске, что вскоре и исполнилось. Вообще, после взятия с. Усть-Кут, этого стратегического пункта и узла телеграфных связей, наше влияние распространилось далеко на север и восток, через радио-Охотск нам посылались радиотелеграммы, сводки и информация в иностранные государства. И краевой военно-революционный совет по политическим соображениям был переименован во временный военно-революционный совет Восточного края Сибири.

По директивам Центросовета в гг. Киренске, Верхоленске, Якутске, Бодайбо и далее на восток Сахалин, Камчатка, были организованы Ревкомы, создавались революционные отряды и боевые дружины. После переворота в г. Иркутске сразу там была образована коалиционная власть в лице Политического Центра, в состав которого преимущественно вошли бывшие земцы и меньшевики. Против такого состава революционной власти Центросовет возражал и потребовал организации ревкома. Наши партизанские части стали быстрым темпом продвигаться к г. Иркутску по Ангаре, Лене, по Тулунскому тракту на ст. Зима и др. направлениям. В районе г. Верхоленска наши передовые части встретились с отрядом т. Каландаришвили, который почему-то предложил нашим отрядам встать под его командование. По этому вопросу т. Зверевым был запрошен Центросовет, который со своей стороны согласия на это не дал, т. к. в этом никакой надобности не видел. И небольшой отряд т. Каландаришвили в дальнейшем работал самостоятельно.

После переворота в г. Иркутске Центросовет меня срочно командировал в г. Иркутск для информации Ревкома и подыскания помещения. Ревкомом для Центросовета была предоставлена гостиница «Парижские номера», где и производился самороспуск Центросовета и передача власти в освобождённом крае Иркутскому Ревкому по акту от 26 января 1920 г. (на ликвидацию дел Центросовета Иркутским Ревкомом было отпущено 1 000 000 рублей, о чём было объявлено в «Известиях Ревкома»). Тов. Зверев был назначен главнокомандующим войсками, тов. Брум участвовал на заседаниях Ревкома как представитель, а после, при обо-

роне г. Иркутска от наступления войск белых, генерала Каппеля, Волкова и др., был военным комиссаром Иркутской дивизии. На втором съезде в г. Иркутске тов. Брум выступил с приветственным словом от имени Временного центрального военно-революционного совета Северо-Восточного края Сибири. Тов. Каландаришвили выступил от имени своего отряда. В феврале месяце 1920 года, после прихода Красной Армии часть партизан вошла в состав её, а одна партизанская дивизия под командой тов. Бурлова продолжала боевые операции против атамана Семёнова и участвовала в боях под г. Читой.

Таким порядком в основном проходило партизанское движение Северо-Восточного края, начавшееся с низовьев Ангары (д. Дворец), перебросившееся на р. Илим, Лену и далее на север, по Тулунскому тракту к ст. Зима и до самого г. Иркутска. В каждом селе был организован Ревком, в волостях Волревкомы, в уездных городах и на Николаевском заводе были организованы Советы рабочих депутатов. Кроме того, на более ответственных местах были созданы комендантства, например: с. Дворец, Кежда, Нижнеилимск, Илимск, Усть-Кут, Большой Мамырск, Братск и т. д. Комендантства работали по особым инструкциям Центросовета. Они занимались вербовкой добровольцев, организацией боевых дружин и т. д. Можно сказать, что Центросовет, опирающийся и поддерживаемый партизанскими отрядами и активными революционными массами, как ими же избранный, со своими задачами справился. Ещё далеко до падения г. Иркутска, охваченный революционным движением край, имел твёрдое руководство, как указано выше, почему не страшны были отступающие армии белых, т. к. они везде встретили достойный организованный отпор.

Бывший красный партизан и политкаторжанин

10.06.1933 г.

г. Красноярск

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 653. Л. 1–12. Машинопись.

Выдержки из рукописи Василия Ивановича Перфильева «Илимские партизаны» за 1917–1919 год

Первый бой в Усть-Куте

В период боевых действий партизанского отряда Зверева в местности Касьяновка, Суворовка и Мамырь, отряд рабочих соль-завода, находившийся в деревне Пановой Усть-Кутской волости в количестве 80 человек, вооружившись дробовиками, при помощи местных крестьян под командованием рабочего Монголова повел наступление на Усть-Кут. В Усть-Куте находились белые части – местная киренская команда в количестве 150 человек под командой штабс-капитана Бодо. Команда Бодо была вооружена винтовками, ручными пулеметами и достаточным количеством ручных гранат.

Чуть занялась утренняя зоря, проснулись и запели петухи. Поплескивала река Лена, блистая отражениями утренней зари. Молчал лес, как громадный великан, обнявший окрестность Усть-Кута. Спокойно спал лагерь белых. Как огромный лебедь, притаился белый теплоход у пристани, держась на спущенном якорю. Тихо продвигались в лесу партизаны под командой Монголова. Вот уже близко, четко слышится песнь петухов. Чу, пост белых: «Пропуск!» Завязалась перестрелка. Треск выстрелов пробудил утренний сон. Партизаны окружили Усть-Кут и повели усиленное наступление. Крики «ура» прокатились над лесом и эхом покатались по лощинам и холмам. Белые были сломлены и в панике отступили на пароходе вниз по Лене, оставив 150 быков, 5 кг мануфактуры и много продовольствия. Отряд Монголова занял Усть-Кут. Двое суток отдыхали партизаны в Усть-Куте, но потом врасплох отряд Монголова был окружен белыми и выбит из Усть-Кута, отступив в дер. Каймоново, захватив с собою все припасы у белых. Усть-Кут перешел в руки белых.

2-й бой в Усть-Куте

При выходе с Илима на Ангару отряда Зверева, рабочему с шоссеиной дороги Осташенко было поручено организовать партизанский отряд. Последний сорганизовал отряд партизан из крестьян Низовой и Верхнего Илима под названием 2-й Ленский

полк, состоящий из 300 человек. Командиром этого отряда был избран т. Остащенко. В ноябре 1919 года отряд т. Остащенко выступил с Илима на Лену. В дер. Каймоново отряд Остащенко соединился с отрядом т. Монголова и вместе оба отряда выступили на Усть-Кут. Утром, как забрезжила утренняя заря, Усть-Кут был окружен с 3-х сторон партизанами. Бой длился 5 часов и под сильным наступлением белых партизаны вынуждены были отступить, так как патрон у партизан было недостаточно. Отступление партизан было неорганизованное, связи между взводами не было и отдельные группы партизан были окружены белыми и взяты в плен. Всего было взято в плен 18 человек партизан. Пленных подвергли неимоверным пыткам. У пленных партизан обрезали уши и носы, вырезали на спинах и груди звезды и после пыток расстреливали прямо на улице Усть-Кута. Последним отступал взвод Карнаухова из 2-го Ленского полка, отчаянно отбиваясь от преследования белых. Партизаны отступили обратно в деревню Каймоново.

Последний бой у Усть-Кута

После отступления от Усть-Кута отряд Монголова расформировался и влился во 2-й Ленский полк, в дер. Каймоново 2-й Ленский полк готовился к наступлению. Проходил строевые занятия, изучал винтовки. Вечером в дер. Каймоново приехал отряд Зверева. В отряде Зверева имелось два пулемета и 50 шт. шомпольных гранат, и партизаны были вооружены 3-линейками. Отряду Зверева была устроена 2-ым Ленским полком дружеская торжественная встреча. Сразу же был собран митинг, на котором т. Зверев наметил задачи: взятие Усть-Кута и дальнейшее продвижение нашего отряда. На другой день утром было организовано выступление из Каймонова на Усть-Кут. Не доходя 8 км до Усть-Кута, был сделан привал т. к. было пройдено 52 км и был уже вечер. Тов. Зверевым была отправлена разведка с заданием, занять солеваренный завод и деревню Панову. Разведка доблестно выполнила приказ начальника отряда т. Зверева – она заняла сользавод дер. Паново, захватив в плен 4-х белых солдат, охрану завода. По прибытии разведки отряд двинулся в д. Панова, где сделали привал, а с 2-х часов утра перешли в наступление на Усть-Кут.

В отряде была собственная батарея. Это пушка, снятая с колокола д. Громы Мамырской волости. Пушка держалась на оси, вставленной в железные колеса. Она представляла собой толстую чугунную трубу длиной с метр, в одном конце залитую с отверстием для вложения динамита. Из этой пушки богослужители будили в ночь на Пасху верующих сонливых крестьян для встречи спускающегося с неба в Громы Христа. Усть-Кут был окружен с 4-х сторон. Порвана телефонная и телеграфная связь Усть-Кута. Первый выстрел из пушки был сигнальным для подготовки наступления, а 2-й и 3-й выстрелы – это уже начало наступления на Усть-Кут. В темноте осенней ночи партизанские цепи двигались на Усть-Кут. Тра-та-та – загремели оружейные и пулеметные залпы, начался бой. «Ура-а-а-а!» – разнеслось по цепям партизан. Но усиленный обстрел белых из пулеметов и ружей два раза отражал наши атаки. Ручные пулеметы белых не давали возможности партизанам захватить позиции белых и силы партизан терялись под огнем белых. К утру белые не выдержали натиска и отступили вниз по Лене по направлению к Киренску. В бою с белыми было убито 10 человек партизан. В виду отсутствия патронов у партизан, белые отступили без задержек, т. е. без преследования со стороны партизан. В Усть-Куте партизаны простояли около месяца...

Красный партизан отряда Зверева В. И. Перфильев
8 сентября 1935 г., партийное удостоверение № 10302
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 392. Л. 24–26. *Рукопись.*

**Воспоминания Н. А. Касьянова о переходе 2-го батальона
53 Сибирского стрелкового полка армии Колчака
на сторону красных партизан и боевых действиях
отряда Зверева в 1919–1920 годах**

Краткие сведения о себе

Касьянов Николай Александрович, 1898 г. р., сын поездного машиниста депо Зима и племянник машиниста депо Иркутск – бывшего комиссара по эвакуации Заб ж\д в 1918 г. расстрелянного чехами на ст. Байкал. Сам со слесарных учеников депо Зима и в 1923 году токарь по металлу того же депо. В 1918 году был призван Колчаком и изложенным ниже способом перешел на сто-

рону партизан. После партизанского отряда добровольно ушел в Красную Армию, был на фронтах против японцев, семеновцев и Унгерна вплоть до взятия города Читы. С 1921 года с небольшим перерывом работаю в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД на Дальнем Востоке и сейчас в Ленинградской области. Член ВКП(б) с 1920 года.

Мой адрес: Ленинградская область, гор. Лодейное Поле, ул. К. Маркса, 46. Родственники мои живут в Иркутске, Свердлово, ул. Гоголевская, № 5, Касьяновы.

Воспоминания в Истпарт

В октябре месяце 1919 года наш 2-й батальон 53-го Сибирского стрелкового полка армии Колчака отправляли на подавление партизанского отряда тов. Зверева, оперировавшего по реке Лене в районе с. Усть-Кут. Командиром нашего отряда был капитан Колодезников, командиром 5-й роты подпоручик Колюкин, 6-й роты – подпоручик Брылев, 7-й роты – подпоручик Паньшин, 8-й роты – поручик Закрижевский, пулюкоманды – подпоручик Кузнецов. Младшими офицерами были подпоручики Поляков, Шабалдо; прапорщики Быстров, Баскаков, Шалимов и др., фамилий других уже не помню.

Погрузившись на 2 парохода в городе Иркутске, нас направили через Балаганск – Жигалово на Усть-Кут. До Балаганска мы следовали водным путем, а дальше на подводах.

Перед отправкой мною была начата работа по вербовке ребят для организованного перехода на сторону партизанского отряда, а на пароходе (остался один, ибо офицеры были на переднем пароходе с другой частью отряда) – основной темой разговора, правда, пока среди небольшой группы, нас было «только в партиотряд». Таким образом, создалась группа из нашей роты человек 15, при подавляющем большинстве ребят из депо Зима: я, Снегов Михаил, Исупов, Камалятин, Беляев Григорий и др.

Двинувшись из Балаганска на подводах, нам пришлось все время следовать по деревням, где можно было доставать водку, а мы, организованная группа, еще начали сбивать солдат на пьянку, дабы внести разложение в отряд. Развилось такое пьянство, что временами солдаты совершенно выходили из подчинения офицеров, даже иногда ставили такие ультиматумы, которые принципиально не следовало бы выполнять, а офицеры выполняли, как,

например, в селе Орленга в день рождения нашего ротного писаря Дмитрия Рождественского в роте устроили гулянку, в результате которой Рождественский дежурным офицером по полку был арестован за хулиганство на улице. Узнав об этом, ребята возмутились, явились ко мне (я исполнял должность фельдфебеля роты) с требованием вести их вооруженными к штабу отряда, и настоять на освобождении писаря. Обдумав их требование, я решил, что этот поступок неумный и несвоевременно так поступать, ибо нашу роту могут отправить назад и наша мечта не осуществится – с другими ротами мы связи не имели, поэтому рассчитывать на их поддержку не могли. Пришлось рябят уговорить идти без оружия и не всем.

Выстроившись перед штабом, мы вызвали нашего командира роты для разговоров. Он вылетел из штаба и начал нас ругать отборной матерщиной, пугая, что за такие демонстративные требования он может сдать под суд главарей и в первую очередь фельдфебеля в взводных. Но тут посыпались реплики: «Не пугайте нас, мы едем на фронт, все равно, где пропадать, отпуская Митьку и все». До того напористо мы наседали на комроты, отказываясь расходиться, несмотря ни на какие его крикливые указания, что он погнался доложить командиру отряда, который по-видимому согласился выполнить наше требование – только бы прекратить это явление, могущее вылиться в большой серьезный конфликт. Т[ак] к[ак] комроты объявил нам об освобождении Рождественского, но с условием, чтобы на улицу его больше не пускать, ребята начали было расходиться, но комроты предложил мне сделать за ним в штаб отряда – они опять остались на месте и кто-то пустил реплику: «Не вздумайте арестовать Касьянова». Меня в штабе взяли, как говорится, в «шоры» основательно, обвиняя меня в организации этой катавасии, угрожая преданием военно-полевому суду на месте, который, по их словам, уполномочен применять расстрел.

Я, откровенно говоря, немного струсил и перестал вести работу, уйдя в подполье глубже, а рябят [не] заставлял пить водку, ибо под «мухой» отсутствует всякая выдержанность в разговоре и действии, а этим можем провалить дело. Кроме того, офицеры, видя расшатанную дисциплину, распорядились по дороге продавать спиртные напитки. Я этому был очень рад.

Обдумывая всевозможные варианты для перехода в партиотряд, я пришел к выводу, что самое верное, более надежное средство – перейти в отряд и организованно перебить офицеров. Но как это сделать? Ведь они идут впереди своих рот, а отряд движется на подводах.

Одновременно сделать нападение на всех офицеров – вещь довольно сомнительная, т. к. некоторым ребятам нападающим могут помешать обстоятельства, некоторые же могут струсить, а оставшийся живым хоть один офицер, может здорово насолить. Нас, заговорщиков, не больше 35 человек, а остальные солдаты ничего не знают и большинство ребят молодые, на которых офицеры могут повлиять, и они нас же начнут бить. Словом, обсудив этот вариант в узком кругу, решили его пока оставить, а выждать другого варианта, во всяком случае, мысль перебить офицеров была единственной и главнейшей нашей задачей, которая избавит нас от жертв со стороны солдат, лишнего расхода патронов, в чем, мы считали, очень нуждался партизанский отряд.

Кроме того, когда отряд перейдет в полном составе и с вооружением, то это крепко поднимет дух у партизан, главное [в] том, что уже с одной стороны фронта угроз никаких не будет.

За время дальнейшего движения я установил связь с несколькими ребятами из 5-й роты во главе с их фельдфебелем т. Сысоевым Иваном.

Так мы двигались до с. Боярского, от которого оставалось около ста верст до партизанского отряда. Приехали в него вечером, наша рота, как дежурная, должна нести караульную службу. Я вечером расставил заставы и полевые караулы по указанию дежурного по отряду прапорщика Быстрова, и, возвратившись на квартиру, получил сведения, что 5 и 7-ю роты и часть культкоманды оставляют здесь как резерв, а остальных (в том числе и нашу 8-ю роту) завтра направляют занимать передовые позиции, первоначально двигаясь до встречи с партизанами.

Получив эти сведения, я крепко поразмыслил над создающимся положением и решил, что дальше ждать нельзя. Сейчас же побеседовал с каждым в отдельности фельдфебелем, осторожно нащупывая настроения, и оказалось, что кроме 5 роты, поддержки ждать не от кого. Часов около 10 я выслал патруль к штабу отряда из оставшегося в роте у меня дежурного отделения, который дол-

жен наблюдать, кто в штаб заходит и выходит, не донесут ли догадавшиеся фельдфебели и тогда соберутся в штаб все офицеры. Одновременно для связи посадил в штаб своего парня. Вызвав одного представителя 5 роты, мы с ним разработали план действий:

1. Поскольку командир 5-й роты подпоручик Кулюкин находится в роте, то всеми мерами задержать его там, чтобы не попал он в штаб, чем распылить силы офицеров, а когда поднимется стрельба, то Кулюкина убить, подпоручика Полякова, начхозчасти отряда – только арестовать, но не убивать, ибо представители 5 роты отзывались о нем как о человеке хорошем, и что он уже кое-что знает о наших намерениях перейти к партизанам.

2. Нашему новому писарю роты Наумову Михаилу поручили убить младшего офицера нашей роты подпоручика Шибалдо, который всегда «терся» в роте (спал в канцелярии), объедал солдат, здорово жрал, а своего пайка ему было мало, и подозревали мы, что он «вынюхивает» наши настроения.

3. Руководство и технику всего переворота я беру на себя, для чего в помощь двум патрулирующим даю еще одного человека, который в нужный момент превращается в метателя гранат в штаб, в нужный момент снимаю полевой караул 7 человек, сливаю его с остатками дежурного отделения, оставшегося в роте, и двигаюсь с этой группой человек 20 к штабу. Эту группу разбиваю на 4 части, одной из коих [нужно] окружить штаб, а другой обезвредить пулькоманду. Вот был наш план действий.

Часов в 11 вечера мне сообщили, что все офицеры, кроме Кулюкина, Полякова и Шибалдо в штабе. Я сейчас же пошел, снял полевой караул под начальством Снегова Михаила, объединил его с остатком дежурного отделения, и [мы], двигаясь пятками, как предусмотрено было планом, окружили штаб. С одной стороны – Снегов Михаил с 4-мя человеками, с другой стороны – Гвоздев Иван с 4-мя и с лицевой стороны я с 4-мя. Проверив, все ли на месте, я подал команду Рождественскому, Вологжину Николаю и третьего забыл, которые, одну за [друг]ой, бросили в окно штаба 4 гранаты. Офицеры немедленно начали выбегать из помещения, а мы открыли огонь.

Находясь все время против крыльца, я заметил, что выбежали не все офицеры, а прошло уже продолжительное время после взрывов, следовательно, часть их осталось в штабе. Пока я орга-

низовал группу желающих идти со мной в штаб, из помещения штаба вышел человек, оказавшийся помощником дежурного по отряду, фельдфебель 6 роты, от которого мы узнали, что начальник отряда капитан Колодезников и адъютант прапорщик Баскаков сидят в подполье в пристройке помещения штаба. Организовав 7 человек, мы вошли в штаб, забрали оружие, там же я поднял одну неразорвавшуюся, брошенную нами гранату, вынес ее на улицу и бросил ее дальше от места движения публики.

Проходя мимо ватера (уличный туалет), я заметил там силуэт человека, который на мой вопрос ответил, что он курьер пулькоманды, а [по] голосу его узнал начпулькоманды подпоручика Кузнецова и предложил ему выйти оттуда. Только он вышел, кто-то из ребят выстрелом из винтовки ранил его и уже лежащего доколот штыком. Все выполнено было по плану, офицеры все были убиты кроме Полякова, арестованного нами подпоручика Брылева, неизвестно куда девшегося, и начотряда с адъютантом, находившихся в подполье. Чтобы не убежали пленники «подполья», я выставил три поста возле штаба до утра, ибо лезть сейчас в подполье – рискованное предприятие. Сейчас же созвал общее собрание отряда, где начали обсуждать мою кандидатуру начальника командира отряда, но я категорически отказался, ибо с военным делом мало знаком, да и молод и предложил кандидатуру оставленного нами живым офицера Полякова. Эту кандидатуру утвердили, а меня избрали начальником штаба отряда, вернее комиссаром. На этом же собрании избрали делегацию в партизанский отряд тов. Зверева с письмом.

После собрания, когда стало светать, мы пошли к штабу доставать наших «пленников». Первоначально в отдушины кричали им, предлагая выходить, бросили туда гранаты, стреляли из револьверов, но они не подавали никаких признаков существования. Тогда мы вошли в помещение, оторвали две доски пола, зажгли стружки в подполье, и нам стало их видно. Когда начали наводить на них винтовки, то начальник отряда крикнул: «Не стреляйте, сейчас иду». Выйдя во двор, он начал речь держать примерно в таком духе: «Бросьте дурака валять, что я вам худого сделал» и т. п., но тут же выстрелами был убит наповал, так кончили и с адъютантом.

Закончив операцию, мы нигде не могли найти поручика Брылева, которого мы решили также оставить живым, но из штаба вызвать его мы не решились. Так пошли разговоры, что его видели бежавшим по дороге в обратный путь. Пущенная за ним погоня на паре лошадей и привезла его, сильно напуганного. Впоследствии Брылева мы избрали начальником штаба отряда.

В этот же день я со своей ротой поехал вперед к партизанскому отряду, а отряд остался хоронить двух солдат, случайно убитых во время переворота.

Продвигаясь к партотряду, в селе Омолой я встретился с двумя партизанами во главе с Красниковым, которые приехали лично убедиться в правильности изложенного нашей делегацией.

На второй день меня в д. Омолой догнал тов. Поляков с отрядом, и мы двинулись в полном составе к партизанам. В д. Рига мы встретились с приветственными криками под выстрелы пушки со 2-м Ангарским полком партотряда под командой Молчанова, где был и сам тов. Зверев, угостивший нас с Поляковым хорошими пельменями.

Через некоторое время мне Поляков передал, что Зверев намерен расформировать наш отряд и рассосать по своим частям. Я категорически запротестовал, и сказал, чтоб он передал Звереву, что если он без расформирования нас не оставляет целой частью в своем отряде, то мы самостоятельной единицей сейчас же двигаемся на Иркутск: запас продовольствия был примерно у нас на 2 месяца, боевыми припасами мы были хорошо снабжены, а за мной ребята пойдут – в этом я был уверен. Потом тов. Зверев оставил нас в составе своего отряда под названием 1-й Боярский Советский добровольческий полк.

Через несколько дней был отбит и разгромлен под д. Якурим большой (около 500 человек) белогвардейский отряд, состоявший из якутов в основном, а после этого нам открылся свободный путь на г. Киренск. По нашим подсчетам оказалось, что этот отряд и отряд колчаковский под командой капитана Колодезникова (в котором были мы) должны были одновременно с двух сторон ударить по партизанам тов. Зверева.

После этого партизанский отряд Зверев разбил на две части, из коих одна под его командованием пошла на Иркутск, а другая

под командованием Полякова двинулась в Киренск. Это было в декабре 1919 г.

По[сле] занятия г. Киренска мы создали военно-революционный трибунал под председательством т. Шехурдина при секретаре Брылеве. Я был назначен комендантом г. Киренска. Трибунал основательно почистил Киренск от белогвардейщины.

В январе 1920 года, во время отступления колчаковцев с запада, мы выехали человек 50–60 в с. Усть-Кут против них, но пришлось удирать, т. к. отряд колчаковцев под командой генерала Сукина был около 1500 человек. Отойдя вниз по р. Лене до с. Подымахино, тов. Поляков выпустил письменное обращение ко всем ленским партизанам, призывающее на борьбу с белогвардейцами, и через 3–4 дня мы имели в отряде уже около 1000 человек. Белые же, заняв с. Усть-Кут, дальше не продвигались, а прислали нам с нашим разведчиком, захваченным ими в плен, воззвание примерно такого содержания: «Братья партизаны, напрасно вы выступили с оружием в руках против ваших братьев по крови и законной власти. Вас сбивают жида и большевики – предатели нашей Родины России. Пожалейте порох и дробь, это вам пригодится для охоты». На что т. Поляков отправил им ответ, что нас никто не подбивает, и мы сами сознательно и добровольно защищаем Советскую власть, что мы стреляем не дробью и не из охотничьих ружей, а из винтовок, достаточно снабженных патронами. Милости просим к нам!

Сейчас же мы сами двинулись на белых, но оказалось, что они оставили с. Усть-Кут и пошли вверх по р. Лене на Жигалово; по пути возле деревни Грузных они встретились с отрядом Каландаришвили и здорово его потрепали. А вскорости мы получили сведения, что идут еще три отряда белых генералов Перфурова, Галкина и атамана Оренбургского казачьего войска Казакова, объединенных в один отряд – отряд в 1500 сабель.

Хотя нас было всего около 1000 человек, решили твердо дать бой в 5 верстах от с. Усть-Кута по реке Куте, около солеваренного завода. После нескольких разведок, мы точно рассчитали, что в эту ночь часа в 3–4 утра будем встречать белых, но у нас не было ни одного пулемета, зато была «пушка» представляющая из себя водопроводную трубу, с одного конца запаянную. Заряжалась она со стороны ствола – насыпался порох и набивались в ствол об-

резки железа, камни и т. д. Труба эта была прикреплена к передку телеги, а выстрел получался от зажженной спички.

В ожидании белых мы расположились по обеим сторонам р. Куты, а дорога по самой реке. Ребята все нервничают, силы неравные, единственное наше преимущество – сознание, правота в начатом деле и вера в победу.

Наше выгодное положение заключалось в том, что мы занимали оборонительную позицию и противник попадал между наших двух цепей, расположенных по обоим берегам реки.

Вдруг около часа ночи все зашевелились, посыпались друг другу вопросы с радостью на лице: «Где он, где он?» Оказывается, прибыл совершенно новенький долгожданный пулемет «Максим». Радости не было конца. Но тут беда – есть при пулемете 3 или 5 лент и все пустые, ни одного патрона. Тут ребята организовали пожертвования в пользу «максимки», т. е. урвать у себя, кто сколько может русских патронов. Каждый из своего скудного запаса патронов по нескольку штук «пожертвовал». Очень скоро пулеметчики ручным способом набили все ленты. У всех настроение быстро изменилось, стало с готовым «максимкой» гораздо веселей.

Ночь морозная. Моросит маленький снежок. Тишина. Весь отряд и каждый человек на своих местах. В середине цепи с левой стороны реки пристроился «максимка», направив свой ствол в сторону противника. Наконец мы слышим далекий скрип саней и нечленораздельный разговор приближающихся людей. Постепенно ясней слышен скрип саней и человеческий голос. Это движется авангардная часть белогвардейского отряда по реке Куте. Вот белые въехали в зону наших цепей, уже движутся совсем близко. У нас мертвая тишина. Я уже ясно слышу разговор – они имеют ввиду в селе Усть-Кут сделать большой привал, хорошо покушать, сладко поспать и т. д. Впереди движется хорошая кошевка, наверно, с каким-то знатным седаком.

Четыре часа утра. Вдруг мертвую тишину нарушил сигнальный выстрел и с обеих сторон посыпался град пуль и дроби на белых, оказавшихся в ловушке. К этому сплоченному гулу стрельбы постепенно присоединилось усиливающееся ржание испуганных лошадей и крики команды начальников. Потом сюда присоединились крики и стоны раненых и умирающих белых. Некото-

рые просят не стрелять, они сдаются. На льду полная суматоха и неразбериха. Белые носятся на лошадях и пешком от берега к берегу и всюду натываются на дружные залпы, теряя своих соратников. Задние быстро повернули назад и, отойдя на довольно солидное расстояние, развернулись в боевой порядок. Выставив около двадцати пулемётов разных систем, они открыли ураганный огонь по нашим цепям, из-за чего нам и нашему пулемету пришлось прекратить стрельбу, а белые в это время обрушились на нас конной атакой, которую мы оружием и пулеметным огнем отбили.

Тов. Поляков под градом пуль носился на лошади с берега на берег, отдавая необходимые распоряжения по цепям и воодушевляя наших слабо вооруженных партизан.

Нами отбито несколько атак. Наконец Поляков взял инициативу боя в свои руки, т. е. из обороны [решил] перейти в наступление. Наши цепи небольшими группами, одна за [друг]ой, начали заходить во фланги белым, каждый раз заставляя их уходить с позиции. Несколько таких маневров, и белые бросились бежать.

Часов в 11 дня бой прекратился, и мы занялись подсчитыванием жертв со своей стороны, со стороны белых и выявлять трофеи. С нашей стороны, благодаря особому умению занять позиции со стороны т. Полякова, был убит один и один ранен (насколько я помню), а белых было очень много, и убитых, и раненых.

Дня через 2–3 т. Поляков направляет парламентаров к белым, остановившимся верстах в 40 от нас, с предложением сдаться. Кажется (точно не помню), и белые прислали к нам своих. Наконец договорились на таких условиях, что они сдают все оружие, а мы их под охраной партиями отправляем в Иркутск. Это было в феврале 1920 г., условия были приняты. Когда белые уже разруженные попали в с. Усть-Кут и увидели нашу «армию» с ее вооружением, то открыто и остро выражали свое сожаление по поводу своей сдачи, называя свой поступок позорным малодушием и трусостью. Они утверждали, что если бы имели, хоть малейшее представление о количестве нашего отряда и его вооружении, то они даже разбили бы нас и прошли бы так, как это сделал отряд генерала Сизкина.

После переговоров парламентаров и после окончательного решения белых сдаться, их главари – генералы Перфуров, Галкин и

атаман Казаков – решили бежать, но в лесу были окружены группой наших тунгусов и убиты.

Здесь я дал очень скудные сведения о бывшем нашем командире Полякове Александре Капитоновиче. Он был не только боевой командир, служивший примером отваги и храбрости, но и хорошим организатором, прекрасным и чутким товарищем.

Описывая настоящий эпизод, я не имел никаких документов, а изложил только на основании того, что осталось в моей памяти. Причем старался быть кратче, упоминая самые основные моменты.

К сему Н. Касьянов

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 796. Л. 1–6. Машинопись.

КИРЕНСКИЙ РАЙОН

Воспоминания Тетерина о борьбе партизан за освобождение Киренска, Якутска, Бодайбо и других городов, о пребывании в тюрьме и побеге из нее в 1918–1919 гг.

Киренск, 1918 год, май – июнь. В это время положение в Киренске было потрясающее. Контрреволюция праздновала свою победу, несмотря на то, что Советская власть существовала в самом Киренске. Контрреволюция чувствовала себя свободно. Кулачество, офицерство и т. д. вели в Киренске подпольную работу. Во главе контрреволюционного движения был Скретнев Владимир Николаевич – бывший поручик старой армии, сын крупного торговца, офицер Бобряков из Алымовска, Бухаров – офицер, Худояров, Тирский – местный крупный домовладелец и др., таково было лицо Киренска.

Руководителями Советской власти в Киренске в то время были: Галят, Леонов – из Витима и Тапушкин Павел Иванович, ссыльно-политический. В селах и деревнях Казачинского района поднимало свою голову казачество. Настроение и среди крестьянства было такое: «Как жить без царя, да что это за красные антихристы и т. д.» Эти настроения поддерживали и разжигали кулаки, попы и т. д., которые впоследствии оказались у власти.

В Витиме было такое же положение. Среди известных слоев населения шло негодование на Советскую власть. Офицерство, кулаки и торговцы все чувствовали себя свободными. Они открыто выражали недовольство Советской власти. Много было безработных среди рабочих, которые в связи с отсутствием пропусков, были задержаны при поездке в Бодайбо. Всюду была частная торговля. Агитацию возглавляли кулаки, которые особенно

были недовольны Советской властью. Существовал произвол, пьянство, вовсю работали рестораны и публичные дома.

10 июня 1918 г. прибыл в Витим пароход «Кушнарев» из Киренска с красногвардейским отрядом под командой т. Родзинского. Местной контрреволюции, особенно офицерству, руководителям тамошней контрреволюции Владимирову В. Я., прапорщику Мухину совершенно ясно было, что этот отряд идет для подавления остатков Временного правительства в г. Якутске, т. к. на пароходе были видны из-под брезента пулеметы, а также очертания «липового» орудия, которое было сделано из 2-х колес и трубы. Несмотря на то, что на пароход никого не пускали из посторонних, витимская контрреволюция сумела провести агитацию на этом пароходе. Среди команды парохода распространялись слухи о том, что вас побьют, нужно бежать. В связи в этой агитацией 50 % команды побросало вещи и ушло из команды под предлогом купить продовольствие. В том числе ушло несколько матросов, кочегар и даже один машинист. С этой агитацией вел жесткую борьбу помощник командира парохода, старый, преданный контрреволюцией, участник революционного движения с 17 года – Бродский, который был взят как активист местной контрреволюцией. В связи с тем, что команда парохода разбрелась, был объявлен призыв желающим вступить в отряд на пароход. Принимали красногвардейцев, добровольцев. В связи с этим команда была пополнена. В числе этой команды вступил на пароход и я в качестве матроса.

Лиц, вступивших в отряд Родзинского, сопровождал шепот: «Все это напрасно, нужно отказаться от этой затеи. Все те, кто выступит против родины, царя и отечества, будут сметены с земли». Эти разговорчики, в частности, мне приходилось слышать от местных жителей.

Пароход «Кушнарев» 11 июня вышел на Якутск по р. Лене. В связи с тем, что отряд Родзинского был небольшим (в этом отряде насчитывалось примерно человек 160) и в связи с тем, что отсутствовали сведения о количестве белогвардейцев в г. Якутске, в Бодайбо на помощь нам был организован так называемый Бодайбинский красногвардейский отряд под командованием т. Одишариева. Этот второй отряд вышел в Якутск на пароходе «Игнатъев» из Бодайбо по р. Витиму.

В Якутске, несмотря на дальнейшее расстояние, какими-то путями уже успели узнать о том, что туда для ликвидации местной контрреволюции двигаются красноармейские отряды. В связи с этим выше г. Якутска в 90 км в с. Покровском была выслана засада из белогвардейцев и якутской полиции в количестве примерно 12 человек, которая по прибытии нашего парохода «Кушнарев» в Покровск, начала обстрел парохода. Произошла коротенькая перестрелка, в результате которой засада была ликвидирована. 7 человек было ранено, взято в плен 2 раненых, остальные убежали в улусы. С нашей стороны потерь не было.

При первой перестрелке я попросил оружие у командира отряда. Мне было отвечено, что я молодой (мне было в это время 17 лет), что я ещё не умею обращаться с оружием, но, очевидно, я так убедительно попросил, так разуверял командира отряда в том, что я умею владеть оружием, что была выдана винтовка и я был приставлен к пойманым бандитам, которые были взяты на пароход для охраны.

В Покровске к нам присоединился пароход «Игнатъев», наши отряды слились и теперь наш отряд достигал примерно 240 человек.

В 25 км от Якутска между селом Табогой и Якутском, предвидя, что может быть опять устроена засада и пароход мог очутиться в печальном положении, наш пароход «Кушнарев» причалил к берегу. Отряд произвел высадку и пошел пешком.

Примерно 29 июня в ночь на 30 мы повели наступление на Якутск. Отряд был вооружен неплохо. Все бойцы имели 3-линейные винтовки, было 2 пулемета – один «Максим», один «Кольт» и один бомбомет. Орудий в нашем отряде не было.

В самом Якутске нелегально был также организован в предвидении нашего наступления для подавления местной контрреволюции отряд из красногвардейцев. Организацию этого отряда вел ссыльный тов. Братаж. Он возглавлял эту рабочую дружину в первых боях с белогвардейцами. Местная контрреволюция находилась под командованием Бандолетова, Гордеева и др., на стороне контрреволюции принимало участие около 600 человек. Вооружение у них было разношерстное – были итальянки, японки, 3-линейные винтовки. Орудий тоже не было. Белогвардейцы массами заключали в тюрьму неблагонадежных ссыльных полит-

каторжан. Тюрьма была одним из пунктов, за который шла борьба. Вторым пунктом было казначейство, которое находилось на окраине.

Несмотря на сопротивление, которое было оказано белогвардейцами при взятии г. Якутска, контрреволюция была подавлена и 30 июня в Якутске была организована Советская власть. Остатки белогвардейцев под командой Бандолетова и Гордеева разбрелись по улусам. После того, как город был взят, утром часов в 7, были произведены массовые обыски, были выявлены белогвардейцы, не успевшие скрыться и офицерство, которые были заключены в тюрьму. Из тюрьмы были выпущены все политические заключенные. Уголовный элемент был оставлен в тюрьме.

Во время боя под Якутском особенно энергично проявил себе пулеметчик на Максиме т. Королев. Во время боя при всякой удачной наводке пулемета, он кричал, заражая других: «Даешь Советскую власть». Но в разгар боя его ранили в левое плечо. Несмотря на это он пулемета не бросил, а продолжал работать с пулеметом. Когда ему старались сделать перевязку, он отталкивал от себя и продолжал работать на пулемете. Его стали вынуждать, что бы он сделал перевязку, чтобы на время отошел от пулемета, заменив себя другим товарищем. Во время этих разговоров и уговоров он в горячке показал себя противнику, и был ранен второй раз. Пуля попала ему в горло, и он через несколько минут умер. Позднее погибли т. Пориков и т. Потенко, всего был убито с нашей стороны 8 человек.

Белогвардейцы в городе встретили нас ружейной засадой из домов, также засада с их стороны была устроена в церкви, на каланче и в казначействе. Казначейство обстреляли из бомбомета, сорвали крышу и потом белогвардейцев вышибли оттуда гранатами.

Вместе с городом были взяты пороховой и оружейный склады. Население встретило нас с большой радостью. Погибшие в бою 8 красногвардейцев были торжественно похоронены в братской могиле под оружейный салют. Много было участников дружин, выступал т. Родзинский. Наш отряд пробыл в Якутске 8 дней и взял направление обратно на Киренск.

Командир отряда т. Родзинский вел отряд назад уверенно, не ожидая никаких столкновений, не имея в тоже время никаких

сведений из Киренска, потому что никакой связи с Киренском не было. В Киренске в это время была свергнута Советская власть и восстановлена власть белых, которые организовали отряд Красильникова для уничтожения красногвардейцев, возвращающихся из Якутска.

Пароход возвращался в Киренске не спеша. На пароходе происходили практические занятия по стрельбе. Многие красногвардейцы развлекались, играя на гармошке, проводя танцы, некоторые играли в карты, рассказывали анекдоты. Обстановка на пароходе была спокойна. Все были довольны тем, что быстро и без больших потерь выполнили возложенную на них задачу. При проходе парохода с. Чечуйск, ниже Киренска в 80 км, местными жителями не было сообщено о том, что в 40 км от Чечуйска имеется белогвардейская засада против парохода. Об этом ничего не знал также и волостной революционный комитет Чечуйска.

В такой веселой, спокойной обстановке, не ожидая никаких неприятностей, немножко ниже на один километр от дер. Горбовой нас совершенно неожиданно встретила белогвардейская засада, которая было расположена на сопках, на очень удобных позициях. Белогвардейцы произвели обстрел парохода «Кушнарев» из винтовок. На пароходе создалась паническая обстановка. Дежурный командир по пароходу после первых же выстрелов упал от страха, не будучи раненым. Штурвальный, растерявшись, завернул пароход к берегу, и пароход на всем ходу выскочил на берег, врезавшись в землю. Пулеметы стояли без лент. Многие были без винтовок и не имели достаточного количества обойм. Кое-кто схватились за винтовки и начали стрелять из окон. После первого периода паники, послышалась команда Родзинского: достать патроны со шканца для пулеметов. Я, матрос и ещё двое красногвардейцев один за другим, несмотря на сильный обстрел из винтовок, полезли за патронами для пулемета Максим. Это была совершенно правильная команда, потому что производить стрельбу с парохода было очень неудобно, пароход был на виду, скрываться было негде. Пулеметчик и несколько красногвардейцев схватили пулемет, и вытащили его на берег. Один пулеметчик был тут же убит. Однако, несмотря на то, что берег представлял из себя совершенно ровное место на большом расстоянии, остальные благополучно протащили пулемет по берегу, за ним другой

пулемет и бомбомет были переброшены с патронами и бомбами в кустарники. Убитый пулеметчик был заменен сейчас же другим. При перетаскивании пулемета было убито ещё три человека. Были ещё двое убиты на пароходе. Приблизился уже вечер, наступила темнота, пулеметная и винтовочная стрельба была прекращена с обеих сторон.

С наступлением ночи пароход снять не удалось. В связи с этим отряд отступил. Часть продуктов на двух баркасах была снята и отправлена в Чечуйск. Большая часть обмундирования и продовольствия осталась на пароходе.

В это время на пароходе «Игнатъев», который следовал за нами, произошла измена, т. к. отряд возглавлял офицер Поручиков. Он в полутора километрах от «Кушнарева» повернул свой пароход обратно в Чечуйск. Впоследствии этот Поручиков был арестован и отправлен в Бодайбо. Были слухи, что его расстреляли, но насколько это верно, не знаю. В Бодайбо был главный штаб рабочих. Оттуда посылались нам все подкрепления. Там был Ревком, который руководил фронтом.

Наутро пулеметная стрельба возобновилась. Мы стреляли прямо перед собой по сопкам. В это время с боку нас так же слышалась стрельба. Оказалось, что это орудовал против нас новый отряд, который состоял из местных крестьян – кулаков дер. Каменки и пос. Горбачевского. Против них была выделена часть нашего отряда. Они отошли. Когда пароход застрял и наш отряд ушел с парохода, белогвардейцами была сделана попытка на лодке приблизиться к пароходу и захватить его. Но лодка была сбита пулеметным огнем.

Когда наш отряд отступил, оставшиеся на пароходе машинист Малезников (он и сейчас работает на одном из пароходов на Лене), кочегар Гришка Отрепьев взяли с собой продовольственные запасы, оставшиеся на пароходе, а также и имущество парохода.

На следующий день 24 июля наш отряд переформировался и повел наступление совместно с бодайбинцами против белых. Мы слились в один отряд под командованием т. Родзинского (главную часть отряда составляли фронтовики Бальтрунас и Юрчинский Борис, Смирнов, мадьяры военнопленные – Лоренс, Захаров – он сейчас работает в Иркутске на хозяйственной работе в Главзолото ответисполнителем и др.). Из Чечуйска мы повели на-

ступление на Горбовскую, где белогвардейцы сконцентрировали свои силы, окопались и укрепили свои позиции. Несмотря на это фронт их был разорван, наступление их было отражено, деревня Горбовская была взята, а вместе с нею и ряд других деревень. Мы, не останавливаясь и не отвечая на мелкую перестрелку, быстро подходили к Киренску.

После занятия нескольких деревень, мы получили сведения о местонахождении белогвардейского парохода и штаба, который был на этом пароходе. Мы получили также сведения о расположении белогвардейской засады с пулеметами и установили пулемет у устья реки Бабошиной, против которого находилась засада и [стали] ждать оттуда сигнал, [чтобы] когда будет сигнал, начать обстрел. Но наши расчеты оказались ошибочными. На эту операцию при пулемете Кольта был послан один пулеметчик и вместе с ним я подтаскивал патроны. Мне самостоятельно работать на пулемете ещё не доверяли. В помощь нам было дано 6 человек. Когда мы дошли до устья речки Бабошиной и стали выходить на опушку, мы встретили неприятельский дозор. Этот дозор был снят, разоружен и отправлен в наш отряд с двумя красногвардейцами. Когда мы стали устанавливать свой пулемет, нас заметили и повели обстрел по нашему пулемету. Во время обстрела тяжело ранили пулеметчика. Неприятель стал делать перебежку для того, чтобы захватить наш пулемет. В это время мы получили сигнал наступления. Я, видя, что пулеметчик ранен, хотя и не работал никогда самостоятельно на пулемете, начал возиться с пулеметом, по сторонам от пулемета были выставлены по два человека. Перебежка учащалась, но в это время наши повели наступление для того, чтобы задержать их с фланга. Я, несмотря на то, что не был знаком с пулеметом, удачно обстрелял их и взял цель. Когда наши стали приближаться, белогвардейцы не выдержали и побежали. Из пулемета было много убито. Но пароход задержать не удалось, пароход ушел, несмотря на обстрел. Эта операция была проведена с нашей стороны сравнительно удачно, убитых не было. С их стороны было несколько убитых и раненых. В приказе по отряду было вынесено ряд благодарностей за успешное проведение операции и несколько человек было представлено к награде. В приказе была также отмечена расторопность Тетерина и было объявлено о представлении к награде.

После этого отряд повел наступление на село Половинка, теперешнюю Алымовку. Половинка – это село, в котором было много кулачества, но вместе с тем бедноты и батраков. В этом селе была организована хорошая засада против нас. После 3–4-часового боя противник был оттеснен, часть отошла на другую сторону берега Лены. Устроена [была] засада в с. Лужки, [но] мы вышибли их из Лужков, переезжая во время боя на лодках через речку.

В Половнике нас встретили очень приветливо. Такой приветливой, такой теплой встречи мы до сего времени не видели и встретили впервые за все время своего пути. Крестьяне рассказывали о силах противника, делились всем, что имели и т. д. Тут же из местных крестьян батраков и бедняков вступило около 15-ти человек добровольцами в наш отряд. В числе их Чудинов Тимофей Дмитриевич, который сейчас работает политработником в Киренске, Унжаков и др. После свержения колчаковщины в 1919 г. в Половинке была организована коммуна из крестьян, которая существует и сейчас. Результаты ее работы неплохие.

После Половинки мы пошли на Змеиново. Тут мы не получили какой-либо помощи со стороны крестьян. Большинство кулачества крестьян Змеиновой было замешано в контрреволюции. Село Змеиново было крепким кулацким пунктом, откуда с большими усилиями приходилось вышибать белогвардейцев. Там было оказано наиболее сопротивление упорное за все время нашего продвижения по всей этой территории. Несмотря на это сопротивление, белогвардейцы были оттуда вышиблены. Белогвардейцы потеряли до 15 человек убитых и несколько раненых. С нашей стороны потери выражались – 2 человек убитых и трое раненых.

Под Змеиново был ранен командир объединенного отряда т. Стоянович, который командовал отрядом, начиная от Чечуйска. Родзинский работал в то время уже в штабе. А также Алымов.

От Змеиново мы пошли на Никольск. За нами следовали пароходы «Игнатъев», а также «Пермяков» и «Тайга», которые были посланы к нам на подкрепление из Бодайбо.

В Никольске Алымов вместе с зав. производством тов. Мойяк выехали вниз по Лене для заготовки продуктов. Т. Алымов вместе с Мойяк были взяты в плен в Половинке и расстреляны. Я слышал, когда проезжал мимо Алымовки от местных крестьян, что во время расстрела Мойяк растерялся, а Алымов улыбался даже

тогда, когда были направлены стволы ружьев. Алымов был хорошим организатором среди красногвардейцев, хорошим руководителем, всегда энергичным и отзывчивым на все нужды красногвардейцев. Алымову воздвигнут памятник в Половинке и с. Половинка переименовано в село его имени.

После взятия Никольска мы стали окружать Киренск с двух сторон. Окружив Киренск с двух сторон, мы в течение долгого времени (до 5-го августа) околачивались, не предпринимая никаких шагов, благодаря нерешительности командира отряда Родзинского. У нас постепенно истощались патроны, запасы продовольствия. Впрочем, патроны и оружия к нам подвозили из Бодайбо. В Бодайбо были ружейные мастерские, где рабочие выделывали самодеятельные патроны, самодеятельные гранаты, начиненные динамитом, которые сначала было нужно поджигать спичкой, а потом бросать.

Примерно 5 августа к нам в отрядный штаб пришли двое крестьян специально затем, чтобы сообщить о том, что к Киренску подходят белогвардейский отряд из Иркутска для подавления Советской власти. Уверяли, что в Иркутске уже не существует Советской власти, а существует временное правительство. Т. Родзинский встретил это сообщение недоверчиво. Сказал, что это паника, не может этого быть и посадил этих крестьян под арест. Впоследствии т. Родзинский убедился, что сообщение было правильным и отпустил этих крестьян.

6 августа я, будучи на фронте в Мельничной, был оттуда откомандирован в штаб отряда. Я оттуда вышел вечером, потому что днем идти было опасно. Я перевалил через сопку. Моей целью было заpastись продуктами и передать сведения т. Родзинскому. Т. Родзинский меня уже хорошо знал, я ему передал пакет от командира роты. Он сказал мне: «Знаешь, что сегодня тебе возвращаться обратно не придется, ты останешься здесь, потому что на пароходах мало народа». Я этим опечалился, потому что на Мельничной стороне у меня был брат, которого я покинул, и мы с ним неразрывно и дружно жили. Я, было, стал возражать, говоря о том, что брат мне велел принести белье, продукты и т. д., но тов. Родзинский категорически заявил мне, что нужно остаться.

Немного позднее он вызвал меня с парохода в штаб и предложил взять мадьяра Лоренца, переехать через Лену против штаба

и на опушке леса встать в дозор. Я рекомендовал было послать одного мадьяра, но он был контужен и сам поехать не мог и был выделен мне в помощь, как военный специалист, старый фронтовик. Когда мы переехали Лену против штаба и направились на опушку леса, между лагерем, где находилась наша засада и штабом, горело 3 огонька. Об этих огоньках, появившихся день тому назад, я докладывал т. Родзинскому, но он сказал мне, что это крестьяне живут на сенокосе и пусть себе работают, но я усомнился, потому что до этого не приходилось видеть этих огней. И хотя мне было сказано пойти на опушку леса, но я на опушку леса не пошел, я повернул с тем, чтобы иметь возможность наблюдать за полем. В 12 часов ночи полил сильный ливень. Мы оба промокли насквозь, но никаких изменений не заметили. К утру затрещал пулемет с Мельничной стороны. В ответ послышался пулемет с лагерной стороны. Когда послышался пулемет, потому что у белых пулеметов не было, а у нас также в лагерной стороне пулеметов не было, убедился, что это новый пулемет. И тут же я заметил 2-х человек, которые шли по опушке леса. Я окрикнул идущих. Когда я их окрикнул, они бросились бежать, согнувшись. Я выстрелил два раза. Первая фигура упала. Видя такое положение, я сразу же вместе с Лоренцем побежал на берег и подал сигнал. Мне дали лодку. И мы оба переехали обратно в штаб. Когда переехали в штаб и пришли к Родзинскому, последний сидел над планами будущих операций. Я изложил ему свои соображения. Напомнил о крестьянах, которые говорили, что должен прийти отряд белых и тогда т. Родзинский сказал: «Да, т. Тетерин, видимо крестьяне, которые сообщали нам, были правы, но нам медлить нечего теперь, надо принимать меры». И приказал мне идти отдохнуть.

Я с Лоренцем спустился во 2 класс в каюту, снял мокрую одежду, закурил в раздумье и лег отдыхать, но уснуть мне не удалось, потому что приходилось сомневаться и задуматься над всем тем, что я видел, кроме того я ещё очень беспокоился за брата. Вскоре я услышал беготню по пароходу. Матросы суетились, стали выбегать наверх. Когда я вышел наверх, т. Родзинский бросил мне фразу, что мои соображения правильные. Мы окружены. Немедленно одевайтесь в боевое снаряжение и выскакивайте на берег. Я разбудил Лоренца, одел на себя сухой черный мундир старой формы, захватил карабин, патронташ, подсумок и выскочил на берег. Т.

Родзинский был уже на берегу и подавал команду «выходи». На берегу уже было человек 25 красногвардейцев. Все выстроились.

На берегу было совершенно открытое место, и я попал на правый фланг. Т. Родзинский выдвинул с правого фланга 5 рядов и приказал им идти в разведку. В это число попал и я. Но я ему напомнил, что я только что из дозора и ещё не отдохнул и попросил разрешения остаться. Т. Родзинский заменил меня другим товарищем. 11 человек было посажено на лодки и отправлено на другой берег Лены с целью разузнать, как и что, в чем дело и пойти в лагерь для связи.

Только товарищи успели переехать на другой берег Лены, как по ним открыли пулеметную стрельбу. Они попадали. Т. Родзинский дал команду поднимать якоря и отчаливать. Когда пароходы стали поднимать якоря, белогвардейцы с сопок открыли огонь. Первые пароходы «Тайга» и «Игнатъев» попытались поднять якоря. «Тайга» успела поднять якоря, но машины не работали. По «Игнатъеву» во время подъема якорей был открыт сильный огонь из пулемета, матросы бросили свои места и «Игнатъев» остался. Тогда белогвардейцы начали стрелять по нас из пулеметов, но прицел был взят неправильно и мы успели скрыться в деревню Никольск, оставив пароходы. За день до этого тов. Алымов вместе с заведующим продовольствием [отправился] в с. Половинку. Когда мы входили в Никольск, стрельба прекратилась. Мы, было, пошли на Мельничную сторону, где стояла часть нашего отряда, принимавшая участие в окружении города, но по дороге встретили крестьянина, который сообщил нам о том, что пришел большой белогвардейский отряд, который переправился через Киренгу, выше Мезенцевой деревни на лодках и занял лагерную сторону. Выше села Воронино часть отряда была переброшена через Лену для окружения засады в Мельничной. Поэтому доступ к отряду был отрезан с правой стороны, и мы вынуждены были отступить вниз с таким расчетом, чтобы добраться до Витима, мобилизовать там команды и ехать дальше в Бодайбо.

В лагерной стороне была произведена кровавая расправа с красногвардейцами, почти все они были поголовно уничтожены. Это произошло потому, что наш отряд был оторван от центра и от центрального партийного руководства, от регулярной Красной Армии. Дисциплина в отряде не отличалась большой строгостью,

была слабой. В этот опасный момент для отряда многие даже не знали о том, что идет белогвардейский отряд. Многие покинули свой фронт и ушли в близлежащие деревеньки для того, что бы купить себе продуктов, помыться в бане и т. д. Всех, кто возвращался, ловили и расстреливали. Кроме того в отряде и настроение было недостаточно бодрое. Когда выявился недостаток патронов, недостаток продовольствия стали слышны разговоры: чего сидим, чего ждем, надо идти в Иркутск. Т. Родзинский (тов. Стоянович в то время был уже ранен, Одишариев уехал в Бодайбо) собрал митинг, на котором выступал, примерно так: кто не хочет воевать с белогвардейщиной, кто дезорганизует работу, тот может сдать оружие и уйти. На этом же митинге двое сдали оружие, и ушли, а потом ушло ещё человек 10.

Также образом, узнав, что помочь отряду, стоящему в Мельничной уже нельзя, мы пошли по тракту. Нас было всего 14 человек. Отойдя километров 5–6, мы порвали телеграфную связь стали отходить вниз по Лене на Витим для того, чтобы присоединиться к местной команде. «Кушнарев» стоял в это время в Витиме и на нем можно было уехать.

Когда мы вышли из Никольска, мы направились в ближайшее село.

В это время, ничего не зная о случившемся, из Бодайбо шел пароход «Якут» с подкреплением – снаряжением, боевыми припасами, гранатами, самодельными патронами под командою тов. Таюрского. Пароход «Якут» подошел к обстрелянным пароходам «Игнатьев» и «Тайга» и был также обстрелян. Он из-под обстрела благополучно вернулся обратно. Мы же, выйдя примерно в 3–4 км ниже Александровска, командировали 2-х товарищей в Александровск, купить лодку и продукты с тем, чтобы на ней иметь возможность следовать вниз. Когда мы сделали посадку на лодку и уже плыли, то увидели идущей сверху пароход, который мы приняли за белогвардейский пароход, посланный за нами с целью погони. Мы стали причаливать к берегу для того, чтобы выбрать удобное место, где бы можно было укрыться и обстреливать пароход, но лодка впопыхах наскочила на мель и застряла.

Пришлось всем выскочить и брести на берег. Т. Родзинский растерялся больше всех, он даже потерял сапоги, когда бежал. На берегу мы остановились и стали ждать прибытия парохода.

На пароходе заметили переполох, который произошел в лодке и выбросили красный флаг с тем, чтобы убедить нас, что это не белогвардейский пароход, но мы были не уверены, потому что никто не ожидал парохода сверху. Когда пароход поравнялся с нами, мы повели переговоры, обстреливать пароход не стали. По крику с парохода я узнал голос т. Таюрского и пошли навстречу. Потом мы уже установили, что пароход «Якут» шел из Бодайбо на подкрепление Киренского фронта. Убедившись, наконец, что на пароходе едут свои, мы были с берега перевезены на пароход «Якут». На пароходе мы подкрепились, пообедали. Это было часов в 6 вечера, в первых числах августа. Мы отдохнули, некоторые товарищи занялись разговорами.

Часов в 12 ночи этого же дня один из матросов парохода старый мой знакомый Востряцов Александр пришел ко мне и сообщил, что на пароходе организован заговор среди команды и что заговором руководит машинист Малезников. Целью заговора было разоружить красногвардейцев. В заговоре участвовало человек 7–8 матросов, машинист, помощник его, кочегар и др., всего человек 20. Я об этом сразу же донес командиру т. Родзинскому. После совещания было решено людей не арестовывать, а быть всем настороже.

По прибытии в с. Витим мы приступили к ремонту парохода «Кушнарев», стоявшего в Витиме. Своими силами сделали промывку котлов. Т. Полютков, мадьяр был назначен машинистом. По восстановлению парохода сняли местную команду, находившуюся в Витиме, и выехали в город Бодайбо. Когда мы оставили Витим, для местной контрреволюции стало ясно, что отряды наши разбиты под Киренском, что остатки красных отступают под Бодайбо. Среди кулачества велась организационная работа по встрече белогвардейцев. Этой организацией в селе руководили Владимиров, бывший офицер, поручик старой армии, Мухин, прапорщик, Сосна-Гутман, местный кулак, Попов И. И., Бельюкины братья и Авдеев, который, кстати, в бытность мою в Витиме уполномоченным по линии партийной, пробрался в колхоз, из которого был впоследствии вычищен. По распоряжению Владимирова, Мухин поехал в Малый Пеледуй, где он поймал 2-х красногвардейцев, избивал их в присутствии населения – бедноты, и намерен был даже расстрелять в присутствии населения, но беднота перед ним по-

ставила вопрос таким образом: что если вы взяли на себя миссию издеваться над людьми, то делайте это не перед нашими глазами. Поэтому он, совместно с другими кулаками увел их. Они пропали без вести. Крестьяне говорили, что их расстреляли и спустили в воду. По отходе парохода «Кушнарев» в Бодайбо, Владимиров и Мухин с местными кулаками также поймали трех красногвардейцев, которые не успели попасть на пароход, вследствие того, что во время его прихода были в соседнем селе и не знали о его прибытии. В числе этих красногвардейцев был т. Циганков – командир взвода. Он был расстрелян против дома кулака Сосна-Гутмана на берегу реки Лены. Расправившись с красногвардейцами, они стали вести подготовку к встрече белых и по прибытии последних, устроили демонстрацию и встречу их с хлебом и солью.

По приходу «Кушнарева» и «Якута» на пристань Воронцовка, по расположению т. Родзинского пароходы остановились для погрузки продовольствия из местной Воронцовской базы. С загрузкой парохода мы задержались 2 суток. Этим временем белые сумели расправиться с остатками красных, оставшихся после разгрома. Их выдавало население, крестьяне находили трупы красногвардейцы в безобразном, искалеченном состоянии. Местный житель с. Куринска Третьяков Семен Иннокентьевич встретил во время рыбалки одного из красногвардейцев, отпущенного белыми, потому что он помешался до такого состояния, что был совершенно невменяем, он встретился с ним и звал его к себе в лодку, но тот ничего не ответил, молча развернулся и ушел в лес.

Белые спешили за «Кушнаревым» на пароходе «Альфред». Пароход «Альфред» шел прямо по Витиму без барж, гораздо быстрее, чем «Кушнарев». Между Воронцовкой и 7-м Зиновьем мы встретили пароходы «Николай» и «Киренск», идущие из Бодайбо с подкреплением.

На этих пароходах ехал т. Стоянович, раненный под Змеиной. С ним ехал вновь сформированный для пополнения отряд из бодайбинских рабочих в количестве 120 человек. При встрече все пароходы причалили к берегу. Т. Стоянович задал вопрос Родзинскому, в чем дело. Т. Родзинский ответил, что отряд под Киренском разбит, пароходы, на которых находился штаб красных, заняты белыми. Т. Стоянович плакал от того, что мы не могли отстоять Киренск. Среди рабочих был организован митинг, на

котором выступали т. Стоянович и Родзинский с призывом теснее сплотиться, организовать крепкий революционный кулак для защиты золотой промышленности и восстановления связи с восточными партизанскими отрядами т. Лазо и Шилова.

Этот призыв был единодушно поддержан. Разногласия были только лишь по поводу плана отступления. Часть рабочих требовало по приходу в Бодайбо не задерживаться, захватить на пароход все наличие золотых запасов, лошадей, оленей, взять местные красногвардейские части и выехать прямо вверх по реке Витиму, вверх, пока пароход может идти. До порогов, затем перегрузить запасы на оленей и лошадей, пойти по направлению Приморья, скрываясь в лесах. Золота было около 2000 пудов. Эти требования рабочих были приняты, ибо дошли сведения, что в Иркутске уже Советской власти не существовало, Киренск взят, в Якутске произошёл переворот.

Не доезжая до Бодайбо 6–7 км в местности Собачьи норки (крутые перекаты), ниже нас километра на 4–5, показался из-за мыса пароход белых «Альфред», на котором мы были убеждены, что едут белогвардейцы. Время было к вечеру, погода стояла пасмурная, хотя дождя не было. Командиры Стоянович и Родзинский решили баржи отбуксировать в Собачьи норки и поставить на перекатах с тем, чтобы загородить путь пароходу. Две баржи были оставлены в Собачьих норках, одна из них затопилась на быстрине. Оставив баржи, мы стали следовать дальше, но останавливаться в Бодайбо пароходам «Кушнареву» и остальным не было никакого смысла. Пройдя город Бодайбо в 3-х километрах выше Королевки, пароход «Кушнарев» с пересаженными рабочими красногвардейцами с пароходов «Киренск» и «Николай» (всего примерно было 160 человек), был поставлен на рейде – на середину реки без причаливания на тот случай, чтобы сразу сняться с якоря. Пароходы «Николай» и «Якут» стали у берега. На них ехали наши командиры. «Киренск» же в наступившей темноте умышленно отстал. Это надо объяснить желанием команды парохода. В связи с этим «Альфред» (переименованный ныне в «Революционный», он погиб во время северной экспедиции в 1932 году) нагнал отставшего «Киренска», арестовал находившихся красногвардейцев человек 10. Наступила темнота. Огней на пароходах не было.

Белые, арестовав красногвардейцев, сделали пересадку, пересели с пулеметами на «Киренск» и таким образом шли к «Кушнареву».

На пароходе «Кушнарев» рабочие были взволнованны и возмущены. Настроение у всех было самое напряженное, все ждали, [что] вот-вот их нагонит «Альфред». Большинство рабочих красногвардейцев были молодые ребята, не участвовавшие ещё в боях. Рабочие были не все вооружены. Все ждали распоряжения с берега. С берега слышался голос командира отряда Родзинского: «Какой идет пароход?» С парохода «Киренск» ответили: «Киренск», но отвечали уже белые. Когда услышали, что идет «Киренск», т. Родзинский дал новое распоряжение – приставайте к «Кушнареву», выбрасывайте трапы на пароход и вооружайтесь. На это последовал ответ: «Хорошо» и одновременно по берегу открыт пулеметный огонь с парохода «Киренск».

Не дожидаясь команды с берега, убедившись в том, что на пароходе «Киренск» белые стреляют по берегу, я и китаец Ван-куй крикнули рабочим: «За оружие». То же кричал на другой стороне с парохода т. Смирнов. Рабочие, у которых были винтовки, схватились за винтовки и стали обстреливать пароход. Пулеметов у нас не было. Я с Ван-куй, имея при себе 8 патронов, первый три, а второй 5, выскочили на борт и выпустили последние патроны в защиту Советской власти. Пулеметный огонь с парохода «Киренск» перебрался на наш пароход. Прицел был взят крайне удачный. На пароходе получилась паника. С парохода падали в воду убитые и раненые, отовсюду раздавались крики и стоны, палуба парохода покрылась трупами, кровь текла потоком. Когда я полз по пароходу для того, что бы отыскать патроны, то моя одежда, штаны и куртка сплошь пропитались кровью. На следующее утро руки и одежда у меня были в крови. Сколько было патронов, все были выстреляны. В результате с нашей стороны получилось затишье, но белогвардейский пулемет работал не переставая. Спустя немного времени после затишья с берега слышался голос: «Сдаемся, прекратите стрельбу», но на пароходе «Кушнарев» уже почти никого не оставалось. Из 160 человек осталось 16. Пароход был весь изрешечен. Эта жуткая картина, о которой Бодайбо будет долго и долго помнить. У нас патроны были к 3-линейным винтовкам, а винтовки 4-линейные. Рабочие ехали без оружия. Только небольшая часть рабочих была вооружена 3-линейными винтовками.

Когда была отдана команда «Сдаемся», огонь из пулемета был прекращен. На пароходе сестра милосердия зажгла лампочку и стала оказывать помощь раненым, но раненых было мало, большинство было убито и лежало в лужах крови. Я встал, бросил свою винтовку в воду, потому что патронов не было и пошел на палубу навстречу сестре. Мое внимание приковал один товарищ, который лежал на спине – бодайбинский рабочий, которому пулеметным огнем распорол живот. Внутренности его вывалились наружу, он лежал, обратясь ко мне, сказал: «Я все равно жить не буду, добей меня». Второй рабочий – тоже лежал раненый и просил его добить. Сестра стала заправлять внутренности, но он ее оттолкнул: «Я все равно жить не буду, не лезьте».

Спустя некоторое время послышалось шлепанье весел о воду. К пароходу «Кушнарев» приблизились два баркаса с белогвардейцами. Ещё несколько минут и на пароход заскочило человек 12 белогвардейцев, из них были грузины и русские. Они крикнули: «Руки вверх». Все были уверены, что мы погибли.

У меня сбоку висел наган на ремне. «Да здравствует Советская власть, долой капиталистов» и тут же на месте был арестован белыми. Когда нас арестовали, стали прикладами стаскивать вниз на баркас. Я получил 2 приклада и упал без памяти в баркас. Только, когда подъезжали к пароходу «Киренск», я очнулся. Нас посадили в продовольственный люк. В то же время подвозили арестованных с берега и других пароходов, всего было арестовано человек 60. Было очень тесно.

Утром стали выпускать из люка и обыскивать, снимали все, что только было более или менее прилично. Рубашки, деньги отбирали, все, что было чуть-чуть ценным – снимали. У меня сняли мой черный мундир, брюки, которые я впопыхах надел на пароходе в Киренске после того, как промок в разведке. Многие остались в одном белье. После этого всех перебросили на берег и погнали в бодайбинскую тюрьму. Многие шли босиком, в нижнем белье, растрепанные, в крови, некоторые были легко ранены. В таком порядке нас гнали с пристани по направлению к тюрьме. В то же время, когда мы проходили по городу под конвоем, некоторые из местных буржуев сбежали с тротуаров, приближались к красногвардейцам, плевали в лицо и кричали: «Отвоевали, довольно, красножопые». Называли изменниками родины и т. д. Как можно

описать наши чувства, наше негодование и обиды?! Некоторые товарищи плакали не потому, что их взяли в плен, а потому, что было жалко и досадно на то, что они лишены возможности защищаться и бороться. У всех было такое настроение, что не сегодня или завтра будем пущены в расход.

Нас пригнали в тюрьму. Местная администрация, соблюдая тюремные правила, произвела обыск. Когда мы зашли в тюрьму, нас распределили по камерам. Мне приходилось в детстве переживать всякие невзгоды, голодать, потому что жил бедно, часто не имел хлеба, мерз, но я никогда не плакал, здесь же, когда затолкнули в камеру, когда я увидел тюремные решетки, я заплакал. Но несмотря на жуткое, тяжелое положение всех находящихся в камере, я был взят под критику, дескать, большевик не должен плакать, а должен бороться до последней капли крови. И на этом я закончил свои слезы. Набрался силы и терпения для будущего.

Тюремный режим был жестоким, обращение было прескверное. Ежедневно ночью производились обыски, отбирали все, что было лучше. У меня было 150 руб., их в тюрьме в один из таких обысков отобрали. Один из белогвардейцев положил их к себе в карман. Продукты питания были плохие, хлеба давали полфунта, фунт. Горячей пищи в первое время не давали совсем. Все переживали голод и нужду.

Через 2–3 дня о нашем положении узнали рабочие бодайбинских приисков, но свиданий разрешено не было. Даже в первое время не разрешали передавать передачу, но рабочие, находившиеся на воле, добились разрешения и присылали прямо куль или корзину на такую-то камеру. Этим самым нам была оказана большая помощь.

Мы интересовались, что с нами будет? Будут ли расстреливать или ещё что? Нам ответили: положение пока что выясняется. Некоторые говорили, что расстреляют, но ничего ясного не было. Прошло 10 дней. 26–27 августа утром послышалась команда: «Становить, смирно». Мы не понимали в чем дело, но впоследствии узнали вскоре, что по камерам тюрьмы идет полковник Красильников, который в соседней камере ораторствовал о чем-то непонятном. Очередь дошла до нашей камеры. Прежде чем он подошел к нам, была отдана команда: «Смирно». Вошел полковник. Он был пьян. Обвел глазами камеру, назвал всех изменниками и сразу же

начал ораторствовать. Он говорил о том, против кого вы идете, кого защищаете? Преступников, которые разлагают нашу родину. Они идут по пути жидов, по пути немцев, которые дезорганизуют население. И после этого сказал, что я намерен был всех, кто попадет ко мне расстреливать, но благодаря тому, что Иркутская власть мне делать этого не разрешила, придется всех вас выслать в распоряжение Иркутской власти. Здесь же был задан вопрос Красильникову, когда намерены отправить в Иркутск. Он ответил, что через пару дней, во всяком случае, не позднее 13 сентября вы будете отправлены из Бодайбо в Иркутск с первой партией.

12 сентября мы были построены среди улицы, произведена проверка. Мы были растрепаны, вид у нас был грязный. После проверки было объявлено, что нас сейчас посадят на баржи для отправки в Иркутск. Мы вышли. Погода была пасмурная, начался дождь, было холодно. Когда мы шли до барж, промокли до нитки. Мы были посажены на баржу в нижний люк. Свету не было. Огонь разводить не разрешали. Первые дни не давали никакой пищи. Давали только сухари и холодную воду. На второй день разрешили кипятить воду. Спустя два дня арестованным красногвардейцам разрешили пойти под конвоем в бодайбинский склад, который остался от рабочих Бодайбо, куда они складывали свои вещи, когда отправлялись на фронт. Там мы оделись, кто во что горазд. Там я нашел костюм своего брата и его пальто. Но мне не разрешили их взять.

Числа 14 сентября «Альфред» пошел на Киренск. В этой партии всего было 120 человек, среди них были Стоянович, Захаров, Щербинин, Горняков, Мальцев и ряд других рабочих и командиров. Эту партию доставили в Иркутск 11 октября 1918 года.

По прибытии в Иркутск мы были водворены сначала в пересыльные бараки в тюрьме. Там нас встретил самый жесточайший тюремный режим. Паек был минимальный, горячая пища состояла исключительно из кипятка. Хлеба выдавали полфунта-фунт, иногда четверть фунта, зато было достаточно соли. В связи с этой голодовкой мы неоднократно предъявляли требования об улучшение положения, но наши требования удовлетворяли карцерами, назначением на работу. Между прочим, одно время мы ходили из этого барака полураздетыми на работу, некоторые босиком

на работу по речке Ушаковки для разгрузки из речки замерзших дров.

Одно время привезли в тюрьму партию капусты и овощей, которые нужно было резать. Из нашего пересыльного барака люди специально ходили для того, чтобы наворовать капусты для себя и на коллектив, потому что пищи было не достаточно. В связи с тем, что стали употреблять сырую капусту, развилась эпидемия дизентерии и тифа и т. д. Медицинская помощь была очень плохая. Обычно садили в карцер, даже больных, если настойчиво требовали перевода в больницу. Бывало, что приходил помощник начальника тюрьмы Досов. При получении сообщения о больном товарище, ехидно задавал вопрос: «Ты ещё не сдох, а я думал, что ты уехал в Могилевск». 10 ноября мы из пересыльного барака были переведены в корпус, но в корпусе положение стало ещё хуже. Условия питания улучшены не были, а главное не разрешили внести вещей, которые были кое у кого. Отбирали все годные вещи, одежду, деньги, несмотря на то, что в корпусе был цементный пол, приходилось спать на голом полу.

В ноябрьские и декабрьские морозы, корпус не отапливался по четверо суток. Наш корпус посещали чехо-словаки, которые под предлогом изъятия политической литературы, воровали вещи, которые были, одежду, обувь. Был среди нас один еврей из отряда Каландаришвили. Он всегда, когда надзиратель отходил от дверей, заводил разговоры на политические темы. В день Октябрьской годовщины этот еврей запел Интернационал. За это он был сразу же изъят из камеры и посажен на 5 суток в карцер, а наша камера была объявлена на карцерном положении.

По требованию ряда камер был вызван однажды управляющий губернией генерал Яковлев, который обходил корпус и расспрашивал, сообщал кое-кому из сидящих красногвардейцев, что он будет освобожден. С нами сидел некто Быков. Этот Быков, будучи в отряде у нас, получил ранение под Бодайбо, этот же Быков был знаком в свое время с Яковлевым. И Яковлев, и Быков в свое время, как политические, были сосланы в Усть-Кут, где они работали на выгрузке грузов. Они когда-то были близкие товарищи. Сейчас же оказалось, что Быков ранен, не имеет возможности лечиться, у него загнивали раны. Несмотря на его просьбы, никто ему не оказывал помощи. Когда Яковлев зашел в камеру, Буков

заявил: «Как тебе не стыдно?» Ребята толкнули Быкова в бок, что, мол, делаешь, в уме ли ты. – «Было время, были мы товарищи, но дороги наши разошлись. Я не коммунист и защищать Советской власти не намерен. Буду бороться против». На этом у них разговор закончился. Я был один из самых молодых в отряде, именно поэтому Яковлев, очевидно, обратил на меня внимание и спросил: «А ты что здесь делаешь?» Я ему ответил, что сижу в общем порядке. Яковлев сказал: «Ты будешь скоро освобожден». В таком духе Яковлев обошел все корпуса.

В рождественские праздники камеры пришел навестить поп с крестом, пел. У нас в камере сидел Попов Иван Исаевич, бурят, учитель Балаганского уезда, арестованный как заподозренный в оказании материальной помощи Каландаришвили. Этот Попов заявил надзирателю и попу, что нам крест не нужен, что нас могут приложить к кресту только когда мы будем мертвые. Сразу же после этого поп умотал из камеры, а вместо него пришел помощник начальника тюрьмы, дежурный Ошитка и Ивана Исаевича посадили в карцер. На следующий день нашей камере было предложено пойти в тюремную церковь, Рудаков и Лукин – оба каландаришвилицы, категорически отказались от имени всей камеры. За то камера была поставлена на карцерное положение. На трое суток была лишена пищи. Снижена норма хлеба.

Тюремная администрация за малым исключением обращалась со всеми арестованными красногвардейцами самым жестоким образом, лишала прогулок за малейшие проступки, била ключами красногвардейцев по лицу и т. д. Особенно этим отличался надзиратель Толскинов. Он, кажется, и сейчас находится здесь, в Иркутске. Я его как будто видел. Он впоследствии ушел добровольцем в колчаковскую армию. Я в тюремном корпусе исполнял обязанности истопника. Таскал уголь, который находился рядом с одной из уборных, колот дрова, растапливал печи. Однажды, набирая уголь в ведро, я наткнулся на сверток. Я заинтересовался этим свертком, развернул его. Оказалось, что в этом свертке лежала круглая печать и штамп волостного правления. Впоследствии оказалось, что эти печати сделал один специалист из 3 камеры, но так как сообщили, что будет произведен обыск чехо-словаками, то печати спрятали в уголь. Я тут же в коридоре стал печатать себе удостоверение. Бумага валялась тут же кучами, приготовленная

для растопки печей. Когда я услышал шаги надзирателя, я повернул обратно печати и пытался их спрятать, но было уже поздно, надзиратель заметил. Тогда я их забросил в 3 камеру. Там сверток сразу подобрали и спрятали, но бумажки, на которых я поставил печати, надзиратель у меня обнаружил и отобрал и передал их начальнику тюрьмы. Меня вызвали на допрос. Начальник тюрьмы допрашивал меня с пристрастием. Несколько раз получил от него в зубы и по лицу удары наганом. Начальник тюрьмы требовал выдачи печати, но я твердил одно: «Печатей нет», и сказал, что эти печати я бросил в печь. На следующий день меня снова водили на допрос и начальник заявил мне, что если я не достану печати, то буду сведен на черный двор, а на черном дворе, как мне было известно, либо вешали, либо расстреливали. Но в то время, когда он говорил о черном дворе, здесь же на допросе находился его помощник, дежурный по тюрьме Куцейко, который знал про распоряжение управляющего губернией о моем освобождении. Управляющий губернией после разговора со мной, очевидно, не забыл этот разговор и послал предписание о моем освобождении как несовершеннолетнего.

На следующий день я должен был снова пойти на допрос в 10 часов утра, но в 8 часов утра я был вызван помощником начальника Куцейко и освобожден из тюрьмы, с выдачей справки о том, что я находился в Иркутской губернской тюрьме и что освобожден под гласный надзор Иркутской народной милиции без права выезда из пределов города Иркутска с явкой на регистрацию через каждые три дня.

При выходе из тюрьмы я был гол, как сокол. Куцейко дал мне бушлат, холщевые шаровары и коты (чирки). Знакомых в Иркутске я не имел, денег в кармане не было ни копейки, на мосту через Ушаковку я встретил бодайбинского рабочего Петрова, который был в отряд Родзинского и с радостью и надеждой обратился к нему за помощью, но последний, несмотря на то, что имел полную возможность помочь мне, отказал в этом. Он, очевидно, боялся преследований со стороны белых властей. На Шалашниковской улице я встретил мадьяра Пауля, тоже из нашего отряда, который сидел вместе со мною в тюрьме в одной камере. Он работал в механических мастерских на Шалашниковской улице, теперешнем Куйбышевском заводе. Он очень обрадовался, увидев меня, по-

знакомил меня с тем, что у них есть «большевистская» организация. И сказал, чтобы я приходил в 3 часа, после того как выйдут из мастерских дежурные офицеры. В 3 часа он меня встретил и провел к себе, [в] общежитие мадьяр. Там меня радушно встретили. Их было человек 40. Все они были красногвардейцами и большинство сидело в Иркутской тюрьме, но они были взяты из тюрьмы как мастеровые на работу. Меня накормили, ввели в курс дела, познакомили с тем положением, что в городе есть группа бывших красногвардейцев, от которой можно получить соответствующую помощь. Они сказали, что при наличии вооруженного наступления, на них можно полагаться в первую очередь. Узнав о моем плохом материальном положении, они произвели сбор денег и набрали около 200 рублей, дали папирос и хлеба и рассказали, куда следовать дальше. Этот же мадьяр провел меня на постоянный двор на Сенной площади. Владелицей постоянного двора была женщина, у которой белые расстреляли мужа, как участника революционного движения 1918 года. Мадьяр отрекомендовал этой женщине, и я остался ночевать.

Наутро я ушел из пределов города в Жилкино. Там я попал в дом к крестьянину Иванову Александру Андреевичу. От него я получил сведения, что его брат Николай Андреевич является командиром партизанского отряда. Я познакомился с Николаем Андреевым и его сожителем, через него восстановил связь с бывшими красногвардейцами, жившими в Портартуре, Иннокентьевской, Батарейной, за Каей. Нас набралось человек 50. Оружия в первое время у нас не было.

Во главе этой подпольной организации стоял тов. Исаев, кавказец и Скрябин. Мы собирались и обсуждали ряд вопросов. Сборы происходили преимущественно за Портартуром в лесу или за Батарейной. В первых числах августа мы стали связываться с военными частями, находившимися в Военном городке. Зайдешь в казарму, попросишь воды напиться, попросишь проведать кого-нибудь и беседуешь. Таким образом стали заводить знакомство. В процессе этого знакомства мы выявили ещё несколько активных благонадежных товарищей. Среди них были унтер-офицеры Лошкарев, Бурнышев, фельдфебель Едын (латыш) и штабс-капитан Золотов. В 53 колчаковском полку была организована крепкая большевистская организация.

В это же время был объявлен призыв рождения 1900–1901 гг. Сюда прибыли партии новобранцев из Киренского уезда, Казачинской волости, которые были размещены в Гранд-отеле. Среди них было много моих односельчан. Мне было поручено от организации связаться с этими новобранцами и чисто по товарищески рассказать им, куда они идут, что защищают. Туда ходили также и другие товарищи. В результате наших разговоров новобранцы, когда их послали в Красноярск, попали в первое восстание против Колчака и приняли в нем участие. Однако большая часть из них была расстреляна. Одного из моих односельчан – Алешу Тетерина избили нагайками.

В сентябре ко мне пришел Исаев и сообщил, что мне как киренчанину, знакомому с местностью, вместе с ним поручено пойти на Лену для того, чтобы связаться с отрядом Каландаришвили, Бурлова и Зверева, сообщить наши возможности для осуществления восстания. Поэтому в первых числах сентября мы пошли на Лену. Мы шли пешком через леса и горы. В Харганове мы вследствие того, что у нас вышли запасы провизии, решили зайти на окраину, но когда мы повернули из леса к поселку Харганову, то нас заметила карательная экспедиция Колчака, которая спешила нам навстречу. Мы решили ждать отряда, т. к. бежать было некуда. Т. Исаев вытащил пакет, который у него был разорван на части и тут же закопал в землю. От нас потребовали документы. Просмотрев наши документы, нас арестовали. У меня была справка, данная в тюрьме, у него тоже была такая же, не менее «почетная». В Харганове нас посадили и держали двое суток.

В этом Харганове во время нашего пребывания произошел такой случай: в ближайшей деревне сын одного крупного кулака крестьянина изнасиловал дочь бедняка. Бедняк ходатайствовал о том, чтобы привлекли этого крупного сына к ответственности за изнасилование его дочери, но местные власти мер не приняли и тогда бедняк в отместку за это поджог два стога сена у этого кулака и за это был арестован, посажен вместе с нами в ту же каталажку. Ему привозили еду из дома, а он снабжал нас продуктами. На третьи сутки нас отправили в Иркутск. Нас решили сдать в тюрьму. У меня было неблагоприятное положение из-за печатей и поэтому я боялся возвращаться в тюрьму. Мы просили, чтобы нас доставили по участкам, надеясь там скорее освободиться. Поэто-

му т. Исаева отвели во 2-й участок, а меня в 4-й и мы здесь расстались навсегда. Я впоследствии слышал, что его расстреляли.

В 4-м участке мне пришлось сидеть в одной камере с торговцем китайцем Я-Шао-Тин, которого посадили за опиокурение. С ним мне приходилось встречаться и ранее, покупать разные продукты, спички, колбасу и др. вещи в его лавке. Мы разговорились. Этот китаец находился на особом положении. Благодаря тому, что в его распоряжении были деньги, он давал взятки, ему многое было позволено. Этот китаец имел возможность оказывать помощь не только мне, но и другим. Одно время он мне предложил бежать, но я сказал, что мне нет надобности бежать, потому что я никакого преступления не совершил. Но в связи с тем, что колчаковский фронт на западе слабел, стали жестоко преследовать не только прямых участников, но и косвенных, помогавших им и сочувствующих, я стал колебаться, оставаться ли мне. Этот же Я-Шао-Тин получил сведения, что нескольких человек в 4-м участке расстреляли, производят расстрелы... Он имел доступ в контору, беседовал с отдельными надзирателями и офицерами, как местный благонадежный элемент. Я с ним сдружился, потому что помогал ему в его опиокурении. Ночью, когда наступала пора курить, я загораживал своей фигурой его от взглядов посторонних и он, нагнувшись, между ног раскуривал трубку и, накурившись досыта, засыпал с блаженной улыбкой на лице. Он мне все настойчивей и настойчивей советовал бежать, обещал в случае нужды дать взятку. Я стал соглашаться. Он упросил конвоиров, чтобы меня пустили с ним в уборную – это разрешили. Я стал ходить с Я-Шао-Тинем в уборную, а потом один. В одно из таких посещений уборной мне удалось сбежать в Жилкино.

В Жилкино я остановился у Ханова Максима и Алексея и проживал там. Я снова увязался с прежними товарищами. Однажды мне поручили из Батарейной перевести нелегальное оружие – около 50 винтовок. Я это поручение выполнил. Все винтовки были перевезены на лошади к Ханову, а после в Портартур для вооружения рабочей дружины. Я это оружие получил в Батарейной у местной нелегальной организации.

В конце декабря состоялось восстание 53 колчаковского полка. Это восстание было совершенно после того, как были получены сведения о том, что был взят Омск. Во главе восстания стояли:

Золотов, Бурнышев, Лошкарев, Калашников. В то же время стали организовываться дружины в Свердлово. Мы присоединились к 53 полку. Отрядом была организована связь с Знаменским предместьем, где были также организованы рабочие дружины. Когда было взято оружие в Батарейной, то для вооружения Знаменских дружин, нужно было их перебросить в Знаменск. Перевозку оружия пришлось организовать во время шуги на Ангаре, в этом отношении большую помощь оказали жилкинские крестьяне, которые работали целыми сутками на переправе. Переправа была организована между Жилкино и Быково. Знаменск был взят быстро. Особых боев там не было.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 670. Л. 1–37. Машинопись.

Неполная рукопись В. Г. Никольского о борьбе партизан за Советскую власть в Киренском уезде в 1918–1920 годах

Такие же расстрелы были произведены и в самом г. Киренске, были расстреляны работники первой Советской власти у стен Киренской тюрьмы.

Никаких организаций ни партийных, ни профсоюзных, ни крестьянских не было. Если кто из партийцев или из бывших политических и остался в Киренске, то скрывался в подполье. Настроение было подавленное. Мобилизация крестьянства и городского населения тяжело отзывалась на хозяйствах, лишая их рабочей силы. Но особенно тяжела была для крестьян почтовая и обывательская гоньба.

Дело в том, что Киренский уезд, расположенный по реке Лене, не имеет никаких иных путей сообщения, кроме р. Лены. Зимой от Иркутска через Верхоленск – Киренск до Якутска и дальше проезд возможен только на лошадях, а летом на пароходе. Все проезжающие по служебным или торговым делам на север или обратно в Иркутск пользуются почтовыми подводами за небольшую сравнительно плату. А так как проезжающих очень много: должностных лиц, служащих на Ленских золотых приисках, пароходских служащих, скупщиков пушнины, которые значительные партии пушнины отправляли почтовыми посылками, то почти все крестьянство участвует в содержании почтовых станций, вы-

ставляя значительное количество лошадей, экипажей и ямщиков. Никакого снабжения фуражом, сбруей и прочим необходимыми предметами крестьяне в то время не получали. Плата за гоньбу была невысокая и на этой почве между крестьянами и представителями власти нередко были недоразумения, иногда принимавшие довольно острую форму. Так, например, крестьяне с. Марково в 1919 г. забастовали, требуя повышения платы и снабжения фуражом и перестали возить почту и всех проезжающих.

Прекращение почтовой гоньбы равносильно параличу всей жизни уезда. Об этом тотчас же было сообщено в Киренск. В с. Марково выехал управляющий уездом в сопровождении отряда милиции и категорически потребовал прекращения забастовки. Крестьяне отказались, указывая на то «что они совершенно разорены, что фуража они не получают, что они даже дегтя не имеют чтобы смазать сбрую». Управляющий уездом желая сломить упорство крестьян, закричал на них, «что он кровью их смажет все сани и телеги, а возить их заставит». Забастовка была подавлена, но это выступление представителя уездной власти, с быстротой молнии стало достоянием всего уезда. А также все возрастающее партизанское движение определило настроение крестьянства, еще доселе колебавшегося, и с этого момента крестьянство решительно повернулось лицом к партизанскому движению, которое перебросилось в Киренский уезд с низовьев Ангары. К осени 1919 г., приблизительно с конца сентября, партизаны под командой т. Зверева заняли Илимский край и продвинулись до Усть-Кута. Занятие Усть-Кута, по описанию одного из участников [и] большевистского делегата на первом Киренском уездном съезде Советов в январе 1920 г., произошло так: 20 сентября 1919 г. в с. Каймоново Киренского уезда прибыл небольшой отряд партизан в количестве 20 чел. под командой т. Слюсарева. Этот отряд был послан Зверевым в качестве разведки, с одной стороны и с другой – для вербовки и пополнения партизанских отрядов добровольцами.

Сам Зверев со своими главными силами находился на Камырском фронте, в низовьях Ангары. На сходе, собранном по этому поводу, крестьяне стали записываться добровольцами в партизанский отряд. Пополнив свой отряд, Слюсарев направился на Усть-Кут и 30 сентября 1919 г. после боя с белыми, Усть-Кут был занят. Белые бежали на пароходе вниз по р. Лене. Партизаны

взяли в плен 25 чел. с оружием, которые также вступили в ряды партизан, захватили кой-какую добычу /мануфактуру, 100 быков и проч./ и возвратились из Усть-Кута опять в с. Каймоново, а всю добычу передали Звереву. Любопытно отметить отношение крестьянства к такого рода набегам партизан. Они вовсе не считали предосудительным добычу у спекулянтов и перекупщиков. Захваченная мануфактура была перешита каймоновскими крестьянскими женщинами на обмундирование для партизан, которое было в весьма плачевном состоянии, а быки пошли на продовольствие, в общий котел. Крестьяне и особенно женщины очень охотно откликнулись на призыв Зверева, когда его отряд, численностью приблизительно до 300 чел., остался без хлеба. Каждая из крестьянок считала своим долгом «испечь хлебушко» и на долю большинства из них выпало печь хлеба до 2-х пудов в сутки.

Вторично Усть-Кут был взят партизанами 24 октября 1919 г. под командой Зверева после упорного сопротивления белых, значительно пополнивших свои силы. Борьба была неравная. Белые были хорошо вооружены, тепло одеты и обуты, хорошо продовольствовались. Партизаны, оборванные, голодные с сетками от мошкары на головах вместо шапок, делали чудеса храбрости, бросаясь в атаку с трещотками в руках /вместо пулеметов и ружей/ и выбивая противника их укрепленных позиций. Усть-Кутская победа внесла значительное расстройство в ряды белых.

С временным успехом партизаны постепенно продвигались вперед, и к началу декабря 1919 г. фронт находился уже в с. Подымахино, верстах в 150 от Киренска... Обстановка в Киренском уезде была такова: Киренск был отрезан от своего центра Иркутска, никаких, даже телеграфных сведений, вследствие повреждения телеграфных линий, о положении дел на западе и востоке не поступало, партизанское движение широкой волной разливалось по всему уезду; появлялись партизанские отряды на Тунгуске – со стороны самой отдаленной Преображенской волости Киренского уезда. Настроение крестьянства было не в пользу колчаковской власти, опираться на тонкую прослойку торговцев и скупщиков и прочее городское население, а также на верхушку крестьянства – явно было невозможно. Вспоминается 17 декабря 1919 г., ясный, морозный день, часов в 10 утра зашел ко мне на квартиру мировой судья Е. А. Тощакон, ныне умерший и сообщил, что управля-

ющим уездом эсером Заровским созывается совещание из представителей всех учреждений, на котором будет обсуждаться вопрос «о передаче власти» ... Управляющий уездом сделал доклад о положении дел в уезде и в частности, на Подымахинском фронте. Положение было не из важных, поэтому и военные, и гражданские власти пришли к мысли: от дальнейшей борьбы отказаться, считая ее бесполезной и даже вредной... В этот же день вечером в клубе приказчиков состоялось собрание рабочих, служащих в учреждениях, в пароходствах. Был выбран временный исполнительный комитет Совета в составе пяти лиц: председателя исполкома Никольского В. Г. /автора воспоминаний/ и членов т. т. Наумова М. И., Цыганкова, Семенникова и Яшина.

Припоминается первое заседание нашего исполкома, оно проходило у меня в квартире, так как исполком еще не имел своего помещения. Перед нами встал вопрос, что же делать дальше? Ведь никаких наказов, инструкций, директив никто нам не давал. Все мы были люди новые, даже мало знакомые друг с другом. Советская система для нас была также малоизвестна. Я внес предложение немедленно освободить из тюрьмы всех, кто работал при первой Советской власти. Тотчас же было сделано распоряжение начальнику тюрьмы о предоставлении списков с указанием, кто и за что содержится под стражей. Все политические были освобождены. Но среди них не оказалось работников, которые были бы нам полезны, как организаторы. А вместо освобожденных были арестованы и заключены в тюрьму наиболее ярые представители колчаковской власти – маленькие Колчаки и среди них особенно выделялся бывший кочегар г. Киренска поручик Бобряков, проходивший из местных зажиточных крестьян и имевший большие связи, как с зажиточным крестьянством, так и с купеческой верхушкой г. Киренска. Затем были назначены комиссары: на почту и телеграф – энергичный юноша Цыганков, в тюрьму и некоторые другие учреждения... Ко мне, как представителю исполкома, явился гр. С. Сокол и просил освободить все посылки, принадлежащие американцам, угрожая в противном случае международными осложнениями. Я на это ему ответил, что никаких изъятий и исключений исполком делать не будет ни для кого, что вся пушнина пойдет в фонд республики, а с американцами потом сочтемся... Также была задержана значительная часть золота и сдана в

Киренское казначейство /золото следовало с Ленских приисков/. Впоследствии, когда устанавливалась связь с Иркутском, пушнина приблизительно на 1 млн руб. и золото 160 пудов были отправлены туда же.

Так как комитет состоял всего из пяти лиц, то мы решили в помощь себе пригласить еще нескольких наиболее активных товарищей. Больших усилий и убеждений нам стоило привлечь товарищей к работе в исполкоме. У всех еще свежо было воспоминание о тех расправах с первыми советскими работниками, которые учинил Красильников. Однако кое-кого удалось привлечь. Из вновь прибывших работников хорошо помню двух братьев Дмитриевых А. С. и Н. С. – крестьян Подкаменной волости Киренского уезда. Старые революционеры, пользовавшиеся большим уважением среди крестьян уезда, они оказали нам большую помощь своим опытом и знаниями местных условий жизни. Пришел Клиппер Ю. П., из бывших политических. Перед исполкомом стояла задача ликвидировать Подымахинский фронт. С этой целью исполком послал в с. Подымахино делегацию. Отряд белых под командой местного поручика Скретнева оказался в с. Подымахино между фронтом красных партизан и революционным г. Киренском. Белые никак не могли поверить, что в Киренске переворот уже свершился и власть находится в руках Совета. И только после категорического приказа исполкома по прямому проводу, командующему фронтом белых поручику Скретневу немедленно прибыть в Киренск, белые, видя безысходность своего положения, отдельными партиями стали прибывать в Киренск и здесь разоружались и отправлялись по домам.

Предстояла другая, не менее трудная задача – разместить партизан, которые должны были прибыть с Подымахинского фронта – не менее 600 человек. Частью они были размещены по казармам, а частью по квартирам. Была организована охрана города и особенно казенного винного склада, в котором находилось до 50 тыс. ведер спирта и много водки и на который «с большим вождением посматривали некоторые элементы города и деревни». Между прочим, исполком наложил на местную буржуазию контрибуцию в виде сбора теплых вещей – одежды, обуви и шапок, и рукавиц для того, чтобы одевать оборванных партизан. Владельцам бань было приказано ежедневно топить бани и безвозмездно, без вся-

ких препятствий пропускать партизан. Владелец бань Рапацкий, как-то при встрече рассказывал, что некоторые из партизан по 2–3 раза ходили ежедневно в баню, да и не удивительно, прибавил он, ведь некоторые из них по целым месяцам не мылись, а в такой-то бане, где воды было достаточно, помыться – им доставляло одно удовольствие...

В то же время исполком вел лихорадочную подготовку по созыву и проведению уездного съезда Советов, так как исполком был лишь временным органом власти, не получившим полномочий от населения уезда. По всем волисполкомам были разосланы телеграммы-инструкции по выборам на уездный съезд, который намечался на 20 января 1920 года. Совершенно неожиданно исполком встретил препятствие в лице Центросвета – организации при командующем С. Восточным фронтом т. Звереве – организации, ведающей вопросом гражданского управления. Центросвет считал созыв съезда несвоевременным, а вместо съезда предложил послать своих делегатов от каждого района в Центросвет, причем, никаких указаний, на сколько районов должен был быть разбит уезд, не сделал. Исполком, заслушав эту телеграмму Центросибири, вынес следующее постановление.

1. Считая, что образование в г. Киренске Советской власти произошло революционным порядком, а потому эта власть является самодовлеющей, независимой от какой-либо другой – впредь до установления связи с наиболее крупной революционной организацией, тесно и исторически с ней связанной, каковой является Иркутский совет.

2. Что новый порядок образования районов, предлагаемый Центросветом является чисто искусственным, не оправдываемым ни условиями революционного времени, ни хозяйственно-экономическими требованиями.

3. Это механическое объединение нескольких волостей в один район, по территориальному признаку, является весьма нецелесообразным, так как волости, расположенные по р. Лене, находятся на значительном расстоянии друг от друга и потому районный центр будет чрезвычайно удален, вследствие чего нужды населения будут обслуживаться плохо, Киренский исполком постановляет: предложение Центросибири отклонить и копию настоящего постановления сообщить главному Северо-Восточного фронта

т. Звереву, прося его принять мере к беспрепятственному созыву уездного съезда Советов на 20 января 1920 г.

После длительных переговоров и по прямому проводу, и путем посылки телеграмм исполкому удалось убедить Центросовет в ошибочности занятой им позиции и съезд был назначен на 20 января. В то время, когда у нас в Киренске переворот совершился почти бескровным путем, когда мы имели возможность приступить к налаживанию нашей жизни, к мирному строительству, Иркутск и вся линия Великого Сибирского пути еще горели в огне Гражданской войны. Но уже чувствовалось, что и там колчаковская власть доживала свои последние дни. Иркутск был последним этапом колчаковщины и могилой вождя ее адмирала Колчака.

В последние дни перед своей гибелью, в конце декабря 1919 г. представители этой власти, потерявшие всякую веру в успех своего дела, ничего иного не могли придумать как рассылать телеграммы об увеличении жалования на 20 % всем служащим, убеждая их быть верными и твердо стоять на страже интересов колчаковской власти и объясняя свое отступление от Омска «тактическими соображениями». Киренский исполком на означенную телеграмму ответил управляющему Иркутской губернией эсеру Яковлеву, что в Киренском уезде власть находится в руках Советов и что посылает отряды партизан. Это была последняя весть от вскоре павшего затем колчаковского правительства. Постепенно Киренский совет стал развёртывать свою работу. В первую очередь для разрешения всех продовольственных вопросов был создан продовольственный отдел. К этому же делу – делу освобождения был привлечен и Ленсоюз /кооперативная организация/. Затем был создан военный отдел – позднее переименованный в уездный военный комиссариат и, наконец, отдел административного управления, ведающий всеми вопросами организации власти на местах. Вместе с тем для рассмотрения дел о всякого [рода] контрреволюционных выступлениях, а также для рассмотрения дел о бывших колчаковских агентах власти, и был создан военно-революционный трибунал.

Все приговоры с высшей мерой социальной защиты должны были утверждаться главкомом Северо-Восточного фронта. Благодаря всем вышеуказанным мероприятиям жизнь в Киренском уезде стала быстро налаживаться. По приговору военно-револю-

ционного трибунала были расстреляны бывший начальник киренского гарнизона И. Н. Бобрякова и прапорщик Первушин. Эти два лица слишком много зла причинили населению: один издавал приказы о расстрелах на местах, без суда и следствия – всякого заподозренного в большевистской агитации или в сочувствии к большевикам, а другой выполнял эти приказы.

По поводу присуждения этих двух к высшей мере наказания. Группа жителей в числе 150 человек, состоящая по преимуществу из торговцев, служащих и представителей церкви, подала автору этих воспоминаний, как председателю исполкома, заявление о прекращении смертных казней. В заявлении было указано, что смертная казнь всего менее способствует упрочению новой власти. На этом заявлении исполком и военно-революционный трибунал 3 января 1920 г. [вынесли резолюцию]: «Граждане. Мы чутко прислушиваемся к голосу общественной совести и потому настоящее заявление не обходим молчанием, а отвечаем на него. Мы, представители Советской власти, заявляем, что всего менее опираемся при создании нового строя на ту общественную группу, которая подписала это заявление. Это заявление продиктовано не желанием оказать помощь новой власти при ее строительстве жизни на новых началах, а страхом за свою шкуру, как бы их не коснулась суровая рука демократии. Граждане, оставьте лицемерие. Научитесь говорить правду. Если военно-революционный трибунал вынес суровый приговор, то значит, что мера беззакония и зла, причинённого трудовому народу этими лицами, была переполнена. Вы, вероятно, забыли, что те люди, которым военно-революционный трибунал вынес свой приговор, сами погубили десятки людей. Граждане, возвысили ли вы свой голос в то время, когда здесь же в г. Киренске и уезде банды палача Красильникова расстреливали безо всякого суда и следствий людей, повинных только в том, что они крепко стояли «за право народное», «за долю свободную». Если вы, граждане, дадите нам такой документ, что тогда вы возвышали свой голос и громко кричали «долой смертную казнь и расстрелы», мы приклонимся перед вами и скажем вам: вы достойны имени граждан и ваше заявление о прекращении смертных казней немедленно нашло бы отклик у нас и казней не было бы. Но вы, граждане, потеряли этот документ, как и совесть свою. У нас есть другой документ, о том,

как «вы цветами усыпали путь Красильникова, как вы устраивали ему роскошные обеды и на этих обедах трудовую кровь запивали вином». Об этом вы забыли? Так идите на тюремный двор, и вы увидите могилу убитых вами и вашими друзьям людей, идите в деревню Половинку – и там найдете на берегу Лены братскую могилу наших товарищей, вами убитых. Вы подали нам счет, мы принимаем его и оплатим».

Для характеристики этой обстановки, в которой приходилось работать и той среды, которая являлась источником всяких провокаций и ложных слухов, считаю не лишним привести еще один случай. На другой день после приведения приговора в исполнение над бывшим начальником гарнизона Бобряковым и прапорщиком Первушиным ко мне вечером явился командующий партизанским отрядом т. Поляков и сообщил, что среди партизан распространяется упорный слух, что будто бы над трупами Бобрякова и Первушина учинены издевательства – «выколоты глаза, изуродовано лицо и по телу нанесены штыковые раны». Эти слухи, по словам т. Полякова, вызвали брожение среди партизан, и он опасается, как бы на этой почве не произошло каких-либо эксцессов. Я уже раньше говорил, что расстрелянные по приговору военно-революционного трибунала белогвардейцы Бобряков и Первушин происходили из местных крестьян и имели большие и тесные связи с богатым крестьянством и мещанством. Это то и объясняется, что среди партизан, которые в значительном большинстве были также местными жителями – этот слух вызвал брожение. Мною тотчас же было сделано распоряжение о вызове врача Н. В. Кельнер-Моргана и в моем присутствии, родственников Бобрякова [был] осмотрен труп ... и установлено, что никакого глумления и издевательства над трупом не было: глаза не повреждены, лицо не изуродовано и ни одной штыковой раны на трупе не оказалось. По поводу этой провокации исполком также обратился к партизанам и населению г. Киренска, разъяснив всю провокационность этих слухов.

Немало хлопот причинил казенный винный склад, в котором хранилось до 50 000 ведер спирта и много водки. Этот склад был предметом особых вождедений, как со стороны партизан, так и обывателей, так как продажа водки была запрещена. Пришлось из особо надежных людей организовать охрану склада, а с пар-

тизанами было заключено «устное соглашение», что им будут выдавать на каждого пьющего по ½ бутылки водки, по спискам, заверенным начальником отрядов, и по спискам непьющих не оказалось. Склад со всем имуществом, представляемым весьма значительную ценность, был в целости сохранен.

Приближалось время съезда. Стали прибывать делегаты из наиболее отдаленных волостей – с Киренги, Тунгуски, из Приображенской волости, верховьев Лены. Всего ожидалось делегатов до 150 человек. В жилом помещении винного склада было организовано общежитие для делегатов, а столовая была устроена внизу исполкома. В 6 часов вечера 20 января 1920 года открылся съезд. Председателем съезда был избран старый большевик врач Алексеев Н. А., высланный в Киренский уезд из Иркутска, после чехословацкого переворота, его заместителем автор воспоминаний В. Г. Никольский. Целью съезда было:

I. Организация органов власти в уезде.

II. Разрешение всех вопросов, связанных с чисто местной жизнью /продовольственный вопрос, содержание почтовой гоньбы, содержание школ, больниц и проч./.

С большим воодушевлением все делегаты выслушали мою информацию, как произошел переворот в Киренске, как был ликвидирован фронт, а также сообщения отдельных делегатов о перевороте в отдельных волостях. Такого искреннего, неподдельного единодушия, такой радости по случаю благополучного исхода борьбы с колчаковщиной – трудно было себе представить. Нужно иметь ввиду, что уезд очень долгое время боролся один, без всякой поддержки извне, с Иркутском сообщения не было и там колчаковская власть держалась далее. И когда я в заключении своей информации объявил, что единственной формой власти в уезде являются Советы, все делегаты радостно приветствовали это заявление и радостно кричали: «Никакой другой власти нам не надо, пусть будут Советы». Заслушав мой доклад за время с 16 декабря 1919 г. по день съезда о тех организационных мероприятиях, которые были проведены за это время, съезд одобрил деятельность исполкома и особо отметил, что трибунал совершенно правильно применил высшую меру наказания к бывшему начальнику тюрьмы Бобрякову и прапорщику Первушину, беззакония которых превзошли всяческие границы.

Делегаты съезда чрезвычайно внимательно и вдумчиво отнеслись к каждому вопросу, выдвигаемому исполкомом. Был избран целый ряд комиссий для предварительной проработки наиболее сложных вопросов. Почти каждый из делегатов участвовал в той или иной комиссии. И много ценного, непосредственно взятого из жизни, глубоко продуманного – делегаты внесли в работу съезда и его комиссий. Обсуждался ли вопрос о разверстке на продовольствие или на фураж, или школьный вопрос, или больничный, по почтовой гоньбе, о национализации флота, о наиболее лучших и правильных способах его проведения, о способах и сроках доставки продовольствия и фуража – делегаты чрезвычайно точно и тщательно подсчитывали все свои ресурсы, распределяли по каждому селению, по мощности каждого хозяйства в отдельности и смотришь, намеченный план сбора продрозверстки покрывается полностью и в те именно сроки, когда это нужно.

И всегда соблюдалось правило – «кто больше имеет, тот больше и вносит в общее дело». Быть может втайне и кряхтели наиболее зажиточные, на которых разверстка ложилась наиболее тяжелым бременем, но особенно резких выступлений со стороны этой части делегатов на съезде не было.

В первых числах февраля 1920 года мирная работа съезда была нарушена тревожными телеграммами из Илимского края о том, что разбитые Красной Армией и отступающие с линии железной дороги отряды Каппеля, Войцеховского и др. колчаковских генералов вторглись в Илимский край Иркутской губернии, угоняют у крестьян лошадей, забирают имущество, разгоняют Советы, а работников сельсоветов расстреливают. Илимчане просили помощи. Такие же телеграммы исполком стал получать и из других волостей и селений. Я немедленно же доложил съезду о положении дел в Илимском крае и поставил вопрос: следует ли нам оказывать вооруженное сопротивление отступающим отрядам Каппеля или же пропустить их, не оказывая никакого сопротивления, терпеливо и молча перенося их бесчинства, грабежи и убийства. Без всяких прений съезд единогласно решил «оказать вооруженное сопротивление отступающим отрядам и с этой целью мобилизовать все население уезда, способное владеть оружием». Съезд также постановил «для руководства всем этим делом избрать Ревком в составе 3-х лиц – В. Г. Никольского, Клеппера Ю. П. и Од-

накурцева А. Д. Ревкому был вручена вся полнота власти и распоряжения его были для всех обязательны. Председателем Ревкома был избран Никольский В. Г. /автор воспоминаний/. Немедленно же Ревком по телеграфу объявил о мобилизации населения уезда, способного носить оружие. Делегатам съезда по распоряжению Ревкома были даны определенные задания в связи с объявлением мобилизации. С Усть-Кутом и Илимским краем непрерывно поддерживалась телеграфная связь. Партизанские отряды, находящиеся еще в Киренске, немедленно же были отправлены в Усть-Кут, через который только и смогли пройти отступающие каппелевцы. Перед Ревкомом встала задача обеспечения Усть-Кутского фронта продовольствием и фуражом. Надо было наладить транспорт для бесперебойного снабжения фронта продовольствием /от Киренска до Усть-Кута 300 верст/.

Всю организацию снабжения фронта Ревком поручил Ленсоюзу, фураж доставался по нарядам Ревкома, главным образом, из Марковской и Макаровской волостей Киренского уезда. Но самой главной заботой Ревкома было обеспечение фронта венными припасами и оружием. Все имеющееся оружие вплоть до охотничьих ружей и «самопалов» было собрано и приведено в надлежащий вид. Этим оружием вооружились мобилизованные, не имеющие своего оружия. Большинство же мобилизованных явилось со своим оружием и со своими припасами /порох, пули, картечь и т. п./, так как местное население почти поголовно занималось охотой. Особенно острая нужда ощущалась в патронах. Для изготовления были мобилизованы мастерские пароходства Глотова, Кушнарера и Громовой, которые по данным им образцам, изготавливали патроны и пули, затем отправляли на фронт. Был взят динамит, направлявшийся на Ленские золотые прииски, в количестве нескольких десятков пудов. Автор этих воспоминаний проводил собрания рабочих означенных мастерских, на которых, разъяснив им положение дела на Усть-Кутском фронте, призывал их к поддержке всех мероприятий Ревкома. Рабочие очень дружно ответили согласием и тотчас же приступили к работе, прекратив ремонт пароходов.

На другой же день после объявления мобилизации в Киренск стали прибывать крестьянские дружины из ближайших к городу волостей, которые немедленно же после регистрации их переот-

правлялись на Уст-Кутский фронт. Здесь считаю небезынтересным отметить прибытие партии тунгусов-лыжников. Как-то вечером в Ревком пришли тунгусы в количестве 12–15 человек и просили дать им оружие и отправить на фронт. Я и присутствовавший при этом секретарь Ревкома П. С. Стяжкин спросили: «Зачем же они идут на фронт? С кем воевать собираются? И где же у них оружие?» Все это было сравнительно молодой народ, в возрасте 25–30 лет, но были и пожилые. Один из них выступил и произнес следующую речь: «Мы идем воевать с теми, с кем весь народ воюет. Куда, значит, народ идет, туда и мы. Но у нас нет винтовок, а есть только лыжи, дайте нам винтовки, и мы пойдем воевать».

Я распорядился выдать им оружие и отправил их на фронт в распоряжение командующего фронтом т. Полякова, в качестве команды разведчиков-лыжников. Снабдил их соответствующими документами, и они на лыжах ушли на фронт. Впоследствии эта команда лыжников оказала нам большую услугу, выследив на протяжении свыше ста верст продвижение отрядов Каппеля, но об этом потом. Положение в Усть-Куте было таково: в первых числах февраля /числа 7–10/ в с. Усть-Кут со стороны Илим-края прибыл хорошо вооруженный отряд генерала Сукина, численностью приблизительно, по словам жителей, до 500 человек. Переменив в Усть-Куте у местных жителей лошадей, отряд отправился из Усть-Кута вверх по Лене.

Отряд генерала Сукина держал связь с другими отрядами, следовавшими за ним, а именно с отрядом полковника Казагранди /он же атаман Казаков/, генерала Галкина, бывшего военного министра Комуча /комитета членов Учредительного собрания в Самаре/ и генерала Перхутова /бывшего организатора Ярославского восстания/.

Из перехваченной шифрованной переписки между штабом Сукина и отрядами генерала Галкина и Казакова намерения и план Сукина состояли в том, чтобы прорваться через Усть-Кут, уйти вверх по р. Лене до Верхоленска, а затем идти по реке Кулинге, перевалить через хребет к Байкалу, по льду перейди Байкал на восточный берег его и выйти немного южнее Баргузина. Если бы этот план удался, генерал Сукин со своим отрядом был бы в «нейтральной зоне», где царствовал атаман Семенов и японцы. Для характеристики постановки информации и взаимной связи

в этих отрядах я приведу следующие перехваченные нами письма на имя атамана Колмыкова /он же Казагранди/.

От генерала Сукина получены следующие сведения:

Из Иркутска навстречу подходящим и отступающим войскам Каппеля, Войцеховского, Волкова, Вержбицкого был послан отряд красных под командой Нестерова. Под ст. Зима Войцеховский разбил Нестерова и полностью уничтожил так называемую «первую линию». Чехословаки помогли Войцеховскому, ударив в тыл Нестерову. Будто бы какие-то части белых проходят мимо Иркутска севернее его и даже через район Верхоленска. Советская армия идет медленно по ж.д. и, по сведениям от 31 января 1920 г., находилась в Нижнеудинске, или перед ним. Японцы с Семеновым находятся на станции Мысовая. На восточной стороне Байкала, где идут военные приготовления, ими же в Верхнеусинское будто бы привезено несколько батарей. Город Баргузин занят Семеновым и японцами.

Хотя все эти сведения подлежат сомнению, но основываясь на них, генерал Сукин предпринял следующее решение: двигаться вверх по Лене на Жигалово /верст 330/ и Верхоленск /верст 80/. Откуда вверх по р. Куленге /три перехода/ и через хребет /два перехода/ к Байкалу. Затем по льду /верст 70/ на восточный берег его и выйти немного южнее г. Баргузина. Движение это генерал Сукин думает закончить в пятнадцать переходов, не делая дневок. Город Верхоленск 240 верст от Иркутска. Он думает успеть проскочить ранее, чем из Иркутска будут иметь возможность выслать солидный отряд для отпора. В случае неудачи есть тыл для отхода вниз по Лене.

Из Усть-Кута немногочисленные красные под командой Полякова отошли вниз по Лене, остановились в ближайших деревнях и, по всей вероятности, после ухода Сукина вновь войдут в Усть-Кут.

По слухам, на помощь из Бодайбо идет отряд под командой Мунгалова. В г. Киренске также есть маленький отряд. Все эти отряды, вместе взятые не представляют большой силы – тем более у них очень мало винтовок.

Насчет фуража и продовольствие имеются следующие сведения: вверх по р. Лене до Верхоленска и по р. Кулинге хлеба и овса много. Вниз по р. Лене до устья Витима до самого Бодайбо /300

верст/ только одни зимовья. От Бодайбо начинаются прииски. Для соединения с Вами принужден поступать следующим образом. Завтра из Усть-Кута одновременно с отрядом Галкина двигаться за ним малыми переходами дня три, четыре и затем быстро вернуться в Усть-Кут ко времени вашего прихода в него.

Как видно из письма информация в отрядах каппелевцев была поставлена хорошо. Они знали не только о положении на линии фронта /чего мы, живущие в Киренске не знали/, а имели сведения и о том, что из Бодайбо вышел партизанский отряд под командой Мунгалова, что в Киренске имеется лишь незначительный отряд красных партизан, что все вместе взятые отряды партизан и дружинников не представляют для них большой опасности, что партизаны вооружены плохо, хорошо знали о состоянии продовольственного вопроса на пути, который им предстояло пройти. И несмотря на все эти благоприятные для них условия, план и намерения генерала Сукина не осуществились. Под Качугом отряд Сукина был разбит партизанами, кажется под командой Бурлова и разбежался. Часть отряда появилась в верховьях р. Тутуры, а небольшая часть прорвалась и ушла к Байкалу. Но я должен объяснить, каким образом случилось, что отряд генерала Сукина прорвался без всякого боя через Усть-Кут и ушел по Лене, несмотря на значительные силы партизан, сосредоточенных в Усть-Куте.

Как выяснилось в последствии, разведка от партизан, находившихся в с. Каймоново верстах в 40 от Усть-Кута, по направлению к Илим-краю, откуда и шел генерал Сукин, переписалась и не могла сообщить главным силам партизан, находившимся в Усть-Куте. Все разведчики попали в плен к Сукину, который как потом передавали – «с усмешкой всех пьяных разведчиков отправил для вытрезвления в баню, где их сначала «выпарили», а потом выпороли. За достоверность этих сведений не ручаюсь, но факт тот, что главные силы партизан, не имеющих никаких сведений от разведки из Каймоново был застигнуты в Усть-Куте отрядом Сукина врасплох, совершенно неподготовленные к вооруженному отпору и в силу этого вынуждены были отступить вниз по р. Лене пропустив без боя отряд Сукина.

Это самое подтверждается и приведенным мной выше информационным письмом на имя атамана Казакова.

Ревком, получив сообщение о том, что отряд генерала Сукина прорвался через Усть-Кут и ушел вверх по Лене, что среди партизан в Усть-Куте создавалась нездоровая атмосфера, что организованной работы по укреплению дисциплины и подготовки к вооруженному отпору идущим отрядам Каппеля почти никакой не ведется, решил немедленно же подкрепить фронт новым работниками, могущими быстро ориентироваться в создавшийся обстановке и принять ряд практических мероприятий.

Это было тем более необходимо, что Усть-Кут был единственным благоприятным пунктом, где мы и могли оказать вооруженное сопротивление наступающим отрядам. Там же были сосредоточены все наши военные силы и продовольствие. Киренск остался почти беззащитен, так как все люди и все оружие были отправлены в Усть-Кут. И если бы белым удалось разгромить нас в Усть-Куте, то для них дальнейшей путь вниз по Лене был совершенно открыт.

Киренск подвергся бы несомненному разгрому; Бодайбо и Ленские золотые прииски также было бы совершенно беззащитны, так как отряд бодайбинцев был отправлен в Усть-Кут. Богатая бы добыча белым досталась в Бодайбо и на приисках. Помимо значительной партии золота, они захватили бы весьма значительные запасы продовольствия, завезенного труда акционерным обществом. Обсудив все эти данные, Ревком постановил немедленно же откомандировал на Усть-Кутский фронт в качестве уполномоченных для руководства всей работой по обороне Усть-Кута председателя Ревкома В. Г. Никольского и А. С. Дмитриева. Никаких инструкций уполномоченные не получили, а получили только один наказ «сделайте все возможное в человеческих силах и спасайте уезд от разгрома».

16 февраля 1920 г. я и т. Дмитриев выехал на фронт. Настроение как у Киренчан, так и у крестьян сел и деревень, мимо которых мы проезжали, было тревожное. Все прекрасно отдавали себе отчет, что в случае неудачи – разгром неминуем. Скрыться некуда. Единственный путь – это Лена, а дальше тайга, горы. Зимой никуда не уйдешь.

По пути мы почти в каждом селении останавливались и устраивали собрания и совещания с сельсоветами по вопросам организации отрядов, отправки продовольствия, фуража на фронт.

Вечером 19 февраля по прибытии в с. Таюру, мы имели разговор по прямому проводу с командующим фронтом т. Поляковым, который информировал нас о положении на фронте и о приближении отрядов Каппеля. Вместе с тем он просил о подкреплении патронами для берданок, о скорейшей присыпке продовольствия, фуража, табаку и проч.

Сделав соответствующие распоряжение в Киренске о присылке патронов и продовольствия – мы в ночь на 20 выехали в Усть-Кут, куда и прибыли 20 февраля. Ознакомившись на месте с положением дела, мы нашли, что в организационном отношении дела обстоят из рук вон плохо. Никакого учета дружин и партизан не велось. Сколько всего было под ружьем людей – точно неизвестно. Сколько состояло на довольствии – также неизвестно. Гражданское управление в Усть-Куте совершенно отсутствовало. Разведка была послана только в одном направлении и то сообщала неаккуратно о движении отрядов Каппеля. Работа предстояла огромная. Прежде всего, было сделано распоряжение о составлении списков дружинников и партизан. В этом отношении нам большую помощь оказал бывший ссыльный Байнарович, который быстро составил списки всех партизан и дружинников. Было устроено совещание с командным составом, на котором произведена разбивка всех людей на полки и роты, причем роты носили названия тех волостей, из которых в данной роте были люди. Были марковцы, макаровцы, подымахинцы и т. д.

Покончив с этим и наладив учет выдаваемого оружия, патронов, продовольствия – мы немедленно взялись за организацию гражданского управления. Мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что если не втянуть в работе само население – то никакого толку не будет. Поэтому немедленно же было создано общее собрание граждан с. Усть-Кута. На этом собрании я сделал доклад о положении дел на фронте, указал на ту опасность, который мы все подвергаемся, если единодушно не дадим отпора наступающим отрядам Каппеля и тут же предложил избрать из своей среды Волостной Ревком, распоряжения которого всеми гражданами должны беспрекословно. Был избран Ревком, после этого общее собрание мы распустили и занялись инструктированием вновь избранных членов Ревкома. Каждому из них была отведена своя отрасль работы. Один член Ревкома ведал охраной продовольственных складов, другой наря-

жал подводды, третий держал связь со штабом и уполномоченными, четвертый наблюдал за транспортированием грузов, пятый взял на учет все большие помещения на случай организации госпиталя, шестой ведал делами внутреннего порядка. Одним словом, каждый из членов Ревкома знал свои обязанности, нес ответственность за исполнения их. Никакой обезлички не было. Все были на своих местах и без всякой суеты исполняли даваемые им поручения и нужно сказать, что население сразу же почувствовало, что дело предстоит серьезное и чрезвычайное отзывчиво и внимательно исполняли наши требования. К вечеру 20 февраля были получены сведения о том, что верстах в 80–100 от Усть-Кута появились отряды Каппелевцев. Необходимо было готовиться к вооруженному отпору этих отрядов. Надо было выбрать позиции. И вот ночью 20 февраля, при лунном свете, при довольно крепком морозе – мы вместе с командующим фронтом и командирами полков и рот отправились на выбор позиций. В 6 верстах от Усть-Кута находится небольшая деревенька Паново, расположенная на берегу р. Куты, почти при впадении ее в Лену. Плато, на котором располагалась деревенька нам показалось чрезвычайно удобным для расположения наших отрядов: правый берег р. Куты высокий, гористый и покрыт лесом, а левый низменный, представляющий из себя защищенную ложбинку. Расположись на этом месте, мы видели все, что делается на реке Куте – единственной проезжей дороге, а нас с реки не видно. Выбрав позицию и наметив расположение отдельных рот, командующий фронтом т. Поляков сделал распоряжение о доставке на позицию единственной самодельной «пушки», доставшейся в наследство от Зверева. В сущности, это было самая безвредная, безобидная штука. Партизаны в шутку называли ее «Беда-пушка». Выстрелить из нее можно только один раз и то с большими предосторожностями и затруднениями. После каждого выстрела некоторые части ее приходили в полное расстройство. Но «гром» и «грохот» она производила большой. Выстрел из нее означал начало боевых действий. Устроив «орудие» и наметив место для «Максима» /пулемет/, мы уже поздно ночью возвратились в Усть-Кут. Через каждые два часа разведка, состоящая из команды лыжников-тунгусов и других надежных партизан, доносила о продвижении каппелевцев.

Прекрасные лыжеходы-тунгусы знали каждый шаг каппелевцев. По их рассказам, первый отряд атамана Казакова насчитывал

свыше 500 человек, хорошо вооруженных винтовками, пулеметами и скорострельными ружьями. За этим отрядом на расстоянии, примерно 2-х переходов продвигался второй отряд генерала Галкина и наконец, еще на расстоянии одного перехода – третий отряд генерала Перхутова. Всего людей в 3-х отрядах было приблизительно, по их словам, до 2-х тыс. человек.

Поскольку так в отрядах Каппеля были профессиональные, высококвалифицированные вояки, с большим опытом и знаниями военного дела, прекрасно вооруженные, в наших же наскоро сколоченных дружинах не было ни дисциплины, ни сведущих в военном деле людей, ни достаточно приличного вооружения.

Борьба была неравной. Но за то все мы были объединены сознанием, что боремся за правое дело, отстаиваем от разрушения и гибели свой родной край. Наступило 22 февраля 1920 г. день боя. Морозное, ветряное утро. Разведка каждые полчаса доносила о приближении противника. С 5 часов утра все наши отряды были выведены на позиции и залегли в снежных окопах. Около 7 часов утра показался головной отряд атамана Казакова, состоящий приблизительно человек из 30, часть из которых ехала верхом, а часть была в санях. Они тихо продвигались по р. Куте. Как только этот отряд поравнялся со серединой расположения наших дружин, раздался пушечный выстрел и в это же время был открыт оружейный и пулеметный огонь по отряду. Ни один человек из этого отряда не уцелел. К этому времени подошли главные силы отряда Казакова и открыли сильнейший огонь по нашим позициям из пулеметов и скорострельных ружей. Бой продолжался до 2 часов дня. Мы стреляли с расчетом и большой экономией, так как у многих наиболее горячих воинов наших – все патроны были уже расстреляны. Между прочим, в самый разгар боя произошел следующий едва не повлекший за собой гибель всего нашего дела, случай. Кто-то из партизан пустил слух, что белые нас обходят. Этот провокационный слух с быстротой молнии облетел все наши окопы, и наши воины, не разобравшись в чем дело, не слушая ни уговоров, ни увещаний, тотчас же побросали окопы и стали убежать кто в Паново, кто на солеваренный завод. Фронт стал оголяться. Видя неминуемую гибель, мы с т. Дмитриевым вызвали командующего фронтом и приказали ему расстреливать каждого убегающего с фронта. Товарищ Поляков тотчас же вызвал командира роты – Марковской

т. Маркова – эта была сплоченная стойкая дружина и приказал отрезать путь всем убегающим, а в случае неповиновения – стрелять в них, и только благодаря этому, силой оружия мы заставили всех беглецов возвратится на свои места и порядок был восстановлен. После этого дружинники, поняв свою ошибку, с каким-то ожесточением открыли огонь по белым и заставили их отступить. Потери с нашей стороны – один убитый т. Мыльников, а со стороны белых убито и ранено свыше 30 человек, взято в плен 9 человек. После боя немедленно же были выставлены заставы, а по следам белых – стороной, невидимые для противника шли наши лыжники-тунгусы, наблюдавшие за действиями белых отрядов.

В это время в нашем штабе, расположенном в д. Паново, я опрашивал пленных о численности еще идущих отрядов каппелевцев, их вооружении, о настроениях среди солдат. Из расспросов выяснилось, что настроение у солдат довольно таки не воинственное, никто не хотел больше воевать, надоело, всем хотелось разойтись по домам.

Посоветовавшись между собой, мы решили использовать это настроение солдат и послать к ним одного из пленных с воззванием. Тут же мною было написано обращение к солдатам отряда атамана Казакова, в котором от имени нашей Ленской красной армии мы предлагали им добровольно сложить оружие и возвратится по домам, к мирному труду. Для доставки обращения в отряд каппелевцев нами был выбран пленный Кобелев, который очень охотно согласился выполнить эту задачу. Как пленный Кобелев видел с нашей стороны самое гуманное отношение к себе и дал нам слово, что он проведет самую решительную агитацию за прегрешение братоубийственной войны. Ночью 23 февраля Кобелев отправился в сопровождении возчика гр. Катышевцева в д. Максимовку, где после отступления расположились отряды Казакова и Галкина. Прошло два дня. Никто для переговоров с нами не прибывал. Настроение среди партизан и дружинников было подавленное. Дружинники стали поговаривать: «что им нужно домой». «Что хозяйства их осталось беспризорными, что вооружение у них плохое, что белые теперь озлоблены на нас и если вернутся, то они разрушат все наши села и деревни, что лучше пропустить их без сопротивления и пусть себе идут, куда хотят». Кроме того, среди дружинников участились случаи краж, стало

развиваться пьянством. Положение было напряженное. Пришлось в спешном порядке сделать общее собрание всех партизан и дружинников и разъяснить им положение.

Ну если бы такое состояние протянулось еще несколько дней – кто знает, чем бы все это могло кончиться.

К общему благополучию вечером 25 февраля от отрядов атамана Казакова и генерала Галкина приехала делегация в составе 7 человек для ведения мирных переговоров.

Прежде всего, делегация вручила нам ответ на наше обращение о добровольной сдаче оружия следующего содержания: «В ответ на ваше предложение от имени нашего отряда и отряда генерала Галкина сообщая, что целью вновь сформированных отрядов наших является отнюдь не борьба с советской властью, а достижения такой зоны, чтоб была возможность демобилизации вооруженных сил, с получением надежных гарантий безопасности и возвращения к мирному труду. Поэтому, веря вашему предложению и во избежание дельнейшего проливания братской крови и продолжения губительной войны, мы согласны и желаем вступить в переговоры с вами на следующих условиях:

1. Не сомневаясь в том, что со стороны вашего отряда нам уже даны эти желательные для нас гарантии безопасности, но, не будучи уверены, как посмотрит на завязавшиеся переговоры с нашими отрядами Центральная Иркутская власть, мы считаем необходимым, чтобы делегаты наши поэтому вошли в контакт с г. Иркутском по прямому проводу.

2. Желая сдать оружие в Иркутске, мы просим пропуск через Усть-Кут, не слагая оружия.

3. Мы полагаем, что с вашей стороны должны быть даны гарантии безопасности проходящим отрядам, их семьям, больным и раненым.

4. В обеспечении условий наших мы предлагаем дать вам заложников наших и назначить комиссаров с вашей стороны для контроля за исполнением условий.

5. Особые гарантии безопасности мы считаем нужно обеспечить начальникам отрядов как с вашей стороны, так и из Иркутска.

6. Равным образом считаем необходимым условием прекращения междоусобной войны, полную неприкосновенность деле-

готов наших и возвращение их обратно для дальнейшего ведения переговоров, если мы не придем к соглашению по этим пунктам.

В дополнение ко всему сообщаем, что начальники отрядов наших переданы военно-полевому суду властью Колчака за отделение от регулярной армии и отказ от борьбы с советской Россией, подтверждением чего могут служить приказы по 2 и Южной армиями эти приказы, наверно, вами захвачены.

Прилагаем протокол деревенских и сельских старост о нашем прохождении по населенным пунктам.

24 февраля 1920 г. Подписал атаман Казаков.

Встреченная у нашей заставы делегация была прямо отправлена в Усть-Кут – главную квартиру.

Все мы встретили ее довольно радушно, поместили в отдельном доме, поставили надежный караул, инструктировали хозяйку дома, чтобы она угостила делегацию, для чего ей были отпущены соответствующие продукты. Одним словом, всемерно старались показать, что у нас все обстоит благополучно. На самом же деле положение в Усть-Куте было далеко не из благополучных. Продовольствие, доставляемое за 300 верст, из Киренска, было на исходе, фураж также, много ружей и винтовок оказалось испорченными. Запасы пуль и патронов были весьма ограничены, а главное – настроение у всех партизан упало. Воевать надоело, хозяйство, лишённое мужской рабочей силы, приходило в упадок. Нужно было найти выход из создавшегося тяжелого положения. А единственный выход из положения – это немедленно заключить мирный договор, обезоружить мирные отряды, окончательно ликвидировать фронт и распустить дружинников по домам.

С таким настроением я вместе с другими товарищами, избранными для ведения переговоров – Дмитриевым А. С., Поляковым, Лидеевым, Марковым, Подымахиным и Оболкиным отправился на совместное совещание с делегацией. Заседание открылось в 12 часов ночи. Проверив полномочия делегатов, я предложил им высказаться от цели их приезда и изложить свои желания и условия сдачи оружия. Делегация в общих чертах повторила тоже самое, что было изложено в переданной нам декларации. Затем от лица нашей делегации я категорически заявил, что о пропуске вооруженных отрядов через Усть-Кут не может быть и речи, что

прекращение братоубийственной войны возможно только при условии:

1. Безусловной сдачи оружия, боевого снаряжения и запасов обмундирования.

2. Сдача всего казенного имущества, обоза, денег и отчетности.

3. Представления именных списков всех лиц, находящихся в отрядах с указанием звания, чина и происхождения.

4. Продвижение отрядов по частям, в зависимости от перевязочных средств и по указанию Ленской красной армии.

5. Личный состав отрядов обеспечивается установлением продовольственным пайком.

6. Всему личному составу отрядов гарантируется неприкосновенность личности.

7. Командный состав отряда передается в распоряжение Иркутских советских властей. После обсуждения всех наших условий делегация заявила, что она принципиально согласна со всеми предложенными нами условиями, но она не имеет на это соответствующих полномочий и предложила нам для ведения окончательных переговоров избрать с нашей стороны уполномоченных и договоров подписать вместе расположения отрядов атамана Казакова и генерала Галкина в д. Максимово. Постепенно жизнь уезда стала входить в нормальное русло. Началась подготовительные работы ко второму уездному съезду Советов, назначенному на 4 июля 1920 г. К этому съезду мы пришли более вооруженными и подготовленными. У нас даже была своя типография и издавалась своя газета «Голос Лены», чего ранее не было. На страницах этой газеты освещались различные вопросы местной жизни. В главе ревкома стоял партийный работник Н. А. Алеекеев, участник второго партийного съезда в Лондоне. Его заместителем был автор воспоминаний В. Н. Никольский, на нем лежало заведение отделом управления и отделом юстиции. Ревкомом была намечена определенная программа съезда, которая была проработана соответствующими отделами Ревкома. В главных отделах стояли очень энергичные, толковые, дельные люди: Н. С. Дмитриев, А. И. Однокурцев, Ю. П. Клеппер и др. Многие из них были местными жителями, благодаря чему ревкому было значительно легче справиться с делом. Второму уездному съезду, на котором председательствовал автор воспоминаний, пришлось впервые разре-

шать жгучие и неотложные вопросы: продовольственный, мобилизации, выполнение развёрстки, об организации почтовой и обывательской гоньбы и т. д. Все эти вопросы были разрешены в духе указаний Центральной Советской власти вполне удовлетворительно. Этот съезд заложил крепкий фундамент будущего мирного социалистического строительства.

Из Усть-Кута немногочисленные красные под командой Полякова отошли вниз по Лене, остановились в ближайших деревнях и, по всей вероятности, после ухода Сукина вновь войдут в Усть-Кут.

По слухам, на помощь из Бодайбо идет отряд под командой Мунгалова. В г. Киренске также есть маленький отряд. Все эти отряды, вместе взятые, не представляют большой силы – тем более у них очень мало винтовок.

Насчет фуража и продовольствия имеются следующие сведения: вверх по р. Лене до Верхоленска и по р. Кулинге хлеба и овса много. Вниз по р. Лене до устья Витима до самого Бодайбо /300 верст/ только одни зимовья. От Бодайбо начинаются прииски. Для соединения с Вами принужден поступать следующим образом. Завтра из Усть-Кута одновременно с отрядом Галкина двигаться за ним малыми переходами дня три, четыре и затем быстро вернуться в Усть-Кут ко времени вашего прихода в него.

Как видно из письма, информация в отрядах каппелевцев была поставлена хорошо. Они знали не только о положении на линии фронта /чего мы, живущие в Киренске, не знали/, а имели сведения и о том, что из Бодайбо вышел партизанский отряд под командой Мунгалова, что в Киренске имеется лишь незначительный отряд красных партизан, что все вместе взятые отряды партизан и дружинников не представляют для них большой опасности, что партизаны вооружены плохо, хорошо знали о состоянии продовольственного вопроса на пути, который им предстояло пройти. И несмотря на все эти благоприятные для них условия, план и намерения генерала Сукина не осуществились. Под Качугом отряд Сукина был разбит партизанами, кажется, под командой Бурлова, и разбежался. Часть отряда появилась в верховьях р. Тутуры, а небольшая часть прорвалась и ушла к Байкалу. Но я должен объяснить, каким образом случилось, что отряд Сукина прорвался

без всякого боя через Усть-Кут и ушел по Лене, несмотря на значительные силы партизан, сосредоточенные в Усть-Куте.

Как выяснилось впоследствии, разведка от партизан, находившихся в с. Каймоново верстах в 40 от Усть-Кута, по направлению к Илим-краю, откуда и шел генерал Сукин, переписалась и не могла сообщить главным силам партизан, находившимся в Усть-Куте. Все разведчики попали в плен к Сукину, который, как потом передавали, – «с усмешкой всех пьяных разведчиков отправил для вытрезвления в баню, где их сначала «выпарили», а потом выпороли. За достоверность этих сведений не ручаюсь, но факт тот, что главные силы партизан, не имеющих никаких сведений от разведки из Каймоново, были застигнуты в Усть-Куте отрядом Сукина врасплох, совершенно неподготовленные к вооруженному отпору, и в силу этого вынуждены были отступить вниз по р. Лене, пропустив без боя отряд Сукина.

Это самое подтверждается и приведенным мной выше информационным письмом на имя атамана Казакова.

Ревком, получив сообщение о том, что отряд генерала Сукина прорвался через Усть-Кут и ушел вверх по Лене, что среди партизан в Усть-Куте создавалась нездоровая атмосфера, что организованной работы по укреплению дисциплины и подготовке к вооруженному отпору идущим отрядам Каппеля почти никакой не ведется, решил немедленно же подкрепить фронт новым работниками, могущими быстро ориентироваться в создавшейся обстановке и принять ряд практических мероприятий.

Это было тем более необходимо, что Усть-Кут был единственным благоприятным пунктом, где мы и могли оказать вооруженное сопротивление наступающим отрядам. Там же были сосредоточены все наши военные силы и продовольствие. Киренск остался почти беззащитен, так как все люди и все оружие были отправлены в Усть-Кут. И если бы белым удалось разгромить нас в Усть-Куте, то для них дальнейший путь вниз по Лене был совершенно открыт.

Киренск подвергся бы несомненному разгрому; Бодайбо и Ленские золотые прииски также было бы совершенно беззащитны, так как отряд бодайбинцев был отправлен в Усть-Кут. Богатая бы добыча белым досталась в Бодайбо и на приисках. Помимо значительной партии золота, они захватили бы весьма значитель-

ные запасы продовольствия, завезенного туда акционерным обществом. Обсудив все эти данные, Ревком постановил немедленно же откомандировать на Усть-Кутский фронт в качестве уполномоченных для руководства всей работой по обороне Усть-Кута председателя Ревкома В. Г. Никольского и А. С. Дмитриева. Никаких инструкций уполномоченные не получили, а получили только один наказ: «сделайте все возможное в человеческих силах и спасайте уезд от разгрома».

16 февраля 1920 г. я и т. Дмитриев выехали на фронт. Настроение как у Киренчан, так и у крестьян сел и деревень, мимо которых мы проезжали, было тревожное. Все прекрасно отдавали себе отчет, что в случае неудачи – разгром неминуем. Скрыться некуда. Единственный путь – это Лена, а дальше тайга, горы. Зимой никуда не уйдешь.

По пути мы почти в каждом селении останавливались и устраивали собрания и совещания с сельсоветами по вопросам организации отрядов, отправки продовольствия, фуража на фронт.

Вечером 19 февраля по прибытии в с. Таюру, мы имели разговор по прямому проводу с командующим фронтом т. Поляковым, который информировал нас о положении на фронте и о приближении отрядов Каппеля. Вместе с тем он просил о подкреплении патронами для берданок, о скорейшей присылке продовольствия, фуража, табаку и проч.

Сделав соответствующее распоряжение в Киренске о присылке патронов и продовольствия – мы в ночь на 20 выехали в Усть-Кут, куда и прибыли 20 февраля. Ознакомившись на месте с положением дела, мы нашли, что в организационном отношении дела обстоят из рук вон плохо. Никакого учета дружин и партизан не велось. Сколько всего было под ружьем людей – точно неизвестно. Сколько состояло на довольствии – также неизвестно. Гражданское управление в Усть-Куте совершенно отсутствовало. Разведка была послана только в одном направлении, и то сообщала неаккуратно о движении отрядов Каппеля. Работа предстояла огромная. Прежде всего было сделано распоряжение о составлении списков дружинников и партизан. В этом отношении нам большую помощь оказал бывший ссыльный Байнарович, который быстро составил списки всех партизан и дружинников. Было устроено совещание с командным составом, на котором произведена разбив-

ка всех людей на полки и роты, причем роты носили названия тех волостей, из которых в данной роте были люди. Были марковцы, макаровцы, подымахинцы и т. д. Покончив с этим и наладив учет выдаваемого оружия, патронов, продовольствия – мы немедленно взялись за организацию гражданского управления. Мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что если не втянуть в работу само население – то никакого толку не будет. Поэтому немедленно же было создано общее собрание граждан с. Усть-Кута. На этом собрании я сделал доклад о положении дел на фронте, указал на ту опасность, которой мы все подвергаемся, если единодушно не дадим отпора наступающим отрядам Каппеля, и тут же предложил избрать из своей среды волостной Ревком, распоряжения которого всеми гражданами должны [исполняться] беспрекословно. Был избран Ревком, после этого общее собрание мы распустили и занялись инструктированием вновь избранных членов Ревкома. Каждому из них была отведена своя отрасль работы. Один член Ревкома ведал охраной продовольственных складов, другой наряжал подводы, третий держал связь со штабом и уполномоченными, четвертый наблюдал за транспортированием грузов, пятый взял на учет все большие помещения на случай организации госпиталя, шестой ведал делами внутреннего порядка. Одним словом, каждый из членов Ревкома знал свои обязанности, нес ответственность за исполнение их. Никакой обезлички не было. Все были на своих местах и без всякой суеты исполняли даваемые им поручения, и нужно сказать, что население сразу же почувствовало, что дело предстоит серьезное, и чрезвычайно отзывчиво и внимательно исполняло наши требования. К вечеру 20 февраля были получены сведения о том, что верстах в 80–100 от Усть-Кута появились отряды каппелевцев. Необходимо было готовиться к вооруженному отпору этих отрядов. Надо было выбрать позиции. И вот ночью 20 февраля, при лунном свете, при довольно крепком морозе – мы вместе с командующим фронтом и командирами полков и рот отправились на выбор позиций. В 6 верстах от Усть-Кута находится небольшая деревенька Паново, расположенная на берегу р. Куты, почти при впадении ее в Лену. Плато, на котором располагалась деревенька, нам показалось чрезвычайно удобным для расположения наших отрядов: правый берег р. Куты высокий, гористый и покрыт лесом, а левый низменный, представляющий из себя за-

щищенную ложбинку. Расположась на этом месте, мы видели все, что делается на реке Куте – единственной проезжей дороге, а нас с реки не видно. Выбрав позицию и наметив расположение отдельных рот, командующий фронтом т. Поляков сделал распоряжение о доставке на позицию единственной самодельной «пушки», доставшейся в наследство от Зверева. В сущности, это была самая безвредная, безобидная штука. Партизаны в шутку называли ее «Беда-пушка». Выстрелить из нее можно только один раз, и то с большими предосторожностями и затруднениями. После каждого выстрела некоторые части ее приходили в полное расстройство. Но «гром» и «грохот» она производила большой. Выстрел из нее означал начало боевых действий. Устроив «орудие» и наметив место для «Максима» /пулемет/, мы уже поздно ночью возвратились в Усть-Кут. Через каждые два часа разведка, состоящая из команды лыжников-тунгусов и других надежных партизан, доносила о продвижении каппелевцев.

Прекрасные лыжеходы-тунгусы знали каждый шаг каппелевцев. По их рассказам, первый отряд атамана Казакова насчитывал свыше 500 человек, хорошо вооруженных винтовками, пулеметами и скорострельными ружьями. За этим отрядом на расстоянии примерно 2-х переходов продвигался второй отряд генерала Галкина и, наконец, еще на расстоянии одного перехода – третий отряд генерала Перхутова. Всего людей в 3-х отрядах было приблизительно, по их словам, до 2-х тыс. человек.

Поскольку так в отрядах Каппеля были профессиональные, высококвалифицированные вояки, с большим опытом и знаниями военного дела, прекрасно вооруженные, в наших же, наскоро сколоченных дружинах, не было ни дисциплины, ни сведущих в военном деле людей, ни достаточно приличного вооружения.

Борьба была неравной. Но зато все мы были объединены сознанием, что боремся за правое дело, отстаиваем от разрушения и гибели свой родной край. Наступило 22 февраля 1920 г., день боя. Морозное, ветряное утро. Разведка каждые полчаса доносила о приближении противника. С 5 часов утра все наши отряды были выведены на позиции и залегли в снежных окопах. Около 7 часов утра показался головной отряд атамана Казакова, состоящий приблизительно человек из 30, часть из которых ехала верхом, а часть была в санях. Они тихо продвигались по р. Куте. Как толь-

ко этот отряд поравнялся со серединой расположения наших дружин, раздался пушечный выстрел и в это же время был открыт оружейный и пулеметный огонь по отряду. Ни один человек из этого отряда не уцелел. К этому времени подошли главные силы отряда Казакова и открыли сильнейший огонь по нашим позициям из пулеметов и скорострельных ружей. Бой продолжался до 2 часов дня. Мы стреляли с расчетом и большой экономией, так как у многих наиболее горячих воинов наших – все патроны были уже расстреляны. Между прочим, в самый разгар боя произошел следующий, едва не повлекший за собой гибель всего нашего дела, случай. Кто-то из партизан пустил слух, что белые нас обходят. Этот провокационный слух с быстротой молнии облетел все наши окопы, и наши воины, не разобравшись в чем дело, не слушая ни уговоров, ни увещаний, тотчас же побросали окопы и стали убежать, кто в Паново, кто на солеваренный завод. Фронт стал оголяться. Видя неминуемую гибель, мы с т. Дмитриевым вызвали командующего фронтом и приказали ему расстреливать каждого убегающего с фронта. Товарищ Поляков тотчас же вызвал командира роты Марковской т. Маркова – это была сплоченная стойкая дружина – и приказал отрезать путь всем убегающим, а в случае неповиновения – стрелять в них, и только благодаря этому, силой оружия мы заставили всех беглецов возвратиться на свои места, и порядок был восстановлен. После этого дружинники, поняв свою ошибку, с каким-то ожесточением открыли огонь по белым и заставили их отступить. Потери с нашей стороны – один убитый т. Мыльников, а со стороны белых убито и ранено свыше 30 человек, взято в плен 9 человек. После боя немедленно же были выставлены заставы, а по следам белых – стороной, невидимые для противника, шли наши лыжники-тунгусы, наблюдавшие за действиями белых отрядов.

В это время в нашем штабе, расположенном в д. Паново, я опрашивал пленных о численности еще идущих отрядов каппелевцев, их вооружении, о настроениях среди солдат. Из расспросов выяснилось, что настроение у солдат довольно таки не воинственное, никто не хотел больше воевать, надоело, всем хотелось разойтись по домам.

Посоветовавшись между собой, мы решили использовать это настроение солдат и послать к ним одного из пленных с возвра-

нием. Тут же мною было написано обращение к солдатам отряда атамана Казакова, в котором от имени нашей Ленской красной армии мы предлагали им добровольно сложить оружие и возвратиться по домам, к мирному труду. Для доставки обращения в отряд кашпелевцев нами был выбран пленный Кобелев, который очень охотно согласился выполнить эту задачу. Как пленный Кобелев видел с нашей стороны самое гуманное отношение к себе и дал нам слово, что он проведет самую решительную агитацию за прекращение братоубийственной войны.

Ночью 23 февраля Кобелев отправился в сопровождении возчика гр. Катышевцева в д. Максимовку, где после отступления расположились отряды Казакова и Галкина. Прошло два дня. Никто для переговоров с нами не прибывал. Настроение среди партизан и дружинников было подавленное. Дружинники стали поговаривать: «что им нужно домой». «Что хозяйства их остались беспризорными, что вооружение у них плохое, что белые теперь озлоблены на нас и если вернуться, то они разрушат все наши села и деревни, что лучше пропустить их без сопротивления и пусть себе идут, куда хотят». Кроме того, среди дружинников участились случаи краж, стало развиваться пьянство. Положение было напряженное. Пришлось в спешном порядке сделать общее собрание всех партизан и дружинников и разъяснить им положение.

Ну если бы такое состояние протянулось еще несколько дней – кто знает, чем бы все это могло кончиться. К общему благополучию вечером 25 февраля от отрядов атамана Казакова и генерала Галкина приехала делегация в составе 7 человек для ведения мирных переговоров.

Прежде всего делегация вручила нам ответ на наше обращение о добровольной сдаче оружия следующего содержания: «В ответ на ваше предложение от имени нашего отряда и отряда генерала Галкина сообщаю, что целью вновь сформированных отрядов наших является отнюдь не борьба с советской властью, а достижение такой зоны, чтоб была возможность демобилизации вооруженных сил, с получением надежных гарантий безопасности и возвращения к мирному труду. Поэтому, веря вашему предложению и во избежание дальнейшего проливания братской крови и продолжения губительной войны, мы согласны и желаем вступить в переговоры с вами на следующих условиях:

1. Не сомневаясь в том, что со стороны вашего отряда нам уже даны эти желательные для нас гарантии безопасности, но, не будучи уверены, как посмотрит на завязавшиеся переговоры с нашими отрядами Центральная Иркутская власть, мы считаем необходимым, чтобы делегаты наши поэтому вошли в контакт с г. Иркутском по прямому проводу.

2. Желая сдать оружие в Иркутске, мы просим пропуск через Усть-Кут, не слагая оружия.

3. Мы полагаем, что с вашей стороны должны быть даны гарантии безопасности проходящим отрядам, их семьям, больным и раненым.

4. В обеспечении условий наших мы предлагаем дать вам заложников наших и назначить комиссаров с вашей стороны для контроля за исполнением условий.

5. Особые гарантии безопасности, мы считаем, нужно обеспечить начальникам отрядов как с вашей стороны, так и из Иркутска.

6. Равным образом считаем необходимым условием прекращения междоусобной войны полную неприкосновенность делегатов наших и возвращение их обратно для дальнейшего ведения переговоров, если мы не придем к соглашению по этим пунктам.

В дополнение ко всему сообщаем, что начальники отрядов наших переданы военно-полевому суду властью Колчака за отделение от регулярной армии и отказ от борьбы с советской Россией, подтверждением чего могут служить приказы по 2 и Южной армиями, эти приказы, наверное, вами захвачены.

Прилагаем протокол деревенских и сельских старост о нашем прохождении по населенным пунктам.

24 февраля 1920 г. Подписал атаман Казаков.

Встреченная у нашей заставы делегация была прямо отправлена в Усть-Кут – главную квартиру.

Все мы встретили ее довольно радушно, поместили в отдельном доме, поставили надежный караул, инструктировали хозяйку дома, чтобы она угостила делегацию, для чего ей были о[т]пушены соответствующие продукты. Одним словом, всемерно старались показать, что у нас все обстоит благополучно. На самом же деле положение в Усть-Куте было далеко не из благополучных. Продовольствие, доставляемое за 300 верст, из Киренска, было

на исходе, фураж также, много ружей и винтовок оказалось испорченными. Запасы пуль и патронов были весьма ограничены, а главное – настроение у всех партизан упало. Воевать надоело, хозяйство, лишенное мужской рабочей силы, приходило в упадок. Нужно было найти выход из создавшегося тяжелого положения. А единственный выход из положения – это немедленно заключить мирный договор, обезоружить мирные отряды, окончательно ликвидировать фронт и распустить дружинников по домам.

С таким настроением я вместе с другими товарищами, избранными для ведения переговоров – Дмитриевым А. С., Поляковым, Лидеевым, Марковым, Подымахиным и Оболкиным, отправился на совместное совещание с делегацией. Заседание открылось в 12 часов ночи. Проверив полномочия делегатов, я предложил им высказаться о цели их приезда и изложить свои желания и условия сдачи оружия. Делегация в общих чертах повторила то же самое, что было изложено в переданной нам декларации. Затем от лица нашей делегации я категорически заявил, что о пропуске вооруженных отрядов через Усть-Кут не может быть и речи, что прекращение братоубийственной войны возможно только при условии:

1. Безусловной сдачи оружия, боевого снаряжения и запасов обмундирования.
2. Сдачи всего казенного имущества, обоза, денег и отчетности.
3. Представления именных списков всех лиц, находящихся в отрядах, с указанием звания, чина и происхождения.
4. Продвижение отрядов по частям, в зависимости от перевязочных средств и по указанию Ленской красной армии.
5. Личный состав отрядов обеспечивается установлением продовольственным пайком.
6. Всему личному составу отрядов гарантируется неприкосновенность личности.
7. Командный состав отряда передается в распоряжение Иркутских советских властей. После обсуждения всех наших условий делегация заявила, что она принципиально согласна со всеми предложенными нами условиями, но она не имеет на это соответствующих полномочий, и предложила нам для ведения окончательных переговоров избрать с нашей стороны уполномоченных

и договоры подписать в месте расположения отрядов атамана Казакова и генерала Галкина в д. Максимово. Постепенно жизнь уезда стала входить в нормальное русло. Началась подготовительные работы ко второму уездному съезду Советов, назначенному на 4 июля 1920 г. К этому съезду мы пришли более вооруженными и подготовленными. У нас даже была своя типография и издавалась своя газета «Голос Лены», чего ранее не было. На страницах этой газеты освещались различные вопросы местной жизни. В главе ревкома стоял партийный работник Н. А. Алеекеев, участник второго партийного съезда в Лондоне. Его заместителем был автор воспоминаний В. Н. Никольский, на нем лежало заведение отделом управления и отделом юстиции. Ревкомом была намечена определенная программа съезда, которая была проработана соответствующими отделами Ревкома. В главных отделах стояли очень энергичные, толковые, дельные люди: Н. С. Дмитриев, А. И. Однокурцев, Ю. П. Клеппер и др. Многие из них были местными жителями, благодаря чему ревкому было значительно легче справиться с делом. Второму уездному съезду, на котором председательствовал автор воспоминаний, пришлось впервые разрешать жгучие и неотложные вопросы: продовольственный, мобилизации, выполнение развёрстки, об организации почтовой и обывательской гоньбы и т. д. Все эти вопросы были разрешены в духе указаний Центральной Советской власти вполне удовлетворительно. Этот съезд заложил крепкий фундамент будущего мирного социалистического строительства.

Москва 14/VII–1932 г. В. Никольский
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 391. Л. 69–104. Машинопись.

БОДАЙБИНСКИЙ РАЙОН

Воспоминания Николая Марковича Юдина о революционных событиях в 1917 году в Бодайбинском районе

Пишущий эти строки в революцию 1917 года находился на работах Ленских золотых промыслов.

Перед воспоминаниями о ходе революции в этом отдельном краю необходимо кратко остановиться на том положении рабочих этого предприятия крупного, в котором они находились к моменту революции. Хозяином золотых промыслов являлось акционерное общество (Лензолото) – это акулы крупного русского и иностранного капиталов.

Рабочих было на всех предприятиях около двадцати тысяч человек. Заработная плата была мизерная, так например – рабочим, чтобы заработать на выезд в жилое место (выражение приискковое) приходилось работать для этой цели десятков лет, жилищные условия были отвратительные, на одну кубическую сажень приходилось 2–3 человека.

О жилищных условиях инженер Тульчинский писал в Петербург в 1912 году так: «Помещения для рабочих таковы, что рабочие после каторжного труда, ложась спать, вставая, отдирают примерзшие волосы головы от стены и что свою обувь, мокрую от работы находят совершенно замерзшей и принуждены оттаивать у печек». После событий 1912 года, когда за протест рабочих, чтобы не кормили гнилем и не примораживали волосы к стене, были расстреляны больше 500 человек рабочих, после этого был усилен штат стражи до того, что получилось целая армия держиморд, шпионаж был развит до максимума. Так что вести какую-нибудь работу среди рабочих было почти нельзя, но всё же небольшие группки ссыльных ко-

е-какую работу вели, но весьма осторожно, в очень ограниченном кругу рабочих.

Администрация приисков проявляла максимум произвола, и рабочие вынуждены были подчиняться всему, что творилось на приисках – ибо своей классовой организации не было ни профсоюзной, ни партийной.

Длина рабочего дня была от 10 до 12 часов. После такого крайне непосильного труда, рабочие, безусловно, не могли ни о чем думать, кроме как об отдыхе. В таком состоянии был рабочий класс на Ленских приисках к моменту Февральской революции 1917 года.

Весть о свержении самодержавия до этого края дошла значительно позже, чем оно произошло в Петербурге. К нам, группе рабочих в 300 человек работавших в 60 верстах вверх по реке Витиму, от Бодайбо – эта весть пришла таким путем – человек двадцать пять нас, на лошадях выехало на русло речки и намеревались по льду ехать вверх по реке, но услышали крик – «стой». Увидев, что кричит наше непосредственное начальство, мы остановились, тем более, что оно возвращалось из города Бодайбо. Многие желали узнать новости. Начальство подъехало, поздоровалось, что-то подозрительно и недоверчиво посмотрело на нас, мы все сгруппировались и в недоумении смотрели на него, думая, – в чем дело? Потом начальство отправилось, вынули бумажку из кармана, и стало говорить: «Вот что, ребята – пришла из Петербурга телеграмма от Главного директора прииска Граумана, я вам её сейчас прочитаю». Стал читать: «Правительство вместе с царём свергнуто и арестовано, власть перешла к Государственной Думе. Оставайтесь все на местах, не ослабляя работы». Мы с минуту стояли молча, переглядываясь друг с другом, и смотрели на начальство, думая, так ли это.

Затем получился шум, движение, человека 3 пустились в пляс (что называется), лишь ичиги заговорили. На лицах у всех появилась радость, и ясно было видно, что люди получили весть о конце их векового страдания, и что цепи, которыми они были скованны, порвались навсегда. Потом я стал задавать вопросы – как и что в г. Бодайбо? Начальство нам сообщило, что в городе полиция отстранена, некоторые арестованы, рабочие ходят с красными флагами и сами управляют городом, после этого, кто-то крикнул: «Пойдемте обедать, довольно наработались!» Все как один сели на коней и поехали.

Дня через три нас человек двадцать поехали в город, хорошенько узнать, в чем дело. Приехали в город в нерабочий день, по городу рабочие ходили группами с красными флагами и плакатами, на которых были написаны революционные лозунги. Для охраны образована милиция. Местная буржуазия как будто превратилась в революционеров, т. к. она также нацепила красные бантики и разгуливала по городу. Остановились на квартире. Я поспешил пойти к знакомым товарищам узнать, как построена новая власть, в чьих руках она, и какие имеются партийные группировки и т.д. Выяснилось, что вместо всех атрибутов самодержавия создан комитет общественной безопасности, куда входили эс-эры всех мастей, эс-деки, кадеты и другие, вплоть до отъявленных черносотенцев. В этом винегрете преобладали эс-эры, а вместе с эс-деками составляли незначительно большинство. Гарнизон, состоящий человек из 300, находился под влиянием и частью эс-деков, верхи милиции были частью эс-эры, частью эс-деки, эс-де большевиков совершенно не было заметно. Профсоюзов не было организовано, советов тоже. Словом, был такой момент, когда эс-эры, меньшевики со всей местной буржуазной сворой праздновали и справляли свои именины, а рабочие, уничтожив самодержавные атрибуты, присматривались к окружающему и соображали, что делать дальше. Но уже было заметно во время заседания комитета общественной безопасности, что рабочие весьма недовольны тем, что их дело, их судьбу решает местная буржуазия в лице главного бухгалтера всех приисков монархиста Голубева и других, а не они сами. Но сделать ничего не могли, ибо эс-эро меньшевики при малейшем возмущении рабочих старались их уговорить в том, что это так необходимо.

Вскоре мы – человек пять, решили повести агитацию среди рабочих об организации профсоюза, сначала в тесном кругу рабочих, а потом и в широкой массе. На одном из заседаний человек в двадцать – мы решили устроить митинг с агитационной целью за создание профсоюза, как классовой организации, которая будет защищать интересы рабочих. Было избрано на этом заседании организационное бюро из пяти лиц, которым и было поручено провести работу по организации профсоюза.

Через короткое время был устроен митинг, и тут же по окончании митинга, началась запись в члены профсоюза, которая продол-

жалась три дня. Затем было устроено общее собрание членов союза, где и было избранно правление союза.

Правлению Союза пришлось также ввести своих представителей в Комитет общественной безопасности для противодействия буржуазии.

Вскоре союзом был поднят вопрос о создании совета рабочих и красноармейских депутатов, который в непродолжительном времени был избран опять-таки в надежде, что этот пролетарский орган будет являться органом, который не даст возможности местной буржуазии проводить в жизнь свои намерения. Но, увы, не тут-то было, ибо и в этом пролетарском органе первую скрипку стали играть эс-эры и меньшевики, и рабочие, которые вошли в совет, по неопытности попали под влияние этих группировок. Красивые лозунги – «В борьбе обретёшь ты право свое», «Земля и воля» – сбили рабочих с их классового пути и они, не зная программы и идеологии эс-эров, в большинстве своем записались в партию эс-эров. Таким образом, создалось положение, при котором эс-эро меньшевики и буржуазия стали обретать в борьбе с рабочими право для буржуазии.

Одним из моментов приобретения такого права для буржуазии был такого рода случай. Приготовились праздновать пролетарский праздник Первое мая. На одном совместном заседании эс-эров и меньшевиков обсуждался порядок проведения, на котором пришлось присутствовать и мне. По окончании обсуждения вопроса о порядке празднования Первого мая, один из эс-эров делает заявление, что штабс-капитан Санжаренко желает участвовать в манифестации Первого мая вместе с гарнизоном и просит гарантии, чтобы с ним рабочие и солдаты ничего не сделали. И тут же со своей стороны, предлагает дать такую гарантию. Я, услышав имя штабс-капитана Санжаренко, спросил: «Не тот ли это Санжаренко, который в 1912 году при Ленских событиях являлся непосредственным убийцей 500 человек, не тот ли Санжаренко, который командовал “Пли”». Мне ответили, что тот самый.

Я просил слово. Мне в порядке очереди дали, но перед тем, как мне говорить, высказался ряд ораторов, которые, к моему великому удивлению, говорили за то, чтобы он участвовал в манифестации и дать гарантии в его личной безопасности. Только некоторые не советовали допускать его на манифестацию, боясь возмущения ра-

бочих, которые над ним произведут самосуд. После этого высказал я свои соображения о недопустимости, чтобы палач, который вчера убил 500 человек местных рабочих, учувствовал вместе с рабочими в пролетарском празднике и предлагал – вместо того, чтобы он с нами праздновал Первое мая, немедленно арестовать [его] и как палача народа – держать в тюрьме.

Но при голосовании большинством эс-эровских голосов, было принято: допустить Санжаренко к манифестации и дать гарантии. Тогда я заявил протест и сказал, что буду вынужден во время демонстрации указать и рассказать рабочим, кто такой этот офицер, т. к. большинство не знало его. Мне заявили, что если я позволю себе это сделать, то буду немедленно арестован. И вот была устроена эс-эрами на великом пролетарском празднике действительно возмутительная картина.

Во время манифестации Санжаренко шагал вместе с командиром гарнизона капитаном Лепиным под флагами и музыку, которая исполняла революционные песни.

Когда один из ораторов говорил о погибших в борьбе с самодержавием и предлагал почтить память снятием головных уборов, в это время музыка заиграла похоронный марш – палач Санжаренко держал руки под козырек, стоя в центре, окружённый со всех сторон верхами эс-эров.

О таком поступке эс-эров и меньшевиков рабочие узнали и страшно были возмущены. После этого явилась возможность, до некоторой степени, вести агитацию среди рабочих, эс-эров по недоразумению, а также широкой массе рабочих, против тактики эс-эров и меньшевиков, и агитировать за необходимость поддержки партии большевиков. Но, надо отметить, что весьма скудные сведения из центра о работе и линии поведения большевиков, тормозили дело с организацией партийной ячейки, а также не давали возможности широко развернуть дело с агитацией.

Вся большевистская литература, которая приходила в Бодайбо, заключалась вначале в одном «Астраханском рабочем», и этот приходил очень поздно и редко. Эс-эро-меньшевики самым отвратительным образом на митингах и собраниях, с пеной у рта, старались доказать, что Ленин и Троцкий – германские шпионы, которые привезены в запломбированном вагоне и т. д., самыми низкими приемами старались очернить большевиков. Эс-эро-меньшевистская

литература была в изобилии, местная газета издавалась ими, и никакие статьи, возражающие эс-эро-меньшевикам, не помещались.

Всё, о чем говорилось выше, происходило в г. Бодайбо. В районе приисков происходило тоже самое. Рабочие, не доверяя Комитету общественной безопасности, почти одновременно с городом организовали профсоюз и совет рабочих депутатов (приисковый). Таким образом, вначале было два профсоюза и два совета.

Впоследствии профсоюзы – приисковый и городской – слились и образовали один профсоюз Горнорабочих. А советы, приисковый и городской, существовали раздельно, вплоть до приезда палачей – эс-эра Растомошвили и черносотенца Красильникова.

Так продолжалось до Июльского восстания в Петрограде. Из Иркутска было получено предписание эс-эро-меньшевиков, в котором говорилось, чтобы Бодайбинские эс-эро-меньшевики разъяснили рабочим вероломство большевиков и призвали к поддержке временного правительства.

Срочно было созвано заседание Совета, на которое были приглашены представители гарнизона – капитан Лепин, фельдфебель с четырьмя «Георгиями» и два интеллигентных солдата. На этом заседании очень много было вылито грязи на большевиков, выступали эс-эры, меньшевики и капитан Лепин с фельдфебелем проклинали меньшевиков. Получив в конце заседания слово, я пытался доказать ошибочность их взгляда на восстание и в конце предложил присоединиться к восстанию, и в Бодайбо всю власть взять Совету рабочих и солдатских депутатов. Меня прервали и не дали больше говорить. При голосовании за поддержку правительства голосовало большинство, один против и два воздержались.

На этом заседании Совета было решено созвать митинг рабочих и граждан Бодайбо, на котором решено было разъяснить о вероломстве большевиков в Петрограде.

Я, как член Совета, заявил, чтобы мне Советом было гарантировано слово на этом митинге. Мне в этом в самой грубой форме было отказано, правда, небольшим большинством, и тут же предупредили, если я выступлю, то буду немедленно арестован. Но все же после этих угроз у меня было намерение выступить с целью – хотя бы в кратких чертах познакомить собравшихся на митинге рабочих (на митинге их было много) о восстании. Несколько раз я просил вступить слово, мне отвечали – в порядке записи имеется таковое, но,

как впоследствии узнал, мое слово переносили умышленно последним, а давали говорить эс-эрам и меньшевикам. И когда осталось три оратора, в том числе и я, то было предложено закрыть митинг, что и было сделано. Таким образом, я был лишён возможности в этот, теперь исторический день, опровергнуть всю гнусную клевету на великих пролетарских вождей т. т. Ленина и Троцкого, которую на этом митинге эс-эры и меньшевики проводили.

А клеветали эс-эры и меньшевики на этом митинге так, что я не верил своим глазам, когда вижу хорошо знакомого эс-эра или меньшевика на трибуне. Да и матёрых эс-эро-меньшевиков, которые имели десятилетний стаж, и вдруг они во всеулышание перед рабочими и буржуазией кричат, что Ленин и Троцкий шпионы германские, подкупленные кайзером. Я говорю, что не верил своим глазам и думал, что это не эс-эры и меньшевики говорят, а отъявленные черносотенцы и провокаторы. То же самое произошло в приисковом Совете.

Но это, я бы назвал, хулиганское выступление эс-эро-меньшевиков дало толчок мысли как рабочим, так и политическим деятелям. Рабочие задумались, почему эс-эро-меньшевики так ни с того, ни с сего обливают грязными помоями большевиков, в особенности таких людей, как т. т. Ленина и Троцкого.

И пролетарское чутье им подсказало, что тут дело у эс-эро-меньшевиков нечисто. Вскоре после этого, такие товарищи как т. т. Мальцев, Щербинин, Аладьин и другие постепенно стали вставать в оппозицию и, через весьма короткое время, нам с Мальцевым удалось провести первое организационное собрание, по организации Бодайбинского комитета партии большевиков. Был избран президиум, в состав которого вошёл и я. После организации партийной ячейки, мы принялись за энергичную работу – провели усиленную агитацию за власть Советов, стремились примерами доказать вредность и опасность сотрудничества с буржуазией. Но борьба была очень трудная, власть находилась у эс-эро-меньшевиков и буржуазии, вырвать её было нелегко, а нас было очень мало.

Но вот Октябрьская революция. В Петрограде власть с оружием в руках взята пролетариатом.

Из Иркутска такая же телеграмма, как и в июле, говорила о вероломстве большевиков и призывала к поддержке временного пра-

вительства, которое мозолистой рукой пролетариата уже было низвергнуто.

У нас в Бодайбо опять было устроено заседание Совета, на котором эс-эро-меньшевики пели все те же отвратительные песни, как и раньше. Но на этом заседании я был уже не один. При голосовании за поддержку временного правительства голосовало 2/3 Совета. Конечно, это большинство дали эс-эро-меньшевики из интеллигентской среды. То же самое произошло и в приисковом Совете. После заседания Советов, как и в городе, так и на приисках, происходят митинги, на которых наша небольшая партийная группа выступала и раскрывала всю ложь эс-эро-меньшевиков. И указывала рабочим на то, что весьма вредно идти за такими группировками как эс-эры и меньшевики, которые своей тактикой явно подготавливали господство буржуазии и рабство пролетариату. Вскоре после этого, к нашей партийной ячейке примкнул ещё ряд товарищей, как то: т. т. Алымов (расстрелянный Красильниковым), Захаров, Поручиков (сброшен в Байкал в числе 32 Сычевым), Зверев, Долгушев и другие. Но всё же после этого мы были значительно слабее эс-эро-меньшевиков, которые в тесной компании с местной буржуазией напрягали все усилия к тому, чтобы удержать власть в своих руках, применяя при этом самые гнусные приемы.

Для успешной борьбы с эс-эро-меньшевиками мы на одном партийном Заседании решили провести усиленную агитацию среди местного гарнизона, которая впоследствии дала положительные результаты. Наша борьба в Бодайбинском районе, главным образом, усугублялась тем, что в Иркутске после Октября, властвовали эс-эры и меньшевики, которые грозили, что в случае перехода в Бодайбо власти к Советам, будет прекращен подвоз всяких продуктов, то есть грозили уморить голодом нас. (Прием достойный озверевшей буржуазии).

Итак, в непрестанной борьбе с эс-эро-меньшевиками мы дожили до Декабрьских событий в Иркутске: В период восьмидневного боя наших товарищей с белогвардейцами в Иркутске, у нас в Бодайбо происходили чуть не ежедневно заседания Совета совместно с приисковым Советом. Шла самая ожесточенная борьба, с одной стороны эс-эры и меньшевики, а с другой мы – большевики. Было устроено несколько митингов, на которых так же шла борьба, и уже

было заметно, как широкая рабочая масса начинала склоняться на нашу сторону.

После переворота в Иркутске наша партийная группа ещё больше усилилась. И мы ещё усиленнее повели борьбу с противниками. В результате в самое непродолжительное время, нам стало ясно, что широкая рабочая масса вполне сочувственно относится к лозунгу «Вся власть Советам». Поэтому мы вместе с профсоюзом потребовали перевыборов Советов, как приискового, так и городского. Новые выборы в Советы нас окончательно убедили, что рабочая масса, в своем большинстве, окончательно отвернулась от эс-эро-меньшевиков и пошла за революционной партией большевиков. Так как список фигурировал на выборах самостоятельно, за него было подано большинство голосов, как в городе, так и на приисках.

На первом заседании Советов, как в городе, так и на приисках, почувствовали эс-эро-меньшевики, что им больше в Советах своих мелкобуржуазных стремлений проводить будет нельзя, они заявили о своем выходе из Советов. Мы, конечно, ничего не имели сказать им кроме пожелания доброго пути. Вскоре после выборов был устроен съезд Советов приискового и городского, где был избран Центральный Исполнительный Комитет Советов Ленско-Витимского горных округов, который был объявлен высшей властью в районе Ленско-Витимского горных округов. Все остальные мелкобуржуазные атрибуты власти были уничтожены. Гарнизон присоединился к нам и признал власть Советов. Милиция была реорганизована, были поставлены во главе ее свои люди, в банк, на почту были поставлены комиссары, продовольственная управа реорганизована в продовольственный отдел исполкома и т. д. и т. д.

Вскоре наладили связь с Иркутском, и стала налаживаться работа. Край начал управляться рабочими. Согласно расположению из Иркутска, старый гарнизон [был] распущен и начали организовывать Красную гвардию, в которую весьма охотно шли исключительно рабочие. В результате нами был организован красногвардейский отряд в 150 человек, с которыми велись усиленные занятия.

И так, в работе по поднятию производительности и налаживанию хозяйства вообще, мы дожили до мая месяца 1918 г. В наших промышленных округах никаких контрреволюционных выступлений не было, кроме единичных случаев, когда какой-нибудь эс-эришка или меньшевик начинал усиленно вести демагогию. Тогда

мы его для успокоения нервов сажали на некоторое время в местный дом заключения, и тем дело и кончалось.

Но вот нами были получены сведения, что в Якутске свирепствует белогвардейщина, которая арестовала наших товарищей и в тюрьме над ними издевается. Мы решили послать туда отряд Красной гвардии для борьбы с белобандами. Одновременно Иркутск выслал отряд под командой Рыдзинского для борьбы с якутской белогвардейщиной. Наш отряд в 100 человек под командой т. Одинарня соединился с отрядом в Витиме и вместе последовал в Якутск, который штурмом был взят в весьма короткое время, белогвардейские главаря были пойманы и посажены в тюрьму.

В период этого времени, т. е. борьбы с якутскими белогвардейцами в Западной Сибири начали свирепствовать чехи, которые занимали город за городом и восстанавливали власть эс-эров, меньшевиков и буржуазии. Узнав об этом, Киренские эс-эро-меньшевики и буржуазия немедленно восстали, благо, что военный комиссар оказался эс-эром (фамилию не помню), который ненадежных красногвардейцев распустил, а оставил своих. Таким образом, в момент восстания гарнизон оказался на стороне белых. Арестовав наших товарищей, они немедленно организовали отряд из ранее приехавших туда офицеров и юнкеров, и повели наступление от Киренска вниз по течению Лены. Так как сопротивления не было, то они быстро заняли деревни по берегу Лены и подходили уже к Витиму. Нам в Бодайбо быстро пришлось организовать еще отряд добровольцев в 100 человек (можно было организовать значительно больше, но не было оружия) и послать оголтелым киренским белогвардейцам навстречу. Этот отряд пошел командой т. Стояновича, которому быстро удалось повернуть киренских белогвардейцев назад. От Витима до Киренска белые бежали без оглядки. На этом расстоянии приняли только три боя и после каждого боя убегали, оставляя раненых. Таким образом, они были загнаны в Киренск, который, как известно, находится на острове – с одной стороны р. Лена, остальные три стороны окружает р. Киренга.

Таким образом, занять Киренск представлялось большою трудностью, тем более что белые получили подкрепление. А у нас в последнем бою т. Стоянович (командир отряда) был ранен в грудь пулей из браунинга, так что дело осложнялось. Вместо т. Стояновича командиром был назначен т. Алымов и помощником т. Щербинин.

К этому времени чехи заняли Иркутск, и нам в Бодайбо очень строгая была прислана телеграмма, в которой говорилось, чтобы мы немедленно передали власть Комитету общественной безопасности, в противном случае нам грозили расстрелом. Потом тут же вторая телеграмма: «Комиссаров всех арестуйте и посадите в тюрьму, организуйте местную власть». Получив такую телеграмму, мы, члены Исполкома, собрались, обсудили положение и решили вести борьбу до конца, т. е. до тех пор, пока у нас будет, чем сопротивляться, и если все военные припасы выйдут, уйти всем в тайгу. После этого весьма грубо ответили в Иркутск телеграммой, в которой примерно говорили, что власть возьмете тогда, когда нас не будет живыми. Вскоре мы получили сведения, что наши товарищи, отступив от Иркутска, сражаются на Байкале. Ввиду того, что у нас патронов оставалось очень немного, мы решили послать в Читинскую область с 10-ю красногвардейцами, с одной стороны – для приобретения патронов, а с другой – для связи и выяснения дальнейших ваших действий. К несчастью, он нам на помощь опоздал.

Из-за отсутствия всякого сообщения с Иркутском, мы лишены были возможности знать нашего противника.

Оказалось, что из Иркутска на нас, непокорных бодайбинских большевиков, выслан был самый кровожадный, отъявленный черносотенец полковник Красильников. Спрятавшиеся в г. Киренске от нашего отряда местные белые банды знали о выезде Красильникова с отрядом и тщательно, конечно, от нас скрывали это.

Но вот в первых числах августа, ночью, со стороны р. Киренги и по р. Лене на пароходах Красильников врасплох нападает на наш отряд и наносит ему частичное повреждение. В результате нашему отряду пришлось отступить. К этому моменту силы наши и белых были примерно в таком состоянии: наш отряд состоял из 300 человек, имелось около 4–5 пулеметов, патронов – всего на одно небольшое сражение; отсутствие патронов сильно повлияло на быстрый исход борьбы в пользу белых. Белые имели около 700 человек бойцов (350 человек Красильникова и в Киренске было так же 350 человек), в их расположении было до 12 пулеметов и громадное количество патронов, а также несколько пароходов.

Во время сражения при деревне Каменское было захвачено в плен несколько человек наших, в том числе, весьма преданный делу рабочего класса т. Алымов, член партии большевиков. Многие то-

варищи успели скрыться в леса, а небольшая часть на пароходах отступила по направлению к г. Бодайбо. Необходимо отметить, что все это произошло так быстро, что наш отряд не мог ясно сообщить в Бодайбо, в чем дело и как велика опасность. Успели только сообщить об отступлении.

Принимая во внимание, что имеется опасность, был созван съезд Советов на Надеждинском прииске, где решено было дать решительный отпор противнику. 15 августа мы со съезда Советов в 3 часа дня возвращались в город. Никто ничего не знал. Но около пяти часов вечера мы услышали пароходный свисток и затем увидели два парохода, идущие один за другим под красным флагом. Пароходы остановились и мы узнали, что это наш отряд спешно уходит от белых, которые находятся на расстоянии 10-ти верст от нашего отряда и стремятся догнать его. В продолжение 10 минут было решено: в городе сражения не давать, во избежание лишних жертв, а подняться по Витиму выше города и там, на второй день, дать сражение, т. к. в этот день, благодаря позднему времени, не предполагалось, что белые успеют пойти дальше города. В самом городе у нас к этому времени оставался отряд, охраняющий город, в числе 60 человек. После ухода нашего отряда вверх по Витиму, кто-то в суматохе отдал распоряжение выступить этим 60-ти человекам для принятия боя с Красильниковым на устье реки Бодайбо. Отряд быстро выступил: командир этого отряда был в недоумении и не знал, что делать. Главные силы ушли вверх по Витиму, патронов у этого отряда осталось по два десятка и численность отряда весьма мала, принять бой с таким сильным отрядом белых – это значило сознательно сделаться пулеметным мясом, поэтому мы с т. Бурштейном дали распоряжение отряду сняться с позиции. После ухода наших отрядов на пароходе вверх по Витиму, в городе нас, членов Исполкома, осталось трое: т. Бурштейн, т. Поручиков и я. А к этому времени белые на пароходе первым отрядом под командой эс-эра Растомошвили подошли к городу и открыли пулеметную стрельбу по пароходу, стоявшему на левом берегу Витима. Но пароход выбросил белый флаг и стрельба прекратилась. Белые, дойдя до этого парохода и узнав, что этот пароход мелководный, пересели на него и пошли дальше.

Поднявшись верст шесть по Витиму, из-за наступления ночи, наш отряд вынужден был пристать к берегу. Тем временем, белые

молча подходили к нашим пароходам, на которых находился наш отряд.

Здесь необходимо отметить, что пароход, на который пересели белые и на котором теперь они подходят к нашему отряду, являлся пароходом, оставшим от нашего отряда с небольшим количеством красногвардейцев, и поэтому наш отряд ожидал его. Но на нем, как выше указано, был отряд белых под командой эс-эра Растомошвили, и состоял под видом красных и готовил убийство нескольких десятков рабочих с приисков. При приближении белых, наши, предполагая, что это свои, несколько раз спрашивали: «Это вы?», белые отвечали «Мы, чего орете, говорите лучше, где пристать?». А сами в это время закладывали пулеметные ленты, готовились к убийству.

Наш отряд ничего не подозревал, старался им указать, где пристать, кричал: «Держи правее и приставай к борту нашего парохода». Звери эс-эры подошли к нашему пароходу на расстояние 25 сажен и открыли пулеметный огонь в стоящих на борту парохода красногвардейцев. Раздался пронзительный крик умирающих, много красногвардейцев бросилось в воду с парохода, а часть искала спасения на пароходе, а стрельба продолжалась. Белые быстро подошли к пароходу, перебрались на него и стали вязать оставшихся живых. В этот момент было убито до 30 человек, и много раненных. После этого дикого убийства наших товарищей, я пробыл на свободе несколько часов. Я был арестован в час ночи и под усиленным конвоем был препровождён в здание городской думы, где велась первая запись арестованных, и где местные эс-эры и буржуазия определяли, насколько важный большевик попался им в руки.

Буржуазия меня встретила криками: «Вот это один из продовольственных комиссаров, который отбирал у нас товаропродукты, бей его по морде». Подводят меня к столу, слышу вопрос сидящего за столом: «Как ваша фамилия?» Я намеревался ответить, но увидев, что сидящий за столом не кто иной, как гр. Шарендо, который 10 часов тому назад ехал со мной вместе со съезда Советов. Тогда я сказал, что фамилия моя вам известна. Он смутился и больше не спрашивал. Через пять минут меня повели на пароход, для представления перед грозными очами эс-эра Растомошвили. Привели в каюту, где сидел Растомошвили. Доложили, что пойман кассир. В это время я увидел сидевшего рядом с Растомашвили местного эс-эра Дудоладова, который что-то шептал ему на ухо. Через минуты

две меня повели в каюту, где сидели уже т. т. Поручиков и Бурштейн. Тут я от них узнал, что расстрелять белогвардейцы решили всех комиссаров. Об этом им сказали часовые.

Затем привели еще многих товарищей к нам со словами: «Это тоже в расход». Таким образом, мы всю ночь ждали расстрела, но утром нас повезли в тюрьму, где многих товарищей раздели и обобрали. В тюрьме, в ожидании расстрела, мы просидели 11 дней, получая ежедневно сведения, что Красильников решил расстрелять 10 человек, потом 12 человек, потом 8. И, наконец, на 12-й день получили сведения, что решено в Бодайбо не расстреливать, а вести в Иркутск. И действительно, в этот день нас посадили на пассажирскую барку и повезли в Иркутск.

Путь следования от Бодайбо до Иркутска был для нас настоящей пыткой. Необходимо отметить, что отряд Красильникова состоял исключительно из офицеров и юнкеров. Для того чтобы меньше было шансов для нашего побега, с нами вместе были посажены человек 60 юнкеров, вооруженных с головы до ног, которые нас и охраняли.

Называя наш путь пыткой, я имею в виду следующее: весь отряд за малым исключением всю дорогу был пьян, в особенности атаман Красильников. Без всяких поводов с нашей стороны, к нам придирались, старались вызвать какие-нибудь поступки, чтобы потом расстрелять.

Таким образом, мы доехали до Усть-Кута, где нас из пассажирской барки пересадили в товарную открытую баржу. Вечером еще было светло, к нашей барже подъехал отряд человек 50 юнкеров с офицером с Лихаревским во главе и вызвал одного из наших товарищей (мадьяра), фамилию не помню. Наблюдая за тем, что будут делать с товарищем, мы увидели, что среди отряда стоит еще один наш товарищ (мадьяр тоже), только после этого мы стали догадываться, что товарища хотят расстрелять. Через пять минут Лихаревский отдал распоряжение, чтобы нас покрыли брезентом, и тем самым лишили возможности наблюдать за дальнейшим, и тут же подошел один из юнкеров и потребовал, чтобы ему подали вещи товарища, выведенного из нашей баржи. Товарищ Захаров подал вещи и спросил, куда переводят нашего товарища. Юнкер ответил, что мы сейчас сами узнаем о месте назначения наших товарищей по залпам, которые сейчас последуют.

О каком-либо сопротивлении было думать бесполезно. Малейший протест мог быть предлогом расстрела для всех, но и без этого мы предполагали, что за этим товарищем тут же расстреляют некоторых из нас. Палачи отвели этих двух товарищей сажень на тридцать от нашей баржи и произвели в них два залпа и тут же добились выстрелом из револьвера. После расстрелов мы ожидали в самом напряженном состоянии, когда придут за кем-нибудь из нас, но этого не случилось.

Но самое тяжелое состояние у нас появилось тогда, когда мы услышали ссору, которая чуть не перешла в драку, среди юнкеров, при дележе вещей расстрелянных товарищей.

Ссора происходила тут же на барже, где сидели мы, в помещении караула, и эта ссора произошла, главным образом, из-за новых ботинок, снятых с одного расстрелянного товарища.

На второй день нас повезли дальше и через несколько дней мы прибыли в Жигалово.

Из Жигалово в ночь нас погнали пешком до Верхоленска. По дороге отставших от усталости били нагайками и прикладами. От Верхоленска нас уже посадили на крестьянские подводы и повезли до Иркутска. В Иркутске посадили в тюрьму. А так как в тюрьме свирепствовал тиф, то нас вначале посадили в карантинный барак во дворе тюрьмы, где дня через два заболело нас человек 15. После размещения по камерам, потянулась тюремная жизнь со всеми ее прелестями.

В это время почти ежедневно выводили из тюрьмы наших товарищей и расстреливали, а отъявленный белогвардеец генерал Яковлев время от времени появлялся в стенах тюрьмы и спрашивал, нет ли каких претензий. Мы на все эти вопросы отвечали грубоватым молчанием и презрительными взглядами. И в свою очередь зорко следили за героической борьбой наших товарищей в России и за действием красных партизан, и были вполне уверены, что нам удастся еще принять участие в борьбе с нашим врагом, и мы не ошиблись...

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 485 Л. 5–12. Машинопись.

**Воспоминания К. П. Мясникова об участии
в революционной работе
в Бодайбо и партизанской борьбе в отряде Зверева**

В 1917 году после передачи центральной власти коалиционному правительству, пароход «Верхоленец» товарищества Глотовых на Лене, на котором я служил мотористом, отставался в одном из сел Киренского уезда. Сущность случившегося переворота мы в то время ясно не понимали. В марте месяце получили телеграмму, извещающую об организации какого-то союза в Киренске и предлагавшую командиру тов. Минееву примкнуть к нему, поддерживая требования о прибавке к зарплате и никаких мелких коммунальных услуг со стороны товарищества. Телеграмма эта была составлена туманно и понять, что за чем организовывать было трудно. Минеев растерялся и счел возможным посоветоваться со мной как с человеком, весьма близко стоящим к ссыльным поселенцам. Совместно обсудив телеграмму, мы ответили, что будем поддерживать требования вплоть до расчета и просили дать разъяснений, что за союз и на каких условиях он организовывался.

На такую телеграмму ответа получено не было, т. к. выяснилось, это организовывался союз служащих и машинная команда, в частности. Вся команда товарищества за исключением командира в него не входила. Вскоре после этого был организован союз машинистов, а в первых числах июля – вообще работников Ленских пароходств. На первом же судовом собрании я был избран председателем судового комитета. Были несколько не особенно значительных стачек с Глотовым за улучшения быта команды, был после в августе уволен таковым со службы и уехал в Бодайбо, где поступил в депо ж/д «Лензолото» слесарем. Там в это время благодаря большому скоплению политических ссыльных быстрым и широким темпом шла политическая и профессиональная работа. Наем и увольнение рабочих происходили через союз горняков под председательством Алабина П. И.

Недурно функционировала касса взаимопомощи, была организована примирительная камера, в которой меня избрали представителем от рабочих. К февралю 1918 года начала разворачиваться пропаганда большевизма под руководством т. т. Мальцева К. И., Щербинина Я. М., Захарова и др. начинаются еженедельные при-

исковые съезды, начинается борьба между большевиками с одной стороны и эсерами, и меньшевиками с другой. Эсеровскую и меньшевистскую организацию на приисках возглавляли: первую Бородин, а лидерами вторых были Ю. Андреевич, Маслов, Меккель. Насколько я помню, в апреле 1918 г. был созван съезд железнодорожников, где после ожесточенной ораторской полемики стало ясно, что масса идет за большевиками. Это подтвердилось на выборах в приисковый совет, в котором большевики уже получили возможность диктовать свои условия эсерам и меньшевикам т.к. были избраны в большинстве. В числе других большевиков я был избран в приисковый совет, а затем пришел в ЦИК, находившийся в Бодайбо. ЦИК первое время был коалиционным, но вскоре эсеры и меньшевики один за другим вышли из его состава. Остались только представители большевиков и сочувствующие.

Вскоре получаем инструкцию из центра об организации фабзавкома или по-нашему рабочего комитета. Организуем его во главе с тов. Алабиным, которого затем сменил я и обращаем главное внимание на восстановления продуктивности труда, но вдруг получаем известия о падении власти советов в Иркутске и обострения вопроса о ходе дальнейших действий /повторяю, ни одного эсера и меньшевика в составе ЦИК не было/. Решили открыть фронт на Лене и бороться до последнего. Этот вопрос об открытии фронта и, вообще, всей организации Ленского пути прежде всего имел характер вооруженной охраны грузов, шедших на прииски, которые захватывались крестьянами. Необходимо было командировать вооруженный отряд для препровождения этих грузов в Бодайбо, а также для борьбы с появившимися белобандитскими отрядами. Для этого специально из Иркутска выступил отряд Родзинского, операции которого вначале были весьма удачны, и когда на многочисленных собраниях приисковых и ж/д рабочих был поставлен вопрос, будем ли проводить борьбу уже не за хлеб, а за власть советов, то резолюции были – бороться с оружием в руках, а в случае недостачи его, ломami и кайлом или чем под руку попадетсЯ – до последнего. Это было в июле месяце, уже происходят первые бои под Киренском с белым отрядом на вербованным офицерами.

В Бодайбо организовывается лаборатория для изготовления разрывных снарядов необходимых ввиду недостачи у нас огнестрельного оружия. Мне исполком поручил заведование мастер-

скими депо, наказывая работать на оборону вплоть до остановки. Мастерская занялась ремонтом винтовок, револьверов, изготовлением гранат и проч. Одновременно я с помощью ряда товарищей организовал деревенскую боевую дружину. Из-под Киренска с фронта шли известия мало утешительные, тревожные. А с приходом в Иркутск атамана Красильникова пришлось нашим гостям смотреть удочки. Многие из наших там, на фронте и, в том числе, был расстрелян и тов. Алабин. Все же, не смотря на такое скверное положение, о котором многие члены исполкома не знали, жизнь и работа приисков текла своим чередом. Некоторыми членами приискового совета и исполкома впоследствии начинаются резко проявляться саботаж приисковых служащих от управляющих до инженеров и смотрителей шахт, был поднят вопрос о национализации приисков.

После нескольких запретов центра, несмотря на осведомленность главы исполкома о положении на фронте и выступлении нескольких из них против национализации, таковая была большинством голосов проведена на Надеждинском прииске в августе 1918 г. Возвращаясь со съезда, мы дорогой шутили: «едем в своих вагонах и по своей дороге, но как бы не попасть на закругление». Закругление это линия делает у города и около него – Бодайбинская тюрьма, и, действительно, шутка эта притворилась в действительность. В субботу мы приехали, а в воскресенье вечером над городом раздался звук выстрелов пулеметов отряда эсера Ростомашвили. Весь Совет исполкома за исключением П. Я. Поручикова, Кулакова и меня скрылся и, по-моему, ревкому пришлось взять в свои руки руководство дальнейшими действиями. Трудно было собрать кворум ревкома под звуки пулеметов. Я помню, как член ревкома Антолович, которого я нашел в квартире Мачалкина, с ужасом говорил мне «что он, мол, консерватор и против Соввласти». Но все-таки собрать ревком нам удалось и на заседании по предложению покойного т. Кулакова была принята резолюция следующего характера – рабочие и служащие объявляют полную забастовку до конструирования власти на партизанских началах, без участия целевого элемента, оружия не сдают ни крупного, ни мелкого калибра. Были еще пункты, но менее значительные, я их не помню.

Во время нашего заседания станция была занята полковником Данишевским и, вот, наша делегация в составе Кулакова, Усова,

меня и еще одного товарища явилась с упомянутой резолюцией вечером часов в 11 к полковнику. Тот прочитал, затопал на нее ногами и тотчас же арестовал Кулакова, а нас послал «ко всем чертям». Вечером ввиду позднего времени к чертям мы не пошли, а пошли спать. Рано утром я пришел в мастерскую, некоторые рабочие уже работали, я им рассказал о нашем постановлении и часть сейчас же бросили работу и пошли из мастерских, а человека три остались работать, в том числе машинист Соколов, который ранее хотел зарегистрировать себя как большевика. Но когда я предложил ему оставить работу – начал со мной ссору. Ссориться с ним было не время, я ушёл из мастерской. У входа встретил группу кузнецов и молотобойцев, которые спросили, можно работать или уходить, и после моего разъяснения, разошлись по домам, кроме кузнеца Левинсона, который, выйдя вперед, заявил: «Кончилась теперь ваша власть, теперь она наша». Этот Левинсон считался большевиком и как таковой был проведен в приисковый совет. Подобные щепки характеризуют, что среди приисковых рабочих в наших рядах были не только идейные удивительные люди, но и предатели и трусы, не замедлившие перейти на сторону белых при их приходе. После этого столкновения я возвратился домой, где был арестован тремя служащими, которые уже успели войти в организованную дружину и препроводили к полковнику Данишевскому. Когда я сидел арестованный у Данишевского, у него зазвонил телефон, подошел сам полковник и спустя некоторое время, оторвавшись, говорит мне: «Вот как, о вас заботятся с другого конца города». Как оказалась потом это настаивал на моем аресте управляющий дорогой Горных С. П. или, как его звали, «Батя». Он был сильно злой на меня за то, что госбанк без моей санкции не давал ему ни гроша денег. Находясь у Данишевского мне пришлось недолго, скоро меня отправили в штаб Ростомашвили, у которого уже был донос на меня, о том, что я «будоражил умы рабочих в депо». Я ему рассказал про резолюцию, которая была поручена мне для передачи ему, он меня выслушал, спросил про мое служебное положение и когда узнал, что я слесарь депо, отпустил на все четыре стороны. Едва только возвратился я в свой номер и лег отдохнуть, как слышу команду: «Все по номерам», тяжелые шаги несколько людей произвели по направлению к моей комнате. Теперь, уже по приказу Красильникова, я был арестован по-настоящему.

Вечером после допроса меня провели в тюрьму, в камере нас было четверо, а к утру нас стало «как сельдей в бочке». Затем всех перевели в Иркутскую тюрьму, после суда я был выдворен в Тугурскую волость под надзор милиции, когда же генералом Сахаровым был дан приказ расстрелять активных большевиков без суда и следствия на месте, пришлось приготовить сухари и выждать удобного момента для присоединения к партизанскому отряду Зверева, орудовавшего под Усть-Кутом. В это время через местность, где я жил, проходил отряд капитана Коледникова на ликвидацию Зверевского отряда. Солдаты этого отряда, как оказалось позже, были пропитаны революционным духом и только ждали удобного момента, чтобы покончить со своими офицерами и перейти к партизанам. Что и было ими сделано в деревне Боярской у Киренска. Когда узнали об этом мы в Жигалово, собралось нас человек семнадцать, мы отобрали оружие у конвоя, охранявшего стоявший в Жигалово обоз, обезоружили милицию и организовали отряд под моим командованием. После чего выступили под общей командой Зверева. Из нашего отряда был потом сформирован партизанский советский полк, а по реорганизации партизан мы были влиты в иркутский 1-й строевой полк, где меня назначили командиром 1-го батальона. Но потом, как спеца назначили районным комиссаром Ленского бассейна. Сейчас я служу здесь же на Лене в должности завмастрескими Жигаловского затона.

20/2.25 г. Мясников К. П.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 464. Л. 1–8. Машинопись.

ТАСЕЕВО-ШИТКИНСКИЙ РАЙОН

Выдержки из воспоминаний неизвестного автора о партизанах деревни Денисовки Тасеевского района в 1917–1918 гг.

Шли годы, менялся контингент ссыльных. Даниловы прислушивались, приглядывались, примеривали на свой аршин и выбирали, что подходит. Так выбрали себе большевизм, как самое верное и надёжное политическое течение, которое сулит трудовому крестьянству действительное, а не кажущееся освобождение. И здесь, как по всему району бывшего Тасеевского фронта, опять-таки пришлось мне констатировать – глубоко уходят корни партизанского движения, так глубоко, что от старой политссылки тянутся к ним прочные нити. Революция пятого года не прошла бесследно и для Сибирской деревни – многих она разбудила, многим заронила в голову новые и яркие мысли. Только не успели взойти брошенные семена, – прихватило морозом злейшей реакции. И целых двенадцать лет пролежали эти посевы первой русской революции, чтобы взойти лишь в 1917 году. Тогда выросли по деревне большевистские ячейки, в партизанском движении сыгравшие роль руководителей и организаторов.

В то время, как многие и многие из деревень в 1917 году шли за эсеровские списки голосовали в Учредительное собрание, Тасеевский район, как и Степно-Баджейская волость (центр армии Кравченко) голосовали за список большевиков почти целиком.

Мало ещё, слишком мало изучена роль политической ссылки в революционном движении Сибири. Обрывочны и недостаточны сведения, чтобы сделать на основании их какие-либо обобщения. Но в отношении Тасеевского района, вернее бывшего Тасеевского фронта, уже и сейчас можно смело сказать: ссыльные большевики

подготовили там массовое революционные движение крестьянства, вылившееся в 1918 году в вооруженное восстание против белой власти. Маленькая деревушка Денисовка, но огненным крылом революции задело и ее, смело гниль векового устоя, перемешало все привычные, устоявшиеся отношения, разбросало людей-соседей и родственников в разные лагеря, разделило крестьянство на группы по их классовым интересам, поставило лицом к лицу, как врагов. Гражданская война вырвала из рядов денисовцев ряд жертв и оставила в глухой деревушке памятники на братской могиле. Похоронены в Денисовой в общей могиле: Макаров Прокопий Астафьевич и его сыновья Федор и Иван; Лупянниковы Василий и Иван Захаровичи; Гравельсоны Василий, Владимир и Юлиус Юрьевичи; Борочук Трофим Матвеевич; Денисов Нефед Александрович. Отдельно похоронен Осип Иванович Быстров. Братскую могилу берегут, убирают. На братскую могилу приходят с демонстрациями в дни пролетарских праздников. Напоминают молодежи о жертвах великой борьбы за власть советов, за красное знамя в Сибири. Могилы жертв революции и гражданской войны. В каких глухих уголках Сибири нет этих могил, этих безмолвных памятников героических дней? В Заманской тайге, на далеком Кайтыме, в степях Минусинских и в Урянхае, на берегах Ангары и в холодном пустынном Приангарье, во всех деревнях повстанческих районов и в городах, рабочих центрах Сибири. Какие героические были, какие кошмарные истории о пытках белых палачей могли бы рассказать эти могилы, если бы они заговорили. Но могилы молчат, а те, кто знает историю этих могил, оставшиеся в живых товарищи и братья погибших, ещё не закончили общее с погибшими борцами дело. Они строят, строят то здание, в фундамент которого сложены кости погибших борцов.

Но долг по отношению погибших – великий долг. О их жизни и борьбе должна знать идущая им на смену молодежь. И долг тех, кто знает, за что и как погибли, схороненные в бесчисленных братских могилах, рассказать об этом. И сбереечь сами могилы.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 425 Л. 3–4. Машинопись.

Против власти помещика и генерала. Воспоминания И. Ф. Доцака

Сам я поляк из Каменец-Подольской губернии. Отец у меня батрачил у помещика, а в 1911 году приехал в Сибирь со мною. Семью оставил дома, не на что было ехать всем сразу. Посмотрел здесь, как люди живут, понравилось, и решил ехать за семьей, а меня оставил здесь. Мне тогда было 12 лет. Языка я не знал, и приходилось очень трудно пробиваться. Отец так и не приехал сюда, не хватило силы подняться со всей семьей в такую дальнюю дорогу. Я работал, где придется, до 1918 года, батрачил.

В августе 1918 года я жил в Борках вместе с Рупейко, мужем моей сестры. Рупейко застрелился под Шеломками, когда его окружили белые. В это время началась в Борках работа подпольной организации. Была у нас связь с Яковенко, Будой, Астафьевым Федором, Нижегородовым Иосифом. Нижегородов раза три приезжал к нам на тайные собрания.

Руководителем был у нас Рупейко Иосиф Иннокентьевич, его помощниками были Федор Кузнецов и Рудаков Ефрем.

До конца сентября вели подпольную работу, а потом стали собирать документы уже и общие собрания, стали запасать оружие, провиант. С половины ноября (по ст. ст.) стали проводить вербовку в отряды.

В конце декабря (по ст. ст.) в Шеломками пришел карательный отряд и Шеломками выступили и отбили белых. Это было несколько преждевременно и производило впечатление стихийности. После этого все наши силы были переброшены в Тасеево. Под руководством Яковенко, Ф. Астафьева, Черникова и других, стали формировать армию. Людей было много, оружия мало. Приходилось по три человека на одно ружье.

Не помню точно, какого числа, но, кажется, в конце декабря, был бой у Тасеево по Плотбинской дороге с наступавшим на нас отрядом из 600 человек с 2 орудиями и шестью или семью пулеметами. Конница белых была разбросана по всем дорогам. Но главные силы белых шли с Плотбино. Навстречу им был брошен Денисовский отряд под командой Машукова. Было нас 20 человек с 14 винтовками 3-х линейными, у остальных семи были охотничьи ружья. Сидели мы в окопе по правую сторону от дороги, если

идти от Тасеево. По левую сторону дороги был брошен отряд Суховский, под командой Павла Астафьева, приблизительно до 25 человек лыжников.

Сидим мы в окопах, сделанных из снега и залитых водой, ждём белых. Едут от Плотбино шестеро конных разведчиков, как сейчас их вижу – четыре лошади серых и две гнедых. Мы не стали в них стрелять, пропустили, до вторых окопов с левой стороны дороги. Но разведка заметила, что дело неладно и вернулась. Тогда мы дали залп, двух сшибли, третьего мертвым унесла лошадь.

Вскоре подошла белая пехота. Подтащили к нам сажень на 35-40 пулемет. Машуков командовал залп, и пулеметчики были выбиты. Цепь пехоты шла наравне с пулеметом и при нашем залпе залегла. Начался упорный бой.

Наступление началось часов с 9 утра, а к полудню у нас осталось по 1-2 патрона. Три раза посылали людей, они приносили нам по полрукавички. Стреляли мы редко, следили друг за другом, чтобы не промазал кто зря.

Раза два даже из-за этой нехватки патронов поднимались, чтобы уйти из окопов. Но твердо держался наш командир, говорил: «Будем ждать здесь, бить прикладом, но из окопов не пойдем».

Нижегородов на Хандальской дороге ждал конницу белых, были положены бороны зубьями вверх. Конницу он отбил, угнал в Хандалы и до Бакчета, а часам к двум вернулся и пешим пришел к нам на фронт. Мы все еще сдерживали упорный натиск белых. Нижегородов поделился с нами патронами, и бой пошел оживленнее.

Белые продержались до потемок и отступили. Вернее, не отступили, а бежали. Гнали их до Плотбино, а оттуда они без оглядки удрали в Рождественское.

В Бакчете белые арестовали попа Вашкорина, активного участника подпольной организации по подготовке восстания. Повезли они его в Тасеево для расправы, расстреляв жену и двух детей. Держали арестованного в Плотбиной, а когда мы их из-под Тасеевой погнали и зашли во фланг, караульный прозевал арестованного, Вашкорин спрятался в сарае. Вскоре подошли наши, а белые сбежали. Вашкорин был отбит.

Недели через две Красильников повел второе наступление в Тасеево. Всего было у них 1200 бойцов и 6 орудий, причем два из

них были 6-дюймовые. Пулеметов было, что-то, очень много. Шли они по Суховской и Лукашинской дорогам, по Хандальской была брошена конница.

Мы всегда знали, какие силы идут против нас – сообщало население.

Сильный напор был по Лукашинской дороге, где наступлением руководил сам Красильников. Здесь били их четырех орудий, а с Суховской дороги – из двух.

По Суховской дороге шли впереди человек 25 белых лыжников, за ними, саженьях в 15 – цепь. Подпустили мы лыжников сажень на тридцать без выстрела, а потом залпом сняли всех сразу. Цепь подпустили тоже к самым лыжникам, вернее, к их трупам, а тут встретили залпом. Где цепь остановилась, там ее и продержали весь день. Пока лежат белые – ни одного выстрела, как кто поднялся – тот и готов.

Было у нас в то время уже 200 человек вооруженных винтовкам.

По Лукашинской дороге подпустили пехоту тоже близко. А напирали белые здорово, но ничего не могли сделать. Четыре раза бросал Красильников кавалерию, и каждый раз прорывались только лошади – седоков партизаны снимали выстрелами. Наши лыжники обстреливали белых со всех сторон, и сам Красильников был вынужден прятаться за прикрытие – пули кругом летали или дробь-рубленка.

Вечером поздно белые бежали и по Суховской, и по Лукашинской дорогам. По Хандальской дороге конница была отбита Нижегородовым еще раньше. Нам остался пулемет «Максим», штук 400 винтовок и патроны.

Белые оставили много убитых, увезли много раненых. У нас в первом бою был убит один цыган в Плотбино, когда наши туда влетели и перемешались с белыми. Во втором бою мы потеряли двух убитых снарядам и еще человек двух, убитых выстрелами, 3–4 были ранены.

Во время бегства белых у лога под бором, под натиском наших лыжников, белые бросили свою батарею (4 орудия). Командир доложил об этом Красильникову и тот, под угрозой расправы, приказал отбить. Наших лыжников было мало и белые, вернувшись, увезли свои орудия (было это по Лукашинской дороге).

Белые ночевали в Суховой и ушли на Рождественское. Красильников, говорили у нас, бесился, чуть волосы не рвал на голове, что не удалось взять Тасеево.

Перед Тасеевским боем, когда Красильниковцы шли к Тасееву через Канарай от участка Маравинского, прибыли в Канарай два партизанских отряда – Денисовский, с командиром Машуковым и Суховский, под командой Дубенского. Партизаны ждали белых от Шеломков, куда был выслан эскадрон Прохорова, человек 40. В Денисовском отряде к тому времени было человек 50, в Суховском – 40.

О том, что белые идут от участка Маравинского, партизаны и не подозревали. На кладбище около деревни поставили заставу из 12 человек. Мне пришлось стоять на Шеломовской дороге с т. Гусевым и Чернышёвым с участка Букара и т. Гришиным Андреем, матросом из д. Степановой. Восемь человек сидели на Маравинской дороге.

Белые подошли к кладбищу не дорогой, а чащей. Наши восемь человек их увидели и послали Махиньку Трофима к нам, сказать, что надо уходить в деревню. Махинько недопонял, что ему говорили, и ушел в деревню сам, не предупредив нас. Остальные семеро тоже ушли потихоньку. А мы, так и остались.

Белые не обратили внимания на кладбище, обошли его и пересекли дорогу цепью. Главные силы подошли по дороге и один вздумал заглянуть на кладбище. В это время белые установили на бугре пулемет и навели на деревню.

Мы заметили подходившего к кладбищу солдата и поняли, что нас отрезали. Белый тем временем влез на заплот и увидел нас, – мы лежим, взяв белых на мушки. Солдат указал на нас рукой, а мы начали стрелять. В тоже время и из деревни начали бить по белым. Белые не знали, какие силы в деревне, какие на кладбище и у них началась паника. Они открыли стрельбу по кладбищу из винтовок и пулеметов и начали нас окружать. Охватили цепью с трёх сторон, но мы выскочили и пошли бором, стараясь держаться ближе к реке, чтобы обойти цепь и попасть в Канарай. Пока мы пробирались, нас три раза останавливали белые лыжники. Но стреляли они плохо и мы каждый раз отбивались и уходили. Добрались до Канарая, видим – один из наших сидит, караулит белых, как кто просеку перебежать – бьет.

Спрашиваем:

– А есть ли кто в деревне?

- Не знаю.
- Сходи, узнай.

Пошел он узнавать, да так и не вернулся. А уже вечер наступает. Сидим мы, караулим, перебегающих белых стреляем, ждём, когда нам скажут, есть ли кого защищать в деревне.

Едет конный партизан с поста. Спрашиваем у него, но и он ничего не знает. Попросили его сообщить нам, что делается в деревне. Уехал и этот и тоже пропал.

Гонят по деревне подвод около 40 в панике – наши отступили, белые входят. Остановили мы их. Подъехал Сазыкин Иван, повернул эти подводы назад. Стали мы отступать организованно. Наших в деревне уже не было тогда, как мы белых вчетвером на просеке обстреляли. В это время погиб Федор Кузнецов. Произошло это при таких обстоятельствах. Белая конница шла из Ермиловского на Канарай. Ехали разведчики Рудковского эскадрона Михаила Васильевича Турова и Федор Кузнецов ехал дорогой и напоролся на пост белых, его подстрелили. Пуля прошла сквозь и пробила луку седла. Однако Федор не свалился, а повернулся обратно, проскакал версты полторы, но тут его захватили белые. Туров, ехавший стороною, дал знать об этом эскадрону, бросились на выручку, но отбить не смогли. Белые казнили Федора в Тополе.

Приблизительно, в первых числах марта, стояли белые в Тополе. Потребовали, чтобы им из Борков прислали печеного хлеба. Это у них как правило было. Крестьяне должны были повиноваться, но каждый раз сообщали нам, а наши партизаны нападали на обоз и забирали себе все, что везли. Послали человек 200 пехоты и 30 улан, телохранителей Красильникова, в Борки. Хотели нас там изловить. Подъехали белые к Боркам. Там лес густой, но сажень сотню до деревни надо пройти открытым местом, болотце там и мостик через речонку. Возле самого бора, где на открытое место надо выходить, – изба стоит. Как раз в эту пору приехали наши 12 человек в Борки. Отряд там не стоял, это только разведка была, отряд стоял в Канарае. Разведчики забрались в избу, в карты играть сели, а двух поставили у моста на посту. Изба тоже почти у самого моста. Часа через два-три и пожаловали белые. Конница впереди. Доехали до конца лесу и выглянули из-за избы – никого, тихо и спокойно все. Конница на рысях и полетела в Борки.

Один постовой сейчас же побежал сообщать остальным, те без шапок выскочили и срезали всех конных. Только кони проскакали в деревню, 4-х коней тоже убили. Пехота шла к болоту с криками. Наши не решались принять сражение, сели на коней и уехали. Сообщили обо всем Ефрему Рудакову в Канарае, он со своим отрядом пошел на Борки. Человек 50 в отряде было. Оказалось, что в Борках и драться-то не с кем: пехота белых перетрусилась, войти в Борки не решились и вернулась обратно к Красильникову. Он, говорят, из себя выходил, ругал пехоту и жалел своих улан.

– Лучше бы вас всех 200 убили, чем их 30.

Собрав все свои силы, Красильников бросился на Борки, отомстить хотел. Посмотрел только на следы партизан, уже там ни одного не было. Ушли белые в Рождественское – бандитская была деревня – понастроили там 4 или 5 блокгаузов, устроили окопы. После нашего первого боя у Тасеевой организовался большой фронт, верст на 300 под общим руководством в Асанске, Апанске, Кучерово и Тайшете. Было там много боев, белые наступали везде, но подробностей я не знаю. Когда белые окопались в Рождественском, наши отряды стояли в Тополе, Борках, Шеломках, Улюколе, а конные отряды ездили вплоть до Перевоза и Анцыря, отряд Нижегородова раз в Поповичах наскочил на чехов. Захватили там одного чеха в плен, остальным нагнали панику. Колчак обещал чехам дорого заплатить, лишь бы они взяли Шеломки. Нарядили их в защитные цвета, и они подошли к реке незаметно для партизан. Начался усиленный бой. Было это в последних числах июня или в начале июля. С 7 часов вечера до трех утра шел этот бой. Партизаны, чтобы не быть окруженными, отступили от мельницы, где бой завязался, к Шеломкам версты на три. Было наших два эскадрона – Прохорова и Кудимова. Один партизан случайно остался на мельнице – Бегунцев из д. Тептерьяк. Перевязал он раненого помольца и постепенно постреливал, как только завидит чеха за рекой. Чехи отступления партизан не видели, обстрел принимали за доказательство, что партизаны все еще тут и, в конце концов, ушли в Канск. Бросил Колчак 12 000 по всему нашему фронту, чтобы его ликвидировать. Было это числа 4 или 5 июля. Под натиском белых Тасеевские партизаны отступали без боя до Тасеева. Отступали вместе с партизанами и большинство их семей, карательные отряды жгли села, весели жен партизан, пихая

в одну петлю с матерями и грудных детей. Заставляли советы сел собирать девушек и жен партизан, принуждали их для себя стряпать и насиловали.

В Тасеево были приготовлены кругом окопы по краям ельника, окружающего село. Белые жали на весь фронт и весь фронт отходил на Ону. Тасеевцы были вынуждены сдать село без боя. Отступили на Троицкий соляной завод. Белые напирала также и от Енисейска, отступавшие отряды дрались, но задержать наступление белых были не в силах. Оттуда с вечера шел с боями Бабкин тоже к заводу. Завод тоже пришлось сдать без боя, взорвать мост через р. Усолку. Пошли партизаны тайгой на р. Кайтым. Шли отряды, большой обоз беженцев, гнали коров, так добрались до Кайтыма. Дня через два-три после остановки на Кайтыме, белые бросили туда в наступление большие силы, выделив часть для обхода тайгой с тыла. Во время наступления белые развернутым фронтом колоннами подошли к нашим скрытым окопам сажен на 15–20. В течении двухчасового боя выбили у них 600 раненых и много было убитых. Я был в этом бою ранен в оба плеча и сколько осталось убитых – не знаю. Вторично они наступали по той же дороге, но мы без боя отступали на р. Ону. Раненых несли на носилках верст 40. Было это очень трудно и для несущих, и для раненых. Заходила даже речь, чтобы раненых бросить. Кузьма Артамонович Егоров убил свою жену и детей. Белые мельницу на Кайтыме заняли и часть партизанских семей захватили и уничтожили.

Наша конница отступала с нами не вся, часть осталась в тылу у белых. Организовывали налеты на дружины и собирали свежие силы. Эти усиленные партизанские отряды в тылу у белых заставило отступить от Тасеевой. Партизаны вышли из тайги и стали напротив Тасеевой на другой стороне сопки. Под руководством Буды и Лобова пошли в наступление, загнали белых в церковную ограду и держали около пяти суток в осаде. Часть белых была с этого фронта снята после того, как загнали партизан в тайгу, оставлены были гарнизоны по деревням. В Тасеевой в осаде было 600 чел. белых. Но к ним пришло подкрепление и осаду пришлось снять. В последних числах сентября из Троицкого завода часть гарнизона была снята, осталась две роты. Конница под руководством Н. Буды перебралась через Усолку выше д. Яковлевой и в ельнике устроила засаду. Белые чел. 300, ехали из

завода с песнями и радовались, что их отзывают из гарнизона. Буда их растрепал. Красильников под натиском партизан, снимал гарнизоны из Троицкого завода и Тасеевской и перевел их в Рождественское. Числа 15 октября стояли наши в Тополе, человек до 100. Красильников послал человек до 500 с тремя пулеметами окружить Топол. Командовал нашим отрядом Емельяшин, у него был пулемет «Максим». Рано утром Топол окружили. Стоявшие в соседних деревнях партизан до двух часов дня ничего не знали, погода была пасмурная, выстрелов было не слышать, глушило. Белые уже захватили четверть деревни. В это время был выслан из Борков Рудаковым Степан Малышев с пикетом и налетел на белых. Удалось ему угнать под обстрелом белой цепи в Борки и там он сообщил штабу. Из ближних деревень части по распоряжению Буды были брошены в тыл белым, и те бежали в Рождественское.

Числа 30 октября белые, человек 70, пошли на Улюколь. Из Шеломков туда же шло еще человек 300 белых. Партизан в Улюколе было человек 150–200. Белые взять Улюколь не могли, их отбили. Но у нас было человек 15 убитых. Произошло это так, что эскадрон Прохорова бросился раньше времени в атаку, захватили много пленных, но с тыла заехали казаки. Пленных они отбили, осталось человек 14, наших изрубили шашками около 14 человек. Некоторые были живы еще, когда их поднимали. Убит был и командир Прохоров. Вскоре после улюкольского боя заняли Рождественское, а затем и Канск. Партизанские отряды слились с Красной Армией.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 486. Л. 1–12. Машинопись.

Автобиография и воспоминание И. Е. Горемыкина, участника партизанской борьбы в 1918–1919 годах

Родился в семье крестьянина д. Конторки той же волости Восточно-Сибирского края в 1902 году. До Германской войны работал в семье родителей, после Германской войны пошел по чужим людям.

В 1919 году вступил в партизанский отряд, пришлось участвовать в боях, после разгрома Шиткинского фронта пришлось отступить вниз по реке Бирюсе до 33 верст по Кондратьевскому тракту. В июле меня и тов. Москвитина назначает командир отряда в д. Конторку по сбору оружия после отступления. По прибытии на

Марценкину заимку 21\VII, я был схвачен чехами в плен, а также и тов. Москвитин. По приезде в Тайшет нас заключили под стражу в вагоны на станции Тайшет и через каждые 3 часа выводили на допросы к коменданту. При опросе били плетью и кулаками по лицу за то, что я не сознавался, где находятся партизанские отряды. 23\VII привели меня и Степаненко Леонида, Колбасова Константина и Парчукова Александра, и я ошибся назвать коменданта «Господин», а назвал «Товарищ» за что получал 25 плетей, а Степаненко били прикладом, даже свалили на пол и забили под стол, а тов. Парчукова секли шомполами, после чего посадили в подвал на лед и сняли с нас верхнюю одежду, где мы и просидели до 8 часов вечера. После этого опять выводили на допросы по 1 человеку и сразу отводили в вагон, где сидели наши товарищи. 25\VII объявили, что из вас 9 человек будет повешено, а 12 расстреляно, но благодаря Конторскому обществу, которое дало общественный приговор о том, что мы были мобилизованы и 27 июля нас отступили под надзором местной милиции с таким расчетом, что бы являлись через сутки к коменданту разъезда Венгерка, а Парчукова Александра забили шомполами, который скончался через 5 дней в д. Енисейск.

А у нашей группы по приезду домой собрали оружие, и ушли обратно в свой отряд, который в это время стоял в селе Шалаевой.

После, когда мы соединялись с Красной Армией в 1920 году в гор. Нижнеудинске в 264 Уральский полк, так же с последним был на Врангелевском фронте и уволился в 1923 году. С тех пор работаю в общественных организациях в системе Роспотребсоюза до сего дня.

Иван Егорович Горемыкин

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 624. Л. 1. Рукопись.

Воспоминания

Прошло 15 лет с тех пор как я находился в рядах красных партизан, принимал участие в борьбе против Колчака и других контрреволюционных банд. Воспоминания об этой борьбе, о великой исторической борьбе классов, о борьбе за социализм, за долю рабочего класса Сибири и Сибирской партийной организации выпали большие испытания в мае и июне 1918 года, когда по

всей Сибири прокатился чехо-белогвардейский мятеж. Советская власть в этом обширном крае пала, буржуазия праздновала свою победу и меньшевики – эсеры и чехословаки, поддерживаемые иностранной буржуазией, все объединились, сперва на борьбу против большевиков, затем на устройство демократической власти. Что мы, однако, видим?

Офицеры Колчаковского типа разогнали Учредительное собрание в Сибири и установили власть офицеров, капиталистов и помещиков. Буржуазный террор свирепствует, тысяча революционных рабочих и крестьян падают под ударом белогвардейского штыка, пули, нагайки, в пытках и застенках умирают, буржуазные тюрьмы до отказа переполняются большевиками – революционерами, рабочими и красногвардейцами. Карательные отряды огнем и мечем, изгоняют крамолу из рабочих поселков и деревень. Насколько я помню, в августе 1918 года был схвачен белобандитами в селе Конторке за участие в подпольной организации большевиков крестьянин-середняк Попов Тимофей, который замучен зверски в Канской тюрьме, а так же был схвачен виднейший руководитель подпольной организации начальник Конторского почтового отделения Ведерников Константин. В этой гнусной ликвидации большевиков в подозрении к участию и сочувствию к Советской власти, крестьянин и рабочий.

Бывший кулак Конторки Амельченко (имя забыл), Дубнин Захар Захарович, Лебедев Илья Максимович из дер. Коноваловой последние рыскали с карательными отрядами помогая вылавливать большевиков и подозреваемых в большевизме, которые не гнушались напиться крестьянской крови.

Наученные таким горьким опытом испытывая на своей собственной шее всю прелесть черной реакции временного господства Колчака и чехословаков, трудящиеся нашего края сказали себе: «умереть с оружием в руках или вернуть власть Советов», и вот, Советский пролетариат, трудящиеся, крестьянство восстали против своих угнетателей – палачей, интервентов. Так у нас началась в бывшей Конторской, Шиткинской и Тайшетской волостях партизанское движение, организаторами партизанского восстания первые были в Конторке Козлов Игнатий, Козлов Иван, Насонов Ермил, Неизвестных Гаврил и Иннокентий, Макаров Афанасий, Ильин Гаврил, Рудченко Прокопий, Черненко Федор,

Парчуков Александр, Власов Лазарь – 65 лет старик, Власов Евдоким, тов. Власовы были изрублены в селе Н-Заимка чехами, а Коршунову Архипу удалось уйти, Парчуков Александр заперот шомполами и плетями в селе Тайшете в июле 1919 года.

Вот эта группа подпольщиков были организаторами партизанского восстания в селе Конторке, за которым пошло все крестьянство и рабочие на свержение Колчаковской реакции, и организовался отряд в количестве 25 чел. и начались боевые действия.

Через несколько дней прибыл тов. Бич Иван Андреевич со своим отрядом с Шиткинской заимки, где было решено фронт держать в селе Бирюсе и Конторке, крестьянство на это охотно откликнулись и стали помогать живой силой и оружием, а также продовольствием. Была сразу же организована оружейная мастерская, где заряжались патроны и отливались пули.

Был сделан налет на Бирюсинский ж\д мост, на последнем была захвачена ж\д охрана и несколько винтовок разных систем.

Отмечая выше изложенное, я как участник в рядах красных партизан в подавлении белых банд. А также участник в рядах Красной Армии в 30-й дивизии 5-й Армии 264 Верхне-Ур. полка на Восточном фронте, приходилось принимать бои от ст. Тайшет до реки Селенги вокруг Байкала, а так же на Южном фронте против барона Врангеля. Бои пришлось принимать на перекопе Алексеевка, Каховка и участвовал против банды Махно.

В 1923 году уволился в бессрочный отпуск, а также в случае надобности в будущем, по первому зову нашей партии и Советской власти обратно встану, как и все трудящиеся, в первые ряды РККА славной доблестной Красной Армии на защиту завоеваний Октябрьской революции.

И. Е. Горемыкин

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 624. Л. 6. Машинопись.

Воспоминание Ивана Нефедовича Данилова о знакомстве с политикой и борьбе партизан против белых в Тасеево в 1918–1919 годах

Мое знакомство с политикой

Попал я в 1905 году, в конце года, в Иркутск и свел там знакомство со столяром Евгением Андриановичем Понамаревым. Через него попал на рабочее собрание. Послушал ораторов и призадумался над их речами. Вернулся домой и вдвоем с товарищем своим Владимиром поехали и привезли в Денисовку двух студентов Томского университета, Залипугина Федора Васильевича и Смиренского, сына нашего Рождественского попа.

Провели они у нас в деревне собрание. Оба были настроены сочувственно к соц-дем. Позже Смиренский от движения отошел, в обывателя превратился. Было у нас это собрание, вернее митинг, как раз 1 января 1906 года. Начали мы работу кой-какую вести с крестьянами нашими. Первыми помощниками мне были мои двоюродные братья Василий и Семен Михайловичи, да еще Осип Иванович Быстров. Работу вели они с молодежью, поскольку и сами были молоды, да молодежь и прислушивалась охотнее. После митинга нашего встречаюсь я с крестьянским начальником Сойотовым и даже подивился, – что это он выпытывать вздумал, как я смотрю на аграрный вопрос? Уже после, в 1910 году, узнал я, что с 1906 года состоял я под негласным надзором полиции.

В 1909 году усилилась ссылка в наши края, стали и к нам в Денисовку прибывать ссыльные. Откуда они обо мне узнавали – не знаю, но шли, как к своему человеку. Первым приехал Гравельсон, потом Черепанов Александр, Исконицкая Мария Николаевна, Чернавина (Садина) Анна Александровна и др.

В Тасеево административно-ссыльные были и до 1905 года. А после пятого года там был свой политический процесс – судили сидельца винной лавки Павла Ивановича Денисова, мирового судью Васильева, приказчика Крылова и еще одного, за антиправительственную деятельность по доносу попа. Окружной суд их оправдал, но через месяц их арестовали жандармы, и часть попала в ссылку.

Вскоре после нашего митинга встретил я в Хандалех Крылова. Он мне предложил провести собрание и провести приговор согласие полное наших крестьян с теми постановлениями, какие вынесли тасеевцы. Мы с Владимировым собрание провели, приговор составили, передали Смиренскому, а через три дня слишком – объявлен уезд на военном положении.

Так наш приговор и канул. Зато остались связи.

Плохо я тогда в партиях разбирался. Собрались частенько у меня ссыльные, спорили иногда. А я все не мог разобраться, кто прав из них. Нравились мне и партия эсеровская, но вступать в нее не думал, все приглядывался. Вступил я в Коммунистическую партию только в 1920 году, но до этого в нашей подпольной организации, подготавливавшей восстание, большевистский дух преобладал.

Так я и жил год за годом после того, как впервые политики понюхал. Принимал участие в выборах в Государственную думу, на съезды разные ездил. Учил меня мой дядюшка Василий Александрович.

В 1911 году был я на волостном съезде. Любимец у начальства был наш волостной старшина Малышев, а крестьянство его за то ненавидело. Постарался я над тем, чтобы сбросить Малышева и выбрали на съезде меня старшиной. Использовал я, как мог, свое положение старшины, стараясь помочь своим друзьям, ссыльным. Переводил из деревни в деревню, бежать помогал. Бежал с моей помощью Устинович Владимир Иванович. Сам я его отвез из Денисовой в Рождественское. Помог побегу Говорова из Рождественского. Бежал он с двумя женщинами и для одной из них, Полянсковской, я дал паспорт на имя моей жены. Стрелковский Вацлав Фомич и Волосевич тоже бежали с нашей, моей и моих товарищей, помощью. Помогала нам в этом деле и молодежь, в том числе Иван Обухов. Один раз я увез в Канск, будто бы ягоды продавать, восемь человек ссыльных. Часть из них из Канска бежала.

В 1911 году разыгралась среди нашей ссылки драма: один из ссыльных убил ссыльную же женщину, причина – романтического характера. Произошло это в самом с. Рождественском и на похороны убитой собрались много ссыльных. Пели похоронный марш. И я тоже вздумал петь со всеми. На похоронах присутствовали два стражника и постарались донести. Сместили меня

из старшин и отдали под суд. Похороны были в июле, суд зимой, судили вместе с семерыми политическими ссыльными. Дали им по 7 суток при волости, меня оправдали, только попал я в список политически неблагонадежных.

Революция и контрреволюция в деревне

Февральскую революцию встретил я приказом в потребительской лавке. Пошел служить потому, что боялся, как бы на фронт не замели, а сражаться за Николая мне совсем не хотелось. Как только революция началась, бросил я службу, прослужив всего пять месяцев.

Оживилась наша работа, много ребят стало возле нас группироваться. Я участвовал в выборах в земство, в Учредительное Собрание. Проводили мы агитацию за большевиков. Советовался я с Гравельсоном (ссыльный большевик). Опасался он, что не выйдет у нас ничего, так как мало было надежды. Что по нашей Рождественской волости пройдут большевистские списки. Гравельсон говорил, что, пожалуй, выиграют кадеты и уж лучше голосовать за эсеровский. Денисовцы наши все-таки голосовали за большевиков, но большинство волости пошло за эсерами. У Тасеевцев было лучше – там прошли большевистские списки.

У нас из деревни братья Макаровы принимали участие в борьбе с Иркутскими юнкерами. Вообще, настроена Денисовка была по-большевистски. О белогвардейском перевороте известили нас учитель Ендауров и крестьянин Павел Рясков. Приехали они к нам ночью и рассказали, что творится. Посудили мы, порадили и решили – уйти нашей организации в подполье. При советской власти наша организация держала связь с Канским исполкомом, считали мы себя большевиками, имели председателя, а как следует оформлены не были. Ни партийная ячейка, ни совет, а так, что-то неопределенное.

Там мы и в подполье ушли неофициальными большевиками. Всего было нас человек 25. Состояли в нашей организации Макаровы, вся семья, отец Прокопий Астафьевич и пять его сыновей: Иван, Федор, Илья, Петр и Михаил, Быстров Осип Иванович, Даниловы – Иван Нефедович, Василий и Семен Михайловичи, Быстров Петр Яковлевич (был командиром отряда), Владимировы: Константин Яковлевич и Александр Петрович, семья Гравельсо-

нов – отец Юрий Юрьевич, дети – Василий, Владимир, Юлиус, Освальд, Ида и Вероника, Барачук Трофим (убит в Денисовой), Клыпины – Ефим и Осип Малафеевичи, братья Шадрины – Иван, Михаил, Павел и Максим Леонтьевичи (Максим погиб на Врангелевском фронте). Обухов Иван Михайлович, Новицкий Андрей Варфоломеевич (политссыльный) и Вдовенко Филипп Павлович.

Через Ивана Обухова наладили связь с Иланцами и Канцами. Через них шла связь тасеевцев. Я направлял сообщения через Астахова и Бакчете и через Грицаца в Ношино. Ивана Обухова мы посылали для связи в Канск. Была связь и с Шеломками, через Вита Кренца, который к нам приезжал. Был связан с ними в Степановой Машуков, Алексей Егорович, который был потом командиром отряда и Дубенский Леонид. В Канарае были связчиками Микушки – Порфирий и Семен, и братья Паршины – Гавриил и Иван.

С Тасеевой связь велась через Н. Буда и Астафьева.

Тасеевцы шли на поддержку канцам, как только были получены известия о чехословацком выступлении. Было их человек 60 с 22 винтовками. Это было уже слишком поздно, – фронты уже были разгромлены, хотя члены исполкома еще не арестованы. Двоглазов и Борышов, члены исполкома, узнав о предполагаемой посылке в Тасеево карательного отряда, пришли к полковнику Ушакову и стали предполагать ступить в переговоры, чтобы избежать напрасного кровопролития. Ушаков согласился и послал их с двумя чехами к тасеевцам. Здесь, у Денисовки, они встретились с Тасеевским отрядом, в котором были Василий Яковенко (командир отряда), Халчевский (политрук), Н. Буда, Астафьев, Тараканов, Вахрушев и др. Договоры кончились на том, что канцы не пойдут в Тасеево, а тасеевцы – в Канск. Двоглазов уехал в Тасеево.

Было очевидно, что сил не хватает для начала немедленной же борьбы с белыми. Но, все же вернувшись в Тасеево, красногвардейцы провозгласили республику, провели съезд, но наших представителей там не было. Председателем был у них Анатолий Буда, за его подписью расклеивались воззвания. В июле чехословацкий отряд прибыл в Тасеево. Тасеевцы распустили организацию, спрятали винтовки. Астафьев, Яковенко, Мякушка и др. успели бежать в тайгу. Яковенко бежал под обстрелом. Многих из тасеевцев

арестовывали, бежавшие спасались на заимках. Из арестованных (человек 20 их было) расстреляли Анатолия Буду.

В Ильин день (20 июля ст. ст.) арестовали нас 8 человек – меня, Гравельсона Юрия, Данилова Семена Михайловича, Данилова Егора Васильевича, Макарова Прокопия, Гаврилова Семена, Быстрова Осипа Ивановича. Прихватили еще из Кондратьевой Киселева Ефима Федоровича (политссыльный). Двоих Егора и Василия Даниловых освободили из Рождественского, в Канске освободили Киселева, как имевшего одобрительный приговор от общества и Быстрова. Быстрова выручило случайно, но очень характерное обстоятельство: еще до демобилизации, находясь в армии, вступил он в эсеровскую партию. Потом с партией-то он порвал всякие связи, а билет сохранился. Так вот за этот-то билет его и освободили.

У нас никаких данных для засвидетельствования своей благонадежности в глазах нового правительства не было, и мы остались сидеть. Сидели мы вместе с Анатолием Будой и Ендауровым. Оба они были потом отправлены в Иркутск. Анатолия расстреляли, Ендаурова взял на поруки его дядя, начальник тюрьмы. Просидели мы недолго, всего 16 суток. Привезли и для нас одобрительные приговора и нас выпустил поручик Ланин, помощник коменданта. Вернувшись, застали мы нашу организацию выступившей почти в открытую, особенно активно работал Быстров Петр Яковлевич и Шадрин Иван Леонтьевич.

Белогвардейская власть показала себя с самой нежелательной стороны по отношению к крестьянству: налагались все новые налоги и мобилизация лошадей, заставила и старика Клыпина Малафея, поехать с агитацией. Связь с Тасеевой не прерывалась. Федор Астафьев, выйдя из тайги, жил у нас под видом шорника, от нас перешел в Курай и дальше в Ношино. Вернувшись к нам в Денисову, Астафьев сказал мне: «Ну, мы все подготовили, организовали. Нагаек нам не миновать. Теперь ваша задача разоружить рождественскую дружину».

В Рождественском была организована дружина, человек 30, под руководством мирового судьи Терещенко Якова Васильевича. Мы знали, у кого винтовки; была связь через Матвея Ивановича Быстрова, Шпилева, Самойлова и др. Послали мы весть в Топол. Приехало оттуда 22 человека. Оружия – три винтовки, бомб не-

сколько штук, да охотничьи ружья. Посовещались, решили девять человек послать в разведку, через связчиков выяснить положение и сообщить нам, послав одного с донесением.

Поехавшие разведчики встретили топольского Осипа Федоровича Владимирова. Ехавшего из Канска, где у него тоже были связи. Он передал, что в Канске велась подготовка к восстанию, но была сорвана. От Федора Астафьева мы о подготовке в Канске знали, но что подготовка сорвана – было для нас новостью.

Разведка, разузнала все в Рождественском, вернулись обратно. Долго обсуждали этот вопрос, денисовцы настаивали на том, чтобы идти в Рождественское и разоружить дружину, а топольцы уперлись. Одним денисовцам такое предприятие было явно не по силам. Так Рождественская дружина и осталась не разоруженной до конца колчаковщины.

Тасеевцы разоружили милицию, часть ликвидировали. На третий день рождества (27 декабря ст. ст.) пожаловал к нам первый карательный отряд. Было в этом отряде под командой капитана Зборовского около сотни солдат, были и пулеметы. Знаком был нам этот капитан, – был он сыном политссыльного Эгмунда Осиповича Зборовского, отбывавшего ссылку в д. Комарово. Оказался среди отряда и наш денисовский один – Михаил Николаевич Владимиров, носивший фамилию своего отчима Астафьева. Ребенком спасли его из огня, во время пожара, на котором сгорела его бабка и отец. Мы этот пожар и тушили. А теперь этот, нами спасенный волчонок, явился нас расстреливать. Он уже офицером успел стать и шел защищать свои погоны.

Отряд явился вечером, мы убежали в тайгу. Осип Иванович не успел, и его Мишка схватил и расстрелял. Нещадно избili шомполами Василия Михайловича Данилова, Петра Быстрова, Федора Макарова, Константину Ивановичу Владимирову попали плети.

Я удрал в д. Топол. Топольская организация с Осипом Захаровичем Нижегородцевым уже уехал в Тасеево. Нашел я в Тополе только Константина Петровича Нижегородцева (двоюродный брат Осипа), Захара Нижегородцева и Федора Устиновича Владимирова. Решили мы сообщать, что надо известить Шеломки. Написали записку Алексею Егоровичу Машукову и ночью нарочный отвез ее.

В Шеломках сбили народ, кто с топорами, кто с вилами. Отряд из Денисовой двинулся к Шеломкам, но в Макаровских гумнах их встретили, начали обстреливать. Невооруженные крестьяне разбежались, но белые, видя бегущих, подумали, что повстанцы их обходят и бежали сами, даже не остановившись в Рождественском.

В ту же ночь, когда я приехал в Топол, едва был отправлен нарочный с запиской, меня Константин Нижегородов отвез в д. Борки. Там я никого из своих не застал, кроме отца Рудаковых, – все партизаны уже уехали в Тасеево. Я прожил там день, переночевал в гумне, а утром узнал, что белая банда вернулась туда, откуда пришла, т. е. в Канск. Я вернулся в Топол, а ночью мы с Михаилом Лупянковым пришли в Денисовку. Дня три я прятался дома. Потом пришли ко мне ребята, бежавшие из армии Колчака, куда они были мобилизованы. Ефим Клыпин сказал мне: «В Тасееву поедem».

Я передал им пуда полтора пороху, свинец и пистолеты из лавки потребительского общества. С этим припасом они и уехали. Было их 7 человек, с ними был и Иван Обухов. Пробыл я дома еще один день. Написал воззвание и передал его Самсону Вдовенко, но он так и не пустил его в ход – боялся. Как раз подъехал Осип Нижегородов со своим отрядом (у него в отряде были два родных брата, Максим и Николай, и два двоюродных – Константин и Владимир). С этим отрядом я уехал в Шеломки, оттуда на Канарай и в Тасеево.

В Тасеево

В Тасеево, когда мы приехали, шла подготовка к встрече белых – валили лес, забрасывали снегом, строили окопы. Готовили койки для раненых, шло формирование отрядов. Председателем штаба был Яковенко, его помощником Астафьев Федор Александрович и как командующий армией Николай Мартемьянович Буда. Членами штаба были: Николай Петрович Вахрушев из д. Глинной, Федор Акилович Тараконов из Тасеево, Кузьма Артамонович Егоров, тоже из Тасеево, и делопроизводителем т. Гришненко, позже сменял его на этой работе Черников.

10 января ст. ст. прибыл в Плотбино первый карательный отряд под командой полковника Мартынова (все партизаны назы-

вают командира первого, пришедшего к Тасеевой отряда Мартыновым, но по документам, опубликованным Центрархивом, командиром был полковник Мартын А.К.Ф.) Было в этом отряде 600 человек, 2 трехдюймовки и 10 пулеметов, как писал об этом полковник Мартынов партизанам.

При мне в штабе читали приказ этого полковника, присланный с нарочным. Передаю так, как запомнилось: «Приказываю немедленно к 12 часам ночи сдать оружие и выдать зачинщиков. Остальным гарантирую жизнь. В противном случае пощады никому не будет. Отряд мой настолько силен, что имеет два орудия и 10 пулеметов. Полковник Мартынов».

На меня приказ произвел большое впечатление. Я боялся, а наш штаб посмеивался: «Что они сделают со своими пищалками?»

Нас с Семеном Михайловичем Даниловым послали караулить арестованных. Было у нас и оружие – по бульдожке. Во всей армии было тогда до 60 винтовок. А белые из орудий стреляют. Один из снарядов разорвался над церковью, другим – отхожее место своротило. Большого вреда, кажется, и не причинила эта пальба.

Бой начался с утра, а отступали белые после заката.

Досталось партизанам 42 или 43 винтовки и много патронов. Подобрали до десятка убитых белых, захватили человек пять в плен. Один из пленных остался у нас, после лил для нас пули, звали его Никитой. Несколько человек из пленных оказались обмороженными и потом умерли. Наши потеряли 5 человек убитыми. Я это хорошо помню т. к. участвовал в похоронах.

Перед этим боем была организована «серебряная рота», которой командовал Казанцев. Все эти были старики, белоголовые и белобородые. Поставили их в гумнах, недалеко от окопов, на случай прорыва. Старик Никита Шашлов все время ездил от окопов в лабораторию, где заряжали патроны и обратно, возил патроны партизанам: взад-вперед на своей кобыле так и снует. Ему говорят: «Чего ты ездешь взад-вперед?» – «А это я затем, чтобы молодые сказали: «Вот старик-то воюет»».

Было тогда организовано и участвовало в бою четыре Тасеевских роты, человек по 40–50 в каждой, Денисовский отряд, в котором было семеро денисовцев, Топольский отряд, человек 20, Шеломовский – 25–30 человек и лыжная команда, человек в 40. Командовал лыжниками Павел Александрович Астафьев.

После Тасеевского боя наступило на некоторое время затишье. Стали прибывать отряды. Пришел Усыновский отряд под командой Пантелеева. Михайло Штукатуров захватил врасплох абанскую милицию и разоружил ее, привез до полсотни винтовок, много пороху и др. припасов. Штукатуров командовал Асанским отрядом, сформированным после первого Тасеевского боя. Тогда же были сформированы конные эскадроны под командой Рудакова и Нежегородова. Наша разведка разъезжала по деревням.

4 февраля белая банда стала наступать по Суховской и Лукашинской дорогах. Было их около 2000 при 6 орудиях. Командовал ими Красильников и полковник Бабушкин. Бой продолжался с утра и до глухой ночи. Белые наступали очень напористо, бросили на окопы кавалерию, но впереди окопов были брошены в снег бороны зубьями вверх. Этого препятствия кавалерия одолеть не смогла, тут и встала.

Яковенко находился на Лукашинской дороге. Самое скверное было то, что у партизан не хватало патронов. На Лукашинскую дорогу подвозили патроны Степан Осипович Тешенин, молодой парень, да с ним еще несколько человек подростков. На Суховскую дорогу подвозили патроны Михаил Лупяников и Федор Иванович Машуков. Часто не хватало патронов и приходилось сокращать огонь.

Нижегородов был у Бакчета, там разогнали белых и в середине боя явились в Тасеево. Чуть-чуть не встретили его выстрелами, приняли было за белых. Нижегородов поехал на Лукашинскую дорогу, где натиск был сильнее, на подкрепление. За ним приехал Штукатуров и тоже отправился туда. У нас было приготовлено «на всякий случай» до 500 подвод и мне было поручено следить за ними. Но эти подводы нам не понадобились на сей раз. Белые были отбиты.

Нижегородов привез захваченный у белых пулемет «Кольт». Захватили партизаны 500–600 винтовок, конечно и патронов немало. Предположительно считали. Что у белых не меньше тысячи выбыло из строя. Отступали белые к участку караульному, по Лукашинской дороге.

Наши потеряли семь человек убитыми.

После второго Тасеевского боя был организован конный эскадрон под командой Шадрина Ивана Леонтьевича. Но он заболел,

и эскадрон принял Петр Яковлевич Быстров, который и командовал им до конца партизанщины, а потом перешел в Красную Армию.

Стали к ним переходить добровольно от белых. Я однажды встретил трех с винтовками, уходили от Красильникова в Тасееву. Стали от нас пересылать письма к белым в отряд, зашивая их в седла крестьян. Печатали эти письма на машинке и шапирографе. Писали письма Вашкорен (был поп, [в]ступил в партию, партизанил, работал в агитпропе, играл видную роль) и учитель Петр Рыков. После второго Тасеевского боя наши отряды занимали Колон, Борки, Канарай, Асинскую. Некоторое [время] было тихо, потом начались стычки под Барками, перед Колоном. В Колоне так вышло, что отступили и белые, и наши. Потом белые пошли на Канарай. Наши постреляли, постреляли и отошли. Заняли белые деревню и по избам расположились. Вздумали расспрашивать канарайцев:

- Много было красных?
- А кто их знает? Не считали. Что-то много.
- Куда они ушли?
- Да черт их знает? Может, и здесь, в лесу.

Белые и чай бросили пить, удрали. А был под Канараем в тот раз денисовский отряд – человек 80 уже набралось, да эскадрон Рудакова.

Попытались наши наступать на Асанскую, на р. Абан. Встретили белых наши части у мельницы на реке Абан и потрепали их. Взяли штук 15 винтовок. Потом опять наступило затишье, наши части стянулись к Тасеево. Весной снова выбрались подальше, отряды разбросались по деревням. Стояли и за Денисовкой. Белые с весны усилили террор, начали жечь деревни.

Мы стояли в то время в Тополе, на смену держали заставу у Денисовки. На смену нам пришла 4-я Тасеевская рота. И в первый же день, как они заступили, подошли белые. Половина роты приняла заставу, командовал этой полуротой молодой парень Петр Казанцев. Четвертая Тасеевская была не из добровольцев, а мобилизованных, не крепкий народ. Когда белые заняли Денисовку, мобилизованные, вместе с командиром полуроты, бежал без выстрела. Даже винтовку кто-то из них потерял. На место прибыли командир роты Василий Иванов и Нижегородов Осип со своими

отрядами. Заняли окопы. Мы (Денисовский отряд), получив сведения, двинулись на выручку, но по дороге встретили нарочного, который сообщил нам, что идти бесполезно, поскольку наши уже отступили от мостов. Остановились мы и ждали, пока не получили известия, что наши опять заняли окопы. Тогда мы подошли к Денисовке.

Когда я пробрался в деревню после ухода белых, я нашел свою мать убитой. Ее арестовали вместе с моим отцом и усадили на подводу, чтобы везти в Рождественское. В это время Нижегород начал обстреливать Денисовку и случайная пуля ранила мою мать. Она упала с подводы, но была еще жива. Отступавшие белые ее прикончили выстрелом в упор. Кто-то из них, не доверяя выстрелу, приколол уже мертвую штыком. Отца увезли и расстреляли. Дороги просохли и белые пошли в наступление на Тасеево. До 20 000 белых, как мы считали. Шли на нас разными дорогами с трех сторон. Все наши части были стянуты под Тасеево. Вырыли окопы вокруг всего села, верст на 25, я думаю. Заложили фугасы. Динамиту было пудов 80 привезено еще зимою с приисков, его и пустили в дело.

На Ону и на Оне

Не пришлось использовать окопы – немыслимо было и думать одолеть ту силу, которую двинули против нас белые. Все же отступившие наши части удержали белых, особенно со стороны Казачьего, где у противника было меньше сил. К Троицкому заводу отступили все силы партизан, а с ними потянулись и беженцы. Верстах в 10 около Бобровки окопались, ждали белых. Предполагали, что с этой стороны артиллерии не будет, а у нас была самодельная пушка, отлили на Троицком заводе. Подошли белые, завязался бой и они начали нас крыть из настоящих, не самодельных орудий.

Отступали и с завода, взорвав мост. Прошли тайгой мимо Тасеевой, верстах в восьми, в пути до Кайтыма ночевали две ночи, к вечеру на третьи сутки дошли до Кайтыской мельницы. Здесь стали перебираться на другой берег речки, придерживали телеги веревками. За Кайтымом – глухая тайга, верст 30 без дорог до р. Оны, где и стали беженцы. Речка Кайтым в этом месте делает крутой поворот и в этой лuke, перекопав версты полторы окопами от

берега до берега, встали партизаны. В центре речной излучины приходилась мельница, спиной к которой стояли наши бойцы.

24 июня по новому стилю пришли белые. У нас на флангах за речкой были поставлены отряды, а в центре окопов, по дороге на мельницу, поставили отбитый у белых пулемет.

Белые явились с музыкой, заранее поздравляя друг друга с победой. Попробовали было обойти фланги, на котором стоял Петр Халчевский. Он отошел в сторону и пропустил белых, оказались у них в тылу. С нашего фронта начали бить, а из тыла ударил Халчевский. Белые смешались, сбились, наши бросились на ура и смяли белых.

До ночи продолжался бой. По самым скромным подсчетам, белые потеряли человек 300 убитых и человек 600 раненых. Винтовок наши собрали шесть или семь сотен. Патронов было захвачено не так уж много. Белые решили взять нас глубоким обходом, подвезли орудия, расчистив полуверстную полосу леса верстах в пяти от мельницы. Наша разведка выяснила этот план противника. Командование решило, что при таких условиях нам будет трудно держаться и решили отступить на р. Ону.

Ушли мы верст на 15, когда слышали орудийные выстрелы. Как удалось, потом узнать, обходной отряд белых заблудился и вышел только на пушечные выстрелы. Мельницу белые сожгли.

Начали мы отступление до света и шли до темноты охотничьими тропами, верхом. Когда добрались до берега Оны, люди валились на берегу прямо в высокую густую траву и засыпали, не поевши.

Простояли на берегу четыре–пять дней – есть нечего. Пшеница была, но муки не было. Ели пареную пшеницу. Начался ропот, раздались голоса: «Уходить надо от голодной смерти».

Потребовали созыва общего собрания. Когда собрались, стали требовать Яковенку. Пришел он усталый, глаза ввалились, но вид совершенно спокойный. Спрашивает: «Зачем, товарищи, меня звали?» – Что вы нас сюда завели – с голоду умирать, что ли?»

Крик получился, не разберешь. Успокоили кое-как:

– До сих пор мы вас не морили и на гибель не заводили. Вон хлеб!

И показывает на пшеницу, мешков 1000.

– Если сегодня муки нет, так завтра будет.

Сзади все-таки кричат:

– На гибель завели!

Отдельные лица себя прямо провокаторски держали. Но все-таки настроение уже было сломлено. Успокоились немного, стали с собрания расходиться, а тут как раз плоты плывут. Спрашивают наши:

– Что везете?

– Муку и табак.

Полетели фуражки вверх, «ура» закричали партизаны.

За добычей этой муки был командирован сразу, как все отступали на Ону, Нижегородов. Выше того места, где мы стояли, есть дер. Федина, верстах в 50–60. Там намолотили муки, сплотили плоты и спустились вниз.

От Оны до Тасеево

Разведка начала работать, узнавая планы и намерения белых. Но в самом лагере партизан началось разложение, пошли разговоры о том, что не так наше командование делает, что надо так и этак – всяк по-своему предполагает. Кончились эти разговоры не добром: два отряда самовольно ушли с Оны. Ушел Убысинский под командой офицера Виноградова – добровольный перебежчик от белых у нас. А второй отряд – Шеломовский, под командой Халчевского, – этот свой партизан, а тут тоже поддался. Один из отрядов прямо с заставы снялся, другой ушел с отдыха. Заволновались партизаны, опять общее собрание потребовали. Пришел Яковенко на собрание. Долго обсуждали событие, пока не сошлись на одном, – поведение сбежавших отрядов признать изменой. Послали делегатов к сбежавшим отрядам – предложить им вернуться, а если они не вернуться – считать их врагами народа.

Выбрали делегатами Мякушку Парфирия, Кобрина и меня. Ночью мы выехали.

Было известно, что ушли отряды вверх по реке. Добрались мы до деревни Шегашет, в 8 верстах выше нашей стоянки и там узнали, что отряды прошли в тайгу. Нашли и проводника, но он отказался вести ночью. Поехали утром по следу, 120 человек их ушло, след хорошо видно. Довел нас проводник верст за шесть до охотничьей избушки и мы его отпустили, – хорошо можно было и одним пробираться по следу. Добрались к вечеру на участок

«Промысловая изба», но там захватили только одного отсталого, – весь отряд уже ушел в Огольчу. Там мы их и нагнали. Покупали они хлеб и табак.

Сказали мы командирам о цели нашего приезда. Халчевский предложил выехать из деревни и там подробно обо всем переговорить. Выехали за деревню, подождали, пока партизаны все собрались, открыли собрание. Председателем выбрали Халчевского. Дает нам слово.

Прочитали мы резолюцию нашего собрания. Крик поднялся.

– Это мы-то враги народа?

– Так мы изменники?

Халчевский восстановил порядок. Колбин и Мякуша меня толкают: говори. Ну, выступил я, сказал:

– Что я вам нового скажу? Резолюция всей армией принята, не наша только. Но какое впечатление произвел ваш уход, подумайте! Два лучших отряда ушли! Резолюцию вынесли наспех, в горячах. Нам при отъезде наказывали – звать вас обратно. Будем вместе продолжать начатое действие.

– Да разве мы бросим своих товарищей? Сейчас же идем!

– Идем! Идем!

– А куда идем-то, товарищи? На удалую, ведь, говорим.

– Идем в Фаначет!

В Фаначете наша разведка стояла. Вышли в ночь, утром в Фаначет пришли. Стали на ночлег располагаться, я заснул сидя и с папиросой в зубах. Разбудил меня Мякушка.

– Идем! Показалась разведка белых, наши в лес ушли.

Посоветовавшись, решили идти на участок Междуречный, верстах в 8. Но лошади не пошли – устали. Пришлось остаться их кормить. Когда выбрались, наконец, застаем на Междуречном все наши части, вышли и они из тайги. Отряд убysinский и шеломоский, так и остались в лесу, около Фаначета.

Встречает меня Н. М. Буда:

– Ну как дела?

– Так и так. Отряды остались в Фаначете.

– Сейчас же поезжайте в Фаначет.

Но мы все отказались – до того устали, что сил двигаться не было. Послал к отрядам Ивана Обухова, проездил он весь день, никого не нашел. А мы после бани спали. Разбудил нас Буда, –

нам надо ехать отряды искать, раз мы знаем, куда они из Фаночета ушли. Поехали мы с Мякушкой. Только подъезжаем к тому месту, откуда отряды ушли в лес, видим пятеро идут, за хлебом в деревню посланы. Мякушка пошел в лес партизан собирать, а я в деревню – заряжать подводы. Только партизаны из лесу – и подводы готовы. Сели и поехали в Междуречный, а оттуда сразу двинулись на Тасеево. Шли всю ночь, на рассвете пришли на участок Щекотурово, в 8 верстах от Тасеево. Видим – горит что-то в Тасеево. Это белые поджигали остатки уже разоренных и пожженных домов.

– Тасеево горит! Банда удрала! Проспали!

И поперли наши партизаны в Тасееву, испугавшись, что упустили белых, не успели отплатить. Нарвались бы здорово, но разведка была выслана заранее и сообщила, что белые в селе. И то еле удержались партизаны, чтобы не скопом бросаться.

Решили Тасеево штурмом брать, расположили части так, чтобы окружить село. Командиру 2-й Тасеевской роты Кузьменко было дано задание – занять дом Ржевского и бросить после этого бомбу – знак, что пора начинать общее наступление. Кузьменко бомбу бросил раньше времени, еще не заняв дома. А тут в Убысинском отряде не вовремя митинги завели. Яковенко узнал обо всем этом и остановил наступление. Очень его волновали все эти неполадки, за голову хвататься:

– Эх, я был так уверен, что возьмем Тасеево!

Вместо штурма началась перестрелка и несколько дней Тасееву партизаны держали под обстрелом. У белых были сильные укрепления, были блокгаузы понастроены, но их все же сильно теснили партизан.

У нас было ранено 17 человек, в том числе попал и Лобов. Он тогда был уже помощником главкома. Меня на 4 суток командировали сопровождать раненных на устье Кайтыма, куда спустились по реке наши беженцы. Отряд в 32 человека нес на носилках попеременно 4-х тяжело раненых, легко раненые ехали верхом. Проводили раненых, я вернулся и нашел наши главные силы в лесу, в Боерашном, верстах в 8 от Тасеево. Остальные отряды стояли по деревням. Я вернулся к своему отряду.

Недели три простояли в лесу. За Тасеевой наша разведка вела наблюдение, для чего пользовалась леском возле больницы. Однажды Буда сказал нашему командиру Емельяшену:

– Завтра ты должен идти под Тасеево.

Пришли мы как раз назавтра после того, как белые жгли ельник, расчищая место для обстрела. Еще огоньки горели местами. Залезли мы в ямы для песка и стали ждать, когда белые придут. Думали, что они для того и лес расчистили. Но так ничего и не дождались, а пришла третья Тасеевская рота и нас сменила. Сначала наши сторожко держались, не показывались, потом стали обстреливать Тасеево. Белые в ответ на обстрел то на журавце кого-нибудь повесят, то по речке какого-нибудь старика пустят. По берегу реки поставили ельник, – крестьян возить заставили. Это затем, чтобы им под обстрелом разгуливать не мешали.

Вскоре наш отряд и четвертую Тасеевскую роту из мобилизованных перевели в деревню Садовый лог, где я и пробыл до 1–2 августа, когда был создан первый армейский съезд на участке Щекаторовом.

Во время съезда нечаянно убили командира 4-й Тасеевской роты Иванова. Был он в конной разведке, а пешая разведка их за белых приняла [сделала] засаду и подстрелила. Съезд был прерван Ефимом Рудаковым, сообщившим о перестрелке. Вскоре дело разъяснилось, и съезд продолжал свою работу.

Был избран армейский Совет из 7 человек:

1. Яковенко Василий Григорьевич – председатель,
2. Буда Николай Мартемьянович – заместитель,
3. Рудаков Ефим Константинович,
4. Бабкин Филипп Яковлевич,
5. Лобов Федор Назарович,
6. Астафьев Павел Александрович,
7. Витюков.

Кроме армейского Совета был избран на этом съезде Совет Народно-армейского хозяйства в следующем составе:

1. Буда Николай Мартемьянович – председатель,
2. Данилов Иван Нефедович – завскладами,
3. Вахрушев Николай Петрович – зав. хозчастью,
4. Шадрин Иван Леонтьевич – зав. транспортом,
5. Швецов Лаврентий,

6. Попович Михаил Иванович – зав. больницей,

7. Забелин Михаил Владимирович – зав. скотом.

Избрана была также и контрольно-ревизионная комиссия «Око народа», как ее называли. В состав ее вошли:

– Мякушко Порфирий,

– Кренц Виталий,

– Колпаков Николай Васильевич.

Пришлось мне снова в тайгу ехать вместе с Забелиным и Поповичем. Назначен я был зав. складами, а складов еще и не было, надо было сперва их построить, рыть землянки, косить сено. Дали мне человек 40 пленных, с ними я и начал свою работу. Построили мы даже кожевенный завод. Правда, кож в нем так и не делали, а построить – построили.

Числа 6 сентября по ст. ст. поехали мы втроём – я, Попович и Забелин в д. Междуречную. Приезжаем, нам передают новость: наши около Троицкого завода окружили белую банду. Это были две сдавшиеся нашим роты. Я поехал на участок Тришкина Гора, где жил наш председатель М. Н. Буда. Там оказался Нюня, который мне сказал:

– Наши вчера Тасеево заняли.

Я поехал в Тасеево и больше в тайгу не возвращался. Строить в тайге склады и готовиться там зимовать, было уже ни к чему. Надо было налаживать хозяйство в Тасеево. Меня командировали в Хандалу, откуда бежали с белыми, бросив все хозяйство, 35 семей. Тут я и засел. Здесь же оказалась и моя жена. Прибрал я скот, а хлеба половина на корню. Призвал я на помощь бывшего политссыльного Василия Ивановича Давыдова, дали нам 20 пленных, с участков начали мобилизовать людей и машины. Убирали хлеб, молотили и посылали нашим. Посылали, как мукой, так и хлебом.

Прожил я в Хандалах до 15 ноября, когда должен был явиться для отчета на 2-й армейский съезд. Проходил этот съезд в Бакчете, в школе.

На этом съезде переизбрали Совет и наш Совет народного хозяйства. Часть членов нашего Совета ушла по просьбе, в том числе я и Вахрушев, хотя съезд и предлагал нам остаться на своих местах. В армейский Совет, как помню, избрали тогда нового

члена – Пугачева. Кого вместо нас в Совет Народно-армейского хозяйства избрали – не помню.

Во время съезда Буда нас поздравил – Красная Армия взяла Омск. Большая радость была у партизан по этому поводу.

После 2-го армейского съезда был назначен Краевой крестьянский съезд, на который я был избран делегатом. Надо сказать, что до 1-го армейского съезда Шиткинский и Кучеровский фронт действовал самостоятельно, хотя им приходилось сообразоваться с положением у нас. Когда нас погнали в тайгу, и они отступили. На 1-й армейский съезд явились их делегаты, и командование установилось общее – из Тасеевой.

На краевом съезде постановили аннулировать колчаковские деньги. Мешками свозили их для уничтожения. Выработал съезд твердые цены на все продукты. Я как раз был в комиссии по выработке цен, из семи человек была комиссия. Какие цены тогда мы назначили – забыл. Помню только, что на муку делегаты требовали цены в 5 руб., но комиссия нашла возможность установить 7 руб.

Когда я вернулся со съезда, Яковенко послал меня на передовые позиции – в Топол. Приехал я, когда формировался 2-й Тасеевский пехотный полк, а также Кайтымский конный, созданный из отдельных отрядов. Перешла к нам добровольно от белых 12 рота 2-го Егерского полка, и пришли из казачьего 160 человек, привезли 2 пулемета и 500 винтовок.

В Тополе т. Емельяшин, тогда уже командир батальона, засадил меня за составление списков батальона. Кончил я эту работу и получил от Яковенко записку, – звал он меня в Хандалы.

Предложил мне Яковенко работать в Комитете бедноты в Тасеево. Но запротестовал Вашкорин и меня дали к нему в агитотдел.

Прихожу утром получать мандат, а Яковенко мне говорит:

– Вали в Рождественское, оно сдается.

Приезжаю, – Осип Нижегородов разоружает рождественскую дружину. Вот тогда только очередь до них дошла.

Провел я тут собрание, подъехал Вашкорен, еще одно собрание с ним провели. Я проехал в Канск, куда уже вошла Красная Армия. В Канске мы вместе с тов. Шафранским арестовали офицеров: Лапшина Александра Николаевича, моего родственника (умер в тюрьме) и Сосновского, третий был Цаплин Гордей, играл

у белых роль палача, вешал в Рождественском. Арестовали Гинзбургов, отца и двух сыновей. Этим трех расстреляли, т. к. они выдавали наших. Меня назначили членом избиркома, и я поехал по волостям устраивать выборы.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 625. Л. 1–18. Машинопись.

Воспоминания Михаила Захаровича Лупянникова

В рядах подпольщиков

Сам я уроженец Денисовки и с самого дня рождения, в 1879 году живу здесь. В солдатах не служил, вел все время свое хозяйство, зажиточно жил. С 1917 года состоял в здешней Денисовской организации. Как раз в конце 1918 года был я в Денисовке старостой и, используя свое служебное положение, скрывал у себя Федора Астафьева.

Приехал он на ночь на Покров, стучится. У нас еще огонь был.

- Дома хозяин?
- Дома.
- Можно заехать?
- Заезжай.

Пошел я коня и гостя прятать. Хоть и много было в деревне своих, а все надо было быть поосторожнее. Напоил его чайком.

- Ну, как дела?
- Организация дышит. А ты куда едешь?
- Поеду дальше, вверх. Документ добыл.

Показывает мне документ на имя какого-то Антона Ивановича, фамилия не русская, теперь уж и не вспомнишь.

Прожил он пару деньков и заболел. Лежит на печке за занавеской.

- Вези меня к фельдшеру Кресову на заимку.
- Куда тебя повезешь? Арестуют обоих. Лежи!

Тут как раз надо мне было по делу съездить. Без меня и случись, что приехал один бандит, Панин, из Рождественского, перед белыми выслуживался. Пришлось его чаем поить. А Фёдор за занавеской, как на грех, и закашлялся.

- Кто это у вас?
- Да, вот, родственник из Канарая завернул.

Приезжаю домой, мне рассказывают. Вижу – плохо дело, как бы не нагрянули «родственника» искать.

– Верно, вправду, парень, надо тебя везти.

А Федору совсем худо стало.

– Куда меня везти, я итак скоро сдохну.

Поехал я сперва в разведку, продежурил ночь, вижу – тихо все, можно ехать. Повез Федора в Канарай к Паршину. Там был надежный фельдшер – Лукьянов (позже партизанил с нами).

Довез и сдал благополучно. Там он и жил, пока не поправился. Тогда я приехал к ним. Приезжает однажды Паршин и говорит Федору, что в Карнагулае (Чурюково) ребята видели много оружия.

– Поедем туда.

Пошел я к своему брату Василию, он дал хорошего жеребца. Едем, встретили Федора Вырву, он узнал Астафьева, расспросил, что и как, посоветовал остановиться у Дмитрия Кашлева.

Где живет Кашлев – мы не знали. Спросили у женщины, полошавшей белье. Это оказалась как раз жена Кашлева. Видать, что испугалась и не знает, что делать – и показать квартиру боится, и не показать нельзя. Кашлев-то перед тем на собрании буржуазию крыл и думал, что его за это арестовать приехали. То же и жена думала.

Кашлев был дома, видел нас с гумна, но не подходил, держался осторожно, пока его не известили, откуда гости. А для отвода глаз мы будто коня покупать приехали.

Пришел Кашлев, узнал Федора. Начали о нашем деле говорить.

– Нет у нас оружия.

А после пришли целым отрядом. Оружия то у них было, да бергли для себя. Фёдор уехал в Курай к Машукову, а потом переехал в Ношино. Все подготовку вел.

Еще раньше этого, вскоре после переворота, возил я Денисова Алексея Павловича и Павлова (убит лет 6 назад в Тасеево) в Ношино. Приехали на квартиру к писарю Михаиле, забыл его фамилию (его потом белые повесили), вызвали Владимирову, Грицаю и Колпакова, провели совещание. Грицай перед этим ездил в Канск на разведку и на этом совещании рассказал тасеевцам, что узнал.

Проехав по деревням, побеседовав с народом, Федор убедился, что деревни готовы восстать, посылают делегатов для связи,

Яковенко в ту пору из тайги выбрался и послал Тихона Астафьева искать брата. Приезжает Тихон к нам.

– Где Федор?

– В Ношеной.

Выехал за Федором мой брат Василий и привез.

Поехал Федор в Шеломки, там 50 винтовок было. Не дают – самим надо. Так и создали фронт в Шеломках.

Восстание и белый террор

Была у нас связь с Рождественским через Гаврила Шпилева и Матвея Быстрова. Днем нагрянули в Рождественское белые, и сразу караулы кругом, никого не выпускают. Так и не смогли наши связчики дать нам знать, что пришли каратели. Пожаловали и к нам. Заметались мы. Я кой-как оделся, и через ограду братинного дома перемахнул и залез в сарай. Мне надо было перескочить через улицу, чтобы забраться во двор к тем, на кого подозрений быть не могло. А на улице часовой стоит.

Выходит Федор Николаевич Владимиров и говорит постовому:

– Зайди, погрейся.

– Я на посту.

– Ничего, я постою за тебя.

Соблазнился часовой, пошел погреться в избу. А я за спиной у Федора Николаевича к нему в ограду проскользнул. Сидел в колючине – слышал стрельбу. Потом зашел к Быстровой Аграфене, Осипа Ивановича жене, она мне шубенку дала.

Ночь, как на грех, светлая, трудно выбраться незаметно. Сажу под крышей, жду утра – к утру притомился, легче проскользнуть, перебраться через речку.

На свету перебрался в перекат, чтобы не так было заметно. Удрал в Топол, пришлось бежать рысцой, а все-таки пальцы ознобил. Забрался на гумно к Плеханову, у него уже вскрылся Василий. Дал знать в деревню, принесли оттуда все нужное.

На второй день приехал Семен Данилов и брат Василий, сказали, что белые ушли, Шеломовцы им отпор дали.

Вернулись мы домой. А дней так через пять-шесть передал мне через сына татарин[а], что идут белые, человек 600 с двумя орудиями. Поверил я этой вести, запряг коня и поехал. Первый же отряд у меня трех коней с упряжкой взял, но осталось еще на ком

и мне поехать. Перед самым моим отъездом приходил проститься со мной пьяный Прокопий Макаров. Поехал я в Борки, догоняют меня двое, одеты в дохи, кричат – стой!

Со мной берданка и винтовка. Остановился я и говорю: «Близко не подпущу».

Оказался Большаков, Шеломовский. Это ихняя разведка была. Сообщил я ему, что мне передали, и поехал в Борки.

Встретил в Борках Алексея Машукова и вместе поехали в Тасеево. Ознобленные руки сильно болели. В Тасеево со всех деревень сбегался народ, очень уж издевались белые. Не надо было Тасеевцам разведку посылать, – о каждом шаге белых сообщали крестьяне.

Приехали мы вечером, а утром явились белые, 600 человек. Позаняли все деревни: Топол, Борки, Шеломки, Денисову. Началось наступление на Тасеево. Бой был серьезный. Прут белые по широкой дороге, пробуют и с флангов, а там лыжники. Мороз был сильный, а бой продолжался целый день. Перед боем было собрание в пожарке. Яковенко говорил о значении движения, призывал всех помочь. У кого нет оружия – кричи в бой зови, хоть этим помогай. Говорил еще о том, что если выдержим этот бой – будет легче.

Шеломовский Подолякин во время боя встал над окопом с наганом, кричал: «Побьем». Его убили. Умер уже после боя от ран Шубин. Были и еще убитые.

Когда шел бой, Яковенко возле окопов все время бегал с какой-то бумагой в руках. Смеялись наши партизаны:

– Вот Наполеон!

Штаб дал Нижегородову задание – обойти отступающих белых и перехватить их под Бакчетом. Доехали партизаны Нижегородова до Хандалова, а хандальские им лошадей свежих не дали. Не удалось перехватить. А белые, видать, этого и боялись.

До Плотбиной гнали партизаны белых. Под Плотбиной был убит цыган Зеленков. Засели белые в Рождественском, стали силы стягивать, по деревням арестовывать крестьян. Арестовали у нас Лупянниковых Василия и Ивана. Просидели они сутки, их выпустили. Был с ними один барковский крестьянин, у того были родственники в Рождественском. Зашли все туда и пьют чай. Пришел туда Гинзбург, торговец, увидел, что освобождены все и сейчас же

к офицеру, который тут на квартире жил. Наши собрались – и домой. Только приехать успели, за нами семь человек белых. Арестовали их снова, прихватили Макаровых, самого старика, сыновей двух – Ивана, 27 лет и Федора, 22-х, и детей Гравельсона – 20-летнего Василия, 17-летнего Володю и 16-летнего Юлиуса. Взяли подводы уже к вечеру, вывезли и расстреляли. Потом возчик рассказал, что вывезли за деревню и говорят:

– Слазьте и бегите!

Когда те побежали, их прикончили. Рассказали возчики только на второй день, когда вернулись обратно. Пошли, посмотрели.

Мой брат Иван на пятом месте умер – не сразу успокоился. Федор, как и Макаров, был долго жив, много места выползал. Старик Макаров сажен сто бежал под выстрелами. Издевательски убивали белые.

Все были арестованы по доносу Гинзбурга.

Знали крестьяне о многих таких выходках белых, а поэтому везли в Тасееву все, что могли:

– Только держись!

После первого Тасеевского боя организовался Асанский фронт. Организатором там был Исаак Строганов. Он был связан с Тасеевым, часто там бывал.

Стоял отряд Нижегородова в Колоне и соседних деревнях, когда привез весть Кудимов, что идет 1800 человек белых. Передал Кудимову эту весть бывший ссыльнополитический Ковальский из Денисовки. Этот отряд, проходя деревнями, мало кого в них заставал – все бежали в Тасееву. Оставались на месте дряхлые старики, да сочувствующие белым. Двигались белые на Тасееву по Суховской и Лукашинской дорогам. Яковенко между боями своей работы не бросал, все старался покрепче народ сплотить, говорил:

– Будем плотнее – победим, раздробимся – погибнем.

Началось наступление. Показалась разведка по Суховской дороге. А старики на дорогу бороны бросали, по всей деревне собрали. С утра по Суховской дороге белые шли, чтобы силы партизан оттянуть, а главные свои силы – по Лукашинской дороге. На Лукашинской дороге саженях в 50 от поскотины партизаны окопы свои устроили.

Восемь часов шел бой. У белых артиллерия. Попович считал – 1012 снарядов выпустили белые по Тасееву. По одну сторону

дороги сидел отряд Малышева Николая Ивановича. Идут на них белые. Подпустили на 50 сажен, ударили – назад не возвращаются после партизанских выстрелов. Партизаны бьют белых на выбор. Гремят у белых орудия, а без толку, прицела взять не могут. Получилась у белых заминка, остановились, а партизаны кричат:

– Подходи!

Пустили белые свою лыжную команду. Подпустили их партизаны поближе и всех выбили. А лыжники партизаны выбрались в промежуток между Суховской и Лукашинской дорогой и панику на белых навели.

Когда отступали белые, вышли партизаны оружие собирать. Старики ночью с граблями ходили собирать патроны.

Утром выслал Красильников разведку из Хандалов. Партизанский пост был на Лысой горе. Выслали на перехват лыжников, те пошли на Сухой лог. Обстреляли разведку из окопов и от Сухого лога. Но прорвались белые и ушли.

Пришли вести – отступает Красильников. Подтвердил сведения Колпаков. Послали было в перехват, да опоздали перенять у Борков, в долине. Красильников стоял в Тополе около месяца. После второго боя дух у партизан поднялся. Вырос и авторитет Яковенко.

Из Рождественского Красильников пробовал наступать на Асанское. На полпути от Рождественского, на р. Абан есть мельница, неподалеку, между мельницей и Рождественским, немного в стороне деревушка Налим, на речке того же названия. Белые заняли д. Налим, а дежурную роту партизаны держали в бору между мельницей и Асинским. Когда белые стали утром от деревни Налим наступать, дали знать партизаны Строгонову. На помощь дежурной роте, вооруженной только дробовиками, пришел отряд с винтовками. Белым надо идти чистым местом, а партизаны в лесу. Строгонов говорит:

– Давайте сначала из дробовиков.

Так и сделали: подпустили поближе и ахнули сперва из дробовиков. Старик один с белой бородой выстрелом из дробовика снял офицера.

Перебили белых изрядно, остатки бежали, да так, что кавалерия до самого Рождественского догнать не могла. На Асанский фронт приезжал иногда Яковенко, делал доклады. Организова-

лись асанцы по примеру тасеевцев. Когда растаял снег, продвинулись партизаны до Денисовки по течению речки Топола, Усолки и Абана. Кавалерия разъезжала где угодно и в тылу у белых. Белые стояли в Курае, Рождественском и дальше. По Усолке и Тасеевский фронт верст на 200 растянулся. Да еще верст на 50 по Казачьей дороге на Енисей от Вершино – Яковлевой.

Силы белых собирались со всех сторон. Из Красноярска вышел бронированный пароход, эти идут Казачинской дорогой. Идут и от Канска. От Тасеевой 130 верст деревня Кондаки, там партизаны на пулемет напоролись. Возле деревни житница, а возле нее пулемет поставлен. Подъехал один партизан из-за житницы и увидел пулемет, а у пулемета женщина. Подняла она крик. Партизан тоже звать своих начал – интересно у белых из-под носа пулемет захватить. Схватил он пулемет и тащит к себе, а она не дает. На крик белые прибежали. Нечего делать парень вскочил на коня и тягу. Погиб в следующую поездку он.

Весной из Денисовки поразъехались кто куда, но больше уезжали в Тасееву. Опустела Денисовка, почти никого не осталось. Явились белые в Денисовку за продуктами. Наши начали их беспокоить. Поставили белые пулемет и одного партизана убили в окопах. За это наши подстрелили у белых двух пулеметчиков, оба офицера были. Уходя, белые зажгли Денисовку. Зажигал Филипп Леонтьевич Александров, бывший торгаш из Рождественского. Первым поджег дом своих родственников.

– За то жгу, что они поехали за красножопыми.

Поднялся ветер, сгорела деревня. Остатки Денисовки белые подожгли после, в девятую пятницу.

В тайге

Посоветовались партизаны – не хватит ни сил, ни огнеприпасов. Гонят белые партизан, оттесняют в тайгу. Отступили на Троицкий завод, там пушку отлили самодельную. Один раз стреляли из этой пушки.

С Ангары шел отряд. Шел он от стрелки, до дер. Устье поднялся на катерах, а оттуда пошли по берегу Тасеевой. С Казачинской дороги шел отряд Ромера. Был там бой у дер. Бобровки.

Отступили мы и от Троицкого завода прямо в глухую тайгу. В Кайтымском бою я участвовать не мог, мне сделали операцию

после денисовской простуды и я носил на перевязи руку. На Бобровке присоединился к нам Накладов. Яковенко предложил ему идти в бой. Но Накладов отказался.

– Мы устали и хотим есть.

– До еды ли тут, когда дорога каждая минута?

Но Накладов и слушать не хотел о бое. В результате поссорились, и Накладов ушел совсем в тайгу.

Бабкин остался с тасеевцами и вместе с ними отступал. Кавурова и Доброва привезли в Тасееву ранеными перед отступлением, и они здесь и умерли. На Кайтыме приготовили окопы. Кто придумал, не знаю, но слышал, как говорили об этом между собой Яковенко и Лобов – сделали два ряда окопов, одни неглубокие, а вторые подальше, настоящие. Настоящие окопы замаскировали. Белые дошли до ложных окопов, видят пустые. И поперли без опаски. А тут их и взяли бить, да так, что немногие выбрались. Набросали их, как дров из разваленной поленницы.

Нижегородский отряд был спрятан у речки на покосе, возле ельника. Начали белые стрелять по коням. Когда их угостили по дороге, в центре окопов, они пошли низиной на наш левый фланг. За речкой стоял отряд Халчевского и начал бить. Из окопов тоже, перекрестным огнем и взяли. После неудачи на левом фланге, сунулись белые на правый. А там то же самое положение, – так же и речка загибается, и так же отряд за речкой стоит. Буда распорядился, чтоб подступили близко, а потом усилили огонь. А партизанам того и надо. Пришлось белым домой бежать. Дорогой их еще построчил пулемет ихний же, у них отобранный. Пулеметчиком был Никита Прохорович Емельянов, из Канарая, помощником у него Махинько.

Про Кайтымский бой была сложена песня:

«Ой, ты доля моя, доля
Доля горькая моя!
Ты зачем же, злая доля
До Кайтыма довела.
Не за пьянство и буянство
И не за разбой ночной.
Стороны родной лишился
За крестьянский мир частной.
Год в ту пору был несчастный

Стали подати собирать.
Колчак подлый воцарился
Стал нагайками нас драть.
Драл несчастных и безвинных
Не щадил он никого.
Старцев белых престарелых
Вешал всех он заодно.
Девиц крестьянских беспорочных
Растлевал, как коршун злой.
Ну и жен, уже преклонных
Мучил всех он заодно.
Вот не стало больше силы
То злодейство выносить.
Загрустили ясны очи
Тех героев молодых.
Тех героев наших славных
Замученной нашей стороной.
В бой неравный мы вступили
С подлой бандой Колчака.
Рассвиrepел враг жестокий
Вздумал всех нас наказать.
Бросил подлые полчища
На замученных трудом.
Наши славные дружины
Окружил со всех сторон.
Наш могучий Яковенко
Подлый план их разгадал.
И могучею рукою
На Кайтым нам указал.
Тут крестьянская вся сила
По указу их вождя
Собиралася вся дружно
В те Кайтымские леса.
В тех лесах средь гор Кайтыма
Повстречались мы с врагом.
Много их продажной своры
Под Кайтымом полегло.
Наш товарищ славный – Буда

Громким голосом кричал:
Вы товарищи-герои,
Бейте подлых – наповал!
Стало Каппелью не в пору
Мозолистых кулаков.
И запел тут Каппель с горя
С горя долю бедняка:
Ах ты, доля моя доля,
Доля горькая моя!
Ах, зачем ты, злая доля
На Кайтым меня несла?»

Песню эту написал Иван Нефедович Данилов в дер. Топол, после возвращения из Тайги.

Вернувшись из тайги, заняли мы все прежние позиции, кроме Шеломков, где стояли белые. Асанский фронт тоже восстановился.

Ликвидация белогвардейщины

Стали белые собирать силы для наступления на Топол. Но туго их сборы продвигаются. Мы приготовились, окопов нарыли, ждем.

В конце октября или начале ноября, снег чуть-чуть был, идет белая разведка. Командиром батальона был Емельяшин, командирами рот – Востриков, Малышев Иван (Тасеевский), людей у нас 130 (был еще отряд особого назначения под командой Топина).

Расположились – Востриков у житницы, Малышев с Денисовской дороги, а Топин от Турухана, от зимней дороги.

Чуть весть получили, что белые идут – все по местам. Белые окружили деревню. Кавалерии 5 человек у нас. Им с пулеметчиком дали задание – вывезти пулемет на горы за речкой. Еще с весны оттуда был прицел испробован и надо было на то самое место пулемет поставить. А белые уже успели занять гору, да так тихо, что партизаны и не подозревали этого. Поскакали наши кавалеристы на горы, пулемет в телеге повезли. Белые их огнем встретили. Стали с пулеметом заворачивать, опрокинули телегу. Тут уж не до атаки белых, впору выбираться. Припрятали пулемет, ускакали на гору, прорвались. Сорвался план обороны.

Упал в деревню первый снаряд. Показалось, с Шеломковской дороги белые обстреляли их, отбили как будто. Тогда с заимки поперли. Еще снаряд разорвался, на этот раз в ельнике. Третий снаряд попал в избушку, разворотил топившуюся железную печь. Загорелась изба. Удалось потушить, но пожар этот много беспокойства наделал. До 30 снарядов выпустили белые по деревне. Между тем, наши кавалеристы, пробившись, поскакали на участок Веселый, к Нижегородову, где стояла и часть отряда Быстрова. Нижегородова с его людьми не оказалось на Веселом, ушли куда-то. Дали знать в Кордон и в Борки, где стояли наши отряды. Оттуда и пришла к нам помощь. За Усолкой, против Турухана (улица в Тополе под самой горой), стояли в гумне белые гусары, засада на случай нашего отступления, зажгли они гумно, а поэтому их и обнаружили. Конечно, перепало и гусарам. В Тополе не было [ни] убитых, ни раненых. У пришедших к нам на помощь был убит Ермаков, из д. Средний и ранен Филипп Бабкин – этот вздумал стрелять стоя.

Белые оставили одного из своих убитых и семь винтовок. Других убитых белые вынесли, и сколько их было – я не знаю.

Живем мы в Тополе, ждем – не сунутся ли гости названные. Растет наша сила, формируется третьей полк.

Присылает на Болтырь посла Рождественская дружина. Там стояли наши партизаны. Направили они после к Емельяшину в Топол. Приехал к нам Васька Шевчук. А у нас был партизан Леонтий Шадрин, с четырьмя сыновьями партизанил, тот увидел Ваську и взъелся, в зубы было ему:

– Теперь сдаваться, такие сякие!

Много расходиться не дали Леонтию. Емельяшин поехал в Борки к Буде, там переговорили и предложили Ваське, чтобы от рождественцев двое выехали к Кондратьеву, сами тоже поехали туда. Из Рождественского приехал Матвей Иванович Быстров и Иван Ипполитович Федоров. Рассказали они о том, что дружина желает сдать.

Буда им говорит:

– Давно это ожидаем, наше предложение вот какое: вернитесь, арестуйте полковника, офицеров, выдающихся добровольцев и приезжайте сюда. А тогда и мы к вам подъедем.

Поехали они, переговорили с дружиной. Офицеры заметили, что дружина колеблется, но уже поздно было, что-либо предпринимать.

Выбрали дружинников человек 12 понадежнее и пошли в волость. Там все офицеры и полковник Гофман спрашивают дружинников:

– Ну как дела?

– Да что дела? Партизаны окружили, сдаваться надо.

– Как сдаваться?

Офицеры было обсуждать, а эти наганы вынули:

– Руки вверх!

Из-за дверей 12 винтовок. Нечего офицерам делать: подняли руки.

После этого явились послы к Кондратьеву, сообщили. Поехали мы, нижегородовцы. Быстровцы были в Курае. Народу собралось много. Верстах в дух от Денисовки встречает нас опять Шевчук: дружина-то нас ждет, да боится, как бы белые не нагрянули. Переговорили Буда с Нижегородовым, тот кричит мне:

– Мишка! Бери 10 человек, валяй на Бандитскую дорогу, садись в засаду и жди связи.

«Бандитской» мы звали дорогу из Рождественского в Шеломки через Кондратьеву, напрямиком. Могли шеломовские белые (гарнизон там стоял) грянуть этой дорогой.

Сидим, ждем. Никого. А уж светает. Наконец, едет связь – ношинский Сухотин, сын Андрея Андреевича. Кричит:

– Садись, Рождественское занято!

Сели мы, поехали. Версты две не доехали Бандитской дорогой, свернули на тракт. Идет из Топола отряд особого назначения. Много народу, рады все. Часов в 8–9 утра на Бандитской дороге показался шеломовский гарнизон, отворачивает на Канск. Дали Чехмареву воззвание (телефонист был от белых перебежчик), велели передать гарнизону. Передал он им, часть сдались, остальные уехали в Шаплинку.

Переговорили с Караем: там гарнизон сдался быстровцам. А в Чаплинке остатки шеломовского гарнизона крестьяне разоружили. А у нас Рождественская дружина еще не разоруженная ходит. А их человек 200. Как быть, чтобы без боя обойтись?

В Рождественском народе полно. Партизаны – кто в чем попал, солдаты гарнизонов в форме. Потерялись солдаты в толпе и не видно. Дружина тоже в своем. Как разоружать, если каша такая? Командир дружины Терещенко – умная голова. Такого обойти надо умеючи. Послал меня Нижегородов за Евгением Соколовым, помощником начальника дружины. Они и раньше еще знакомы были. Пошел я искать, нашел, привожу. Осип среди полу спит, намалялся, карабин на спине. Разбудил я его, говорю: «Привел». Остались они вдвоем, долго разговаривали. О чем, кто их знает? Мне приказ дали не слезать с коня, быть все время в толпе, говорить. Утром выезжаю на улицу. С тем с другим поговорю, что дружину надо или в кавалерию, или в пехоту зачислять. По команде дружина выстроилась, наши тоже в строй встали. Нижегородов командует:

– По три человека! По деревне прокатиться. Проехали с дружиной по деревни, песни пели. Собрались все возле штаба, встала дружина к штабу, спиной напротив быстровцы выстроились, а нижегородцы по сторонам. Четырехугольник получился, а в этом четырехугольнике ходит Осип Нижегородов, и говорит речь. Надо, мол, двинуться вместе против тех, кто нас свел драться. Чехов попробовать надо! Кричат все и дружинники тоже:

– Пойдем! Все у нас уже наготове.

Осип кричит:

– Рождественская дружина, слушай мою команду! Смирно! Встали те смирно.

– Положи ружья перед собой!

Положили.

– Два шага назад!

Отступили на два шага.

– Еще шаг назад!

Как исполнили и эту команду, Осип уже нам командует:

– Взвод, готовсь!

Защелкали затворы, оцетинились ряды. Кое-кто из дружинников и с ног долой. Захохотал Осип.

– Дурачьё! Никакой стрельбы не будет, зря испугались.

Отбили из рядов особо вредных, к остальным говорил речь Ефрем Рудаков. Когда он сказал им, что им будет оставлена жизнь, его качали. Они думали, что им всем уж капут.

Из Рождественского двинулись в Канск. Чехи уже были в эшелоне. Часть казаков ушла, не желая сдаваться. Наши части заняли Канск раньше Красной Армии. Организовали Ревком. Наши партизаны влились в 30-ю дивизию. Их не разоружали, а только разбили по полкам.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 651. Л. 1-8. Машинопись.

Под белогвардейским сапогом

Воспоминания Василия Михайловича Данилова

В армии я не служил и во время партизанщины в боях участвовать не мог, здоровье не позволяло. У меня и тогда уже грыжа была. Не стар я еще был, родился я в 1882 году, но здоровье у меня слабое. В 1917 году был я членом первого Совета. В подпольной организации работал с самого первого дня, среди молодежи работу вел. Нас здесь хорошо знали все, что мы за большевиков идем, большевиками звали.

Приехал к нам первый карательный отряд на третий день рождества (27 декабря), я пошел сказать об этом Егору Васильевичу Данилову. Вернулся, а у нас кавалеристов полно, женщин из дома повыгоняли. Вхожу я, меня спрашивают:

– Кто хозяин?

– Я.

– Тебя-то и надо.

Дали плюхи две, сбросили с крыльца. Повели в сельскую избу. Привели тут же Осипа Ивановича Быстрова. Стали допрашивать.

Осип Клыпин считался у белых своим, они ему доверяли, хотя он нам передал вести. Известно было, что сначала он был против нашей организации, а что потом он к нам присоединился – того не знали. Он при опросе сказал, что я ни в чем не замешен.

Осипа Быстрова повели на расстрел, а меня стали «учить». Повели по деревне старосту искать, из избы в избу, и в каждой избе били.

На беду нашли у нас в доме письма брату Семену. Особенно одно, в котором ребята сообщали о покупке двух наганов, а мне посылали поклон. Больше обо мне ничего и не было, а все-таки

повели меня в штаб и там снова били. В ночь арестовали Шадрина, Гравельсонов и Петра Быстрова. На рассвете взяли за меня.

– Раздевайся, ложись!

Били плетями. А один на шею то наступит, то опять отпустит. Петр Быстров, глядя как меня истязали, искал стекло, чтобы самому зарезаться. Потом допрашивать. Но я давал показания очень осторожно. Потом один сухорукий ударил меня так, что я отлетел в избу и перевернул железную печку и вышиб среднюю трубу. Заставили меня горячую поправлять. Поправил. Один товарищ помог, хоть ему и запрещали это. Отпустили. Прихожу домой, а кони голодные стоят. Услыхали меня – заревели. Тут меня слезы пробили. Пришли белые, велят запрягать. Запряг я им кошеву беговую. Ехать им надо вдвоем, а кошева на одного.

Пришла домой моя жена Марьяна, у соседней пряталась. Уехали белые. Точно вымерла деревня в этот день, не ложился. Проходил я весь день, не ложился. Вечером прибежал Прохор, принес полбутылки самогону. Выпил я. Думал лечь, вдруг слышу шум – это белые от Шеломков отступают.

Лег, уснул. Просыпаюсь утром – не пошевелиться, рубаха присохла. Тяжелей побоев мне было подняться. Жена помогла, выправился.

Зиму я наблюдал, оставаясь в Денисовке. Раз как-то между первым и вторым боем приезжали к нам делегаты из Тасеевой, просили помочь. А чем я помочь мог? Изувечен, сил нет.

Был у нас Петрушка Лысов, сапожник. Он раз расхвастался, говорит одной женщине, что он шьет себе чирки, чтоб пойти в Рождественскую, взять винтовку и расправиться с Макаровым. Собирались они идти вместе с Владимиром Харченко. Мне сейчас же передали. Сам я ничего сделать не могу, надо было нашим передать. Как раз ночью шорох – Павел Астафьев и Егор Васильевич, лыжники. Рассказал я им, какие планы у сапожника с Харченко. Харченко они зарубили, а сапожника расстреляли в Колонском бору. Прожил я до масленицы. При Рождественском штабе служила наша родственница, Аксинья Галактионовна Владимирова. Подслушала она в штабе, что собираются расстреливать всех, кто подписывал одобрительный приговор Ендаурову и передала об этом в деревню. У нас все собрались было бежать, но я отговорил. Куда бежать, ничего не видя? Станут брать, так меня возьмут

первого. Так никого за это и не тронули. Потом поехал я в Борки. Встретил меня Буда, спрашивает как дела? Отправили меня в Тасеево, чтобы я там рассказал о положении в нашей деревне. Некоторые партизаны очень сердились на тех, кто остался на месте, а я все им доказывал, что сердиться тут нечего. Гравильсоны все на месте настаивали.

После был я в отряде Быстрова шорником.

При отступлении от Тасеево много тяжелого пришлось пережить. Везла одна жена партизана ребенка маленького на руках. Постарше ребенок был у родных ее. Вечером перед Черной речкой слышу шёпот:

– Куда его? Задавить, что ли? Самим не сегодня завтра помирать.

– Зачем давить, оставим и только.

Отдала мать ребенка другой женщине, которую она называла тетенькой. Та ушла в ельник. Немного погодя вернулась одна. Мать допытывается:

– Не плакал? Не пищал?

– Нет. На сухое положила, берестой прикрыла.

Она его живым похоронила. Одну девочку лет семи родители бросили. Тяжелые дни были!

После Кайтымского боя собрались мы трое – я, брат Семен и Осип Клыпин и решили идти в тыл. Я пошел в штаб, доложил об этом.

Яковенко нам говорит:

– Держать не могу, но коли себя стравите – не пеняйте.

Вышли мы белым в тыл. Они здесь слухи распустили, что придушили партизан. Мы рассказали, как дело обстоит. Жили здесь, прислушивались, собирали вести, передавали партизанам. Так передали раз нам, что идет на Тасеево рота с определенным намерением – передаться партизанам. Мы дальше сообщили. Рота дошла до Троицкого завода, там их расформировали, но часть все же сдалась.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 651. Л. 9–16. Машинопись.

Воспоминания и рассказы о борьбе партизан и зверствах белобандитов в Борках, Тасеево и Шеломках Борки и Бакчет

В Борках не приходится останавливаться, нет никакого смысла терять время, народ на полях, а впереди такая уйма работы, что на бесполезное ожидание тратить дорогие часы и минуты было бы преступлением. Мне надо добраться до сердцевины партизанского движения, до Тасеевой, посмотреть на нее, заснять ее окопы, переговорить со старыми подпольщиками, подготовившими восстание, если кого удастся застать. В Борках никого нет – все повыбрались отсюда, кто на районную, а кто и на краевую работу. Партизаны-боевики и сейчас на боевых постах, только в иной обстановке. А кто остался у себя дома, тот тоже сейчас занят боевыми операциями – надо убирать хлеб, чтобы ни одного снопа не осталось врагу осенними затяжными дождями.

Делаю засъемку в Борках – мостик, на котором растрепали улан Красильникова партизаны.

Удобное место для засады. Из густого бора выезжаешь на болотце, за которым речка и мостик. И сразу же, у самых устоев моста – начало узкого деревенского переулка. Отсюда и били партизаны скачущих во весь опор белых.

На главной улице Борки – дом Ионы Николаевича Турова. Обыкновенный дом крестьянина-середняка, живущего в таком месте, где лесу не занимать. Но дом этот вошел в историю партизанского движения тем, что в нем помещался штаб Буды.

Остановка на несколько минут для засъемки и дальше – в Бакчет. Бакчет ничем особенным не выделяется, там даже нет таких гор, как над Тополом, гор, делающих деревушку удобным стратегическим пунктом.

Ровная местность, лес, болотце кое-где.

Не удивительно, что Бакчет не отмечен в истории партизанского движения ни одним сражением. Но зато белые здесь оставили такую память своим террором, что годы и годы не изгладят ее.

Здесь мне рассказывают подробности казни Ивана Машукова. Здесь вдова бывшего ссыльного, позже подпольного работника по подготовке восстания, Астахова, рассказывает мне, как мучали ее допросами о муже, уже убитым белыми. Здесь...

Много жутких былей рассказали мне бакчетцы, много имен назвали. Имен убитых, замученных, расстрелянных и повешенных белыми.

Остановливаюсь я на квартире у Дмитрия Васильевича Машукова, председатель сельсовета, и он помогает мне достать и вызвать кой-кого из партизан. Вчера утречком, до выезда в поле организуем съемку, а вечером надо побывать на общем собрании колхоза. До начала собрания еще есть время побеседовать с теми, кто на полях сегодня.

Первым приходит старик Борисов, хозяин рекомендует мне его, как боевого партизана и старик рассказывает охотно и весело даже свою длинную пеструю жизнь.

Рассказывает и сам хозяин. Он не был в отрядах, у него партизанили два брата. Зато оставаясь здесь, он видел разгул белого террора, видел избитых, изрубленных, повешенных. Он сам снимал с петли своего брата Ивана.

Напротив дома Машуковых стоял дом, в котором жил Вишкорин, партизанский поп, поп-красногвардеец и член партии большевиков. Разгневанный поведением мятежного попа, архиерей запретил Вишкорину служить, требуя, чтобы тот вышел из Красной гвардии и партии. Вишкорин отказался. Не обратил внимание на запрет, перестал служить, но не перестал вести работу по агитации среди населения. А в попах была нужда, не хватало «кадров» в производстве религиозного тумана. И мудрый расчет заставил епархиальное начальство сделать попытку образумить Вишкорина. Рассчитывая, что попав в обычную обстановку религиозного культа откажется Вишкорин от своих взглядов, перевили его служить в Бакчет.

Служил мятежный поп, повторяя веками выработанный ритуал. А после службы повторял новые, неслыханные ранее слова. И чутко прислушивались крестьяне к таким понятным для них, но таким неожиданным в устах священника, речам.

Много хлопот доставил бакчетцам Вишкорин. Уже давно и след простыл в Бакчете, а белые все допытывались, где Вишкорин, не видел ли его кто-нибудь, не слышал ли о нем чего. Поперек горла стал «красный поп» всем белогвардейцам. Особенно после того, как не удалось его, захваченного в плен, казнить. Легко было осуществить это, стоило только пленного отправить в Рожде-

ственское, но хотелось капитану Мартыну обязательно повесить Вишкорина на площади в Тасеевой, против той самой церкви, где первую «возмутительную» проповедь сказал Вишкорин.

А партизаны отбили Вашкорина. Испортили музыку Мартыну.

С капиталистической каторги в партизанский отряд (рассказ Анисима Маркеловича Борисова)

Родился я в Саратовской губернии, Сердобском уезде, в деревне Зеленовке, Камзольской волости, в 1870 году. А драться пришлось в Сибири, вот в этих местах.

Пришлось мне с 13 лет пойти скот пасти, а с 18 пошел на отхожие заработки, чернорабочим. Ходил в Астрахань, в Царицын, во многих местах побывал. Дома-то нечего сидеть. Отец умер, когда мне два года было. Растил меня дед. Он же и женил меня. А тут как раз призыв, я – лобовой. Но жребий попал дальний, 586. Таких нас, с дальними жеребьями, набралось человек 5. Ну, поехали мы гулять. Только гулянка в самом разгаре, за нами в трактир городской – пожалуйте. Браковки, вишь много, наша очередь подошла. А мы только в самый разгар вошли, идти не было охота. Мы заломили им, не шаем приказ.

С городовым был полицейский, он меня и ударил. Силенка-то у меня была, смял я офицера, погоны с него сорвал, ну и закатали молодца в ссылку с лишением прав, сюда, в Бакчет. Только я здесь не жил – встретил в Тасеевой сидельца в винной лавке, из наших мест, верст 20 от нашей деревни он жил. Я это только что с этапа, голова брита на половину, в арестантском. Он меня переодел, недели две я у него отдохнул. Стал он мне говорить, что у крестьян работать с непривычки тяжело будет, а лучше идти на прииска. Подумал я, подумал и согласился. И еще тут один со мной вместе. Условились о работе с вербовщиком, дал он нам по рубашке, по 3 рубля денег. Поехали мы на Боголюбские прииска к Шарыпову. Стал я работать, привыкать к новому делу.

Застал я еще розги в ходу. Чуть оскорбил казака или служащего – разложат и всыплют. Это в 1891 году было. Исправником Мухин был, к нему и водили. За пьянку приведут, говорит:

– За все прощаю, за это нет.

За карты – опять то же:

– За все прощаю, за это нет.

Женился я здесь. Родился у меня сын. Прошу разрешения домой уйти, крестить младенца надо.

С вечернего чаю окрестил, с утра на работу.

Просрочил, не вышел на работу вовремя. Приводят к Мухину:

– За все прощаю, за это нет. 40.

Здорово больно было. А доходил и до 70, если не кричит. Один у нас выдержал ударов 15, не кричал. Так ему до 80 догнали.

Иной казак сам подучивал:

– Кричи с самого начала, с первого удара. Мухин махнет рукой и уйдет. А тогда хоть и будут бить, да легче, не так [как] при самом.

Шесть лет я на приисках выжил, не выходя. Да шесть лет ходил с весны до осени. А потом по работникам жил, прорубщиком, за всякое дело брался, лишь бы хлеб заработать. Ни одного дома в деревне нет, где бы я не работал. Семья – восемь человек, три девочки больные, лежат. Одной 37, другой 25, третьей 18. Недвижимы с самого рождения. Один сын убит на Врангелевском фронте.

В 1909 году пошел я на Олекму, а вышел только в 1911. Как раз и приехал ко мне брат в эту пору на побывку, не застал, написал письмо, да не дождавшись ответа, и уехал. А я письмо получил, работу бросил и домой – очень хотелось брата повидать. Приезжаю, а его уже нет. Так и не виделись.

Еще до того ходил я на Круго-Байкальскую дорогу, в туннелях работал, девять месяцев там провел.

Партизанщина нас врасплох застала. Приезжают в декабре топольцы, зовут:

– Едем воевать.

Собрали сход, стали звать солдат с Германского фронта, не идут.

– В окопах гнили, надоело.

Пошло нас добровольцами из Бакчета на первый раз только двое, я и Павел Степанович Астахов. Его потом белые замучали на Ангаре: поехал он с агитацией, будто бы он псаломщик, места ищет. Сам он был политический ссыльный с 1905 г.

Приехали мы в Тасееву. А банда сначала в Шеломках появилась, там ее встретили с берданками, с вилами, отбили. А сами шеломовцы в Тасееву ушли. Собралось нас человек 200 со всех де-

ревень, ждем белых с Плотбинской дороги. А оружие у нас мало, винтовок почти и нет.

Встает Строганов и говорит:

– Я с таким оружием всю землю пройду. Мы с голыми руками орудия брали. Надо только дисциплину. А дисциплина такая, что лег в окоп – и ни с места. Мы в 20 шагах будем с наганами, кто побежит – пуля.

Надо защищаться со всех сторон, а нас мало. Банда идет, ведут ее знающие местность купцы – евреи Янкель и Рыжевский, да Степан Мироныч Зайков из д. Хандалы.

Мне было поручено следить по Желтоватской дороге (иначе Шумихинская дорога), чтобы не обошли от больницы. Ездил я взад вперед верхом, а пули над головой летают. А потом дали мне помощника, Егора Евдокимовича Филатовского (умер он не так давно, простудился, когда на аэроплане летал).

Жарко нам было и во втором Тасеевском бою. Попались мы в переделку и в Топольском бою, когда белые наших окружили. Нас, конных, отряд Быстрова, послали занять гору над Тополом. Выехали мы за деревню, поднялись на гору, а горы оказались заняты белыми. Взяли нас в обстрел. Взялись было мы напором скакать, – кони задохнулись. Пришлось нам тяжеленько. Сдернули мы с телеги пулемет, оставили телегу и ленту одну, пулемет прикрыли и прорвались. Без потерь прорвались. Ускакали в Колон, дали знать Благиреву, а сами в тыл белым по Борковской дороге. Белые отходили бором, мы их отступление видели, обстреливали их, но было далеко. Тут у нас одного ранили.

Был я и в бою под Улюколем. Стояли мы напротив деревни за озером, а белые шли с Михайловки. Сидим мы в листовке, а белые идут через озеро на нас. Когда вплотную подошли, пришлось нам драться врукопашную. Заходили они с левого фланга, зарубили двух командиров, [в том числе] Абрама Ильича Савельева, говорили ему, что надо уходить. А он отвечал:

– Я еще постреляю.

Саженов только мы прошли, как он повалился.

Было нас под Улюколем изрядно: конный отряд из Канарая, наш быстровский конный, убьисинский, нижегородовский отряд, была пехота Виноградова и Осташевского. Но белых было очень много и пришлось нам уходить в Кондратьеву.

После того, как вышли партизаны из тайги, на Щекатуровском участке дня 4–5 заседал армейский съезд. А потом Тасеево заняли и пошли на Троицкий завод.

24 сентября переправлялись мы через Усолку. Холодно, мнутся наши кавалеристы, не хочется в воду лезть. А были с нами Буда, Яковенко, Лобов, Бабкин, Ефрем Рудаков, Накладов, говорят:

– Не хотите, переправляться, спешивайтесь. Мы найдем, кто поедет.

Выехал я вперед, говорю:

– Коли война, так ни огонь, ни вода не держит. Я пойду.

Ефрем Рудаков говорит остальным:

– Старик едет, а вы молодежь?

Переправились все. Перемерзли, еле говорить можем. Поехала вперед разведка, а мы остались на месте, ползаем, греемся. Часа три прошло, а нашей разведки нет. Что такое?

Приезжают, наконец, наши разведчики, привозят вести: ушли белые с Троицкого завода на В-Яковлеву. Пошли мы за ними следом, пехота по одному берегу, мы по другому. Догнали мы белых ночью, на мосту около заимок. Нас было человек 15–20, отделившихся для нападения. Быстров командует:

– Левый фланг, заходи!

Мы стреляем, кричим, будто нас и вправду много. Отхватили 12 подвод, на одной из них было два бомбомета.

Неприятельский пулемет где-то впереди трещит, да нам он не страшен, неровная местность, присядем, и не хватают пули.

Притихли мы. Белые окопались. Провели так ночь, а утром пошли в наступление. Нет белых! Только две двуколки брошены, да валяются банки из-под патронов. Пошли мы дальше, белых искать. Смотрим, лошадь в болоте увязла. Они ее так и бросили, ну, а мы вытащили – пригодится. В окопах нашли двух убитых, заметили прутики, над могилой поставленные.

Шли мы по следам белых, пока не пришли к нам трое из них. Говорят, что они свое начальство обезоружили и сдаются. Было это уже на третий день. Пошли мы цепью, с нами уже пехота соединилась, смотрим, верно, ружья в козлах, сами в стороне стоят, начальство под караулом. Семь человек офицеров с капитаном Сошиным, капитан порол жителей за просеки вокруг сел, чтобы красным труднее подходить было. В Троицком заводе он же одну

женщину, жену партизана, повесил. Теперь ему пора пришла расплатиться за все. После этого боя мне в боях больше быть не пришлось.

За революционную работу мужа (рассказ Евдокии Алексеевны Астаховой)

Сама я бакчетская, из крестьянской семьи маломочной. Родилась в 1893 году, а 17 лет уже замуж вышла за Павла Степановича Астахова. Был он родом из Екатеринодара, пришёл в ссылку в 1910 году, как раз в Крещение.

Перед этим, как рассказывал, два года в одиночке сидел. Был он лишенец, пришел в Канск в кандалах. Точно дела моего мужа я не знаю, не знаю и то, чего он ждал за них, расстрела или виселицы. Знаю только, что перед тюрьмой он скрывался 10 месяцев.

Прожила я с мужем 8 лет и 3 месяца, до того как его убили. До революции наблюдали за ним стражники, утром и вечером справлялись, дома ли? Часто наезжали жандармы, делали обыски. До революции муж столярничал, после революции работал секретарем в сельсовете. Перед этим ходил добровольцем на Германский фронт. А когда вернулся с фронта, засел дома. После чешского переворота начал готовить крестьян к выступлению. В школе собирал собрание, держал речь, чтобы не выдавать никого, если случится, что кого-нибудь арестуют. Все повторял:

– Все за одного, один за всех.

Часто крестьяне вспоминали об этих его словах, держались стойко.

После выступления и организации отрядов поехал он на Ангару с агитацией. В Кондаках стал на квартиру у старосты, туда к нему и явились обыскивать. Во время обыска он потихоньку спустил за ящик партизанские документы. Староста заметил это и выдал.

Арестовали мужа. Но удалось ему как-то выбраться и бежать в лес. Пошли по следу. Перебили ему правую руку, штыками кололи, грудь прострелили. И мертвого бросили. Лежал в песке зарытый. Партизаны вырчили его тело и похоронили в Тасевой.

Убит он был 6 января ст. ст. а 8-го приехали в Бакчет белые. Перед этим было у нас собрание, предупреждали, что лучше уйти из дома. Я пошла к матери, хотела там побыть, сказаться женой своего брата. Но брат отказался:

– Не годится это дело. Зайдет кто из соседей, невзначай выдаст, тогда и тебе и нам будет худо. Взяла троих ребят, одного оставила, пошла домой. Пришли двое белых, новобранцы. Потом сторож земской управы привел еще троих. Эти «разговаривать» пришли.

Зашли, поздоровались, спрашивают:

– Как фамилия?

Сказала.

– Где муж?

– Куда-то ушел. Как приехали верховые – оделся и ушел.

– Врешь!

– Что знаю, то и говорю.

Спрашивали и ребят. Сын сказал, что отец прошел за училище. Прошли в школу, спросили учительницу, назад вернулись. Опять за допрос.

– Сколько раз у вас были собрания?

– Не знаю.

– Что ты врешь, гадина!

Явился какой-то толстый с плетью:

– Всыпать ей 55, так скажет.

Спрашивали 7-го сынишку, Бориса, сколько раз «дяди» бывали. Но ничего не добились. Тогда стали с шашками насакивать. Один даже голову мне наклонил, словно отрубить ладил.

– Говори, сколько было собраний? Получал ли муж письма, записки?

Отказывалась я отвечать, говорила, что ничего не знаю. Обозлились и стали хозяйство рушить. Забрали скот – две коровы, две нетели по второму году, трех подсвинков, мясо взяли, пуда два было, забрали крупу, ягоды. Инструмент столярный рублей на 60 взяли. Увели тес доски. Забрали 8 кур и петуха. Даже трех собак во дворе зарубили, двух овец зарезали. Нашим же алмазом в теплых рамах все стекла изрезали. Забрали кожу, чирки скроенные. Ограбили окончательно, но бить не били.

Послали меня лошадь искать, привезти к ним. А где ее найдешь, если на ней муж уехал? Пошла все же в лес. Прошла версты

полторы – выходит муж навстречу. Рассказала ему все. Не отпускал меня домой, звал уехать с ним. Но дома – дети, не могла я их бросить. Выпряг он лошадь, отдал мне. Веди! Сам пешком ушел. Последний раз я его видела. Пригнала я лошадь домой, отдала. Новобранцы мне говорят:

– Ну, тетка, коли будут тебя еще допрашивать, не мешайся. Говори так, как первый раз говорила. А то всыпают – тяжело тебе будет переносить. Перешла я к соседу Трунину, боялась дома остаться – шли слухи, что издевались над женщинами белые. А у Трунина солдат не стояло.

Легла я на ночь в горнице, а тут и явились белые. Один все просил мягкой постели, да теплого одеяла. Пошел сам искать, залез в спальню, шарит, поймал меня за волосы. Спрашивает у старухи:

– Кто тут у тебя спит?

– Парень один.

– А что волосы у него длинные?

– Из России недавно, еще косы носит.

Что старухе говорить. Отошла шуточкой. Ушел солдат, взял лучину и идет смотреть. Я под кровать забила, пролежала ночь на мерзлых картошках.

Утром сняли белые часовых, ушла я в поле сама не знаю куда. Легла под сломанной березкой, до обеда пролежала. Колени себе обморозила.

Слышала, как уезжали белые, как начали мужики на гумна выходить, как проехал кто-то из крестьян из деревни. А встать – силы не было.

Вернулась домой кое-как. Пожила немного, уехала в Тасеево. За неделю до отступления партизан из Тасеево вернулась к себе домой. Белые наезжали, допрашивали. Только я научилась от допроса отделываться. Спросят меня:

– Где муж?

– Убит.

– Кто убил? Красные?

– Нет, ваши. Да так ему и надо!

Как скажешь так, видят, что мужа не жалею – отвяжутся. Только этим и спасалась.

Штыком и плетью (рассказ Дмитрия Васильевича Машукова)

Сам я не партизанил, партизанили два брата – Ефим и Иван. Младшему Василию было всего 14 лет, а меня отец никак не отпускал:

– Уйдешь и ты, я залезу в болото по бороду и буду сидеть, пока не умру.

Хозяйство у нас было середняцкое – работники свои, земли хватает. Ничего жили. Но пришлось бросить все, когда партизаны от Тасеевой отступили. Увел я тогда семей пять в тайгу, за Тришкину гору, пока белые тут особенно лютовали. Стало немного по-свободнее, вывел я их поближе. Сам пошел, сделал разведку, узнал, что стоит в Бакчете «летучая почта» – колчаковская милиция. Надо в деревню перебираться, а как? Бабы пошли под вечерок с коровами, будто коров с поля гонят, а я иду, будто коням месить корм ходил. Женщины-то свободно в деревне стали жить, а мне пришлось прятаться. Собирал продукты для партизан, передавал вести. Имущество у нас оказалось разграбленным, ждали, что и избу могут сжечь, а поэтому разобрали избу и перевезли в лес.

Наседали на нас особенно из-за попа Вашкорина, как раз напротив нас жил, так про него все и допытывались.

Брат Иван был в отряде Благирева. До восстания мобилизовали его белые, но он из Канска бежал и с товарищами пробрался в Тасеево. Участвовал он в Тасеевском бою, под Кайтымом дрался, был в стычке на участке Учуначском, под Рождественское ходил. Словом, счеты у него с белыми были большие.

Отряда у нас в Бакчете тогда не было. Уехали куда-то белые. Партизанский отряд неподалёку бродил. Брат и говорит в отряде:

– Пойду Васютку попроведу.

Шутя он отца Васюткой звал. Нашлись и еще из отряда охотники дома побывать. Шесть человек их пришло. Поставили пост за деревней, да пост прозевал, вошли белые незамеченные в деревню. Четверо вброд через речку спаслись, а двое остались – брат и Тарас Севрунов. Ивану соседи говорили:

– Забегай в ограду, спрячешься.

– Нет, надо Тараса захватить.

Подбегает к Тарасу, а тот уже в ельник ударился и по нему белые стреляют. Тарас ушел, а Ивана белые захватили. Но никто из белых Ивана не знал, свои бы не выдали, можно было еще выкрутиться. Загубила Ивана Варвара из Хандалов, бывшая Баланина. Вся Хандала была белогвардейская, а Варвара так с белым отрядом и ездила, с офицерами водилась. Узнала она его.

– Ага, попался, сукин сын!

Повели брата в штаб. Видел я все это, дома был как раз. Взял я узды и пошел, будто за конями. Был у нас один российский, как раз его дома не было, я к его жене пошел.

– Давай я за твоего мужа буду.

– Ладно.

Только сообразил я, что начнут спрашивать – запутаюсь. Документов-то я ихних, российских, не знаю, попадусь. Пошел к другой соседке, вдове. Та говорит:

– Были уже у меня и знают, что я вдова. Лезь в другую половину в подполье, туда я грязь сметаю, там пролезешь.

Залез я, а ее прошу:

– Посмотри, куда брата поведут, после хоть труп убрать. Живым видеть не чаял, белые жестоко расправлялись.

Соседка сначала сказала, что повели в ельник. Потом сбегала, посмотрела и говорит.

– Ошиблась я. В штабе бьют.

Пытали, били, потом привели и на веревке повесили. Вытащили ложку из-за голенища, в зубы воткнули, а в руки дали нож. Командир, капитан Юдин, когда собрался уходить, скомандовал:

– На чучело. Ура!

Бросились, штыками распороли. Говорят:

– Пускай хоронят своего героя, а мы посмотрим, кто будет хоронить, вероятно, тут же висеть будет.

Дали знать отряду, приехал отряд, взял труп и похоронили его на участке Подсопки, верстах в 6.

Я сам снимал брата с петли, как только выехали белые. Только снял я петлю, упал он, кровь забулькала, захрипел. Бабы сбежались, ахают, говорят:

– Живой еще.

– Бросьте вы. Штыками весь вспорот, кровь уже не идет, где тут живому быть.

18 августа ст. ст. повесили брата Ивана.

А раньше того, еще в январе, замучали на участке Ново-Бородинка Николая Абаева. Он у нас здесь жил, отец у него был политический ссыльный. Ни за что, за насмешку убили белые Николая Абаева. Приехала белая разведка и сразу в ограду – крайняя изба у Абаева. Ребятишки на катушке катаются. Абаев вышел на улицу.

– Что это у тебя?

– А разве не видишь, что окоп?

Увезли Абаева, стегали, избили, разрубили голову. Привезли потом жене истерзанное тело хоронить.

Машукова Егора Демидовича жена сгубила. Домик у него был по-деревенски приличный, белые командиры все больше у них и останавливались вместе со своими денщиками. Семья Машукова была большая, самому идти партизанить, – не на кого семью бросить. Сидел дома, да не особенно приятно ему это было. А жена у него с умом слабеньким и не прочь с чужими пошалить.

Вот видят белые, что хозяин ходит пасмурный и взялись за жену:

– Что это у тебя такой хозяин невеселый, аль связь с кем имеет?

Сперва она отказалась, что ни с кем муж связи не держит, а потом к ней один солдат и подговорился.

– Я думаю уйти от белых, нас человек пять собралось. Да вот беда – дороги не знаем, а то бы пулемет унесли к партизанам, кабы кто дорогу указал. Вот приедем в следующий раз и пойдем.

Растаяла баба, поверила.

– Скажу мужу, он в отряд передаст, а отряд вас уж встретит.

Договорились с ним, в каком месте будут переходить, мужа травила. Уехали белые, как и быть должно. Проверяли или нет, а только в следующий раз забрали Егора с собой. Взял его же товарищ по Германскому фронту, уверял, что ничего не будет. А мог бы еще сбежать Егор, когда везли его по чаще, сначала до Хандалы, а потом в Борки. Поверил товарищу, не сбежал, а в Борках его расстреляли вместе с одним борковским крестьянином Ефимом Иннокентьевичем.

Агафью Филипповну Никифорову, мать партизана Ефима Александровича, убитого при Чучанке, забили белые плетьюми, допытываясь, где сын. Ей было лет 60.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 685. Л. 1–12. Машинопись.

Рассказ Андрея Захаровича Плеханова «Семнадцать против полка»

О бое против белых под с. Тополом в июне 1919 года

Было мне лет 17, когда я вступил в отряд Нижегородова, в июне месяце 1919 года. Боевое крещение принял я под Тополом, приблизительно в первых числах июля. Все деревни тогда были заняты белыми, и они себя везде чувствовали как дома. Шел 55 полк из Канска в Тасееву. Приехали они ночью в Топол, переночевали, утром дальше двинуться собираются.

Отряд Нижегородова стоял тогда на участке Веселом, верстах в 15 от Топола. Мы подошли версты на две к деревне и человек пять наших ушли домой ночевать. Когда ночью появились белые, наши перебрались через речку и пришли к нам. Нижегородов Николай, чтобы незаметно выбраться, оделся в женское платье и с ведрами вышел, будто за водою.

Раненько утром вышел наш дозор на наблюдательный пункт, на гору над Тополом. Тишина в деревне, никого не видать, белые даже постов не выставили, решили, что их сила кругом, так и опасаться нечего. Утречком даже крестьяне на поля беспрепятственно выехали, а раньше, бывало, никого не выпускают. Сообщили нам крестьяне, что полна деревня белых, а проезд свободный.

Когда мы увидели, что в деревне на площади начинают собираться подводы, наш отряд перешел на обрыв над дорогой в Колон, по которой должны были идти белые.

День был жаркий, ветряный. Выступали белые из деревни налегке, все на подводы поклади, солдаты в одних рубашках. Впереди ехал крестьянин проводник, по бокам дозоры, дальше конная разведка и наконец, колонками весь полк. Видно, что свободно себя чувствуют белые.

Как только поравнялись они с нашей засадой, мы начали стрелять в середину полка. Поднялась паника. Человек 8 наших кинулись в деревню захватить обоз. Эту задачу они выполняли как нельзя лучше, весь обоз отрезали вместе с каптенармусом. Достались нам шинели всего полка, все обмундирование, провизия, аптечка, словом, все полковое имущество.

Белые бежали на Рождественское, обходя деревни полями. Дозор из 13 человек, шедший возле речки, залег и пролежал все время боя. Отстали от своих, и пришли в Топол. Нам об них сообщил крестьянин, к которому они пришли, прося накормить их и указать дорогу. Послали мы за ними и их к нам привели, мы отправили их в штаб, как пленных. Один остался у нас в отряде.

Другой пришел к нам и тоже у нас остался еще в самом начале боя. Как только обстрел, он принялся в речку к нам. Это был Пелин.

В бою участвовало нас 17 человек, было всего 14 винтовок. А в полку не меньше чем 750.

Кроме этого боя я участвовал в бою под Улюколем и в схватке с чехами в Поповичах. Там мы убили трех чехов и одного захватили в плен. Наш эскадрон работал все больше в тылу у белых. Осенью 1919 г., когда наши стояли в Тополе, а белые в Рождественском, нам было дано задание работать между Рождественским и Канском.

Нам сообщили из Ношиной, что в Поповичи приезжают два милиционера на хороших лошадях. А хорошие кони для кавалерии – дорогая штука. Нижегородов решил этих коней добыть. После разгрома 55 полка наш отряд щеголял в английских шинелях и поехавшие в эту экспедицию нацелили погоны, хотели взять этих милиционеров без шума.

Поехал весь отряд, заехали со стороны Канска. Вперед послали разведку, семь человек. У наших разведчиков погоны на плечах. Заезжают они в Поповичи, а там отряд чехов. Чехи приглашают наших в штаб, хотя еще и не догадываются в чем дело. Видят ребята – можно засесть. Ехал верхом наш эскадронный писарь, а рядом рядовой в тележке с продуктами. Вдруг выскакивает пьяный чех. Наш парень его в тележку и привез в эскадрон. Чех перепугался, плачет. Сказал, что в деревне стоит дивизион и есть два пулемета. А мы слышим: в деревне стрельба, шум крики, а понять ничего не можем. Только после рассказа пленного сообразили, что наши разведчики нарвались. Однако, они выбрались благополучно, убив троих.

Видим мы – ускакали из деревни чехи и уезжают в город. Подождали немного, въехали в деревню, забрали ихних лошадей, по-

добрали убитых и отправили в город с крестьянскими подводами. А пленного чеха захватили с собой и отправили в штаб.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 766. Л. 1–2. Машинопись.

**Неполный протокол заседания фельдшеров
лазарета Шиткинского фронта
15 ноября 1919 года**

Протокол

Порядок дня:

Проект организации санитарного отдела.

Инициативное заседание фельдшеров на заседании своем сего числа, обсудив детально вопрос о проекте организации санитарного отдела, пришло к необходимости создания такого органа, который должен представлять из себя центр управления врачебными делами. Сосредоточивая в себе и представляя из себя аппарат, управляющий санитарной частью, отдел является органом, объединяющим и направляющим работу отдельных лазаретов фронта, имея представителей в военно-революционном штабе.

Заседание фельдшеров, заботясь о создании порядка и улучшения системы в управлении лечебного дела, пришло к заключению, что запросам этого дела отвечает только такой орган, который может поднять на должную высоту врачебное дело и внести в него должный порядок, устраняя на пути все шероховатости и неровности.

Таким органом может быть санитарный отдел. Состав должен быть из трёх лиц: председателя, казначея и секретаря. Общее управление отделом принадлежит штабу.

В область ведения санитарного отдела входит аптека. Отдел ведет отчетность медикаментов аптеки, отпускает медикаменты.

Распределяет медикаменты согласно требованиям и нуждам, дает опись больничному инвентарю.

Хозяйственная часть:

– отдел ведет отчетность денежную, отчетность хозчасти, имущественной части, заботится о продовольствии.

Отдел имеет право:

– утверждать или не утверждать зав. хозчастью.

Лазарет:

– отдел ведет месячные сведения о прибывающих и убывающих больных;

– медперсонал и сестры, отдел ведет назначения и командировки по служебной надобности фельдшеров и сестер, дает отпуска фельдшерам, сестрам и прислуге, назначает на должность вновь прибывших фельдшеров, сестер и врачей, увольняет от службы по желанию сестер, прислугу и фельдшеров. Примечание: производится с ведома штаба. Подыскивает компетентных работников во врачебном деле, устраняет проступки фельдшеров, сестер, прислуги. Примечание: через придание суду военно-революционного трибунала. Открывает новые пункты и околотки. Организует курсы по изучению области медицины.

Правление санитарного отдела избирается на собрании фельдшеров всего фронта и утверждается отрядом фронта.

За присвоение чужого имущества, независимо от стоимости такового, подвергается от 1 месяца до 3 лет общественных работ.

За насильственные женщины и наоборот – от 1 месяца общественных принудительных работ до смертной казни.

За попытку изнасиловать женщину и наоборот – от 5 дней до 1 месяца общественных принудительных работ.

За мародёрство – от 1 месяца принудительных работ до смертной казни.

Кто сожжет или уничтожит какое бы то ни было народное достояние, независимо от стоимости такого с умышленной целью, подвергается от 1 месяца работ до смертной казни.

Кто несет клевету на другое лицо с целью мести или личных счетов, подвергается тому наказанию, какое грозило оклеветанному лицу, если это лицо не было контрреволюционного настроения.

Кто произведет растрату по долгу службы, вверенного ему народного имущества, т. е. хозяйства с целью извлечь себе пользу, подвергается наказанию от 2 месяцев до смертной казни.

Кто не исполнит распоряжение или приказание во время боя, не имея уважительных причин, подвергается наказанию от 1 месяца работ до смертной казни.

Кто не сменит или не снимет пост или караул, не имея на это уважительных причин, подвергается наказанию от 1 месяца работ до смертной казни.

За уклонение от службы посредством симуляции – от строгого выговора до 1 года принудительных работ.

Кто не соблюдает военной тайны и кто умышленно или по неосторожности передаст противнику секретные слова, отзыв или пароль, наказывается от 1 месяца работ до смертной казни.

Кто во время боя оставит раненого товарища или оружие при возможности спасти – от 1 месяца до 3 лет общественных работ.

За самовольную отлучку из части или армии – от 1 месяца до 3 лет принудительных работ.

Кто умышленно приведет в негодность народное имущество или продукты равносильно пункту № 2.

Кто отравит пищу или продукты с целью лишения жизни тех, для кого предназначены, – от 1-го месяца до смертной казни.

Кто распространит ложный слух, поведет панику в рядах армии или упадок духа – от 1-го месяца до 3-х лет общественных принудительных работ.

Примечание: провокаторы и контрреволюционеры – к смертной казни.

Кто во время боя или несения караульной службы злоупотребит оружием или совершит заранее обдуманное убийство, от 1 месяца работ до смертной казни.

Кто не примет мер к отражению противника при возможности это сделать – от 1 месяца до 3 лет общественных работ и удаление навсегда должностного лица от занимаемой им должности.

Кто оставит укрепленную позицию без приказа и ведома должностного лица или органа при возможности держать ее – от 1 года до смертной казни.

Кто посредством бегства наведет панику в рядах нашей части – от 1 месяца до 3 лет общественных принудительных работ.

Кто не отдаст своевременного распоряжения об отражении противника при возможности это сделать – от 1 месяца до 3 лет общественных принудительных работ.

Кто своим халатным отношением к делу без боя отдаст противнику опорный пункт или командующую высоту фронта – от 1 года до смертной казни.

Кто, находясь в прикрытии пулемета или оружия, оставит неприятелю при возможности отразить его до конца боя или...

Кто не займет опорный пункт противника или командующую высоту при возможности сделать это – от 1 месяца до 3 лет общественных принудительных работ.

Кто во время боя или на передовой линии, где противник может сделать поражение, явится инициатором митинга или собрания – от 1 месяца до смертной казни.

Кто не доставит или несвоевременно доставит донесение или распоряжение, отданное по фронту, не имея на это уважительных причин – от 1 месяца до 1 года общественных принудительных работ.

Кто передаст неправильно распоряжение по цепи или исказит его – от 1 месяца до 3 месяцев общественных принудительных работ.

Кто скроет продукт питания, чем искусственно создаст голод в местностях, занимаемых Красной Армией – от 6 месяцев до 5 лет общественных работ.

Кто позволит спекуляцию с предметами первой необходимости – штрафу первый раз до 5 тыс. руб. и найденные предметы конфисковать, второй раз, смотря по имущественному состоянию (штраф заменяется до 3 лет общественных принудительных работ).

За выгонку самогонки и других крепких напитков штраф – первый раз до 5 тыс. руб., второй – до 10 тыс. руб., а третий раз – конфискация всего имущества при [не]состоятельности – общественные работы до 5 лет.

Кто распространит продажу самогонки или других спиртных напитков – согласно пр. № 46.

За пьянство вообще: 1 раз – 3 месяца, 2 раз – от 3 месяцев до 6 месяцев, 3 раз – от 6 месяцев до 1 года.

Кто произведет самовольный обыск или арест – от 1 месяца до 3 месяцев общественных принудительных работ.

Примечание: арест производится с разрешения подлежащих органов или же с представителем местной власти с понятыми или по поступлении заявлений об этом.

Кто уклоняется от наложенного ему наказания по суду или сделает попытку к этому – подвергается увеличению наказания одной степени, т. е. удвоению.

За некорректное обращение органов и должностных лиц к подведомственным им товарищам и наоборот – подвергается от выговора до 3-х месяцев общественных принудительных работ.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 736. Л. 1–6. Машинопись.

Воспоминания Яковлева о борьбе партизан Тасеевского фронта

с. Дзержинское

Сплошная контрреволюция. Дождь поливает без удержу вторые сутки, размывая непросохшую еще дорогу. Всего-то три-четыре денька стояла ясная погода, и эти дни пришлось сидеть без толку в Канске, ожидая возможности выехать на Дзержинское. Из-за дурной погоды автомобили не ходили, а найти лошадей – дело не легкое, особенно если на путевые расходы почти ничего нет. Экономия, экономия и еще раз экономия, если я не хочу вернуться с половины дороги за истощением средства.

Выехать удалось в 7 часов утра, а с 9 уже полил дождь. И с завидным терпением и энергией поливал до вечера, когда уже совсем затемно – добрались до села Курайского. Собрание ячейки комсомола, споры о сдельщине в комсомольских уборочных бригадах, выпуск стенновки, для которой приходится писать статью при бледном свете лампочки с разбитым стеклом. Мертвый сон в течение пяти часов и теперь уже недолгий путь до Дзержинского, в период партизанского движения бывшего еще селом Христово-Рождественским.

Первоначально у меня была догадка, что, вероятно, именно здесь был в ссылке т. Дзержинский, почему село и переименовано в его честь. Но, как потом оказалось, в ссылке т. Дзержинский был в Тасеево, где мне показали дом ссыльного поляка Крогульского, у которого он жил на квартире. Жил очень недолго, только пока шли приготовления к побегу.

Роль Рождественского в период партизанщины – невиданная. Это главный опорный пункт белых, их столица и столица «верно-

подданная». Здесь была организована мировым судьей Терещенко белая дружина из 200 человек, в партизанских отрядах рождественцев не было и только несколько человек держали связь с по[дпольн]ыми ячейками и передавали вести для партизан.

Сегодня праздничный день и в селе базар. На площади несколько возов и в грязи по колено бродят унылые, вымокшие фигуры покупателей. В Рике и в Райкоме – почти пусто, да это и понятно: 13 сентября, а хлеба на полях еще добрая половина. Большинство работников выехали на уборочную.

Пока устраиваюсь на квартире, пью чай и немного отдыхаю, стараюсь восстановить в памяти то, что мне известно о партизанском движении в районе бывшего Северо-Канского фронта.

Не велики мои сведения. Перед отъездом пришлось поговорить с Н. Будой, командовавшим на этом фронте. Но он чертовски скуп на слова и отдался очень скудными сведениями, да пачкой записок к партизанам:

– Там тебе лучше расскажут.

Приходится ждать, пока мне расскажут, а пока просматривать немногие выписки из опубликованных и хранящихся в нашем музее документов.

Вот коротенькая хроника событий, которая мною составлена.

Канск. В ночь с 26 на 27 декабря выступление солдат и рабочих в Канске, обезоружена милиция, занят телеграф. К утру восстание подавлено, расстреляно 28 человек.

Иланская. В ту же ночь, что и в Канске, рабочими обезоружена милиция, организована охрана, разобран путь. К утру восстание подавлено. Расстреляли 6 человек.

Рыбинское. Одновременно с Иланским и Канским восстанием захвачена земская управа, арестована милиция. Власти предполагают, что это выступление связано с выступлением партизан Ст-Баджея, разбивших 20 у Борзоначки карательный отряд.

4 января – первые официальные сведения о волнениях в Тасево.

11 января – отряд штабс-капитана Збераевского занял Христово-Рождественское, у дер. Шеломки встретил сопротивление и отступил.

16 января – Рождественское занято отрядом капитана Мартына.

19 января – Шеломки заняты отрядом капитана Мартына.

24 января – отряд капитана Мартына повел наступление на Тасеево, но вынужден был отступить.

17 февраля было второе наступление на Тасеево, на этот раз отрядом Красильникова и снова неудачно.

18 июня занято белыми Тасеево.

Эта хроника – все мое достояние. Живым содержанием этот ряд мертвых чисел должны наполнить те, кто придёт на мой зов.

Пока осматриваю Дзержинское-Рождественское. Начинаю понимать, почему именно здесь держались белые. Хотя вся местность к северу от Канска слегка гориста, но здесь горы отступили подальше и леса не так уж много. К самому селу на выстрел не так уж легко подобраться. Понастроив здесь блокгаузов, белые могли себя чувствовать почти в безопасности, если не считать того, что партизаны то и дело их тревожили неожиданными и всегда короткими налетами. Подберутся на возможно близкое расстояние и обстреляют посты. В результате – паника, которую только и имели ввиду стрелявшие. Партизаны уезжают, а белые ещё долго палят «в белый свет, как в копеечку».

В дальнейшем пути мне пришлось убедиться в том, что местность ближе к Тасееву гораздо больше пересечена и местами мне напоминала район действий Манских партизан: узкая ленточка дороги, кругом лес, местами в лощинках – форменные мышеловки. Хорошо организованная засада может с трех, а не то и со всех четырех сторон бить на выбор и разгромить вдсятеро сильнейший отряд.

Многое становится понятно мне при ознакомлении с местами, где разыгрывались отдельные акты великой борьбы за освобождение Сибири от колчаковщины. Еще большее стало понятно из знакомства с самими действовавшими силами – с партизанами Северо-Канского фронта.

В общем, партизаны всех сибирских фронтов имеют много общего. Все они великолепно знают местность, все хорошие стрелки и умелые охотники. Поэтому-то они так ловко и умели использовать каждый кустик, каждую лощинку или бугорок. Поэтому они и били наверняка, не тратя даром патронов и целясь больше в офицеров. Даже по официальным документам белых видно, как велик процент офицеров среди убитых и раненых. Правда, офице-

ров и, вообще-то, в белой армии было очень большое количество, но все же, известную долю надо отнести и за счет специального «выбора» партизанских стрелков.

Рождественское (ныне Дзержинское) не стоит одинаково в списке сел, поддержавших белых: с ним успешно конкурировало в этой незавидной славе деревня Хандала или Хандалы, верстах в 10 от Тасеево. Это в Хандалах не хотели дать свежих лошадей партизанам, ехавшим на перехват отступивших белых. Это Хандала не хотела давать сведений партизанам о продвижениях белых отрядов. Это из Хандалов предатель Зайков вел белых в обход партизан во время второго боя под Тасеевой.

И не вина хандальцев и рождественцев, что задуть партизанское движение белым так и не удалось.

Теперь и хандальцы, и рождественцы поняли, куда их вели тогдашние руководители, кулачье и кулацкие подпевалы или выходцы из интеллигенции, разложенные ядом учения соглашательских партий с-р и меньшевиков, а не то, так и просто продажные души. Крестьянская масса слепо шла в поводу этих предателей и открытых классовых врагов, сопротивляясь всем попыткам партизан растолковать им их же собственные интересы.

В каждом селе, в каждой небольшой деревеньке шло в дни партизанского движения расслоение крестьянства, никогда не представлявшего однородной массы, но окончательно осознавшего свои классовые интересы только в процессе обостренной классовой борьбы. И там, где имелось достаточно крепкое ядро сознательного крестьянства, понявшего свое место в расстановке классовых сил для последнего решающего боя, там одолевало революционное настроение, там масса выступала сплоченно на стороне красных, и только одиночки продолжали держать сторону белогвардейщины. Так было в центре партизанского движения, в селе Тасеево, так было в Тополе, в Денисовке, Шеломках, в целом в ряде других повстанческих сел. Из других сел уходили к партизанам одиночки, остальные или держали нейтралитет, или стояли на стороне белых. И были такие, где верх одерживали реакционные группировки, как в Хандалах и Рождественском.

Но везде и всюду, как правило, кулачье и торговцы поддерживали белых. Зажиточное трудовое крестьянство в революцион-

ных селах шло за красными, а часть даже выступала в качестве организаторов восстания.

Здесь надо упомянуть добром старую политическую ссылку, ссылку большевистскую. Это она, ссылка, познакомила крестьянство далеких северных сел с политическими вопросами, научила их разбираться в программах и выбирать то, что приемлемо для честного труженика-крестьянина. Благодаря работе десятков политссылных большевиков, Тасеево в 1917 году сразу после Февральской революции организовало ячейку РСДРП большевистского направления (хотя в Красноярске тогда еще шла борьба течений и большинство организаций держалось центристской точки зрения). Благодаря ссылке большинство крестьян, в районе Северо-Канского фронта, научилось оценивать политические партии и их деятелей не по словам, а по делам их в 1917 году при выборах в Учредительное собрание Тасеевская волость голосовала за списки большевиков.

Особенно надо выделить из среды ссылки с-д, большевистской, работу Федора Васильевича Гусарова, которого Тасеевцы считают одним из самых главных своих учителей. Это он подготовил в большевистском духе целую группу наиболее развитых крестьян, в период подготовки восстания проводивших большую и серьезную работу. Через этих учеников своих Гусаров повел за партией большевиков тысячи трудового крестьянства на решительную работу с белой реакцией за власть советов, за освобождение Сибири.

Белые пятнышки в красном районе были смыты в процессе классовой борьбы, не окончившейся с падением колчаковщины. Еще в том году, когда пришлось мне проезжать по местам былых боев, разыгрывались отдельные акты и сцены из великой драмы социальной революции.

И сейчас, накануне ликвидации классов, не затихает пламя классовой борьбы. Она выливается сейчас в иные формы, называется иными именами, чем 12 лет назад, но смысл и значение остается прежним. И только построением бесклассового общества, с победой революции во всем мире, затихнет классовая борьба, ибо не будет более классов.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 486. Л. 1–4. Рукопись.

**Воспоминания С. Л. Карасева
о боевых действиях партизанского отряда
«Кравченко и Щетинкина»**

Мои воспоминания будут о ружейных и патронных мастерских нашего отряда, так как я работал слесарем в оружейной мастерской. В мае и июне 1918 г. контрреволюция, при помощи чехословаков, свергла соввласть в Сибири, и наступило временное офицерское правительство и спустя месяца три появился глава Омского правительства, адмирал Колчак. Я был красноармейцем и после того, как свергли соввласть, стали сильные расстрелы мадьяр без суда и следствия. После мадьяр взялись за нас. Положение стало невыносимым, как будто кто нас пришиб к земле. Кулаки, спекулянты в то время веселились, пьянствовали с чехами и т. п., как только на престол вступил Колчак, стало еще хуже в 100 раз. В конце 1918 г. стали появляться партизанские отряды.

Отряд Кравченко появился в Степно-Боджейской и Перовской волости Красноярского округа. В апреле 1919 г. заняли целый ряд волостей: Шалинскую, Семеновскую, Толстихинскую, Переяславскую, В-Рыбинскую, Анинскую. Отряд Щетинкина организовался в Нагорновской волости Ачинского округа. У Кравченко центром был Степной-Боджей, где и простоял 8 месяцев, так как окружены были рекой Степно-Боджейская тайга и горы.

У Щетинкина такого центра не было, и он ходил по Енисейской и Томской губернии и в начале апреля 1919 г. перешел тайгу и пришел прямо за Ману. Как он переходил тайгу, это мог описать только М. Горький. Отряд из 700 человек, раненые, медперсонал, ружейная мастерская, снег 2 метра. Когда мы встречали т. Щетинкина и на встречном митинге радовались и плакали. Ненависть к золотопогонникам нас принимала. Меня и сейчас обвиняют в партизанском уклоне, а в 1924 г. секретарь Уярского райкома ВКП(б) Василевский хотел меня исключить из партии за партизанский уклон. Были всякие гонения на партизан, и только в 1928 году начали устраивать партизанские съезды, дух у партизан поднялся, сейчас я вступаю в партию в коллективы. Вся история нашего отряда описана нашими литераторами.

Соединение наших отрядов хорошо отразилось на крестьян. Отряд наш стал около 4 тыс. и поднял настроение бойцов. Как

военный стратегист Щетинкин был лучше Кравченко, у Кравченко был[а] большая агитационная способность. Много было героических командиров полков, рот, рядовых стрелков, пулеметчиков, кавалеристов, которых оценить нельзя. Были и хулиганы, которые мешали нашему делу.

Патроны и винтовки мы отбирали у белых, но этого не хватало, надо было производить самим, вот эту работу и выполнял[и] наши мастерские. После боя собирались пустые гильзы или нами, или крестьянами и передавались нам. Ее прогоняешь в штамп, вставляешь капсюль, насыпаешь черного пороха и закладываешь свинцовую пулю, патрон готов. В начале марта нам пороха и пистон стало не хватать и взять было негде. У нас был химик-мадьяр Шмидт, он начал сам делать порох и пистон, но были мало пригодны: порох был сильнее настоящего пороха, а пистоны давали осечки, то сильнее рвались, так что разрывали боевые личины, выбивали глаза бойцу, но делать нечего, надо стрелять. Благодаря самодельным патронам винтовки приходили в негодность, раздувало стволы, ломались выбрасыватели отсечки, отражатели и т. п. В мастерской мы их приводили в порядок. По белому стану неслись слухи, что в Боджее красные делают пулеметы. Инструменты приносили с собой некоторые крестьянские кустари, а часть конфисковали, где попало. Инструмент слесарный был такой: несколько тисков, ручной сверлильный станок, токарный станок своего производства, клубрики кое-какие. Напильников новых было мало, насекали сами и работали. Какую работу проводили по починке винтовок: если винтовка раздута, отрезали ствол, перепаивали мушку, выбрасыватели, отсечки отражателя, винты хвоста и упора, магазинную коробку со всем подающим механизмом, ударники, пружины и т. п., всего не перечтешь. Были случаи, что делали затвор к пулемету «Кольт».

В начале июня 1919 г. нам пришлось оставить свой степной Боджей и идти куда-то в Монголию, в Минусинский край и Урянхайский. Шли мы несколько недель в тайге, без всяких продуктов, кроме конины без соли. В то время выросла вонючая трава, называемая черемшой, которую мы и ели. Про эту черемшу наш поэт изложил такой куплет в поэме.

«Не пройдешь по лесу с сохою
Не взбуравишь каменистую грудь

Каждый день черемша с черемшою

Да лесная смертельная жуть».

Мастерские в тайге не делали, на каждой остановке привертываешь тисочки к какому-нибудь пню. Инструмент мы взяли только легкий, который можно нести вьючно. Вышли в Минусинский уезд, пошли гулять по деревням и казачьим станицам, столько городским купцам нагнали страху, что собирались бежать куда-то. Взять города нам в это время не удалось, город нами был взят через три месяца. Кочуя по Минусе, мы набрали много хорошего инструмента и пороху, и пистон и т. д. Выдержали несколько боев, и пошли на село Ус, снова 170 верст в тайге, но не вьючно, а на подводах. На Усу нас встретили казаки, но были нами разбиты в доску. Шли в Белоцарск, ныне город Красный. В Белоцарске много взяли черного пороху и 4-линейных винтовок, остановились, начали приводить в порядок свое оружие.

16 июля на нас наступал атаман Бологов, бой продолжался 15 часов, выбили нас из окопов, атаман переплыл реку Енисей и занял Белоцарск. Разразился сильный бой, у атамана было 1200 человек, 14 пулеметов, 2 орудия. С нашей стороны в бою участвовало 700 человек. К вечеру атаман дрогнул, так как он у нас оказался в кольце. Левый и правый фланги обогнули до Енисея, а потом начал отступать, настал вечер, атаман погрузился на лодки и плоты, мы открыли ураганный огонь по отплывшим, 200 человек новобранцев сдались в плен, которые вскоре у нас были первыми бойцами. 800 человек ушло ко дну. Взяли 2 пушки, 14 пулеметов и 1000 винтовок, 500 000 тыс. патронов, 300 лошадей с седлами, у нас же было 40 человек убито и 40 ранено. Атаман ранен, после он подох. Возвращались обратно [в] свои мастерские, установили двигатель, семь токарных станков, точили снаряды и бомбы и т. п., сделали деревянный бомбомет, который бросал бомбу при помощи пружины, так что рукой за два раза не докинешь, колеса под ним были из-под конных граблей. Все эти экземпляры сейчас в музее. В Минусинске мы продержались до 1920 г. пока нас не сменила 27 дивизия советских регулярных войск. В Минусинске к нам много примкнуло крестьян, за последнее время нас было 20000 человек, сколько на нас ни посылал Колчак – как в яму, целыми дивизиями брали в плен генералов, но на жизнь им рассчитывать не приходилось. После соединения с регулярными войска-

ми мы перешли в г. Ачинск, где из нас организовали Енисейскую дивизию и в марте 1920 г. нас расформировали, распустили по домам, а в сентябре мы по созыву наших командиров являлись на сборный пункт добровольцами и уехали на врангельский фронт. В заключение скажу, что при первом требовании нашего правительства мы, партизаны, выступаем на защиту Советского Союза. Так мы и записали в резолюции на районном съезде 11\1-28 г.

Карасев Сидор Логинович.

Адрес: Кузнецкий округ, Прокопьевский рудник, площадка Фрунзе, дом № 10-3. Слесарь на руднике.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 632. Л. 1-2. Машинопись.

**Рассказ партизана Кучеровского отряда
Северо-Канского фронта
Сергеевича Ильи Иннокентьевича «В засаде»**

Краевой комиссии по делам красных партизан

При сем препровождаю маленький рассказ из моего воспоминания в период пребывания меня в отряде красных партизан, какой прошу опубликовать ко дню 15-ой годовщины освобождения Сибири от колчаковщины. Прошу сообщить, будет ли вами принят к опубликованию.

Мой адрес: с. Ингаш того же района Востсибкрая,
Росбанк, Сергеевичу Илья Иннокентьевичу
08.12.39 г. Сергеевич И. И.

К рассказу «В засаде»

Вместо предисловия

С наступлением колчаковской власти в Сибири, трудящиеся сразу почувствовали гнёт буржуазного правительства. Порка плетью, расстрел и виселица стали основными методами понуждения, восстановления порядка и дисциплины. Варварские действия представителей колчаковской власти приняли широкие размеры, произвол и насилие творились на глазах населения и проникали в самые отдалённые и глухие уголки деревень. У командиров колчаковцев заблестали золотые погоны. Всё это вызвало недовольство, трудящиеся поняли, чья это власть. Начались

крестьянские восстания. Вспыхнули восстания в Ачинском и Минусинском уезде, в Канском в с. Тасееве, Конторке, Шиткинский фронт и Кучерове. Восставшие организовались в партизанские отряды, вооружались, чем можно, и оказывали вооруженное сопротивление против колчаковской власти и её военным отрядам, которые пытались подавить восстание.

Наш летучий партизанский отряд Кучеровского фронта был организован из отборных смелых бойцов и имел назначение делать налёты в тыл противника, разрушать железную дорогу с тем, чтобы мешать движению поездов и затруднять передвижение войск и грузов на фронт. В начале его организации отряд состоял из 22 человек, вооруженных несколько лучше, чем другие отряды, хотя для всех оружия не хватало, а в особенности винтовок. Рассказ мой есть описание одного действия отряда в связи с выполнением своих обязанностей.

Партизан Сергеевич И. И.

В засаде

Тихая тёмная ночь. По узкой лесной дорожке пробирался наш летучий партизанский отряд к линии железной дороги для разрушения пути.

Нас везли на подводах, чтобы облегчить путь в 12 км от д. Будникова, где стоял наш отряд, до железной дороги.

Узкая зимняя дорога как змея извивалась по густо насаженному лесу, делая крутые повороты от мест, невозможных к проезду.

Кудрявые ели, сомкнувшись ветвями, высокой темной стеной стоят неподвижно, как бы погрузившись в сон, дополняя темноту и тишину ночи. Только эту ночную тишину изредка нарушал[и] скрип саней, скользнувших о дерево отводин и пофыркиванье лошадей.

Всматриваясь в беззвёздное небо, покрытое снежными облаками, с которых так густо падают снежные пушинки, кажется, как бы сидишь в колодце, и только выше леса виднеется тусклый свет небесного пространства, а вдали темная стена непроглядного леса. Каким приятным кажется лес, его темнота и глушь, как хорошее убежище для партизана, и невольно появляется мысль, как удобно в такой глуши скрадывать и разбить вражеский отряд и укрыться в дебри леса.

По не наезженной дороге лошади идут медленно. Вёзший нас ямщик и два товарища по отряду ехали молча, стало клонить ко сну, падающий снег мокрой струйкой проползал по лицу, несколько ободряя ото сна.

Сегодня нашему отряду предстоит сделать повреждение пути, сделать крушение поезда с целью добычи оружия. Хотя этот поход был у нас не первым, но особенность его заключалась в том, что с нами был отряд Бича (псевдоним) с Шиткинского фронта, которые должны были передать нам свою тактику действий при таких операциях. Хотя и наш отряд состоял из отважных бойцов, готовых на всё. Вдали послышался лай собаки. Мы были вблизи железной дороги. Лошади остановились. Передалась команда спешиться. Ещё раз тов. Бич осведомил о предстоящих задачах, после чего все стали надевать лыжи, кто имел, одевали белые больничные халаты, выворачивали одежду, чтобы принять вид снега, и вскоре, шурша лыжами, пошли параллельно железной дороге к месту, где будем делать засаду. Пробираясь по густой чаще, ветки деревьев царапали лицо, а стряхнутый с ветвей снег попадал за ворот, таял, приводил внезапную дрожь, пока струйка воды, сползая по телу, не приобретала температуру, равную телу.

Тов. Гончаренко, служивший артельным старостой (старый рабочий) на этом участке, который хорошо знал профиль пути, предложил остановиться и приступить к разборке, если здесь беляки попадут под откос, то немногие придут в память, сказал он.

Семь человек взяли инструменты, пошли на путь, а остальные разошлись в оцепление.

Тишина кругом, снег повалил так, что и на близком расстоянии ничего нельзя было рассмотреть. Только на пути чуть виднелись чёрные фигуры. Лёгкий удар ключа об рельсу и скрипы выдёргиваемых костылей подтверждали, что там работают люди.

В окне будки сторожа чуть блистал огонёк и, как бы засыпанный падающим снегом, то исчезнет, то вновь блеснёт. Собака, по-видимому, учуяла наше присутствие невдалеке, стала лаять. Работа продолжалась недолго. Чёрные фигуры исчезли с пути и по условному знаку мы все собрались. Оба пути разобраны. К утру присыплет снежком – не заметят, будут под откосом, а теперь надо ждать прибытия поезда, сказал тов. Гончаренко.

Ввиду частой порчи на этом участке пути, поезда проходили только днём, а поэтому нужно было ждать до полного рассвета.

Некоторые, расположившись на лыжах, лежали и сидели, некоторые уже успели закурить, пряча папиросы в рукав, а некоторые стали бегать на лыжах, чтобы лучше согреться.

В ожидании предстоящего случая в воображении представлялась картина падающего под откос поезда, вагоны, громоздясь друг на друга, с громом катятся под откос, слышны крики и стоны, вылазят из груды люди в шинелях, мы их обстреливаем, предупредив не противиться, и сколько есть сил, каждый набирает оружия и боеприпасов и уносит в лес, туда к своим. И как-то невольно осматриваешь всё: карманы и даже голенища бродней и обдумываешь приспособить для покладки патронов и других боеприпасов.

Но эту приятную мысль сменяет другая картина – как с громом и треском падают под откос вагоны, вдруг всё смолкает, только слышны дикие крики и стоны людей, а на месте происшествия, среди груд и щепов вагонов, опачканных мясом и кровью людей, мы ничего не находим нужного для военных целей, мы уходим в лес, оставив на месте в беспорядке сгрудившиеся вагоны, стонущих людей и вагоны.

А что, если вместо воинского поезда, да попадёт в крушение пассажирский? При такой мысли я невольно спросил у своего товарища. Ну и что же, революция не без жертв, нам не сообщают, какие у них и когда проходят поезда, мы-то тут причём, да и путных людей тут мало едет, пусть гибнут, со злобой ответил он и ещё сильнее укутал голову, корчился, чтобы теплей было.

Близилось к рассвету. Стал чувствоваться холод, пробиралась дрожь. Я встал, надел лыжи и стал бегать, чтобы согреться. Местность вблизи нашего расположения была вся испещрена лыжными следами бежавших от холода товарищей.

Рассветало. Со стороны разъезда Решот послышался шум идущего поезда. Все расположились по местам, приняв боевую готовность. Вскоре был виден дым паровоза. Поезд приближался. На пути появился путевой сторож и, заметив повреждение, стал давать сигналы остановки. Наш предупредительный выстрел не приостановил действий сторожа, сигналы сторожа были замечены. Шедший в разведку бронепоезд, не дойдя до повреждённого пути, остановился, застрочили пулемёты, град пуль сыпался по

обе стороны пути, сшибая с деревьев ветки, осыпался снег с деревьев как бы после урагана. В бой вступать было бесполезно. Сделав несколько выстрелов по броневнику, мы ушли в обратном направлении. Пройдя несколько километров, взошли на путь, разобрали рельсы, срезали 5 телеграфных столбов и порвали про- вода.

По той же узкой зимней дорожке, растянувшись в длинную шеренгу, продрогшие и усталые, мы возвращались в д. Будниковку, где стоял наш отряд. В каждом можно было видеть какое-то уныние, даже винтовка и лыжи не так аккуратно висели за плечами.

Да, сегодня у нас получилось неудачно. Ну, ничего, это не последняя операция. В другой раз всё же добьёмся своего, говорили товарищи, и в каждом была уверенность, что всё же добьёмся желательных результатов.

С. Ингаш того же района Востсибкрая,
Госбанк, Сергеевичу И. И.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 579. Л. 1–6. Рукопись.

Воспоминания И. В. Вирченко об организации и деятельности Шиткинского фронта

После чешско-белобандитского переворота в г. Канске май 1918 г., часть товарищей отступила в направлении с. Талево, где всё время вели борьбу с бело-бандитами, с наступавшими отрядами колчаковцев; после небольшого перерыва, мобилизовав свои силы и оправившись, товарищи тасеевцы с декабря 1918 г. [по] январь 1919 г. стали вновь воевать фронтом, это первый фронт (один из первых), который служил примером упорной большевистской борьбы за власть Советов, за диктатуру пролетариата до конца свержения колчаковщины.

Многие товарищи из городов и центральных пунктов вынуждены были уйти в села и деревни для подготовки населения к свержению бело-бандитской власти колчаковцев, в числе многих пришлось и мне убежать из г. Канска (где я работал вместе с тов. Швандецким В. И. на механическом заводе, после меня ушёл так же и тов. Швандецкий в Шелаево, где он принимал деятельное

участие в организации Шиткинского фронта), случайно встретил представителей Червянского общества «потребителей», которые взяли меня счетоводом в общество «Потребителей» с Червянки.

По дороге в с. Червянку Канского уезда мы заехали в с. Невалку (Мохначи) той же волости, Канского уезда, где председателем был Афанасий Рукосцев, сын местного крупного кулака, скупщика пушнины Емельяна Рукосцева, этих кулаков собралось в волостном правлении человек 10–12, они узнавали новости у уехавших со мною председателей общества «Потребителей», Афанасия Коновалова и писаря с. Червянского Богдановича, я отозвался о перевороте как случайном явлении, что народ разберётся и опять восстановит свою власть, власть Советов. Тут они хотели арестовать меня как большевика, с большим трудом избежал ареста.

Приехав в с. Червянку, я застал там бывших политических ссыльных, вместе с ними мы начали проводить работу среди населения, разъясняя настоящее положение и сущность Октябрьской революции, к нам примкнула часть из местных крестьян: Аверьян Иванович Пустынских и его брат Андрей (Андрей был в отряде и убит казаками в дер. Ганькиной в июне 1919 г.), к нам примкнул приехавший в августе 1918 г. приискатель тов. Махначёв.

В конце августа и начале сентября приехал отряд белых, человек 8, для проведения мобилизации, мы всеми силами агитировали население не идти, многие уходили в тайгу, много возвращалось с дороги, часть новобранцев была арестована и отправлена под конвоем в Канск, часть бежала по дороге, а оставшееся небольшое количество бежало из Канска, жили, скрываясь по селам и в тайге (лесу), недовольство с каждым днём росло.

К этому времени по волостям произошли перевыборы власти, и у нас в Червянке так же был выбран новый председатель волостного правления (вместо волостного Исполкома) и новый волостной писарь вместо Богдановича, местный крестьянин с. Червянки Абакум Брюханов, который с первых же дней проявил своё чрезвычайное усердие по службе, составил списки заподозренных в большевизме – нас в первую очередь, а также и многих крестьян, которые выражали тем или иным образом своё недовольство, и вместе с местными кулаками составлял доносы в г. Канск, а так же арестовал несколько человек, за что был побит, и арестованные ушли в тайгу (впоследствии сам уехал с доносом в Канск, был

перехвачен партизанами и убит как враг-шпион). Его приятель, фельдшер, успел убежать с местными кулаками Лукой и Афанасием Коноваловыми. Тов. Мариинскому как смотрителю барака на волоку (дороге) и мне как счетоводу в особенности было удобно вести работу среди населения всей волости, пользуясь разъездами по делам общества и, как результат работы нашей группы, был собран Волостной съезд, где председателем был избран тов. Махначёв, его заместителем местный крестьянин, секретарём тов. Ковалёв. На этом съезде я изъявил желание идти добровольцем в партизаны, отдал всё, что у меня было, на организацию партизанского движения: 15 пудов пшеницы, лошадь (к этому времени я купил лошадь) и т. д.

Волостной съезд постановил всеми средствами бороться за власть Советов, за диктатуру пролетариата, тут же записалось человек 15 добровольцев, а съезд постановил дать на организацию фронта несколько десятков голов рогатого скота, 100 пудов хлеба, 2 пуда пороха, 2 пуда свинца, пистоны, дробь, патроны, часть обуви и т. п.

В Шиткино мы двинулись большим обозом, нас провожал почти весь Волостной съезд и местные жители.

Волостной съезд дал мне полномочие представителя от Червянской волости.

По всей Сибири и, в частности, в Канском уезде, после чешско-бандитского переворота по всем волостям и селам велась работа среди населения, которое в большинстве своём было недовольно переворотом и не хотело идти восстанавливать власть дворян-капиталистов. Население неохотно шло по мобилизации к Колчаку и не исполняло приказов и распоряжений. Были среди недовольных люди, жаждущие восстановления власти рабочих и крестьян – власти Советов, диктатуры пролетариата, но были жаждущие и учредительного собрания – эсеры, меньшевики, которых после их использования Колчак оттолкнул и выбросил.

Всюду по сёлам группировались недовольные колчаковщиной-белогвардейщиной, эти группировки начались сразу после переворота, так в Шелаевской волости Канского уезда работал тов. Бич (полит. ссыльный), потом схвачен и повешен чехами. Один из первых организаторов, тов. Свенский Вячеслав (полит. ссыльный) один из первых организаторов (убит белыми), тов.

Кепул Анс (жил на участке около Шиткина), тов. Швайдецкий В. И. бежал из Канска в Шелаево, тов. Богданович работал среди населения Шелаевской волости, тов. Бусурманин работал всё время среди населения, тов. Дерюжкин работал на ст. Тайшет и дер. Акульшет, все эти товарищи бывшие политические ссыльные; вместе с ними работало много товарищей из местных жителей, так тов. Криволицкий П. Д., тов. Бычков (с. Акульшет, бывш. член Совета раб. деп.), Кочерин Евдоким (сын богача Н. Заимки), Москвитин Яков, Костя Куприянов Н., Кочергин Фёдор и другие.

Приблизительно к этому времени в Тайшете существовала особая группа меньшевиков эсеров, под руководством Слизкого (полит. ссыльный) председатель, группа носила название «Единство», члены её: Дисков, Степанов, Чайковский, Павлов, Кочергин Иван, его отец Николай, Куприянов и другие, все они за учредилровку, часть из них потом примкнула и работала на Шиткинском фронте.

Эти товарищи вместе с населением проводили большую работу: противостояли мобилизации, подготавливали население к восстанию, организуя бежавших и укрывающихся мобилизованных, и таким образом ведя работу, встретили прибыв. отряд, в с. Шиткино, февраль 1919 г., 40–50 человек под командой поручика, с оружием в руках, отряд потерял 7–9 человек убитыми, в панике бежал в Тайшет, случайно схватил тов. Свенского, неудачно хотевшего пересечь дорогу отступившим белым, был ими казнён.

После этого сражения все товарищи с окружающих сёл съехались в дер. Бузыканово, где и был организован отряд, приняв название «Шиткинского». Место 1-ого боя, февраль 1919 г. Одновременно с белыми, с отрядом Чердина из Тайшета был отправлен другой отряд, из Нижне-Удинска, 6-ая рота в количестве 200 человек. Этот карательный отряд дошёл по р. Чуне в дер. Балтурино, где под руководством фельдшера тов. Зосимович и командира роты тов. Боброва отряд перебил своих офицеров и перешёл на сторону партизан.

К этому времени по реке Чуне в селениях велась работа тов. Прохоровым (полит. ссыльный), тов. Антонов (полит. ссыльный), тов. Брум (полит. ссыльный), тов. Тришкин (местный житель, старший унтер-офицер), тов. Морозов (местный житель, матрос Балтийского флота), тов. Никулин (местный житель, младший

унтер-офицер). Этими товарищами велась большая работа среди населения. Тов. Тришкиным, Морозовым, Никулиным и др. был организован отряд в Баерской волости. К ним присоединилась часть 6-ой роты, и тут в начале марта был организован Баерский фронт. Был выбран штаб в следующем составе: начальник штаба тов. Тришкин, члены: тов. Прохоров, Никулин и Брум. Фронт был разбит на 2 отряда, 1-ым командовал тов. Морозов Иван (матрос), Шипицынский отряд; командир тов. Антонов Ф. (полит. ссыльный). Киевский участок – отряд.

После прибытия перешедшей к партизанам части 6-ой роты, в Шиткино также был организован фронт, всё это сильно подняло настроение среди партизан и населения в целом, после этого был послан представитель Шиткинского фронта к Баерскому фронту для координации наступательных действия на белых. Так был организован Шиткинский фронт, состоящий из отрядов: 1) Шелаевского, командир тов. Бич, 2) Акульшетский, командир тов. Бычков, 3) Конторский, тов. Крилуцкий, 4) Бирюсинский, Москвитин Я., 5) Серафимовский, тов. Борогляд; 6) Кавалерия, командир тов. Кочергин Фёдор, 7) Летучий тыловой отряд, командир тов. Пепул Ян, и Баерский фронт.

Штаб был избран в следующем составе: начальник штаба тов. Кочергин Евдоким (сын богача), члены: тов. Швайдецкий, Бич, Кепул и др. Командующий фронтом тов. Москвитин Костя, зав. хозяйственной частью Кочергин Николай Филимонович, зав. оружейной мастерской Куприянов Н., секретарь штаба тов. Дерюшкин. Потом состав штаба командиров менялся довольно часто в связи с положением на фронте. На фронте и в штабе коммунистов было мало, больше было меньшевиков, эсеров, а так же неопределившихся, с ними всё время велась упорная работа, почти в каждом здании штаба, собрании отрядов, всюду они подсовывали свои направления, взгляды и иногда срывали работу фронта, расстраивали дисциплину. В марте 1919 г., при наступлении белых, было сожжено село Акульшет, так же велись наступления на Бирюсу и конторку, где частично сожжено артиллерийским огнём несколько дворов, жители этих сёл начали эвакуироваться. Готовясь к наступлению на белых на ст. Тайшет к 8 мая, штабом было созвано военное совещание командиров в селе Акульшет 6 мая, где было точно установлено и проверено положение белых на ст.

Тайшет, но командующий нашим Шиткинским фронтом не мог дать точного плана действий наших отрядов благодаря своей недисциплинированности и плохому поведению (пьянство). Он был молод и смел, но с этими качествами далеко не уедешь. Он уверял, что он сумеет всё подготовить и выполнить поставленную перед ним задачу. Многие командиры возражали против такого руководства, говоря, что некоторые отряды не смогут своевременно подойти благодаря разливу и расстоянию и высказали недовольство его плохим руководством, как тов. Бычков, Дерюшкин и др. Но часть командиров и штаба была за наступление, на совещании был и я. Наступление состоялось, но вместо 12–2 часов ночи стали наступать в 5 часов утра, не получив ответа от некоторых отрядов, и в результате большая неудача, отступление с большими потерями, и был убит тов. Бычков, командир, а рядом шедший Костя Москвитин остался жив. Партизаны винили в этом Москвитина К. (наступать начали, когда белые казаки уже стали поить в вагонах лошадей).

Этот случай показывает зазнайство, мальчишескую самоуверенность и отсутствие дисциплины у некоторых командиров, поддерживаемых такой же частью партизан (пьянствующих и т. д.). На Баерском фронте отряды были размещены, один в деревне Шипицино, другой подошёл к станции Алзамай, к самой железной дороге, они разбирали железнодорожный путь, нападали на поезда, вступая в бой с белыми бандитами. Тут же, среди партизан, было много недисциплинированных, некоторые очень безобразничали, и трудно было с ними бороться. Командированный Шиткинским штабом для связи тов. Самолет не понял своей задачи, своих полномочий, кроме того, сам был недисциплинированным (хотя был в царской армии), он также примкнул к худшим (пьянствовал) и хотел быть командиром фронта, вместо помощи он лишь расстраивал ряды партизан, что потом выяснилось на съезде в Шиткино 10 мая 1919 г., почему Баерский штаб и откомандировал его. Представители Баерского фронта ещё в марте месяце 1919 г. поднимали вопрос о созыве общей конференции и создании Совета рабоче-крестьянских депутатов в занятой нашими отрядами местности, что создаст твёрдую народную власть, а отсюда и укрепить тыл фронтов, и вместе с этим ликвидируется самогонение, бороться с которым отрядам трудно.

Были случаи, когда члены комиссии, ездившие по мобилизации и по другим поручениям, сами защищали самогонщиков, пьянствовали и безобразничали, угрожая расстрелом своему товарищу, производящему согласно постановления штаба запрещение самогонения и уничтожение самогонных аппаратов. Такой случай был со мной в дер. Кадарее, где пьяные два члена комиссии, Мутовин Николай и Мутовин Гурьян, хотели меня расстрелять. 13 мая 1919 г. в с. Шиткино состоялся съезд делегатов всего занимаемого нами района, были проработаны правила гражданского самоуправления, а так же окончательно был принят лозунг, под которым фронт выступал на борьбу с бандами Колчака. Огромным большинством был принят лозунг борьбы «За власть Советов!». Здесь окончательно мы побили учредилковцев, эсеров, меньшевиков, всё население занимаемого нами края было за власть Советов, и на съезде осталась небольшая кучка, которая вместе с кулачеством оставалась в стороне (но ещё работала с нами).

В Совет были избраны: Куприянов председатель, Рахманов секретарь, члены Совета: Швайдецкий, Кепул А., Чайковский, Неизвестных, Вирченко, Кочергин Иван, Коротков и др. Так оформилась власть Советов в районе фронта. Районный Совет рабочих и крестьянских депутатов занялся работой в тылу: мобилизация, снабжение армии, а так же населения всем необходимым, открыть школы, наладить помол муки в закрытых мельницах, выделку кож и т. д., следил за своевременным снабжением фронта всем необходимым, чем облегчалась работа как штаба, так и отрядов, давая возможность лучше следить за передвижением белых банд колчаковцев.

В конце мая белые банды сделали наступление на район Шиткинского фронта со всех сторон. На Ангару, к с. Кежме, двигался карательный отряд Рубцова, а с Нижне-Удинска был послан карательный отряд в 250 человек на Карамышево, а также наступали на Баерский фронт чехи с Красильниковым, со станции Тайшет повели наступление на Бирюсу в Конторку, положение становилось тяжёлым.

Для ликвидации банды Рубцова на Ангару был послан отряд человек 150 под командой тов. Москвитина Кости (в это время уже не командир фронта) и Кочергина. Видя, что положение на Шиткинском фронте становится тяжёлым, а в особенности после

того, как белые сожгли Бирюсу, уничтожив почти до основания артиллерийским огнём и повели наступление на с. Н-Займку (Кочергину займку), 25 мая штаб отступил к Шиткино, дав распоряжение баерцам, серафимовцам и другим отрядам идти на соединение к деревне Выдрино на реке Чуне.

В июне месяце 1919 г. я был командирован штабом на Ангару (13 июня 1919 г., № 363 командировка), где оперировали наши отряды Пепула Яна и Смолина, ввиду безобразного действия этих отрядов и наступления отрядов белых Рубцова к ним был командирован отрядом Москвитина и Кочергина. Утром, в 4 часа, я застал эти отряды в с. Паново за Кежмой выше по Ангаре, въезжал в село, меня никто не спросил, кто я, зачем и куда. Было раннее утро, большинство спало, а не спавшие не обращали никакого внимания на мои расспросы, где командиры, то мне показали дом, где я застал беспечно спавшими вповалку всех командиров и часть партизан. Разбудив Москвитина К., Пепула и Кочергина, я заявил протест против такого беспечного отношения к своим обязанностям, меня уверили, что всё спокойно, что Рубцов ушёл, боясь партизан, и его не догнать. Переговорив с командирами и поставив их в известность о тяжёлом положении на нашем главном фронте, я передал пакет со штаба об отзыве отряда Кости Москвитина и Кочергина, оставив для заслона отряд Пепула, уехал обратно, вслед за мной уехал и отряд Москвитина. Через час после отъезда отряда 15–16 июня 1919 г. Рубцов, обойдя тропами по тайге, напал на отряд Пепула, который беспечно сидел по избам в селе Паново, многих убил, сам Пепул с небольшой частью отряда еле ушёл до села Кежмы, но не мог найти лодок, и лишь за Кежмой нашёл две лодки, в которых и уплыл с 15 человеками партизан, оставив на берегу части партизан, опоздавших и не могущих уплыть за неимением лодок, они бросились спасаться в тайгу.

После отступления Шиткинского фронта от линии железной дороги вглубь тайги через горный хребет до деревни Выдриной в начале июня 1919 г., куда были стянуты главные силы нашего фронта, сюда пришли отряды Баерского фронта и с этими отрядами пришли: тов. Страус (жена убитого коммуниста, бывш. железнодорож. машиниста станции Нижне-Удинск), тов. Баженов (казак-разведчик, перешедший к баерцам со своим братом). Один из этих баерских отрядов, отряд тов. Антонова, по рапорту Мо-

сквитина Кости, его отрядом был обезоружен в отсутствие тов. Антонова, потом по протесту отряда тов. Криволуцкого и др. отрядов оружие было возвращено. В селе Выдрино на общем собрании всех отрядов было решено отступить к Тасеевскому фронту, а отряд тов. Антонова отправить на Ангару по эвакуации имущества, ранее конфискованного отрядами Шиткинского фронта в начале июня. Отступив до деревни Берёзовой, решили не отступать до Тасеево – штаб перенести в село Шелаево, сделав перевыборы штаба. Начальник штаба был избран тов. Богданович (Волгин), большевик, секретарём тов. Брюханов (учитель с. Кежма, из местных жителей), члены штаба: Швайдецкий, большевик, Кепул, большевик, тов. Машуков (большевик Тасеевского фронта), Криволуцкий и др. Революционный трибунал Камойликов (с Баерского фронта, бывший псаломщик), тов. Шверёв (местный житель), следственная комиссия тов. Коротков и др. Таким образом, пережив много всевозможных наступлений, а так же и волнений среди партизанских отрядов, здоровое большевистское руководство снова вывело партизанское движение Шиткинского фронта на верный путь организованной борьбы, снова были направлены отряды вверх по Чуне, к Баеру, к Тайшету и на Ангару. Отряд тов. Антонова прибыл в с. Червянку, отправил имущество к штабу в дер. Берёзову, Петропавловское на р. Чуне и сам направился на Ангару 15 июня 1919 г. К этому времени приехали с Ангары из села Богучан тов. Рядовский, Красилов и др. В числе 6 человек они также уехали на Ангару (Красилов и Рядовский оба полит. ссыльные). В с. Дворец, там застали тов. Пепула Яна с отрядом в 15 человек, соединившись, эти отряды решили для поддержания дисциплины в своих рядах, а так же для поднятия авторитета среди населения Ангары, исправить ошибки отрядов Пепула и Москвитина, избрать военно-революционный Совет Приангарского края, такое название получил и вновь сформированный отряд.

Председателем военно-революционного совета был избран тов. Баженов (старший). Члены Совета: тов. Брум, Страус, начальником отряда тов. Антонов, при этом была избрана комиссия для ревизии имущества и средств в отряде Пепула, комиссия избрана согласно указания Шиткинского штаба, комиссия подтвердила растрату денег и имущества, ночью Пепул скрылся.

Приблизительно числа 12–15 июля военно-революционный совет отправил небольшой отряд вверх по Ангаре к с. Кежма для разведки о местоположении белых колчаковских отрядов. К этому времени часть имущества тов. Антоновым из Ангары была направлена Шиткинскому штабу, но так как в Шиткинском штабе был не совсем здоровый взгляд у некоторых товарищей на отряд баерцев, то вслед отряду тов. Антонова был отправлен отряд тов. Бурлова, который в с. Червянке обезоружил 2 партизан отряда Антонова, сопровождавших имущество в штаб Шиткинского фронта, а со своим отрядом уехал на Ангару, где должен был обезоружить отряд Антонова и вернуться в Шиткино.

Прибыв на Ангару, тов. Бурлов увидел, что он попал в нехорошее положение. Он также решил присоединиться к отряду военно-революционного совета Приангарского края. Тов. Антонов уехал в штаб Шиткинского фронта для выяснения и урегулирования всех недоразумений, а тов. Бурлов был избран начальником отряда, и под руководством военно-революционного совета Приангарского края пошёл к Кежме вытеснять белобандитов. Этим был создан заслон нашему Шиткинскому фронту на Ангаре, расстояние около 400 вёрст от Шиткино, организован огромный продовольственный ангарский район с Кежмой во главе, где имелся хороший кожевенный завод, солеваренный завод, а также богатый кооператив, который вёл огромную торговлю, имея влияние далеко за пределами Кежемской волости. Край также богат хлебом и скотом, красной рыбой. К 20 августа 1919 г. работа на Ангаре значительно улучшилась благодаря умелому политическому отношению к населению, всё совершенно изменилось. Совет и отряд пользовались доверием, и отряд стал пополняться людьми пользующихся доверием. На Ангаре выше села Кежмы отряд колчаковцев уничтожил своих офицером под руководством тов. Зверева Д. 19 августа (перед этим отряд уничтожил нашу разведку в количестве 3 человек (тут погиб тов. Мариинский)), перебив офицеров, отряд под командой тов. Зверева Д. поднял в селе Кежме красное знамя, послал с нарочным крестьянином пакет для ведения переговоров (тов. Зверев, бывший красный офицер, был захвачен в плен колчаковцами на Самарском фронте, сидел в Иркутской тюрьме и был освобождён с условием идти уничтожать красных партизан – Колчак формировал такие отряды). После

переговоров отряд тов. Зверева соединился с нами в с. Паново 23 августа 1919 г., был выбран временный Кежемский совет, отряды разделились: один, под командой тов. Зверева Д., ушёл на Илим, другой, под командой тов. Бурлова, ушёл на Братское. Отряды продвигались очень успешно, к ним присоединились другие отряды и одиночки, на своём пути продвигаясь, ликвидировали банды колчаковцев, всё время имели тесную связь со штабом Шиткинского фронта, и этот участок нашего фронта стал лучшим участком. В Кежме для восстановления власти Советов был созван съезд, который избрал Исполнительный комитет, председателем был избран тов. Сулеников (рабочий из золотых приисков), заместителем тов. Привалихин (крестьянин села Паново), секретарём тов. Вирченко И. В. (полит. ссыльный, член районного Совета рабочих и крестьянских депутатов Шиткинского фронта).

Население Приангарского края при виде изменившегося положения в огромном большинстве поддерживало всеми средствами фронты, шли добровольцами, давали скот, лошадей, фураж, деньги, одежду, обувь. Все единодушно желали воевать до изгнания последнего белогвардейца и уничтожения ненавистных порядков белых. На Шиткинском фронте всё изменилось до неузнаваемости, казалось, что со времени переизбрания штаба с июля месяца 1919 г. все товарищи переродились, стали другими, подтянулись, твёрже стала дисциплина. С назначением товарища Машукова командиром отряда он поддерживает тов. Криволуцкого и вместе налаживают порядок и дисциплину в отрядах, помогая штабу налаживать порядок и в других отрядах. Руководство штаба становится на надлежащие рельсы и недисциплинированных, дезорганизующих работу фронта, по постановлению отрядов, второго отряда 13 октября 1919 г. и первого отряда от 14 октября 1919 г., командующие отрядами Шиткинского фронта тов. Критинина и его помощника тов. Москвитина К. за пьянство, отсутствие руководства, инициативы и т. п. безобразия, постановили: удалить с занимаемых постов и предать суду, это говорит за действительно здоровые отношения к делу революции, и в действительности, дело изменилось до неузнаваемости; отпор Румынским отрядам в сентябре, а также сооружение заграждения около с. Шиткино, бои с румынскими отрядами в ноябре около Шиткино, что благодаря умелому руководству красных партизан привел[и] к большим

потерям румынами, наводили панику не только на румын, но и на чехов, которые двигались с Нижне-Удинска по р. Чуне через с. Неванку к Шиткино для ликвидации Шиткинского фронта. Но, несмотря на большую численность сосредоточенных войск белых в с. Шиткино, конец ноября 1919 г., всё же не решились наступать благодаря панике, наведённой смелостью наших отрядов и потерям белых с одной стороны, а с другой, благодаря недоверию отрядов чехов к румынам и командного состава к солдатам. В январе месяце 1920 г. Колчак, теснимый Красной Армией, бежал без оглядки на восток, был арестован в Нижне-Удинске, откуда препровождён в Иркутск, где и был расстрелян. Части колчаковской армии с оружием и без оружия бежали по всем дорогам, нами было задержано много отрядов белых, двигавшихся по Енисею на Ангару, где отбирали у них оружие и направляли командный состав в г. Канск, а рядовых по месту их жительства, один из этих отрядов состоял из духовных, т. е. попов, дьяков и т. п. И вот эти обезоруженные звери, грабившие и убивавшие мирных жителей сёл, не хотели на остановках подать один другому воды напиться и лишь тут, будучи больными (много было тифозных), один другого, упрекая, говорили: «А ведь вы священник и не хотите помочь своему брату». На что другой отвечал «Ты тоже священник, служитель, а пошёл грабить и убивать, так и терпи молча», и таких разговоров было очень много, один про другого рассказывали ужасные вещи.

Соединившись с первыми частями Красной Армии, 1-ая бригада 30-ой Стрелковой дивизии, мы, согласно постановления совещания членов Армейского Совета Шиткинского фронта от 27 января 1920 г., приступили к ликвидации всего фронта, собравшаяся конференция районного Совета Шиткинского фронта, на основе постановления совещания членов Армейского Совета фронта, постановила избрать соответствующие комиссии по ликвидации, и к 1 марта всё имущество и учреждения были ликвидированы и переданы соответствующим установленным Военно-революционным органам.

Я в половине марта 1920 г. заболел и был направлен в распоряжение Полтавского губернского Ревкома.

Это мои коротенькие воспоминания об организации Шиткинского фронта, подготовка к организации и работе как на фронте,

так и в тылу, всё написано по памяти недостаточно освещает отдельные моменты, к тому же нет и соответствующих документов, мне кажется, что на местах можно ещё достать кое-какой материал по сёлам и волостным исполкомам или районным исполкомам, а также, возможно, и у отдельных товарищей.

Член ВКП(б), билет № 1669873, бывший член общества «Политкаторжан», бил. № 1486, Красный партизан, бил. № 32015 Верченко.

10.12.1936 г. г. Днепропетровск, Октябрьский пер., № 6, кв. 33.
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 622. Л. 1–26. Машинопись.

Воспоминание Л. А. Ядвинского о наступлении чешских войск на ст. Ключвенную и связи коммунистического отряда с Буловым

Революционные воспоминания 1918–1922 года

В 1918 году, во время наступления чехословаков на Сибирскую магистраль, мне пришлось быть на Ключвенском фронте в команде наших разведчиков. Часть нашего отряда (коммунистическая) стояла в селе Рыбинске Канского уезда.

Во время наступления белогвардейских отрядов под командой полковника Ушакова на Ключвенную – наша связь со стоящими в ней коммунистическими отрядами была прервана. Не имея возможности связаться с близ стоящими частями и будучи бессильными – нам пришлось отступить к Красноярску, который был ещё за нами.

Во время наступления чехословаков в нашем отряде царил паника. Большинство красногвардейцев разбежалось. Из отряда в 300 человек в Красноярск прибыло только 50. Все попытки командующего фронтом тов. Кузнецова подавить панику не увенчались успехом. Тов. Кузнецов во время отступления на пароходах, не желая сдаваться – бросился в тундру.

Красноярск мы застали на военном положении. Часть ответственных работников (в то время комиссары) во главе с председателем совета Венбаум отступила на пароходах в Енисейск, захватив с собой золотой запас из банка. Меньшевики и эсеры стали открыто выступать среди рабочих, главным образом в железно-

дорожных мастерских. На рабочих эта агитация подействовала, и они перешли в открытое возмущение. Для урегулирования последнего на одном из собраний в мастерские был послан Советом тов. Марковский (расстрелян в Красноярске). Во время его речи среди рабочих началась паника и стрельба; одним из выстрелов тов. Марковский был легко ранен, но ему в суматохе удалось скрыться. На улицах Красноярска начались уже бои с белогвардейцами. Ввиду наступления белых со всех сторон наше положение становилось безвыходным, и нам пришлось эвакуироваться на пароходах в сторону Енисейска. До Енисейска добрались благополучно, и пароходы направились в Туруханский край. В Енисейске было предложено: товарищи, желающие спастись от белых самостоятельно, могли уйти с парохода.

Не доехав до Туруханска, пароходы были захвачены карательной экспедицией, выехавшей из Красноярска в погоню. В числе пленных были Шнейдер, Померанцева, Венбаум и ряд других товарищей. Я с одним товарищем, наборщиком, слез ещё в Енисейске, запасся явками в Красноярск, где мы стали организовывать подпольную типографию, получив от рабочих печатников, с которыми я работал раньше, шрифт, гранки, валик и разный материал. Типография находилась в квартире Москалёва Павлика. Через некоторое время было выпущено воззвание от имени Красноярского Исполкома, объясняющего отступление и захват золотого запаса. Эти воззвания были расклеены по всему городу и распространялись широко среди рабочих.

В конце 18 года я выехал в Иркутск, так как стал известен колчаковским шпикам. Здесь я связался с некоторыми членами подпольной организации. Установив связь в отряде особого назначения Яковлева, с егерскими частями, я давал разную информацию.

У подпольных работников настроение было бодрое, чувствовалась вера в скорую победу над реакцией. На смерть смотрели открытыми глазами, никто её не боялся. Во время самого сильного разгара реакции организации удалось провести две конференции. Одна была городская, на которой были представители ячеек города – вторая была вызвана провалом Сибирских организаций в Омске, Чите и др. На второй конференции был поставлен вопрос об организации сибирского центра в Иркутске (на второй конференции был тов. Ширямов).

Контрразведка Колчака свирепствовала всюду. Был момент, когда грозил провал всей организации. Один из членов организации, оказавшийся провокатором, выдал местонахождение Комитета и штаба, но, узнав об этом, штаб и Комитет перешёл на новую квартиру, предварительно уничтожив предателя. Комитет и штаб находились в рабочих районах (Знаменское и Рабочая), предстояли военные действия (Декабрьские события). Был заключен блок с социалистическими партиями для единства действий, который впоследствии вылился в Центр-пул (Политический центр). Захватив власть, чехословацкие части старались создать инцидент с нашими частями. Разъезжая на броневиках, они обстреливали наши части под предлогом, что те стреляют в них.

Наконец, арестован Колчак, работает наша контрразведка, захватившая помещение разведки Колчака со всеми документами.

Белогвардейцы делали попытки освободить Колчака и Пепеляева под видом вызова их в ЧК для допроса, предъявив поддельные документы из Ревкома.

Таких попыток было две, но обе не удались, благодаря преданным товарищам, охранявшим тюрьму. Надвигались с запада отряды Каппеля; монархические организации работали, разбрасывая портреты Колчака с целыми цитатами из Апокалипсиса. Работая в контрразведке, мне было видно, какая тяжесть свалилась на плечи немногих старых подпольных работников. Характерно, что не имея опыта, руководящих указаний центра и даже иногда начальников, все работали как один, руководясь своим пролетарским инстинктом и желанием вырвать врагов рабочего класса с корнем.

4 марта 1920 г., после входа в г. Иркутск 30-ой дивизии, я был назначен комитетом Р.К.П. для работы в особом отделе 1-ой Иркутской дивизии. На ст. Петровский завод мне пришлось познакомиться с рабочими. Тут же мною был арестован инженер (фамилию не помню), который информировал штаб Семёнова о движении наших войск; характерно, что он, не считаясь с тем, что наши войска находились на заводе, действовал смело, но он поплатился за это.

Особый отдел 1-ой дивизии поручил мне пройти Семёновский фронт с тем, чтобы узнать расположение войск и настроение ра-

бочих, и для связи с отрядом Бурлова, находящимся в то время в селе Беклемешево.

Для безопасного проезда через фронт я устроился в чехословацком вагоне в качестве истопника. По приезде в Могзон я заметил, что у меня замёрзло отопление (истопником я никогда не был). Я отправился в депо, чтобы наладить отопление. Здесь я встретил того товарища, к которому у меня была явка. Ночью я покинул вагон и отправился к этому товарищу. Получив нужные мне от него сведения, я с одним товарищем (эсер, работающий в кооперативе) отправился на лошадях в Сохондо. В это время в Могзоне царила вакханалия: Семёновские и японские войска самочинствовали: они врываются в депо, вызывают по спискам рабочих и увозили неизвестно куда на своих броневиках. Здесь существовала подпольная организация, сочувствующая коммунистам. Состав этой организации: рабочие и кооператоры. В Могзоне я получил сведения, что между Могзоном и Сахондо в одной из жел. будок находится сторож, сочувствующий большевикам. Я разыскал его и получил все нужные мне сведения: расположение войск и планы. Он мне передал, что японцы хотят напасть на отряд Бурлова, стоящий в селе Беклемешево. Получив нужные мне сведения, я отправился к месту своего назначения. Не доезжая 15 вёрст до штаба Бурлова, мы были захвачены сторожевым охранением войск Бурлова. На все наши попытки доказать, кто я, мне отвечали недоверием и грозили расстрелом. И, находясь под угрозой смерти, мне пришлось показать свои явки в отряд Бурлова. Здесь я приступил к своей работе: сообщил Бурлову о расположении японских и семёновских частей и о предстоящем нападении японцев.

Ввиду слабого сторожевого охранения японцам удалось врасплох напасть на село Беклемешево. В отряде получилась паника, было много жертв. Через некоторое время отряд Бурлова был расформирован (в отряде было три полка имени Ленина, Зиновьева и Троцкого).

Остатки его частей влились в 1-ую Иркутскую дивизию. Отношение жителей окружающих селений к большевикам было сочувствующее; и мы имели всё время от них материальную поддержку. На Восточном фронте нам пришлось переносить много лишений, мы по неделям не имели куска хлеба, питаемся падалью. Главным

образом туго пришлось во время отступления. Мы отступали по колено в грязи, оставляя на своём пути оружие и военное снаряжение. Эти лишения переносились без ропота, сознательно, ибо мы знали, что если умрём, то за великое рабочее дело.

С востока я был переброшен на южный фронт, где работал в Особом отделе, вплоть до марта 1921 года. По приезде в Иркутск я перешёл на партийную работу. 1921–1922 года я работал в Верхоленском и Тулуновском уездах. Работая в этих двух уездах, я заключил, что работа в крестьянских ячейках не могла быть поставлена на должную высоту благодаря политической неграмотности и малосознательности членов ячеек, во-первых, а во-вторых, – они являются мелкособственниками, и создались эти ячейки стихийно. Для примера можно указать Верхоленский Агитационный отряд, [который] проезжая, организовывал ячейки, причём на организационных собраниях крестьянам, вступившим в ячейку, обещалось: выдача мануфактуры и различный инвентарь, который будто бы будет отбираться у кулаков и делиться между беднейшим населением. Движение банд в Верхоленском уезде с лозунгами: «Советы без коммунистов» <...> ячейки. Материальное положение ответственных работников в Верхоленске было критическое, но, несмотря на это, в период 1921 г. партийная работа была налажена, хотя не в полной мере, но удовлетворительно.

В Тулуновском уезде работа тоже хромала: были случаи, когда ячейки целого района отказывались явиться по требованию ЧОН на всеобщ. Члены ячеек, не зная задач партии и обязанностей коммуниста, предавались пьянству, что мешало вести плодотворную работу и подрывало авторитет ячеек в глазах беспартийной массы. Благодаря недостатку работников и всему вышеизложенному директивы центра, в большинстве случаев, не проводились в жизнь. Чистка партии очистила наши ряды от негодного элемента.

Впоследствии уполномоченный закончил эту чистку, в особенности в крестьянских ячейках. Пример – Тулуновский уезд, где выходили из организации РКП. целые ячейки. В период хлебной развёрстки и различных недостатков в предметах первой необходимости отношение крестьян к Советской власти было враждебно.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 679. Л. 1–5. Машинопись.

**Выдержки из заявления бывшего члена Реввоенсовета
и заместителя командующего партизанским отрядом
Шиткинского фронта
Прокопия Дмитриевича Криволицкого**

Борьба Шиткинских партизан с колчаковщиной приобретает особенное значение, потому что она имела свои специфические особенности и отличалась своим содержанием от ряда других партизанских фронтов в Сибири тем, что в борьбе партизанских отрядов Шиткинского фронта главной задачей была поставлена необходимость систематического разрушения железнодорожного транспорта в тылу Колчаковщины. Достаточно привести несколько из сводок колчаковского командования, чтобы судить, к чему сводилась роль и значение борьбы Шиткинских партизан. Так, например, «Сегодня на рассвете красные напали на разъезды Суети-ха и Венгерка, обезоружили и сняли постовой караул 18 человек и увели. Чехи еще не прибыли. Положение угрожающее. Тайшет помочь не может, нет сил, а подкрепление не прибывает /телеграмма за подписью генерал-майора Афанасьева от 18 марта 1919 года/. Положение полотна катастрофическое, путь без охраны, ежедневно крушения, разбор пути, порча мостов и телеграфа. То, что восстанавливается упорным дневным трудом, разрушается красными»... /из телеграммы дорожной роты 15 мая 1919 г./. Таковы данные из стана классового врага и, конечно, они далеко не полны, но в достаточной степени характеризуют особенность борьбы партизанских отрядов Шиткинского фронта. Как писал в своей телеграмме в Омск военному министру генерал Рязанов. «В районе Тайшета отряд полковника Красильникова 18 апреля вторично атаковал село Бирюсу, бой продолжался 12 часов. Красные, укрытые хорошо маскированными окопами, оборонялись с крайним упорством, развивая сильный огонь, лыжники красных обходили фланги отряда, в одном случае выскочили на дорогу между главной заставой и ротой и открыли сильный огонь в обе стороны, но были рассеяны штыками, оставив на месте 12 убитых. Наши потери: 9 убитых, 28 раненых. Потери красных насчитываются до 40 убитых[x]. Чешская батарея и броневик обстреливали деревню Бирюсу удушливыми газами». Однако ни яростные атаки классового врага, располагавшего и численным превосходством сил, ни

удушливые газы, ни самые утонченные формы и методы борьбы белогвардейцев, ни энергичное вмешательство союзных войск не смогли сломить железную волю добровольческих партизанских отрядов Шиткинского фронта. Однако несмотря на такое богатое содержание борьбы Шиткинских партизан, эта борьба после свержения Колчаковщины не нашла своего выражения не только в поощрениях активных участников борьбы Шиткинского фронта, она благодаря своей специфичности и особенностям не нашла даже своего выражения на страницах нашей Советской прессы. Учитывая крайне недостаточное внимание со стороны местных органов власти и зачастую ряд искривлений классовой линии по отношению к семьям погибших партизан Шиткинского фронта, дать на месте строжайшие директивы о необходимости создания для этих семей соответствующей обстановки, обеспечивающей материальную, культурную, правовую поддержку во всех областях народнополитической жизни со стороны всех местных организаций, обращая внимания на оказание помощи вообще семьям партизан, и особенно следует обратить внимание на семьи героически погибших в боях участников подпольной работы по организации вооруженного восстания Шиткинского фронта. Тов. Бича Ивана, Свенского С. П., Москвитина Я. М., братьев Бурловых. Нижепоименованных и охарактеризованных мной товарищей, сохранившихся в живых, как наиболее заслуженных, активных участников борьбы с Колчаковщиной представить к наградам, а именно: Силин Трифон, из крестьян бедняков участка Шигашет Шиткинского района Восточно-Сибирского края принимал активное участие в подпольной работе по организации вооруженного восстания Шиткинского фронта. 28 февраля 1919 года тов. Силин, заведомо зная, что белогвардейская банда, вооруженная до зубов, двигается под командой поручика Чередины в село Шиткино в числе 100 чел. Он взял на себя инициативу и руководство над членами подпольной группы в селе Шиткино и устроил засаду прямо в деревне из 11 человек, вооруженных наполовину берданами. И с этими 11 товарищами дал бой двигавшейся банде, причинив ей значительные потери, обратив их в паническое бегство. Этот бой является не только первым боевым крещением Шиткинских партизан, но он является исторически величайшим и разительным примером для дальнейшего и успеш-

ного развертывания революционной борьбы Шиткинских партизан против Колчаковщины. Сначала и до конца борьбы Шиткинских партизан тов. Силин не выходил из строя и занимал ряд командных должностей. Всегда отличаясь своей выдержанностью и самоотверженностью. Тов. Силин беспартийный в данное время работает Шиткинским инструктором райисполкома. Тов. Силина, как неустрашимого, выносливого и безраздельно преданного делу революционной борьбы за власть советов, необходимо представить к ордену красного знамени. Кочергин Евдоким Григорьевич из жителей Шиткинского района Восточно-Сибирского края вместе с отцом в деревне имел до партизанщины крупное капиталистическое хозяйство, тем не менее он принимал участие как в подпольной работе по организации им вооруженного восстания, так и в самой вооруженной борьбе Шиткинских партизан. Как только вспыхнуло вооруженное восстание, тов. Кочергин в первую очередь раскулачил своего отца. Большую часть его имущества передал тогда в пользу военно-революционной организации...

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 367. Л. 3–5. Рукопись.

Учетная карточка на члена ВКП(б) образца 1935 г.

Кривоуцкий Прокопий Дмитриевич родился в 1893 г. Партийный стаж с 1917 г. Отец был замучен белогвардейцами и умер в 1920 г. Есть 2 брата. Жена Кривоуцкого член партии с 1920 г.

Участие в боях во время Гражданской войны: неоднократно в качестве начальника партизанского отряда.

Работа:

По решению парторганизации не единожды перемещался на различные работы. В 1922 г. из Нижнеудинска был откомандирован в Канский Уком. В 1927 г. [в] феврале Канским Укомом переброшен из Шиткино в Устьянск – председателем Райисполкома. В феврале 1928 г. из Устьянска отозван в распоряжение Западно-Сибирского крайкома. Откуда был откомандирован в г. Тулун на советскую работу. В октябре 1928 г. снова отозван в распоряжение Западно-Сибирского крайкома и направлен на советскую работу в Хакасскую область. В сентябре 1930 г. из Хакасии был откомандирован в Восточную Сибирь на управление парторганизации,

работал в КрайКК, позже редактором крайкома радиовещания. В октябре 1932 г. был мобилизован в золотую промышленность и работал начальником АХУ Объединения Востокзолото. Ушел в связи с болезнью в 1934 г. В мае 1935 г. Иркутским Горкомом был направлен на работу директором Пивоваренного завода, в октябре 1935 г. освобожден от должности, после ушел на пенсию

ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 11. Д. 1031. Л. 9. Рукопись.

Рассказ неизвестного автора «По следам отступления партизан»

Пять суток подряд шли дожди, дорога превратилась, в какую то невообразимую кашу. Сегодня дождь пробрызгивал легонько с самого раннего утра, теперь, кажется, собираясь разведрить.

Впереди меня шагком едет мой проводник, бывший партизан разведчик Михаил Илларионович Дюков. Сейчас он должен работать уполномоченным Раймясо – только что получил путевку туда, но прежде, чем встать на новую работу, вызвался охранником проводить меня на Усть-Кайтым и Кайтым. Чуть не целую ночь пробегал он по бригадам коммуны, разыскивая приученных к тайге коней – на всяком коне в тайгу не поедешь. Зато под нами теперь настоящие таежники, которым не диво пробираться по чуть заметным тропочкам, переходить по живым мостикам через поющие ручьи.

Хорошо переходит приученный конь по таким мостикам из трех четырех жердинок в руку толщиной. Сначала поставит ногу и попробует – держит ли, а потом и вторую ногу поднимать станет.

Править не надо – конь сам лучше ездока выбирает, куда ему отвернуть и где удобно перебраться через колодину на дороге, как обойти болотце.

Впервые в жизни мне пришлось взбираться в седло, но большого неудобства я не испытывал, очень уж хорошее седло дал мне Дюков – это седло капитана Сошина, боевая добыча Дюкова. Удобно в нем, не хуже чем на любом учрежденском стуле. Только поворачиваться надо осторожнее.

Верст семь-восемь от Тасеевой и мы в Боерашном. Мой проводник поворачивает круто влево – здесь выходит на обычную дорогу в Кайтым партизанская дорога, вновь предложенная при отступлении тропа от Култука к Боерашному.

Хорошо бы проехать по всему пути отступления партизан, но нет для этого времени. И приходится ограничиться тем, что от Боерашного выехать на след тропы.

Ее еще [можно] видеть, эту проложенную в глухой тайге тропу. Видеть настолько ясно, что даже я с моим[и] городскими глазами отличаю ее от обычного леса. И все же никакой дороги тут нет. Есть след, ясный след прохода, когда-то давно, большого количества подвод, конных и пеших людей.

Спрыгиваю с лошади и налаживаю свой фотоаппарат. Денек серый, но авось удастся заснять. Прошу проводника встать с лошадьми на дороге и дважды щелкаю затвором: надо брать страховку еще и от браковки пластинок.

Возвращаемся к Боерашному, и здесь я снова делаю съемку – самой местности и того места, где стояла штабная землянка – осталась только яма, самой землянки нет и следа.

Невольно возникает тревога – а что, если и на Оне уже не осталось следа землянок? Но Дюков успокаивает меня: на Оне почти нет людей, некому разрушать сделанную 12 лет назад стройку.

Первая наша остановка в Жевлатом. Небольшая, разбросанная деревушка, в которой Дюков разыскивает своих знакомцев. У него, кроме заботы о ночлеге, есть еще и другая, о которой он сообщил мне в пути.

– Собачку бы нам с собой взять, она бы нам глухаря облаяла.

И пока мы пьем чай и закусываем, Дюков таки высватал себе собачку у одного из местных крестьян. Выезжая утром из Жевлатого, он ведет на веревке молодую собачку. Собачонка упирается, несколько раз ложится, и тогда приходится останавливаться. Но через пяток вёрст собака начинает держаться свободнее, и Дюков ее спускает с привязи. А немного спустя она начинает лаять белку.

Белка еще не выходная, бить ее нет никакого интереса, но надо удовлетворить собаку, иначе она перестанет интересоваться дичью. И Дюков подбегает с ружьем почти к самой сосне, на которой сидит белка, заслушавшись собачьего лая и не обращая на

нас никакого внимания. Я вижу ее хорошо, как она сидит, закинув хвост на спину и слегка склонив голову.

Дюков дал собаке понюхать убитую белку и даже лизнуть капельку крови. Но толку из этого так и не получилась. Собака на глухаря была не приучена, лаяла только на белок. И в результате так никакой дичи, за исключением двух рябчиков и убитой для собачьего «интереса» белки, мы не имели за весь наш поход. А глухарей было до чёртиков – несколько раз они нас прямо таки пугали, взлетая буквально над головой.

Лошади идут размеренным шагом. Мы то взбираемся на гору, то спускаемся. Вокруг смешанный лес, настоящая глухая тайга, потом начинается бор с огромными красноствольными соснами.

Еще один крутой спуск – это уже к Кайтыму. И после того, как удается без приключений перебраться по бурелому, мы выезжаем к зимовью в устье Кайтыма. Но останавливаться нам надо не здесь, а немного дальше на берегу Оны, против партизанских стоянок. Там тоже есть охотничьи зимовья.

День, обещанный быть погожим с утра, разгулялся на славу. И когда мы выбираемся на берег Оны, я не могу удержаться от невольного возгласа восхищения.

Так вот какова она, таежная красавица! Быстрая, полноводная, отражая темный, ровный и чистый бор правого берега, лежит передо мной Она. Чуть играет рябь по воде, отражающей небо и легкие облачка.

Зимовье состоит из небольшой избушки и ближе к речке стоящей конюшни для лошадей. В избушке нары и растрескавшаяся дымящая печь.

Едва соскочив с лошади, хватаю аппарат. Такого чудного освещения еще дождешься ли завтра, а здесь так много объектов для съемки. Я бегу по берегу к самому устью Кайтыма и снимаю его, снимаю правый берег Оны, стараясь добиться того, чтобы вышли темные устья землянок, стоящих поближе к воде. Снимаю Ону вверх и вниз по течению.

Товарищ Дюков варит в котелке подстреленного дорогой рябчика. Наскоро закусуваем, пьем чай и начинаем устраивать[ся] на ночлег – уже темнеет.

Но мне не терпится узнать, что получается из моих снимков – со мной складной фонарик, кюветки, химикалии во флакончиках и лампочка копилка.

Вымыв котелок в холодной воде Оны, еле дождавшись, когда прогорит и погаснет немилосердно дымящая печка, приступаю к проявлению.

Полюбопытствовав, как проявляются первые два-три снимка, т. Дюков засыпает. А я проявляю все, что удалось заснять, и радуюсь – снимки хорошие. Кроме партизанской тропы и Боерашного мной засняты в пути еще и землянки партизан на полпути от Жевлатого до Усть-Кайтыма. Здесь после выхода из тайги был устроен партизанами скотный двор.

Утро встает великолепное, т. Дюков рассматривает мои негативы и, кажется, очень доволен результатами. Меня немного сердит то, что плохо вышел ночной снимок с Оны: поставив аппарат, я оставила его открытым, пока проявляла четыре пластинки и промывала их потом в Оне: больше четырех нельзя было пустить в котелок сразу после фиксажа. Недодержала снимок, и вышел он бледным.

После чаю идем разыскивать лодку, где-то здесь, неподалеку от зимовья, должны быть спрятанными две лодки.

Мое участие в поисках бесполезно, я могу только помочь спустить лодку к берегу. А лодка оказывается претяжёлая, даже маленькая.

Ох, и быстрая же речонка Она! Несет, как шальная. Точно и впрямь ждет ее впереди какое-то неотложное, срочное дело. Нас отчаянно сносит, но т. Дюков налегает изо всех сил на весло, и мы пристаем в точно намеченном месте, напротив нашего зимовья.

Много землянок на берегу Оны, есть несколько штук и на левом ее берегу, там, где наше зимовье, но те уже совсем разрушены. А здесь целый городок, и вдобавок хорошо сохранившийся. Есть землянки в половине крутого берега Оны, но больше всего наверху, среди чистого соснового бора.

В двух землянках видны вырытые в стенах отверстия – это печи. Кое-где сохранились нары из наполовину сгнивших досок.

Великолепно сохранился амбар для хлеба, выстроенный без дверей – хлеб должны были засыпать сверху.

Дольше, чем где-либо, задержались у избушки, в которой была лаборатория – здесь изготовляли пистоны, набивали патроны, чинили оружие. Еще не совсем развалился небольшой горн, цел верстак, лежит пень, к которому прикреплялись тиски.

«Лабораторию» снимаю внутри и снаружи.

Оставив меня возиться с аппаратом, т. Дюков уходил в лес искать рябка. Через некоторое время я слышу выстрел – есть! Тов. Дюков хороший стрелок.

Под ногами ковром разостлалась брусника, отливают глянец темные, спелые ягоды. Эх, вот бы куда организовать артель для заготовки ягод! Но мне надо на берег – хочется снять устье Кайтыма с крутого берега. Отсюда, как на ладони, узкая ленточка реки.

Мимо проплывают плоты. Наскоро ловлю в видеоискатель и снимаю на моменталку. С плотов что-то кричит, машут руками. Очевидно – удивлены, увидев людей в этой глухой местности.

Впрочем, не так уж безлюдно это место – где-то есть небольшая деревушка, выстроенная недавно какими-то пришлыми, безвестными людьми.

Мне хотелось бы заснять еще и мельницу, и больницу, но они где-то дальше в тайге, и мой проводник не знает их.

Он возвращается встревоженный – на правом берегу остались лошади и ботал не слышать.

– Уйдут домой, а оттуда и тащись пешими.

Еще два-три наспех сделанных снимка, и мы переплавляемся через Ону.

Лодку надо утащить на старое место, а это гораздо труднее, чем стащить ее к реке – приходится тащить кверху и на довольно большое расстояние. Дюков торопит – надо догонять лошадей.

Он их догнал за зимовьем в самом устье Кайтыма. Домой направились, надоело, должно быть, комарье и мошка. Как только обогрело солнышко, поднялось этого гнуса видимо-невидимо.

Обратный путь у нас не прежний – нам надо не на Жевлатый, а на Ильчет. Добираемся до Ильчета мы уже совсем ночью. А на утро уезжаем в Кайтым.

Кайтым – не село, не деревня, это мельница на излучине р. Кайтыма, устье которого я засняла накануне. И даже не мельница, а только место бывшей мельницы – в половодье разгромил Кайтым

плотину и теперь небольшим каскадом падает с жалких остатков разрушенной преграды.

Утром мы должны выехать на Кайтым, к вечеру вернуться и ночевать в Ильчете. А потом, через Щекатуровский участок – в Тасеево.

День точно по заказу, специально для фотосъемки. Можно подумать, что неизбалованная вниманием тайга нарочно старается показаться в самом привлекательном виде. Только вот комарье и мошка портят все дело.

Добравшись до окопов партизан, останавливаю коня – здесь я останусь для засъемки, пока т. Дюков проедет вперед, чтобы позаботиться об обеде.

Так вот оно, место Кайтымского боя!

Узким языком вытянулась гора, по самому гребню которой идет дорога. Справа и слева – круто вниз спускаются бока горы и справа и слева протекает Кайтым. Где-то впереди – мельница, в самом центре крутого изгиба Кайтыма.

По обе стороны от дороги идут окопы, загибаясь, как крылья, назад, к мельнице. Но они упираются в Кайтым далеко от мельницы. Густой лес кругом. На самом гребне горы высокие, звенящие сосны.

На многих соснах видны шрамы, следы партизанских и белых пуль. Я прошу т. Дюкова вырубить мне одну из пуль, и через несколько минут у меня на ладони лежит небольшая щелочка, пахнущая сосной, а в ней потерявшая форму свинцовая партизанская пуля.

Начиная от дороги, иду по правому фронту партизан, делая снимки. И только добравшись до самого Кайтыма, поворачиваю обратно вверх и выхожу на дорогу к мельнице.

Возле мельницы, чуть выше по течению и ближе к подъему в гору – небольшой столбик с выцветшей, когда-то красной пятиконечной звездой наверху. Это братская могила погибших на Кайтыме. Здесь их тридцать человек.

Как передают партизаны, поверить не хотел белогвардейский командир, что так ничтожны были потери красных. Белые раскопали могилу, чтобы убедиться, как ничтожны были результаты их бешеной атаки на Кайтыме.

Белые тщательно скрывали свои потери, скрывали даже от самих себя – казалось позорным терпеть поражение за поражением, терять десятки и сотни людей, пытаясь взять горсточку партизан. И от этого стыда стали лгать в своих донесениях, преувеличивая силы партизан, преуменьшая свои потери.

В пурпур и золото одета тайга. Сразу за Кайтымом поднимаются склоны гор. Левее, чуть ниже по течению от мельницы, видна впадина меж гор – та самая падь, по которой ушли партизаны без дороги в глухую тайгу, по направлению к Оне. Уходили, переправляясь вброд через Кайтым, веревками придерживая телеги, чтобы они не опрокинулись, попав колесом на скрытый водою камень.

В ответшалом, нелепо выстроенном большом доме с крохотными окошками и низким потолком живет семья бывшего мельника. Разрушило половодье мельницу, и ее не исправляют. Косят сено для скота, собирают овощи с огорода и этим живут. Неприглядно, грязно,.bestолково. И кажется обидным такое соседство с могилой погибших борцов.

После обеда (варим опять-таки рябчика, подстреленного т. Дюковым) и чашки чаю отправляемся обратно: Дюков по дороге с лошадьми, а я берегом Кайтыма пешком, чтобы заснять левый фланг партизанских окопов.

Правый фланг обрывается круто в Кайтым, левый луговой. Гора крутым склоном подает в сотне сажен от берега. Здесь, на лугу, одиночные окопы – маленькие ямочки, в которых в состоянии укрыться один человек. И лишь от подножья горы начинается линия глубоких окопов, тянущаяся до самой дороги на гребне.

Выхожу снова к тому месту, где стоял у партизан их единственный, отобранный у белых во втором Тасеевском бою пулемет. Здесь, на дороге, меня ждет и ругается Дюков: опять мы запаздываем, и придется ехать в темноте. Маршрут моей поездки выполнен. Хорошо бы было пробраться таежной дорогой от Кайтыма до Луговой, куда прошли партизаны. Но на это сейчас нет времени. Да и не знает дороги Дюков – так он говорит мне. А может быть, и знает, да нет никакого желания тащиться по завалам, рискуя попасть под затяжное осеннее ненастье.

Теперь наш путь – Ильчет – Щекатуровский участок – Тасеево. На Щекатуровском побывать необходимо – там происходил пер-

вый армейский съезд положивший предел уже начинавшемуся было разложению в рядах партизан.

На съезде в правильные организационные формы армейского совета было отлито руководство партизанским движением. Организационный опыт пролетариата принес партизанам рабочий коммунист Бабкин и радостно принял и провёл в жизнь его предложения большинством партизан. Большинство, но не все. Часть недопоняла сразу, несколько правильнее, и вернее, может быть, руководство коллектива, чем руководство отдельных лиц, пусть даже талантливых организаторов и полководцев.

Уже после полудня добираемся до Щекатуровского участка. Это деревушка, имеющая школу, потребительскую лавчонку. Почти напротив школы гумно Григория Восячкова с сараем на нем. В этом сарае заседал армейский съезд.

Дюков участвовал в съезде и поэтому он снимается возле загородки гумна вместе с другим участником съезда, случайно встреченным на улице деревушки.

В закатный час переезжаем Усолку в брод и мы в Тасеево. Оглядываюсь в последний раз на бойкую, шумливую речонку: когда-то тебя, милая, пересекут прочным хорошим мостом? Нет и в Тасеевой моста через Усолку, ездят вброд, а кому пешком надо перейти, те пробираются по живому мостику из досок, настланных на легоньких козлах по две в ряд. Человеку, страдающему головокружением, по такому мостику ни за что не перейти. Да и со здоровой головой невольно жутко становится, когда приходится пропускать встречного с ношей – надо давать дорогу, перегибаясь над самой водой. Пора Тасееву построить хороший, крепкий мост через Усолку, пора. Не Днепр же Усолка, не так уж хитро ее призвать к порядку.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 902. Л. 1–7. Машинопись.

ЗАБАЙКАЛЬЕ

Биография о революционном движении гражданки Дарьи Андреевны Апонович

В революционном движении я начала принимать участие [в] политической работе в подпольных организациях в гор. Зима, с тысяча девятьсот пятого года, в конце 1905 года мужа моего уволили циркуляром, нам с мужем пришлось из города Зимы выехать, и вот мы выехали в город Верхнеудинск. Седьмого января 1906 года прожили две недели, как нас и там [начали] преследовать, а двадцать второго января к нам на квартиру пришли два жандарма, но меня и моего мужа не было дома, когда мы пришли домой, то нам хозяева сказали, что были два жандарма и спрашивали Николая Георгиевича Кочурова и жену его, думать чего либо не было возможности, нужно было спасать себя, муж мой, Николай Георгиевич Кочуров, скрылся, это было двадцать четвёртого января, и по сей день я об нём ничего не знаю, жив или нет, а меня арестовали двадцать седьмого января девятьсот шестого года, сильно избили, так, что сидеть мне пришлось один месяц, а остальное время лежать в тюремной больнице.

Месяц в тюрьме и пять месяцев в больнице. В июле меня освободили, т. к. данных с моей стороны веских не было, меня нашли нужным освободить. Когда меня освободили, я решила уехать из Верхнеудинска, выехала в августе, одиннадцатого августа в с. Черемхово, где было много выслано политических работников, и я опять приняла участие в подпольной работе, где много читала книг, которые не пропускала редакция, тут я ещё больше подчерпнула знаний, за что я страдала. Однажды меня попросили спеть революционную песню «Ах ты доля», я, конечно, согласилась, но не знала я и другие, что за стеной был шпик, и я спела. Когда хотела идти домой, в то время зашёл жандарм, и меня арестовали,

тоже побили, как им было угодно, это было в тринадцатом году. Когда я просидела полтора месяца, меня освободили, я решила уехать в пределы Амурской области, уехала в гор. Алексеевск, в настоящее время называется свободный город, свободной я прожила до семнадцатого года.

Когда свершился переворот и тут вскоре пришли товарищи большевики, я опять приняла участие в работе, была делегаткой по призрению солдаток и пенсионерок, когда уже пришлось отступать, или, вернее, скрываться товарищам большевикам, это было в конце августа 1918 года, я, конечно, осталась на месте, меня никто, как будто, не тревожил, но я ошибалась. 14-го сентября 1918 г. белые праздновали в память своего верховного Колчака, а 15-го меня арестовали, избили, что называется, по-зверски, продержали под арестом одиннадцать дней, освободили и сказали, чтоб я уехала из свободного, но мне некуда было ехать, и я осталась, пока поправлялась после побоев, прошло полтора месяца, как меня по новой арестовали и выпороли плетями, я, конечно, не помню, что было со мной, но когда я лежала в больнице, мне товарищи сказали, что всыпали свыше двадцати пяти штук, когда я поправилась после порки, это было в декабре месяце, как помню, десятого декабря 1919 года, а 8-го января 1920 года меня по новой арестовали, и когда привели в милицию, то начальник бронированного поезда сказал, чтобы меня препроводили на броневик «Беспощадный», не стану [скрывать] перед вами, что когда я услышала, что меня на броневик, у меня заживо всё во мне умерло, ибо я знала, что с броневика выход один, скорее умереть, чем идти на позор и на насильственную смерть, но что же я могла сделать, конечно, ничего, потому что была взята врасплох, неожиданно.

Когда меня препроводили на броневик [после] смерти Селинова, я дни свои сосчитала, но в этот раз не били, а сделали хуже – выводили три раза к стене и таким образом мучали, как им это нравилось, два раза помню, а в третий раз опомнилась уже в вагоне, у меня болел сильно правый бок, что и теперь меня мучает, просидела девять дней, на десятый меня выпустили казаки, фамилии их помню: один Бабенко, другой Савченко, они тоже ушли в отряд товарища Патрушева, вот таким путем я избежала страшной участи, каковая раскрыла свою пасть и ждала свою жертву. Вот конец моим мытарствам, тут уже переворот, пришли

товарищи в феврале, а в апреле, 17-го апреля, я вступила в ряды коммунистической партии, пробыла год и вышла замуж, но муж был не по духу, анархист, и у нас получился раскол в жизни и мне, благодаря частых скандалов, пришлось выбыть из партии.

Думаю, товарищи, вы не будете судить слишком строго как женщину, если у меня получилась очень грубая ошибка, я всё-таки работаю, всё время на поприще общественной работы, это, конечно, подтвердится товарищами, которые знают меня как работницу активную.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 494. Л. 1-2. Машинопись.

Краткая рукопись М. И. Савватеева «В тылу революции», рассказывающая о событиях в с. Гаур в 1917 году

Летний зной начинает спадать, наступает уже август месяц, веет холодным ветерком. С каждым днем все становится заметнее приближение осени, а темные тучи подвигаются все гуще и чаще. В деревне Гаур повседневная суета, кончается сено, уборочный сезон, начинается страда и уборка. Люди, занятые своими повседневными размышлениями, как лучше и скоро справиться с полевыми работами, но эту деревенскую жизнь с каждым днем все сильнее и сильнее беспокоят разные слухи, поступающие со всех концов от проезжих и прохожих.

Больше всего распространились местными кулаками и духовными служителями, в том числе специальными агентами Антанты, присланными специально для этой цели, рассказывают о том, как красногвардейцы ограбляют население, насилуют женщин, семьи, выкидывают из домов иконы и т. д. Сообщают о победе Семенова и его отличных подвигах, и благочестивых отношениях к населению. Старушки и старики, крестьясь, слушают рассказы, повторяют: господи, помоги ему, батюшке, прогнать этих извергов, навязавших на наши шеи каких-то красных, откуда еще и взялись. Только местная группа большевиков из 8 человек, из них 3 фронтовика и остальные молодые ребята, неустанно вели разъяснительную работу среди населения. Главные среди молодежи, многие из кулаков угрожают их убить, разорвать, но этих запугать нелегко. Они готовились к новым боям за власть советов. Гото-

вили убежища, строили потайники для оружия и припасов, подготавливали лошадей – прорабатывали методы дальнейшей борьбы. Все это делалось по способу великой войны. Под руководством фронтовиков. Бежать было некуда.

Вот наступает трудное время, по Амурской ж. д. на северо-восток потянулись беспрерывной лентой поезда, наполненные красногвардейцами всех национальностей в своеобразных костюмах при разном вооружении под командой главкома Забайкалья т. Лазо. Красногвардейцы, по пути раздавая оружие, винтовки, и патроны, не разбирая, кто бы ни был, даже и враждебно настроенные, таким путем много вооружения попало в руки контрреволюции, но поправить эти ошибки не было возможности. Отступают в Амур, передавалось из уст в уста, только группа большевиков говорила, что перебрасывает войска на границу Амура, но никто не хотел слушать. Население совершенно обнаглело и стало на сторону Семенова, даже старые фронтовики и те присоединились к ним. Наконец в сумраке вечера раздался сильный гул взрыва, население так и шарахнулось в испуге, начали собирать свою кой-какую одежку, продукты, а самое главное, иконы. Укладывали на воз и бегут кому куда только можно, кто в лес, а кто в соседнюю деревню. Дома и амбары остались открытыми, все превратилось в сплошной хаос, только большевики братья Савватеевы куда вы бежать, с чего сбились, это последний этап взорвал грозный мост через реку Куэнга, а взрывы повторяются один за другим до трех раз. Наконец проходит мимо деревни паровоз с одним товарным вагоном, нагруженный взрывчатым веществом, задерживающий наступление атамана Семенова. После его ухода только что начали собираться жители, вскоре получили весть, что на станции Укурей приняли большой отряд красногвардейцев, которые якобы помогают сами со всех концов, опять паника, бросились бежать – мужики за оружие, дробовики и за винтовками, только полученными от отступающих красногвардейцев.

Вот появляется по дороге с Укурея на устье пади Кундуня отряд в семьдесят конных человек – двигающиеся вслед за отступающим поездом. Увидя суету народа в деревне, отряд высадился на ближайшую гору наблюдать, в это время в деревне Гаур раздался ружейный выстрел, нечаянно сделанный крестьянином, не умеющим владеть оружием. Это шоу больше отряд привело

в сомнения, и на этот раз большевикам удалось уговорить и послать председателя комитета т. Зимина М. В. на лошади навстречу отряду с донесением. Что в селе никого нет и двигаться могут безопасно, но отряд, люди и лошади, были утомлены большим переходом. Многие из всадников ехали на лошадях без седел, даже на голых спинах. Это отходила батарея т. Кузнецова, не успевшая перегрузиться в поезд. Оружие бросили, а сами вооружились винтовками, гранатами и револьверами, пошли походным порядком. Пропустив отряд через село указать путь и на этом успокоились мужики – что будет дальше, посмотрим. В след за отрядом поступает телеграмма, задержать и разоружить отряд приказывает поручик Писарев, сын попа с. Куэнга. Получив такое распоряжение, председатель сельского совета комитета не знает, что делать. На этот раз писарь комитета, старый еще станичный служака Володин Варфоломей, роль исполнителя взял на себя, в ночь пошел с телеграммой в руках будить всех умеющих владеть оружием, в этом числе и большевиков Савватеевых, и посылать в погоню за отрядом. Разбуженные такой неожиданностью, Савватеевы не смутились, а выругали писаря увесистым матом и сказали: хочешь ты сам и беги на красногвардейские пули с голой «пузой». Писарь ушел посылать других, все же не терпит большевистская кровь, дело плохо, убегут, гады, что делать? Говорит Афиноген: «Вы останьтесь настороже, а я пойду в деревню и повстречаю, кто будет собираться, скажу не езди, так и быть». Уходит встречаться на улице с собравшимися, бежать вдогонку за отрядом. Спрашивает: «Вы куда, ребята?» – «Догонять отряд Кузнецова, а вы идете?» – спрашивают собравшиеся. «Нет, не идем». Большак послал всех к чертовой матери и продолжает спать. «Вот кто поведет?» – «Не знаем». – «Ну куда же одни побежите, лучше идите по домам и ложитесь спать». Так и решили.

Только местные три «кулачка» под командой спекулянта Володжина Александра Севостьяновича бросились в погоню за отрядом – примкнув к кулакам, выступившим из других сел. Как-то и[з] села Амур Кондратьев М. М. и Шеленин Демьян и собрали таким же порядком своих сельчан, вооружившись кто чем может, погнались за отрядами Кузнецова. Но кулак Кондратьев М. М. с группой по кратчайшему пути опередили отряд и разобрали путь, спустили [под] ж. д. откос, идущий навстречу поезд. Отряд Кузне-

цова оказался в кольце, кулаки ближние сбежались в свой отряд, окружили Кузнецова. Увидя, что они окружены, бойцы поста[но]вили дать бой и двигаться вперед, но командир т. Кузнецов настоял сдаться, уверяя отряд, что для вас ничего не будет и пострадает только он один.

Отряд сдался, разоружили и под конвоем повели в штаб фронта атамана Семенова. Привели в селение Гаур, потребовали замены конвоя, но селение уже подготовлено, большинство требовало уволить арестованных, но конвоир селения Амур Корякин Поликарп, мужчина в сажень роста и черный, как сапожья голенища, и с большими глазами, размахивая 3-линейной винтовкой, кричал: не подходи, стрелять буду, нельзя так, вашу мать, обувая матом всех, кто пытался подойти близко к арестованным. Но ничего удержать не могло крестьян, и крестьянки несли пищу, кто хлеб, кто молоко. Принимая от них подарки, отдаваемые со словами: вот, прими, тятя, от меня подушечку еще моей жены, на память и помни меня, передавая т. Кузнецову. Другие отдавали одеяла, одежду, тоже просили помнить. Конвой поручика Писарева разъезжал на только что отобранных лошадях у красногвардейцев. Видя, что население относится сочувственно, и [нельзя] доверить повести самим на станцию Укурей, где находится штаб фронта. Рассказывает красный партизан из этого отряда Озов Петр. Доставленных красногвардейцев на ст. Куэнгу отвели за село возле линии ж. д. построили в одну ширину, т. Кузнецова вывели вперед, он говорит: «Эти люди, которых я вел, они не виновны, я их завел, поэтому наказывайте меня, как хотите, но их пощадите, прошу вас, не мучьте меня, стреляйте сразу».

Приказ рассчитаться на 1-й и 2-й, вторые шаг вперед. Отвели в сторону, и на глазах всех раздался залп, повалились на землю тела товарищей, даже не выпустив одного тона. Полковник подошел к стоящим и говорит сытым басом: «Вы не виновные, вы поклянитесь, что больше не пойдете против нас, а пойдете с нами, мы на ваших глазах расстреляли мадьяр, которые сбили вас на это гнусное дело. Вы вступаете в наши ряды», – заканчивая свои слова. Стоявший в шеренге мадьяр говорит: «Вы нахально врете, что расстреляли мадьяр, вы расстреляли русских, а мадьяр я!» Которого здесь же полковник и приказал расстрелять. Трупы, раздетые до нага, валялись долгое время, оставленные на месте расстрела.

Вот как погибли первые герои революции, борющиеся за власть Советов. Вечная память погибшим. Да здравствует проложенный ими путь борьбы за власть Советов во всем мире.

Савватеев Михаил Иванович, красный партизан.

Адрес: ст. Укурей с. Гаур.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 395. Л. 1–4. Машинопись.

Воспоминания партизана Морозова для Истпарта

В 1905 г. я работал на копиях Касьяновских. Я получал политические газеты от инженера Богоявленского и фельдшера Шишова. Читать их приходилось осторожно, так как рабочие стояли за царизм. Хотя некоторые и признавали, но не высказывались.

За эти газеты Ратушкин и Невзоров просидели три месяца в Иркутске. В 1905 г. была сделана небольшая забастовка, которая не дала никаких результатов. Передовики, которые сговаривали на забастовку, имели связь с конторой. Кто не вышел на третий день на работу, были уволены. Увольняли и за грубые ответы десятникам. Рабочие говорили: «Так и надо, он бунтовщик».

В 1908 г. забастовка также окончилась победой хозяев. Некоторых рабочих рассчитали и арестовали. В том году за грубое обращение со штейгером⁷ Готовым я был выслан с рудника в 24 ч. Потом я поступил на копи в Гришево и работал до 12 года. В 1913 г. стал работать на Забитуе. В Забитуе было много рабочих, которые держали связь с конторой и следили за рабочими.

В 1917 г. шла борьба между большевиками и буржуазией. Попы настраивали крестьян против большевиков. Крестьяне и казаки были настроены враждебно к нам, постановили убивать большевиков, потому что, дескать, большевики хотят лишить их казацкого звания. Нам пришлось убежать в Тайгу.

Я был арестован монгольскими властями, которые отпустили меня через 4 дня. Когда я приплыл в г. Селенгинск, положение было плохое – комендант Суриков расстреливал красноармейцев. Через 8 суток я по документам из конторы освободился. Нам дали пропуск, в В-Удинске нас встретили на берегу и отправили в тюрьму. Продержали 3 дня. На квартиру нигде не пускали, говорили:

⁷ Горный мастер, заведующий рудничными работами.

«Ты – красноармеец». Выпросился на квартиру к караульному и видел, как мешане и казаки своим судом расстреливали красноармейцев и тех, кого они подозревали в большевизме.

По дороге в Иркутск в вагонах только и слышно было, как спекулянты жаловались, что их ограбили красноармейцы. В Черемхово остановился на постоялом дворе Кукса. Кукс говорит: «Уезжай в деревню». В деревне остановился у Храмцова. Храмцов сам был красноармеец. В деревне стали говорить – красные стали собираться в деревню. У нас сделали обыск, отобрали наган. Пришлось нам уйти в Тайгу. С винтовкой и 300 патронами уехали на р. Анот. Собиралось нас 6 человек. Жили там полтора месяца. Обрато возвратились вдвоем.

На Гришево штейгер Сутягин дал удостоверение и говорит: «Уходи на Забитуй, там тебя не знают». В Забитуе пробыл до переворота. Приходилось слышать от своих же товарищей рабочих, что их деньги увезла Советская власть, и теперь жить нечем. У нас была подпольная организация из 28 человек до переворота.

Морозов

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 488. Л. 4–5. Машинопись.

Воспоминания А. Телечкиной о Бланковых

Шура и Зина Бланковы – брат и сестра. Зина – 1898 г., Шура – 1899 г. Зина окончила Иркутскую гимназию, б/Григорьевой, с золотой медалью, во время учебы в гимназии изучала труды К. Маркса, Ф. Энгельса. Александр обучался в Иркутском училище, работал учеником металлста. К моменту Декабрьских событий в г. Иркутске Бланкова работала во фракции большевиков и принимала участие вместе с братом в Декабрьском восстании в 1917 г.

Знаю Бланковых с 1917 г., с Декабрьских событий в Иркутске. Исай с первого дня боя был в Белом доме, во все время осады, несмотря на свой юношеский возраст, его ничего не поколебало – ни голод, ни холод, ни ужас, в котором находились осажденные в Белом доме. Он оставался до самого конца вместе со старшими товарищами.

Зина пришла вместе с братом и была в летучке Красного креста при нашем революционном штабе. Она вместе с моей сестрой Марусей Заболотской и другими товарищами снабжали Белый

дом хлебом, патронами, бомбами, через неприятельские посты, несмотря на то, что могли каждую минуту неприятели юнкера обнаружить и расстрелять, она не останавливалась и все трудные поручения выполняла. Также и дальше после событий они работали активно во время саботажа, они с немногими товарищами работали день и ночь, не покладая рук во все выступления белых, сколько было их и в Иркутске, они всегда являлись первыми.

При отступлении в 1918 г. из Иркутска они пошли с отступающими, в последний раз видела Зину, когда эвакуировала госпиталь в Иркутске, а Исая на ст. Мысовой, он поехал по дороге к Байкалу искать Зину и больше не встречала ни той, ни другого, где и погибли.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 377. Л. 2–3. Рукопись.

Справка, выданная тов. Бланкову, отцу убитых его детей Александра и Зинаиды

Настоящей справкой удостоверяю, что Александр и Зинаида Бланковы находились в Красной Армии за Байкалом в 1918 г., являясь одними из лучших бойцов, воодушевляя всех своим примером, кто с ними встречался. После отступления из Мысовой Красной Армии, Бланковы попали при отступлении под обстрел засады белогвардейцев, не доезжая Посольской, и были расстреляны вместе с другими четырьмя товарищами. Могила Бланковых, похороненных на второй день после их расстрела санитарями Красной Армии, находится на берегу Байкала, место которой могут в любое время найти, если это потребуется. Знаю их по работе на фронте, как состоявших в то время в Красной Армии полевым военно-санитарным инспектором.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 377. Л. 4. Машинопись.

Воспоминания Зинкевича для Истпарта

Весть о свержении Николая Кровавого в феврале 1917 г. застала меня в одной из артиллерийских казарм Владивостокской крепости. Первая официальная телеграмма об этих событиях привела все солдатские массы в неопикуемый восторг. Все были рады: да и

как было не радоваться, когда последнему человеку того времени, солдату, были предоставлены человеческие права, таким образом, табличка «Солдат и собак вводить строго воспрещается» была снята. На первый взгляд казалось, что больше ничего и не нужно. О политических партиях очень немногие в то время имели представление. Представители меньшевиков и эсеров ходили по казармам и агитировали солдат за поголовное вступление в их партии. О большевиках тогда было слышно очень мало, да и то их рекомендовали, как германских шпионов. Таким образом, солдаты были на стороне меньшевиков и эсеров. Но так было не долго.

В июле 1917 г. из Америки прибыло много русских эмигрантов, которые были мобилизованы и распределены по крепостным полкам, часть из них принадлежала к большевистской партии и часть к партии анархистов коммунистов. Тут они и повели разъяснительную работу среди солдат. Лозунгом как у большевиков, так и у анархистов было: «Социальная революция», они-[т]о сумели доказать солдатам, что такое меньшевики и эсеры, доказали их предательство рабочего класса и также сумели доказать солдатам, кто такие большевики и за что они борются. Тут солдаты окончательно убедились в правоте большевиков и, таким образом, уже в сентябре 1917 г. почти все были на стороне большевиков. Тут же шла подготовка к выборам в учредительное собрание. Все партии делали свое дело, агитируя солдат голосовать за их списки. Но солдаты уже поняли линию большевистской партии, и большинство голосовало за их список. Попутно с выборами в учредительное собрание и после них большевики вели подготовительную работу к захвату власти и передаче ее советам.

Во второй половине декабря всякая связь с Петроградом прерывается, нет никаких сообщений. Все чувствовали там борьбу рабочего класса с буржуазией и с нетерпением ждали услышать о том, во что она выльется. На 1-е января в 12 ч. ночи на вечере в солдатском собрании взбежал на сцену солдат большевик и закричал: «товарищи, учредительное собрание разогнано, власть перешла в руки советов, правительство социалистов капиталистов частью арестовано, частью бежало за границу». Все вздохнули свободной грудью, почувствовали настоящую победу рабочего класса и крестьянства и долго кричали ура. Победа трудящихся над капиталом безусловно не понравилась не только буржуазии, но и меньшевикам и эсерам, они решают созвать массовые митинги для того, чтобы узнать

мнение большинства о разгоне учредительного собрания. Большевики им в этом не возражали, так как знали, что рабочие и солдаты их не поддержат, а утопающий всегда и за соломинку хватается. И в январе такие митинги созываются. Один в Пушкинском театре, второй в Нардоме, куда собралось столько народу, что некуда было просунуть пальца, первыми выступали меньшевики и эсеры.

Они в своих речах называли большевиков хулиганами за то, что они позволили себе разогнать избранную народовласть (Учредительное собрание). Призывали всех к протесту и к поддержке своих избранников. Каждому из них аплодировали, горсточка белой кости, а море голосов рабочих и солдат кричали – долой, не желаем слушать, и действительно бы не слушали, но большевики, хотя с трудом, сдерживали массы, обещая [на] все сказанное ими справедливо возражать. И действительно, они возражали так, что после этим соглашателям нечего было говорить. После прений голосовались две резолюции: первая – меньшевиков и эсеров о том, чтобы протестовать против разгона Учредительного собрания и приветствовать переход власти к Советам. За первую голосовала горсточка белой кости. За вторую было поднято море рук, в засаленных куртках рабочих и в рваных шинелях солдат. Таким образом, меньшевики и эсеры были разбиты окончательно. Сами они уже бороться с рабочим классом не могли и решили обратиться за помощью к буржуазии, как к своей, так и к иностранной.

В феврале 1918 г. старая армия распускается. Солдаты уходя[т] из казармы с оружием. Кто домой; кто определяется на работы, а кто поступает добровольно в Красную Армию, которая тогда только лишь начала организовываться.

Во Владивосток уже прибыли чешские полки под видом отправки их во Францию и разместились по казармам. На Рейде уже стояли японские десанты. И в апреле атаман Семенов делает выступление с Маньчжурии, куда Владивосток отправляет часть организованной им Красной армии для борьбы с ними. В мае с Пограничной делает выступление с своими казаками атаман Калмыков, который стремится захватить Никольск-Уссурийск, Владивосток. Туда посылают две роты Красной Армии, к ним на помощь Никольск-Уссурийск дает роту Рабочей гвардии. Начинается борьба. В результате которой Калмыков со своим отрядом бежит опять за границу. Семенова постигает такая же участь, его красные отряды разбивают, и он опять

прячется в Маньчжурии. Чехи, пользуясь случаем, что во Владивостоке осталось очень мало войск, в июне 1918 г. делают переворот, захватывают власть, обезоруживают оставшиеся там красные войска и двигаются на Никольск-Уссурийск. В Никольске задержать их было некому, так как там Армии не было, а была Рабочая красная гвардия, которая не могла противостоять чешским полкам. В связи с этим войска, находящиеся на фронте, у Пограничной, вынуждены были оставить эти позиции и двинуться в Никольск на помощь Красной гвардии. По прибытии в Никольск видно было, как горсть рабочих героически сражалась с чешскими полками, не давая им возможности занять пограничные города. Было уже много жертв, когда три роты с пограничного фронта пополнили ряды своих товарищей. Завязалась схватка, которая длилась около суток.

Когда красные ряды опять поредели, а пополнить их было уже некому, они, чувствуя силы неравными, вынуждены были отступить вплоть до реки Усури. Здесь со слабыми силами сражаться было невыносимо. Нужно было на реке укрепиться и собираться с силами. Работа по организации армии и командованию ею была поручена Саковичу, капитану старой армии, работавшему в то время в Далькрайкоме. Он, как спец военного дела, в течение 2–3 недель хорошо организовал армию тысяч в 20 человек и умело повел в наступление, после нескольких удачных боев чехи и калмыковцы были наголову разбиты. Все были уверены, что не пройдет и месяца, как мы опять будем во Владивостоке, но буржуазии и социал-предателям так не хотелось, и они двинули против нас регулярную японскую армию, против которой мы, безусловно, устоять не могли, хотя и сражались больше суток. Итак в Восточной Сибири Советская власть была, разогнана, но не уничтожена.

Зинкевич

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 488. Л. 6–7. Машинопись.

Из воспоминаний бывшего красногвардейца партизана Богомолова Петра Ивановича

В 1917 году я работал на штукатурных работах в бывших кадетских корпусах. Работало там более 1000 чел. Летом у нас начались собрания по вопросу создания Красной гвардии. Записалось

много, в том числе и я. Записывалась в основном молодежь. Выдали нам оружие. Проработал я до декабря 17 года на стройке.

В декабре нас сняли со стройки, и мы пришли в помещение бывшего 12-го полка на горе. Через день начался бой с юнкерами, казаками и кадетами. Казаки занимали помещение казачьей сотни, детскую больницу, бывшую семинарию и барахолку, набережную р. Ушаковки занимал полковник Ушаков. Мы повели наступление на больницу и семинарию. Лишь через 3 дня мы выбили казаков из больницы. После этого я с другими красногвардейцами был переброшен на Большую улицу, где угол Ланинской и Большой, помещались в доме, где сейчас находится ДКА.

Командовал нами т. Лазо. Наша рабочая дружина держала караул по всей Большой улице, часть находилась в Белом доме. На 9-й день, когда пришла помощь из Черемхово, бои закончились. После боя я опять работал в корпусах. В мае началось отступление Красной гвардии на восток после Чешского восстания. Я с товарищами ушел в Красную армию. В июне, до вступления чехов в Иркутск, мы выехали. До Мысовой отступали без боев, от Мысовой до Посольской начались сильные бои с наступающими белыми. Особенно сильный бой был в Муриной и Посольской, здесь нам приходилось биться с наступающими по ж/д чехами, высаженным десантом со стороны Байкала и прорывать цепь противника по направлению к г. В. Удинску. Наконец на ст. Посольской пришлось отступить в тайгу. Положение было безвыходным, ни взад, ни вперед. Вместе с нами отступал и отряд т. Каландаришвили.

Шесть дней шли тайгой, блудили, питались кониной. Многие отстали, на 7-й день нас около 1000 человек вышло на заимку В. Абакума. С Абакума весь отряд рассыпался. Кто был на лошадях, ушли на Гусиное озеро, где стояли красные части. Остались мы, безлошадные. Нас 27 чел. остались в д. Шаралдай. Остановился я с 2 товарищами Середкиным и Студенниковым у крестьянина Благушина. Переночевали. На утро пришли статские, десятские и нас арестовали. Повели в волостное управление. Староста заявляет, что нас надо отправить в г. Верхнеудинск в расположение атамана Семенова. Нарядили лошадей, но крестьяне отказались везти нас к Семенову. Заявили старосте: «хотишь – вези сам».

Староста собрал сход, на него пришло более 400 чел. Староста поставил на голосование, как поступить с нами, отправить к

Семенову или отпустить. За то, чтобы отправить к Семенову, выступал сам староста и другие богатеи. Но большинство крестьян, вся молодежь и фронтовики были против. На голосовании постановили не везти нас к Семенову, а отпустить – пусть идут, куда хотят. Это было во время страды. Ясно, что идти было некуда, тем более, что нас при аресте всех разоружили. Остались мы помогать крестьянам, кто где остановился. Из оружия остался один капсульт от гранаты, да и то случайно. Когда нас забрали, при нас взяли гранаты, одна из них без капсуля, пока вели статские, все допытывали, куда дели мы его, разували несколько раз, но никто не сказал. Прожили мы у них страду. Крестьяне, когда узнавали, что идут белые, скрывали нас на заимках.

Вместе с нами скрывались и колчаковские дезертиры сел Шарыжалгай, Мухоршибирь, Хара-Шибирь, Загон и др. Нас собралось уже больше 100 человек. Большинство было вооружено. За командира у нас был мухор-шибирский крестьянин, бывший фронтовик Федор Олейников. Под его командой вели бои с семеновскими карателями, отбирали оружие. В сентябре командир партизанского отряда б/комиссар замотдела г. Верхнеудинска Данила Смолин узнал про нас. Приехал из Мухоршибири в Шарыжалгай на заимку в наш отряд вместе с Олейниковым. Переписал нас всех к себе в отряд, записалось нас 27 чел. красногвардейцев и человек 70 скрывавшихся крестьян. Смолин заявил, чтобы мы приготовились, т. к. скоро пойдет японский карательный отряд, и что этот отряд нужно разбить. В это время организация крестьян шла полным ходом, больше 20 волостей были против семеновцев и Колчака. К нам начали присоединяться и старики. В это время Семенов выслал против нас японский карательный отряд с орудиями. Около Мухор-шибири произошел бой. Нас уже был большой отряд. Бой был около 2-х суток. Японцы были разбиты, нами были захвачены одно орудие, пулеметы, винтовки. После этого вокруг вспыхнули восстания, власть была захвачена, белые бежали.

Во главе восставших встал т. Смолин. После этого стало тихо. Прошел 1918 год. Родные узнали, где я нахожусь. Приехала сестра, привезла документы мне и моему товарищу Среднику Григорию. Тов. Смолин нас уговаривал: не ездите, ребята, попадете в тюрьму. Нам же хотелось побывать на родине в Иркутске. Я по паспорту Чиркова Николая, Средник тоже под другой фамилией поехали

в В-Удинск. Там взяли билеты, попрощались с подводчиком, сели в поезд вместе со спекулянтами и поехали в Иркутск. Приехали, дело было в марте 1919 г. две недели прожили дома. По доносу Волгина Максим[а] Петровича меня арестовали и посадили в Иркутскую тюрьму. После ряда вопросов меня через 3,5 месяца выпустили благодаря свидетелям, которые были моими знакомыми [и] показали, что я якобы нигде у красных не был. Выпустили на поруки до суда.

В скором времени власть Колчака в Иркутске была свергнута. Я опять сразу пошел добровольцем и с 5-й армией ушел против Семенова. Из В-Удинска меня направили в г. Троицкосавск в 1920 году. Был в боях против Унгерна. В 1922 г. я по годам был демобилизован и вернулся в Иркутск.

Б/красногвардеец Богомолов Петр Иванович, билет № 21787,
удостоверение № 2178.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 489. Л. 58–61. Машинопись.

Воспоминания Д. Журавлёва о расстреле 36 коммунаров на Забайкальской железной дороге в 1918 году

Памяти 36 коммунаров

В августе 1918 года наш фронт у Байкала чехами был провален, началось отступление и с Байкальского, и с Маньчжурского фронта. Одна из батарей Маньчжурского фронта не успела вовремя погрузиться в поезд и отступала на Амур в конном строю. 34 человека из состава батареи были товарищи мадьяры, командиром тов. Кузнецов.

Когда прошли последние эшелоны тов. Лазо ост. Куэнгу – батареи не успели скрыться в горах по Амурской железной дороге и были перехвачены белогвардейскими отрядами около с. Улея.

Переправа через р. Шилку в Бянкино была захвачена белогвардейцами и начались аресты красногвардейцев по линии и сёлам по р. Шилке.

Перед военно-полевым судом [пред]стало 63 человека красногвардейцев и большевиков, 34 товарища из мадьяр – вместе с командиром и одним товарищем железнодорожником были приговорены к расстрелу.

Поезд с осужденными, пройдя ст. Куэнгу, остановился в трёх километрах от нас.

Серо было сентябрьское утро, когда тридцать шесть коммунаров стали под откос Забайкальской железной дороги.

После объявления постановления военно-полевого суда они с необычайным спокойствием духа пали в борьбе за Интернационал, за мировую революцию.

Уцелевшие 27, получившие от 25 до 50 ударов на каждого, по постановлению того же суда, вместе с партизанами Восточного Забайкалья передадут новому поколению память славных борцов-интернационалистов, отдавших жизнь за коммунизм.

Д. Журавлёв

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 631. Л. 1. Машинопись.

Воспоминания М. Л. Калинина о побеге к красным частям в 1918 году

Обоз вытянулся. Трёхцветный облезлый флаг трепался около штаба. Полковник Арцыбашев отдавал распоряжение адъютанту, поручику Воронову. Приготовить смену лошадей, выпечь хлеба на три дня, вытопить бани.

- Слушаюсь, г-н полковник, ещё никаких приказаний не будет?
- Нет.
- Разрешите ехать?
- Пожалуйста.

Взвизгнула снежная пыль из-под копыт коней. Поручик Воронов с пятью всадниками ускакали. Капитан и два подпоручика стояли позади полковника. Погоны сияли, блестели золотом рукоятки офицерских шашек. На бекеше полковника серебром переливал[ся] офицерский Георгиевский крест: говорили, получил за храбрость в боях против большевиков. Подпрапорщик проверил подводы, доложил полковнику. «Вперёд», – рывкнул с наслаждением полковник.

– «Вперёд, вперёд, вперёд», – прокатилось по обозу. Тронулись, на розвальнях по два, по три сидели и лежали солдаты. Лица знакомые, товарищи по службе из Франции. Сжились как братья. Три года непрерывных скитаний за границей. Тяга в Россию. Приеха-

ли в Сибирь. И вот в обозе беженцы-пермяки рассказывают про зверства большевиков, слушаем, но верить – нет. Мы разобрались, я и Андрюшка Смонкин больше не могли: решились остаться и идти к большевикам. Накануне у нас с ними было тайное совещание. Набрали по 80 штук патронов, на смену по паре белья, остальные манатки оставили. Живьём не сдаваться. Проскрипели последние сани. Унтер Митя Чепов пилил безжалостно на гармонике. Встретились глазами последний раз. Никто не знал, что мы остаёмся. Отчаянные в страшных боях на французском фронте, привычные смотреть в глаза смерти, бежать трусили. Мы никому не сказали «Прощай»: могло бы повредить. Андрюшка вышел из избы посмотреть, все ли ушли. Вернулся – все.

– Ну, Мишель, давай подаваться.

Расплатились с хозяйкой.

– А подводу?

– Оставим. Не верили: в мысли к каждому не залезешь. И ей, простой бабе, мы не открылись, сказали, вернёмся. Быстро через улицу спустились на реку. Зарядили на четыре патрона. Пошли молча к красным. Ещё они не знали. Деревня осталась позади. Тракт шёл по тайге. Двигалась артиллерия белых.

– Что говорить, если спросят?

– Отстали от части.

– А куда идём?

– К своим.

Спрашивали, поверили: к своим. Винтовки держали наготове. Влопаешься, расстрел. До последнего патрона, тогда пусть убивают. Артиллерия свернула за опушку леса. Полз обоз с тракта вглубь тайги. Выжидаем. Смеркалось, завыли волки. Выбрались на дорогу и зашагали.

– Андрюшка, хорошо бы никто не попадался.

– Пройдём.

Говорили мало. Мышление останавливалось на жизни – она могла каждую минуту оборваться, а жить хотелось. В стороне два трупа. Подошли посмотреть в лица, изуродованы. Сердце проколело сознание зверской мести, захотелось крови, мучить, рвать... и только потому, что трупы были в простых пиджаках.

Прошли 25 вёрст. Ноги отказывались работать. Ночью пришли в деревушку. У изгороди засёдланы кони, пики. Расположились казаки. Проходим на околицу, стучим в крайнюю избу.

- Кто? – голос мужской, начальный.
- Переночевать, от части отстали.
- Много вас?
- Двое.

Зашли. Четверо колчаковцев. Перебросились с палатой парой фраз, захрапели. Мы улеглись на полу. Спали крепко. Рано утром их уже не было. Увезли последнюю смену белья и, что досадней: записки о Франции. Сволочи. Тянулись обозы. Ждём вечера и снова в путь. Хозяйка плачет: мужа две недели угнали в подводы. Заскакивает молодой, бравый казак. Стучит: «Хозяйка, выходи». Перепуганная выходит. Требуется: забирает жеребёнка, седлает, свою загнал. Баба в слёзы. Нас задел за живое.

- Андрюшка, идём.
- Берём винтовки, выходим.
- Куда седлаешь?
- Замолчь, пехтура.
- Что?

Глаза загорелись, дрожим. Со злостью сбрасываю седло. Андрюшка бьёт его в грудь прикладом, казак стучается в стену, хватается за шашку. Щёлкаем затворами.

- Ни с места, стерва. На месте ляжешь. Самим конь нужен.
- Оказался не из храбрых.

– Братцы, извинюсь. Показали себя колчаковцами. Жеребёнок остался, смотался на «своей», хозяйка благодарила <...> Офицеры распивали <...> сидели в подполье и в случае чего приготовились к бою. Давили чёрные думы. Откроют, первых убьём. Граната... и нас с Андрюшкой, как тех, в пиджаках, обезобразит. Увидеть любившую меня мать не придётся. Напились и ушли. Хозяйка стукнула, вылезли.

В сумерках вышли за деревню. Куда – вперёд, в пространство, в тайгу.

- Как думаешь, дойдём?
- Дойдём, понятно, дойдём.
- Ушли с полверсты. Впереди едет подвода.
- Стой.

– Тпррру.

Лошадь стала, парень растерялся.

– Куда едешь?

– В Болотное.

Робко умоляюще говорит.

– И нам туда, подвезёшь, заплатим.

– Не по пути.

– На Болотное, куда и тебе. Часть ищем.

Парень опешил: едем мы не в сторону отступления, а обратно. Уговорили. Черепашьим шагом поехали. Хочется с ним заговорить, узнать о красных, как начать. Он подозревает: агенты, контрразведка. И мы тоже. Наконец, заговорили на риск.

– Слушай, паренёк, про красных не знаешь, где они?

Вопросительно посмотрел:

– На что они вам?

– К ним удираем.

– Врёте.

– Да, в самом деле.

– Нет, правда.

– Тебе говорят.

– Не верится.

– Удираем самым настоящим образом.

Повеселел.

– Если так, смотрите, не обманывайте, я вас укрою. Тока я не из Болотного, не доезжаю немного. Но-о.

Конь побежал рысцой.

– Туто ка свернём с тракту, спокойнее.

Мы ожили. Остановились, не доезжая деревни: говорит, казаки стояли. Пошёл в разведку. Везёт нам на казаков: казаки есть, собираются сдаваться. Доверяться опасно. Подъехали к кривой избе. Заходим. На полном ходу самогонный аппарат. Думали, обыск. Успокоили. Грязно, душно. Предлагают выпить: с отвращением, самогон для нас новость, по стакану. Передохнули. Повёз на займку. Одни овраги. Ценное хранится здесь.

– Ну, ребятки, оставайтесь, как разведаем, за вами приеду, прощайте. Уехал. На рассвете где-то далеко по флангам трещали пулемёты. Насторожились. По очереди залезали на берёзу смотреть. Красные были близко.

Утром мы сидели с казаками, рассуждали про получку. Казаки-старики остались добровольно. Спорили погоны. Стало легко, свободно. В обед прискакала красная конная разведка. Мы их увидели с бантами на груди. В Болотном на улицах валялись ещё неубранные трупы. Мы были у своих.

М. А. Калинин.

Иркутский окружной склад военно-технического имущества.
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 636. Л. 1–2. Машинопись.

Воспоминание бывшего красногвардейца Байкальского отряда Дмитриева Александра Григорьевича о борьбе с контрреволюцией в Сибири в 1918–1919 гг.

7 января 1917 г. по контузии я был отпущен с империалистического фронта из 1-ой батареи 4 бригады 2 Сибирского корпуса и возвратился домой, на станцию Байкал. Через несколько недель я поступил в ремонтно-рабочие 1 участка пути на станции Байкал.

В начале марта 1918 г. по инициативе пришедшего с фронта младшего унтер-офицера, члена РСДРП(б), работавшего в ремонте, Дронова Григория начинается организация красногвардейского отряда из рабочих станции и Байкальской переправы.

В организации красногвардейского отряда принял участие <...> Яков Козодой, который начал организацию ячейки РСДРП(б).

В первое время записалось в Красную гвардию человек 25, исключительно рабочие, а перед отступлением в отряде насчитывалось 42 красногвардейца.

Командиром отряда на своем собрании, которые проводились на пароходе «Байкал», был избран Дронов Григорий, помощником – фронтовик Куприянов Фёдор и начштаба Куприянов Семён.

После официального оформления отряда Козодой Яков, Дронов Григорий и я поехали в Иркутск, в штаб Красной гвардии за получением оружия, боеприпасов и т. д., но там нам предложили получить всё в Лившанском отряде, куда мы поехали после приезда из Иркутска и получили достаточное количество винтовок, патрон и прочее.

Путевая администрация, мастер и артельный староста к красногвардейцам-путейцам относились недоброжелательно, особен-

но артельный староста Бибин, который давал нам худшие работы и в дождь заставлял работать. Мы, в свою очередь, таким попыткам давали свой отпор, отбив их охотку.

До выезда в Иркутск на подавление восстания в мае белых, мне по поручению командира отряда пришлось производить обыски у местных меньшевиков и др. лиц, которые нами заподозрились в связи с антисоветскими элементами. Так, при обыске у меньшевика Телина, впоследствии колчаковского опричника, мы обнаружили 3 куска мануфактуры, несколько метров сукна, и спирт, сигареты, один пуд сахара, которые он присвоил себе [как] имущество задержанных.

Когда отступили со ст. Байкал, на ст. Танхой штабом отряда в Танхое меня откомандировали на броневик, стоявший в Танхое, на должность командира батареи.

Когда засадой подполковника Ушакова отрезан путь нашего отступления на восток, наш бронепоезд оставался отступать последним. На броневике мы добрались до ст. Боярск, где были оцеплены белыми частями, мы открыли пулемётный огонь, изрядно покروшили наступавших беляков, они снова повели наступление на нас. В паровозе, которым управлял машинист Зиминского депо Кабанов, пулями пробило шланги, которые кое-как перевязал Кабанов и, отъехав назад несколько сажен, встал совсем.

Брошенными гранатами в наш бронепоезд убито было 6 человек, а меня ранило в живот и ногу.

Бросая броневик под огнём наступающего противника, мы захватили с собой автомобиль.

Трое суток мы вели мелкие бои с противником, проскочив захваченные им места.

Наши части отступали от г. Верхнеудинска, и нам не удалось их догнать.

Около полутора месяцев мы обитались в деревнях за Верхнеудинском, а 27 сентября около станции Заиграево были захвачены уральскими казаками в плен и доставлены в Верхнеудинскую тюрьму, из которой через три месяца переведены в Иркутскую, а из Иркутской через полгода в Нижнеудинскую на заготовку дров.

Освободившись из тюрьмы в марте 1919 г., стал скрывать[ся] на разъезде Солозон.

У меня с бывшими красногвардейцами большевиками Дроновым, Науменко, Мурза, Дмитриевым, Ивановым завязалась связь на предмет организации партизанского движения, которое осуществить не удалось за отсутствием связи с другими товарищами.

После Декабрьского восстания в Иркутске в 1919 году, когда власть перешла в Иркутске Политическому Центру, я возвратился снова на Байкал, вступил в боевую дружину и снова с бывшими красногвардейцами нашего отряда Авдеевым Александром, Вертинным Афанасием пришлось ехать и получать оружие в Иркутске.

В 1922 г., когда в Тарбеево, около с. Голоустное Иркутского уезда появилась банда Черепанова, я выехал на ликвидацию её, пробыв там около 2 недель.

В 1920 г. снова вступил в ряды партии, т. к. наши партдокументы о нашей принадлежности к РСДРП(б) в 1918 г. были уничтожены во время плена и разгрома ледокола «Байкал».

С тех пор я продолжаю начатое дело партии, дело Ленина, и сейчас, несмотря на потерю здоровья в Гражданской войне, я готов опять встать с винтовкой на защиту СССР от мировых империалистов, готовящих нам войну на Востоке.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 627. Л. 1–5. Машинопись.

**Выдержки из воспоминаний
Иннокентия Романовича Пляскина
о зверствах оголтелой белогвардейщины атамана Семенова**

В 1918 году в марте месяце в селе Олдонда были впервые провозглашены «Совдепы». За прибывшими солдатами с Германского фронта, уставшими от многолетней войны за царя и отечество, приехал офицер, по чину – поручик. В школе собрал собрание, на котором граждане села и пришедшие фронтовики. Офицер говорил на этом собрании долгую непрерывную речь, призывал фронтовиков обратно на фронт, сражаться с внешним врагом России, за спасение отечества народа и матушку Россию. Приводил много примеров, что в России было много измены, теперь, мол, на фронте остались только русские кровные офицеры, которые будут идти вместе с вами до победоносного конца за Русь святую. Однако же его речь была напрасна. Фронтовики заявили, как один – доволь-

но воевать, у нас внешнего врага германца нет, они такие же, как и мы, нам и им нужны «Совдепы». Офицер ушел с собрания несолоно хлебавши и тотчас же выехал в другое село. Два дня шли разговоры, что же будет дальше? На станции Борзя пошли слухи, что появились большевики и какие-то красногвардейцы, и нам нужно тоже организовать в большевики. Пошел разговор об организации волостного Совдепа. Один из боевых фронтовиков, Катальников Александр Яковлевич, явился на этот раз организатором волостного Совдепа, в результате чего он же был избран председателем волостного комитета Совдепа.

В апреле месяце этого же года начали появляться небольшие отряды казаков под командой офицера Березовского в направлении по реке Борзе. А в селе Курунзулай, Олдонда, – организовались большевистские отряды, на первый случай в селе Олдонда были организованы все граждане и разбиты по отрядам. Наш отряд под командой Григорьева вышел в падь Озерную, для заслона правого фланга позиции в направлении реки Борзи. Я был за старшего направлен в глубокий разъезд по направлению села Бырка, откуда ожидался противник, с наказом до распоряжения не сниматься и вести наблюдение за всякими появлением, что мною было сделано.

Солнце было уже поздно, слышались орудийные выстрелы в направлении реки Борзи к Олдонде, ребята начали волноваться: «что нам делать?». Впоследствии успокоились, решили с поста до распоряжения не снимать, и только солнце на закате, пробежал посыльный Шипицин от нашего отряда, который объяснил, что наш отряд ушел под Цуцер, а вам приказал, тов. Григорьев, сняться и двигаться через село Олдонду на Курунзулай. В пади Очикан я получил сведения, что все отряды отступили через хребет на село Гирунино, на второй день я присоединился к отрядам, где были сгруппированы все отряды, но нашего отряда не оказалось. По наведенным мною справкам, не точно, что он, мол, остался в районе Олдоны или попал в плен к белым.

Прошло 2 дня, из села Олдонда прибегает нарочным старик 70 лет, который доложил, что на Олдонде, где река впадает в Борзю под ле горы Цуцер убиты 12 человек большевиков из села Олдонда. Нас сразу же несколько человек командировали на похороны. По приезду в село трупы были все подняты и находились у родных и только один Григорьев Иван Сергеевич находился в поле, от которого род-

ные отказались, что не наш сын и он не похож, только на 2-й день после поднятия трупов убедились родные по одежде, что это их второй сын. Он был обезображен так, что не похож на человека. А старший ихний сын, т. е. брат убитого Никита Сергеевич, командир этого отряда, был не просто убит, а замучен. У него насчитали всего тридцать две раны, а на голове волос не было, а были выдерганы.

Все эти двенадцать бойцов изодраны, обезображены, в лицо забиты колья, а в рот набиты камни. Изрублены шашками, этот ужас невозможно описать. Перечислю этих товарищей: Григорьев Н. С., Григорьев И. С., Юрьинский И. А., Пляскин Г. В., Пляскин В. П., Сухов Л. Я., Тимофеев С. С., Голиков В. А., Эпов Е. В., Тимофеев Н. С., Деревцев И. И., Степанов Л. С.

Когда на Даурском фронте в июле месяце этого же года был пойман белый бурят из Биликтуйского улуса, который рассказал все. Перед тем как делать расправу с 12-ю человеками, им приказали напиться своей воды [из] реки Олданды. Вот, мол, быки, угорели пока шли, от места взятия в плен до места расправы под Цуцер. Эти жестокие расправы нисколько не запугали граждан села Олданды, а наоборот, противопоставили. В начале мая 1918 года под напором наших красновардейских отрядов белоказаки под командой офицера Березовского и др. были прогнаны на линию ж/дороги в район Даурия, где образовался фронт, командующим которого был тов. Лазо. На некоторое время села Курунзулайского, Онон-Борзинского, Олдодинского районов почувствовали полную свободу...

Уже в начале 1919 года я получил снова задание – перед нашим выступлением в открытую борьбу с белогвардейцами в селе Олдонда, организовать эскадрон с тов. Якимовым М., Савватеевым Н., Макаровым К. До этого задания за 5 дней вперед я сделал налет на Большой сопке по разоружению местных белогвардейцев, которые занимались поркой и предательством своих местных граждан, замешанных в связях с большевиками, скрывающимися в Олдондской коммуне, и укрывательствах, особенно большевика Кабакова Артемия, который у предателей стоял как кость в горле. Налет был удачен, после чего прекратились всякие предательства не только в этом селе, но и в окружающих селах.

Итак, мы вчетвером выехали в село Олдонда по намеченной цели, я поехал прямо через Талонгуевский таежный хребет, этот путь был для меня короче, трое выехали через село Курунзулай.

Выезд был утром. В час дня я был в селе, т. е. в своем селе, где проживали мои родители, часа на три раньше я приехал своих товарищей. По приезде в село я встретил бежавшего к нам в лес, которому жить в селе Бырка невозможно, это был тов. Селезнев Конон. Кое о чем с ним поговорили и договорились, что после проведения собрания поедет с нами в Олдокочан. В доме собралось много граждан, которые спрашивали, скоро ли восстание, есть ли у вас пушки? Пулеметы? Чем будем заряжать? Приходилось говорить, что есть все. В избе накурили очень много табачного дыма, я вышел во двор посмотреть, не едут ли мои товарищи? Как мне бросился в глаза отряд человек 20, движутся быстро со стороны Большого Соктуя. Я быстро вернулся назад в избу и сказал «отряд». Это было понятно, что надо разбежаться, граждане по улице быстро разошлись по домам, отряд двигался недалеко от села. Мы с товарищем Селезневым сели на лошадей, которые были готовы, работа шла мигом, мой младший брат Андрей разобрал один заплот из слезника, и мы выскочили на лошадях по задворкам, как вслед за нами оказался отряд и открыл по нам ружейный огонь, но пули не попадали, да и [мы] тоже на бегу производили выстрелы с лошадей. Как не успели достигнуть до леса, были схвачены бурятским отрядом из 20 человек под командой одного русского, со станции Борзя Нерадовского, буряты сразу же начали избивать обоих нас прикладами, после чего отвели в сторону для расстрела, этот русский вскричал: «Сейчас расстреливать не нужно, еще успеем, а надо отвезти к офицеру». Тут же появился еще арестованный гражданин Миронов Иван, который гнал на водопой из села своих лошадей с бичом в руках. Три буряты с винтовками повели нас в село. Не доводя несколько саженой до села, попадает отряд русских казаков и два офицера, как снова послышались ружейные выстрелы, офицер со своими казаками бросился в том же направлении, откуда вели нас, но правее по направлению большой горы, к дороге, которая шла из села Курунзулай, в полугоре я увидел 2 человека, бежавших верхом на лошадях, офицер спешил своих казаков и открыл стрельбу, как скоро были сбиты у всадников, и они уже пешие на самом перевале в падь Булдурук были убиты наповал казаками или бурятами, пули летали вместе. А нас один казак завел на улицу, подвел к заплоту и приказал стоять смиренно. Казак оказался знакомым моему товарищу Селезневу из

села Чингинтуй Такмаков, его знали многие жители нашего села, тут же попросили, что он должен за нас поручиться офицеру, что мы, мол, не большевики, а местные мирные граждане. Арестованы бурятами случайно.

Через некоторое время казак нас повел к школе, где встретил офицер с револьвером в руках, взведенным на боевой, поставил в грудь и спросил: «Большевики?» Казак вскричал: «Господин сотник, не стреляйте, это не большевики». – «Ага, ну ладно, заведи их в ограду». Одного гражданина, Пляскина Михаила, в эту же ограду собрались все казаки и буряты. В чем дело? Трудно было понять. И вот офицер сказал одному казаку – иди, мол, посмотри, нет ли его в сене, казак быстро пошел во двор, где было наметано много сена, и скоро вернулся обратно, подошел к офицеру и сказал, что нет ничего заметного. Один молодой казак высокого роста, видно боевой, сказал, что я сейчас его найду. Тогда мне было понятно, что это еще остался один из наших. Через некоторое время раздался выстрел, следом второй, часть казаков бросилась туда, через некоторое время выносят два трупа нашего и казака, положив среди улицы, и подвозят еще два трупа, положив вместе всех четверых. Офицер закричал: «Подводите к этой куче молодого парня». Я перевел в уме, что, наверное, предали. Офицер кричит: «Говори, сукин сын, кто эти люди?» Ответ мой был, [что] не знаю, получил несколько ударов нагайкой, опять спрашивает, говори, кто такие, я ответил, [что] не знаю. И так всех ближних граждан приводили к этой куче и спрашивали – какие эти люди. Никто не сказал озверевшему, кровожадному сотнику. Тут же был арестован сельский писарь Эпов Елизар и Голиков Д., пойманный в лесу с винтовкой, К его счастью он убил дикую козу и сказал, что он простой охотник. Всего под арестом находилось 5 человек, убитые лежали среди улицы, за исключением ихнего казака.

Нас посадили в школу и приставили строгий караул из бурят. На дворе было темно, часа через три открывается дверь, бурят кричит: «Пляскин, выходи». Ну, это известно, куда, узнали, кто я. Я вышел в коридор, увидел, стоит бурят, в руке маузер, в другой свечка, говорит: «Вот, Пляскин, мы знаем, что ты большевик, скажи, где вы спасаетесь и сколько вас? Тогда отпустим тебя, а не скажешь, расстреляем». На вопрос ответил, [что] ничего не знаю, я не большевик и никуда не езжу, кроме своего села. Долго он меня

пытал, но добился того, чего я ответил – ничего не знаю. Он обратно загнал меня к моим товарищам, которые прислушивались, скоро ли будут выстрелы. Я пришел к ним: «Ну, жив?» Я ответил: «Да».

Прошло еще много времени, казалось, что скоро утро, как быстро открывается дверь, подалась команда – арестованные на выход. Мы вышли, перед выходом во двор кругом стояли на лошадях буряты и щелкают затворами винтовок, старший объявляет – кто качнется вправо или влево, будет пристрелен. Команда вперед, и мы пошли по приказанному направлению. Наш стговор в случае расстрела – кто куда. Нас вели через пустое место лугом, на другой конец села, где находился штаб офицера Чистохина и прапорщика Такмакова. Туда нас привели на допрос. Меня повели первого, подвели к столу офицера, на столе лежит резиновый хлыст и наган. Вопрос: «Скажи, большевик?» Я ответил: «нет». «Расстреляю, мерзавец, где большевики? – «Не могу знать». – «Сукин сын, отведу на сопку!» И так все были такие допросы и ответы на них у всех.

Через некоторое время прапорщик, заходя к нам на кухню, сказал, [что] арестованные могут быть свободны. Мы собрались и пошли. Переходя луг откуда мы пришли, подходя к проулку, раздался крик: «Стой, стрелять будем, кто такие?» Мы ответили, [что] освобожденные из-под ареста, и так пока дошли до квартиры, были остановлены три раза. Село было все оцеплено казаками, бежать было некуда, да и мы с Селезевым еле передвигались от нанесенных побоев бело-бурятскими отрядами. Я пришел в квартиру отца, а Селезеву велел идти к знакомым и утром не выходить даже во двор, пока не выйдет отряд из села. Так прошел этот день. Утром офицер собирает собрание. Я сказал отцу: ты, мол, иди, а я не пойду, а потом скажешь, что будет там.

Офицер на собрании заявил, [чтобы] немедленно сдела[ли] гроб своему убитому казаку, отрядил оттуда трех человек мастеров, а остальным заявил, что ваше село содержит большевиков и убили моего доблестного казака. Вы должны дать мне двадцать человек, которые повезут в пешем строю моего убитого казака до станции Борзя, вот вам 10 минут, решайте. Сам же вышел на двор, кругом стоят вооруженные казаки и буряты, держа винтовки наизготовку. Граждане же решили двадцать человек не давать,

а если же их, мол, дать, по прибытию на Борзю скажет своему командованию, что Олдонда выдала двадцать большевиков, и расстреляют. Борзя, как известно, была застенком. После 10 минут зашел и спросил [что] решили? Ответ поступил: «Да, не давать, можно увезти на лошадях, далеко 65 верст». Офицер сказал: «Ничего, увезёте пешие, даю вам вторично пять минут, или же я открою огонь по дому». Сам вышел и подал команду приготовиться, слышно было щелканье затворов винтовок. Собрание решило нести всем обществом, от старшего до малого, всех, мол, не расстреляют, а здесь, чего доброго, откроют огонь по дому, а потом скажут, что взбунтовались, за это можно получить, что вместо сотника – полковника, а он был известный палач, ему это будет в удовольствие. Заходя в дом обратно, спросил: «Ну, решили?» – «Да, решили, повезем все!» – «Ага, легче повезете!» После чего разошлись по домам, а десятник, молодой парень по фамилии Миронов Андрей, начал по предложению старосты и решению собрания по домам производить наряды для отвоза убитого казака до ст. Борзя.

Прибегает на квартиру ко мне и спрашивает: «Ну, как ты думаешь, повезешь или нет?» Я сказал: «Нет, этого нельзя, я сразу же буду расстрелян, как только покажу глаза на ст. Борзя». Парень был согласен. Впоследствии был в партизанах. После 12 часов дня начались сборы. Засобирался и мой отец, и младший брат шестнадцати лет, а также и все граждане села. Я никуда не выходил из квартиры, чтобы не попасться на глаза оголтелым белогвардейцам, этот день мне был годом, сделать донесение в свою коммуны было невозможно, село все было оцеплено, что граждане ни старого, ни малого не выпускали из села даже на водопой со скотом или с лошадьми.

Сбор граждан был назначен «за речкой», на площади против дома Веселкова, где находился сотник Чистохин. К трем часам дня народ собрался, убитый казак в гробе лежал на снях, я наблюдал в окно. По сообщению мне гражданами, что старосту села запрягли в корень, а писаря в пристяжку, граждан посменно гуськом на веревках вроде постромок, за то, что содержали большевиков в селе. Через полчаса стронулись в путь, офицер приставил конвой из бело-бурят, у каждого из которых в руках были камышинные плети, этими плетями подгоняли граждан, чтобы везли быстрее,

т. е. людей превратили в лошадей. В этот вечер убитый Олдондянами был доведен до села Бырка, расстояние 25 верст. Староста Эпов Петр по содействию общества из села Бырка бежал и присоединился к нам. В этот же вечер взял худенькую лошадь вместо своей, на которой уехал офицер и тут же уехал в Олдонскую коммуны. В 12 часов ночи я был там, ехал тайгой, оружия не было, но зато было весело, ехал своими таежными тайными тропами. По прибытии я доложил организованному штабу о всем случившемся в Олдонде и о потере лучших трех товарищей из наших рядов. Это были из села Курунзулая тов. Якимов Михаил, Макаров Карнил и из села Ключевское тов. Саватеев Николай. После моего рапорта сделали совещание, на котором стоял вопрос, выручать общество в эту ночь от отряда белых бурят. Много было разговоров, но решили по некоторым стратегическим соображениям [в] эту ночь не выступать.

Что было дальше с Олдондинским обществом? На третий день подвезли в пешем строю убитого казака к ст. Борзя, не доходя трех верст, встретили офицера в сопровождении казаков, который скомандовал «шапки долой», на дворе было холодно, несколько человек отморозили уши, кто не снимал, били прикладами и заставляли снять.

По прибытию в Борзю командование приказало убитого казака обвезти все улицы, переулки и закоулки, чтобы смотрел народ на казака, убитого большевиками, и на Олдондинских граждан, которые карались за содеянное большевиками в своём селе.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 470. Л. 1–7. Машинопись.

Воспоминания бывшего начальника красногвардейских отрядов С. А. Русина-Рыбникова «Сибирь в огне»

В апреле месяце 1918 г. я прибыл из Ярославля (где был военным комиссаром 20 стр. дивизии) в г. Иркутск.

По предъявлении рекомендательных писем и документов Исполкома 12 армии я был назначен тов. Янсоном (председателем Ирсовдепа) членом военного отдела, где и начал работать с тов. Шевцовым и Певзнером. Обстановка в Иркутске в то время была чрезвычайно тревожная, существовали чуждые нам военные отря-

ды в лице анархистов, за исключение[м] некоторых групп и дружины социалистов-революционеров. С теми и другими возникали часто конфликты, кроме того, имелись сведения о наличии в городе тайной офицерско-буржуазной военной организации, которая ожидала удобного момента, чтобы выступить против Сов. власти.

В мае месяце мы получили сведения о выступлении чехословаков по линии железной дороги против Соввласти и захвате ими ряда городов по Самаро-Златоустовской и Сибирской магистрали и начали готовить рабочие, красногвардейские отряды против продвигающихся к Иркутску чехословаков и русских белогвардейцев. Создавшейся тревожной обстановкой воспользовалась белогвардейщина, скрывавшаяся в Иркутске и его окрестностях, и пыталась поднять в городе вооружённое восстание, избрав первым объектом своего нападения тюрьму и освобождение арестованных белогвардейцев, но благодаря срочно принятым мерам и организованности красногвардейцев-рабочих – восстание было быстро ликвидировано.

Чехословацкие части наступали всё упорней, посланные представители Центросибири к командованию чехословаков для переговоров, положительных результатов не добились: непрошенные гости чувствовали за собой силу и высокомерно отвергали возможность мирного продвижения на восток, а оттуда на родину, предвидя широкие перспективы безнаказанного грабежа в раздираемой внутренними разногласиями сибирской окраине.

Пал Нижнеудинск с тяжёлыми упорными боями, оставлена ст. Худоеланская, и красногвардейские части, уступая численно превосходящему, хорошо вооружённому противнику, начали, упорно сопротивляясь, отступать к Иркутску, взрывая за собой железнодорожные мосты, чтоб задержать броневые и военные поезда противника и создать боевой заслон около Иркутска, но после детального обсуждения и горячих прений наше военное командование решило, не давая боя, эвакуировать Иркутск, во избежание разрушения города и жертв, и укрепиться на Култукских позициях на озере Байкал.

Наша армия во время Байкальских боёв насчитывала в себе около 7–8 тысяч человек, да «флот» из ледоколов: «Байкал», «Ангара» и ледореза «Кругобайкалец», вооружённых артиллерией. Но что из себя эта «армия» в военном отношении: это наскоро сколоченные дружины из рабочих: Черемховских копей, Иркутских фабрик и заводов, привыкших безупречно владеть кайлой, лопа-

той и молотом, но, увы <...>, не винтовкой. Они умели героически умирать за советскую власть, они обливали своей кровью пядь за пядью всю сибирскую магистраль до Амура, но как боевая единица – имели незначительный удельный вес. Если бы в то время мы получили братскую помощь от сибирского крестьянства, если бы с нами выступил тогда единым фронтом весь рабочий класс, если бы большая часть железнодорожных служащих была на нашей стороне – мы бы могли в те дни «наломать рога» благородным прохвостам, явившимся из «великодушной Европы» с плетью, штыком и пулей наводить порядки в «озверевшей» большевистской России.

Крестьянин и рабочий Сибири долго будут помнить свою ошибку, он не скоро забудет этот гнойный нарыв 1918–1919 гг., который вырвал из наших рядов так много честных, самоотверженных борцов. Кровавым кошмаром он будет долго стоять в глазах осиротелых отцов, матерей, жён и детей зверски замученных рабочих и крестьян по городам и сёлам необъятной Сибири.

После упорных ожесточённых боёв нами были оставлены Култукские позиции и Слюдянка, и наш штаб остановился в Мысовой, а ареной новых жестоких боёв стал район Мурино – Выдрино. Начальником боевого участка в то время был назначен тов. Хлебников, который, будучи безумно храбрым человеком, зарвался и, не выполнив боевого задания штаба, принёс нам непоправимый вред, т. е., вопреки распоряжения штаба, занял самовольно новые позиции, оттеснив оттуда противника, и подвергся обстрелу своей артиллерии с Байкальской флотилии, что вызвало панику и полное расстройство в наших лучших боевых частях и поспешное отступление с жестоким уроном от воспользовавшегося удобным моментом противника. Хлебников, поняв свой поступок, застрелился, но это не спасло положения, и наши части поспешно начали отступать. Неожиданное окружение наших частей под Посольской, где обходным движением противник разгромил наши лучшие боевые силы, окончательно подорвало наши надежды на то, что мы сможем удержать в районе Байкала противника, и началось стихийное отступление на восток.

Во время эвакуации Верхнеудинска местная белогвардейщина подняла восстание, правда, не совсем удачное, но всё-таки обстрелом из бомбомёта вокзала создавалась угроза нашим эшелонам, а потому штабом командования было дано задание пустить все поезда один за другим по обоим путям железнодорожной линии

по направлению к Чите. Как это ни странно с точки зрения военной стратегии, но наш поезд штаба верховного командования в лице тов. Голикова, Батурина, Метелицы и меня оказался самым последним при отступлении и, имея прикрытие в лице отряда Фурмана инструкторской школы под начальством тов. Панина и одного броневика, начал, сдерживая противника, с боем отступать к Чите. Вся полоса железной дороги была наводнена шпионами контрреволюции. Часть из них были обнаружены на станциях и станционных посёлках с оружием, крупными деньгами и зашифрованными бумагами и, конечно, «ликвидировались», так требовал железный закон фронтовой обстановки.

По прибытии в г. Читу узнаем, что ЦИК Центросибири во главе с тов. Яковлевым Н. Н. выехал в г. Благовещенск на Амуре, куда должны были следовать и мы.

В Чите получилась безобразная картина: уголовный преступник – бандит Пережогин, именующий себя «анархистом», с отрядом 300–350 человек, забрал Читинское казначейство: несколько десятков пудов золота и серебра, погрузил всё это в эшелон, поставил пулемёты и 2 орудия и под угрозой смерти приказал комендантам и начальникам станций пускать его поезд вне всякой очереди. Штабом Верховного командования было дано распоряжение по линии разобрать путь и пустить, если потребуется, поезд Пережогина под откос – но задержать. Но на этот раз бандиту «повезло». На одном из разъездов (названия не помню) он пропустил вперёд себя состав с канцелярией Центросибири, который и потерпел крушение, а он же благополучно добрался до Благовещенска и, укрепившись в бывшей духовной семинарии, начал производить пьяные оргии и самовольные реквизиции и обыски.

Военно-оперативным штабом Амурского Совнаркома (председатель тов. Мизин, члены: я, и тов. Шевцов, Голиков) было решено ликвидировать отряд Пережогина, и силами наших частей и милиции отряд был разоружён и расформирован, а Пережогин убит при сопротивлении.

Чрезвычайно тяжёлая, почти безнадёжная обстановка создавалась для нас в Благовещенске: тов. С. Лазо с лучшими интернациональными и боеспособными [частями] держал фронт против атаманов Калмыкова и Семёнова, часть наших сил была брошена на задержку продвигающихся чехов и русских белогвардейцев от

Иркутска, и часть сил нужно было держать начеку в Благовещенске, т. к. на другой стороне Амура, в Китайском городке Сахалин, видимые невооружённым глазом, группировались и производили военные занятия русские белогвардейцы. С Амура к Благовещенску продвигались японские канонерки, которые угрожали бомбардировкой города. Некоторые из нас, членов командования, не видя исхода и чувствовали близость жуткой развязки, предлагали бомбардировать Сахалин чтоб уничтожить белогвардейское гнездо. Но против этого предложения решительно восстал председатель Амурского Совнаркома тов. Мухин, ссылаясь на то, что это вызовет международный конфликт.

И, наконец, в половине сентября 1918 года загремела орудийная канонада, и тяжёлые снаряды с канонерок начали рваться на улицах города, под прикрытием этой бомбардировки и пулемётного обстрела русские белогвардейские отряды перебрались из Сахалина в Благовещенск, а на утро высадился и японский десант, и город захлебнулся в крови. Немногие счастливицы успели выйти из окружения. Наспех погрузившиеся красногвардейские части расстреливались вместе с пароходами. Два парохода, пытавшиеся просить защиты у китайских властей, по настоянию японского командования были расстреляны и потоплены около Сахалина, несколько пароходов было потоплено около Зейского моста, и лишь части товарищей удалось уйти по Зее, а оттуда в сопки, чтоб провести в дальнейшем героическую партизанскую борьбу с врагами трудового народа. Тысячами расстрелянных и замученных борцов за советскую власть ознаменовала озверевшая банда палачей свою победу в Благовещенске.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 664. Л. 1–16. Машинопись.

Воспоминания Ивана Корнева, Михалины Рябцовой, Анны Рябцовой и Викентия Рябцовского о борьбе Красной Армии против банд Колчака в 1918–1919 годах

Вспоминаю прошлый 1918 год.

Как мы спасались от белогвардейщины.

Это было в июле 1918 г. Мне было всего 6 лет, и я чуть-чуть помню, как это мы спасались от белых. Всем рабочим объявили красные, что уходили отсюда, что здесь будут стрелять и будут здесь

жить солдаты. Мы стали думать, как нам, потом придумали, что нам надо уйти в лес и там найти место, рабочие все пошли, потянули за собой вещи, коров, свиней. Часть в землю закопали, и некоторые, кого не <...>, а кто и сам бежал. Я плакала, мне не хотелось уходить в лес, там было холодно и шёл дождь. Пришли в лес, зашли за гору, там была поляна, на ней остановились, стали копать ямы и строить землянки. Построили землянки и стали жить. Жили <...>, потом опять красные взяли это место и всем приказали выйти домой. Мы все вышли домой, везде всё было разбито, разбросано, валялись стаканы разбитых снарядов, вечером нас всех, ребяташек, посадили в подполье, мы там ночь спали, на утро встали. Я думала, что папу и маму убили, но их не убили. Я посмотрела везде, солдат много, у нас в избе полно было их, у них на шапках <...> половина белой, а половина красной, и у других были на плечах погоны, на солнце блестели. Мне мама сказала, что это белые пришли и много красных побили. Я смотрела, рабочие ходили мрачные и все что-то шептались, но не знала, что, а тогда не понимала, что красные и белые, но сейчас читаю книги, учусь в школе, узнала, кто были красные и кто были белые, и сейчас часто вспоминаю, как мы спасались в тайге, как жили в ямах, как медведи.

Пионер Муринского пионеротряда Анна Георгиевна Рябцовская

13 февраля 1926 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 642. Л. 1–2. Рукопись.

Мрачное время

Я коснусь только в округности своего района за Байкал от Слюдянки до Танхой. Начало 1918 года была власть советов, не было никакой организованности среди транспортников железной дороги, мало кто уяснял, что такое советская власть, а про крестьян этого района и говорить не приходится. Правда, была добровольная Красная гвардия, действовавшая против белобандитов как Колчака, Семёнова и чехов, не было ни дисциплины, ни тактики военной, отчего в 1918 году 7 августа была побеждена Красная Гвардия и отступила в паническом отступлении на восток, большая часть Красной гвардии <...> между Муриной и Сол-

занам и часть скрылась вглубь тайги, где и приходилось им питаться грибами и ягодами, а тем, кто был тяжело ранен, пришлось посылать проклятия тем, кому ненавистен был рабочий класс, и умереть, оставить свои кости на поверхности среди глухой тайги. Некоторые решали выходить и <...>, но они всё равно уже встречали смерть, получавшую[ся] от расстрела или приклада бывших наших ваших благородий. Так началась реакция, залита погонной свор[ой] и их прихвостников, и наступило царство Колчака, Семёнова со знаменитыми чехами <...> в лице попов и других лакеев о составлении именных списков тех, кого они считали вредным для своего царства, чтобы потом вызвать по этому списку на их быстроходный броневик и раскидать по откосам человеческое мясо, истерзанное по их высокообразованной культуре.

Но вот наш рабочий и крестьянин начинают свои мозолистые, мускулистые руки расправлять. Жутко показалось господам чехам, награбили они в России много добра, надо обезопасить путь до Владивостока, а там и домой с русскими гостинцами заявиться. И изменили они своим единомышленникам Семёнову и Колчаку, разоружили семёновский эшелон в Култуке. Они прекрасно знали, что не миновать им принимать холодную ванну в Байкале всем, как нажмут <...> большевики. И вот поехали, устроили буфер на предпоследнем эшелоне из румынов, да ещё <...> так и проехали, много везли они ценностей, награбленное по матушке России. Чехи на поездах расшатывали до основания наш железнодорожный транспорт, а каппелевцы в полосе чешского сохранявшегося отчуждения постарались пятки смазывать на лошадях ограбленного или обобранного ими населения, тоже усеивали Байкал уставшими и заморенными лошадьми. Вот один небольшой отряд каппелевцев в 50 человек, 50 конных подвод в полосе охраняемого отчуждения пожаловали к нам в Мурино на ночлег. Думали на утро обменять уставших и заморенных лошадей на более сытых и выносливых и оставили три–четыре семьи без единственной коровы для удовлетворения своего волчьего аппетита и развить свою необузданную жадность об извлечении из сундуков вплоть до младенческих пелёнок и пополнении своего нагруженного воза ими по населению. Но, несмотря на то, что чехи завладели всем транспортом, нам удалось сообщить об их ночлеге култукской дружине, которая перед рассветом прибыла мартовского дня 1919 года под командой Бо-

риса Гаврилова численностью человек 30, местные железнодорожники примкнули, а также и крестьяне данного посёлка оказали содействие. Оружие было у нас большей частью охотничье с совсем малым количеством патронов, тогда как с кем приходилось дело иметь, были прекрасно вооружены с большим количеством припасов, и даже было штук 6 автоматов. И был выставлен обходной патруль каппелевцами, но благодаря тихому подходу по сигнализации и обходу лыжников со всех сторон, были взяты при одном случайном выстреле. После ликвидации каппелевцев и прохода чешских эшелонов, что же осталось нам в наследство? Нам остался мусор, грязь, навоз от того продовольствия, от которого много осталось голодать <...>, но мы эту нечисть дружной работой, воскресниками всё убрали под метёлочку.

И развеивается красное знамя над чистою площадью, и теперь уже не будет этих нечистот никогда. Было одно время, когда проехали чехи, то как бы открылась отверстия со стороны Верхнеудинска, что вот-вот поползут семёновские муравьи, так как главный муравейник там был. Тогда нам немедленно пришлось организовать при станции дружину из рабочих транспорта для отражения семёновского восстания, в каковую я был избран командиром, обучал рабочих военному строю. С приходом регулярных советских войск наша дружина сложила с себя военные обязанности, и взялись за восстановление транспорта и вместе с ним строить новую жизнь по учению Владимира Ильича за большевизм, за коммунизм и осуществлять заветы Ленина, крепко скрепить пролетариат с беднейшим крестьянством и твёрдо надеяться на победу над мировым капиталом.

Крестьянин посёлка Мурино

Корнев Иван Иванович.

17.02.1926 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 642. Л. 3–4. Рукопись.

События 1918 г. Воспоминания

В июле 1918 г. нашу местность заняли белые. Много погибло красных, в особенности на 190 в. и 194 в. Бой был сильный, белые красных обрезали. Красным пришлось спастись в тайгу, но вот я опишу 2 характерных случая.

Выходит из тайги один красноармеец, так же под вечерок заходит к одной женщине в квартиру, отдаёт ей походную палатку и говорит: «Дай мне мешка за это хлеба, я умираю с голоду», та <...> дала, а здесь рядом <...> белые заметили красногвардейца, подходят, берут его и ведут в штаб к полковнику. Стали его спрашивать, кто и откуда. Тот им отвечает, что я красный, а сам уроженец Иркутской губернии Иркутского уезда села <...>. Генерал приказывает: «Отведите его и приколите штыком, но не стрелять». Солдаты взяли и отвели недалеко по тракту от казармы и прикладами стали бить, тот упал, они ушли, через несколько минут красный ожил и пополз, белые заметили, подошли и штыком докололи. Рабочие заволновались, что, дескать, без суда бьёте, но генерал закричал: «Если вам жаль, то и вас к нему отправлю», но рабочие замолчали, были бессильны.

Второй случай: ещё через несколько дней одного поймали красного гвардейца. Тот хотел уплыть на лодке по Байкалу на гулявший ещё красный пароход «Ангара». Но так как был без сил, несколько дней не ел, его догнали бандиты, привели к полковнику. Этот оказался рабочий села Усолья Иркутской губернии, он просил: «Оставьте меня, у меня 6 человек детей», ему было около 36 лет. Но жестокий, не напившийся крови генерал приказал расстрелять. Повели хищники свою добычу на расстрел в падь Шириндайку, где ему приказали: «Повернись к нам спиной, смотри вглубь леса», но человек <...> ответил: «Стреляй в лоб <...> мне, борцу за революцию, не страшна смерть», и под звуки 5 винтовочных пуль упал наш герой замертво, <...> революционной кровью землю. «Погиб стойкий борец за идеи коммунизма», говорили рабочие, жалея товарища, а хищники, возвращаясь обратно, говорили: «Ещё одну красную собаку уничтожили», и поддразнивали: «Дети, жена, пустите, товарищи». – «Какие вам товарищи, вам товарищи наши пули <...> свой». Так расправлялись буржуазные приспешники и наёмные шкуры с рабочими Сибири.

Делегатка от ст. Мурино Заб. жел. дор.

Михалина Викентьева Рябцовская

14.02.1926 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 642. Л. 5. Рукопись.

Как я стал борцом за идеи коммунизма

С 1918 года по 1920 год по Сибири свирепствовала реакция Колчака и некто атамана Семенова. Была сильная расправа с рабочими и крестьянами Сибири. В декабре 1919 г. из Читы атаман Семёнов выслал по линии Забайкальской железной дороги свой бронепоезд (под названием «Мститель»), который по подаче списков, как то попов и некоторых кулачков. Семёновцы по спискам забирали рабочих и крестьян в броневик и там в нём казнили и разбрасывали трупы по линии откосов Забайкальской дороги. Рабочие Слюдянки, видя такой сильный террор, и совместно с чехами обезоружили в пос. Култук, забрали оружие и стали в Слюдянке формировать партизанский отряд. В январе 1920 г. сформировался под командой тов. Савинова и его помощника Аденцова. Тогда и я вступил в этот отряд и ещё некоторые мои товарищи. Мне было тогда 17 лет, отец меня не пускал. Но я к врачу уехал и больше не возвращался домой. Простояв в Слюдянке 1 месяц, отправились в г. Мысовск, на лошадях догонять убогавших каппелевцев <...> Рабочие и крестьяне нас везде встречали и слышались возгласы: «Наши едут!» В Танхое чехи нас не пустили дальше, пока из Мысовска не убралась каппелевцы, когда убралась, пустили нас. Но наш отряд стал требовать у своего командира ехать дальше, но здесь подоспели войска из России. Наш тогда отряд перевели в 110 железнодорожный охранный батальон и поставили охранять мосты и тоннели. На охране простояли до августа 1920 г. Нас, как спецов, откомандировали на работу охраны транспорта, где я и остался до 1924 г. В 1920 г. я вступил в партию, где и работаю в настоящее время. В 1924 г. я, как рождения 1902 г., в марте месяце пошёл опять добровольно в Красную армию, и там прослужил до 1925 г. 17 ноября месяца, служил в отдельном кавалерийском эскадроне 21 Пермской дивизии, в которой за хорошую учёбу и воспитание красноармейца 23 февраля 1925 г. политотдел эскадрона выставил меня на Красную доску. Теперь я демобилизовался и работаю в Мурино секретарём партячейки. И надеюсь, что если буржуазия выступит с войной против нас, то я опять не отстаю от товарищей и пойду на защиту СССР.

Викентий Георгиевич Рябцовский
17.02.1926 г.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 642. Л. 6. Рукопись.

Воспоминания Н. Ф. Комиссарова о разгроме белых отрядов в Бичуре и партизанском съезде в 1918–1919 годах

1918 г. в августе месяце. Была тёмная дождливая ночь, мы продвигались в бронепоезде с небольшой оставшейся кучкой под обстрелами белых к ст. Посольской на Байкале, на свету кое-как добравшись до станции, где полотно железной дороги было разобрано, на некоторое время не слышно было ни души, вдруг со станции открылся оружейный огонь, после чего среди нас случилась паника, и бросились бежать кто куда, нас небольшая группа, человек 8, сразу бросились в тайгу, захватив с собой 25 зарядку и пулемётные ленты.

Конечно, тайга для нас была незнакома, но всё же пошли вперёд, думая, [что] где-нибудь опять присоединимся к Красной гвардии путём обхода магистрали. Отойдя километров 15, один из нашей группы, Суханов из Новосибирска, дальше не пошёл, говоря, лучше сдаться в плен, чем помирать с голоду в тайге, на все наши уговоры всё же пошёл обратно, но мы решили умереть с честью и с оружием в руках. Сделавши 2-дневный переход без хлеба, чувствовалась усталость и утомление, где пришлось часть патронов зарыть в землю и 25 зарядку и остаться с 3-линейкой.

На 10-ые сутки вышли вечером в д. Верхний Абанул и зашли ночевать в одну избушку, где хозяева были старики, которые пустили. Хотя как не были мы утомлены, всё же чувствовали перед собой опасность и спали чутко, перед светом вдруг слышим разговор стариков, которые хотят идти и заявить, что у них ночуют красногвардейцы, за них, мол, дадут вознаграждение. Слыша их разговор, бужу своих товарищей, и выскочили из избы и побежали к берегу Селенги, думая, захватим лодку и переедем на ту сторону, но это сделать не удалось, так как там также караулили крестьяне, но всё же на наши просьбы один крестьянин взялся нас перевезти на ту сторону, где была деревня, названия не помню, к своему знакомому, сказав, что «он поможет Вам уйти дальше тайгой».

Переехавши на ту сторону и попав к тому крестьянину, который, конечно, помог нашему дальнейшему продвижению, но тут получилось опять, что мы оказались в окружении белых, которые ходили и производили обыск по деревне, выход оставался один –

прятаться во дворе этого крестьянина, в чём помог крестьянин, разослав кого куда, и поздно вечером повёл нас в лес, указывая дорогу на Хилок, проводив нас вёрст 20, мы пошли одни.

В конце концов, оказалось, что, не доходя вёрст 10 до Бичуры, попали на Бурятской улице, не помню названия, где хотели пройти мимо, но, видимо, везде уже знали о разгроме и подавлении Красной гвардии в Сибири, где буряты также, видимо, делали лов красных, при приближении нас они быстро пошли на встречу к нам и стали звать к себе в улус, говоря: отдадим винтовки и Вас спасём, но мы на это не пошли, а сразу взяли винтовки на изготовку и бросились в левую сторону, вверх р. Хилка, через покосы и поля, обернувшись назад, увидели, что 3 бурят заседлали коней и поехали по направлению Бичуры.

К вечеру мы были в деревне Куналей, где встретили нас крестьяне, в том числе братья Смолины, Сидоров Дмитрий и другие, и стали расспрашивать – откуда мы пришли, как добирались. Конечно, мы всё рассказали, как было дело. На утро нас всех переодели в крестьянскую одежду и расставили по домам, кого куда, я как оказался слесарь, то попал к Сидорову Д., кузнецу. С этих дней начинаем работать в хозяйстве, но на другой стороне, в м. Куналее, было, конечно, кулачество, которое узнало о нашем приходе, и прибывших в д. Куналей, о чём сигнализировали в Бичуру в штаб белой полиции, которая впоследствии не давала нам покоя вплоть до лета 1919 г. Смолиным братьям также пришлось после разгрома красных скрываться, а мы всю зиму прятались по ночам в большие морозы по гумнам, в станки вместе с бараками, так как редкая ночь проходила, чтобы не было облавы, полиция не успокаивалась и требовала от председателя сельсовета Никол., фамилию не помню, чтобы он нас выдал, тогда ему всыпали, как следует. В упомянутый период подпольная работа шла плохо, так как население боялось Семёнова. Беднота так же была темна <...> в полицию ушли часть служить из местного населения, что и отразилось на нашем пребывании. В декабре месяце мы хотели назначить в Мухоршибири съезд, который не состоялся и отложили до марта собрать в М. Ку <...>, который так же не дал надлежащего вывода, так как приехал карательный отряд из Верхнеудинска с знаменитым Чайкиным, который начал бесчинствовать и пороть крестьян за дезертиров.

Действие отряда, конечно, послужило в нашу пользу, так как своими действиями теряли авторитет белых с выездом отряда в Бичуру, где также они производили <...> и грабежи несколько дней. После отъезда отряда вскорости Смолины сделали сбор на речке Буй, за камнем, узнать мнение населения, как действовать дальше, но на сбор явилось немного. Говорили долго обо всём, но на восстания всё же решалось, что это действие пришлось оставить и дожидаться более благоприятного момента.

С наступлением лета нам троим пришлось всё-же из Кукуна убраться на р. Ку<...> на раскорчёвку, дабы не попасться в руки белым, на раскорчёвке, конечно, кормил хозяин хорошо, и мы жили спокойно. В Кукуне остался Трофимлюк с Черновских копей как <...>. К нему выехала семья, и он жил более спокойно. Однажды летом мы пошли в Кукун и попали на свадьбу, где хорошо подвыпили и забыли, что находимся в окружении белых. После угощения поехали кататься по деревне. Вдруг из одного дома выскакивает полиция и кричит нам: «Стой!» Но мы погнались на край деревни и рассыпались кто куда, я примерно завернул за баню и залез в бочку, но вдруг слышу: кто-то подходит, смотрю, полицейский крючок, схватывает меня за воротник и повёл к своему начальнику, который сразу заорал и затем, говор[ит]: «У-у, красножопый, я тебе дам, говори фамилию, чей, откуда?» У меня сразу вылетел весь хмель. Отвечаю: такой-то, местный, но он по разговору сметил, что не забайкалец и ударил по лицу кулаком, говоря, я тебе сдеру шкуру. После чего полиция пошла с обыском искать самогон и повела меня с собой, приказывая ломать аппараты с самогоном, дело двигалось к вечеру, где я воспользовался темнотой и удрал опять на расчистку.

После моего от них побега, они [от] председателя требовали, чтобы он меня нашёл и выдал им. Но это дело не удалось. Стала двигаться зима, которая опять заставила нас идти в деревню, где дождались того счастливого момента – это первые числа декабря, где наш отряд в 40 [человек] под командой Фалимеева Афанасия выехали в Бичуру, где блестяще захватили врасплох штаб полиции с начальником, откуда и пошло дальнейшее продвижение и восстановление Советов. В бою под Ключём, разбив Крымовский отряд, захватив изрядно патронов и оружия, что дало возможность на первый случай вооружиться. На наше восстание из Петровско-

го завода был выслан японский отряд по направлению к Бичуре, но чувствуя по доносу бурят, что в Бичуре много сил, отряд повернул на <...>, где при отступлении они её зажгли. После разгрома белых отрядов в Бичуре был созван съезд, где поставили вопрос укрепления фронта и партизанских отрядов.

С Бичурского съезда я и мой задушевный тов. <...> Николай, с которым делили всё горе и голод, поехали на Северный фронт, т. е. на Тарбагатай, под командованием Лебедева семейным фронтом, где с большим энтузиазмом в победе двигались на Верхнеудинск, где впоследствии с боем взяли гор. Верхнеудинск, особенно за Удинскую станицу, где и расстались с верным стойким шахтёром Большешаповым Н.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 641. Л. 1–8. Машинопись.

Воспоминание красногвардейца Байкальского отряда Красной гвардии Куприянова Митрофана Федосеевича о борьбе с контрреволюцией в Сибири в 1918 году

В марте месяце 1918 г., когда фронтовик Дронов Григорий стал формировать на Байкале Красную Гвардию из железнодорожников станции и байкальской переправы. Записались в неё мой брат Федосей, прибывший недавно с империалистической войны и работавший в ремонте. Записался Семён, который работал матросом ледокола «Ангара». И в декабрьские события в 1918 г. в Иркутске принимал участие в боях против юнкеров. Вступил и я, работавший тогда в байкальской переправе в должности рулевого на пароходе «Байкал». В конце марта и начале апреля в отряде насчитывалось 42 человека, все рабочие с солидным производственным стажем, фронтовики с богатым опытом итогов войны. Командиром отряда был избран Дронов Григорий. Помощником Федосей Куприянов. Военное обучение красногвардейцев проводил Куприянов Федосей. Место обучения было избрано площадка на горе «Маяк», куда после работы собирались все.

Почти каждый день то в станции, то на пароходе «Байкал» ячейки РСДРП(б) и местный комитет проводили митинги и собрания рабочих и служащих. Собрания и митинги происходили чрезвычайно бурно. В начале апреля в зале 3 класса парохода

«Байкал» состоялось собрание рабочих переправы и станций, на котором присутствовало более ста человек. На собрании представитель Иркутского РСДРП(б) Богров сделал доклад о текущем моменте, обрисовав положение страны в связи с назревающими событиями разгорающейся Гражданской войны в России, <...> приняли резолюцию, в которой обязались перед партией и Иркутским советом оказать поддержку в укреплении Советской власти. В конце апреля в зале 3 класса станции состоялось большое бурное собрание, которое было последним собранием рабочих и служащих. На собрании обсуждался [вопрос] о телеграмме, воззвание Иркутского совета и командующего Восточным фронтом Лазо о помощи Восточному фронту в борьбе с Семёновым, поступающим с Маньчжурии в Даурию. В моей памяти сохранилось призывная речь котельщика Листвиничного завода Якушева Сергея, который призывал байкальцев сейчас же оказать поддержку Восточному фронту добровольцами-бойцами с железной дороги, которые запишутся сразу же после собрания. За выступлением Якушева держал речь эсер Слюдянской эсеровской организации, машинист паровоза Житнев. В своём выступлении он сказал присутствующим дословно, «что атаман Семёнов пользуется поддержкой Японии, с которой нам не справиться, Семёнов вооружен до зубов танками, артиллерией, пулемётами, самолётами и броневиками. В армии Семёнова состоят исключительно офицеры. Куда суетесь вы, когда советую, что у Семёнова есть, не имеют. Необученные рабочие не справятся с Семёновскими частями. От имени своей партии я призываю рабочих отказаться от авантюры совдепщиков». Собрание раскололось на два лагеря: красногвардейцы и сочувствующие за предложение Якушева, а остальные за предложение эсера Житнева. Житнев демобилизовал менее устойчивую и малочисленную часть рабочих, а привилегированная часть из байкальской переправы, механики, боцманы и др., а также администрация пароходов и станций, произвели перевес в принятии резолюции Житнева в отказе помогать Советам.

Между 10 и 11 часами дня 12 августа со стороны селенгинцев были замечены идущие вдоль Байкала пароходы с ведущими баржами. Часовым было доложено о появлении пароходов около Мысовой. Я пошёл доложить начальнику и комиссару флотилий об идущих пароходах. Комиссар флотилии Власов ответил на мой

доклад, что пароходы эти <...> идут к нам для помощи. Он вместе со мной вышел на палубу осмотреть биноклем пароходы, не установил, что пароходы были противники. Восставший против нашего «Байкала» на расстояние артиллерийского выстрела, пароход «Бурят» бросил свою баржу, отправился вдаль Байкала, а «Феодосий» остался охранять, а потом вести баржу, на которой стояли трёхдюймовые орудия. Показался белый дымок, а затем выстрел за выстрелом. Первый снаряд попал в керосиновый бак, стоящий на берегу. Бак занялся чёрным дымом, а затем пламенем огня. Снаряды сыпались в разные места станции и города. Вооружённый одной 6-ти дюймовкой «Байкал» выходил из вилки и разворачивался, так как орудие не было приспособлено для поворота в любое направление, на месте «Байкал» не успел развернуться, как ему было нужно. Противник засыпал снарядами. Несколько снарядов попало в вентиляторы и подводную часть «Байкала», но броневое подводное железо не пропускало снарядов вовнутрь. Когда «Байкал» встал в вилку, противник стал бить в него фугасными снарядами. Фугасный снаряд, попавший в каюту командира, зажёл пароход, сухой, как порох, быстро стал увеличивать мощь пламени. С парохода началась высадка.

Взорвавшийся снаряд одному красногвардейцу оторвал ногу. Когда я находился на станции, поступило сообщение, что путь открыт до ст. Боярской, а дальше занято десантом подполковника Ушакова, который был высажен с пароходов, обстреливающих нас сегодня. В Мысовой все отряды были объединены, и мы направились вдоль полотна железной дороги. Недалеко от Посольска, около берега, мы нашли изуродованные трупы. 13 августа, под вечер, мы встретились с чехами, завязалась перестрелка, чехи стали отступать за болото. 16 августа, днём, со стороны станции Посольск к нам шёл паровоз с белым флагом. Паровоз остановился около нас, с него вышли военные с белогвардейскими значками. Военные отрекомендовались, один подполковник Ушаков, а другой – чешский офицер. Ушаков рекомендовал нам добровольно сдаться в плен, а он гарантирует нам жизнь. Мы не согласились на его предложение, чеха отпустили, а Ушакова взяли в качестве заложника, стали двигаться вперёд. Ночью этого дня мы столкнулись около сожжённого железнодорожного моста с белыми, завязался сильный бой, в результате которого мы стали отступать,

чтобы прорваться в Нижнеудинск. Во время ночного боя получилась путаница с отрядами, и я попал в другой отряд Орлова, командира читинских красногвардейцев.

26 сентября с парохода «Малыш», не доезжая разъезда Таловка, по доносу командира «Малыша» Есипова, был взят в плен и приведён в Таловку. На разъезде Таловка меня посадили в вагон, в котором сидели 17 пленных, среди нас находились амурские комиссары Баранов и Синолин. С Таловки нас перевезли в Боярск, где отпустили по несколько прикладов, а на следующий день в Мысовой потчевали нагайкой.

Числа 29 сентября нас доставили в г. Иркутск, в губернскую тюрьму. Плевками, оскорблениями встречали нас иркутские господа, прислужники новой власти.

В Иркутске я просидел 6 месяцев, а затем был переведён в Нижне-удинскую тюрьму для заготовки дров. Из Нижнеудинской тюрьмы я был освобождён весной 1919 г. и стал скрываться.

М. Ф. Куприянов

ГАНИИО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 647. Л. 1–10. Машинопись.

Воспоминание А. Воремын о зверстве белобандитов над арестованными в 1919 году.

Племянник и дяди – предатели и жертвы

В глухую пору реакции, в октябре 1919 г. в г. Нерчинске, Култуке из дому в дом, из улицы в улицу расплывалась новость (хотя в то время такие новости были обычным явлением). Шилов Николай Николаевич арестован на броневик[е] «Мститель». Конвой вёл [себя] строго с обвинёнными пленниками. Тогда же были арестованы, но, показалось, не так строго тов. Пономарев Ф., Троянов, уголовник Ермилин и другие. Всех было арестовано 77 человек. Были увезены на Арбагорские угольные копи. Кроме Шилова все оказались замучены и сброшены в шахты. Двум товарищам удалось выбраться из шахты. Одного увидев, палачи приколоты штыками на заборе, второго заметив, начальник разъезда Цывирько. Не знаю, какую роль играл при этой казни бывший сто- лональщик царской полиции, арестованный Шилов. Если было

бы это, кто в воскрес из замученных – сказал. Но жаль, что никто никогда не воскресал.

«Мститель» ушёл в Читу. Следом поехала в Читу жена Шилова, Евдокия Самойловна. Вскоре наступил ноябрь, «Мститель» с Шиловым вернулся в Нерчинск. Снова начались аресты, снова вопли, страдания, полилась кровь.

Арестованы тов. Садаков В. В., Макаров В. С., Соснин, Луговской М. Л., Пьянков Д., Булдаков М., Логиновский, Семёнов, Барнов А., Щербаков Н., Ветлюгин, Девятник В. Уголовники, отец с сыном Сялиньские и другие. Новые жертвы были раздеты, но кто-то из них до помрачения памяти дотерпел. Свободно чувствующего на «Мстителе» Шилова, в своей одежде, и как ему подавался в 3-х блюдах обед.

Когда всё было готово, все жертвы на лицо, оставалось бронепоезду тронуться на ст. Приисковую, Шилова освободили.

Жене Садакова, Анне, кто-то сказал: «Освобождён с броневика Шилов Николай», не далеко. Анна побежала к нему узнать о муже. Дома его не застала, куда-то вышел. Она обратилась к его жене.

– «Скажите, пожалуйста, Евдокия Самойловна? Кому мне обратиться из-за мужа, Кузиным бандитам, что ли? Чтобы не расстреляли, спасти его».

– «Едва ли кто поможет. Но сходи. Тут ведь так, если кто выдаст других, тот ещё может спастись» – ответила Евдокия Самойловна.

Анна, не получив утешительного совета, с тяжёлой тоской вернулась домой. Куда идти, где хлопотать, не знала. Слёзы били ключом. Страшным и безвестным казалось будущее. Спустился сумрак вечера. Одной было жутко оставаться в квартире. Ушла ночевать к Барховым. В этот вечер «Мститель» с жертвами прошёл на ст. Приисковую. Где ей пришлось отваживаться с Барковым. Его палачи при проходе «Мстителя» со ст. Нерчинск изодранного, полуживого выбросили из вагона против квартиры его родных, вблизи полотна железнодорожной линии.

Придя в себя, Барков рассказал Анне, что её мужа, т. Садакова, сильно пытали: драли шомполами, нагайками, кололи острым железом, садили голым телом на раскалённую чугунную печь. Лежал, ещё просил пить. Ему пинали в зубы со словами: «На, пей, твою мать, комиссар». Анне что оставалось делать? Реветь, пла-

кать. Она плакала. Стены и ночь тёмная заглушили её рыдания. Кроме семьи Барховой, никто не слышал.

На второй день кто-то ей снова шепнул, что из Нерчинской тюрьмы освобождён Киселёв П. О. Пошла к нему. Нашла дома. Рассказала о своём горе. Киселёв спросил: «Когда твоего мужа арестовали? До приезда Шилова с броневиком? Или когда уже Шилов приехал?» – «Когда Шилов приехал», – ответила Анна. Тогда Киселёв промолвил: «В тюрьме были слухи такие, что Шилов предал 60 человек. Там больше известно, чем на воле».

Ей ясно представилась картина, чем люди покупают себе жизнь: что продают оптом и в розницу других. Нечего было больше говорить. Идти некуда. Но иногда думала, что, может, после пыток её мужа, хоть калекой, оставят палачи живого.

На третий день Анна собралась ехать в Читу, хотела найти тут мужа или калеку. Поехала. «Мститель» стоял на ст. Приисковой. Она не знала, что её супруга нет в живых. Замучен и спущен под лёд на р. Шилке. Она только на Приисковой заметила, как увидя её, нерчинский палач с «Мстителя» Сусер и Шпулевский шептались. Там же, на перроне, она встретила плачущую старушку. В это время шёл в станцию с «Мстителя» командир броневика. Увидя плачущую старушку, спросил:

– Что, бабушка, плачете?

– У меня здесь сын арестован, – сквозь слёзы сказала она.

– Как фамилия?

– Девяткин.

– Здесь, здесь, бабушка. Он наврал на невинного дядю, мы его теперь выпорем и выбросим, – проходя, ответил палач.

Не одного дядю Девяткин и подобные им продали. Много крови пролилось, много дядев погибло за освобождение угнетённого человечества.

Из официальных справок, оставшимися калеками, но живыми, видно, как погибали дяди. Их можно присовокупить десятки и сотни. Но я ограничусь одной. Вот она:

Копия

Справка

Дана тов. Садаковой Анне Прокопьевне в том, что знаю её с марта 1919 г. по работе в подпольной организации в г. Нерчинске. Муж её, тов. Садаков В. В., в то время находясь на нелегальном по-

ложении, состоял в нашей организации, жена его, тов. Садакова, так же помогала в подпольной работе, у них была конспиративная квартира, где иногда скрывался тов. Кычалов С. А. и куда приезжал тов. Погодаев сред, командира 7-ого полка Журавлёвского отряда, убит в бою в г. Сретенске, а так же в квартире у них я с тов. Кычковым паспорта под другие фамилии и проч.

В октябре 1919 г. тов. Садаков В. В. был вместе со мной арестован на Семёновский бронепоезд и посажен со мной в один вагон, где при истязаниях и ужасных пытках тов. Садаков показаний белокарателям никаких не давал (как Акулов А. предал десятки, и Девяткин В. трёх человек – тов. Соскина и других). Тов. Садаков был избит до неузнаваемости за большевизм и службу в 1918 г. комиссаром ВЧК и помилование у карателей не просил, кроме того, обзывал их палачами.

На следующий день, вечером, тов. Садакова в числе 10 человек, привязанного к одному товарищу на ст. Приисковой выбросили из вагона под каменистый откос и сброшен в р. Шилку.

В чём, считаю, великая заслуга тов. Садакова перед оставшимися в живых товарищами, а также и перед революцией.

А где эти племяннички, их нет. Они разъехались от дядиных могил, от дядиных семейств. И где-то они козыряют своими заслугами, где-то поют, что они подвергались репрессиям, потеряли здоровье за Советскую власть и партию.

А. Ворёмен

30.11.1934 г., г. Нерчинск

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 623. Л. 1–8. Машинопись.

Воспоминания П. И. Белоглазова об организации Красной гвардии на ст. Слюдянка и её действиях в 1918–1920 годах

1. С 1 февраля 1918 года на ст. Слюдянка Забайкальской железной дороги стал организовываться отряд Красной гвардии, инкубаторами организации были тов. Куклин Василий, Сороковушкин и Бакута Онуфрий, ядро Красной гвардии в Слюдянском районе составляли беспартийные рабочие от станка, преданные Советской власти. Указанная Слюдянская Красная гвардия дер-

жала связь с Красной гвардией г. Иркутска, руководителем которой были: Арцыбашев, Дероль и генерал Таубе, откуда получали оружие и боеприпасы.

II. Причины организации Красной гвардии. Побудило слюдянцев проявить... желание восстановить в империалистической стране «власть рабочих и крестьян», которая и присутствует в настоящее время.

III. Во время организации Красной гвардии я работал в депо Слюдянка Забайкальской железной дороги в качестве чернорабочего, работа участка <...>

IV. Во время организации Красной гвардии [в] депо Слюдянки работало около 400 человек, в Красную гвардию вступило 170 человек, и во время приближения к Слюдянке белых совместно с чехами, число лиц в гвардии уменьшилось до 90 человек, выбывшие воспользовались только оружием и остались в тылу у белых при отступлении Красной гвардии на восток.

V. Организаторами отряда были рабочие депо Слюдянка, как-то: Куклин, Сороковушкин и Бакута.

VI. Формирование Красной гвардии производилось исключительно добровольцами, которые были <...> на 100%. Начсостав был из свой <...> тов. Захаров, слесарь, тов. Казан, рабочий и тов. Висков, помощник.

Первое боевое выступление было приблизительно в апреле месяце 1918 г. против генерала Семёнова под ст. <...>. В это время командиром Красной гвардии был тов. Лазо, и наш Слюдянский отряд влился в ряды Вудинского отряда и получил название Слюдянский-Вудинский смешанный отряд, в этом отряде на фронте находился 1 месяц, отступление Семёнова за границу Маньчжурии, возвратившись обратно в Слюдянку и 12 выехали в гор. Иркутск на усмирение восставших юнкеров. В то время отрядом командовали: тов. Захаров под управлением высших <...> части бежали по тайге и часть белых в... убиты, и в это время тов. Захарову было предписано принять участие в вылавливании бежавших офицеров в Тункинской долине, с которыми <...> были два товарища Лешев и Родсь. Из них тов. Захаров был пойман белыми и расстрелян ими. И командовал отрядом тов. Непомнящих Максим, под командованием которого мы были на фронте против белых и чехов под селом Култуком Иркутского округа, где

неоднократно принимали бой с белыми. Но ввиду нашей малочисленности и плохого командования верхов <...> нам пришлось отступить дальше на восток, и при отступлении были бои с противниками под раз. Паньковкой, ст. Тангуй и Посольском, а также около Селенгинского моста, но так как подкрепление почти что не поступало, мы вынуждены были отступить дальше на восток, вследствие нашей усталости нас отправили в Читу на отдых, но таковым воспользоваться нам не пришлось: к моменту нашего приезда было налёт казаков Читинского округа, где пришлось принимать участие в вылавливании бело-бандитов с казаками, у которых было отобрано 4 воза винтовок.

С прибытием белых к Чите, ввиду нашей малочисленности, нам пришлось бежать в тайгу до ст. Благовещенск, где получил ранение 30.08.1918 г. в руку и был положен в военный лазарет, в котором находился до 22.10.1918 г., и 22.10.1918 г. был посажен белыми в тюрьму, в которой находился до 25.10.1919 г. Далее, ввиду разгрузки тюрьмы, нас, в количестве 395 человек, [отвезли] через Хабаровск, Н-Уссурийск и до ст. Иман, где были в лагере для военнопленных $\frac{1}{2}$ месяца, потом были отправлены в Ново-Киевский лагерь, из которого был освобождён 01.02.1920 г. Удостоверение № 114 во время Гайдовского восстания во Владивостоке и, пробыв на Русском острове около месяца, потом нам удалось пробраться до гор. Благовещенск, который перед нашим приходом был забран партизанами, и с 15.03.1920 г. поступили в ряды партизан и принимали участие в восстановлении порядка и, впоследствии, в начале июня, в Благовещенске был сформирован 1-ый Амурский коммунистический полк, в котором я и вступил в партию. В это время были фронты под Хабаровском и ст. Зенова, и 25.08.1920 г. были отправлены на фронт ст. Зенова против Семёнова с японцами, откуда мы, как партизаны были направлены в обход Семёнова <...> на раз. № 64 и Китайский, которые нами были взяты, а далее по полотну дороги мы брели в свои рубежи на ст. Оловянная, Борзя и др. И вот, в 5 верстах от ст. Борзя, под деревней Чиндан, в бою был ранен в правую ногу и выбыл из строя и отправился на излечение на ст. Берёзовка Забайкальской железной дороги. Во время пребывания в 1-ом коммунистическом полке военкомом полка был матрос Шипов, а командиром полка – тов. Неволин.

VII. Обучение. Как в партизанских отрядах, так и в 1-ом коммунистическом полку производится регулярно.

VIII. За время моего пребывания в отрядах <...>

X. Как Временное правительство, так и бандиты Семёнова против партизан и регулярных войск принимали самые <...>

XI. Во время данных событий мы, партизаны, были отрезаны от городов и Центральной Красной Армии, но имели нелегальную связь с центром, который давал указания, как проводить методы борьбы.

XII. Красная гвардия стала шагать по Забайкалью 15.02.1918 г.

XIII. И, наконец, по выступлении <...>

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 618. Л. 1-2. Рукопись.

Выдержки из воспоминаний участников Гражданской войны о борьбе с контрреволюцией в Сибири и Забайкалье

Светлой памяти моих товарищей по отряду (Воспоминания Авдеева-Байкальского)

Мои товарищи по Байкальскому ж/д отряду Красной гвардии Куприянов Семен, Куприянов Федосей были детьми бедного сапожника нашего поселка. Они были рабочими с малых лет, работали на постройке второго пути Забайкальской ж/д. Куприянов Семен 18 летним юношей в декабрьских боях с Иркутской буржуазией в 1917 г. был в отряде Лиственичного завода и дрался с иркутскими белогвардейцами. Возвратясь домой с боев, он был убежденным бойцом за Советскую власть. В марте 1918 года под руководством местной организации РСДРП(б), в организации которой участие принимал тов. Боград, был сформирован из добровольцев отряд красной гвардии в количестве 42 человек. Семен вступил в РСДРП(б) и отряд. Он втянул в партию и отряд своего брата – фронтовика Феодосия и старшего брата Митрофана (живого поныне). На Байкале мы выполняли скромные работы, вылавливая собравшихся к Семеновым офицеров, и отправляли в Иркутскую ЧК.

С ними участвовали в подавлении майского восстания белогвардейцев в 1918 г. в Иркутске. Находясь на Байкальской флотилии, били белых под Култуком, Мурино. 12 августа 1918 г. от

белогвардейского снаряда в г. Мысовске сгорают ледокол Байкал, и с того дня я не видел Семена и Феодосия.

Семен погиб в одном из боев под селом Посольск, а Федосей, прорвавшись через цепь белых, получив от холода и голода скоротечную чахотку, умер в г. Благовещенске в 1919 г. Петр Охотин, мой товарищ по заводу, отряду и 4 бараку Иркутской тюрьмы при Колчаке, был мобилизован в колчаковскую армию, принял участие в восстании своего полка в Красноярске, был расстрелян чешским карательным отрядом летом 1919 г. Илья Григорьевич Кудашев, чьим именем назван на Байкале поселковый клуб, был сын матроса баржи. Работая телеграфистом на ст. Байкал, в дни декабрьский боев примкнул к восставшим, бесценно работал у аппарата. Вступил в ряды Красной гвардии. Был комиссаром телеграфа почты. После разгрома в Мысовой в августе 1918 года пытался прорваться в Советскую Россию, был на станции Танхой, неизвестным провокатором был выдан белым на ст. Танхой, на следующий вечер был расстрелян с мадыро-красногвардейцами.

Дронов Илья, бывший рыбак, только возвратившийся с фронта, и поступил в наш отряд. В конце июля 1918 года на ледоколе Ангара выехали в разведку около Котов, разведка была обстреляна белыми, Илья выскочил из шлюпки в воду, был убит. Коля Копцев, бывший сирота, с детства работал с печниками, ремонтщиками, вернулся из армии, вступил в отряд. При отступлении на Восток попал в Благовещенске в плен японцам, от которых бежал.

В 1921 году работал уполномоченный Иркутского ревкома по заготовке дров в селе Бугульдейка, внезапно был окружен бандой Черепанова, был зверски убит осенью 1921 года. Изрубленные куски тела была найдены весной 1922 года и похоронены в селе Лиственничном. Прошло более 16 лет, но светлая память, лучший образ моих товарищей, с которыми проводил детство в нужде и непосильном труде за Советскую Власть, предстает, как развернутая картина всей Ленинской истории партии, истории классовой борьбы, их смерть в борьбе с врагом обеспечила навсегда победу рабочего класса в нашей стране, одерживает победу в борьбе за мировой октябрь...

Ст. Байкал. Вост.Сиб. ж.д., поселок Баранчик

Авдеев Александр

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 489. Л. 16–18. Машинопись.

Выдержки из воспоминаний Яничек Б. С. о геройских боях в Красной гвардии и партизанах

...Отец и нас двое братьев в феврале месяце 1918 года поступили в Красную гвардию в Канский Советский батальон, командиром которого был тов. Четоев.

В мае месяце 1918 г. я с братом поехал на Семеновский фронт нашей восточной ориентации. На ст. Андрияновской мы выгрузились и пошли в наступление. Командир роты послал меня дозором. Впереди цели я шел на расстоянии около 500 метров. Винтовку (карабинку), я еще был малолеткой, держу на боевом взводе. На горизонте показываются болванки, а затем вырастают всадники. В этот момент послышалось со стороны всадников слова: «Здесь надо быть осторожным». Я даю выстрел, который послужил сигналом сзади идущей цепи. Товарищ Четоев подал команду: «По белогвардейцам огонь!» И в этот момент белогвардейская разведочная конница была рассеяна, мы окопались. Вдруг появились три семеновских броневика, флангом шла пехота. Завязалась жестокая битва. Загремели пушки, затрещали пулеметы, зацокали винтовочные залпы. На левом фланге ж. д. китайцы закричали ура! И пошли в атаку. Красногвардейцы, матросы пошли в контратаку и начался дикий бой. Но, несмотря на большую численность китайских наймитов, они сдались, воткнув винтовки штыками в землю и поднимая руки вверх и оправдываясь: «Наша большевика на стреляла, наша шибко шаньго». Белое командование, видя неудачу, открыло огонь и по красногвардейцам, и по сдавшимся в плен.

Мы лежали в окопах на правом фланге. Я в это время учился курить, накурился я так, что опьянел и задремал в окопе. Подоспела к белым помощь, и они на нас поднажали, особенно броневики, так что пришлось отступить. Когда я поднял голову из окопа, то наших уже не было, они ушли далеко, а броневики недалеко били от меня. Я, недолго думая, давай бежать обратно, как пули засвистят, так и падаю на землю, и таким образом добежал до своих. Под натиском красногвардейцев Семенов оставил ст. Оловянную и поджег все цейхгаузы с обмундированием и военными припасами. Переправились на ту сторону реки, он сорвал ж/д мост и

укрепился, сделал там хорошую крепость. Но для прозорливых большевиков нет таких преград, которых бы они не взяли.

В мае месяце в ночь я был послан с разведчиками на прикрытие батарей, где пушки стояли [в] несколько цепей. Шла усиленная подготовка бомбардировки Семеновской крепости, одновременно готовили понтонный мост для переправки красногвардейских сил. С часу ночи началась бомбардировка Семеновской крепости, и бой продолжился до утра. Семеновцы отступили до Борзи, откуда запланировали усиленное наступление. Канский советский батальон под командой тов. Чатоева шел левым флангом ж. д. и встретился с семеновскими броневиками. Мы окопались и при 2-х, 3-дюймовых орудиях начали обстреливать броневики. С левого фланга наша разведка сообщила, что недалеко идут цепи белогвардейцев, которые заняли большую сопку, окружили нас и открыли оружейный и пулеметный огонь, а затем и на шрапнель. Урок у нас большой пошел, ибо мы находились на ровном месте, крайне неудобно.

С другой стороны ж. д. также подходили колонны белогвардейцев. Мы оказались в кольце. Выскользнули наши четыре конных разведчика, которые сообщили о случившемся. Нам грозила явная гибель, ибо белобандитов во много раз было больше, чем нас, а также на другой стороне ж/д их было 8 тыс.

Как выяснилось после боя, но они были на большом расстоянии от нас, чем на левом фланге. Нас было около 600 чел. и которые были разделены на две части, одна часть стояла около ж/д, другая пошла в атаку, иначе нас бы порубили всех. Пошла жесточайшая рукопашная схватка штыками. Но китайцы дрогнули от красного штыка и пустились в бегство, оставив пулеметы и другие трофеи, их так стукнули, что белогвардейцы по степи лежали, как снопы после хорошего урожая.

Но наша победа не увенчалась бы успехом, если бы не подошла наша конница. После победы над семеновцами на левом фланге мы с любопытством наблюдали в бинокли за исходом боя, в который вступила наша конница с белогвардейцами. Бой на правом фланге продолжался несколько часов, где больше половины было вырублено, а остальные взяты в плен. Борзя была взята сбою. Офицеры стрелялись от неуспеха. После Борзи еще было

ряд горячих схваток, где также сбоя взята Даурия. Таким образом, Семеновский фронт был ликвидирован в июне месяце 1918 года.

После ликвидации Семеновского фронта мы поехали домой в Канск. Доехав до станции Тырети, мы выгрузились и пошли против чехов, которые уже взяли Н-Удинск и ряд станций. Начался с чехами бой. Загремели опять пушки, минометы, бомбометы и т. д., заманеврировали броневики.

Неоднократный обход чехов был отбит. Чехи стали отступать. Но в виду измены чуждых элементов, находившихся в наших рядах, мы были частично разбиты. Часть отступила по направлению Иркутска, а часть была отрезана, которая разбрелась по лесу – разными группами. Я с братом Мечиславом и еще шесть человек товарищей попали в плен на расстоянии 25 километров от ст. Тырети. До ст. Тыреть нас гнали пешком, а сами белогвардейцы ехали на конях. Большинство из наших были буряты. Они нас гнали сразу в рысь, наезжали на нас лошадьми и били сверху плетями по головам так, что выплывали на головах огромные шишки, били до того, что кожа на голове лопалась из плетей и кровь сочилась неимоверно, мы истекали кровью, садились в пыль, все позапухало, мы были похожи на болванки, пить не давали, от жажды у нас лопались губы, глаза заливались кровью, и нас все били. Мы старались держаться все вместе, в куче, держались друг друга. Каждый боялся упасть на землю, ибо знал, что больше не поднимется, его бы затоптали. Пригнав на ст. Тыреть нас, чехи дали воды и запретили бить. Нас посадили в вагон. После допроса была группа красногвардейцев, в том числе и мой брат, их тут же около ж/д раздели и расстреляли. Оставшихся нас 5 человек отпустили, всыпав каждому по пятьдесят штук плеток, и сказали, что десятому закажите, чтобы сюда не шли.

Я пришел домой, после чего долго болел. Но наша натура не унимается. Двое моих братьев и я пошли в партизаны. Мы служили во втором эскадроне, командиром был тов. Апанович. Много приходилось и здесь сражаться, мерзнуть и бродить по тайге. Красная Армия и партизаны разбили Колчака и очистили от белогвардейщины нашу Советскую Сибирь. Тасеевский кавалерийский дивизион под командой тов. Буды ехал до самого Иркутска, где тов. Буда скомандовал: «Сабли на караул!», а музыка и несколько оркестров заиграла, а где-то за городом из пушек дава-

ли салют. Мы продвинулись за Байкалом. Стояла в Кабанске 30-я дивизия. Я был неграмотный в то время и начинал учиться, стал учить арифметику, учился писать и читать и ходил в Ликбез.

В 1920 г. осенью мы погрузились и поехали на Врангелевский фронт, очищать Украину и Крым от интервентов. Трудно приходилось. Мы шли день и ночь. Врангель был хорошо снабжен техникой. Были ожесточенные бои. Помню под Смолками, Чингарской бой и другое. Врангель в одно время говорил, что в известное время я должен победить в Москве, а на самом деле не пришлось и поужинать и в Феодосии. Ликвидирован Врангелевский фронт. Мы принялись за мирную стройку, за стройку социализма в одной покаместь стране.

Взятие Крыма (стих, придуманный мною)

Красные гусары стоят за горами.
Настороживши длинные пики.
Ожидают малейшей паники
Между белыми полками.

Мы двигались вперед. Ура!
Врангельцы в панике бежали.
Отступили к Черному морю.
Красные гусары закричали:

Бейте, товарищи, всю свору.
Мы шли вперед. Ура!
Врангель видит, дело плохо.
Что красные ему не гости.
Испуганный, осматриваясь кругом.
Сел в автомобиль и помчался к городу Феодосии.

Мы шли вперед. Ура!
Тут он слез с автомобиля
Пришел на пристань, перекрестился.
Сел на пароход, в Англию помчался.
Мы шли вперед. Ура!

И действительно, теперь как сказку вспоминаешь, как за власть мы дрались, где и отец мой был убит кулацким заговором в окно за то, что он выполнял директивы партии и правительства.

Благодаря Советской власти я получил образование.

А теперь я учусь в ВКСХШ. Я этим горжусь. Партия из меня выковывает хорошего руководителя для с.-х., где также буду бороться на трудовом фронте за построение социализма, как боролся на военных фронтах против белобандитов.

Студент ВКСХШ, кандидат ВКП(б),
красногвардеец и красный партизан,

№ книжки 20080 Янечек Б. С.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп.1. Д. 489. Л. 32–34. Машинопись.

В годы Гражданской войны

Воспоминание Зинаиды Ивановой-Збик

Работая на шахтах Черембасса – Гришево, комсомольцы в 1917–18 году принимали самое активное участие, бились со своими заклятыми врагами, все чаще и чаще выбывали из наших рядов комсомольцы. Вот выступила белая свора под Н-Удинском, загудели тревожные гудки на шахтах, стонут, зовут на бой. Тревога. Бросают работу, наскоро собираются собрания и на станции погрузка, отправляются рабочие, а с ними молодая гвардия комсомол. На завоевание своей власти. В 1917 году юнкерское восстание в Иркутске, где мы пробираемся кое-как к нашим, залезли в какой-то магазин. Стрельба, свист пуль, а голод душит нас, сайки, колбасы, но нельзя высунуться и поднять головы, хватаюсь за колбасу и вместе с ней лечу в подполье, где мы нашли спасение, это одно из моих воспоминаний. Оно было очень интересно. Мы не унывали, работали. Отправляемся на Н-Удинский фронт. Комсомольцы Шестаков Лавруша, Яковлев Вахромей, Котов Силиверст, Яковлева Клавдия, Збик Зина и целый ряд других комсомольцев.

Меня мать не пускает бить врага, а большое желание у меня было, но лета мои были очень малы. Я все же спряталась в угольный вагон и думаю, ну, улизнула, аж радуюсь, но ненадолго была моя радость, старые рабочие делают обыск по вагонам и меня находят, вытаскивают всю в сажу и отправили домой. Мать с отцом

уехали, я здесь на месте работала. Ухаживала за ранеными и т. д. Тут вскоре надвинулись новая гроза. Пошли слухи, что наступают чехи. У нас рабочие поехали получить деньги, для рабочих зарплату, а на шахтах администрация была, видно, на чеку, и кассир был бандит, договорился с шайкой, что, мол, я пойду с деньгами и вы сделаете налет, я выскочу из пролетки и деньги будут наши, но герой комсомолец Шестаков Лаврентий строго следил за каждым движением, и когда налетела шайка, то он бросил гранату, деньги выхватил и его лошадь понесла по направлению к шахтам, а в этот момент на шахтах получился переполох. Когда услышали взрыв гранат, то думали, что наступают чехи, и побежали по направлению к деревне, а на шахтах были старые да малые, женщины и охрана, бегут, пыль столбом. Я смотрю, пустуют шахты, бросают бараки не замкнутыми, открытыми. Набрала в пальто шанег, замкнула барак и направилась за народом. Пыль, бегу не бегу и шагом не иду, смотрю, женщина несет, т. е. бежит и ребенка держит над головой кверху ногами, вторая в фартуке держит три куска мыла, я говорю: «Что вы взяли»? Она, запыхавшись, отвечает: «Хлеба взяли, хоть поесть», сама все назад оглядывается, хоть пыль, но видим, бежит с винтовкой мужчина. Она меня дергает за рукав: «Бежим скорее, чех», а сама приговаривает: «ой ноженьки не идут, ой смертушка, где захватила», я остановилась, уговариваю женщину, она упала от бессилия на колени. Я рассмотрела человека с красным околышем, наш охранник, останавливаю: «Ты почему бежишь»? Но нужно учесть, что какая получилась паника, пока я с ними возилась, я не бежала, мне не верилось, что чехи тут, думаю, что-то другое, в это время Шестаков примчался на шахты и гудок загудел к сбору народа назад, замахали красными флагами, я возвратилась обратно, и что мы видим, перед нами картина. Тут работали в шахтах около 300 сот. чел. китайцев, они пошли грабить оставленные рабочими открытые бараки, пришлось ходить с обыском, отбирать вещи. Этот маленький смешной случай у меня хорошо врезался в память, а некоторые далеко убежали, а на лошадях уехали за 60 кил.

Когда повели наступление чехи, наши бились с врагом, ночью погружались в вагон, и наш эшелон направился в путь отступления в Дальнему Востоку, в эшелоне была охрана из мужчин 10 человек, все были женщины, когда наш эшелон проходил после,

взрывались мосты. Подъезжая к Байкалу, где пошел разговор, что вас казаки ждут и весь ваш эшелон спустят в Байкал. Я разбивала эту агитацию и поднимала дух среди работниц, подъезжаем к Байкалу, и нас встречает Красная гвардия, где комиссар выступает с приветствием, после чего говорит, что они идут помощью нам. После переговоров встречи комиссар говорит: «Будьте стойки, не поддавайтесь панике» и так путь наш продолжился, доехали до города Сретенска. Загнали нас в тупик, стоим день, другой, неделю, иду к начальнику станции. Давайте отправляйте дальше, ведь народ в тесноте мучается. Он начинает на меня кричать, вот придут наши, так не будете тут раскатываться, я набросилась на него и задушила бы, если бы не отняли.

Увели меня в вагон, где я немного одумалась, но решила добиться отправки. Тут прибыли с фронта 3-е рабочих, и которые нам помогли в нашем передвижении, перегружаемся на барку, переезжаем реку Шилку, помещаемся на временное жительство в Сретенские казармы. Прожив столь короткое время, начались брожения, казаки стали похаживать в наши казармы, как шпионы вечером, когда комсомольцы ходили в город, то казаки [стали] пошалить и чинили расправу, одну комсомолку Наташу насильовали. Нам пришлось замкнуться и вечером никого не пускать и не выпускать из казармы. Приезжают делегаты с фронта, в том числе и мой отец. Ночью же проводят собрания, где предлагают немедленно разъезжаться, кто куда желает, дабы мы скоро окажемся в конце и начнутся расстрелы, издевательства, муки тиранства. Казармы начали пустеть, освобождаться, много, много разъехались, кто в ближайшие деревни, кто по линии ж/д. Нас 8 семей направились по направлению в Хабаровск, путь наш был нелегким, много было всяких препятствий, но все же плетемся помаленьку и наконец доезжаем до Хабаровска. Тут нас встречают чуть ли не прикладами подошедшие японцы. Расходимся по квартирам. Отец поступает в арсенал литейщиком, я с сестрой Ольгой на работу никуда не можем устроиться, ходили на поденные работы, белить, стирать. Нелегко приходилось добывать нам гроши, на которые с трудом как бы просуществовать.

В Хабаровске царит Колмаков палач. Отец увязывается с подпольем, мы уходили работать в подполье. Наша квартира – явочная, вся корреспонденция шла через мою мать, увязалась с горо-

дом с партотрядами. Комсомольцы получали задание от подпольного комитета. Задание выполняем. Белая свора чинит расправу, если поймает кого из наших ребят, тут вскоре нашу организацию засыпят и в эту ночь 25 человек наших рабочих арестовали. В том числе моего отца, мучают, допрашивают, бьют, порют нагайками, ставят в стойки, в стойках этих нужно стоять стоя: ни присесть, ни повернуться нельзя, как шкаф, кормят соленой рыбой и пить не дают, пьют свою мочу. Так сидят в Колмаковских застенках, мучаются коммунисты, комсомольцы, после таких издевательств везут на Амурский мост и расстреливают у берега моста и потом сбрасывают в Амур, и так кончается тяжелый путь наших героев. Вот из этих через нашу работу, где и я передавала пилки в вагон смерти, дали возможность бежать, где тут же ночью направляем в партотряд. Я в этот момент работала уже в пошивочной мастерской в шапочном отделении, наше задание было мое перебрасывать шапки в тайгу, шинели, полушубки, обувь и т. д., что нами блестяще выполнялось. Не боясь расстрелов, нагаек, последствий.

В этот момент, когда наших товарищей арестовывали, нас водили на допросы, день ничего, неделя в контрразведке. Вот мука, только и думаешь, уж расстреляли бы скорее, не мучали. Тут и предупреждаешь видных работников подполья, отправляешь из города. Но и тут нас засыпят, опять муки, опять допросы и контрразведка.

Так тяжело в тисках стало работать. Связь с отрядом Бойко не прерывается, передача идет, с отряда переходит в отряд и т. д. Не помню теперь число, меня должны были арестовать, я скрываюсь. И вот большая радость. Наши вступают в г. Хабаровск, встреча, радостные крики ура! Нет конца радости, хотя и снег, и холод, на душе весна. Этой радости не было конца. Но недолго была та радость, интервенция вела переговоры, а потом враспloch наступала, сколько здесь погибло народу, сколько калек, которые помешались умом с этого ужаса, что творили враги народа. Комсомольцы наши сложили свои косточки за Советы здесь немало, в этот момент некоторые отряды успели уйти за Амур. Отряд Шевчука частью залегли в овраге за Рабочей слободой. В эту ночь, что было у нас, все истряпали и спекли, переправляли в наши квартиры и на завтра опять залегли. Смотрю, стреляют, я туда с ними же. Китайские солдаты с нами вместе, только не показывали уж их, что

они нам помогают, как они будто держали нейтралитет, и на утро город от отрядов очищен, занят японцами, заваленными трупами убитых людей и животных и т. д. 13 человек комиссаров спасены китайцами в китайской слободке, они были крепко спрятаны и их лечили.

Я пошла за отрядом, но меня вернули, оставили для связи в Хабаровске. Город был немного от снарядов разрушен, миной был взорван городок, которые там имелись здания, от взрыва перекосило во все стороны, хорошо крашенные. Глыбы земли стоят, как вершины гор. В этих глыбах мы нашли динамит в коробках, как раз на посту стоял милиционер, парень наш, я приеду на коне, наложит мне дров, заложит в середину динамит, везу, не трясусь, идут навстречу японцы. При встрече колотят меня по плечу, русская барышня, хорошо, что значит, работает, дрова возит, а у тебя уж душенька выскакивает, думаешь, отберут, рассыпают воз, мне то хоть что, приколют, но вот не доставлю вовремя куда требуется, часть моего динамита имеется на взрыве Амурского моста. Хожу с доносами, переносу, передавали тогда эмиссару Масленникову.

На Амуре стоит караул, поймают – капнут, через Амур я перебиралась на лодке, на берегу стоят рыбацкие избушки, где у нас был станок у рыбака. Однажды перед расчетом плыву через Амур, тишина, нигде никого, город спит. Караул, видно, спит, только весла одни наговаривают: «поскорей, поскорей, а то накроют». Так я прислушивалась к шлепанию весел. Но вдруг выстрел один, другой, чаще градом пули и посыпались, это в меня. Вот я нажимать на весла, вдруг руки мне отбросило, мне показалось, что рука у меня отекала, весло мое пропало, рука прострелена. Добираюсь до берега, ушла, берег близко, лодка ударилась о берег, тут только я оторвала от юбки лоскут, замотала руку, кровяца лодку залила. Прихожу в комендантскую, передаю донос, тут мне залили йодом палец, который отлетел и держался только шкуркой, приложили и завязали.

Так опять я пробираюсь из-за Амура, сколько было здесь приключений, потом дали мне в помощь рабочего арсенала Коборчука, с которым мы вместе воевали. Кто на пути нам мешал? Японцы частенько на своих канонерочках переправлялись во Владимировку, а там сухопутным пойдут в Покровку, был бой с японцами, где наши их здорово пощипали. Вот тоже интересный

случай. Иду с лодкой, затягиваюсь вверх, смотрю, на берегу сидит японец и любитесь Амуром, его я заметила далеко, бросаю лодку, ползу, подползаю, почти вплоть, сидит не двигается, заглядываю на него, а он мертвый, глаза стеклянные выпучил. Давай я с ним командовать, спустила я его в Амур, стою, сама с собой разговариваю, да ругаюсь, слышу сзади хохот, а это наша братва, о, говорят, наш орлик партизан, а мы думали, что ты сейчас начнёшь палить, ан нет, не трус, значит. Так я долгое время плавала. Но враг не спал, он за нами следил.

Нас преследовали японцы с помощью русской белогвардейщины, золотопогонниками. Стало невозможно, в один момент мы с матерью и другие рабочие ушли, успели в чем были, убрались живыми, добрались живыми до нашего красного штаба, который стоял на ст. Бира. Нач. штаба был Постышев, Отрепьев наш красный юморист, Иванов Сергей, да много товарищей. Когда японцы стали выбираться как будто восвояси, наш штаб направился в город Хабаровск. Я схожу[сь] с военным т. Мосяжевым, он вскоре умирает, тут вскоре я схожусь с т. Ивановым, жили всяко в боевой обстановке (с ним прожила 12 лет). Т. Иванов после изгнания интервентов с советской территории уходит из военной организации в гражданские. 1923 г., где еще свирепствовали банды, я секретарь комсомола, мы жили в деревне Емельяновка Тихоновской волости. Граница находилась от нас в шести верстах, банды часто заходили на русскую территорию, т. е. в наше небольшое село. Однажды провожу спектакль в школе, здесь присутствовали пограничники 4 человека. Вдруг наш патруль доносит, что-то неблагополучно, появляется враг. Мы бросили все и рванулись по направлению в сторону, где появился неприятель с палками и кольями с криком: «Ура», банда по лошадям и пригнулись к седлам и удирать, давая выстрелы, но никого из нас не ранили. Мы вернулись в школу, смеху было столько, что с кольями и палками отбились от врага, они, по-видимому, думали, что при лунном свете у нас винтовки, продолжают постановку.

На завтра утром иду рано по воду, к колодцу бежит женщина и, запыхавшись, мне говорит – «Зина, бела есть унтила пошел». Она была молдаванка, по-русски плохо говорила, я бросила ведра у колодца, прибежала к тов. Иванову, он говорит, бери комсомольцев и винтовки и пошли облавой. Одного захватили, те бежа-

ли, это их разведка. Привели в ВИК, где тов. Иванов его допросил и направил в г. Иман. Уезжает тов. Иванов в город и оставляет мне винтовку и патроны и говорит, если увидишь, что не устоите, не давайся в руки банде живой, убивай себя, сына и мать. Так мы держались пять дней, на мне брюки, гимнастерка, настоящий командир. Залегли мы на двое суток в конопле под сопкой, лежу, слышу, ползает, но думаю, подвижусь, смотрю близко, а глаза у меня черные, зоркие, хорошо стрелять, ближе и ближе враг, темно, сердце так и заиграло, что встречу с врагом, вот уже совсем близко подползает. Держусь за курок, спускаю – убила. Вверху поднялись два больших кома, подползла ближе, а там большой фазан, самец. Ну, смеху было с братвой, я им говорю, я вот именно в этот ком и метила, который двинулся ко мне. Бывают случаи и при таком бое, все же банду мы отогнали.

Но на этом не успокоились, я сразу донесла в г. Иман, выехал отряд, который помог нам переловить шайки бандитов. Переезжаем в г. Спасск, Иванов работает нач. зам. Управления, я на общественной работе, но надо оговориться, что под руководством т. Иванова я первая во Владивостокском округе организовала женотдел, это в Тихоновской волости, с. Тихоновка. Когда прошло районирование, т. Иванов едет [в] 1926 г. в Яковлевский район. Банды там свирепствовали, подбрасывали разные записки, вырезали на деревьях «смерть коммунистам и их семьям», и вот помню 27 августа они пишут: «спасайтесь – идем по вашу деревню, кто попадет – живой не будет». В этот день я забыла, что это свора говорит, но мы всегда были готовы: бомбы, винтовки, револьверы, чуть сигнал собираться, знаем, где было жарко, окна открыты, дверь не на крючке, мы спали на полу. Слышу выстрел, другой, я крикнула Иванову и матери: «Тревога». Сама готова, вооружилась, бежим в лесок по направлению райкома и вот тут-то мы не знаем, кто из нас всадил бандиту в спину. Упал, мертв, взяли и понесли в больницу. Кореец оказался главарь шайки, привели его в чувство, допрашивали, ничего не можем добиться, то говорит, то не говорит. Под утро сдох.

А у нас в деревне переполох, идем, смотрим, жена нашего сотрудника спряталась в сене на сарае. Залезли и тянем, а как спрятались, голову уткнула и все платье белое, когда мы ее стали вытягивать, то она со стоном кричит: «Я не виновата, это муж, я

нет». В общем, сильно перепугалась. Тут во дворе был маленький узенький колодец для поливки огорода, женщина довольно полная бросилась в этот колодец, но засела и повисла в нем, когда мы подошли и вытянули ее оттуда, она не похожа на себя была. Бывают же такие люди, непонятно, чем живы. Хоть, например, врагу отдаться, то хоть бы убрать одного с пути. Много таких приключений было и на трудовом фронте. Потом переехала в город, где я работала на общественной работе и тов. Иванов обучал меня грамоте.

В партию не вступила по семейным обстоятельствам, муж часто болел и в 1932 г. был командирован в Богучанской район председателем районной комячейки. Муж вызвал меня в больницу, сказал, что все, попросил, чтобы я его по-боевому хоронила, без слез, как хоронила застреленного отца. Выступала по-партизански за гробом, чтобы после смерти его вступила в партию, воспитывала детей по-большевистски, и назавтра 19 апреля скончался. Я вступила в партию и отдалась всецело партии и работе. Меня выдвинули на руководящую работу инструктором райсобеса и председателем райКВП с работой с помощью товарищей справляюсь, но здоровье расшатано и дает себя чувствовать. Перешла в систему кооперации, работаю продавцом.

Добавлю, что наши черемховские комсомольцы сложили свои косточки в боях с врагами, всего нас осталось в живых человек 6–7, не больше, и то израненные и не имеем здоровья. 33 наших комсомольца погибло так: ударят колотушкой по голове и сбрасывают в Байкал. Шестаков Лавруша подвергался пыткам, в Благовещенской тюрьме его замучили. Яковлев Вахромей расстрелян чехами во Владивостоке. Вечная память павшим бойцам за революцию!

Итак заканчиваю свой краткий материал.
С комприветом Иванова-Збик Зина. 18/1-35 г.
Богучанской район, Богучаны.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 489. Л. 45–54. Машинопись.

Выдержка из воспоминания Родионова Германа Михайловича

Родионов Герман Михайлович. Родился в 1891 г. в Быркинском районе. С 12 лет батрачил. В 1913 г. был призван на военную службу в 1-й Аргунский казачий полк. В 1914 г. ушел на русско-германский фронт.

С 4-х часов дня бой закипел на всем нашем участке 2-х полков, окружение всех родов было пущено в ход с обеих сторон, но, конечно, с нашей стороны, главное было винтовка и частично редкие выстрелы из имевших орудий, так как снарядов было весьма ограничено. С 6 часов тайга раздиралась нашим героическим «Ура», с этого момента пошли и в атаку. Атака продолжалась около двух часов.

Наши бойцы шли на эту крутую гору под ураганом огня. Я в поисках двух пулеметов, бойцы ползли как муравьи, не прерывая крику «ура», здесь дрались с японцами, как львы. К часам 7½ наша последняя атака была принята контратакой японцев и семеновцев, уставшие семеновцы при атаке сразу бросили винтовки и стали, сдаваясь в плен.

Но здесь действительно надо сказать, наши бойцы озверели, били направо и налево, несмотря, сопротивляется противник или не сопротивляется. Я немного представляю себе о японцах в этот момент, что с ними случилось, то ли они одичали от нашего напорного натиска на них и урагана стрельбы по ним и сотни убитых, лежащих вместе, сняли оставшихся солдат и офицеров.

Я говорю только про свой участок на горе 10, не знаю, что в этот момент происходило на остальных. Когда мы были от противника в пятидесяти шагах и местами ближе, то мне лично пришлось быть на очень близком расстоянии от японского офицера. Я лично заключил оставшегося одного в живых на нашем участке и генерала семеновских войск Шемелина, которого я лично знаю по-старому ещё Аргунскому полку бывшего ком. 4 степени Шемелин при появлении нас быстро скрылся за гору. Японский офицер громко кричал и махал флажком, я два раза в него стрелял, но по незнанию почему-то промазал. Стрелять я смог на условный знак оф. и крики подняли всех оставшихся в живых японских солдат, которые быстро сплотили улей и бросились на нас в миг.

Мы слились с ними, не представляя, что с нами было, мы их уничтожали, как капусту. Они оружия не бросали, но и им в этот момент не владели. Кроме офицера, который в первую очередь и быстро был возле меня, офицер шел в атаку с обнаженной шашкой, и я, не допуская его трех шагов до себя, и выстрелом убил его.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 394. Л. 49–51. Рукопись.

Воспоминания Белякушкина Дмитрия Матвеевича о борьбе с чехословаками на Байкале в 1918 году

Утром 2 июля часов около 4 утра местного времени я, находясь в пекарне подручным пекарей по выпечке хлеба для Красной гвардии. Слышу пулемётную стрельбу на той стороне р. Ангары, стрельба пулемётная не была, спрашиваю пекаря, Ременникова Григория, фронтовика, он отвечает: «Это работает «Максимка», опять новость, он разъясняет, что это стреляют из пулемёта «Максим». На р. Ангаре стоял сплошной рой, на той стороне ничего не было видно. К полудню выяснилось, что наступали чехи. В 8 часов утра я, сменившись с дежурства, находился дома, часа в 2 дня на этой стороне появились белогвардейцы, открыли стрельбу с г. Маяк, а с западной стороны на расстоянии километра от станции были выставлены патрули. Вдруг, через некоторое время, раздался сильный взрыв. За километр летели осколки железа, по р. Ангаре с половины почти в сплошную плыл лес от парашета мола, приёмного покоя, водогрейки, стрелочной будки, депо и старого станционного вокзала, сброшены взрывом. Взрыв произошёл от стоявшего у горы вагона с динамитом, в который белые с г. Маяк попали пулей. Взрывом был уничтожен резервуар, в котором погибло много местных рабочих и подростков, каковые не нашли в нём спасения от пуль.

Динамит был предназначен для ограждения тыла красных войск, но вывести его со станции не пришлось, так как начальником был контрреволюционер Горовенко, а стрелочниками два, сумевшие к этому времени вагон с динамитом поставить на дальние пути. Вечером, когда все стихло, я пошёл на станцию, дорогу [к] западному входному семафору смотрю, лежат убитые 4 человека красногвардейцы, которых в большинстве белогвардейцы разде-

ли. Подойдя ближе к станции, вид, предшествующий станции, был неузнаваем: на месте депо получилась огромная яма, рельсы перекручены, везде лежали кучи поломанного леса, к станции можно было подойти с большим трудом. На станции работало до 300 человек. Разбор станционных путей продолжался с неделю. На трупы убитых не обращали никакого внимания, свалили их в падь Малый Баранчик, свалили в кучу, они лежали более недели на знойных солнечных лучах и разложились. От трупов несло сильным смрадом. Тогда лишь послали рабочих вырыть могилы, когда выкопали могилу, то таскать трупы некоторые рабочие не стали, как Чувашов А. А., Бальщещенов Н. и другие от невероятного запаха. Хоронили также Желчий Павел, Белоусов Григорий, и Петров Алексей. Когда начали хоронить, т. е. сваливать в могилу, подошёл белогвардеец, фельдшер Савишников, один из рабочих спросил марли для обвязки лица, ибо мухи назойливо приставали к лицу, он ответил: «Не подохнете». Укладывать в могиле как следует не было приказано, а велено было сбросить как попало. Сброшенных в яму, разложившихся до неузнаваемости красноармейцев и прочих убитых неизвестных граждан засыпали известью и покрыли небольшим слоем земли.

В руках белых находился в то время взятый на низу пароход «Феодосий», который первоначально как появился в оз. Байкал, его утопил пароход «Ангара», который был в руках Красной гвардии, таковая сильно беспокоила белых, один снаряд ею был пущен по чехам, которые стояли по восточному отрогу, недалеко от станции, в нескольких сажнях. Долетевши до пристани, таковой упал в воду, а пароход «Феодосий» поплыл вниз по р. Ангара. «Ангара» уходила и обстреливала эшелоны белых по линии железной дороги. Через некоторое время, когда пароход «Ангара» ушёл вглубь оз. Байкал, на станцию Байкал прибыли добровольцы с Барнаульской школы, каковых через два дня после прибытия на пароход «Феодосий» с баржей провозжали под оркестры музыкальные в Мысовую для бою с красными частями, говоря: «Постойте, братцы, за Русь святую». А на другой день один белый казак говорит дорожному мастеру Бердзенешвили Г. И., у которого жил: «Чай, что поехали в Мысовую наши орлы Барнаульской школы, они дадут красным жару, как власть брать в свои руки». Спустя ещё два дня этот же казак приходит опять к дорожному

мастеру, но с поникшей головой, говоря: «Наших барнаульских орлов много погибло в рукопашном бою с мадьярами». Спустя некоторое время мне пришлось лежать в больнице, которая находилась в пади Малый Баранчик, и слышал разговор лежащего там раненого поручика, который говорил больным: «Нам никогда не выбить бы красных с окопов в Култукте, если бы там не был свой человек, Лавров, который среди красных навёл панику, говоря на одном фланге, что уже отступили, а вы что сопротивляетесь, нужно отступать, а сам опять на другой фланг с теми же словами, а мы этим временем с ручными гранатами [в] култукские окопы». Вот то, что осталось у меня в памяти гражданской войны на ст. Байкал.

Белякушкин Дмитрий Матвеевич,
счетовод материального склада пристани Байкал.
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1 Д. 617. Л. 1–3. Машинопись.

Стихи о событиях Гражданской войны

Расстрел Иргейской деревни

Как Иргейская деревня много горя
И в контрреволюционное время много крови пролила,
Кровь лилася по площадке, возле школы на бугре,
Это расстреливали чехи и белые Пуанкаре.

Стой, кричит, команда «Смирно»
Голос пилота прозвучал,
Негодяи, что стоите,
Али в зубы вам не дал.

Вся толпа зашевелилась
Смотрит там и тут, кругом
И товарищ наш Исаков
Побежал от них бегом.

Тут стрельба по ним открылась
Гул... всё замерло кругом
И товарищ наш Исаков,

Убежал в тайгу бегом.

Вся толпа уж возмутилась...
Дожидаются конца
Чтобы долго уж не мучал...
Расстреляли-б молодца.

Стой, кричит, команда «Смирно»,
Голос пилота прозвучал,
Негодяи, что стоите,
Али в зубы вам не дал.

Ну, команда, стройся, смирно,
А то все от нас уйдут.
Поскорей берите в руки
Стальной железный прут.

Ну, команда уж готова,
Давно выстроилась в ряд,
Ожидая распоряжений,
Меж собою говорят.

Вся толпа уныло смотрит
На вооруженных тех зверей,
Чтобы дома бы не мучал,
Расстреляли бы скорей.

Тут пилот подходит рядом,
Зверским взором всех обвёл,
И вытаскованным наганом
Возле носа им повёл.

Стой, кричит, команда смирно,
Голос пилота прозвучал,
Становись в шеренгу рядом,
ПЛИ, команда и гул, рявкнул, замолчал.

Четыре трупа упали озимь,

И некоторые ещё дыша,
И пилот, ходя возле трупов,
Говорит, что не встанут ни шиша.

Стой команда, стройся в ногу,
И следуйте за мной,
Зажигать пойдём постройки,
Чтобы был повсюду вой.

Скоро всё воспламенилось,
Освещая всё кругом,
Дети, бабы и мужчины,
Все бегут от них бегом.

Все ушли и стало тихо,
Только смрад и дым везде,
И сгоревшие постройки
Не найдёшь уже нигде.

Тута вопль поднялся всюду
И детишки босиком собрались,
Мужчины, жены
Не истлевшие пеплом.

Долго нам известен будет
Этот страшный самосуд,
Когда грабили и били
В этот страшный ночной суд.

Тут уж наше население
Уж совсем не так глядит,
И старается умело
Пузо им штыком пронзить.

Это варварское время
Нами уж перенесено,
И в настоящее время
Ещё раз вспомняно.

Сейчас нужно населенью
Строить будущую жизнь,
Взамен царского режима
Построить социализм.

Попиков Фёдор Григорьевич, крестьянин,
участок Иргей Н-Удинского района Тулунского округа.
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 494. Л. 45–46. Машинопись.

Колчак

(автор неизвестен)

Поднялась буря по Сибири,
Колчак казаков всех собрал
И обещал имя награду,
А сам казну себе забрал.

Бесчинства делал он большие,
Народ десятками казнил,
А сам балы справлял такая,
Все сутки в танцах проводил.

Иво отряды всех пороли,
Крестьян тож грабили везде,
Все коммунистов в них искали,
Чем гибель сделали себе.

Продажны Чехи были вместе
И все делили пополам,
А Гайда был руководитель,
Суды, расправы делал сам.

Законов не было издано,
Лишь совесть ихняя была.
Кому плетей всыпали столько,
Но коммунисту без конца.

И были маленьки застенки,
Где пытки делали людям.
Немало в них пролито крови
И у рабочих, и крестьян

И спекулянты тут ожили
И стали тюками возить.
Китаец им открыл границы,
Чтоб русско золото свозить.

И рестораны зашумели,
Ручьями водка полилась,
И проститутки все ожили,
Тут обша свалка началась.

Но изменилось счастье в жизни,
Колчак был выдобен врасплох.
И штаб его погиб с ним вместе,
Не убежал из них никто.

Его отправили в Иркутске
И Пепеляев вместе с ним.
Понятно, только под конвоем,
Следили зорко тут за ним.

И Каппел тоже был разбит
И утекал он на восток.
Свою последню кучку войска
Возил с собою кое-как.

Колчак питал к нему надежду,
Что Каппел выручит его.
Спокойно был он в одиночке
И ждал спасенья от него.

Но тут иво предупредили,
В контору вывели его,
Народный приговор вручили,

Чтоб расстрелять сейчас его.

Тут Пепеляев растерялся,
Колчак же сразу очумел
И к конвоиру, что поближе,
Он на колени так присел.

Просил пощады, унижался
И клялся верою служить,
Но конвоир над ним смеялся
И обещал жизнь пощадить.

Напрасны были униженья,
Пощады не было ему.
Автомобиль тут загорелся,
Конвой был тут же начеку.

Китаец был палач в Иркутске,
Иго забрали вместе с ним,
Но уголовные восстали,
Иго оставили за ним.

Иму расправу учинили,
Колчак в конторе еще был,
Его там варварски убили,
По всей тюрьме растерзали.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 505. Л. 39–40. Машинопись.

В память расстрела Красных партизан

Тише! Смотрите
Ведут партизан.
Глядите, шагают
Так бодро и смело.
И видно, к расстрелу
За честные идеи,
За светлы лучи

Восходящей звезды,
За правое дело
Крестьян и рабочих.
На бой с Колчаковцем
Ведут их они,
И их окружает,
Пред ними шагает
Конвой казаков.
Револьвер наголо,
Казаки верхами,
Клинки обнажены.
С живыми глазами
Идут партизаны
И видно, на расстрел.
Им не страшны.
Выходят на площадь,
Команда раздалась:
Становись, разомкнись.
Вкруговую конвой.
И героям кайло и лопаты:
– Копайте могилу! –
Офицер им сказал.
Ему отвечали
Твердо и смело:
– Мы, коммунары,
Не просим могил,
Мы ни попов,
Ни религий не знаем,
Только свободу,
Ее защищаем,
Смело и гордо
За волю помрем,
Ваши угрозы в расчет не возьмём.
Идеи трудящих
Вам не убить,
Стреляйте– вампиры!
Дух коммунизма
Вам не сломить.

Вам ли, предатели,
Кровью пропитаны,
Нас, коммунаров,
Расстрелом пугать.
Стреляйте, рубите,
Что захотите,
Могил для себя мы не станем копать.
Офицер побледнел,
И команда раздалась:
– В шашки, собак изрубить на куски.
С места не тронувшись,
С улыбкой счастливой
Три партизана на землю легли.
Так расправлялись
Колчак и Красильников
У побережья реки Бирюсы.

24/1-1923 г.

Неуклюжий матрос, Коммунар Андреев Иван Лаврович.

Ланинская 5/25.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп.1. Д. 505. Л. 78. Рукопись.

Воспоминания партизана

Стучит Максимка пулемет,
А Кольт ему в такт повторяет,
И наш отец Каландаришвиль
Свои отряды направляет.

Рожно, Коряев уж в рядах
И в эскадроне все исправно,
Лишь ждут они отца приказ
На бой идти им избранный.

И Миллер тоже на коне,
Он фронт с улыбкой объезжает
И всех товарищей своих
Хорошим словом ободряет.

Отец наш издал уж приказ,
Чтоб выступали все в порядке,
И тут орудия гремят
И Миллер нас повел в порядке.

Начался бой, мы все в чаду,
А неприятель наступает.
Все партизаны, как один,
Советы жизнью защищают.

Шаратских, Миллер впереди
Рожко – обои и Чегурин
На неприятеля все жмут,
Но эскадроны напирают.

Отец наш, раненый в бою,
Его задело здесь картечью,
И партизаны за него,
Как львы, все бросились в сечку.

Тут тризну сделали враги,
Семенов двинулся обратно,
Опять полез в Читу свою
И скрылся живо за рогатку.

Лишь пулеметы им стучат
Да орудия грохочут,
И все убитые лежат,
Они уж в бой больше не хотят.

Мы подобрали всех своих
И [с] песней громко схоронили,
Врагов отодвинули назад
И вражьей кровью все залили.

Долой тиранов, палачей,
Чита очищена нами.

И флаг, воздвигнутый над ней,
Достался кровью и слезами.

И память павших в том бою
Не забудется всеми нами.
Отец наш – Нестор Каландаришвиль
Всегда и всюду вместе с нами.

Старый партизан дедушки
Каландаришвили Моисеенко А. М.
23/11-1925 год.

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 505. Л. 8–9. Ручкопись.

Террор Колчака в сибирской деревне

Спит измучена деревня
От террора Колчака.
Нигде не слышно лязга, стука,
Вся деревня замерла.
Вчера Красильников с отрядом
На усмирение приходил,
Собрал крестьян на площадь к церкви,
Расстрел невинным учинил.
Собрал толпу, поставил взводы
Для перекрестного огня.
Приказ отдал снимать допросы,
Кто большевик, кто партизан.
Кто красных, кормит, принимает
И подкрепление им дал,
Того немедленно к расстрелу,
Он адъютанту приказал.
А тем, кто выдаст коммунаров,
Укажет, красны, где стоят,
И тем в награду все именья
Большевиков велю отдать.
Да не забудьте, чтоб священник
Сейчас молебен отслужил.
Всегда для этого найдется,

И чтоб сумел крестьян уверить
И устно слово разъяснял.
Где говорить не убий,
Хоть от Луки от Марка, Павла
Главу Евангелия прочесть.
Пускай вся чернь уразумеет,
Что мы законы соблюдаем,
Приказы точно исполняем,
За это все нам Бог пошлет.
И царь, и церковь наша Власть,
Так будем мы их защищать,
А блудно племя коммунизма
С лица земли совсем убрать.
И мы лишь красных убираем,
Кто за антихриста идет,
В соблазн и блуд и тьму кромешну
Кто православие ведет.
Так точно, слушаюсь, исполню!
Геройски гаркнул адъютант.
Позвать священника, поручик,
Чтоб немедленно сыскать.
Как по волшебству поп явился,
Брюшко солидно, средних лет,
Смиренно, низко поклонился:
– Я здесь изволю доложить
– Вас как зовут? – «Отец Мефодий», –
С поклоном попик отвечал.
– Так вот что, батюшка Мефодий,
Вот вам приказ от командира,
Исполнить нужно все в момент.
Сзовите всех односельчан
И разъясните им поглубже
То, что Красильников созвал.
И поп прочел и поклонился,
Рысцой к церкви побежал,
Раздался звон на колокольне,
Он всех к молебну призывал.
Толпа очнулась, сняла шапки

И, осенив себя крестом,
Молебен бойко был отсужен,
И разъяснил отец Мефодий
Толпе, что значит коммунар,
Что он посланник тьмы кромешной,
Печать антихриста на нем.
И кто пойдет по их программе,
Тот будет блудная овца
И верный враг царя и церкви
И ад тому не миновать.
А тот, кто знает коммунаров,
Как заблудившихся овец,
Закон священный с Божьей волей
Велит им всех их выдавать.
А, например, отец Мефодий
Стал из толпы крестьян кричать,
Но имя бедных, неимущих
К себе поближе вызывать.
Назвав крестьян, мужчин и женщин,
Он адъютанта подозвал,
Сказал ему с поклоном низко:
– Вот стадо блудное овец,
Кто отдал душу в тьму кромешну,
Идет спасителю в разрез.
Начались пытки и допросы,
Нагайка, шомпол и приклад.
Взялись по Божьему веленью
Свято Евангелие писать,
Где говорит в главе апостол,
Он запрещает убивать.
И вот насытившийся вдоволь
Над деревенской беднотой,
Измучив на смерть стадо блудных,
Пошло начальство отдыхать.
А на прощанье с пулемета
Велит в толпу салют отдать
И этим Божью царску волю
И добродушность показать.

Сказал Красильников с улыбкой:
– Поручик, живо на носках
Отцу Мефодию в награду
Святую Анну передать,
А что касается отряда,
Дать полну волю погулять.
Ни в чем орлов чтоб не стесняли,
А то пристрелю, как собак.
Пусть отдохнут и погуляют,
Мое спасибо передать,
Валяй, ребята, в рассыпную,
Кто помешает, дайте знать
Что попадает, то и берите,
Хотите, жгите, колотите
И на смерть шашками рубите,
Здесь большевистское гнездо.
Так слово божье исполнила
Колчаковская бела рать,
Насосавшись вдоволь крови,
Пошла кутить, пошла гулять.
А наложивши груды трупов
Невинных жертв трудящихся масс,
Пошел отряд в друго селенье
Законы Божьи исполнять.
Так спит измучена деревня
После террора Колчака,
После уборки жертв невинных,
После расстрела, грабежа,
После молебна, слова Божья,
Где говорится: «Не убий».
Так спишь ли ты, отец Мефодий,
Святой и Божий человек?
Иль проповедуешь все то же
Ты слово Божье «Не убий»?
Ты собираешь овец блудных,
Ты лжи учитель, фарисей.
И продаешь их, как Иуда
Христа учителя продал,

И это ты, отец Мефодий,
Все лжи ученья доказал.

Неуклюжий матрос, Коммунар Андреев Иван Лаврович,
10 февраля 1923 г.,
г. Иркутск, Ланинская 5/25.
ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 505. Л. 79–80. Рукопись.

Список сокращений

- АХУ – административно-хозяйственное управление
ВКСХШ – высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа
Волсовет – волостной Совет
ВСКИК – Восточно-Сибирский краевой исполнительный комитет
Горком – городской комитет
Губисполком – губернский исполнительный комитет
Губсоюз – губернский союз
Губфинотел – губернский финансовый отдел
Крайком – краевой комитет
Ликбез – ликвидация безграмотности
Нардом – народный дом
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
Политбюро – политическое бюро
Райисполком – районный исполнительный комитет.
Райпо – районное потребительское общество
РИК – Районный исполнительный комитет
РККА – Рабоче-крестьянская красная армия
РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков
РОКК – Российская организация Красного Креста
Ст.ст. – старый стиль летоисчисления
Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами
Уком – уездный комитет
Фабзавком – фабрично-заводской комитет
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЧК – Чрезвычайная комиссия

**Воспоминания участников
Гражданской войны
в Восточной Сибири 1918–1920 годов
(по материалам ГАНИИО)**

*Составитель
Е. А. Серебряков*

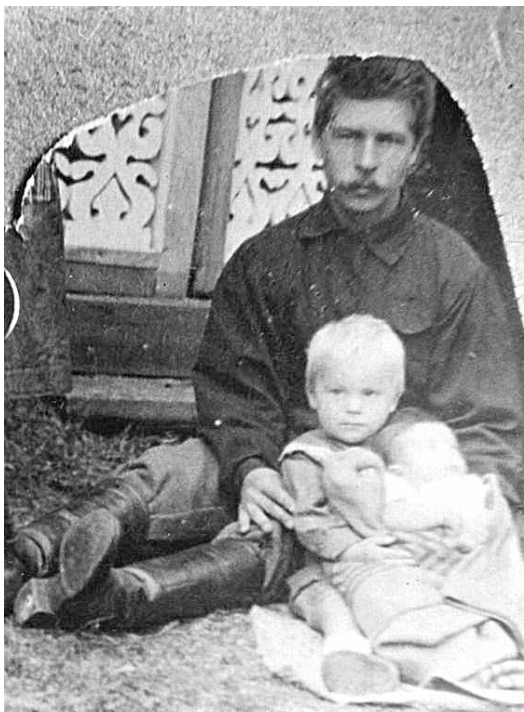
Научное издание

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 4.03.2020 г.
Формат 60х84 1/32.

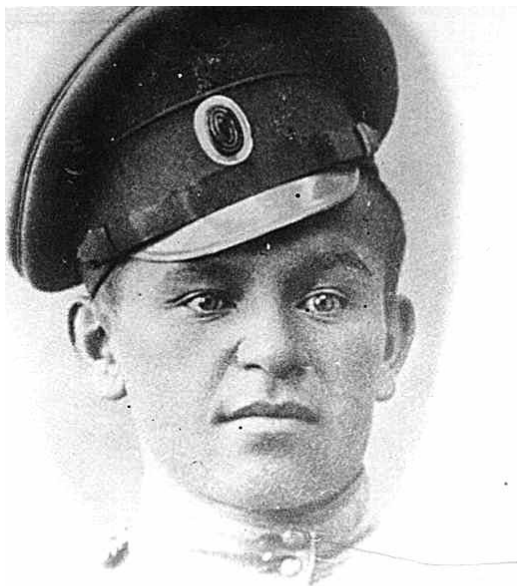
Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 37,26. Уч.-изд. л. 32,55.
Тираж экз. Заказ №.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru

Трилиссер Михаил
Абрамович – участник
обороны Белого дома,
член ЦентрОсибири.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 112.

Постышев
Павел Петрович – член
военно-революционного
комитета, участник
обороны Белого дома
в 1917 г. Организатор
Красной гвардии в
Иркутске. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 118.

Наумов Тихон Иванович
– один из организаторов
красногвардейских
дружин в г. Иркутске.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр.136.

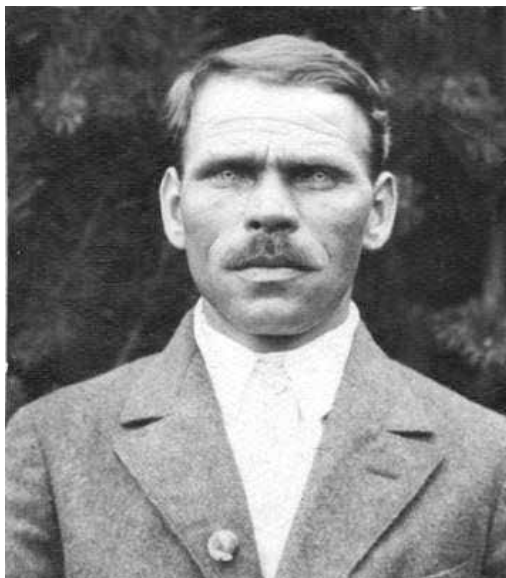
Гофер Моисей
Матвеевич – один
из руководителей
Усольской
большевистской
организации. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 141.

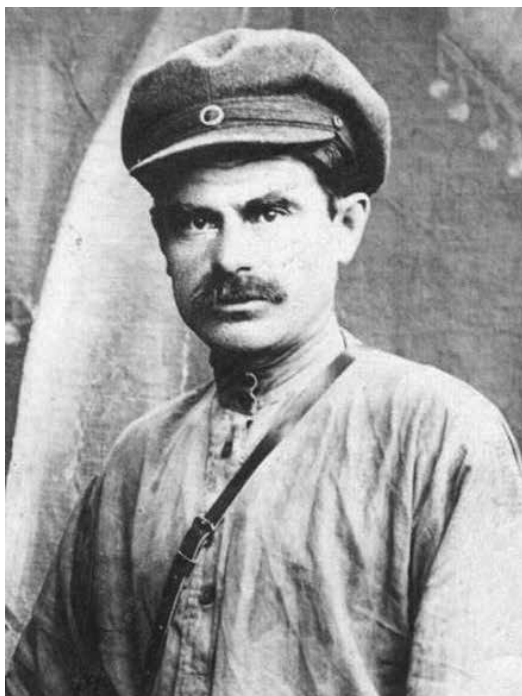
Бабич Шура – сестра
большевистского
Красного Креста.
ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 158.

Флегонтов
Алексей Канидиевич –
командир
красногвардейского
отряда. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 172.

Лукин Г. Л. –
красногвардеец
Байкальского отряда.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 190.

Чернышев Е. –
красногвардеец
Байкальского отряда.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 192.

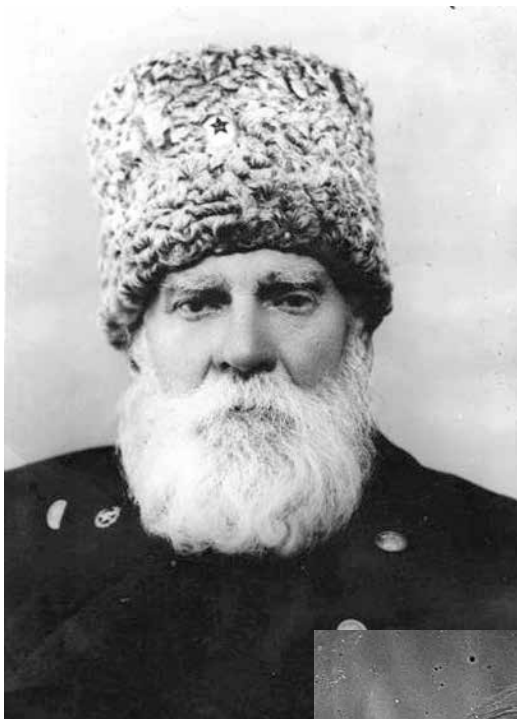
Юркин Н. Е. –
красногвардеец
Байкальского отряда.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 196.

Кзаков В., Уваров И. –
красногвардейцы
Байкальского отряда.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 197.

Члены Иркутского губкома партии. Сидят: Шнейдер А. Д., Чудновский С. Т.; стоят: слева Касаткин И. М., Флюков А. Я., Букатый В. Л., Ширямов А. А., Литвинов. ГАНИО. фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр.199.

Киселев
Дмитрий Дмитриевич
– связной ЦК РКП(б)
с Сибирью. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 200.

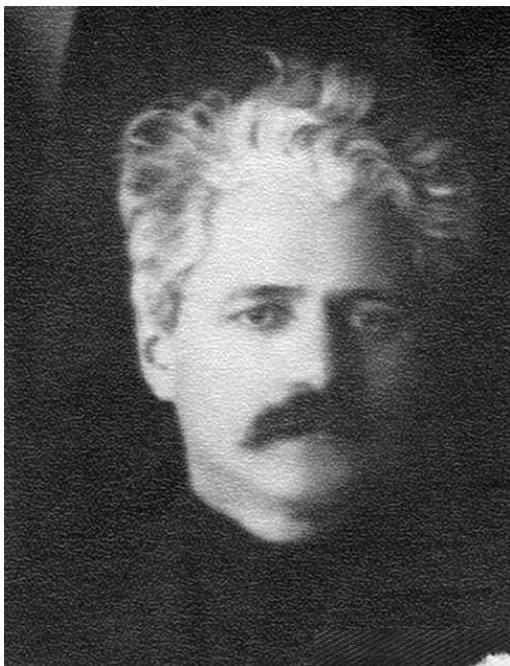
Лещик И. Г. – активный
участник борьбы
за власть Советов
в г. Иркутске. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 202.

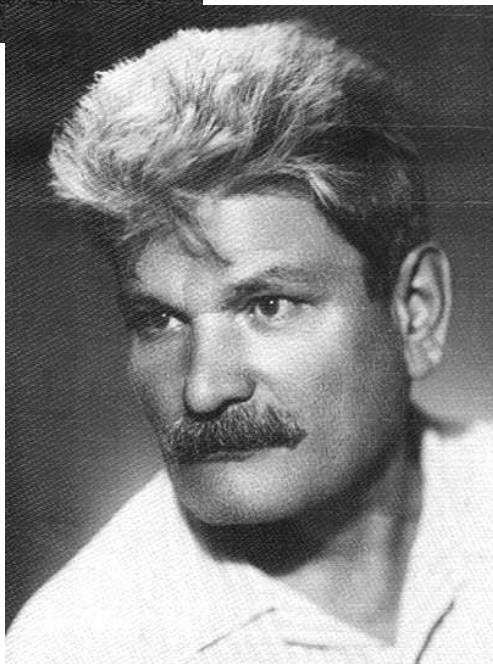
Флюков
Анатолий Яковлевич
(Антон Таёжный) –
подпольщик Иркутской
партийной организации.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 205.

Бердникова
Августа Васильевна
(т. Елена) – руководитель
Черемховской
партийной организации
в 1919–1920 гг. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 211.

Шумятский
Федор Васильевич –
участник борьбы
за власть Советов
в г. Иркутске, член
Военно-революционного
комитета. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 213.

Диев
Николай Климентьевич
– председатель
Нижнеудинского
военно-революционного
комитета. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 216.

Огнетов Степан Лукич
– первый организатор
иркутского подполья
в 1918 г. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 217.

Касаткин
Иван Михайлович
(Кепка) – член
Иркутского подпольного
комитета партии.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 221 а.

Бурсак
Иван Николаевич
– узник «Эшелона
смерти», активный
работник Иркутской
подпольной
организации. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 222.

Москалев
Павел Фёдорович –
один из руководителей
Иркутского подполья.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 234.

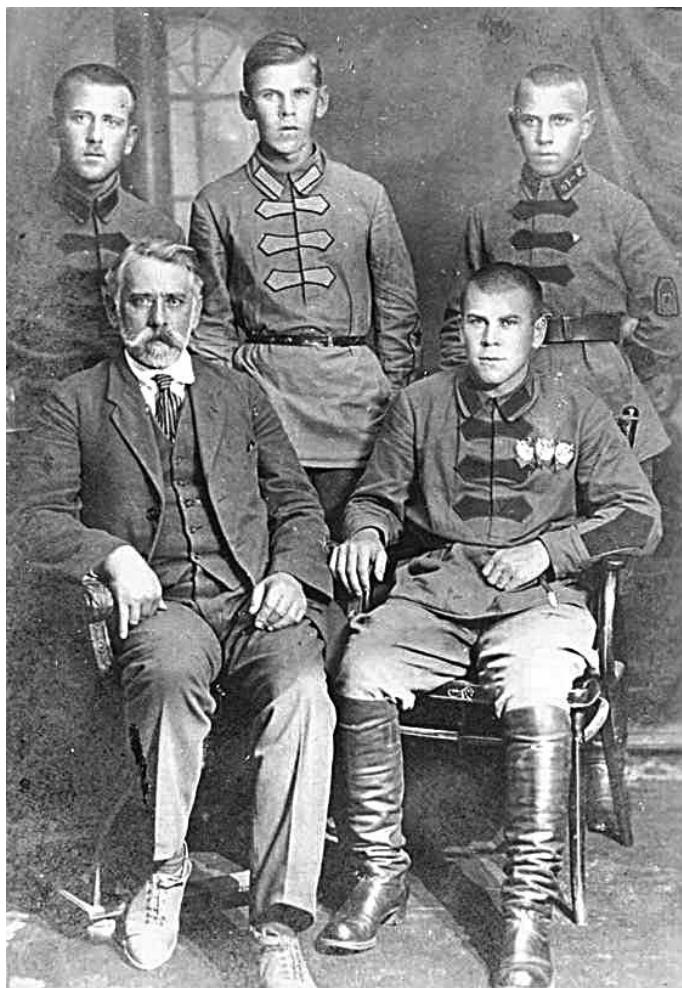
Явочная квартира подпольщика Павла Москалева
(предместье Марата), ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 233.

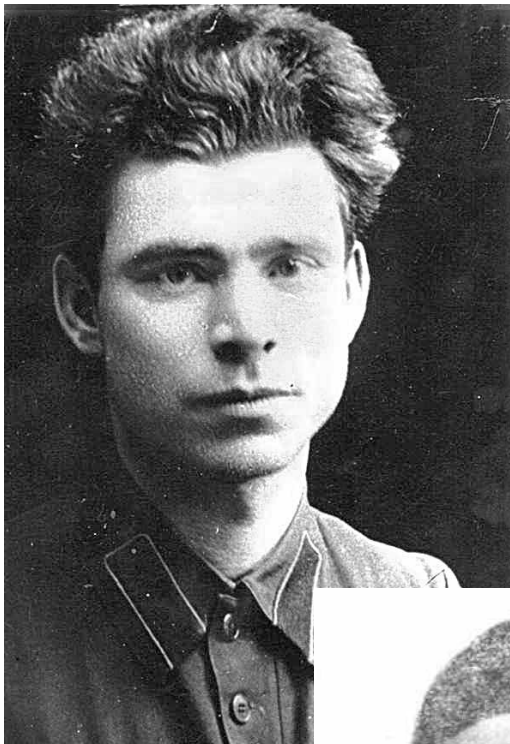
Явочная квартира Любы Литвиной и Доры Жирковой.
ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 235.

Наталевич Евстафий Степанович – активный участник борьбы за власть Советов в Нижнеудинске, комиссар уездной милиции (сидит первый слева). ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 239.

Семья Лапиных, сидят: отец Ян Гусавович, Альберт; стоят: Арнольд, Арвид и Альфред. ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 249.

Берман
Матвей Давыдович –
большевик-чекист,
председатель ГубЧК
в 1921 г. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 244.

Эдмунд Радо –
венгр, командир
интернационального
отряда. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 275.

Подпольщики Иркутской большевистской организации в период колчаковщины.

1. Буров. 2. Ширямов Александр. 3. Флюков Анатолий. 4. Букатый Василий. 5. Данилов Владимир. 6. Сноскарев.
 7. Бронштейн Моисей. 8. Козлов Александр. 9. Бурсак Иван. 10. Сурнов Иван. 11. Ербанов Михай. 12. Потапов Виктор.
 13. Москалёв Павел. 14. Гизукин Иван. 15. Бородко Митрофан. 18 а. Сируль Лиза. 19. Ширман Александра. 20. Ширман Тоня.
 21. Жиркова Дира. 22. Зейна Мильда. 23. Шахматова Зина. 24. Михачёв Гутя. 26. Орлова Д. 27. Залманова Фая.
- ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 261.

Ференц Пожони –
венгр, активный
участник борьбы с
колчаковщиной в
Братском районе.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 277.

Андор Шугар – участник
Декабрьского восстания
в г. Иркутске в 1919 г.
Секретарь Иркутского
уездного комитета
РКП(б). ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 278.

Группа партизан отряда Д. Е. Зверева (по центру сидит Зверев). ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 289.

Скобелев А. Н. –
Нижнеудинский
уездный военком.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 282.

Костычев
Владимир Кузьмич
– начальник штаба
Северо-Восточного
фронта. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 292.

Вимба Альфред Адамович – товарищ по поручению
Северо-Восточного фронта Сибири.
ГАНИИО. Фотофонд, Оп. 1 а. Ед. хр. 293.

Сидят слева направо: Наталевич Е. С., Дворянов Н. В.
Стоят слева направо: Тунгусков И., Спельге Я. 19.12.1921 г.
ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 295.

Молчанов Александр Георгиевич – командир 3-го партизанского полка Северо-Восточного фронта.
ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 296.

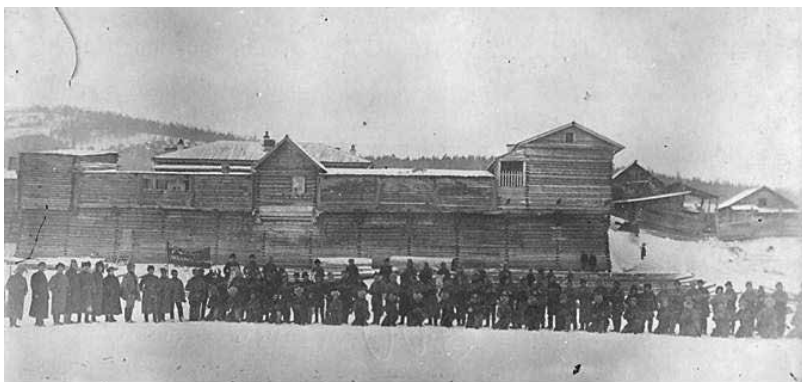
Шарич – политический комиссар 6-ой советской дивизии
Северо-Восточного фронта.
ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 297.

Военный совет Северо-Восточного фронта Сибири. ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 298.

Манифестация партизан Северо-Восточного фронта в с. Усть-Кут.
ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 299.

Маневры партизан Северо-Восточного фронта Сибири.
ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 300.

Заседание президиума Временного революционного краевого совета
Северо-Восточного фронта Сибири.
ГАНИИО. Фотофонд, Оп. 1 а. Ед. хр. 301.

Временный военно-революционный комитет с. Усть-Кут.
ГАНИИО. Фотофонд, Оп. 1 а. Ед. хр. 302.

Комендант с. Усть-Кут.
ГАНИИО. Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 303.

Связной и ординарец
Зверева Д. Е. Шмелев
Павел. ГАНИИО.
Фотофонд.
Оп. 1 а. Ед. хр. 304.

После боя. Партизаны на отдыхе в с. Усть-Кут.
ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 305.

Партизаны Прибайкалья. ГАНИИО. Фотофонд. Оп 1 а. Ед. хр. 306.

Группа партизан Восточного Забайкалья во главе с командующим фронтом Д. С. Шиловым. Сидят слева направо: адъютант Журавлёва Ковлов И. Н., командир 12-ого полка Черепанов М. Г., командующий фронтом Шилов Д. С., командир отряда Якимов М. М., командир 2-ого полка Фёдоров А. Я. Стоят справа налево: член агитпропа отряда Якимова Ушаков М. Г., начальник штаба фронта Киргизов С. С., адъютант штаба корпуса Лесков И. Е., член Алтогулайского военно-революционного штаба Фалилеев С. Н. ГАНИИО. Фотофонд. Оп. 1 а. Ед. хр. 371.

Р. С. Ф. С. Р.

Временный Центральный

У д о с т о в е р е н и е . -)

Военно-Революцион.

Совет

Северо-Восточного
Сибиря

5/III-1920 года

№ 362.

Край Дано сие тов. Владимиру Карловичу Б Р У М в том, что при противосоветском перевороте в Сибири, тов. Брум, как Советский работник состоявший с 20 февраля 1918 г. по 17 Июля 1918г. членом оценочной комиссии Тайшетского Совета вынужден был скрыться и уйти в организацию подпольной работы, каковая коротельными отрядами Красильникова и Трофимова была раскрыта и участники ее частью были арестованы и расстреляны, а часть успела скрыться в тайгу и организовать Партизанский отряд открывший по линии железной дороге Нижне-Удинск- Тайшет боевые действия наименовавшись Байорским фронтом. В июле 1919 года при формировании лучшего партизанского отряда назначенного с Байорского фронта на Ангару на борьбу с белыми, тов. БРУМ вышел в состав отряда, где участвовал в сильных боях при взятии Брайска и дер. Шеманово.

При возникшей необходимости созыва Краевого Военно-Революционного Съезда имевшегося в городе Илимске тов. Брум общим собранием партизан Брайского фронта был уполномочен и командирован представителем на Съезд.

При образовании из Съезда Временного Краевого Военно-Революционного Совета Северо-Восточного фронта тов. Брум был избран Председателем Совета на должности каковой находился с 8 ноября 1919г. по 27 декабря 1919 года.

При образовании 27 декабря 1919 года вместо Краевого Совета Временного Центрального Военно-Революционного Совета, Северо-Восточного края Сибири сформировавшегося Высшей Народной Военно-Революционной Властью территории Ангарского Края, Ленского края, Якутской области, Охотск, Камчатку, Сахалин, Приморскую область и часть Забайкалья, тов. Брум остался в должности Председателя Центрального Военно-Революционного Совета по 26 Января 1920 года, т.е. по день передачи всей полноты власти в освобожденном крае Сибири - Иркутскому Военно-Революционному Комитету и с 26 Января по 15 Марта состоял Председателем Комиссии по передаче дел Совета - Иркутскому Ревкому.

На последнем Пленарном заседании Совета по его самоотпуску, по протоколу тов. Бруму завсегда понесенные трудности и политическую работу, была вынесена единогласная благодарность и признательность, как передовому и главному руководителю Общего Революционного движения в крае.

Изложенное подписями и приложением Советской печати удостоверяется.-

п. п. За Председателя Центросовета Рубовский.

Секретарь Г у щ и н.-

С подлинным верно:

ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 509. Л. 1.

С П Р А В К А

Настоящая справка дана тов. МАЛЬЦЕВУ Афанасию Петровичу в том, что он действительно был красногвардейцем в 1918 году. При падении первой Соввласти в Сибири отступал вместе с бывш. Енисейским Губисполкомом и всей Красной Гвардией из гор. Красноярска на пароходах в июне месяце 1918 года в Туруханский Край.

Во время этого исторического отступления тов. МАЛЬЦЕВ нес весьма ответственный пост: накануне отступления пароходов вниз р. Енисея в Туруханский Край все лоцмана с отступающих пароходов сбегали и скрылись в городе, только тов. МАЛЬЦЕВ остался верным своему классу-пролетариату, остался на пароходе и, будучи лоцманом, взял на себя обязанность вести всю эскадру отступающих пароходов, что с честью выполнил свой долг, доведя благополучно всю эскадру до г. Туруханска.

Во время боя с белой карательной экспедицией вся отступающая советская эскадра пароходов была разбита, красногвардейцы и ваяты в плен и арестованы в месте с Губисполкомом; все были посажены в три лхтаров, в которых и доставлены в г. Красноярск.

При переводе с лхтаров в тюрьму весь актив Красной Гвардии был жестоко избит, в том числе и т. МАЛЬЦЕВ был избит до безсознания.

И так тов. МАЛЬЦЕВ был брошен в тюрьму, где просидел больше полгода и только при помощи уцелевших товарищей-профессионалов - Петрова Сидельникова и др. был взят из тюрьмы на поруки.

В 1920 году тов. МАЛЬЦЕВ участвовал в моих партизанских отрядах в качестве бойца по подавлению белогвардейского отряда полковника Алифорова. -

Районный
Бывш. Командир Енисейских красных партизан,
Член Партии с 1917г. Бобкин,
№ партбилета 0534170:
В е р н о: Управделами РИ ВП(6). *Иванов* (Васильев).

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
СОВЕТСКИХ ВОЙСК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФРОНТА

1/2 ноября 1919 г.

№ 562

*Ваше письмо
получено 26/11/1919 г.
С. С. С. С.*

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КРАЙСОВЕТ.

18
19

Довожу до вашего сведения адреса борцов
павших в бою, под Усть-Кутом, 13-го сего
ноября: 1/ МИНОВ, ЛАВРЕНТИЙ ФЕДОРОВИЧ -
Виленской губ., Дисенского у., Переродско-
вол., застенки Черновщина, 2/ ПОГОДАЕВ,
НИКОЛАЙ НИКИТИЧ и 3/ ПОГОДАЕВ, ИВАН
ФЕДОРОВИЧ - Иркутской губ., Киренского у.,
Н-Илимской вол., дер. Коробельникова,
4/ УСОВ ДИМИТРИЙ - Иркутской губ., Нижне-
Удинского у., Б-Мамырской вол., села того-
же, и 5/ РАИГО НИКОЛАЙ - Румынский в/п.,
адрес которого неизвестен. Адреса раненых
сообщить считаю ненужным, а если вы счита-
ете нужным, то можете справиться в лазаре-
тах.

Главного командующий

Начальник Штаба

Товарищ по поручению

Ваша команда
В. С. С.
В. С. С.